UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324496 9

LR
D 1324 B

Mordovtsev, Daniil Lukich

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ИСТОРИЧЕСКИХЪ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ, Кн. 49-50.

ДАНИЛЫ ЛУКИЧА МОРДОВЦЕВА

Polnoe sobranie istoricheskikh romanov ... pt. 49-50.

Кн. 49.

ПРОМЕТЕЕВО ПОТОМСТВО

РОМАНЪ ИЗЪ ИСТОРІИ ПОСЛѢДНИХЪ ДНЕЙ НЕЗАВИСИМОСТИ АБХАЗІИ.

494376
7.7.49

Издательство П. П. Сойкина
Типографія
Петроградъ, Стремянная, 12, собств. д.

PG
3467
M8
1914
Кн. 49-50

Mordoutsev, Daniil Lukich
... Полное собраніе историче
романовъ...
Кн. 49-50.
494376
7.7.49
Polnoe sobranie istorichesKikh
romanov... pt. 49-50

ПРОМЕТЕЕВО ПОТОМСТВО

Романъ изъ исторіи послѣднихъ дней независимости Абхазіи.

ЧАСТЬ I.

I.

Въ ясную лунную ночь 2-го мая 1808 года, между разбросанными по склону горы саклями аула Соуксу, любимой резиденціи владѣтелей независимой Абхазіи, по извилистой горной тропѣ шли два путника. Судя по одѣянію, это были абхазцы. Но богатые бешметы и оружіе, сверкавшее при лунномъ свѣтѣ серебромъ и дорогими каменьями, изобличали въ нихъ особъ высокаго званія. Одинъ изъ нихъ былъ старикъ, судя по сѣдымъ длиннымъ усамъ; однако и стройный, гибкій станъ, и юношеская легкость походки показывали, что сѣдое дитя горъ и дивной южной природы еще незнакомо съ приступами обидной старости. Другой былъ высокій, широкоплечій, съ перетянутой въ рюмочку таліей, молодой человѣкъ. Позади ихъ, въ почтительномъ отдаленіи, слѣдовали двѣ тѣни. То были ихъ нукеры.

Весенняя южная ночь дышала чудной красотой. Внизу, на гладкой поверхности моря, тянулась широкая серебристая полоса луннаго свѣта и упиралась въ самый берегъ, отъ котораго доносился легкій метрическій говоръ моря, строго-размѣренно набѣгавшаго на пологій берегъ и мелодично шуршавшаго его отполированными гальками. Отъ полуразрушенныхъ каменныхъ стѣнъ древняго монастыря, темнымъ остовомъ высившагося надъ Соуксу и его сѣрыми саклями, и отъ этихъ саклей, и отъ укрѣпленій спя-

щаго аула, и отъ стройныхъ пирамидальныхъ тополей и игловидныхъ кипарисовъ на кладбищѣ аула ложились черныя тѣни, точно ножемъ отрѣзанныя отъ освѣщенныхъ луною горъ, а среди нихъ, то тамъ, то здѣсь, теплились фосфорическимъ блескомъ свѣтящіеся червячки. Съ горъ по временамъ доносился однообразный какъ бы плачущій, крикъ ночной птицы, да мѣрно журчала черная рѣчка Соуксу, скатываясь къ морю по неровному каменистому ложу.

— Я радъ, что Арсланъ, наконецъ, исправился,—заговорилъ старикъ, прерывая молчаніе.—Хвала Аллаху!

— Да, отецъ, много онъ причинилъ намъ горя своимъ неповиновеніемъ и злобой,—сказалъ въ свою очередь молодой спутникъ.

— Ну, мой милый Баталъ, забудемъ старое: пусть оно покроется пепломъ забвенія... Теперь я спокойно могу управлять своимъ народомъ, не боясь нашествія ни кубанцевъ, ни турокъ. Въ союзѣ съ Россіей Абхазіи не страшенъ и самъ падишахъ. Посмотри, какъ храбрые слуги Бѣлаго царя урѣзываютъ полы бешметовъ и въ Турціи, и у Персіи. Я еще помню, когда Крымъ былъ подъ властною пятою падишаха. А теперь Крымъ—баштанъ Бѣлаго царя. Изъ Крыма къ берегамъ нашей дорогой Абхазіи плывутъ корабль за кораблемъ, и уже на мачтахъ у нихъ не полумѣсяцъ треплется на полотнищахъ, а оттуда глядитъ наша горная птица—орелъ, да еще съ двумя головами.

— Да, отецъ: одну отрубишь, другая останется,—улыбнулся тотъ, кого старикъ назвалъ Баталомъ.

— Скоро, пожалуй, и Анапу эта птица заклюетъ,—продолжалъ старикъ. — Да и Поти, думаю, скоро прикроютъ урусы своею шапкой, а то, чего добраго, и нашъ кунакъ, Кучукъ-бей, самъ протянетъ руку за этой шапкой, да за желтыми кругляками. Вотъ у падишаха и съ этой стороны будутъ отрѣзаны полы бешмета. А Персія? Развѣ съ Баба-хана, повелителя Ирана, урусы не снимаютъ съ ногъ чувяки? Какъ ни реви его левъ, а съ двухголовой птицей ему не справиться: она высоко летаетъ и смѣло смотритъ на солнце. А у Бѣлаго царя, говорятъ, и солнце никогда не заходитъ.

— Какъ такъ, отецъ?—удивился Баталъ.—Какъ не заходитъ солнце?

— Такъ и не заходитъ, мой милый Баталъ: у Бѣлаго царя столько земли, что когда онъ въ Петербургѣ ночью ложится спать, то за Сибирью уже встаетъ солнце, тутъ одни вечерній намазъ творятъ, а тамъ, другіе—утренній.

— Значитъ, у урусовъ и теперь день?

— У однихъ день, а у другихъ ночь. Теперь одни урусы видятъ мѣсяцъ вотъ этотъ, а другіе—солнце.

— Аллахъ, Аллахъ!—съ удивленіемъ воскликнулъ Баталъ.

— Вонъ и Наполеонъ ничего не могъ сдѣлать Бѣлому царю,—продолжалъ старикъ.—Пришелъ, постоялъ у порога его сакли, а черезъ порогъ не посмѣлъ переступить, двухголовая птица глаза бы ему выклевала.

Продолжая такимъ образомъ разговаривать, они подошли къ воротамъ укрѣпленія, при входѣ въ которыя стояло двое часовыхъ. При видѣ пришедшихъ, часовые отдали имъ честь и свободно пропустили ихъ въ ворота.

— Арсланъ-бей воротился?—спросилъ старикъ часового.

— Воротился, ваша свѣтлость,—былъ отвѣтъ.

Войдя въ ворота, пришедшіе повернули вправо по направленію къ длинному двухъярусному зданію, обнесенному галлереями съ покатыми навѣсами. Колонны, поддерживавшія навѣсы, обвиты были дикимъ виноградомъ, на темныхъ листьяхъ котораго трепеталъ лунный свѣтъ. Въ окнахъ виднѣлись огни.

— Зачѣмъ Арсланъ ѣздилъ въ Сухумъ, отецъ?—спросилъ Баталъ.

— Я посылалъ его за княземъ Бежаномъ.

— А развѣ онъ воротился изъ Мингреліи?

— Воротился, когда ты былъ въ Кодорѣ.

— А въ Поти когда ты пошлешь къ Кучукъ-бею и кого?

— Арслана съ Бежаномъ. Но отчего у нихъ кони не разсѣдланы?

Они подошли къ большому зданію и стали подниматься на галлерею.

— Ни одного нукера не видать у дверей! — проворчалъ старикъ.—Куда они пропали? Спятъ, что ли?

Онъ отворилъ дверь въ переднюю. Но въ этотъ моментъ изъ комнаты раздался выстрѣлъ, и Баталъ, слѣдовавшій за отцомъ, со стономъ повалился на полъ.

— Злодѣи! Кто здѣсь?—закричалъ старикъ, выхватывая изъ-за пояса кинжалъ и бросаясь впередъ.

Изъ комнаты послѣдовали четыре выстрѣла почти въ упоръ.

— Это я! — съ искаженнымъ лицомъ выступилъ впередъ худой, загорѣлый абхазецъ съ саблею наголо.

— Арсланъ! Сынъ мой!—простоналъ старикъ, хватаясь за сердце.

— Да, это я—сынъ твой, только блудный сынъ!—съ злораднымъ смѣхомъ отвѣчалъ злодѣй.—А вотъ тебѣ сыновній поцѣлуй!

И онъ саблею разсѣкъ черепъ старика-отца до самой переносицы.

— Алла! Алла!—въ предсмертной агоніи бормоталъ старикъ, поражаемый новыми сабельными ударами.

На шумъ и выстрѣлы изъ дальнихъ покоевъ прибѣжали двое юношей, стройныхъ какъ молодыя пальмочки, и остановились на порогѣ съ выраженіемъ ужаса на прелестныхъ лицахъ.

— Отецъ... братъ... о, Аллахъ!—безсвязно бормотали они.

— А! Братцы-змѣеныши... любимчики!—со злою улыбкою посмотрѣлъ на нихъ отцеубійца.—Бей ихъ, Бежанъ! Докончимъ, друзья, и этихъ змѣенышей-мстителей...

— Пусть мстятъ на томъ свѣтѣ,—сказалъ тотъ, кого назвали Бежаномъ, и тутъ же закололъ обоихъ юношей.

— А теперь айда!—сказалъ отцеубійца, вытирая окровавленную саблю о полы отцовскаго бешмета и торопливо вкладывая въ ножны.

И убійцы, ихъ было всего пять человѣкъ, быстро спустились съ галлереи, сѣли на лошадей и спокойно выѣхали изъ воротъ укрѣпленія мимо часовыхъ, ничего не подозрѣвавшихъ и, по обязанности, отдавшихъ честь злодѣямъ.

Еще не замеръ топотъ ихъ лошадей въ отдаленіи, какъ въ домѣ, въ которомъ совершены были четыре убійства, все поднялось на ноги въ страшномъ смятеніи: прислуга, вскочившая со сна, полураздѣтыя женщины, дѣти — все бѣжало къ мѣсту убійства.

— Аллахъ, Аллахъ! Что это! Гдѣ убійцы? Кто они?—вопили женщины.

— Арсланъ... братъ... Бежанъ Шервашидзе, — слабо простоналъ Баталъ, въ которомъ еще оставались признаки жизни.

II.

Такъ погибъ отъ руки старшаго своего сына, Арсланъ-бея, престарѣлый Келешъ-бекъ, владѣтель независимой Абхазіи, происходившій изъ древняго и знаменитаго рода князей Шервашидзе.

Абхазія—это дщерь той дивной, миѳической и исторической Колхиды, именемъ которой полна вся классическая древность. Это — жилище миѳической богини Эосъ, откуда каждое утро выѣзжалъ на небо, на своей огненной колесницѣ, лучезарный Геліосъ. Тамъ, по свидѣтельству Гомера, обитала и плѣнительная, «свѣтлокудрая дѣва Цирцея, богиня, сестра кознодѣя Айэта»; тамъ Беллерофонтъ состязался «съ равными по силѣ мужамъ амазонками»; тамъ, по словамъ Гезіода, въ его Ѳеогоніи, «Ѳемида родила Океану богатую водоворотами рѣку Ѳазисъ» (Ріонъ); тамъ хранились «лучевыя стрѣлы быстроногаго Геліоса въ золотыхъ покояхъ» и оттуда «божественный» Язонъ на своемъ быстроходномъ кораблѣ «Арго» привезъ «золотое руно», несмотря на всѣ козни Медеи. Тамъ,—говоритъ Эсхилъ въ своемъ «Прометеѣ,—этого, прикованнаго къ горамъ Кавказа, бога «оплакивали воинственныя, неустрашимыя дѣвы Колхиды и Океаниды», пока Геркулесъ не поразилъ своею стрѣлой орла, Зевсова палача, терзавшаго печень бога, похитившаго для смертныхъ частицу небеснаго огня. Туда, по свидѣтельству Геродота, заходилъ изъ Египта и Рамзесъ-Сезострисъ со своими полчищами. За этотъ дивный уголокъ земного шара проливали кровь и финикіяне, и египтяне, греки и римляне, воины Митридата и генуэзскіе наемники. Теперь, въ то время, когда начинается наше повѣствованіе, этимъ благодатнымъ уголкомъ Колхиды владѣли потомки первобытныхъ, полумиѳическихъ колховъ—князья Шервашидзе, прямые, быть можетъ, потомки боговъ «кознодѣя Айэта» и свѣтлокудрой сестры его, дѣвы Цирцеи. Такимъ, по крайней мѣрѣ, потомкомъ кознодѣя Айэта былъ «кознодѣй» Арсланъ-бей, предательски погубившій своего отца, Келешъ-бека, и трехъ родныхъ братьевъ.

Арсланъ-бей представлялъ собою историческій, можно сказать, коллективный типъ истаго абхазца, и составлялъ гордость своей родины. Это былъ такой отчаянный головорѣзъ, такой необыкновенный джигитъ и наѣздникъ, какіе рѣдко встрѣчаются даже въ самой Абхазіи, не говоря уже о другихъ горскихъ странахъ. По міросозерцанію абхазца—это былъ геній, о которомъ въ сосѣднихъ съ Абхазіею мѣстностяхъ слагались цѣлыя легенды. Разсказывали, что онъ былъ единственнымъ изъ смертныхъ, который одержалъ побѣду въ борьбѣ съ непобѣдимымъ «духомъ горъ». Духъ этотъ является въ видѣ ослѣпительной красоты дѣвушки, которая, какъ ея прародительница Цирцея, завлекаетъ въ свои сѣти мужчинъ и губитъ ихъ своими ласками, своею любовью; тѣхъ же, которыхъ она не можетъ побѣдить обаяніемъ своихъ прелестей, эта ненасытная красавица терзаетъ въ клочки. Но только съ Арсланъ-беемъ она ничего не въ состояніи была сдѣлать. Разсказывали, что Арсланъ-бей, возвращаясь однажды съ охоты черезъ глухой, непроходимый лѣсъ, наткнулся на это прелестное, но опасное чудовище, на «духа горъ». Это была очаровательная, золотокосая дѣвушка съ бирюзовыми глазами. Роскошная шелковистая коса окутывала ее всю, точно золотою буркой. При видѣ Арсланъ-бея, красавица движеніемъ рукъ откинула косы за плечи и явилась во всей своей чарующей наготѣ, прикрытой только... тѣнью отъ густолиственной чинары. Увидѣвъ эту поразительную красоту, Арсланъ-бей застылъ и онѣмѣлъ отъ изумленія и восторга. Красавица медленно приближалась къ нему, маня къ себѣ очаровательною улыбкою и выразительными жестами, которые опьянили безстрашнаго абхазца. Онъ не могъ сдвинуться съ мѣста и оторвать глазъ отъ поразительной красоты, какой онъ въ жизнь свою не видалъ, даже не воображалъ о возможности такой красоты на землѣ. Подойдя къ нему, юная Цирцея молча и съ улыбкой поднесла къ его лицу свои маленькія ручки съ растопыренными розовыми пальчиками. Тутъ только опомнился Арсланъ-бей. Онъ понялъ, что красавица, показывая ему всѣ десять розовыхъ пальчиковъ, требовала десяти лѣтъ сожительства съ нею. Арсланъ-бей отрицательно покачалъ своей курчавой головой. Тогда красавица пригнула одинъ пальчикъ, предлагая девять лѣтъ сожительства. Арсланъ-бей снова выра-

вилъ молчаливое отрицаніе. Красавица стала пригибать пальчикъ за-пальчикомъ, умѣряя свои требованія; но, по мѣрѣ отрицаній со стороны Арсланъ-бея, очаровательное личико ея становилось все болѣе зловѣщимъ. Арсланъ-бей понялъ, что она сейчасъ растерзаетъ его, и предупредилъ ея нападеніе. Онъ моментально схватилъ небольшую прядь ея шелковистыхъ волосъ, далъ шпоры своему коню и исчезъ съ быстротою молніи, унося съ собой волосы «духа горъ», какъ талисманъ своей жизни.

Съ самаго ранняго дѣтства, можно сказать, даже съ самаго младенчества Арсланъ-бей привыкъ обращаться съ оружіемъ. Едва онъ началъ ходить, какъ выпросилъ у мужа своей кормилицы кинжалъ, и съ тѣхъ поръ это оружіе стало единственной любимой его игрушкой. Едва мало-мальски окрѣпли его младенческія ножки, какъ онъ уже крѣпко держался на сѣдлѣ и, вцѣпившись, словно клещъ, своими маленькими ручками въ гриву коня, бѣшено скакалъ по аулу, возбуждая удивленіе взрослыхъ абхазцевъ. Воспитываясь, по обычаю всѣхъ абхазскихъ княжескихъ родовъ, не при дворѣ отца, въ резиденціи Келешъ-бека, а въ горномъ аулѣ своей кормилицы, онъ вмѣстѣ съ ея мужемъ и старшими сыновьями, еще въ дѣтствѣ исколесилъ всѣ горы и равнины Абхазіи, съ дѣтства научился переплывать черезъ бурныя рѣки своей родины, черезъ Кодоръ, Бзыбъ, Интуръ, Ріонъ и бороться съ яростными волнами Чернаго моря. Тутшугъ, мужъ его кормилицы, воспиталъ въ молодомъ принцѣ истиннаго героя по понятіямъ абхазцевъ, отчаяннаго разбойника и, нечего грѣха таить, геніальнаго вора. Юный принцъ, вмѣстѣ съ своими молочными братьями, такими же головорѣзами, скоро началъ дѣлать ночные и дневные набѣги на Гурію и Мингрелію, пригонялъ оттуда табуны лошадей, стада буйволовъ, нерѣдко привозилъ взятыхъ въ плѣнъ гурійскихъ дѣвушекъ и дѣтей,—и всю эту богатую военную добычу щедро раздавалъ своимъ купакамъ по аулу, а тѣ съ благодарностью принимали лошадей и буйволовъ, а красивыхъ дѣвушекъ продавали въ турецкіе гаремы, иногда за огромныя цѣны.

Не удивительно, что абхазцы боготворили молодого принца и видѣли въ немъ гордость своей дикой страны. Окончивъ такимъ блистательнымъ образомъ свое, можно сказать, абхазское

университетское образованіе, Арсланъ-бей долженъ былъ возвратиться ко двору своего отца, въ аулъ Соукеу. Съ громкимъ плачемъ провожала кормилица своего обожаемаго вскормленника. Весь аулъ Чичи, въ которомъ воспитывался Арсланъ-бей, вышелъ на проводы молодого принца, и всѣмъ казалось, что ихъ гордость, ихъ слава, ихъ ясное солнышко навсегда покидаетъ ихъ. Проводы сопровождались залпами изъ ружей и печальною, словно похоронною, музыкой. Юныя красавицы аула, дѣвочки двѣнадцати-тринадцати лѣтъ, поголовно влюбленныя въ молодого героя, тайно утирали предательскія слезы. Но больше всѣхъ плакала прелестная Дида, молочная сестра Арсланъ-бея и его сверстница, съ которой когда-то одновременно они сосали грудь: онъ—своей кормилицы, она—своей матери. У Диды глаза распухли отъ слезъ. Она знала, что ей больше ужъ не ходить въ ту горную пещеру, увитую дикимъ виноградомъ, куда она съ одиннадцати лѣтъ ходила на свиданье съ Арсланъ-беемъ почти каждую ночь, если только онъ не предпринималъ ночныхъ поѣздокъ въ Гурію или въ Имеретію. Одиннадцати лѣтъ она узнала, что любитъ его не какъ молочнаго брата, а какъ... она сама не знала, какъ... Но онъ былъ ей дороже всего на свѣтѣ—дороже жизни. Поцѣлуи ея родныхъ братьевъ были для нея то же, что поцѣлуй матери и дѣвочекъ-сверстницъ; но объятія, поцѣлуи и ласки Арсланъ-бея палили ее зноемъ, и она горѣла отъ нихъ, какъ на сладкомъ огнѣ, дрожала, какъ отъ лихорадочнаго озноба. Мало того, она ревновала его ко всѣмъ дѣвочкамъ аула: она блѣднѣла и страдала, когда онъ глядѣлъ или заговаривалъ съ которою нибудь изъ нихъ. Пламенный темпераментъ юга такъ рано разбудилъ женщину въ этой дѣвочкѣ, что уже въ двѣнадцать лѣтъ, узнавъ отъ матери, что въ раю Магомета, на томъ свѣтѣ, правовѣрнымъ мужчинамъ будутъ прислуживать и услаждать ихъ чувственность прелестныя гуріи, она терзалась мыслью, что и ея Арсланъ-бей будетъ въ раю окруженъ гуріями и будетъ отдавать имъ свои ласки.

Теперь, когда Арсланъ-бей долженъ былъ уѣхать ко двору своего отца, Дида обезумѣла отъ горя. Ночью, наканунѣ его отъѣзда, когда они въ послѣдній разъ сошлись въ своей горной пещерѣ, Дида, ласкаясь къ своему возлюбленному, какъ тигренокъ, до того предавалась отчаянію, такъ безумно проявляла свои чувства, и неудержимую, жгучую страстность, и ужасъ

разлуки, что Арсланъ-бей сталъ опасаться за ея разсудокъ и за ея жизнь. Когда, поцѣловавъ ее въ послѣдній разъ, онъ, измученный взаимными ласками и потрясенный страданіями любимой дѣвочки и жалостью къ ней, выходилъ изъ пещеры, Дида, обвивъ его шею своими гибкими ручками и неудержимо рыдая, безумно шептала: «ты мой, ты мой! возьми меня съ собой, возьми меня въ рабыни!».. Такъ онъ донесъ ее на рукахъ до самаго аула; но, спуская съ рукъ на землю, онъ услышалъ ея рѣшительный шопотъ: «Я прибѣгу къ тебѣ въ Соуксу... Жди меня... Безъ тебя я умру!»

Утромъ, въ часъ разлуки, Дида держала себя мужественно; только припухшіе прекрасные глаза ея изобличали, что дѣвочка много плакала. И не удивительно: отъѣзжавшій молодой принцъ былъ ея молочный братъ, а о немъ неутѣшно плакала и ея мать, плакалъ почти весь аулъ. Арсланъ-бей выѣхалъ изъ аула Чичи въ сопровожденіи блестящей свиты изъ дворянъ и конвоя изъ нукеровъ. Шумный и пестрый кортежъ молодого принца увеличили почти всѣ обитатели аула, способные носить оружіе. Въ Соуксу Келешъ-бекъ принялъ своего сына съ подобающею торжественностью и задалъ блестящій пиръ, на которомъ собрались всѣ родственники бека, почти всѣ князья и дворяне Абхазіи, и всѣ кунаки молодого принца изъ аула Чичи, который, черезъ воспитаніе у себя Арсланъ-бея, считался породнившимся съ владѣтельнымъ домомъ Абхазіи. Пиръ продолжался три дня, и для этого торжества сложили свои головы чуть ли не цѣлыя стада барановъ, куръ, каплуновъ, индѣекъ и дикихъ козъ. Дикая музыка неумолкаемо гремѣла, пищала, визжала и завывала съ утра до вечера. Но торжественные дни скоро миновали. Послѣ окончанія національнаго образованія въ горахъ, образованія чисто разбойничьяго, молодому наслѣднику владѣтельнаго дома Абхазіи надлежало дать и гражданское, такъ сказать, государственное образованіе. Арсланъ-бея засадили за грамоту, просто за турецкую и арабскую азбуку. Началось скучное время. Новая наука не такъ легко давалась юному джигиту, какъ наука набѣговъ, разбойничества, воровства и убійствъ. Буквы въ турецкой и арабской азбукахъ казались ему какими-то безобразными чудовищами, которыхъ онъ не умѣлъ отличить одно отъ другого, и которыя, казалось, прыгали передъ его глазами и издѣвались надъ нимъ, такъ что онъ со злобой

«выкалывалъ имъ глаза» своимъ кинжаломъ. Надо было покупать новыя азбуки, а Арсланъ-бей обходился съ ними, какъ и со старыми: безжалостно казнилъ ихъ, разрубалъ шашкой, стрѣлялъ въ нихъ изъ пистолета.

Отецъ сначала снисходилъ къ дикимъ вспышкамъ своего первенца, прощалъ ему разстрѣлянныя азбуки, потомъ сталъ сердиться, отбиралъ у него оружіе, наконецъ, наказывалъ. Но все это только ожесточало необузданнаго юнаго дикаря. Онъ грубо обращался со своимъ наставникомъ, старымъ муллою; но тотъ все терпѣлъ. Однако, и его терпѣнію наступилъ конецъ. Желая убѣдиться, знакомы ли его юному воспитаннику всѣ буквы арабскаго алфавита, мулла развернулъ передъ нимъ Коранъ и сталъ экзаменовать своего непослушнаго ученика. Арсланъ-бей путалъ буквы, показывалъ не тѣ, какія у него спрашивалъ учитель, и, наконецъ, взбѣшенный своею непонятливостью, наплевалъ на Коранъ. Мулла пришелъ въ ужасъ и пожаловался Келешъ-беку. Терпѣніе послѣдняго истощилось, и онъ посадилъ буйнаго сына подъ стражу въ крѣпостной башнѣ.

Но на утро ни Арсланъ-бея, ни приставленнаго къ нему часового не оказалось въ башнѣ. Исчезли изъ конюшни и два лучшихъ скакуна. Юный бѣглецъ очутился въ аулѣ своей кормилицы, и Дида едва снова не сошла съ ума отъ радости. Взбѣшенный Келешъ-бекъ разослалъ гонцовъ во всѣ концы Абхазіи для поимки непокорнаго сына, но тотъ какъ въ воду канулъ. Обожаемый всѣмъ населеніемъ страны за свои наѣздническіе подвиги, за свою щедрость, идолъ Абхазіи и ея будущая гордость, Арсланъ-бей вездѣ находилъ радушный пріемъ и укрывательство. Каждый абхазецъ считалъ за счастье видѣть у себя дорогого и именитаго гостя; а выдать своего гостя и притомъ такого гостя, какъ Арсланъ-бей, да это было бы больше, чѣмъ преступленіемъ, это было бы величайшимъ святотатствомъ! Много лѣтъ такимъ образомъ пропадалъ Арсланъ-бей. Онъ собралъ около себя небольшую партію самыхъ отчаянныхъ молодыхъ абхазскихъ князей и джигитовъ и со всею необузданностью страсти предался дерзкимъ набѣгамъ на пограничныя области Гуріи, Мингреліи и Имеретіи. Онъ появлялся и въ турецкихъ владѣніяхъ за Ріономъ и за Поти, и среди кубанскихъ горцевъ, и около Анапы. Нерѣдко онъ набиралъ партіи смѣльчаковъ среди черкесовъ, подъ самымъ Эльборусомъ; вихремъ налеталъ на казац-

кія станицы за Кубанью, неоднократно врывался въ Кисловодскъ, въ Пятигорскъ и всегда возвращался съ богатой добычей, которую почти цѣликомъ всегда отдавалъ своимъ союзникамъ. Часто въ этихъ набѣгахъ его сопровождала юная Дида, лихая наѣздница, и никто, кромѣ ея отца Тугшута и братьевъ, не догадывался, что подъ красивымъ одѣяніемъ молоденькаго джигита, обвѣшаннаго дорогимъ оружіемъ, скрывается нѣжное тѣло молоденькой и прелестной дѣвушки. Весной 1806 года Арсланъ-бей сдѣлалъ нападеніе на Кисловодскъ, вмѣстѣ съ карачаевцами, и едва не похитилъ царевну Дареджану, прелестную дочь послѣдняго царя Имеретіи, Соломона II, катавшуюся въ окрестностяхъ Кисловодска съ своею пріятельницею, юною принцессою Геоухеръ, дочерью владѣтеля Карабага, Ибрагимъ-хана, и только быстрота карабахскихъ коней спасла хорошенькихъ наѣздницъ отъ рукъ отчаяннаго абхазца.

Такъ продолжались смѣлыя похожденія Арсланъ-бея до начала 1808 года. Въ это время до него достигла вѣсть, что Келешъ-бекъ лишилъ его наслѣдства, а преемникомъ по себѣ и будущимъ владѣтелемъ Абхазіи назначилъ второго своего сына, Сеферъ-Али-бея. Узнавъ объ этомъ, Арсланъ-бей рѣшилъ погубить и отца, и ставшаго ему на дорогѣ брата. Съ этою цѣлью онъ притворно принесъ отцу повинную, явился къ нему въ Сукеу со всѣми знаками раскаявшагося преступника: по обычаю горцевъ, онъ пришелъ на дворъ своего отца съ висѣвшею на шеѣ саблею. Это означало, что виновный отдаетъ повинную голову на казнь, пусть собственная родительская сабля рубитъ преступную голову.

Келешъ-бекъ простилъ блуднаго сына... Мы уже видѣли, что изъ этого вышло.

III.

Вѣсть о трагической смерти Келешъ-бека и двухъ его младшихъ сыновей быстро облетѣла всю Абхазію. Партія князей и дворянъ, раздѣлявшая политическія симпатіи стараго бека относительно сближенія съ Россіею, была глубоко потрясена этою печальною вѣстью и возмущена гнуснымъ злодѣяніемъ отцеубійцы и братоубійцы. Но болѣе молодые элементы этой, тогда еще вполнѣ азіатской и дикой страны, большинство абхазской

молодежи, отчаянные джигиты и наѣздники, для которыхъ набѣги и разбои были родною стихіей, эти охотнѣе склонялись въ сторону Арсланъ-бея, подъ начальствомъ котораго въ послѣдніе годы ими совершено было немало возмутительныхъ злодѣяній, понимаемыхъ ими, какъ блистательные военные подвиги. Люди съ болѣе здравыми понятіями, узнавъ о смерти Келешъ-бека, спѣшили въ Соуксу, чтобы почтить память погибшаго владыки Абхазіи, выразить свое соболѣзнованіе его семейству и негодованіе виновнику общаго горя, который, по совершеніи преступленія, поспѣшилъ съ своими приверженцами въ Сухумъ-Кале и заперся въ тамошней крѣпости, проклиная свою неудачу.

А неудача его состояла въ слѣдующемъ. Зная, что онъ лишенъ своимъ строгимъ отцомъ наслѣдства въ пользу Сеферъ-Али-бея, онъ хотѣлъ разомъ покончить и съ отцомъ, и съ братомъ-наслѣдникомъ, чтобъ самому завладѣть престоломъ Абхазіи. Но оказалось, что, въ моментъ прибытія его съ своими соучастниками въ Соуксу для совершенія двойного убійства, Сеферъ-Али-бея не оказалось въ Соуксу. Въ этотъ самый вечеръ, за нѣсколько часовъ до пріѣзда Арсланъ-бея въ Соуксу, Сеферъ-Али-бей уѣхалъ со своей женой въ Мингрелію. Дѣло въ томъ, что онъ былъ женатъ на мингрельской княжнѣ, на родной сестрѣ бывшаго владѣтеля Мингреліи, Григорія Дадіана, и притомъ такъ, что главную тайну романа, кончившагося бракомъ, не зналъ въ Абхазіи никто, даже самъ Арсланъ-бей. Тайна эта была извѣстна только двумъ лицамъ: Григорію Дадіану и его женѣ, княгинѣ Нинѣ Георгіевнѣ. Тайна эта состояла въ слѣдующемъ. Сеферъ-Али-бей, часто бывая въ Мингреліи у князей Дадіановъ, еще юношей влюбился въ сестру князя Григорія, въ большеглазую рѣзвушку княжну Тамару. Дѣвочка, какъ большинство южныхъ женщинъ, которымъ знойное солнце юга прививаетъ и знойный темпераментъ, пламенно съ своей стороны полюбила красиваго абхазца и ни за кого не хотѣла выходить замужъ. Никто сначала не зналъ причины ея упорства, но кормилица княжны, души въ ней не чаявшая, разгадала ея тайну: оказалось, что Тамара думаетъ только о Сеферъ-Али-беѣ. Узналъ объ этомъ и князь Григорій, узнала и княгиня Нина. Но какъ быть? Бракъ Тамары и Сеферъ-бея—немыслимъ: Тамара—христіанка, а Сеферъ-бей—мусульманинъ. Но всемогущая любовь побѣдила требованія религіи. Сеферъ-Али-бей тайно принялъ

крещеніе и былъ нареченъ Георгіемъ, княземъ Шервашидзе, это историческая фамилія владѣтельнаго дома Абхазіи. Именно въ вечеръ, предшествовавшій убійству Келешъ-бека, Сеферъ-Алибей и Тамара уѣхали изъ Соуксу къ княгинѣ Нинѣ, владѣтельницѣ Мингреліи, на праздникъ ея рожденія. Это-то случайное обстоятельство и спасло Сеферъ-бея отъ руки братоубійцы. Къ нему въ ту же ночь отправлены были гонцы съ печальною вѣстью объ ужасномъ событіи въ Соуксу, и Сеферъ-бей съ Тамарою немедленно возвратились съ дороги. Когда они прибыли въ Соуксу, то встрѣчены были въ аулѣ такимъ ужасающимъ воемъ, такими дикими воплями и ревомъ причитаній всѣхъ обитателей аула, что, казалось, наступило свѣтопреставленіе. Но это было только обычное, традиціонное выраженіе общественной скорби. Женщины рвали на себѣ волосы, царапали лица ногтями до крови; мужчины били себя по лицу, ударяли кинжалами въ грудь. Народъ, для котораго убійство «простое тѣлодвиженіе», которому смерть кажется только лишеніемъ возможности владѣть кинжаломъ, этотъ народъ проявлялъ неудержимое обрядовое оплакиванье покойниковъ. Это былъ естественный взрывъ южнаго пламеннаго темперамента, ни въ чемъ не знающаго мѣры.

Этотъ неистовый вопль и эти ужасныя картины дикаго самобичеванія встрѣтили Сеферъ-бея и Тамару у крыльца и въ самомъ дворцѣ. Тѣла убитыхъ уже выставлены были въ пріемномъ покоѣ. Они покоились на возвышеніяхъ, покрытыхъ желтымъ сукномъ—цвѣтъ глубокаго траура. Келешъ-бекъ лежалъ на переднемъ возвышеніи. Лобъ его перевязанъ былъ бѣлой чадрой съ вышитыми золотомъ изреченіями изъ Корана. Эта повязка представляла подобіе чалмы и до половины скрывала ужасный разрубъ черепа и лба, произведенный саблею Арсланъ-бея. На меньшихъ возвышеніяхъ, справа и слѣва, какъ бы прижимаясь къ отцу, покоились два молоденькихъ, миловидныхъ мальчика, младшіе сыновья Келешъ-бека. Вопли и стенанія встрѣтили Сеферъ-бея и Тамару при входѣ въ покой, гдѣ лежали близкіе имъ покойники. Здѣсь ожидала ихъ еще болѣе трогательная, душу раздиравшая, картина. Дочери Келешъ-бека, молоденькія княжны, а также невѣстки, жены младшихъ братьевъ Сеферъ-бея: Хассанъ-бея, Баталъ-бея и Таяръ-бея, облеченныя въ трауръ, непремѣнно желтый, съ распущенными косами, обрѣзывали съ воплемъ пряди своихъ роскошныхъ волосъ и, словно

черными цвѣтами, покрывали ими тѣла отца, братьевъ, свекра и юныхъ деверьевъ.

Въ этотъ моментъ, со двора донеслись еще болѣе дикія завыванія. Оказалось, что это явились изъ своихъ ауловъ кормилицы трехъ жертвъ Арсланъ-бея. Кормилица въ Абхазіи—лицо почти священное. Посредствомъ своихъ кормилицъ, абхазскіе князья не только поддерживали тѣсную связь съ народомъ, но при помощи кормилицъ пріобрѣтали и власть, и силу въ странѣ. Каждое новорожденное дитя, мальчика и дѣвочку, тотчасъ же сдаютъ на руки кормилицѣ изъ какого-нибудь аула, и тогда не только семья кормилицы, ея родные, но и обитатели всего аула считаются какъ бы породнившимися съ княземъ и дѣлаются его вѣрнѣйшими слугами и союзниками: идутъ съ нимъ на войну, поддерживаютъ его въ распряхъ съ другими князьями и вообще готовы умерсть за него. Мало того, отдавая своихъ дѣтей на воспитаніе не только абхазцамъ, но также черкесамъ, джигетамъ, убыхамъ и другимъ горнымъ народамъ, фамилія Келешъ-бека-Шервашидзе находила крѣпкую поддержку у всѣхъ этихъ народовъ, которые во время войнъ Абхазіи съ сосѣдями высылали подъ знамена владѣльцевъ князей Шервашидзе отборнѣйшія и храбрѣйшія дружины. Теперь, когда вѣсть о гибели Келешъ-бека и его двухъ младшихъ сыновей облетѣла Абхазію, кормилицы убитыхъ князей явились, каждая со своимъ родомъ и цѣлымъ ауломъ, оплакивать жертвы злодѣйства. Онѣ-то и издавали теперь на дворѣ страшные вопли, стоны и проклятія убійцѣ. Первою ввели подъ руки въ траурный покой необыкновенно дряхлую, страшную старуху, которая неистово рвала сѣдыя космы своихъ все еще густыхъ волосъ, и когтями царапала залитое кровью лицо. Она уже не могла вопить и причитать, потому что отъ плача и проклятій совершенно потеряла голосъ, и только хриплые звуки вылетали изъ ея обезсиленной груди. Это была, оставшаяся еще въ живыхъ, почти столѣтняя кормилица самого Келешъ-бека. Всѣ разступились, давая ей дорогу къ мертвецу. Подведенная къ нему, она, увидавъ на лбу князя страшный знакъ отъ разруба саблею, подняла къ небу руки, прохрипѣла какое-то страшное проклятіе убійцѣ, и припала, какъ пластъ, къ мертвому тѣлу своего владѣтельнаго вскормленника.

За нею вошли двѣ другія кормилицы и также съ воплемъ прилипли къ тѣламъ юныхъ князей. Снова нечеловѣческій крикъ

донесся со двора. Среди воплей и гула голосовъ можно было различить только: «Баталъ-бей! Баталъ-бей!» Это явилась со своимъ родомъ и ауломъ его кормилица, до которой дошелъ слухъ, что и ея вскормленникъ убитъ. Но Баталъ-бей не былъ убитъ; онъ былъ только тяжело раненъ, и теперь лежалъ въ особой комнатѣ, и за нимъ заботливо ухаживала его молоденькая жена и нѣсколько рабынь.

— Что же не видать остальныхъ сыновей бека, Хассанъ-бея и Таяръ-бея?—спрашивали находившіеся на галлереѣ посѣтители.—Неужели и они бѣжали съ убійцей?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ одинъ изъ нукеровъ покойнаго бека,—Хассанъ-бей и Таяръ-бей добрые сыновья; а ихъ теперь нѣтъ въ Соуксу; они у князя Манучара Шервашидзе, въ его старомъ замкѣ; они на-дняхъ отправились къ нему на охоту.

— Но вотъ и они,—сказалъ другой нукеръ, указывая на трехъ всадниковъ, въѣхавшихъ на дворъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ джигитовъ.

Это были, дѣйствительно, князь Манучаръ Шервашидзе и два сына Келешъ-бека, Хассанъ-бей и Таяръ-бей, спѣшившіе къ убитому отцу и братьямъ. Князь Манучаръ сразу замѣтилъ, что всѣ бывшіе во дворѣ бека смотрѣли на него съ нескрываемою непріязнью. Онъ не могъ не знать причины этой непріязни: вѣдь родной братъ его, князь Бежанъ Шервашидзе, участвовалъ въ злодѣйскомъ умерщвленіи Келешъ-бека и двухъ его сыновей. Поэтому онъ какъ бы самъ чувствовалъ себя причастнымъ къ преступленію и уже дорогой обдумалъ, какъ поступить въ этихъ критическихъ для Абхазіи обстоятельствахъ и чѣмъ помочь Сеферъ-бею, съ которымъ онъ лично былъ и въ дружбѣ, и въ свойствѣ, потому что женатъ былъ на дочери владѣтельницы Мингреліи, Нинѣ Георгіевнѣ, свѣтлѣйшей княгинѣ Дадіанъ. Поэтому, тотчасъ при входѣ въ траурный покой вмѣстѣ съ Хассанъ-беемъ и Таяръ-беемъ, князь Манучаръ публично выразилъ глубокую скорбь о страшномъ ударѣ, поразившемъ владѣтельный домъ его родины, и глубочайшее негодованіе гнусному виновнику общаго несчастія. Затѣмъ онъ тотчасъ же попросилъ Сеферъ-бея пойти въ отдѣльную комнату, чтобъ немедленно переговорить о томъ, что имъ слѣдуетъ предпринять.

— Ты что намѣренъ дѣлать, бѣдный Сеферъ? — спросилъ онъ, когда они остались вдвоемъ.

— Я и самъ не знаю, милый Манучаръ; я совсѣмъ потерялъ голову,—отвѣчалъ убитый горемъ Сеферъ-бей, еще не успѣвшій прійти въ себя послѣ всего случившагося.

— Помни, убійца не будетъ медлить,—сказалъ Манучаръ,— участь твоего отца ожидаетъ и тебя, и все твое семейство.

— Знаю... Что же мнѣ дѣлать?

— Я слышалъ, что покойный отецъ твой, да будетъ священна его память, назначилъ тебя, помимо Арсланъ-бея, наслѣдникомъ и владѣтельнымъ княземъ Абхазіи

— Да, меня.

— Гдѣ же духовное завѣщаніе?

— Оно здѣсь, въ этомъ столѣ,—отвѣчалъ Сеферъ-бей, указывая на ящикъ массивнаго стола съ инкрустаціями, на ящикъ съ секретнымъ отдѣленіемъ.

— Хорошо... Надо тотчасъ же прочитать публично и показать собравшимся здѣсь князьямъ и всѣмъ абхазцамъ это завѣщаніе. Я прочитаю его самъ на галлереѣ, а потомъ мулла прочтетъ въ мечети. Но этого мало. Арсланъ-бей уже сносился тайно съ владѣтелемъ Поти, съ Кучукъ-беемъ, мнѣ эту тайну продали. Арсланъ-бей заручится помощью Кучукъ-бея и турокъ, и тогда мы всѣ погибли съ нашею бѣдною Абхазіей.

— Что же намъ дѣлать? Какъ спастись?—безсильно проговорилъ Сеферъ-бей.

— Одно спасеніе—Россія...

— Мнѣ и отецъ объ этомъ говорилъ...

Ихъ совѣщанію не суждено было окончиться: надъ злополучнымъ домомъ властителя Абхазіи разразилось новое несчастіе.

IV.

Въ комнату, гдѣ находились Сеферъ-Али-бей и князь Манучаръ Шервашидзе, съ глухимъ стономъ вошла старая Кана. Это была почетная нянька и домоправительница Келешъ-бека, которая завѣдывала хозяйствомъ бека послѣ смерти его жены. Старая Кана была строгая блюстительница обычаевъ своей страны и ея обрядовымъ распоряженіямъ повиновался даже покойный Келешъ-бекъ. Старуха, охая, стоная и ломая руки, вошла въ комнату съ саблею, повѣшенною на шеѣ.

— О, господинъ!—стонала она.—Возьми саблю... Руби мою старую голову... О-о!

— Что съ тобой, Кана?—изумился и испугался Сеферъ-бей.

— О, о! Руби мою недостойную голову, руби! — стонала старуха.

— Да что случилось? Говори толкомъ!—подошелъ къ ней князь Манучаръ.

— О, я потеряла мою проклятую голову... Когда господина моего и его двухъ мальчиковъ не стало, о! всели ихъ, Аллахъ, въ раю пророка, когда ихъ не стало, я потеряла голову... да будетъ она проклята!

— Ну, и что же?—нетерпѣливо остановилъ ее Сеферъ-бей.

— Я забыла, господинъ, опоясать домъ... О, горе, горе!

— Какъ опоясать домъ? Зачѣмъ?—удивился Манучаръ.

— О, господинъ! Ты вѣрно выросъ въ чужой странѣ... не знаешь, что домъ надо было опоясать...

— Чѣмъ опоясать, для чего?

— Тесьмой шелковой опоясать, господинъ, это всегда надо дѣлать, чтобы ангелъ смерти не унесъ кого-либо еще въ подземное царство.

Это повѣрье, дѣйствительно, существовало и по настоящее время существуетъ въ Абхазіи. Если кто умираетъ въ домѣ, то этотъ домъ тотчасъ же опоясываютъ шелковой тесьмой, чтобы ангелъ смерти, вошедшій въ домъ, не похитилъ еще кого либо.

— Что жъ,—спросилъ встревоженный Сеферъ-бей,—развѣ еще кто-нибудь умеръ?

— Хуже, господинъ. О-оо!—снова завопила старуха.

— Убитъ?—допрашивалъ Сеферъ-бей.

— Хуже, господинъ. О, хуже! Твоя любимая сестра Роста-ханумъ, наше сокровище, роза Абхазіи, жемчужина Востока, наша Роста-ханумъ утонула.

— Утонула!—воскликнули разомъ и Сеферъ-бей и князь Манучаръ.—Гдѣ? Какъ?

— Она услыхала о смерти отца въ замкѣ Илори, у Этха-ханумъ, и, какъ безумная, поскакала сюда съ двумя нукерами... О, Аллахъ, Аллахъ!.. Ея лошадь выбилась изъ силъ... Въ горахъ пошелъ сильный дождь; вода въ Соуксу страшно поднялась и

ревѣла, какъ бѣшеная. Ханумъ погнала лошадь въ рѣку... О! Лошадь споткнулась, вода унесла Роста-ханумъ... О-о, я виновата... руби мнѣ голову, вотъ сабля. Я не опоясала домъ моего господина.

— Но она была внѣ дома, Роста-ханумъ,—вмѣшался было Манучаръ.

— Все равно... Ангелъ смерти не видѣлъ опояски, и унесъ наше сокровище, нашу бѣлую лилію... О, моя проклятая голова!

Сеферъ-бей заплакалъ горькими слезами. Онъ такъ любилъ эту сестру, эту «бѣлую лилію».

— Что же нашли ея тѣло?—какъ-то тихо и какъ будто робко спросилъ Манучаръ.

— Нашли, господинъ, сейчасъ принесли... къ отцу принесли.

— А скоро отыскали тѣло?

— Скоро... но души уже не нашли въ ней... душа утонула. Надо душеньку ее вызвать теперь изъ воды. Я пойду звать ее, а потомъ рубите мнѣ голову.

Сеферъ бей немного пришелъ въ себя и глубоко вздохнулъ, точно на груди у него лежала громадная тяжесть.

— Пойду, взгляну на нее. О, моя чистая лилія! — горько качалъ онъ головой.—За отцомъ и братьями ушла, оставила насъ.

Они вошли въ траурный покой, все еще оглашаемый плачемъ и стонами. На возвышеніи, на которомъ покоилось тѣло Келешъ-бека, до половины усыпаннаго женскими локонами, рядомъ съ отцомъ лежала молоденькая дѣвушка поразительной красоты. Блѣдное личико ея казалось задумчивымъ и серьезнымъ не по возрасту: это уже смерть наложила на ея почти дѣтское личико никѣмъ неразрѣшимую думу. Она лежала у лѣваго бока Келешъ-бека, какъ бы прижимаясь по-дѣтски къ отцу. Черныя пряди ея роскошныхъ волосъ, какъ и одѣяніе, были мокры. На правомъ вискѣ, у самыхъ волосъ, виднѣлась небольшая, какъ бы отъ прорѣза, ранка. Это она, при паденіи въ рѣку, ударилась вискомъ объ острый подводный камень, и въ этомъ ударѣ была ея смерть.

— Милое, невинное дитя!—шепталъ чуть слышно Сеферъ-бей, наклоняясь и цѣлуя сестру въ холодный мраморный лобъ, точно выточенный рѣзцемъ геніальнаго скульптора.—Ангелъ

свѣтлый!—беззвучно шептали его пересохшія губы.—Помолись доброму Богу, чистое дитя, и Онъ услышитъ твою невинную молитву хоть ты и не христіанка... Помолись за отца и братьевъ... О, моя лилія! Голубица чистая!

Между тѣмъ старая Кана съ саблею на шеѣ, плача и причитая, вышла на дворъ, чтобы итти къ рѣкѣ, доставать со дна ся душу утонувшей молоденькой принцессы. Она, какъ и всѣ абхазцы, была глубоко убѣждена, что души утопленниковъ остаются въ водѣ, пока ихъ оттуда не вызовутъ и не завяжутъ въ бурдюкъ. А безъ души нельзя хоронить тѣло, душа будетъ скитаться на томъ свѣтѣ, ища и оплакивая свое тѣло, свое вѣчное жилище, даже подъ землей. Найденную такимъ образомъ душу выпускаютъ въ могилу и засыпаютъ землею вмѣстѣ съ тѣломъ. Когда старая Кана, появившись на дворѣ, объявила, что надо итти искать въ рѣкѣ душу Роста-ханумъ, вся находившаяся около дома Келешъ-бека толпа, предводительствуемая старухой, повалила къ рѣкѣ. Въ рукахъ Каны былъ небольшой бурдючекъ изъ шкуры молоденькаго козленка и длинный, въ нѣсколько саженъ, шелковый шнуръ. За нею слѣдовали музыканты съ зурнами, бубнами, свирѣлями и другими инструментами. Но главный контингентъ толпы составляли женщины и дѣти, для которыхъ обрядность, шумъ и движеніе такъ неотразимо заманчивы. Скоро толпа достигла берега рѣки, которая все еще продолжала бушевать, хотя и менѣе чѣмъ бушевала и бурлила за часъ да этого, раздутая водами горнаго, быстро пронесшаго, весенняго ливня.

— Въ какомъ мѣстѣ нашли тѣло Роста-ханумъ?—спросила Кана нукеровъ, сопровождавшихъ ее изъ замка Илори и потомъ вытащившихъ изъ воды ея бездыханное тѣло.

— На этомъ самомъ мѣстѣ, бабушка Кана,—отвѣчалъ одинъ изъ нукеровъ,—вонъ противъ того камня.

— Ну, такъ здѣсь и надо перетягивать шнуръ, — сказала старуха.—О, мое солнышко ясное, моя роза, не расцвѣтшая и завядшая!—снова заплакала Кана.

Она подвязала бурдючекъ къ серединѣ шнурка, но такъ, что отверстіе кожанаго мѣшечка было открыто, чтобъ туда могла свободно войти душа утопленницы.

— Теперь перетягивайте черезъ рѣку,—сказала старуха, передавая шнуръ и бурдючекъ нукерамъ.

Одинъ изъ нихъ взялся за конецъ шнура, другой же взялъ

бурдючекъ и весь остальной шнуръ и прямо полѣзъ въ рѣчку. Вода такъ бушевала, и теченіе ея было такъ стремительно, что пукеръ съ трудомъ держался на ногахъ, перебираясь на ту сторону предательской рѣчки, хоть вода поднималась только по грудь.

— Не урони въ воду бурдючекъ!—предостерегала Кана.— О, Аллахъ, Аллахъ!

Шнуръ, наконецъ, перетянутъ черезъ рѣчку, но такъ невысоко отъ воды, что отверстіе бурдючка почти касалось ея поверхности.

— Начинайте!—обратилась Кана къ музыкантамъ и ко всей толпѣ.—Аллахъ акберъ! Аллахъ керимъ

Началась дикая, неистовая музыка на которую способенъ только Востокъ. Звуки зурны, свирѣлей и бубновъ заглушались такими ужасными завываніями толпы, особенно голосами женщинъ, что, казалось, на толпу напали дикіе звѣри или разбойники и терзали, и душили ее. При этомъ глаза всѣхъ жадно и съ какою-то боязнью обращены были на висѣвшій надъ водою бурдючекъ, тихо колыхавшійся отъ вѣтра. Но бурдючекъ все оставался сплюснутымъ, плоскимъ, душа утопленницы не входила въ него. Адская музыка и завыванья еще усилились.

— Ля-илляхъ иль-Аллахъ, Мухамедъ-расуль-Аллахъ! — молитвенно твердила старая Кана, прижимая руки къ груди. — Приди, приди на зовъ нашъ, невинная душенька чистой голубицы! Приди въ домъ свой.

— Но, можетъ, ея душеньку унесло дальше, еще ниже?— замѣтила одна старая женщина.

— А что если она уплыла въ море?—замѣтила другая.

— Ну, она и изъ моря приплыветъ, если услышитъ насъ,— отвѣчалъ хромой музыкантъ, потерявшій ногу на скачкахъ съ препятствіями.

Но бурдючекъ все оставался сплюснутымъ.

— Ля-илляхъ иль-Аллахъ, Мухамедъ расуль Аллахъ! — продолжала твердить старая Кана, тихо покачиваясь.—Я ли не любила тебя, я ли не берегла тебя пуще своего глазу?.. А вотъ не уберегла... О, пропади моя голова окаянная!

— Смотрите, смотрите! — испуганно закричала одна дѣвочка.—Входитъ душа, входитъ!..

— Да, да! Раздувается бурдючекъ... она услыхала насъ!

— О, Аллахъ!—радостно прошептала Капа.

Усилившійся вѣтерокъ, дѣйствительно, сталъ все болѣе и болѣе надувать качавшійся надъ водою бурдюкъ и, наконецъ, почти наполнилъ его воздухомъ.

— Вошла, вошла!—какъ безумная, воскликнула старухапяня и бросилась въ воду, забывъ всякую опасность.

Но старыя ноги не осилили стремительности горной рѣки. Вода свалила съ ногъ старушку.

— Утонетъ, утонетъ! — испуганно закричали въ толпѣ. — Спасите ее!

Нѣсколько мужчинъ бросились въ воду, и старушка была подхвачена подъ руки.

— О, пустите меня къ ней!—билась она въ рукахъ, державшихъ ее.—Она меня одной слушалась... Я возьму ея душеньку, я завяжу ее талисманной тесемкой, а то она опять улетитъ.

И она тянулась къ бурдюку, поддерживаемая сильными руками. Съ трудомъ дотащили ее до средины рѣки.

— О, моя ханумъ, мое золото, жемчужина моей души! — бормотала Кана, тщательно завязывая бурдючекъ, чтобъ изъ него не вытѣснить воздухъ, душу своей любимицы, и осторожно снимая его со шнура.

Съ прижатымъ къ груди бурдюкомъ старуху вывели на берегъ. Душа утопленницы была поймана.

V.

Послѣ торжественныхъ похоронъ отца, братьевъ и сестры, со строжайшимъ соблюденіемъ всѣхъ традиціонныхъ обрядностей до вытряхиванья изъ бурдюка въ могилу юной души Ростаханумъ, извлеченной со дна рѣки, Сеферъ-Али-бей тотчасъ же написалъ императору Александру Павловичу и графу Гудовичу, тогдашнему главнокомандующему на Кавказѣ, прося принять его со всею страною въ подданство Россіи, съ обѣщаніемъ принятія православной вѣры всѣми князьями Абхазіи и всѣмъ ея народомъ, который просилъ Бѣлаго царя избавить Абхазію отъ турецкаго владычества. Вмѣстѣ съ тѣмъ Сеферъ-бей сообщалъ, что онъ давно перешелъ въ православіе, но только тайно, боясь огорчить своего престарѣлаго отца, строгаго мусульманина.

Со своей стороны Арсланъ-бей, укрывшись съ своими единомышленниками въ крѣпости Сухумъ-Кале, защищенной сильною артиллеріей, не сидѣлъ сложа руки. Чрезъ приверженцевъ своихъ онъ зналъ все, что дѣлалось въ Соуксу. Онъ зналъ, что Сеферъ-бей отправилъ своихъ гонцовъ съ бумагами въ Тифлисъ и вѣрно догадывался о содержаніи этихъ бумагъ.

— Арсланъ имѣетъ хорошіе глаза, и уши его далеко слышатъ; слышатъ даже, какъ въ Тифлисѣ куютъ желѣза для Абхазіи и какъ въ саду Сефера-бабы, въ Соуксу, трава растетъ,—говорилъ о себѣ Арсланъ-бей другу своему Бежану, князю Шервашидзе.—Сеферъ-баба зоветъ птицу, чтобъ она клевала луну.

— Какую птицу?—спросилъ князь Бежанъ.

— А двухголоваго орла, птицу-урода...

— Понимаю, понимаю!—засмѣялся Бежанъ.—Это чтобъ русскій орелъ о двухъ головахъ заклевалъ полумѣсяцъ падишаха... Ну, еще ни одна птица до луны не долетала, будь она о десяти головахъ.

— А Сефера-бабу все-таки заклюетъ, какъ заклевала въ Имеретіи царя Соломона, а въ Грузіи переклевала и перетаскала въ свое гнѣздо всѣхъ царей,—мрачно замѣтилъ Арсланъ-бей.

— Только нашей Абхазіи ей не заклевать!—сказалъ Бежанъ.—Да?

— Да,—согласился Арсланъ-бей,—мы ее за луну спрячемъ.

Этотъ разговоръ Арсланъ-бея съ княземъ Бежаномъ кончился тѣмъ, что въ сухумской гавани снаряжена была фелюка, и князь Бежанъ съ нѣсколькими приверженцами Арсланъ-бея отправился на ней въ Поти, пользуясь попутнымъ вѣтромъ. Бежанъ долженъ былъ заключить союзъ съ владѣтелемъ Поти, Кучукъ-беемъ, который долженъ былъ подать помощь Арсланъ-бею въ томъ случаѣ, если Сеферъ-бей съ своими абхазцами, вспомоществуемый русскими войсками, рѣшится добывать Сухумъ. Арсланъ-бей справедливо разсуждалъ, что если почему-либо русскіе не придутъ или не поспѣютъ скоро прійти на помощь Сеферъ-бею, то во всякомъ случаѣ помощь ему дадутъ мингрельцы, потому что владѣтельная княгиня Мингреліи, княгиня Нина Георгіевна Дадіанъ, непремѣнно захочетъ подать руку помощи женѣ Сеферъ-бея, Тамарѣ, какъ своей родственницѣ. Однимъ словомъ, Арсланъ-бей отдавалъ себя и Абхазію подъ защиту

полумѣсяца противъ притязаній Мингреліи, а еще больше—двуглаваго орла.

А двуглавый орелъ, дѣйствительно, уже расправлялъ свои крылья, хотя и невидимо для полумѣсяца. Вслѣдствіе письма Сеферъ-бея и представленій графа Гудовича, императоръ Александръ далъ обѣщаніе принять Абхазію подъ свое покровительство. но предупреждалъ, что Сеферъ-бей долженъ хранить все это до благопріятнаго времени въ совершенной тайнѣ. Осторожность эта вызывалась тѣмъ обстоятельствомъ, что въ это время Россія, озабоченная войною съ неугомоннымъ Наполеономъ, находила невыгоднымъ дразнить еще Турцію и вела съ нею переговоры о мирѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, императоръ тотчасъ же повелѣлъ графу Гудовичу оказать Сеферъ-бею содѣйствіе и помощь къ изгнанію изъ Абхазіи головорѣза Арсланъ-бея.

Получивъ эти повелѣнія изъ Петербурга, графъ Гудовичъ призвалъ правую руку всѣхъ намѣстниковъ Кавказа, своего правителя дѣлъ, ловкаго казуиста Могилевскаго, «кавказскаго Талейрана», какъ его называли.

— Много будетъ намъ хлопотъ съ этой Абхазіей,—сказалъ Гудовичъ, стукнувъ пальцемъ по бумагѣ.—Ужъ на что имеретины, сравнительно, смирный народъ, кромѣ, конечно, ихъ князей, этихъ кинжальщиковъ Абашидзе да Церетели, да еще ихъ соломеннаго царька Соломонушки, но и то Имеретія много у насъ крови испортила. А Абхазія, да это все равно, что крапивы накласть себѣ за пазуху.

— Но, ваше сіятельство, — улыбнулся Могилевскій сухой улыбкой,—весной щи изъ крапивы — объѣденье.

— Такъ-то такъ, — улыбнулся и Гудовичъ, — да какъ изъ Абхазіи щи сварить? Трудно, хоть теперь и весна.

— Сваримъ, ваше сіятельство: крапива ужасно любитъ свое собственное сѣмя... Такъ мы у крапивы, въ обезпеченіе, возьмемъ малую толику ея сѣмячекъ.

— Какъ такъ? — недоумѣвалъ Гудовичъ. — Вѣдь у насъ «крапивнымъ сѣменемъ» называютъ чиновниковъ.

— И меня въ томъ числѣ, — улыбнулся Могилевскій.— Чтобъ абхазская крапива не обжигала намъ ни рукъ, ни ногъ, мы возьмемъ у Сеферъ-бея его сыновей въ аманаты... Вотъ вамъ, ваше сіятельство. и щи изъ крапивы... Я хорошо изучилъ этихъ азіатовъ.

— Отлично, я согласенъ,—сказалъ Гудовичъ.

— Вмѣстѣ съ тѣмъ мы потребуемъ отъ Сеферъ-бея «просительныхъ пунктовъ», по которымъ онъ обязуется поступить съ своею страной въ вѣчное и потомственное владѣніе Россіи.

— Отлично: такъ и будемъ дѣйствовать, — одобрилъ графъ Гудовичъ предложеніе Могилевскаго. — А чтобъ Арсланъ-бей не успѣлъ натворить тамъ бѣдъ, вы приготовьте теперь же предписаніе генералъ-маіору Рикгофу — вступить съ войскомъ въ Абхазію на помощь Сеферъ-бею, и предложеніе правительницѣ Мингреліи, княгинѣ Нинѣ Дадіанъ, чтобъ ея милиція немедленно же была отправлена туда для изгнанія изъ Сухума Арсланъ-бея. А еще бы лучше, поймать этого разбойника.

— Поймать его, ваше сіятельство, трудно будетъ, — замѣтилъ Могилевскій. — Если мы его даже прижмемъ на всѣхъ пунктахъ Абхазіи, если, выгнавъ изъ Сухума, отрѣжемъ ему отступленіе и на югъ, и на сѣверъ, то есть, и за рѣку Ріонъ, въ Турцію, и за рѣку Бзыбъ, тоже въ Турцію, къ Анапѣ, то у него еще останется отпертою дверь, которую мы запереть не въ силахъ. Эта дверь все Черное море, кавказскій берегъ котораго наша ахиллесова пята. Другое дѣло, еслибъ мы укрѣпились на этомъ берегу. Но какъ? А до тѣхъ поръ, пока у насъ въ рукахъ не будетъ ключа къ этому морю, нашихъ горскихъ красавицъ будутъ постоянно продавать за море, чтобъ наполнять ими гаремы пашей и самого падишаха. Надо добыть этотъ ключъ, ваше сіятельство.

— Отлично! Я догадываюсь, о какомъ ключѣ вы говорите.

— Да, ваше сіятельство, знаю, но только объ этомъ ключѣ приходится говорить шопотомъ.

— Что-жъ? Мы шопотомъ и переговоримъ съ тѣмъ, у кого теперь этотъ ключъ въ карманѣ.

— Съ Кучукъ-беемъ?

— Да... Я объ этомъ давно думалъ. Пока Поти и устья Ріона въ рукахъ у турокъ, мы безсильны упрочить нашу власть не только въ Абхазіи, но и въ Мингреліи и даже въ Имеретіи. Турки всегда будутъ грозить этимъ странамъ. Пока заперты устья Ріона ключемъ Кучукъ-бея, мы не можемъ доставлять въ Ріонъ изъ Крыма ни продовольствія, ни вспомогательнаго войска, ни боевыхъ припасовъ: все это нужно добывать изъ-за

хребта. Но вѣдь черезъ хребетъ только орлы безопасно летаютъ, а на наши обозы и на отряды, какъ на воробьевъ, постоянно налетаютъ хищные коршуны, то изъ-за Кубани, то изъ Чечни. Меня всегда озабочивала также и судьба бѣдныхъ горскихъ дѣвушекъ: вѣдь ихъ, дѣтьми и подростками, хватаютъ по ауламъ эти торговцы человѣческимъ тѣломъ, женской красотой, и бѣдныя дѣвочки, словно бѣленькіе ягнята, голенькими выставляются на показъ на невольничьихъ рынкахъ Батума, Трапезонта, Синопа и Константинополя.

— Для этого, ваше сіятельство, нужно переговорить общепонятнымъ языкомъ, — замѣтилъ Могилевскій.

— Какимъ это?

— «Золотымъ»-съ.

— Отлично!.. Я самъ объ этомъ думалъ.

— А теперь надо бы и «поговорить».

— Отлично! У меня и «золотой словарь» уже готовъ, вотъ смотрите.

И графъ сдернулъ съ небольшого стола, стоявшаго у стѣны, легкое покрывало изъ зеленой тафты.

— Какая прелесть! — воскликнулъ Могилевскій.

На столѣ искрились золотомъ и драгоцѣнными камнями великолѣпныя сабли, кинжалы, пистолеты. Тутъ же лежали золотыя и серебряныя медали.

— Вотъ этой саблѣ цѣна 1,500 рублей,—сказалъ графъ,— а эти двѣ по сту рублей; одинъ этотъ кинжалъ съ каменьями въ въ 750 рублей.

— Да у дикаря глаза разбѣгутся при видѣ такихъ сокровищъ, — замѣтилъ Могилевскій. — За такое оружіе Кучукъ-бей и отца родного продастъ. А кому же эти медали?

— Ему и его приближеннымъ.

— Но на кого, ваше сіятельство, думаете возложить порученіе переговорить съ Кучукъ-беемъ?

— Мой выборъ остановился пока на нѣкоторыхъ изъ его родственниковъ, преданныхъ Россіи. Я полагаю, что въ этомъ дѣлѣ будетъ полезенъ Вахтангъ Гуріели, двоюродный братъ Кучука, а также подполковникъ князь Эристовъ и князь Мануча́ръ Шервашидзе.

— Князь Манучаръ, какъ я слышалъ, очень друженъ съ Сеферъ-беемъ, — замѣтилъ Могилевскій.

— Кто ихъ разберетъ, этихъ азіатовъ! Вѣдь братъ же этого Манучара, Бежанъ, участвовалъ въ убійствѣ Келешь-бека и его сыновей. Все это у нихъ зависитъ отъ минуты, отъ темперамента: сейчасъ они обнимаются, цѣлуются, а черезъ минуту кинжалъ въ сердце, и все это изъ-за пустяковъ. Вотъ хоть бы этотъ Арсланъ-бей:—мальчишку засадили за грамоту, а ему хочется барановъ воровать у какого-нибудь сосѣда; его не пускаютъ, велятъ показать, примѣрно, въ коранѣ азъ или буки. Безграмотный дикаренокъ не умѣетъ отличить аза отъ глаголя или отъ буки, и плюетъ на коранъ... Отсюда вся жизнь прахомъ, а тамъ — и отца, и братьевъ укокошилъ, такъ, здорово живешь.

— Да, удивительный народъ! — замѣтилъ Могилевскій. — Мнѣ объ этомъ же Арсланъ-беѣ разсказывали... Можетъ быть, это и анекдотъ, но очень характерный. Ѣстъ онъ какъ-то гороховую похлебку. Съѣлъ почти всю, но замѣтилъ въ жижицѣ еще одну горошину, не выловленную ложкой, и старается ее выловить. Горошина все ускользаетъ изъ ложки, а у него ужъ и глаза горятъ отъ злости на эту непокорную горошину. «А! говоритъ, подлая, не поддаешься, такъ вотъ же тебѣ!» — Выхватываетъ изъ-за пояса пистолетъ, и бацъ въ миску.

Гудовичъ разсмѣялся.

— Да, это похоже на него.

— И на всякаго абхазца, — добавилъ Могилевскій. — У нихъ и женщины такія же отчаянныя. У этого Арсланъ-бея есть молочная сестра, дочь его кормилицы, по имени Дида. Такъ эта дѣвчонка дѣлала съ нимъ всѣ набѣги на наши станицы на Кубани, на Кисловодскъ, и теперь, говорятъ, пробралась къ нему въ Сухумъ и находится при немъ въ видѣ пажа.

— Да, мнѣ говорили о ней; и прехорошенькій, говорятъ, чертенокъ.

Между тѣмъ, та, о которой говорили, вела въ это время очень удачную интригу противъ нихъ же, собственно не противъ Гудовича и Могилевскаго, а противъ русскихъ вообще. Любимая дочь Кучукъ-бея, Эсма, которой онъ ни въ чемъ не могъ отказать, воспитываясь у своей кормилицы въ аулѣ Чичи, въ тѣмъ

самомъ аулѣ, гдѣ воспитывался и Арсланъ-бей, съ дѣтства подружилась съ этой самой Дидой и теперь питала къ ней самую горячую привязанность, постоянно слыша объ отчаянныхъ похожденіяхъ Диды въ сообществѣ съ Арсланъ-беемъ и, видя въ ней идеалъ горской женщины, настоящую героиню Кавказа, легендарную Тамару, о которой всѣ горскія дѣвушки слышали разсказы съ самой колыбели. Зная это, Арсланъ-бей и рѣшилъ употребить въ свою пользу страстную любовь къ Дидѣ любимой дочери Кучукъ-бея. Для этого, отправляя въ Поти фелюку съ княземъ Бежаномъ Шервашидзе для склоненія на свою сторону Кучукъ-бея, онъ послалъ туда вмѣстѣ съ нимъ и отца Диды, лукаваго Тутшуга съ его красавицей дочкой.

— Одна дѣвка своими глазами цѣлый аулъ сожжетъ, а двѣ дѣвки и Стамбулъ возьмутъ, — говорилъ лукавый абхазецъ, прощаясь съ Арсланъ-беемъ и подмигивая на Диду.

— Ну, достаточно, чтобъ хорошенькая Эсма уронила двѣ слезинки съ своихъ пушистыхъ рѣсницъ, чтобъ Кучукъ-бей полѣзъ шайтану на рога, — засмѣялся Бежанъ.

— Правда, правда, — засмѣялся и Тутшугъ, — вотъ хоть бы я: на медвѣдя хожу одинъ-на-одинъ съ кинжаломъ, а съ своей бабой не справлюсь... Страшнѣе медвѣдя.

— А Дида тоже страшная?—съ улыбкой спросилъ Арсланъ-бей.

— Какъ для кого; а Кучукъ-бей, я увѣренъ, запляшетъ подъ двѣ зурны.

Какъ они разсчитывали, такъ и случилось. Приплывъ въ Поти, князь Бежанъ тотчасъ-же началъ переговоры съ Кучукъ-беемъ. Но владѣлецъ Поти сначала и слушать не хотѣлъ, боясь раздражить русскихъ. Однако, Дида и Эсма дѣлали свое дѣло. Эсма ходила точно околдованная, слушая разсказы Диды о ея джигитскихъ подвигахъ — о походахъ въ Мингрелію, о нападеніи на Кисловодскъ, когда они чуть не захватили въ плѣнъ царевну Дареджану, дочь Соломона, царя Имеретіи и красавицу Геоухеръ дочку Ибрагимъ-хана карабахскаго. Потомъ балованная Эсма чаще и чаще стала ласциться къ отцу, точно кошечка; теребила его пушистую бороду... А потомъ... черезъ нѣсколько недѣль, изъ потійской гавани отходила турецкая эскадра съ вспомогательнымъ войскомъ для Арсланъ-бея; на кани-

танскомъ кораблѣ на ютѣ, стоялъ Кучукъ-бей, а съ пристани плутовки Эсма и Дида посылали ему воздушные поцѣлуи...

Когда же мингрельское войско, посланное княгинею Ниною, по предложенію графа Гудовича, для изгнанія Арсланъ-бея изъ Сухума, появилось у стѣнъ этой крѣпости, тамъ уже сидѣлъ Кучукъ-бей съ сильнымъ турецкимъ гарнизономъ... Двѣ дѣвчонки перехитрили графа Гудовича и Могилевскаго.

VI.

Графъ Гудовичъ недолго, однако, оставался у власти. Онъ чувствовалъ, что старость подкашиваетъ его энергію. Всѣ его планы относительно Кучукъ-бея и его «ключа», ключа въ Черное море, рухнули отъ поцѣлуевъ двухъ дѣвченокъ, и усталый умъ отказывается работать, какъ работалъ прежде. А развѣ онъ былъ такимъ, когда, воротившись изъ Европы, гдѣ онъ успѣлъ поставить себя въ курсъ всѣхъ познаній военнаго дѣла, дерзалъ считать себя вторымъ Наполеономъ?

— О, старость, старость! — шепталъ онъ, сидя надъ сочиненіемъ всеподданнѣйшаго прошенія объ отставкѣ. — Какъ тать ночной, ты мало по малу, годъ за годомъ, воруешь у человѣка все, что дала ему когда-то весна жизни; воруешь исподволь, незамѣтно, словно издѣваясь; отбираешь всѣ свои дары, сначала живость, блескъ глазъ, ясность зрѣнія, цвѣтъ лица, цвѣтъ волосъ, вырываешь изъ умудренной опытомъ головы волосокъ за волоскомъ, воруешь зубъ за зубомъ, уносишь куда-то энергію, находчивость, смѣлость, умъ... Какое наглое издѣвательство!

Онъ не замѣтилъ, какъ крупная слеза скатилась съ рѣсницы, и только тогда увидѣлъ эту слезу, когда она капнула на его всеподданнѣйшее прошеніе и растеклась по бумагѣ, слившись съ чернилами.

— И прошеніе испортилъ, — съ досадой сказалъ онъ, — о, проклятая старость!

Онъ потянулся въ сторону и взялъ со стола какую-то бумагу.

— Всемилостивѣйшій рескриптъ, — бормоталъ онъ про себя, какъ обыкновенно, не замѣчая, дѣлаютъ это всѣ старые люди, — всемилостивѣйшій, — горько качалъ онъ сѣдой головой, и сталъ читать въ слухъ: «Съ крайнимъ прискорбіемъ видя

изъ полученнаго прошенія вашего, что здоровье ваше побуждаетъ васъ оставить службу, мнѣ чувствительно весьма лишиться такого фельдмаршала, какъ вы»...

— Гмъ! «Такого фельдмаршала»!.. То-то, поздно... А дай мнѣ фельдмаршальство въ тридцать, въ сорокъ лѣтъ, не то бы было... А то на! Дадутъ человѣку съѣсть всѣ зубы, потерять всѣ волосы, свѣтлую голову превратить въ какой-то расколотый горшокъ, и тогда даютъ и власть въ руки, и великое дѣло... Эхъ!

Онъ продолжалъ читать: «Знаю, что проведенная на службѣ отечеству жизнь ваша, въ преклонности лѣтъ, требуетъ отдохновенія, и что разстроенное отъ понесенныхъ вами трудовъ здоровье ваше ничѣмъ инымъ поправлено быть не можетъ, какъ спокойствіемъ; но за всѣмъ тѣмъ побуждаюсь просить отложить желаніе ваше до того времени, когда генералъ-отъ-кавалеріи Тормасовъ ознакомится съ тамошнимъ краемъ и узнаетъ всѣ ваши распоряженія по арміи, дабы потомъ, руководствуясь планами вашими, могъ онъ дѣйствовать сообразно намѣреніямъ вашимъ, стремящимся всегда ко благу общему».

— Да, — ворчалъ старикъ,—я ужъ обжегъ пальцы на этихъ каштанахъ, таская ихъ для Тормасова, изрядно обжегъ... Да и ротъ себѣ, и языкъ попечетъ еще Тормасовъ, когда будетъ кушать эти горяченькіе каштаны, попечетъ... Одинъ премудрый имеретинскій Соломонъ чего мнѣ стоилъ! А тутъ Арсланъ-бей да Кучукъ-бей, да еще эти дѣвчонки... хитры, какъ чертенята, а смотрятъ невинными ангелами... одурили таки стараго Кучука... О, старость, старость!

Онъ въ разсѣянности сталъ колотить пальцами по бумагѣ.

Придется подождать съ прошеніемъ, благо моя старая слеза его испортила... Да такъ и въ рескриптѣ сказано: «Когда же г. Тормасовъ достигнетъ сей цѣли (ну! достигнетъ ли?), въ то время я предоставляю вамъ увѣдомить о томъ меня, и желаніе ваше, хотя съ прискорбіемъ, но будетъ мною исполнено».

— «Съ прискорбіемъ»... гмъ!.. Съ золотцемъ, съ золотцемъ пилюлька... Подожду, нечего дѣлать...

Онъ свернулъ рескриптъ и задумался.

— О, старость, старость! — глухо проговорилъ кто-то надъ нимъ.

Старикъ поднялся.

— «А! Это ты, попка», — улыбнулся онъ, — «и ты меня дразнишь?»

— Попочка кушать хочетъ, — проговорилъ попугай, качаясь въ кольцѣ.

— Врешь, попка: давно ли тебѣ Тормасовъ сѣмени подсыпалъ? — сказалъ Гудовичъ.

— О, старость, старость! — снова заболталъ попугай.

Тормасовъ, между тѣмъ, уже дѣйствовалъ. Ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ вообще и съ ближайшими планами графа Гудовича въ частности, онъ тоже пришелъ къ убѣжденію, что прежде всего надо достать «ключъ» къ Черному морю, а ужъ тогда легко будетъ справиться и съ Арсланъ-беемъ. Что же касается Сеферъ-бея, то, сколько онъ могъ узнать о немъ, это была птица не высокаго полета, и онъ, самъ того не сознавая, поднесетъ Абхазію Россіи, какъ яичницу на сковородкѣ.

— Надо прежде всего съ этимъ осинымъ гнѣздомъ покончить, — сказалъ онъ Гудовичу, — будетъ Поти у насъ въ карманѣ, тогда и Черное море наше.

И онъ отправилъ генералъ-маіора князя Орбеліани къ Кучукъ-бею съ подарками. Кучукъ, отстоявъ Сухумъ-Кале отъ мингрельскихъ войскъ и оставивъ тамъ своего друга, Арсланъ-бея, воротился въ Поти въ полной увѣренности, что безъ русскихъ Сеферъ-бей ничего не можетъ сдѣлать Арслану. Кучукъ-бей очень любезно принялъ князя Орбеліани, а еще любезнѣе привезенные имъ подарки, уже видѣнные нами у Гудовича, и разсыпался въ увѣреніяхъ о своей привязанности къ Россіи. Такъ какъ Гудовичъ и Тормасовъ знали, какою страстною любовью Кучукъ-бей привязанъ къ своей дочери и какое громадное вліяніе оказываетъ на отца его хорошенькая Эсма, то князь Орбеліани, чтобы задобрить въ пользу Россіи эту юную дипломатку, привезъ и ей въ подарокъ прелестное ожерелье и богатую миніатюрную діадему. Эсма, по совѣту отца, сама явилась благодарить князя за подарокъ и, тоже по внушенію отца, пригласила его сама къ обѣду. Обѣдъ былъ сервированъ по-европейски, съ ножами, вилками и салфетками. Такъ какъ и за обѣдомъ рѣчь могла коснуться щекотливыхъ политическихъ вопросовъ, то хитрый Кучукъ-бей никого не пригласилъ къ столу, ни изъ своей свиты, ни изъ знатныхъ лицъ Поти, и столъ на-

крытъ былъ только на четыре персоны, хотя за столъ сѣло только трое. гость, хозяинъ и его дочь. Дѣло въ томъ, что Кучукъ-бей былъ вдовецъ, и потому, по мѣстному обычаю, тамъ, гдѣ за столомъ прежде, при жизни сидѣла покойная хозяйка, теперь, въ воспоминаніе о ней, ставился ея приборъ, и всѣ блюда подносились прежде къ этому прибору. Эсма клала на тарелку покойной матери отъ каждаго кушанья и наливала въ ея стаканъ вина. Орбеліани любовался оригинальною красотою дѣвушки. Ея маленькое личико было матовой бѣлизны, несмотря на дѣйствіе лучей южнаго солнца; округлыя тонкія брови, прямой носикъ, огромные черные глаза съ пушистыми рѣсницами; стройность и гибкость членовъ при таліи, которая, по мѣстному выраженію, «проходила сквозь золотое кольцо», все поражало въ ней оригинальной, нѣсколько дикой красотой, особенно же огненнаго цвѣта волосы.

Орбеліани спросилъ ее, весело ли живется въ Поти, не скучаетъ ли она въ такомъ маленькомъ городѣ, есть ли у нея подруги? За нее отвѣчалъ отецъ.

— Она теперь немножко скучаетъ по своей пріятельницѣ, которая уѣхала въ Сухумъ,—сказалъ онъ.

— Въ Тифлисѣ вы бы не скучали,—заговорилъ Орбеліани,—тамъ такое обширное общество, столько развлеченій.

— Мнѣ и здѣсь хорошо,—тихо сказала Эсма,—я катаюсь въ горахъ, ѣзжу съ отцомъ на охоту, плаваемъ по морю, иногда ѣздимъ въ Батумъ, въ Трапезонтъ.

— О, это далеко не то, что Тифлисъ, — улыбнулся Орбеліани.—А еще лучше—Петербургъ: вы были бы приняты ко двору императора; вы посѣщали бы придворные балы, оперу, театръ, концерты; въ эрмитажѣ и въ академіи художествъ вы бы видѣли столько произведеній искусства.

Дѣвушка смотрѣла на него широко раскрытыми глазами, а отецъ улыбался, любуясь ею.

— Это такъ много, что я и не припомню всего,—сказала она съ милой наивностью.

— Вы бы все скоро узнали,—въ свою очередь любуясь ею, сказалъ князь.

— Но тамъ, говорятъ, лѣтомъ ночей не бываетъ.

— Нѣтъ, бываютъ ночи, но только свѣтлыя, палевыя.

— А какъ же мнѣ говорили, что тамъ какое-то ледяное море, а лѣтомъ, ночью, солнце никакъ не можетъ скрыться въ морѣ, а все ходитъ, все ходитъ кругомъ, какъ потерянное, и отъ этого люди съ ума сходятъ.

Орбеліани весело разсмѣялся.

— Это вамъ, вѣроятно, говорили о Ледовитомъ океанѣ, туда, къ полюсу, гдѣ, дѣйствительно, лѣтомъ нѣсколько мѣсяцевъ не заходитъ солнце; но это такъ далеко отъ Петербурга.

— А все же страшно,—наивно замѣтила Эсма.

Вначалѣ застѣнчивая, теперь, видя добродушное лицо гостя, съ любовью смотрѣвшаго на нее, какъ на ребенка, она стала смѣлѣй и разговорчивѣй.

— Вотъ я тебя и отвезу въ Петербургъ, туда, гдѣ солнце ходитъ, какъ потерянное,—шутилъ Кучукъ-бей, любуясь своимъ сокровищемъ и довольный тѣмъ, что она такъ очаровала собой русскаго гостя.

— Нѣтъ, отецъ, ты лучше повези меня въ Стамбулъ, ты же обѣщалъ это и мнѣ, и Дидѣ,—капризно заговорила она.

— Подожди, повезу,—улыбнулся отецъ.

— Тамъ такія мечети, дворцы, каравансараи, Босфоръ, Золотой Рогъ, самъ падишахъ!—восторженно говорила дѣвушка.

— И въ Петербургѣ дворцы, храмы, красавица-Нева, острова, сады какіе, Петергофъ, Павловскъ. Куда вашъ Стамбулъ—старался поразить свою собесѣдницу русскій гость.

— Но тамъ такіе снѣга, такіе морозы, такая зима!

— А у васъ здѣсь развѣ не вѣчные снѣга на горахъ, не вѣчные морозы, не вѣчная зима?

— Но то на горахъ только, а здѣсь, въ Поти, въ Сухумѣ—почти вѣчная весна.

— Но вы не знаете, ханумъ, какъ хороши зимы въ Петербургѣ, какъ тамъ весело живется по зимамъ. Вы любите танцовать?—спросилъ вдругъ Орбеліани.

— О, да! Мы съ Дидой въ аулѣ Чичи всегда были побѣдительницами въ танцахъ,—восторженно сказала Эсма.—Я такъ люблю танцы.

— Но въ Стамбулѣ не танцуютъ; зато въ Петербургѣ всю зиму танцуютъ то въ дворянскомъ собраніи, то на балахъ у знат-

ныхъ вельможъ, то на придворныхъ балахъ, гдѣ танцуетъ самъ государь императоръ... Вотъ гдѣ вы показали бы свое искусство!

— Самъ Бѣлый царь танцуетъ передъ своими подданными, передъ рабами?—недовѣрчиво говорила восточная дѣвушка.

— Да, такъ принято во всей Европѣ, у всѣхъ государей; обыкновенно государи и государыни сами и открываютъ танцы,— говорилъ Орбеліани, стараясь прельстить дикарку преимуществами цивилизованной жизни, зная, какимъ вліяніемъ эта юная дикарочка пользуется у отца.—Нынѣшнюю зиму нашъ великій повелитель, императоръ Александръ Павловичъ, милостиво танцовалъ съ моей сестрой. Эта честь могла бы выпасть и на вашу долю, еслибъ вы съ вашимъ почтеннымъ родителемъ явились въ Петербургъ и были представлены къ высочайшему двору.

Ловкій Орбеліани съ проницательностью восточнаго человѣка видѣлъ, какъ у Кучукъ-бея разгорались глаза, когда онъ, при разсказѣ русскаго гостя, вообразилъ себя во дворцѣ Бѣлаго царя и съ нимъ рядомъ танцующею свою ненаглядную Эсма-ханумъ; и потому еще болѣе старался задѣть: съ одной стороны, любопытство и воображеніе молодой дѣвушки, съ другой, честолюбіе ея отца.

— А падишахъ не танцуетъ?—спросила Эсма отца.

— Нѣтъ, дитя, падишахъ не танцуетъ.

— Притомъ же турецкія женщины и дѣвушки живутъ точно въ тюрьмѣ: ихъ никто не видитъ,—продолжалъ соблазнять ловкій посолъ Тормасова.—А театры?

— Да, я слышала о театрахъ: тамъ хитро представляютъ то, чего не было, и спорятъ нарочно, и показываютъ видъ, что убиваютъ, а убитый потомъ встаетъ...

Орбеліани невольно разсмѣялся наивности восточной дикарки.

— Несовсѣмъ такъ, ханумъ,—сказалъ онъ, весело глядя на милую дикарку,—въ театрѣ вы и не подумаете, что все видѣнное неправда, что это нарочно... Вы расплачетесь не разъ, такъ оно хорошо!

— Зачѣмъ же плакать, когда хорошо?—изумилась Эсма.

Что на это могъ отвѣтить Орбеліани? Какъ растолковать

дикаркѣ, что такое театръ, какое его значеніе, почему можно расплакаться отъ «хорошаго»?

— Когда хорошо представляютъ на театрѣ,—сказалъ онъ,— то отъ этого «хорошаго» можно расплакаться сладкими слезами, понимаете вы это?

— Понимаю... Когда я долго, послѣ аула Чичи, не видала Диды, а потомъ, когда она пріѣхала сюда изъ Сухума вмѣстѣ съ княземъ Бежаномъ Шервашидзе, чтобъ просить у отца помощи Арсланъ-бею, то когда я увидѣла Диду, такъ отъ радости расплакалась,—пояснила она.

При упоминаніи Арсланъ-бея, Орбеліани и Кучукъ-бей невольно переглянулись.

— А вы знаете Арсланъ-бея, ханумъ?—спросилъ Орбеліани.

— А какъ же! Мы воспитывались съ нимъ въ одномъ аулѣ, въ Чичи. Ахъ, какой онъ былъ делибашъ, еще мальчишкой.

Орбеліани молчалъ. Ему опять хотѣлось втянуть Эсму въ разговоръ о Петербургѣ. И онъ возобновилъ прежнюю атаку.

— Такъ хотите въ Петербургъ, ханумъ?—спросилъ онъ.

— Хочу... Мнѣ бы хотѣлось...—Она нерѣшительно замолчала.

— Потанцовать съ самимъ Бѣлымъ царемъ? — улыбнулся Кучукъ-бей.

— Да, отецъ,—смущенно сказала Эсма-ханумъ.

VII.

Мечтамъ молоденькой дочери Кучукъ-бея, однако, не суждено было осуществиться. Она не попала въ Петербургъ и не танцовала съ Бѣлымъ царемъ. Напротивъ, она снова стала всей душой стремиться въ Стамбулъ.

И въ этомъ случаѣ ея волею овладѣла отчаянная Дида, молочная сестра Арсланъ-бея. Этотъ делибашъ въ женскихъ шальварахъ и съ роскошной косой, эта истая праправнучка колхидской Медеи, подъ вліяніемъ своего молочнаго брата, мечтала о союзѣ съ Турціей. А эта перспектива была очаровательна. Еслибъ Кучукъ-бей отдался подъ покровительство Россіи, тогда онъ пересталъ бы быть неограниченнымъ владыкой лучшаго уголка Колхиды. Самое большое, что ожидало бы его тогда, сдѣлаться русскимъ генераломъ, подчиненнымъ Тормасову и

разнымъ чиновникамъ. Другое дѣло, союзъ съ Турціей: турки открывали ему широкія ворота грабить Гурію и Мингрелію, а то и Имеретію. Такъ дѣлали его отцы, дѣды и прадѣды. Другихъ идеаловъ у него не было.

Послѣ отъѣзда князя Орбеліани изъ Поти въ полной увѣренности, что хорошенькая дочка Кучукъ-бея, изъ желанія блистать въ Петербургѣ, выцѣлуетъ у отца согласіе на подчиненіе Россіи, въ Поти пріѣхалъ самъ Арсланъ-бей вмѣстѣ съ своимъ молочнымъ отцомъ Тутшугомъ и его делибашемъ-дочкой, Дидой. Онъ провѣдалъ о посольствѣ Орбеліани и постарался вывѣдать тайныя цѣли этого посольства, о которомъ, впрочемъ, догадывался. Но ему нечего было вывѣдывать: Эсма-ханумъ все вывела на чистую воду своей болтовней.

— Знаешь, Дида,—встрѣтила она свою пріятельницу,—мы поѣдемъ въ Петербургъ.

— Въ Петербургъ!—изумилась Дида.—Зачѣмъ? Ты съ ума сошла!

— Нѣтъ, Дида! Тамъ, говорятъ, такъ хорошо... театръ... Бѣлый царь...

И она выложила все, что узнала отъ князя Орбеліани. Все это было передано Арсланъ-бею Дидой. Понятно, что Арсланъ-бей былъ пораженъ: потеряй онъ помощь Кучукъ-бея и не будь увѣренъ въ дѣятельномъ покровительствѣ турокъ, онъ погибъ.

Арсланъ-бей прямо приступилъ къ дѣлу.

— Паша!—сказалъ онъ владѣтелю Поти.—Ты идешь прямо къ погибели и тащишь за собою въ пропасть и Абхазію. Посмотри, что сталось съ Имеретіей? Ея царь Соломонъ, выгнанный изъ своего дворца и изъ своей столицы, бродитъ теперь по горамъ и болотамъ своего царства, оспаривая у кабановъ и дикихъ козъ ночлегъ для себя и для своего семейства: вѣдь ему негдѣ и голову приклонить. Дворецъ его превращенъ въ казармы и въ конюшню для казацкихъ лошадей. А Мингрелія и Гурія? Въ кого превратились владѣльцы этихъ странъ? Имъ ли принадлежатъ ихъ города? Нѣтъ, тамъ правятъ всѣмъ гарнизонные начальники. Зачѣмъ эти гарнизоны?—А это, говорятъ, для безопасности владѣтелей; это—почетныя тюрьмы.—Повѣрь, паша, они и къ тебѣ, въ Поти, поставятъ гарнизонъ «почетную стражу»!—Для чего?—«Охранять особу Кучукъ-бея».—Вотъ ужъ не моему

братцу-бабѣ, къ Сеферъ-бею, приставили почетный караулъ, а старшаго сына его, княжича Дмитрія, отправляютъ въ Петербургъ аманатомъ. А развѣ падишахъ беретъ у насъ аманатовъ? Повѣрь, паша, у тебя они возьмутъ и твое сокровище, свѣтъ очей твоихъ...

— Кого?—встрепенулся Кучукъ-бей.

— Твою жемчужину, розу садовъ Колхиды, звѣзду Востока, твою Эсма-ханумъ!

— Какъ? Зачѣмъ?—вскричалъ паша, блѣднѣя.

— Показать театры, дворцы, а потомъ засадить въ тюрьму, которую они называютъ Смольнымъ институтомъ... Я это знаю отъ вѣрныхъ людей... Тамъ уже зачахла не одна грузинка... Недостаетъ только, чтобъ тамъ завяла прекраснѣйшая изъ всѣхъ розъ Абхазіи... Недаромъ такъ прельщалъ ее этотъ перебѣжчикъ, Орбеліани, собака, потянувшаяся за чужимъ кускомъ, когда подъ носомъ есть свой, гораздо лучшій.

— Этому не бывать, клянусь бородой пророка!—вскричалъ Кучукъ-бей, хватаясь за рукоятку кинжала.

— Погляди на море,—продолжалъ Арсланъ-бей, протягивая руку по направленію къ бѣлѣвшимъ вдали парусамъ (они сидѣли на террасѣ дворца, обращенной къ морю)—оно теперь наше... Слышишь крикъ чаекъ, что вольно носятся надъ водою, ища себѣ добычи? Это мы, сыны горъ, такіе же вольные, какъ птицы небесныя... Этотъ воздухъ, это море, эти горы, это небо—все это наше!.. Они, какъ воры, пробираются къ намъ; ихъ корабли, какъ шакалы, ночью подкрадываются къ нашимъ берегамъ изъ Крыма... Какое имъ дѣло до насъ?.. Мы не лѣземъ къ нимъ въ Петербургъ, а они къ намъ лѣзутъ, зачѣмъ? Намъ Аллахъ далъ эту землю, это море, а они хотятъ отнять у насъ...

— Никогда!—глухо проговорилъ Кучукъ-бей.—Если насъ мало, а ихъ много, то за насъ самъ падишахъ, тѣнь Аллаха на землѣ... Эта тѣнь прикроетъ насъ, и Колхиду, и Абхазію.

— Но мы должны дѣйствовать: пока нѣтъ пастуховъ, волки перерѣжутъ все стадо,—сказалъ Арсланъ-бей.

— Аллахъ-керимъ! Мы и будемъ дѣйствовать,—Трапезондъ не далеко.

— А кто есть тамъ у тебя?—спросилъ Арсланъ-бей.

— Самъ сераскиръ, Шерифъ-паша. Онъ до самой Мекки

готовъ идти, если скажутъ, что онъ хоть однимъ глазкомъ можетъ увидать жемчужину Колхиды,—съ гордостью сказалъ Кучукъ-бей.

— Это прекрасную Эсма-ханумъ?

— Да, дитя моей души, лучшую кровь моего сердца.

— А развѣ Шерифъ-паша уже видѣлъ ее?

— Видѣлъ, когда она еще не носила покрывала стыдливости.

— И ты отдашь ее сераскиру?

— Не знаю... Не знаю, можно ли вырѣзать кусокъ изъ своего сердца и остаться живымъ.

— Пообѣщай, помани льва овечкой.

— Попробую.

Арсланъ-бей задумался. Дѣло шло о его спасеніи, о его жизни. Его головы искали не только русскіе и мингрельцы, которые не забыли его разбойничьихъ нападеній на ихъ аулы и стада и ожидали таковыхъ же впослѣдствіи, но и въ Абхазіи многіе зарились на его голову. Владѣтельница Мингреліи, княгиня Нина Дадіанъ, и сынъ ея Леванъ всегда будутъ держать сторону Сеферъ-бея, какъ мужа Тамары изъ рода тѣхъ же Дадіановъ. У Арсланъ-бея, слѣдовательно, была надежда на одного Кучукъ-бея. Но что они вдвоемъ могутъ сдѣлать противъ трехъ союзныхъ силъ, русской, мингрельской и абхазской? Да и гурійцы, особенно ихъ владѣтельный князь, Мамія, давно принявшій христіанство,—тоже могутъ присоединиться къ русскимъ. Какъ быть? Одно спасеніе—турки: значитъ, все тотъ же Шерифъ-паша.

Но это имя, прежде ничего не говорившее Арсланъ-бею, кромѣ того, что это былъ могущественный трапезондскій сераскиръ, теперь стало ему ненавистнымъ, всего двѣ-три секунды назадъ. Какъ! Шерифъ-паша, этотъ сѣдой старикъ, у котораго такой богатый гаремъ, гаремъ, для котораго не одну красавицу черкешенку доставлялъ своими набѣгами онъ, Арсланъ-бей, этотъ Маѳусаилъ видѣлъ Эсма-ханумъ и мечтаетъ взять ее къ себѣ въ жены!.. Будь онъ проклятъ!.. Потерять Эсма-ханумъ? Никогда! Лучше потерять Абхазію, чѣмъ эту золотокосую гурію! Еще въ аулѣ Чичи, гдѣ она воспитывалась и гдѣ выросъ самъ Арсланъ-бей, онъ заглядывался на эту золотокосую дѣвочку съ

огромными, какъ окна въ рай, глазами, пріятельницу его молочной сестры Диды. Дида любила его со всею пылкостью пламеннаго южнаго темперамента съ десяти-одиннадцати лѣтъ. Она выросла, и съ нею выросла ея бурная страсть къ нему. Она ни на минуту не покидала его, ни дома, ни въ опасныхъ набѣгахъ. Она и теперь съ нимъ неразлучна, какъ тѣнь. Она черезъ Эсма-ханумъ пріобрѣла для него союзъ и помощь Кучукъ-бея. Все она... Но глаза Эсма-ханумъ, эти окна въ рай, эта золотая головка... Нѣтъ! Пусть пропадаетъ Дида, пусть пропадаетъ Абхазія, весь міръ, только онъ никому не уступитъ золотой головки, никому не позволитъ даже заглядывать въ рай черезъ эти окна!

Такъ пусть Кучукъ-бей зоветъ на помощь Шерифа-пашу, пусть сулитъ этому жирному вепрю свою невинную овечку съ золотымъ руномъ на чудной головкѣ! Онъ, Арсланъ-бей, знаетъ то, что знаетъ и чего никто не знаетъ...

— Однако, паша, намъ медлить нельзя,—сказалъ онъ, какъ бы очнувшись.—Мои кунаки сообщили мнѣ изъ Редутъ-Кале, что эта собака, которая пѣла здѣсь соловьемъ, думая соблазнить Эсма-ханумъ Петербургомъ и его театрами, готовится уже къ осадѣ Поти, чтобы отнять у тебя назадъ тѣ драгоцѣнныя сабли и кинжалы, которые подарены тебѣ, — добавилъ онъ ехидно.

— А это тебѣ тоже кунаки сообщили?—нѣсколько задорно спросилъ Кучукъ-бей.

— Кунаки... Однако, паша, намъ съ тобой ссориться невыгодно,—спокойно сказалъ Арсланъ-бей.

— Правда, князь... И орлы ссорятся изъ-за добычи; но когда къ ихъ гнѣзду подбирается охотникъ за орлятами, то они несутъ свои когти и клювы на общаго врага.

— Сама мудрость говоритъ твоими устами,—согласился Арсланъ, — когда же ты думаешь помапить Шерифа-пашу своей овечкой?

— Немедленно же пошлю гонцовъ.

— А я своихъ, хоть у меня и нѣтъ лакомой овечки,—двусмысленно улыбнулся Арсланъ. «Посылай, — думалъ онъ между тѣмъ:—а я знаю, что знаю... Никому не дамъ заглянуть черезъ тѣ окна въ рай!»...

Въ это время та, о которой съ такой страстностью думалъ

Арсланъ-бей, сидѣла на берегу моря вмѣстѣ съ Дидой и внимательно слушала, что ей говорила послѣдняя. Глаза ея задумчиво слѣдили за полетомъ чаекъ, носившихся надъ гладкою поверхностью моря, и въ нихъ то вспыхивалъ, то погасалъ какой-то затаенный огонекъ. Дида говорила почти исключительно объ Арсланъ-бѣѣ и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Но почему теперь слова пріятельницы иногда рѣзали ей сердце, возбуждая недоброе чувство къ той, которую она такъ любила. Эсма-ханумъ давно не видѣла Арсланъ-бея. Она помнила его такимъ, какимъ знала еще въ аулѣ Чичи. Онъ тогда нравился ей; но нравился, какъ можетъ нравиться дѣвочкѣ ловкій, отважный и всѣми любимый юноша. Разсказы о немъ Диды не волновали ея, и она только представляла его себѣ героемъ, какимъ казался ей Автандилъ въ «Барсовой шкурѣ» поэта Руставели. Притомъ послѣ Чичи она ни разу не видѣла его вмѣстѣ съ Дидой. Онъ казался ей даже какимъ-то миѳомъ, лицомъ изъ восточной сказки, лицомъ, котораго нельзя встрѣтить въ дѣйствительной жизни. И вдругъ теперь она увидѣла его, и притомъ, вмѣстѣ съ Дидой!.. При встрѣчѣ съ нимъ она замѣтила, съ какимъ, не то изумленіемъ, не то страхомъ, не то восхищеніемъ, глянулъ онъ въ ея большіе, тоже какъ бы изумленные, глаза. Такъ вотъ онъ, сказочный Арсланъ-бей: это самъ Автандилъ... Она не могла отвести отъ него испуганныхъ глазъ, а онъ все глядѣлъ на нее. Какъ!.. Неужели этотъ герой, это сказочное лицо принадлежитъ Дидѣ?.. Да, она тоже героиня, она раздѣляла всѣ его походы. А сама она, Эсма-ханумъ, что она такое? Ничтожество, избалованная отцомъ дѣвчонка! На нее Арсланъ-бей и вниманія не долженъ обращать. Вдругъ она почувствовала, какъ что-то застилаетъ ей глаза и сердце щемитъ, щемитъ... Она уже не различаетъ чаекъ, которыя кружились надъ водою у берега и жалобно кричали. Она уже не видала ни гладкой поверхности моря, ни бирюзоваго неба

— Эсма, ты плачешь?—изумилась и испугалась Дида.—О чемъ, милая?

Эсма закрыла лицо руками и еще пуще расплакалась. Слезы такъ и капали изъ-подъ ея тонкихъ, длинныхъ пальцевъ.

VIII.

Черезъ день послѣ описаннаго нами разговора Арсланъ-бея съ Кучукъ-бсемъ относительно союза съ трапезондскимъ сераскиромъ Шерифомъ-пашою, когда рѣшено было подѣйствовать на женолюбиваго пашу посредствомъ прелестной дочери Кучукъ-бея, молоденькой Эсма-ханумъ, именно въ началѣ августа 1809 года, два линейныхъ казака, Буркинъ и Пластунъ, возвращаясь съ ближайшаго сѣнокоса въ Редутъ-Кале, встрѣтили на дорогѣ коннаго абхазца, ѣхавшаго, повидимому, тоже по направленію къ этой крѣпости.

— Эй, кунакъ!—крикнулъ ему Буркинъ.—Куда держишь путь?

— Въ Редутъ-Кале, кунакъ,—смѣло отвѣчалъ абхазецъ.

— Вотъ те на!—засмѣялся Пластунъ.—Захотѣла Маланья прямо въ алтарь.

Абхазецъ смотрѣлъ вопросительно.

— А ты рази не знаешь, кунакъ, что у насъ въ алтарь ни бабъ, ни собакъ не пущаютъ, а только кошекъ, чтобы мышей ловили. А крѣпость наша для васъ, лупоглазыхъ, то же, что алтарь святой,—пояснилъ Буркинъ.

— Такъ я буду кошкой,—лукаво улыбнулся абхазецъ.

— Ахъ, ты, песья голова! Какой смѣлый!—засмѣялся Пластунъ.

— А на кошекъ у насъ есть собаки,—добавилъ Буркинъ.—Да ты толкомъ говори, кунакъ: ты и вправду норовишь въ Редутъ?

— Да, кунакъ,—серьезно отвѣчалъ абхазецъ,—я къ самому князю Орбеліани.

— Вотъ какъ! Откуда?

— Изъ Поти, кунакъ.

— Отъ кого? Али самъ отъ себя?

— Отъ Арсланъ-бея съ письмомъ и живымъ словомъ.

— Вотъ какъ! А покажь письмо.

— Письмо покажу самому князю, съ рукъ на руки, съ глазу на глазъ.

Казаки переглянулись. Отъѣхавъ немного въ сторону, они стали шептаться. — «Може, лазутчикъ... подосланъ вынюхать все»...—«Ну, мы завяжемъ ему глаза, чтобы ни спинь-пороху

не видалъ»...—«Ладно... къ самому, вишь ты, князю... нельзя не пущать».

Посовѣтовавшись, они обратились къ абхазцу, который спокойно ждалъ, пока они переговорятъ между собой.

— Вотъ что, кунакъ, песья твоя голова, — сказалъ Пластунъ, — крѣпость близехонько, а по нашимъ звычаямъ мы должны буркалы твои завязать.

— Бурки?—удивился абхазецъ, чѣмъ вызвалъ дружный смѣхъ линейцевъ.

— Буркалы! Это сказать бы, глядѣлки,—продолжалъ смѣяться Пластунъ.

— Глаза,—пояснилъ Буркинъ,—мы тебѣ завяжемъ глаза, чтобы ты ни синь-пороху не видалъ ни около крѣпости, ни въ самой крѣпости.

— Вяжи, кунакъ,—подчинился абхазецъ.

— Ладно! Давай башлыкъ.

Абхазецъ снялъ съ себя башлыкъ и подалъ Буркину. Тотъ накинулъ ему на голову, плотно прикрылъ глаза, оставивъ свободнымъ только ротъ для дыханія и кончикъ носа, и туго обмоталъ лопасти башлыка вокругъ головы абхазца.

— Ну, теперь, братъ, ни синь-пороху не увидишь... Ходи смѣло, Маланья, прямо въ святой алтарь.

Всѣ трое двинулись къ крѣпости. У воротъ ихъ встрѣтили солдатики, возившіе тачками землю къ одному изъ редутовъ.

— Эй, братцы, кубанцы въ жмурки играютъ, — смѣялись солдатики.

— Али красную дѣвицу везете, что со стыда закрылась?

— Съ бородой, братцы, дѣвка.

Кубанцы не отвѣчали на шутки товарищей и молча въѣхали въ крѣпость. Навстрѣчу имъ попался офицеръ.

— Кого привели, братцы?—спросилъ онъ.

— Не сказываетъ, ваше благородіе: къ самому князю, говоритъ, съ письмомъ отъ Арсланъ-бея изъ Поти.

Офицеръ пошелъ доложить князю и тотчасъ воротился.

— Идите къ его сіятельству,—сказалъ онъ,—проводите его, пусть идетъ съ завязанными глазами.

Абхазца ввели въ кабинетъ князя Орбеліани, выходившій окнами на море. Генералъ стоялъ, опершись рукою на письмен-

ный столъ, заваленный бумагами. Рука его касалась тутъ же лежавшаго пистолета.

— Гдѣ вы его взяли? — спросилъ онъ вытянувшихся въ струнку казаковъ.

— За возлѣскомъ, ваше сіятельство, недалече отъ крѣпости,—былъ отвѣтъ.

— Спасибо, ребята, за осторожность... Развяжите ему башлыкъ и можете идти.

Казаки, сдѣлавъ по формѣ оборотъ налѣво кругомъ, вышли, молодцовато стуча сапогами со звономъ. Абхазецъ стоялъ, какъ вкопанный.

— Ты кто?—спросилъ Орбеліани

— Я—Тутшугъ, изъ горнаго аула Чичи, воспитатель его свѣтлости Арсланъ-бея,—смѣло отвѣчалъ абхазецъ своею гортанною рѣчью.

— Воспитатель Арсланъ-бея?—переспросилъ князь.

— Воспитатель: моя жена кормила его... Его свѣтлость, Арсланъ-бей, нашъ воспитанникъ, вскормленникъ всего рода изъ аула Чичи.

Орбеліани зналъ, какое важное значеніе въ Абхазіи придавалось тому семейству, въ которомъ вскармливались юные принцы и князья, и даже всему роду. За то и вскормленникъ считался патрономъ цѣлаго рода, и за него родъ готовъ былъ и въ огонь, и въ воду.—«Клянусь именемъ вскормленника нашего» такого-то: это величайшая клятва для абхазца.

— Гдѣ же теперь Арсланъ-бей?—спросилъ Орбеліани.

— Въ Поти, въ гостяхъ у Кучукъ-бея.

— Зачѣмъ же онъ прислалъ тебя ко мнѣ?

— Съ письмомъ и живымъ словомъ.

— Гдѣ же письмо?

Абхазецъ, это былъ Тутшугъ, отецъ Диды, распоролъ кончикомъ кинжала часть подкладки у бешмета и вынулъ оттуда вчетверо сложенный лоскутокъ бумаги.

— Вотъ письмо,—сказалъ Тутшугъ, подавая посланіе.

Орбеліани развернулъ лоскутокъ.

«Арсланъ-бей абхазскій генералу князю Орбеліани съ миромъ. Вѣрь, князь, каждому слову, которое передадутъ въ уши

твои уста Тутшуга, моего воспитателя»,—прочелъ про себя Орбеліани.

Но онъ не зналъ почерка Арсланъ-бея.

— Это онъ самъ писалъ?—спросилъ князь.

— Самъ, своею правою рукой.

Орбеліани хлопнулъ въ ладоши. На его зовъ въ кабинетъ вступилъ бравый ординарецъ изъ грузинъ.

— Попроси ко мнѣ немедленно Сеферъ-Али-бея, — сказалъ князь.

Черезъ минуту явился номинальный владѣтель Абхазіи. При видѣ Тутшуга, лицо его выразило глубокое изумленіе. Но абхазецъ, въ знакъ почтительнаго привѣтствія, приложилъ руку къ сердцу и ко лбу.

— Вы знаете, князь, этого человѣка?—спросилъ Орбеліани.

— Я-ли не знаю воспитателя отцеубійцы и братоубійцы!—съ гордымъ презрѣніемъ воскликнулъ Сеферъ-бей.—Только шакалъ могъ воспитать шакала.

— Онъ явился ко мнѣ посломъ отъ вашего брата,—замѣтилъ Орбеліани.

— Отцеубійца не братъ мнѣ!—сказалъ горячо владѣтель Абхазіи.—Что нужно отъ насъ этому нечестивцу, проклятому Богомъ и людьми?

— Вотъ онъ пишетъ мнѣ,—сказалъ Орбеліани, подавая Сеферъ-бею клочекъ бумаги, привезенный Тутшугомъ.—Его-ли это рука, князь?

Сеферъ-бей съ гадливостью взглянулъ на бумагу.

— Его, злодѣя... Это писано кровью моего отца и моихъ братьевъ,—сказалъ онъ, возвращая бумагу.—И вы, князь, думаете вѣрить тому, что кровавыя уста одного перенесутъ къ вамъ въ уши изъ кровавыхъ устъ другого шакала?

— Я не знаю еще, что онъ мнѣ скажетъ,—отвѣчалъ Орбеліани.—Но во всякомъ случаѣ, ваша свѣтлость, будьте увѣрены, что все, что мнѣ сообщитъ посланецъ Арсланъ-бея, я не замедлю довести до вашего свѣдѣнія. Извините, что обезпокоилъ васъ и огорчилъ, пригласивъ удостовѣрить подлинность руки Арсланъ-бея.

И Орбеліани поклонился, давая понять Сеферъ-бею, что онъ

можетъ удалиться. Сеферъ-бей поклонился также и вышелъ, не удостоивъ взглядомъ Тутшуга.

— Что же Арсланъ-бей приказалъ тебѣ сообщить мнѣ?— спросилъ Орбеліани.

— Его свѣтлость, мой воспитанникъ и повелитель, Арсланъ-бей абхазскій, повелѣлъ мнѣ передать вашему сіятельству съ глазу на глазъ и изъ устъ моихъ въ ваши уши его слова: Арсланъ-бей, желая загладить свои проступки противъ Россіи, предлагаетъ вамъ свою помощь взять Поти.

— Поти!—удивился Орбеліани.—Какимъ это образомъ?

— Арсланъ-бей находится теперь въ Поти, въ гостяхъ у Кучукъ-бея,—продолжалъ Тутшугъ. — Надѣленный по волѣ Аллаха мудростью царя Соломона...

— Ужъ не имеретинскаго-ли?—улыбнулся Орбеліани.

— Нѣтъ, Соломона, царя іудейскаго. Надѣленный его мудростью и мужествомъ барса, Арсланъ-бей, видя коварство Кучукъ-бея, положилъ въ сердцѣ своемъ обличить его коварство и приготовить ему гибель. Онъ узналъ, что Кучукъ-бей, въ закоренѣлости своей дыша адомъ противъ Россіи, приглашаетъ Шерифа-пашу, сераскира трапезондскаго, идти къ Поти съ войскомъ, чтобы потомъ, соединившись вмѣстѣ съ нимъ и съ имеретинскимъ Соломономъ, выгнать русскихъ не только изъ Редутъ-Кале, но и изъ Гуріи, Мингреліи и Имеретіи...

— И Абхазію отдать Арсланъ-бею?—съ улыбкой недовѣрія спросилъ Арбеліани.

— Нѣтъ, ваше величество, — отвѣчалъ Тутшугъ. — Арсланъ-бей отдаетъ себя на вашу милость и на милость могущественнаго Бѣлаго царя.

— Что же онъ самъ не явился съ повинной?—спросилъ Орбеліани.

— Онъ еще хочетъ носить свою голову на плечахъ.

— Но въ Россіи есть пословица: повинную голову мечъ не сѣчетъ.

— Арсланъ-бей боится Сибири: онъ такъ любитъ свое солнце и свои горы.

— И онъ поможетъ мнѣ взять Поти?—послѣ нѣкотораго раздумья, спросилъ Орбеліани.

— Да... Это его повинная... Мы укажемъ вамъ слабыя мѣста крѣпости Кучукъ-бея.

— А сколько въ ней гарнизону?

— Всего четыреста человѣкъ.

— А орудій крѣпостныхъ?

— Тридцать пять.

Князь Орбеліани сильно сомнѣвался въ искренности Арсланъ-бея. Нужны были какія-нибудь очень сильныя причины, чтобы этотъ безчеловѣчный честолюбецъ отказался отъ всего своего прошлаго и, что равносильно, заживо похоронилъ бы себя. Не такого закала былъ этотъ человѣкъ, это было олицетвореніе восточнаго деспотизма. Ему ничего не значило пролить рѣки крови, перешагнуть черезъ трупы отца, братьевъ, чтобы только сѣсть выше другихъ. Родство, дружба, любовь, честь, все у него на остріѣ его кинжала. Убить, обмануть самымъ постыднымъ образомъ, нагло лгать въ глаза—это добродѣтель деспота. А такимъ и былъ Арсланъ-бей. Для чего же онъ убивалъ звѣрски отца, братьевъ? Не для того же, чтобы потомъ добровольно отказаться отъ этихъ «трофеевъ»?

«Да, это новое коварство,—думалъ Орбеліани.—Но что подъ нимъ скрывается?»

— Нѣтъ, я не вѣрю ни тебѣ, ни Арсланъ-бею,—сказалъ онъ, наконецъ, глядя упорно въ глаза Тутшугу.

Абхазецъ колебался. Чтобы ему повѣрили, надо было открыть истинную причину ничѣмъ необъяснимаго поворота въ дѣйствіяхъ Арсланъ-бея. Но какъ открыть ее? Посылая его въ Редутъ-Кале съ этимъ предательскимъ порученіемъ, Арсланъ-бей разрѣшилъ ему только въ самомъ крайнемъ случаѣ открыть Орбеліани тайну своего господина. Но насталъ ли этотъ крайній случай? Долженъ ли Тутшугъ показать «подкладку бешмета»?

— Я не вѣрю вамъ,—повторилъ Орбеліани.

Глаза абхазца сверкнули. Онъ видѣлъ, что приходится показать «подкладку бешмета». А посылая его къ Орбеліани, Арсланъ-бей сказалъ:—«уломаешь уруса, не показывая ему подкладки бешмета, будешь для меня больше отца; а не уломаешь, не показавъ подкладки бешмета, будешь мнѣ только младшимъ братомъ»... Приходилось отказаться отъ чести быть у своего повелителя выше отца... Тутшугъ рѣшился.

— Такъ знай же, князь,—сказалъ онъ, наконецъ,—я не показалъ тебѣ то, что особенно глубоко спрятано въ Арсланъ-беѣ... Я не показалъ тебѣ изнанку его сердца, оттого ты и не вѣришь

ни ему, ни мнѣ... Въ сердцѣ Арсланъ-бея неизлѣчимая рана. Рану эту способна залѣчить только дочь Кучукъ-бея, прекрасная Эсма-ханумъ. А между тѣмъ Кучукъ-бей хочетъ отдать свою дочь въ жены старому Шерифу-пашѣ, сераскиру трапезондскому, и только на этомъ условіи Шерифъ-паша придетъ съ войскомъ, чтобы защитить отъ русскихъ Поти и взять съ собою прекрасную Эсма-ханумъ. А мой господинъ Арсланъ-бей говоритъ:—«я за Эсма-ханумъ отдамъ русскимъ Сухумъ, всю Абхазію, за Эсма-ханумъ отдамъ свою душу и весь рай пророка».—Вотъ, князь, теперь я выложилъ передъ тобою сердце моего господина: оно трепещетъ у него на остріѣ кинжала. Спаси же моего господина. Съ Эсма-ханумъ онъ уйдетъ въ горы; «тамъ, говоритъ онъ, въ бѣдной саклѣ мы найдемъ рай пророка».

Князь Орбеліани убѣдился теперь, что Арсланъ-бей былъ искрененъ. Онъ зналъ, какъ пламенны страсти у восточнаго человѣка. Въ порывѣ страсти, для обладанія тѣмъ, на что обрушится эта страсть, дитя Востока не задумается пожертвовать престоломъ, славой, жизнью. Что ему жизнь? Одинъ взмахъ кинжала, и нѣтъ жизни! Убилъ же онъ отца и братьевъ изъ-за честолюбія. А эта страсть сильнѣе честолюбія.

IX.

Взвѣшивая со всѣхъ сторонъ неожиданное предложеніе Арсланъ-бея, князь Орбеліани вспомнилъ ту, которая зажгла въ необузданномъ сердцѣ отчаяннаго головорѣза такую пылкую страсть. Онъ самъ видѣлъ ее. Онъ говорилъ съ нею о Россіи, о Петербургѣ, о его увеселеніяхъ, и юная дикарка обворожила его самого. Ему даже стало жаль, что такое прелестное существо можетъ достаться деспоту-варвару и кончить свою жизнь гдѣ-нибудь въ горахъ, среди дикихъ скалъ и непроходимыхъ дебрей Абхазіи, когда этотъ прелестный цвѣтокъ могъ бы вполнѣ распуститься въ иной, болѣе нѣжной атмосферѣ, въ царственной обстановкѣ, которой вполнѣ достойно было это очаровательное дитя Востока.

Но былъ-ли онъ правъ, жалѣя въ душѣ крошку Эсма-ханумъ? Это было такое чистое, невинное дитя природы, какъ нѣжная азалія ея родныхъ горъ, которой не коснулось еще за-

разительное, нечистое дыханіе большого города. Онъ рисовалъ передъ нею соблазнительныя картины столичныхъ увеселеній, театры, концерты, придворные балы. Но развѣ послѣдніе, думалъ онъ, не убійство для всего невиннаго, чистаго, не оскверненіе всего святого и непорочнаго? Танцы... это нечистое прикосновеніе всякихъ грязныхъ рукъ, хотя онѣ и въ бѣлыхъ перчаткахъ, къ чистому, какъ горный снѣгъ, существу... Это нескромное созерцаніе видимаго и воображаемаго... Нѣтъ, это убійство невинности, и убійцы тутъ всѣ, каждый, кто имѣетъ право пригласить на вальсъ юное, непорочное существо... Это значитъ разомъ принадлежать всѣмъ и каждому. Нѣжная азалія, которую ласкало только солнце да обвѣвалъ своимъ дыханіемъ тихій горный вѣтерокъ, окажется вдругъ сорванной, захватанной, всѣми обнюханной, фи! какая гадость... Бѣдный цвѣточекъ!

Такъ думалъ князь Орбеліани, представляя себѣ прелестную Эсма-ханумъ въ Петербургѣ.

Но тутъ? Заключенная въ гаремѣ стараго, безобразнаго, истаскавшагося Шерифъ-паши, оторванная отъ всего міра, всѣхъ явленій и радостей жизни; предоставленная деспотическому произволу грубаго сластолюбца, раба этого деспота, преслѣдуемая интригами, завистью и злобою другихъ обитательницъ гарема; третируемая злобнымъ евнухомъ, какъ вещь, какъ объектъ минутной прихоти господина, что тутъ должно вынести прелестное юное созданіе? А въ горахъ у Арсланъ-бея, въ бѣдной саклѣ, среди непроходимыхъ дебрей, въ вѣчномъ одиночествѣ?

— Извините, князь, я, кажется, не во-время.

Орбеліани вздрогнулъ и обернулся. Онъ стоялъ у окна и глядѣлъ на море, думая о судьбѣ Эсма-ханумъ. Въ кабинетъ входилъ Сеферъ-Али-бей.

— Извините, я, кажется, прервалъ ваши размышленія?— сказалъ онъ.

— Нѣтъ, князь, я думалъ о предстоящемъ намъ походѣ,— разомъ пришелъ въ себя Орбеліани.—Готова ли къ выступленію ваша милиція?

— Совершенно готова. Мы сейчасъ, князь Дадіанъ, князь Мамія Гуріели и я, ѣздили на сборные пункты нашихъ войскъ, и наши всѣ въ образцовомъ порядкѣ.

— А какъ смотрятъ гурійцы? Надежны ли они?

— Вполнѣ надежны: они ненавидятъ турокъ.

— Да, это правда,—сказалъ Орбеліани,—только князь ихъ Маміа далеко не постояненъ. Еще недавно онъ сносился съ «царемъ безъ царства».

— Это съ Соломономъ имеретинскимъ? — спросилъ Сеферъ-бей.

— Да они, царь Соломонъ и князь Маміа Гуріели думали при помощи ахалцыхскаго паши отвоевать отъ насъ Имеретію, а Гурію предоставить протекторату султана. Но это у нихъ не выгорѣло, и князь Маміа думаетъ теперь загладить свое коварство.

— Когда же мы выступаемъ, князь?—спросилъ Сеферъ-бей.

— Завтра, 12-го августа. Я выступаю съ шестью ротами бѣлевскаго полка, одною ротою 9-го егерскаго и полсотнею казаковъ при пяти орудіяхъ.

— Да наши три милиціи.

— Да, но не забывайте, что вамъ придется имѣть дѣло съ войскомъ Шерифа-паши, пока Поти будетъ обложена мною.

На другой день, дѣйствительно, состоялось выступленіе. Спереди слѣдовали казаки, которые открыли походъ боевою пѣсней. Знакомый намъ Пластунъ оказался голосистымъ запѣвалой. Свѣсивъ на бекрень свою шапку, онъ затянулъ фальцетомъ:

По горамъ было, горамъ,
По турецкимъ скаламъ
Орудейный громъ летитъ,
Весь турецкій край дрожитъ.

Пластуна поддержали товарищи, и эхо горъ повторило послѣднія слова хвастливой пѣсни:

Вынимаетъ мечъ булатный
Бѣжитъ прямо на завалъ:—
Загремѣли ружья, шашки—
Бьемъ мы турокъ наповалъ.

Слушая казацкую пѣсню мѣстнаго происхожденія, старые пѣхотинцы снисходительно улыбались

— Это что за пѣсня! Новенькая... А послушали бы они нашихъ суворовскихъ пѣсенъ,—говорилъ низенькій солдатикъ съ лицомъ чернѣе голенища и съ бѣленькимъ крестикомъ на груди.

— Это про Лопухина да про пруцкого короля?—спросилъ молодой малый съ лицомъ «хоть рѣпу сажай».

— Да хоть бы и про Лопухина.

— Что жъ, мы и эту пѣвали,—заговорили многіе голоса.—Споемъ ее, покажемъ казакамъ, какъ пѣть. Заводи-ка, Кудряшовъ.

Кудряшовъ выступилъ нѣсколько впередъ и, обернувшись своимъ рябымъ лицомъ къ товарищамъ, запѣлъ:

Какъ не пыль въ полѣ пылитъ,—
Не дубровушка шумитъ,
Прусакъ съ арміей валитъ.

Это была длинная, любимая тогда солдатская пѣсня, похвальба побѣдами надъ «пруцкимъ королемъ». Пѣсня говоритъ, какъ прусаки «начали палить, только дымъ съ сажей валитъ». Дальше такая картина: «Намъ не видно ничего, только видно на прикрасѣ, на зеленомъ на лугу: стоитъ армія въ кругу. Лопухинъ ѣздитъ въ полку, куритъ трубку табаку. Онъ не для того куритъ, чтобы пьяному не быть, для того табакъ куритъ, чтобы смѣло поступить подъ лютого подъ врага, подъ лютого подъ врага, подъ пруцкого короля». И вотъ они подступили. Герой Лопухинъ, продолжая курить трубку, и «таки рѣчи говоритъ:—«начинайте-ка, ребята, вы со праваго крыла, со лѣвого тесака».—Наши начали палить, только сажища валитъ»..

Въ пѣснѣ и въ голосахъ пѣвцовъ слышался такой подмывающій задоръ, что всѣ сю заинтересовались, и князь Орбеліани подъѣхалъ ближе къ пѣсенникамъ вмѣстѣ съ Сеферъ-беемъ. Солдатики, ободряемые улыбкою военачальника, продолжали еще съ большимъ воодушевленіемъ:—«Они бились-рубились четырнадцать часовъ; на пятнадцатомъ часу стали тѣла разбирать: находили во тѣлахъ полковничковъ до пяти, полковничковъ до пяти, генераловъ десяти. А еще того подалѣ заставали душу въ тѣлѣ, заставали душу въ тѣлѣ: Лопухинъ лежитъ убитъ, Лопухинъ лежитъ убитъ, таки рѣчи говоритъ: «Охъ, вы гой еси, ребята, мои вѣрные слуги! Вы подайте-ка, ребята, листъ бумаги гербовой, листъ бумаги гербовой, чернильницу со перомъ. Напишу я таку вѣрность государынѣ самой: князь Румянцевъ генералъ много силы истерялъ; воръ Потемкинъ генералъ въ

своемъ полку не бывалъ, въ своемъ полку не бывалъ, всяе силу растерялъ: кое пропилъ-промоталъ, кое въ карты проигралъ; которая на горѣ, стоитъ по груди въ кровѣ, а котора подъ горой, заметало всю землей. А Суворовъ генералъ свою силу утверждалъ, мелки пушки заряжалъ, короля во полонъ бралъ»...

— Ну, досталось же бѣднымъ генераламъ!—засмѣялся Орбеліани.—А особенно Потемкину: онъ и «воръ», и «пропилъ-прогулялъ» свою армію, а остальныхъ «въ карты проигралъ»...

— Неужели это правда, князь?—изумился Сеферъ-бей.

— Конечно, вздоръ... Это видно, что его не любили солдаты, которыхъ онъ не щадилъ. Зато предъ Суворовымъ они благоговѣли, да и было за что: это былъ великій военный геній... А этотъ герой Лопухинъ, умирая, онъ пишетъ письмо или донесеніе, да еще на «гербовой бумагѣ».

Надвигался вечеръ. Солнце, огромнымъ багровымъ шаромъ погрузившись въ море, отбросило отъ себя въ багряное небо сноп яркихъ лучей, золотистымъ отблескомъ которыхъ продолжали еще горѣть вершины горъ. По небу съ разныхъ сторонъ неслись запоздавшіе орлы и вороны, направляя свой полетъ въ горы на ночлегъ. Хотя переходъ отъ Редутъ-Кале былъ сдѣланъ небольшой, однако, въ виду приближающейся ночи, князь Орбеліани распорядился остановить свой отрядъ, чтобы утромъ со свѣжими силами подступить къ Поти. Едва колонны остановились, какъ казаки одного изъ передовыхъ разъѣздовъ привели къ Орбеліани какого-то подозрительнаго абхазца, принявъ его за лазутчика. Оказалось, что это былъ Тутшугъ, подосланный Арсланъ-беемъ. На поданномъ имъ клочкѣ бумаги рукою послѣдняго было написано: «Посылаю проводника. Его указанія приведутъ васъ къ благополучію».

— Ночуй тутъ, князь,—сказалъ Тутшугъ,—а завтра утромъ я поведу тебя въ обходъ и покажу удобную переправу чрезъ Ріонъ.

Однако, не вполнѣ довѣряя посланцу, князь Орбеліани приказалъ на ночь усилить сторожевую цѣпь и осторожно наблюдать за Тутшугомъ. Но подозрѣнія Орбеліани не оправдались. Утромъ, по его указаніямъ, часть абхазскихъ и мингрельскихъ войскъ, подъ начальствомъ Сеферъ-бея и князя Дадіана, а также три роты бѣлевцевъ, прикрываясь лѣсомъ, съ трехъ сторонъ окру-

жавшимъ Поти, благополучно переправились на лѣвый берегъ Ріона и заняли позицію въ трехъ верстахъ отъ крѣпости. На мѣстѣ переправы находился прочный и помѣстительный паромъ-плотъ. Его-то именно и имѣлъ въ виду опытный въ военномъ дѣлѣ Тутшугъ, воспитавшій такое чадо, какъ Арсланъ-бей, потому что безъ парома нельзя было переправить на другой берегъ рѣки орудія и снаряды. Этимъ паромомъ и воспользовался Орбеліани. Помѣстивъ на немъ пушки, лошадей и зарядные ящики, онъ съ остальнымъ отрядомъ двинулся внизъ по Ріону и, подъ защитою лѣса, высадился почти у самаго форштадта Поти. На правомъ берегу онъ оставилъ одно орудіе, которое, въ случаѣ надобности, могло обстрѣливать форштадтъ съ сѣвера и съ сѣверо-востока. Не утомленные короткимъ переходомъ, солдатики быстро соорудили молодецкую батарею.

— Въ единъ моментъ, по-суворовски,—говорилъ, закуривая посогрѣйку, тотъ старый морщинистый солдатикъ съ «георгіемъ» на груди, что ходилъ, хотя и не «подъ проклятого пруцкого короля», а «подъ Аршавъ-городъ» съ Суворовымъ, подъ веселую пѣсенку:

Ахъ, начто было огородъ городить.
Ахъ, начто было капусту садить!..

— Ну, и чижала жъ наша «теща»,—говорилъ рябой Кудряшовъ, запѣвала, перевязывая вспотѣвшія за работой опорки.

— Чижала «тещенька» точно, да дѣло свое знаетъ,—замѣтилъ другой солдатъ, вытирая травою банникъ.

«Тещею» они называли пушку, которая должна была съ воздвигнутой сейчасъ батареи обстрѣливать форштадтъ. Эту батарею возводилъ и командовалъ ею инженеръ-подпоручикъ Фрейманъ, бѣлокурой молодой человѣкъ, на котораго князь Орбеліани возлагалъ большія надежды. И онъ не ошибся. Едва его единственное орудіе открыло огонь по форштадту, какъ мѣткіе выстрѣлы тотчасъ же дали о себѣ знать.

— Заговорила наша «теща»,—смѣялись солдатики, наблюдая со стороны, какъ удачно ложились ядра въ намѣченные пункты.—А здорово плюется старушка!

— Ну, ну, братцы, живѣе кормите старуху черной кашей!—кричали артиллеристамъ свободные отъ дѣла пѣхотинцы.—Сынь, сынь ей въ хайло, все проглотитъ теща.

— Дай каленый арбузикъ ей въ зубы!

— А! Не любишь, тешшинька, каленаго арбузика!—говорилъ рябой Кудряшовъ, когда изъ жерла пушки съ дымомъ вылетѣло ядро.—Выплюнула ядрышко.

— И далеко же плюетъ старуха! Ай да тешшинька! Мотри, мотри, братцы, што надѣлала тамъ! Бѣгутъ!

— Въ единъ моментъ, по-суворовски,—бормоталъ ходившій «подъ Аршавъ-городъ» старый Сукачовъ, не выпуская изо рта посогрѣйки.

Дѣйствительно, турки, засѣвшіе за окопами, не выдержали мѣткаго огня батареи Фреймана и вразсыпную бросились укрываться въ ближайшихъ къ стѣнамъ крѣпости строеніяхъ

— Въ догонку! Въ догонку имъ!

X.

Поти, однако, не такъ легко было взять, какъ казалось издали. Сколько ни работала энергическая «теща», поддерживаемая четырьмя другими орудіями со вновь возведенныхъ батарей, ея грозные крики не могли заставить замолчать турецкихъ «шавокъ», какъ называли наши солдатики крѣпостныя орудія, отвѣчавшія намъ со стѣнъ Поти. Правда, нѣкоторыя изъ нихъ были подбиты нашими выстрѣлами, особенно же выстрѣлами со стороны «тещи», но... и Фрейманъ готовъ былъ рвать на себѣ волосы... Горластная «теща» замолчала...

— Кормить нечѣмъ тешшу, отощала, бѣдная,—печаловались солдатики,—нечѣмъ ей плеваться и пужать турецкихъ шавокъ.

Дѣйствительно, къ октябрю у насъ всѣ боевые припасы вышли, а взять было негдѣ. Пороху еще было достаточно, но ядеръ совсѣмъ почти не было.

— Я знаю, какъ помочь горю, князь,—сказалъ однажды Леванъ Дадіанъ,—у насъ будутъ ядра.

— Откуда же мы ихъ возьмемъ?—удивился Орбеліани.

— У насъ, въ Мингреліи, по крѣпостцамъ, много негодныхъ мѣдныхъ пушекъ, изъ которыхъ ужъ нельзя стрѣлять: мы ихъ перельемъ въ ядра. Мало того, у насъ по церквамъ, въ старыхъ ризницахъ, хранятся безъ всякаго употребленія разбитые церковные колокола. Я напишу матери, и она тотчасъ же доставитъ намъ цѣлый обозъ мѣди.

— Прекрасная идея! — обрадовался Орбеліани. — Пишите тотчасъ же многоуважаемой княгинѣ Нинѣ Георгіевнѣ.

И, дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней правительница Мингреліи сама явилась подъ стѣнами Поти съ цѣлымъ обозомъ старыхъ мѣдныхъ пушекъ и колоколовъ и съ массою рабочихъ мингрельцевъ. Наскоро устроили горны и формы для литья ядеръ, и работа закипѣла. Княгиня Нина лично наблюдала за литейнымъ дѣломъ, а равно своимъ присутствіемъ ободряла рабочихъ при возведеніи новыхъ батарей. Солдаты были поражены ея геройской неустрашимостью и благоговѣли передъ нею.

— Ну—говорилъ старый Сукачовъ,—много я свѣту видѣлъ, но такого дива еще не видывалъ. На что только отчаянный народъ, немало я ихъ знавалъ, какъ мы подъ Аршавъ-городъ ходили, а чтобы на батареяхъ видѣть юбки, такого и при Суворовѣ не бывывало.

Особенно приводило солдатъ и въ смущеніе, и въ умиленіе то, что ядра лили изъ церковныхъ колоколовъ.

— Мѣдь-то не простая, а святая... Святыя и ядра будутъ все едино, что ладонъ росной.

— Ужъ такое ядро не минетъ цѣли, нѣтъ, шалишь!

— А особливо, какъ святымъ-то ядромъ да тешшу зарядимъ, держись!

Появленіе княгини Нины на батареяхъ было замѣчено съ крѣпости, и оттуда началась усиленная пальба по тѣмъ именно батареямъ, на которыхъ по временамъ появлялась и дразнила турокъ бѣлая чадра мужественной правительницы Мингреліи. Поэтому князь Орбеліани всегда предостерегалъ ее, указывая на опасность, но княгиня продолжала дѣйствовать попрежнему, зная, что своимъ присутствіемъ она поддерживаетъ мужество не только въ своихъ подданныхъ, но и въ солдатахъ. Однажды, когда вновь устроенныя батареи начали дѣйствовать новыми мѣдными ядрами, и на главной батареѣ, съ которой стрѣляла «теща», находились князь Орбеліани, княгиня Нина съ сыномъ Леваномъ и Сеферъ-бесмъ, на крѣпостной стѣнѣ Поти, около одной амбразуры, появилась женская фигура.

— Посмотрите, княгиня, турки начинаютъ подражать вамъ,—съ улыбкою сказалъ Орбеліани.—Видите, на стѣнѣ женщина, и молоденькая (онъ смотрѣлъ въ зрительную трубу, ко-

торую передалъ потомъ княгинѣ).—Она видимо бравируетъ: въ одной рукѣ держитъ турецкое знамя съ полумѣсяцемъ, а другая рука грозитъ намъ кинжаломъ.

— Я узнаю эту женщину,—мрачно сказалъ Сеферъ-бей, тоже наблюдавшій въ подзорную трубу.—Это молочная сестра злодѣя Арсланъ-бея.

Солдаты также замѣтили Диду на стѣнѣ крѣпости.

— Вотъ бы ссадить оттеда турчаночку! Тишенька, голубушка... ссади ее!

Въ это время на батарею прибылъ князь Маміа, владѣтель Гуріи. Онъ былъ видимо озабоченъ.

— Что новаго, любезный князь?—спросилъ Орбеліани.

— Арсланъ-бей былъ правъ,—сказалъ Маміа торопливо,—турки уже топчутъ мои земли копытами своихъ коней... Шерифъ-паша идетъ отъ Батума на помощь Поти за своею невѣстою, за Эсма-ханумъ. Сейчасъ прибыли мои развѣдчики и говорятъ, что съ сераскиромъ слѣдуетъ болѣе десяти тысячъ войска, одни берегомъ моря, другіе на судахъ... Я не позволю имъ топтать мою кукурузу и мои виноградники.

— И я иду съ вами спасать Гурію,—сказалъ Орбеліани

Вскорѣ отъ развѣдчиковъ узнали, что Шерифъ-паша, прослѣдовавъ береговою полосой Гуріи, остановился въ двадцати верстахъ отъ Поти. Обманувшись въ надеждѣ на помощь со стороны гурійцевъ, которыхъ, по увѣреніямъ Соломона II, бѣглаго царя Имеретіи, онъ считалъ сторонниками Турціи, и, предвидя возможность нападенія на войско со стороны русскихъ, сераскиръ боялся слѣдовать къ Поти, а счелъ болѣе благоразумнымъ укрѣпиться подъ защитою двухъ рѣчекъ, Молтаквы и Григолеты. Между этими рѣками онъ остановился лагеремъ, имѣя первую съ правой стороны, а послѣднюю—съ лѣвой. Тылъ его прикрывали лѣсистыя и болотистыя, совсѣмъ непроходимыя мѣста, а отъ моря турки защитились нѣсколькими редутами и окопами. Позиція, повидимому, была неприступная. Но счастье на этотъ разъ измѣнило старому претенденту на руку молоденькой Эсма-ханумъ.

— Я нападу на него со стороны Григолеты, откуда онъ менѣе всего ожидаетъ нападенія,—сказалъ князь Маміа,—мои гурійцы отлично знаютъ всѣ броды на рѣчкѣ.

— А я поведу атаку отъ рѣчки Молтаквы и съ фронта,— рѣшилъ Орбеліани.

Онъ тотчасъ же, не снимая осады Поти, послалъ впередъ, къ Молтаквѣ, Сеферъ-бея и князя Левана Дадіана съ частью ихъ милицій, придавъ имъ въ помощь двѣ роты кабардинскаго мушкетерскаго полка съ двумя орудіями, подъ начальствомъ родственника своего, майора князя Орбеліани, который съ своимъ отрядомъ стоялъ всего въ шести верстахъ отъ Молтаквы. Шерифъ-паша былъ ошеломленъ, увидавъ почти въ тылу у себя гурійцевъ. Князь Маміа Гуріели съ такою стремительностью повелъ въ атаку свою милицію, что турки растерялись. Не выдержавъ этого натиска, они было бросились въ сторону Молтаквы, но тамъ ихъ встрѣтилъ картечью майоръ Орбеліани съ своими кабардинцами. Картечь вырвала изъ рядомъ ошеломленнаго непріятеля десятки жертвъ, и, отступая къ морю по трупамъ своихъ товарищей, турки не замѣтили, какъ лихіе джигиты абхазскіе и мингрельскіе съ Сеферъ-бесмъ и Леваномъ Дадіаномъ во главѣ вплавь перелетѣли черезъ Молтакву и стали крошить саблями направо и налѣво. Поражаемые съ двухъ сторонъ, турки спѣшили укрыться въ укрѣпленныхъ редутахъ и завалахъ. Но ихъ и тамъ ждала смерть. Пока абхазцы, мингрельцы и гурійцы, подкрѣпляемые кабардинцами, поражали и преслѣдовали бѣгущихъ, генералъ князь Орбеліани успѣлъ переправить пѣхоту и артиллерію черезъ Молтакву на лодкахъ. Въ этомъ мѣстѣ онъ наткнулся на сильно укрѣпленную позицію. Ему предстояло одно, штурмовать редуты и окопы.

— Ваше благородіе,—обратился старый «Сукачъ» къ своему ротному,—прикажите по суворовски.

— Какъ по суворовски, старина?—спросилъ офицеръ.

— Безъ киверовъ и безъ ранцевъ, оно способнѣе и драться, и гнать бусурмана.

Старый «Сукачъ» пользовался всеобщимъ уваженіемъ въ ротѣ, и ротный зналъ это.

— Хорошо, старина,—сказалъ онъ,—я только доложу объ этомъ князю.

Вскорѣ, возвращаясь бѣгомъ отъ Орбеліани, который распоряжался около орудій, офицеръ кричалъ издали, махая саблей:— Кивера и ранцы долой!

Кивера и ранцы полетѣли на землю. Скоро грохнуло первое орудіе. Послышалась команда: «на штурмъ»!

— За мной, ребятушки! Не выдайте старика!—крикнулъ Сукачевъ, бросаясь впередъ съ ружьемъ наперевѣсъ.

— Ура, ура!—подхватила старика вся рота, за ней другая и третья, и вся пѣхота стремительно ринулась впередъ.

И въ окопахъ, и во фланговомъ укрѣпленіи турки защищались отчаянно. Они знали хорошо русскую «штыковую работу»; но безвыходность положенія остервенила ихъ. Они спотыкались на трупы павшихъ товарищей и мужественно отстаивали свою жизнь. За первыми рядами валились вторые, за вторыми третьи. А штыки все продолжали работать. Одинъ громадный турокъ, пробитый штыкомъ Кудряшова насквозь, не падалъ, а продолжалъ махать кривою саблей у самаго лица противника.

— Вынь штыкъ! Вынь штыкъ, а то голову снесетъ!—кричалъ старый суворовецъ.

Кудряшовъ рванулъ штыкъ назадъ, и громадный турокъ опрокинулся навзничь.

Скоро пали два главныхъ турецкихъ знамени, и войско Шерифа-паши обратилось въ бѣгство. Всѣ стремились къ морю, къ своимъ судамъ, оглашая воздухъ то именемъ Аллаха, то страшными проклятіями. Шерифъ-паша бѣжалъ однимъ изъ первыхъ. Но и море не спасло несчастныхъ. Первые счастливцы, которые успѣли добѣжать до берега, тотчасъ же бросились въ лодки, наполняя ихъ во мгновеніе ока, и тотчасъ же отплывали къ судамъ, стоявшимъ неподалеку. Опоздавшіе бросались въ море и старались вплавь догнать уплывшія лодки. Но тамъ ихъ встрѣчала смерть отъ руки своихъ же братьевъ. Боясь, чтобъ товарищи, хватающіеся за весла и за борты, не потопили лодокъ, сидѣвшіе въ этихъ лодкахъ безжалостно рубили имъ руки, били саблями и веслами по головамъ, и несчастные съ воплями, стонами и проклятіями исчезали подъ водой, окрашивая ее своею кровью.

Полторы тысячи турецкихъ труповъ покрывали поле битвы. А сколько несчастныхъ потонуло въ морѣ, сколько погибло въ засасывающихъ трясинахъ турійскихъ болотъ! Побѣдителю досталось двадцать турецкихъ знаменъ и весь обширный лагерь грознаго сераскира. Такъ дорого обошлась старику попытка

получить руку золотокосой Эсма-ханумъ съ огромными чудными глазами «окнами въ рай», по выраженію влюбленнаго въ нее Арсланъ-бея...

XI.

Что же дѣлала въ это время Эсма-ханумъ, изъ-за которой пролито было столько крови?

Въ своей невинности она ничего этого не знала и не подозрѣвала. Она оставалась въ осажденной крѣпости. Смутно тянулись дни за днями, не принося никакого утѣшенія. Каждый день съ утра до ночи она слышала только грохотъ пушекъ за стѣнами крѣпости и такіе же отвѣты на этотъ грохотъ съ крѣпостныхъ стѣнъ. Лицо ея отца съ каждымъ днемъ становилось все сумрачнѣе и сумрачнѣе. Каждый день въ крѣпости хоронили кого-нибудь изъ ея защитниковъ, а иной день по десяти и болѣе труповъ и раненыхъ сносили со стѣнъ укрѣпленій, и ряды защитниковъ ея родного города убывали съ каждымъ днемъ. Лѣто давно миновало, и наступала осень съ ея дождями и туманами. Прежде дѣвушка любила кататься по морю на разукрашенномъ и расцвѣченномъ катерѣ ея отца, или скакать верхомъ по живописнымъ окрестностямъ Поти; а теперь и это все кончено: всѣ они заперты въ стѣнахъ крѣпости, какъ въ тюрьмѣ. Прежде она была бы счастлива присутствіемъ своей пріятельницы Диды, но теперь, послѣ ихъ разговора на берегу моря, теперь... Дида была колючимъ терніемъ въ ея сердцѣ.

Въ душѣ ея, однако, глубоко таилось одно утѣшеніе, это присутствіе въ крѣпости Арсланъ-бея. Чѣмъ больше она думала о немъ, чѣмъ чаще встрѣчалась съ нимъ, тѣмъ болѣе заполонялъ ея юную душу образъ этого молодого героя Абхазіи, который, послѣ восторженныхъ разсказовъ о немъ ничего не подозрѣвавшей Диды, выросталъ въ душѣ ея до чего-то недосягаемаго. Быть близко къ этому недосягаемому божеству, заслужить его вниманіе, а потомъ... потомъ... Да отъ одной мысли объ этомъ у хорошенькой турчанки голова кружилась, сердце замирало въ мучительно-сладкой истомѣ...

Отъ зоркой и опытной Диды, она была старше своей пріятельницы лѣтъ на пять, не могло скрыться это новое душевное

настроеніе юной дочери Кучукъ-бея. Она видѣла происшедшую въ ней перемѣну; но сначала ничѣмъ не могла объяснить ее.— «Старше становится, перестала быть дѣвочкой», — думалось ей:—«она сама еще не знаетъ, что въ ней проснулась женщина... Только поздно какъ-то... Ей уже четырнадцать лѣтъ, а я въ десять лѣтъ была женщиной... Помню ту нашу пещеру... помню, какъ я по ночамъ ждала его тамъ... помню даже прикосновеніе его рукъ... я вся дрожала... Это было въ полнолуніе... «Тебѣ, Дида, сегодня ужъ десять лѣтъ»,—сказалъ онъ и взялъ мою руку... Тутъ я въ первый разъ почувствовала что-то такое, чего прежде не чувствовала, когда онъ даже цѣловалъ меня... а тутъ только руку взялъ... Душа Эсма-ханумъ проситъ того же, но сама она не знаетъ этого»...

Нѣтъ, Эсма-ханумъ теперь узнала это. Прежде, когда она знала Арсланъ-бея только по слухамъ, она просто восторгалась имъ, какъ восторгалась героемъ Автандиломъ въ «Барсовой шкурѣ». У нея и тогда сердце жаждало чего-то. Но теперь она поняла источникъ и предметъ этой жажды. Теперь каждый взглядъ, брошенный на нее Арсланъ-беемъ, зажигалъ кровь во всемъ ея тѣлѣ. Теперь она понимала эти взгляды и трепетала не то отъ страха, не то отъ счастья... Да, отъ счастья, только отъ счастья. Ей страшно было, что вотъ онъ подойдетъ къ ней, возьметъ ее и унесетъ... Страшно, а в ъ то же время какъ хотѣлось этого!

И это скоро случилось. Однажды, наблюдая за стрѣльбой орудій по русской батареѣ, Арсланъ-бей былъ раненъ осколкомъ камня, отбитымъ отъ крѣпостной стѣны мѣднымъ ядромъ «тещи». Ударъ былъ хотя и не смертельный, но настолько сильный, что Арсланъ-бей потерялъ сознаніе. Его тотчасъ же перенесли въ домъ Кучукъ-бея и уложили въ постель. Дида при видѣ его, хотя и поблѣднѣла и зашаталась, готовая упасть въ обморокъ, но тотчасъ же мужественно побѣдила свою слабость и стала ухаживать за раненымъ. Зато Эсма-ханумъ, увидѣвъ, что несутъ Арсланъ-бея, страшно вскрикнула и потеряла сознаніе, хотя вскорѣ и приведена была въ чувство. Дида всю ночь потомъ не отходила отъ постели своего раненаго молочнаго брата, а къ утру ее смѣнила Эсма-ханумъ. Арсланъ-бей спалъ, когда дѣвушка усѣлась около его постели съ приготовленнымъ ея ста-

рою рабынею-лѣкаркою успокоительнымъ и ободряющимъ питьемъ. Долго съ глубокой нѣжностью смотрѣла она на спящее, нѣсколько поблѣднѣвшее отъ потери крови, лицо молодого абхазца. На этомъ энергичномъ лицѣ теперь разлита была какая-то мягкость, что-то вродѣ тихой задумчивости. Глядя на него, Эсма-ханумъ не хотѣла вѣрить, чтобы этотъ безконечно дорогой ей человѣкъ убилъ своего отца и братьевъ... «Нѣтъ, ихъ убилъ Бежанъ Шервашидзе»... При этомъ дѣвушка нагнулась и нѣжно прильнула губами къ свѣсившейся рукѣ спящаго... Вѣки Арсланъ-бея дрогнули... Онъ открылъ глаза, которые сверкнули безумной радостью... «Эсма дѣва рая!» Онъ приподнялся, обвилъ руками станъ дѣвушки, и она уже трепетала въ его объятіяхъ. «О, моя жизнь!.. Душа души моей! Эсма моя, Эсма»!

Все это случилось такъ неожиданно, что дѣвушка, казалось, потеряла сознаніе. Она, не помня себя, вся отдалась безумному порыву и только все крѣпче и крѣпче прижималась къ чему-то безконечно ей дорогому. Но въ то же время ей казалось, что она умретъ со стыда, если глянетъ ему въ глаза. Она задыхалась. Но все это продолжалось нѣсколько мгновеній, блеснуло и исчезло, какъ молнія. Эсма-ханумъ очнулась, услыхавъ какія-то, какъ будто непонятныя ей, слова.

— Я увезу тебя къ себѣ, въ Абхазію, въ горы! Я спрячу тебя въ своемъ сердцѣ. Я не позволю отдать тебя ему, въ его гаремъ!

Тутъ только она начала что-то понимать, и ей стало страшно.

— Меня отдать! Кому?—съ испугомъ спросила она.

— Развѣ ты не знаешь, дитя мое, что отецъ твой обѣщалъ отдать тебя Шерифу-пашѣ?—тихимъ, но страстнымъ шопотомъ спросилъ Арсланъ-бей.

— Шарифу-пашѣ! О, Аллахъ, Аллахъ!—съ ужасомъ прошептала дѣвушка

— Да, дитя мое, поэтому сераскиръ и идетъ съ войскомъ къ Поти... Онъ скоро придетъ, я знаю отъ лазутчиковъ.

Эсма-ханумъ въ отчаяніи заломила руки.

— Но я не отдамъ тебя никому, дитя души моей!—шепталъ Арсланъ-бей.—Я похищу тебя, ты со мною бѣжишь въ Сухумъ, въ Абхазію... Ты будешь моей женой, моей владычицей, владычицей Абхазіи... Я надѣну золотой царскій вѣнецъ на твою

золотую головку, посажу тебя на тронъ, и будешь ты царицей Абхазіи, моей царицей!

— А Дида?—робко спросила дѣвушка и чувствовала, что краска заливала ей щеки.

— Дида—моя молочная сестра, моя рабыня, а ты одна будешь царицей въ моѣмъ дворцѣ.

Эсма-ханумъ молчала. Она была слишкомъ потрясена въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, потрясена и счастьемъ, которое, какъ молнія, обожгло ея душу, и страшнымъ извѣстіемъ, что ее хотятъ отдать, какъ вещь, какъ овцу, ненавистному сераскиру.

— Я увезу тебя,—продолжалъ Арсланъ-бей;—ты моя невѣста, а у насъ, въ Абхазіи, освящено обычаемъ похищать невѣстъ... Я похищу тебя.

Рѣшеніе быстро созрѣло въ молоденькой пылкой головкѣ. Дитя знойнаго юга, она думала не головой, а сердцемъ, и велѣнія сердца у нея быстро передавались золотоволосой головкѣ. При одномъ воспоминаніи о Шерифъ-пашѣ и его гаремѣ сердце ея сжималось ужасомъ, болью и отвращеніемъ. А слова Арсланъ-бея: «моя царица, дѣва рая, дѣва души моей», эти слова заставляли таять ея сердце. Бросить отца? Но онъ самъ бросалъ ее, отдавая въ неволю сераскиру. Матери у нея нѣтъ. Мать не захотѣла бы разбить ея сердце. А отецъ? Онъ даже ничего не сказалъ ей; онъ тайно замыслилъ продать ее. Скорѣе въ Петербургъ, чѣмъ въ трапезондскій гаремъ!

— Но какъ же мы уйдемъ изъ крѣпости, когда кругомъ русскіе и мингрельцы?—робко спросила она.

— Объ этомъ не безпокойся, дитя мое,—отвѣчалъ Арсланъ-бей.—Я уже заранѣе все подготовилъ... Прости меня, чистая жемчужина, я давно рѣшилъ похитить тебя силою. Но ты теперь сама согласна, да? Говори! Пусть сверкаютъ твои перламутровые зубки!.. Играй твоимъ голоскомъ на струнахъ моей души!

Въ это время послышались орудійные выстрѣлы.

— Слышишь, дитя мое?—сказалъ Арсланъ-бей.—Если Шерифъ-паша не успѣетъ скоро явиться къ Поти, все равно русскіе возьмутъ крѣпость, и ты будешь плѣнницей или какого-ни-

будь русскаго казака, или Шерифа-паши, если онъ явится раньше.

— О, нѣтъ, нѣтъ!—съ испугомъ проговорила дѣвушка.—Но какъ мы выйдемъ отсюда?

— Слушай,—торопливо проговорилъ Арсланъ-бей.—Пока никто не пришелъ, я все разскажу тебѣ. Изъ крѣпости есть тайный ходъ. Объ этомъ только знаетъ твой отецъ да я. Въ задней стѣнѣ мечети, влѣво отъ минарета, есть тайная дверь, которая отворяется, если нажать одинъ мѣдный гвоздь у самаго пола. Дверь ведетъ въ подземный коридоръ, что выходитъ прямо къ морю, и выходъ изъ коридора заваленъ большимъ камнемъ, который легко сдвигается въ сторону тоже особой пружиной. Камень этотъ закрывается густымъ кустомъ боярышника. Я уже посылалъ моего вѣрнаго Тутшуга въ Сухумъ къ князю Бежану, чтобъ онъ ночью завтра, около полуночи, съ лодкою и гребцами явился у стѣнъ Поти въ условленномъ мѣстѣ. Лодка эта и приметъ насъ.

Эсма-ханумъ замѣтно дрожала, слушая сообщеніе Арслана-бея.

— А Дида съ нами поѣдетъ?—спросила она послѣ нѣкотораго раздумья.

— Да, она воротится въ свой аулъ.

— Но ты такъ слабъ... твоя рана не зажила еще.

— Нѣтъ, дитя, я сегодня же встану.

Въ это время послышались чьи-то шаги. Они замолчали. Въ комнату тихо вошелъ Кучукъ-бей. Онъ былъ взволнованъ.

— Аллахъ-керимъ!—сказалъ онъ.

— Аллахъ-акберъ!—отвѣчалъ Арсланъ-бей.

— Какъ твое здоровье?—спросилъ пришедшій.

— Я сегодня же встану... Пророкъ прислалъ ко мнѣ гурію изъ рая, и она исцѣлила меня,—сказалъ Арсланъ съ улыбкой.

Эсма-ханумъ вспыхнула. Отецъ нагнулся и нѣжно погладилъ ея золотистые волосы.

— Я получилъ невѣроятныя вѣсти,—сказалъ онъ, чрезвычайно озабоченный.—Князь Орбеліани даетъ мнѣ знать черезъ гонца, будто войско Шерифа-паши, которое шло къ намъ на помощь, разбито и уничтожено между Молтаквой и Григолети. Но это вздоръ! Русскіе хотятъ обмануть меня, чтобъ я сдалъ

крѣпость. Этому не бывать! У меня еще очень много снарядовъ, и я дождусь помощи Шерифа-паши... Сераскиръ не такой человѣкъ, чтобъ отказаться отъ того, что его ждетъ здѣсь.

Онъ взглянулъ украдкой на дочь, которая при его послѣднихъ словахъ сильно поблѣднѣла.

— Ты, я вижу, очень устала, моя золотая козочка, — сказалъ онъ ласково, снова гладя головку дочери. — Поди къ себѣ, отдохни. А мы съ княземъ поговоримъ о дѣлѣ. Онъ смотритъ молодцомъ, и сегодня же отблагодаритъ урусовъ за ударъ.

Эсма-ханумъ, взглянувъ украдкой на Арсланъ-бея, молча удалилась.

— Такъ Орбеліани извѣщаетъ, что разбилъ войско сераскира? — спросилъ Арсланъ, приподнимаясь на постели. — Можно ли этому вѣрить? Девяти или десятитысячное войско!

— И я не вѣрю, — въ раздумьѣ сказалъ Кучукъ-бей. — Между тѣмъ этотъ казакъ въ юбкѣ, эта княгиня Дадіанъ, строитъ что-то похожее на земляную башню противъ крѣпости. Вѣроятно, хочетъ обстрѣливать внутренность цитадели... Проклятая баба! Не будь ея колоколовъ, собакамъ-урусамъ нечѣмъ было бы стрѣлять, хоть булыжникомъ заряжай орудія. А теперь я вижу, что она готовитъ и штурмовыя лѣстницы... Вездѣ эта баба! Ужъ не полѣзетъ ли сама на штурмъ?

— Я жду своего вѣрнаго Тутшута, — сказалъ Арсланъ-бей.—Онъ змѣей проползетъ въ крѣпость и принесетъ намъ вѣрныя вѣсти о сераскирѣ.

Въ это время вошла Дида, и разговоръ прекратился.

Тутшутъ явился въ ту же ночь и тайно сообщилъ своему воспитаннику объ окончательномъ пораженіи сераскира. Глаза Арсланъ-бея сверкнули злобною радостью.

— Ты эту вѣсть спрячь пока въ глубинѣ своего сердца,— сказалъ онъ. — Кучукъ-бею скажемъ, что русскіе отбиты на всѣхъ пунктахъ, и сераскиръ идетъ къ Поти. А между тѣмъ готовься къ отплытію въ Сухумъ. Князь Бежанъ, ты самъ знаешь, завтра около полуночи будетъ ждать насъ на берегу.

— А золотая головка? — спросилъ таинственно Тутшутъ.

— Золотая головка съ нами: она знаетъ... Она боится сераскира, какъ ласточка боится коршуна; а ко мнѣ льнетъ, какъ виноградная лоза къ тычинкѣ.

XII.

Прошло нѣсколько дней. Въ ясное ноябрьское утро, отъ русскаго лагеря, стоявшаго уже третій мѣсяцъ подъ стѣнами Поти, отдѣлилась небольшая группа всадниковъ и направилась къ главнымъ крѣпостнымъ воротамъ, увѣнчаннымъ башнею съ амбразурами, изъ-за которыхъ выглядывали темныя жерла орудій. Впереди группы можно было узнать Сеферъ-Али-бея по его богатому пунцовому одѣянію и маленькой черной папахѣ съ бриллліантовой звѣздой, которая горѣла на солнцѣ всѣми цвѣтами радуги.

Недалеко отъ воротъ, по знаку Сеферъ-бея, трубачъ подалъ сигналъ. Съ крѣпости отвѣчали рѣзкимъ звукомъ рожка, и крѣпостныя ворота отворились съ грохотомъ и лязгомъ цѣпей. Группа всадниковъ вступила подъ ворота, которыя и закрылись снова съ прежнимъ грохотомъ и лязгомъ. Сеферъ-бея, соскочившаго съ сѣдла, почтительно встрѣтилъ адъютантъ Кучукъ-бея и провелъ прямо въ покои коменданта. На лицѣ Кучукъ-бея замѣтно было глубокое уныніе.

— Миръ и благословеніе Предвѣчнаго да почіетъ надъ домомъ твоимъ!—сказалъ владѣтель Абхазіи, подходя къ Кучукъ-бею.—Князь нездоровъ?

— О! Великое горе обрушилось на мою одинокую голову и на домъ мой,—отвѣчалъ Кучукъ-бей.—Нѣтъ у меня больше дочери: исчезла отъ меня радость очей моихъ.

— Какъ! Прекрасная Эсма-ханумъ?—съ теплымъ сочувствіемъ спросилъ Сеферъ-бей.

— Да, волкъ похитилъ мою золоторунную овечку... проклятый Арсланъ-бей, котораго я пріютилъ у себя.

Сеферъ-бей былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ.

— О, чего же другого можно было ожидать отъ проклятаго отцеубійцы и второго Каина!—дрогнувшимъ голосомъ сказалъ Сеферъ-бей.—Но какъ онъ могъ это сдѣлать, когда крѣпость была въ осадѣ?

— Онъ зналъ тайный ходъ отсюда къ морю... Я ему, какъ союзнику, довѣрилъ эту тайну, и онъ похитилъ мое сокровище.

— Давно это случилось?

— Нѣсколько дней тому назадъ... Этотъ злодѣй усыпилъ мою

бдительность: онъ ложно сообщилъ мнѣ, будто русскіе были разбиты сераскиромъ, тогда какъ Шерифъ-паша уже потерпѣлъ пораженіе у Молтаквы... Въ ту же ночь, онъ и похитилъ жемчужину моего сердца, всю усладу моей одинокой старости... Ночью часовые видѣли, какъ отъ берега отплывала лодка, направляясь къ сѣверу, но не обратили на это вниманія. Теперь для меня нѣтъ счастья на землѣ, нѣтъ славы... Что мнѣ слава безъ моего солнца? На что я стану охранять Поти? Для кого? Зачѣмъ я буду лишать жизни храбрыхъ воиновъ моего гарнизона?

И убитый горемъ старикъ заплакалъ. Сеферъ-бей глядѣлъ на него съ глубокой жалостью.

— Берите мою крѣпость... владѣйте ею... Тутъ у меня ни чего не останется, кромѣ могилы моей жены,—горестно продолжалъ старый турокъ. — Еслибъ еще остались здѣсь на землѣ слѣды маленькихъ ножекъ моей Эсмы, я бы не отдалъ Поти... Но нѣтъ больше слѣдовъ этихъ крошечныхъ ножекъ, морскимъ вѣтромъ замело ихъ... Мнѣ остается одно—съ позоромъ явиться у воротъ Стамбула и ждать заслуженной награды отъ моего падишаха, тонкаго, крѣпкаго шнурка, который врѣзался бы въ мою шею и лишилъ бы мою бѣдную голову способности думать, страдать, вспоминать и все вспоминать... Гдѣ она теперь, моя малютка? Вспоминаетъ ли обо мнѣ? Охъ, берите, берите мою крѣпость, на что она мнѣ?

— Но мы возьмемъ ее на почетныхъ условіяхъ,—кротко замѣтилъ Сеферъ-бей. — Вы храбро ее защищали, мы уважаемъ достойнаго противника. Вы и вашъ гарнизонъ выйдете съ почетомъ, съ оружіемъ въ рукахъ: мы оставляемъ при васъ ваше оружіе. Пусть падишахъ знаетъ, что мы съ почтеніемъ преклоняемся передъ врагомъ, который только по волѣ Предвѣчнаго долженъ былъ уступить силѣ.

— Благодарю,—сказалъ Кучукъ-бей какъ-то безучастно.—и съ оружіемъ, и безъ оружія, все равно!

— Нѣтъ! Въ древности, у нашихъ предковъ, мать, провожая сына на войну и передавая ему копье и щитъ, говорила: «или со щитомъ, или на щитѣ». Это значило: «возвращайся ко мнѣ или побѣдителемъ, со щитомъ, или честно павшимъ въ бою—на своемъ щитѣ». Защитники Поти возвратятся къ своему падишаху

со щитомъ,—говорилъ Сеферъ-бей въ утѣшеніе убитому горемъ старику.

— Это условія князя Орбеліани?—спросилъ Кучукъ-бей.

— Да, и мои,—отвѣчалъ Сеферъ-бей.

— Но я ставлю еще одно условіе, не предусмотрѣнное ни тобою, бей Абхазіи, ни княземъ Орбеліани,—съ грустною улыбкою проговорилъ Кучукъ-бей.

— Какое же? Мы согласимся на него, если оно не противно нашей воинской чести.

— О, нисколько! Я прошу дозволить мнѣ взять съ собою, кромѣ моего личнаго оружія, оставшіяся платьица моей бѣдной дѣвочки, всѣ ея вещицы, игрушки, куклы...

— О, князь, ты и меня заставишь плакать!—воскликнулъ Сеферъ-бей, обнимая плачущаго старика.—Проклятіе отцеубійцѣ и Каину, стократное проклятіе! Вѣрь, благородный князь, я постараюсь возвратить тебѣ похищенную дочь, я найду ея похитителя хоть на днѣ морскомъ. Мои счеты еще не сведены съ нимъ.

На это Кучукъ-бей могъ отвѣтить только:—«о, моя голубка чистая!»

— Вы куда намѣрены отправить отсюда гарнизонъ Поти?—спросилъ Сеферъ-бей послѣ небольшого молчанія.—Въ какую крѣпость? Въ Анапу или въ Трапезондъ?

— Я думаю въ Трапезондъ къ сераскиру,—отвѣчалъ какъ-то разсѣянно Кучукъ-бей,—къ сераскиру... Онъ шелъ ко мнѣ, не дошелъ, такъ теперь пойду къ нему... Я звалъ къ себѣ гору, гора не шла ко мнѣ, а пошла—и споткнулась на дорогѣ... Такъ теперь я пойду къ горѣ, которая родила мышь,—добавилъ онъ, горько улыбнувшись.—Только у меня нѣтъ судовъ, на которыхъ я могъ бы отплыть отсюда съ моимъ несчастнымъ гарнизономъ, почти половину котораго унесли ваши мѣдныя ядра, благодаря княгинѣ Дадіанъ: мои храбрые товарищи покоятся въ землѣ, и у меня осталось въ живыхъ всего 272 человѣка.

— Вы отплывете отсюда на мингрельскихъ судахъ,—сказалъ Сеферъ-бей.—Мы уже объ этомъ говорили въ совѣтѣ, и княгиня Дадіанъ можетъ предоставить въ ваше распоряженіе десять помѣстительныхъ морскихъ лодокъ и одинъ баркасъ, но

съ тѣмъ, чтобы, по-миновании надобности, вы возвратили ихъ въ Поти.

— Конечно, конечно... Нищему даютъ костыль въ руки, и онъ возвратитъ его...

На слѣдующій день, утромъ 15-го ноября 1809 года, тяжелыя желѣзныя ворота Поти съ грохотомъ и лязгомъ цѣпей медленно отворились, и Кучукъ-бей, со всѣмъ своимъ небольшимъ гарнизономъ и знаменами, выступилъ изъ своей крѣпости. Рядомъ съ нимъ вышелъ его старшій адъютантъ, неся на серебряномъ блюдѣ массивные золотые ключи отъ уступаемой Россіи одной изъ первоклассныхъ крѣпостей Блистательной Порты. Покорившійся русскому оружію гарнизонъ выстроился у стѣнъ своей крѣпости.

Въ то же время, отъ русскаго и союзнаго лагеря отдѣлилась блестящая группа всадниковъ. Это были — генералъ-майоръ князь Орбеліани, Сеферъ-Али-бей, княгиня Нина Георгіевна Дадіанъ, сынъ ея, князь Леванъ Дадіанъ, князь Маміа Гуріели, майоръ князь Орбеліани и нѣсколько офицеровъ и князей абхазскихъ, мингрельскихъ и гурійскихъ. За ними, съ распущенными знаменами, слѣдовали—часть русской пѣхоты и часть милицій абхазской, мингрельской и гурійской.

Едва побѣдители приблизились къ побѣжденнымъ, какъ тѣ, по мановенію Кучукъ-бея, опустили, въ знакъ покорности, и знамена свои, и ружья: побѣжденное оружіе преклонялось предъ побѣдоноснымъ.

Тогда Кучукъ-бей, взявъ блюдо и крѣпостные ключи изъ рукъ своего адъютанта, приблизился къ князю Орбеліани.

— Всемогущему Богу угодно было даровать побѣду храброму русскому воинству и его союзникамъ,—со слезами въ голосѣ проговорилъ комендантъ Поти,—и эти доселѣ дѣвственные ключи никогда не знавшей пораженія крѣпости я, по волѣ Аллаха, передаю счастливому побѣдителю: это ключи отъ Чернаго моря!

Потомъ, быстро оборотившись къ крѣпости, онъ воскликнулъ съ горечью:

— Прощай, моя радость! Прощай, колыбель утраченной мною дочери!—И старикъ заплакалъ.

Тогда князь Орбеліани, передавъ ключи своему адъютанту,

обратился съ слѣдующими словами къ Кучукъ-бею и къ гарнизону крѣпости:

— Доблестный комендантъ города Поти и его храбрые сподвижники! Вы честно исполнили свой долгъ передъ вашимъ повелителемъ и отечествомъ. Въ теченіе всей осады крѣпости, вы ни на минуту не покидали оружія, и я оставляю его вамъ неприкосновеннымъ: продолжайте носить его съ честью. Я отпускаю васъ въ ваше отечество.

По знаку Кучукъ-бея, раздалась глухая дробь турецкаго барабана, и гарнизонъ Поти, словно подъ унылый похоронный маршъ, стройно двинулся къ морскому берегу, къ ожидавшимъ его лодкамъ

— И въ самомъ дѣлѣ будто кого хоронятъ,—тихо замѣтилъ Кудряшовъ.—Легко ли имъ!

— Да, хоть на кого доведись—согласился старый суворовецъ, смахивая слезу съ рѣсницы.—Эхъ, служба!..

Въ это время, по командѣ князя Орбеліани и начальниковъ отдѣльныхъ частей, прозвучали сигнальныя трубы и заиграла музыка.

— Пѣсенники впередъ!—послышалась новая команда.

Пѣсенники выступили.

— Какую прикажете, ваше сіятельство? — спросилъ адъютантъ.

— «Громъ побѣды»!—отвѣчалъ Орбеліани.

Забилъ барабанъ, завыли трубы, зазвенѣли литавры, и пѣсенники грянули:

Громъ побѣды раздавайся,
Веселися, храбрый россъ!..

Колонны одна за другой, съ развѣвающимися въ воздухѣ знаменами, двинулись въ широко раскрытыя ворота крѣпости, которая и поглотила своихъ новыхъ хозяевъ.

XIII

Сегодня только, 24-го ноября, Тормасовъ воротился въ Тифлисъ. Онъ ѣздилъ осматривать пограничныя съ Персіей крѣпости. О взятіи Поти до него еще не дошли вѣсти, такъ какъ не знали, куда, за быстротою его переѣздовъ и за частою перемѣною маршрута, посылать ему депеши.

Онъ только что переодѣлся и вошелъ въ свой кабинетъ.

— О, старость, старость!—кто-то окликнулъ его у окна.

— А, это ты, попка,—подошелъ онъ къ клѣткѣ, по которой, цѣпляясь клювомъ за перекладины, возился попугай. — Здравствуй, старый дружище!

— О, старость, старость!—повторяла глупая птица.

— Что ты врешь, попка дуракъ!—улыбнулся генералъ.— Я вовсе не старъ. Это Гудовичъ научилъ тебя твердить: «О, старость, старость!» А я совсѣмъ бодръ: видишь, попка дуракъ?

— Царь Соломонъ дуракъ!—выпалилъ попка

— Это правда, — засмѣялся генералъ,—тебя, вѣрно, Могилевскій научилъ ругаться? А, легокъ на поминѣ! — сказалъ онъ, увидавъ Могилевскаго, который въ это время входилъ въ кабинетъ съ серебрянымъ подносомъ въ рукахъ.—Что это за подносъ?

— Ключи, ваше высокопревосходительство, — почтительно улыбнулся правитель дѣлъ главнокомандующаго.

— Какіе ключи? Отъ чего?

— Отъ Чернаго моря и... и отъ Константинополя.

Тормасовъ отъ удивленія не зналъ, что подумать

— Отъ Чернаго моря и... и отъ Константинополя.

— Отъ Константинополя... впослѣдствіи; а теперь только отъ Чернаго моря: крѣпость Поти взята. Вотъ-съ и донесенія.

— Слава Богу, наконецъ-то!—И Тормасовъ перекрестился.

— Ха-ха-ха-ха!—засмѣялся попугай и захлопалъ крыльями.

Могилевскій погрозилъ ему пальцемъ.

— Побѣда блестящая, ваше высокопревосходительство!— продолжалъ онъ.—И, главное дѣло, обошлось безъ штурма... Въ донесеніяхъ князя Орбеліани есть интересныя подробности. Въ дѣло замѣшанъ и романъ, и прелестная золотая головка, и похищеніе сабинянки, виноватъ: прелестной турчанки, какъ сообщаютъ мнѣ въ частномъ письмѣ. Что утѣшительно: въ крѣпости найдено тридцать пять орудій и множество снарядовъ... Кучукъ-бей былъ человѣкъ запасливый.

— А что самъ онъ?—спросилъ Тормасовъ.

— Его отпустили съ остатками гарнизона.

— Ну, объ этомъ послѣ; а теперь надо тотчасъ же посылать курьера къ государю императору съ радостной вѣстью.

— Я ужъ заготовилъ проектъ, ваше высокопревосходительство.—И Могилевскій положилъ на столъ бумаги рядомъ съ подносомъ, на которомъ блестѣли массивные золотые ключи.

— Солидные ключи! — проговорилъ Тормасовъ, любуясь ими.—Должно быть, изъ стариннаго золота.

— Золото Колхиды-съ, — улыбнулся Могилевскій. — Изъ шерстки того золоторуннаго барашка, на которомъ Фриксъ и Гелла улепетывали отъ своей второй мамаши.

— Какой барашекъ?—не сообразилъ сразу генералъ.

— А по исторіи-съ «золотое руно», «походъ аргонавтовъ», Язонъ, Медея-съ...

— А! Понимаю... Точно, точно... теперь Колхида—наша... Язонъ, что похитилъ Медею...

— И теперь, ваше высокопревосходительство, тоже похитили Медею.

— Это кого же?

— Дочку Кучукъ-бея, хорошенькую Эсма-ханумъ, а похитилъ ее новый Язонъ, Арсланъ-бей.

Тормасовъ не слушалъ. Онъ пробѣгалъ проектъ донесенія государю и проектъ прокламаціи, изготовленные Могилевскимъ.

— Благодарю васъ,—сказалъ, наконецъ, генералъ, просмотрѣвъ бумаги: — вы похитили мою мысль, точно подслушали меня... Вотъ это мѣсто особенно хорошо въ прокламаціи: «Такимъ образомъ, сія крѣпость, важнѣйшая по своему мѣстоположенію и укрѣпленіямъ, связующая безпрепятственное сообщеніе Мингреліи съ Тавридою и пресѣкшая всѣ пути туркамъ въ томъ краю увлекать въ плѣнъ утѣсненный ими мингрельскій народъ, исповѣдующій христіанскую вѣру, и обращаться въ богопротивномъ плѣнопродавствѣ, повергла себя въ вѣчное подданство всероссійской имперіи». Отлично, весьма выразительно!

— Я очень радъ,—скромно отвѣчалъ «хитрый Талейранъ».

— А какова княгиня Нина Дадіанъ!—сказалъ Тормасовъ.—Настоящая героиня.

— Да, если вѣрить древнимъ историкамъ, такъ Колхида нынѣшняя Мингрелія были царствомъ амазонокъ. Онѣ были прародительницами и княгини Нины, которая ѣздитъ верхомъ лучше любого кавалериста, я самъ это видѣлъ,—сказалъ Могилевскій.—А именно такъ и описываютъ амазонокъ древніе исто-

рики. Лизій, жившій за 400 лѣтъ до Христа, говоритъ, что амазонки, первыя, конечно, были дочери бога войны, Марса, и жили на берегахъ Фазиса-Ріона; что онѣ были единственныя изъ всѣхъ окружавшихъ ихъ народовъ, которыя носили желѣзное оружіе и первыя стали ѣздить верхомъ. При помощи лошадей, говоритъ Лизій, амазонки брали въ плѣнъ убѣгавшихъ отъ нихъ противниковъ, которые еще не знали верховой ѣзды. По своему мужеству амазонки скорѣе считались мужчинами... Такова и княгиня Нина.

— Да, о ней надо особо донести государю,—сказалъ Тормасовъ.—Но теперь надо ковать желѣзо, пока горячо: остынетъ, ничего не выкуешь. Теперь ключъ къ Черному морю въ нашихъ рукахъ; однако, не весь берегъ нашъ. Сухумъ, вотъ наше бѣльмо. Пока тамъ сидитъ Арсланъ-бей, Абхазія далеко не наша. Надо, во что бы то ни стало, взять Сухумъ. А его взять можно только съ моря. Покуда Шерифъ-паша, послѣ заданной ему встрепки, не очухался и у него нѣтъ войска, надо торопиться. Пока что въ Петербургѣ, а я снесусь съ Крымомъ. Тамъ у насъ сильный флотъ. Я вытребую оттуда небольшую эскадру, и мы разгромимъ Сухумъ съ моря. Съ суши его трудно взять, у него сильный гарнизонъ, я говорю объ Арсланъ-беѣ, да и во всей Абхазіи у него больше сторонниковъ, чѣмъ у Сеферъ-бея. На сушѣ, подъ стѣнами Сухума, намъ трудно будетъ бороться и съ гарнизономъ, и съ озлобленнымъ населеніемъ. Абхазцы—это самое строптивое племя: я его знаю. Они гораздо неподатливѣе, чѣмъ чеченцы, дагестанцы, акушинцы или казикумухи. Это сплошь головорѣзы. Надо дѣйствовать, пока въ Константинополѣ будутъ переваривать потерю Поти да собирать войско для Арслана. А этотъ мальчикъ уже давно, я увѣренъ, послалъ слезницу султану. Докажемъ имъ, что Сухумъ ближе къ Крыму, чѣмъ къ Босфору.

Тормасовъ говорилъ съ жаромъ, торопливо. Удачное пріобрѣтеніе Поти воодушевляло его, раздражало завоевательные апетиты. Онъ уже чувствовалъ себя героемъ. Едва взявъ въ руки бразды правленія, онъ уже отхватилъ отъ султанскаго пирога добрую краюху. У царя Соломона весь шашлыкъ отнялъ.

— Такъ, пожалуйста, немедленно заготовьте всѣ нужныя бумаги,—говорилъ Тормасовъ, отпуская Могилевскаго.—Надо поскорѣе ковать желѣзо.

Но желѣзо ковалось довольно медленно. Пока шла переписка съ Петербургомъ, Сухумъ успѣли снабдить новыми орудіями, и крѣпость оказалось совершенно неприступною съ суши. Но съ моря? Объ этомъ Арсланъ-бей не подумалъ, весь поглощенный своею безумною страстью къ Эсма-ханумъ и тайною войной съ ревнивою Дидой, которая возненавидѣла свою счастливую соперницу

Такъ шли дѣла до 9-го іюля 1810 года. Эсма-ханумъ, живя послѣдніе годы у отца въ Поти, очень пристрастилась къ морю, и любимымъ ея времяпровожденіемъ было кататься на военномъ катерѣ или въ парусной лодкѣ. Этимъ она развлекалась и въ Сухумѣ, иногда въ обществѣ самого Арсланъ-бея и Диды, а иногда вдвоемъ съ Дидой, на изящномъ парусномъ каикѣ.

9-го іюля былъ ясный, нѣсколько вѣтряный день, вполнѣ благопріятный для катанья. Дида, пользуясь этимъ, предложила ничего не подозрѣвавшей Эсма-ханумъ покататься. Та съ радостью согласилась. Послѣ ранняго завтрака, дѣвушки вышли изъ крѣпости и, пройдя къ рейду, гдѣ находилась ихъ купальня съ прикованнымъ тамъ же на цѣпи каикомъ, взяли у сторожа ключъ, отомкнули каикъ, сѣли въ него и отплыли сначала на веслахъ,— потому что обѣ умѣли хорошо грести, а потомъ, выбравшись изъ рейда, подняли косой парусъ, на которомъ ярко сверкалъ, подъ лучами солнца, вышитый золотою битью полумѣсяцъ. Парусомъ и рулемъ и Дида, и Эсма-ханумъ заправляли попеременно.

— Знаешь, ханумъ, куда мы поѣдемъ въ гости?—смѣясь, сказала Дида.

— Куда? Въ Поти за моими куклами? — тоже смѣялась Эсма.

— Нѣтъ, въ Трапезондъ, къ твоему отцу и къ Шерифу-пашѣ

— О, нѣтъ! Дида! Лучше ужъ въ Стамбулъ, къ самому падишаху.

— Въ Стамбулъ, такъ въ Стамбулъ, — проговорила Дида какъ-то машинально.

Въ душѣ у нея происходила страшная драма. Она давно задумала злодѣяніе и давно привела бы его въ исполненіе. Но какъ? Чѣмъ выговорить себя отъ подозрѣнія? Что придумать?.. Море должно помочь ей въ злодѣяніи и оно же должно укрыть

ея тайну... «Утопула—упала... но она хорошо плаваетъ... А я чего смотрѣла? Отчего я не спасла ея, не вытащила изъ воды?.. Вѣдь не могла же она камнемъ пойти ю дну... Это о н ъ непремѣнно скажетъ... Что я е м у отвѣчу?»...

Берегъ все болѣе и болѣе удалялся изъ глазъ. Чайки кричали все зловѣщей и зловѣщей. У Эсма-ханумъ, между тѣмъ отъ радостнаго волненія разгорѣлись щечки и большіе дѣтскіе глаза блистали возбужденіемъ. Она была необыкновенно хороша. Дида это видѣла, и ревность, и зависть къ чужой красотѣ душили ее.

«Знаю»,—кипѣло, между тѣмъ, въ этой помраченной ревностью душѣ:— она разомъ пошла ко дну... Я не успѣла схватить ее... Ее ударило мачтой въ голову... вѣтеръ рвалъ парусъ... мы вынимали мачту, ее рвануло съ парусомъ—и мачтой убило ханумъ... Ханумъ свалилась за бортъ и, какъ ключъ, пошла ко дну... Я хотѣла за ней броситься, утопиться... Такъ скажу е м у—ее мачтой убило... О н ъ повѣритъ... а не повѣритъ, убьетъ меня. Пусть убьетъ, все лучше, только бъ ея не было»...

— Смотри, смотри, Дида!—вдругъ закричала Эсма-ханумъ, указывая впередъ.—Корабли!

На горизонтѣ, къ сѣверо-западу, дѣйствительно вырисовывались остовы громадныхъ кораблей, которые шли подъ парусами по направленію къ Сухуму.

— Это урусы,—сказала Дида, вглядываясь.—Это русскіе корабли. Намъ надо бѣжать, пока они насъ не увидѣли... Иди скорѣй къ рулю, а я возьму парусъ... Скорѣй, скорѣй!

Эсма-ханумъ поднялась и торопливо пошла къ рулю. Но едва она поравнялась съ Дидой, какъ та изо всѣхъ силъ толкнула ее за бортъ. Капка чуть не опрокинулся и отпрянулъ въ сторону. Эсма-ханумъ, не вскрикнувъ даже, исчезла подъ водой. Дида блѣдная, какъ полотно, стиснувъ зубы, подняла багоръ и ждала, когда ея жертва покажется изъ воды.

Въ этотъ моментъ на поверхности моря, на сажень или менѣе отъ капка, показалась золотистая головка юной дочери Кучукъ-бея.

— Дида! Дида!—захлебываясь, закричала она.

Злодѣйка, замахнувшись багромъ, хотѣла ударить имъ уто-

пающую, но багоръ не досталъ до головы Эсма-ханумъ и отъ усиленнаго взмаха вырвался изъ рукъ злодѣйки.

— Дида! Дида!—молила утопающая.

— А!—злорадно засмѣялась злодѣйка.—Плыви теперь къ отцу или въ Стамбулъ... а скорѣе, къ шайтану.

И, торопливо наладивъ парусъ и руль, стрѣлою понеслась въ Сухумъ-Кале.

XIV.

Въ то время, когда Эсма-ханумъ и Дида плыли на своемъ хорошенькомъ канкѣ въ открытое море, навстрѣчу имъ, дѣйствительно, показалась русская эскадра, которая шла изъ Севастополя для блокады Сухумъ-Кале. Эскадрою командовалъ капитанъ-лейтенантъ Додтъ.

Въ этотъ день, 9-го іюля на разсвѣтѣ, они замѣтили на горизонтѣ неизвѣстный корабль, и заподозривъ въ немъ или турецкій крейсеръ, или пиратскій бригъ съ контрабандою, а то и еще хуже: съ живымъ товаромъ, съ русскими и горскими плѣнницами, предназначенными для гаремовъ пашей и самого султана, пустились за нимъ въ погоню. Корабль, дѣйствительно, оказался турецкимъ крейсеромъ, который, замѣтивъ погоню, подъ всѣми парусами понесся по направленію къ Трапезонду. Но онъ не могъ спастись отъ быстроходныхъ русскихъ кораблей и былъ настигнутъ. Нѣсколько ядеръ, пущенныхъ ему въ догонку, изъ которыхъ одно пробило обшивку крейсера у самой ватерлиніи, принудили его сдаться военноплѣннымъ. Капитанъ крейсера и небольшой экипажъ были арестованы, а у капитана отобраны всѣ бумаги. Между ними обратили на себя вниманіе два пакета, изъ которыхъ въ одномъ была копія султанскаго фирмана къ трапезондскому сераскиру, Шерифу-пашѣ, а въ другомъ письмо Шерифа-паши къ коменданту крѣпости Анапы, куда, какъ оказалось, и направлялся крейсеръ изъ трапезондскаго санджака. Капитанъ Додтъ тотчасъ же попросилъ мичмана, князя Яшвиля, хорошо говорившаго по-турецки, перевести эти бумаги на русскій языкъ.

— Ну, что, князь, перевели?—спросилъ Додтъ, когда мичманъ вышелъ изъ каюты, гдѣ онъ занимался переводомъ бумагъ.

— Есть,—отвѣчалъ онъ языкомъ моряка,—документы, капитанъ, важные и прекурьезные.

— А ну, давайте,—протянулъ было за бумагами руку капитанъ.

— Нѣтъ, капитанъ,—сказалъ Яшвиль.—Вы не разберете, я очень торопился и написалъ дьявольски неразборчиво. Позвольте, я ихъ самъ вамъ прочитаю.

— Хорошо,—согласился Додтъ, отходя къ борту.

— Вотъ султанскій фирманъ трапезондскому сераскиру,—сказалъ Яшвиль.—Онъ гласитъ: «По полученіи сего нашего повелѣнія, имѣешь ты вѣдать, что, подвинутые гнѣвомъ, мы намѣрены послать, при помощи Аллаха и милости нашего святаго пророка, моремъ и сухимъ путемъ войска противъ враговъ нашего закона, московскихъ гяуровъ, и вынуть ихъ жилы».

— Вынуть жилы?—удивился Додтъ.—Это еще что?

— Да, капитанъ, буквально такъ выражено, — сказалъ Яшвиль.—«Вынуть жилы»...

— Посмотримъ!—улыбнулся Додтъ.—А еще что вынуть?

— Только жилы, капитанъ,—улыбнулся и Яшвиль.—«И выручить завладѣнныя ими земли наши. Нынѣ хотя Кучукъ-бей принужденъ былъ покориться московскимъ войскамъ чрезъ большія драки, но сила ихъ въ тѣхъ мѣстахъ не болѣе нашихъ силъ, и они надѣются на помощь грузинскаго и мингрельскаго народа, который извѣстно, что прежде сего былъ къ нашему высочайшему двору покоренъ и какъ подданный былъ, а русскіе изъ многихъ своихъ ухищреній привели ихъ подъ свое покровительство и считаютъ Грузію, Имеретію и Мингрелію своими. Посему, для вырученія турецкихъ земель, въ Абхазіи и Гуріи находящихся, долженъ ты идти съ разъяреннымъ сердцемъ»...

— Батюшки, какъ страшно!—засмѣялся Додтъ.—Съ разъяреннымъ сердцемъ!

— И съ пѣной у рта,—пошутилъ Яшвиль.

— Да? Съ пѣною у рта?—спросилъ Додтъ

— Нѣтъ, капитанъ, я шучу,—отвѣчалъ Яшвиль,—а разъяренное сердце есть въ самомъ дѣлѣ.

— Ну, а дальше что?

— Дальше пишетъ: «и вытѣснить ихъ. Въ такомъ случаѣ народъ грузинскій, и имеретинскій, и мингрельскій, и гурійскій,

и абхазскій, попрежнему, будетъ намъ покоренъ а русскимъ непріятель; въ противномъ же случаѣ будетъ наказанъ. Ты же, сераскиръ и капучи-баши, по полученіи сего нашего фирмана, имѣешь писать письма къ первостатейнымъ особамъ въ Абхазіи и послать людей, чтобъ они отъ русскихъ отказались и были бы намъ попрежнему покорны».

— Очень грозно и самоувѣренно,—сказалъ Додтъ, пожимая плечами.—Только еще что бабушка скажетъ?.. Все?

— Да, капитанъ, здѣсь все, а вотъ еще что пишетъ Шерифъ-паша коменданту Анапы: «Противъ враговъ нашей религіи, московскихъ гяуровъ, моремъ и сушею предназначено принять походъ, а потому сановники высокой державы въ настоящемъ священномъ году со всѣхъ сторонъ, засучивъ рукава возможности»...

— Что! Что?—остановилъ Додтъ.—«Засучивъ рукава возможности»?

— Да, капитанъ, такъ: «засучивъ рукава возможности»...

— И подобравъ фалды невозможности!—хохоталъ Додтъ.— Ну, утѣшилъ... Что жъ еще сановники должны засучить?

— Только рукава, капитанъ... А дальше пишетъ: «засучивъ рукава возможности, съ громадною арміею двинуться противъ названныхъ гяуровъ, съ цѣлью истребленія и уничтоженія ихъ, и отторженія крѣпостей, владѣній и земель мусульманскихъ, покоренныхъ ими. Теперь, во вниманіе къ тому, что жители Грузіи, Имеретіи, Мингреліи, Гуріи и Абхазіи съ незапамятныхъ временъ считались зависящими отъ высокой державы шахъ-инъ-шаха, т. е. султана, почти въ качествѣ его подданныхъ, и во вниманіе къ тому, что тѣ гяуры насмѣхаются надъ эмирами, завладѣли ихъ владѣніями и причинили униженіе ихъ фамиліямъ, въ настоящее радостное время, по высочайшему повелѣнію шахъ-инъ-шаха, отовсюду предпринимается движеніе противъ тѣхъ гяуровъ: на Тифлисъ пойдетъ эрзерумскій вали и сераскиръ восточной части, счастливѣйшій Эминъ-паша; черезъ Ахалцыхъ идетъ начальникъ чалдырскій, счастливѣйшій Мамедъ-паша, со значительною арміею; отъ моря мы, сераскиръ прибрежья Чернаго моря, управляющій прибрежными санджаками Чернаго моря вплоть до Анапы и далѣе, со множествомъ приготовленій и походныхъ потребностей и большою арміею, выступимъ изъ Трапезонда

и, по милости Аллаха и его пророка, въ близкое время прибудемъ къ Абхазіи и отгуда двинемся на истребленіе русскихъ гяуровъ въ Поти и во всей Абхазіи и очищеніе отъ нихъ всего побережья Чернаго моря».

— Ого! Широко задумано,—покачалъ головою Додтъ.—Да лгутъ они! Турки вѣдь всесвѣтные лгунишки.

— Человѣкъ, кажись, въ морѣ потопаетъ,—раздался вдругъ голосъ съ вахты.

Додтъ схватился за зрительную трубу. Всѣ на кораблѣ засуетились, бросились къ бортамъ, иные полѣзли по снастямъ.

— Въ какомъ направленіи?—закричалъ Додтъ.

— На зюдъ-вестъ, вашескородіе! Вонъ тамъ.

— Вижу, вижу!—закричалъ помощникъ капитана, глядя въ зрительную трубу.

— Шлюпку!—скомандовалъ Додтъ.—Живой рукой!

— Есть,—послѣдовалъ отвѣтъ нѣсколько голосовъ.

— Живѣй, живѣй!

— Есть, есть!

— И какъ онъ очутился въ открытомъ морѣ?—удивились офицеры.

Шлюпка уже неслась, какъ стрѣла. Она казалась птицей съ гигантскими крыльями, съ которыхъ сыпались въ море брильянты. Въ шлюпкѣ находился и князь Яшвиль, правившій рулемъ.

— Ломай весла, соколики!—нервно говорилъ онъ матросамъ.—Я вижу теперь... это женщина, почти ребенокъ. Она руку поднимаетъ... Налягъ, братцы, налягъ!

Матросы опрокидывались почти навзничь, забирая веслами бирюзовую влагу.

— Еще разъ, еще разъ, братцы, а то пойдетъ ко дну... Она обезсилѣла.

Шлюпка у цѣли. Яшвиль дѣлаетъ искусное движеніе рулемъ, весла матросовъ какъ бы упираются въ воду, и шлюпка почти моментально останавливается въ нѣсколькихъ линіяхъ отъ утопающей, которая вотъ-вотъ готова скрыться подъ водой. Но Яшвиль перевѣшивается за бортъ и быстро подхватываетъ утопающую подъ-мышки. Еще одно усиліе, и Эсма спасена. Но тутъ силы оставили ее, она лишилась чувствъ, упавъ на руки своего спасителя.

— Бѣдная дѣвочка,—жалобно проговорилъ онъ.—Въ бурку, въ бурку кутайте ее, она окоченѣла.

Ее тотчасъ же всю, почти бездыханную, окутали теплой буркой, изъ которой выглядывало только ея мертвенно блѣдное личико съ закрытыми глазами.

— Багоръ, ребята, захвати, — сказалъ одинъ изъ матросовъ.—Ее, вишь, багоръ-то и спасъ, она за багоръ держалась, а то бы давно пошла ко дну.

Яшвиль, между тѣмъ, хлопоталъ около утопленницы. Онъ осторожно приподнялъ ея головку, еще осторожнѣе разжалъ ей ротъ, и изъ висѣвшей у него черезъ плечо фляжки влилъ въ него нѣсколько капель рому. Эсма поперхнулась и открыла свои большіе прелестные глаза, полные ужаса.

— Не бойтесь, ханумъ,—нѣжно сказалъ Яшвиль,—вы спасены.—Онъ говорилъ по-турецки.

По одеждѣ, по богатымъ украшеніямъ и по нѣжной, благородной красотѣ личика онъ догадался, что это не простая турчанка, а дѣвушка изъ знатнаго рода, и потому назвалъ ее «ханумъ», нѣчто въ родѣ барышни, княжны.

Но Эсма снова закрыла глаза. Тогда Яшвиль вновь влилъ ей въ ротъ нѣсколько капель рому. Это подѣйствовало на нѣжный, непривычный организмъ. На мертвенно-блѣдномъ личикѣ стала выступать краска, длинныя шелковистыя рѣсницы дрогнули, и дѣвушка снова открыла глаза, но теперь болѣе осмысленно. Всѣ матросы глядѣли на нее съ видимымъ участіемъ.

— Маленько очувствовалась, бѣдная,—послышался шопотъ. Яшвиль снова заговорилъ съ ней.

— Выпейте, ханумъ, еще нѣсколько капель. Это лѣкарство—оно согрѣетъ васъ,—вы не простудитесь.

Эсма безмолвно повиновалась, хотя и на этотъ разъ закашлялась, потомъ приподнялась немного, плотно кутаясь въ бурку.

— Кто вы, ханумъ? Скажите мнѣ,—снова заговорилъ Яшвиль, видя, что дѣвушка смотритъ уже сознательно

— Я дочь Кучукъ-бея,—тихо сказала она и заплакала.

Яшвиль былъ пораженъ. Какъ могла дочь такого турецкаго сановника попасть въ открытое море, далеко отъ Поти и даже Сухума!

— Но какъ вы очутились здѣсь, въ морѣ?—спросилъ онъ.

— Я каталась съ Дидой,—былъ отвѣтъ; но при этомъ Эсма вся затряслась.

— Съ Дидой? Кто же эта Дида?

— Молочная сестра Арсланъ-бея... мы катались...

— Арсланъ-бей!—съ изумленіемъ воскликнулъ Яшвиль.— Но вѣдь онъ въ Сухумѣ... А гдѣ же вашъ батюшка?

— Я не знаю... онъ въ Поти...

Отвѣты ея казались странными, не имѣвшими, повидимому, смысла. Она не знаетъ, гдѣ ея отецъ, когда извѣстно, что съ прошлаго года Поти находится въ русскомъ владѣніи, а Арсланъ-бей укрѣпился въ Сухумъ-Кале. Развѣ и Кучукъ-бей въ Сухумѣ? Но Яшвиль не рѣшился спрашивать ее далѣе, потому что это походило бы на допросъ военноплѣннаго. Невинную ни въ чемъ дѣвушку онъ спасли отъ смерти, и она не подлежитъ допросу.

— Куда же васъ доставить, ханумъ?—снова рѣшился спросить Яшвиль.—Къ батюшкѣ?

— Нѣтъ... въ Сухумъ,—былъ слабый отвѣтъ, поставившій вопрошавшаго въ еще большее недоумѣніе.

«Не къ отцу, а въ Сухумъ»,—разсуждалъ онъ въ умѣ,—«значитъ, Кучукъ-бея нѣтъ въ Сухумѣ».

— Хорошо, ханумъ, мы васъ сегодня же отвеземъ въ Сухумъ, только вы должны прежде обсохнуть и оправиться у насъ на кораблѣ. У насъ же тамъ и докторъ есть. За весла, молодцы! Назадъ!—скомандовалъ онъ.

— Есть!—былъ дружный отвѣтъ.

И шлюпка понеслась къ кораблю.

XV.

— Какую прелесть мы добыли, господа!—кричалъ Яшвиль, когда шлюпка приблизилась къ передовому кораблю эскадры, на палубѣ котораго, у борта, стояли офицеры, заинтересованные неожиданнымъ приключеніемъ.

— Кого спасли?—спросилъ Додтъ.

— Русалочку, капитанъ, царицу русалокъ съ золотою косою... Красота не земная.

— Да кто она?—любопытствовали съ борта.

— Говоритъ, дочь Кучукъ-бея... Каталась по морю, а какъ

очутилась она въ морѣ, съ однимъ багромъ, хоть убейте, не понимаю... А божественно хороша.

Шлюпка пристала, наконецъ, къ площадкѣ опущеннаго съ фрегата трапа. Эсма-ханумъ, съ удивленіемъ и боязнью, глядѣла своими расширенными глазами на бортъ корабля, откуда смотрѣло на нее столько любопытныхъ глазъ. Подъ вліяніемъ нѣсколькихъ глотковъ рому, она настолько окрѣпла, что могла стоять на ногахъ. Но длинная бурка мѣшала ей двигаться, а взбираться по отвѣсному трапу она положительно не могла.

— Спустить люльку!—скомандовалъ капитанъ.

«Люлькой» называется родъ стула, который спускается по блоку съ борта, какъ это практикуется каменщиками и штукатурами во время окраски наружныхъ стѣнъ высокихъ домовъ. Люлька была спущена къ самой шлюпкѣ, и Яшвиль, бережно усадивъ въ нее свою «русалочку», все еще закутанную въ бурку, сѣлъ рядомъ съ нею и осторожно сталъ придерживать ее одною рукой.

— У васъ можетъ голова закружиться, ханумъ, и я позволю себѣ придерживать васъ,—говоритъ молодой мичманъ съ такою деликатною вѣжливостью, точно онъ приглашалъ барышню на мазурку.—Готово, подымай!

И «люлька» плавно стала подниматься вверхъ. На палубѣ дочь Кучукъ-бея была встрѣчена съ самою утонченною почтительностью, чему не мало способствовала красота дѣвушки, всѣхъ поразившая типичной оригинальностью. Капитанъ-лейтенантъ Додтъ и офицеры его корабля сдѣлали глубокій поклонъ, едва Эсма вступила на палубу. Старичекъ-докторъ, беззубый и плѣшивый «Песъ Песовичъ», какъ его въ шутку называли офицеры, потому что, за осутствіемъ зубовъ, онъ самъ произносилъ свое имя и отчество, Петръ Петровичъ, какъ Песъ Песовичъ, почтительно протянулъ къ хорошенькой паціенткѣ руку, чтобы пощупать ея пульсъ, и нашелъ, что «у малютки маленькій фебрисъ», и что ей тотчасъ же слѣдуетъ перемѣнить мокрую одежду на все сухое.

— Все мокрое надо съ малютки снять и немедленно просушить на солнцѣ, или еще скорѣе, въ поварской,—заключилъ онъ свою рѣчь.

— Но гдѣ же мы найдемъ для нея женское бѣлье и все остальное?—озабоченно спросилъ капитанъ.

— Пустяки!—возразилъ докторъ.—На малютку можно надѣть вашу чистую ночную сорочку и халатъ: этого будетъ достаточно, пока не просохнетъ ея костюмъ.

Капитанъ бросился въ свою каюту, чтобъ лично приготовить очаровательной гостьѣ и бѣлье, и постель.

— Но у насъ нѣтъ горничной, которая раздѣла бы и одѣла хорошенькую «малютку»,—вполголоса пошутилъ одинъ офицеръ.

— Тебѣ самому, какъ я вижу, хотѣлось бы быть этой горничной,—ехидно и тоже вполголоса замѣтилъ князь Яшвиль.

— Да, не отказался бы.

Въ это время изъ каюты выбѣжалъ капитанъ.

— Все готово, — торопливо сказалъ онъ, — будьте столь добры, князь,—обратился онъ къ Яшвилю,—объясните нашей милой гостьѣ, что она должна сдѣлать. Пусть немедленно сниметъ съ себя все мокрое... Пусть не боится—никто въ мою каюту не взойдетъ... Я и окна завѣсилъ плотно шторками... А потомъ пусть все мокрое выброситъ изъ каюты для просушки.

— Вы давали малюткѣ рому, князь?—спросилъ докторъ, взглянувъ на фляжку въ рукахъ Яшвиля.

— Давалъ, докторъ.

— Optime! Aqua vitae—лучшій помощникъ Эскулапу на морѣ и на сушѣ. А когда малютка переодѣнется, тогда и я дамъ ей своего снадобья.

Яшвиль объяснилъ Эсмѣ, что она должна дѣлать.

— Мы всѣ умоляемъ васъ, ханумъ, сдѣлать все, что предписываетъ почтенный докторъ,—говорилъ онъ. — Если вы заболѣете, это будетъ лежать на нашей совѣсти. Вашъ почтенный батюшка и ваши соотечественники будутъ тогда вправѣ осудить насъ: скажутъ, что русскіе офицеры не позаботились о беззащитной дѣвушкѣ, которую постигло несчастіе. Это ляжетъ пятномъ на нашу совѣсть. А какъ только ваше платье просохнетъ, и вы одѣнетесь, я обязуюсь честнымъ словомъ русскаго офицера сегодня же отвезти васъ въ Сухумъ, или куда вы прикажете. Идите же въ каюту, не медлите ни минуты, и возьмите эту фляжку съ лѣкарствомъ: выпейте еще нѣсколько капель этого лѣкарства и имъ же натрите себя хорошенько, до-суха, все тѣло, особенно же ноги.

Видя, что всѣ такъ ласковы съ нею, что глаза окружающихъ

ее офицеровъ смотрятъ на нее съ такою участливою нѣжностью, Эсма-ханумъ снова расплакалась и послушно ушла въ каюту.

— Какое прелестное созданіе! — сдержанно проговорилъ Додтъ.

— А что за глаза! Глаза ангела!

— Но какъ малютка попала въ море?—спросилъ докторъ.

— Ничего не понимаю,—отвѣчалъ Яшвиль,—я узналъ отъ нея только то, что она каталась съ какою-то молочною сестрою Арсланъ-бея, а какъ очутилась въ морѣ, не знаю! Могла по неосторожности вывалиться изъ лодки; но почему та, другая, не вытащила ее, а бросила утопать?

— Развѣ онѣ увидѣли насъ, испугались и поторопились спасаться, а эта выпала изъ лодки?—сдѣлалъ предположеніе Додтъ.

— Можетъ быть, и такъ,—согласились офицеры.

Пока все это происходило, паруса, по приказанію Додта, были убраны на всей эскадрѣ, и она ошвартовалась въ виду Сухума. Сѣрыя стѣны крѣпости, ея башни и бойницы, плоскія кровли домовъ, высокіе минареты и темные игловидные кипарисы отчетливо вырисовывались на фонѣ высившихся за городомъ гигантскихъ горъ Кавказскаго хребта. На рейдѣ виднѣлись мачты турецкихъ судовъ, но большихъ военныхъ кораблей не было замѣтно.

Пользуясь остановкой эскадры, нѣкоторые офицеры съ другихъ кораблей пріѣхали на лейтенантскій фрегатъ, чтобъ узнать, въ чемъ дѣло. Имъ объяснили.

— Такъ она хороша, какъ гурія пророка?—спросилъ молоденькій гардемаринъ Боря Перелешинъ, общій любимецъ всей эскадры.—Это хорошее предзнаменованіе, такой очаровательный воинскій трофей. Хоть бы однимъ глазкомъ взглянуть на нее... Счастливчикъ этотъ Яшвиль! На рукахъ держалъ такую цыпку.

— А вонъ смотрите, господа, она что-то выбросила изъ каюты.

— Какая ручка! Я успѣлъ замѣтить ея ручку.

Это Эсма-ханумъ выбросила свое мокрое одѣяніе. Князь Яшвиль и докторъ взяли его, чтобъ отдать просушить. Всѣ бросились смотрѣть на костюмъ хорошенькой турчанки.

— А! И штанишки, и рубашечка!—болталъ Боря Перелешинъ.—Дайте перецѣловать.

— Пошелъ ты, мальчишка!—огрызнулся на него Яшвиль

— Нижнія одежды невинной дѣвушки—святыня,—наставительно проговорилъ старый докторъ, унося мокрый костюмъ «малютки».

Додтъ, между тѣмъ, приказалъ прислугѣ сервировать въ каютъ-компаніи роскошное угощеніе съ шампанскимъ. Всѣ были возбуждены и такъ торжественно настроены, точно въ самомъ дѣлѣ одержали блистательную побѣду. И не удивительно: на военномъ фрегатѣ, готовящемся блокировать турецкую крѣпость, женщина, да еще такое прелестное созданіе!

Яшвиль и докторъ суетились въ поварской, развѣшивая у огня мокрыя принадлежности костюма юной турчанки, которыя очень быстро просыхали: бурка, косматая и мягкая, всосала въ себя почти всю влагу. Скоро костюмъ былъ готовъ. Эсма-ханумъ, между тѣмъ, одѣтая въ ночную, тонкаго голландскаго полотна, сорочку Додта и въ его шелковый съ иголочки халатъ, вся раскраснѣвшаяся отъ нѣсколькихъ глотковъ рому, который она принимала за лѣкарство, приподнявъ осторожно уголокъ шторки, съ любопытствомъ поглядывала украдкой на палубу, на группу офицеровъ, оживленно и весело разговаривавшихъ объ удивительномъ «найденышѣ», котораго подарило имъ Черное море. Ужасныя минуты, которыя пережила Эсма въ морѣ, точно задернулись какою-то дымкой. Онѣ казались ей сномъ, бредомъ, чѣмъ-то невѣроятнымъ. Неужели Дида хотѣла ее утопить? Да, она толкнула ее съ каика въ море и хотѣла убить багромъ. Она давно ревнуетъ ее къ Арсланъ-бею, хотя въ послѣднее время тщательно скрывала свои чувства и усиленно, по старому, ласкалась къ Эсмѣ, оказывая прежнюю нѣжность. И вотъ чѣмъ все это кончилось!.. Какъ-то онѣ теперь встрѣтятся? Что скажетъ вѣроломная подруга въ свое оправданіе? Какъ приметъ это Арсланъ-бей? А скрыть этого нельзя...

«Какіе они всѣ добрые,—мысленно говорила себѣ «малютка», украдкой поглядывая на офицеровъ,—съ ними не страшно, а только стыдно... Какъ я одѣта!»

И краска стыда заливала ея нѣжныя щечки. Но во всемъ тѣлѣ она чувствовала благосостояніе и пріятную теплоту, хотя голова ея какъ будто немножко кружилась. Ужасныхъ минутъ,

проведенныхъ въ морѣ, точно не существовало. Не будь она хорошимъ пловцомъ и не имѣй подъ рукою багра, который ее нѣсколько поддерживалъ, она давно была бы на днѣ моря. А теперь скоро увидитъ Арслана. Какое счастье!.. Ромъ нѣсколько туманилъ ея юную головку. Она даже ѣсть захотѣла.

Но вотъ старенькій евнухъ, докторъ представлялся ей старенькимъ евнухомъ батумскаго паши, пріѣзжавшимъ зачѣмъ-то въ Поти, несетъ что-то на огромномъ подносѣ. Да, это ея одежда. Какъ тщательно сложены и ея бѣлая съ золотомъ чадра, и ея красныя чевяки, и зеленыя шальварцы... Она снова покраснѣла.

И старенькій евнухъ и тотъ красивый «грузинъ», что вытащилъ ее изъ воды, оба идутъ къ ея каютѣ. Кто-то постучалъ въ дверь.

— Не тревожьтесь, ханумъ,—услыхала она ласковый голосъ «грузина»,—это докторъ несетъ вамъ ваше одѣяніе. Впустите его къ себѣ.

Дверь отворилась, и докторъ вошелъ въ каюту.

— Вотъ вамъ, дитя мое, ваши одежды, онѣ хорошо высохли,—заговорилъ онъ по-русски, стараясь придать и своимъ словамъ, и голосу такое выраженіе, какъ будто бы онъ говорилъ съ ребенкомъ.—Переодѣньтесь, малютка. А что ваша головка?—Докторъ дотронулся, точно до раскаленнаго желѣза, до головы дѣвушки.—Головка ничего, натуральная теплота... фебрисъ покинулъ васъ... Якши, якши!—говорилъ онъ, улыбаясь беззубымъ ртомъ.—Optime, совсѣмъ якши!

И Эсма не могла не улыбнуться, глядя на добродушную физіономію старенькаго «евнуха»: «ну, совсѣмъ батумскій евнухъ!» Ей даже не стыдно было съ нимъ. «Точно наша старая ключница».

Докторъ любезно расшаркался и вышелъ.

XVI.

Столъ въ каютъ-компаніи былъ сервированъ на славу. Хрусталь и серебро такъ и сверкали. Изъ большой вазы со льдомъ выглядывали засмоленныя головки бутылокъ. Додтъ самъ осмотрѣлъ все и вышелъ на палубу.

— Ну, что наша милая гостья? — спросилъ онъ князя Яшвиля.

— Думаю, капитанъ, что она уже переодѣлась.

— Такъ пойдемте приглашать ее въ каютъ-компанію.

Они постучались въ дверь капитанской каюты.—Это я, ханумъ,—сказалъ Яшвиль.—можно войти?—Дверь отворилась, и они оба вошли въ каюту. Эсма стояла съ опущенной на лицо прозрачной чадрой.

— Позвольте вамъ представиться, ханумъ: князь Яшвиль,—сказалъ молодой мичманъ, почтительно кланяясь.—Капитанъ-лейтенантъ Додтъ, начальникъ русской эскадры,—продолжалъ онъ, церемонно представляя юной турчанкѣ своего начальника.

Додтъ тоже молча поклонился.

— Позвольте просить васъ, ханумъ, въ наше общество, предложить вамъ русское гостепріимство,—продолжалъ Яшвиль.—Вы—наша почетная гостья... Капитанъ проситъ васъ принять его скромное угощенье, проситъ пожаловать въ каютъ-компанію.

Эсма-ханумъ безмолвно слушала, въ волненіи теребя края чадры. Казалось, она ничего не понимала, хотя Яшвиль говорилъ на чистомъ турецкомъ языкѣ, на языкѣ ея родины.

— У васъ не принято, ханумъ, появляться дѣвушкѣ въ обществѣ незнакомыхъ мужчинъ,—началъ снова Яшвиль,—но вы теперь на русскомъ кораблѣ, въ Россіи, и мы почтительно просимъ васъ уважить на этотъ разъ наши обычаи. Вы этимъ окажете намъ большую честь и доставите величайшее удовольствіе. У насъ, въ Россіи, женщина пользуется большимъ уваженіемъ: она—царица общества. Будьте же, ханумъ, нашею царицей хоть на одинъ часъ!

Молодой мичманъ вошелъ въ роль и говорилъ съ неподдѣльнымъ жаромъ. Юной турчанкѣ все еще казалось, что она продолжаетъ видѣть сонъ: коварная Дида, паденіе въ страшную пучину, ужасъ смерти среди безбрежнаго моря, сковывавшій ея члены холодъ морской воды, жалобно кричащія надъ ея головою чайки, словно провожавшія ее въ холодную могилу похоронною пѣснью, голубое безжалостное небо надъ нею, и потомъ благодѣтельныя руки вотъ этого добраго, ласковаго господина, выхватывающія ее изъ объятій смерти, этотъ ласковый голосъ, этотъ нѣжный взглядъ... Сонъ, сонъ, сонъ,—но теперь такой радостный, такой волшебный, какіе она слышала въ дѣтствѣ, въ аулѣ Чичи, въ сказкахъ кормилицы. Это духи моря, которые спасли ее,

чтобъ возвратить Арслану... Они къ нему ведутъ ее, она должна имъ повиноваться въ ихъ сказочномъ царствѣ.

И когда Додтъ, видя, что она молчитъ, подошелъ къ ней и просунулъ ея маленькую ручку подъ свой правый локоть, чтобъ церемоніально вести ее къ столу, она машинально послѣдовала за нимъ въ сопровожденіи молодого мичмана, ея спасителя. На палубѣ, передъ каютъ-компаніей, ее встрѣтили всѣ офицеры эскадры и, образовавъ шпалеры, встрѣчали и провожали ее поклонами до самой каютъ-компаніи. Развѣ видѣла она что-либо подобное раньше, у себя на родинѣ? Да, это сонъ изъ волшебной сказки, событіе въ волшебномъ царствѣ...

Такъ они вошли въ каютъ-компанію, и Додтъ посадилъ свою прелестную гостью на почетное мѣсто, во главѣ богато сервированнаго стола. Не доставало только букета передъ ея приборомъ. Но гдѣ взять цвѣтовъ въ открытомъ морѣ? Скоро всѣ офицеры заняли свои мѣста, а Додтъ и князь Яшвиль помѣстились: одинъ съ правой, другой съ лѣвой стороны своей хорошенькой гостьи, и служители начали разносить кушанья.

— Ханумъ будетъ такъ любезна, что подниметъ чадру, чтобы кушать,—вѣжливо обратился Яшвиль къ своей сосѣдкѣ, которая сидѣла точно очарованная; да ей и казалось все это чарами. Она, дѣйствительно, откинула чадру, и присутствовавшимъ показалось, что на нихъ глянуло солнышко: такъ прелестно было ея личико съ глазами ангела.

Вначалѣ всѣ сохраняли молчаніе, но всѣ видѣли, что очаровательная «малютка», проголодавшаяся порядкомъ, кушала исправно. Это прежде всѣхъ замѣтилъ докторъ, наблюдавшій за нею, какъ за своей паціенткой.

«У «малютки» хорошій аппетитъ,—подумалъ онъ.—Значитъ, она здорова: homo id est, quo modo ille est, или, можетъ быть, я совралъ: homo talis est, quo modo est».

— Простите, очаровательная ханумъ,—уже смѣлѣе заговорилъ мичманъ,—вы наша почетная гостья, и мы еще не знаемъ вашего имени: скажите, какъ васъ зовутъ?

— Эсма... Эсма-ханумъ,—тихо отвѣчала она.

— Какое прелестное имя и какой восхитительный голосокъ!—не выдержалъ Боря Перелешинъ съ пирожкомъ въ рукѣ, моментально застывшей въ воздухѣ.

Эсма взглянула на юнаго гардемарина и улыбнулась: до того

наивнымъ показался ей его возгласъ и его восторженное лицо.

— Что за прелесть! Что за восхитительное существо!— послышался уже болѣе смѣлый шопотъ среди офицеровъ.

— Но спросите, голубчикъ князь, какъ она очутилась въ морѣ?—обратился Додтъ къ Яшвилю.—И почему она не съ отцомъ, а, повидимому, въ Сухумѣ?

— Я стѣсняюсь, капитанъ.

— Почему же?—удивился Додтъ.

— Это будетъ что-то въ родѣ допроса, какъ будто шпіонство съ моей стороны; а, впрочемъ, я спрошу только, какъ она очутилась въ морѣ и почему не спасла ея какая-то Тата, что ли.—И Яшвиль заговорилъ объ этомъ.

— Мы съ Дидой катались вдвоемъ на нашемъ маленькомъ каикѣ,—несмѣло заговорила Эсма,—потомъ мы увидѣли вдали ваши корабли... и очень испугались... Дида велѣла мнѣ перейти къ рулю, чтобъ повернуть каикъ назадъ, къ Сухуму. Я проходила мимо Диды и... упала въ море... она меня столкнула...

— Столкнула?—спросилъ Яшвиль.—Нечаянно?

— Нѣтъ... нарочно столкнула...

— Ахъ, гадина!—вырвалось у молодого мичмана.—А багоръ?

— Она багромъ хотѣла ударить меня по головѣ и уронила багоръ.

— Боже, какое злодѣяніе! За что же это она, злодѣйка?

— За Арсланъ-бея... за то, что... Арсланъ-бей... добръ ко мнѣ... любитъ меня...

— А, понимаю! Изъ ревности... Вообразите, господа,—обратился Яшвиль къ товарищамъ,—эту бѣдную дѣвочку хотѣла утопить изъ ревности молочная сестра Арсланъ-бея и столкнула ее въ море, а сама уплыла на каикѣ въ Сухумъ.

— Ахъ, растреклятая! И эдакую-то цыпочку!—снова не удержался Боря Перелешинъ.—О, только бы намъ взять Сухумъ, я самъ ту вѣдьму собачьимъ хвостомъ удавлю, ежа ей засуну...—Но тутъ онъ спохватился и зажалъ себѣ ротъ рукою.

— Такъ вы, дорогая Эсма-ханумъ, живете въ Сухумъ-Кале?—снова спросилъ Яшвиль.

— Да, въ Сухумъ-Кале.

— И батюшка вашъ тамъ?

— Нѣтъ, отецъ въ Трапезондѣ.

— Ну, господа!—громко сказалъ Яшвиль.—Я больше допрашивать не могу, это будетъ уже шпіонство, свинство по отношенію къ этому очаровательному созданію. Знаю только теперь, что она живетъ въ Сухумѣ, а отецъ ея, Кучукъ-бей, въ Трапезондѣ. Догадываюсь, что Арсланъ-бей любитъ ее, или она его жена...

— Не можетъ быть!—снова прорвался Боря Перелешинъ.— Эдакая-то цыпочка и тотъ чортъ. Чортъ съ младенцемъ!

Въ это время начали разносить шампанское. Додтъ, взявъ свой бокалъ и поднявшись съ мѣста, громко сказалъ:

— Господа, провозглашаю тостъ за здоровье нашей милой гостьи, нашего очаровательнаго найденыша, который своимъ присутствіемъ осчастливилъ на краткій мигъ нашу эскадру: пусть съ этой минуты она считается нашей дочерью, «дочерью эскадры». Здоровье благородной Эсма-ханумъ, «дочери эскадры».

— Ура!—грянулъ общій возгласъ, и громче всѣхъ выкрикнулъ Боря Перелешинъ.—Ура божественной цыпочкѣ!

Князь Яшвиль объяснилъ своей сосѣдкѣ значеніе тоста и возгласовъ. Эсма еще болѣе раскраснѣлась и взяла свой бокалъ. Всѣ стали подходить къ ней. Но она не рѣшалась пить. Къ ней подошелъ докторъ.

— Выкушайте, дорогая малютка,—сказалъ онъ отеческимъ тономъ,—это оживитъ ваши жизненныя силы, vis vitalis.

Яшвиль перевелъ ей слова доктора, и она послушно отпила изъ своего бокала. Подошелъ и Боря Перелешинъ со своимъ бокаломъ. Юное лицо его свѣтилось восторгомъ, глаза блестѣли. Онъ чокнулся съ Эсмой, которая не могла не улыбнуться при видѣ глупо-восторженнаго лица юноши.

— Ахъ, теперь бы заорать: «горько» и расцѣловать губки, щечки и ножки,—сказалъ онъ, чокаясь съ княземъ Яшвилемъ и называя его «крестнымъ отцомъ цыпочки».

— Полно тебѣ, сумасшедшій мальчишка! — остановилъ его послѣдній.

Какъ только встали изъ-за стола, Эсма начала просить Яшвиля, чтобъ онъ отвезъ ее въ Сухумъ.

— Я далъ вамъ, дорогая ханумъ, честное слово доставить васъ, куда прикажете, и долженъ исполнить его, хотя съ величайшимъ сожалѣніемъ, — сказалъ Яшвиль.—Вы, какъ сол-

нышко, освѣтили нашъ фрегатъ, и теперь это солнышко покидаетъ насъ. Да будетъ воля Аллаха!

И онъ просилъ Додта тотчасъ же приготовить самую лучшую шлюпку фрегата, капитанскую. Всѣ стали протестовать, упрашивать, чтобъ хоть часокъ еще осталась гостья; но Яшвиль настоялъ на своемъ. Черезъ нѣсколько минутъ шлюпка-катеръ отчалила отъ фрегата. На рулѣ сидѣлъ Яшвиль, а Эсма помѣстилась на скамейкѣ рядомъ съ докторомъ. Предательскій и спасительный багоръ тоже взяли съ собой. Отъѣзжающимъ офицеры махали платками, посылая вслѣдъ «дочери эскадры» самыя лучшія пожеланія. Эсма дружески кивала головой и весело улыбалась. Катеръ летѣлъ, какъ птица, подъ стройные взмахи двѣнадцати веселъ. Вотъ скоро и рейдъ Сухума. Минуя стоявшія на рейдѣ турецкія фелюги и кочермы, катеръ ловко причалилъ къ берегу и сбросилъ сходни. Эсма птичкой выпорхнула на берегъ, а за нею Яшвиль и докторъ. Ихъ окружили любопытные сухумцы и турки. Навстрѣчу имъ изъ воротъ крѣпости торопливо вышелъ Арсланъ-бей со свитой. Эсма бросилась къ нему, а онъ поднялъ ее, какъ маленькаго ребенка, и, не помня того, что они не одни, сталъ осыпать ее поцѣлуями.

— Вотъ мой спаситель,—вырвавшись изъ его объятій, указала она на князя Яшвиля,—а вотъ онъ, этотъ добрый старичокъ, лѣчилъ меня.

Арсланъ-бей протянулъ было руки, чтобъ обнять и молодого мичмана; но тотъ отступилъ назадъ.

— Берегите это милое дитя, укройте ее отъ нашихъ ядеръ и бомбъ, — сказалъ онъ, указывая на Эсму, — мы сейчасъ же станемъ блокировать вашу крѣпость.

— Да, берегите малютку, — пробормоталъ и докторъ,—она слишкомъ была потрясена.

— Прощайте, ханумъ! Да пошлетъ вамъ Аллахъ благополучіе и счастье! — растроганнымъ голосомъ сказалъ Яшвиль. — Я никогда васъ не забуду!

Въ это время послышались крики въ толпѣ:—«Женщина, женщина упала со стѣны!»

— Дида моя! Дида! Дочь моя!—раздался отчаянный вопль мужчины.

Арсланъ-бей узналъ этотъ голосъ: то былъ отецъ Диды, старый Тутшугъ. Арсланъ-бей и Эсма-ханумъ торопливо при-

близились къ Тутшугу, судорожно ломавшему руки надъ распростертымъ на землѣ тѣломъ. То была Дида. Увидавъ съ крѣпостной стѣны, что ея соперница и жертва ея злодѣянія спасена, она вонзила въ свое ревнивое сердце кинжалъ по самую рукоятку и грохнулась съ крѣпостной стѣны.

— О, Дида! Ты не избѣгла гнѣва Аллаха, — тихо сказала Эсма-ханумъ, съ ужасомъ глядя на трупъ своего врага.

XVII.

Лишь только князь Яшвиль и докторъ возвратились на фрегатъ, какъ эскадра, выстроившись въ боевую линію, двинулась къ Сухуму. Въ три часа пополудни открытъ былъ огонь по всей линіи. Несмотря на то, что крѣпость отвѣчала эскадрѣ шестьюдесятью орудіями, огонь русскихъ дѣйствовалъ такъ убійственно, что стѣны крѣпости, казалось, дрожали и таяли. Орудійный дымъ, правда, мѣшалъ русскимъ видѣть, что творилось на стѣнахъ крѣпости, но въ рѣдкія мгновенія, когда дымъ относило вѣтромъ, въ зрительныя трубы можно было разсмотрѣть, что стѣны Сухума, дѣйствительно, таяли: это разрушались и обсыпались одна амбразура за другою, и большая часть крѣпостныхъ орудій съ подбитыми лафетами или умолкали совсѣмъ, или посылали свои ядра къ небу, задернутому облаками дыма, какъ бы взывая къ Аллаху о помощи, или же бросали ихъ такъ неудачно, что они ложились въ самомъ рейдѣ и топили свои собственныя суда и кочермы. Отъ зданій крѣпости уже поднимались къ небу огненные языки и, при наступавшихъ сумеркахъ, освѣщали и горы, и море багровымъ заревомъ. Что-то стихійное слышалось въ неумолкаемомъ трохотѣ, въ трескѣ и завываніи пожарной бури.

— Какая иллюминація въ честь божественной цыпочки!— восторженно говорилъ юный гардемаринъ Перелешинъ.

— Гдѣ-то она теперь, бѣдненькая малютка? — сокрушался докторъ. — Еще простудятъ ее!

Все слабѣе и слабѣе отвѣчали съ крѣпости, и тѣмъ дружнѣе дѣйствовали орудія русской эскадры. Додтъ отдавалъ приказанія ровнымъ, спокойнымъ голосомъ, иногда же посылалъ въ рупоръ нервное слово команды то на тотъ, то на другой корабль, и всѣ орудія флотиліи, словно стройный оркестръ,

разражались адскою музыкой. Во мракѣ ночи, освѣщаемой заревомъ пожара, съ рейда неслись по временамъ дикіе крики и проклятія, заглушаемые ревомъ орудій: то были крики и проклятія погибавшихъ вмѣстѣ съ своими судами турокъ. Тревожимыя постоянной пальбой, морскія чайки съ жалобнымъ крикомъ метались въ ночномъ воздухѣ или летѣли на свѣтъ пожарнаго зарева и погибали въ огнѣ. Всю ночь не умолкала канонада, и, когда вмѣстѣ съ заревомъ пожара стало загораться зарево восхода, крѣпость казалась мертвою: ни одно орудіе не подавало голоса со стѣнъ крѣпости и на стѣнахъ не видно было ни одного защитника.

— Совершишася! — сказалъ докторъ, глядя на побѣжденный городъ, и набожно перекрестился. — А что-то бѣдная малютка?

Когда окончательно умолкла канонада, слышенъ былъ только трескъ догоравшихъ и разрушавшихся домовъ, да нестройный гулъ голосовъ и выкрики команды на эскадрѣ. Это происходила посадка на мелкія судна десанта, который долженъ былъ занять оставленную непріятелемъ крѣпость. Солнце уже выглянуло изъ-за горъ, когда двѣ роты 4-го морского полка, высадившись на берегъ, съ распущеннымъ знаменемъ и съ музыкой вступали въ осиротѣвшую крѣпость. Вездѣ видны были слѣды разрушенія: на стѣнахъ—опрокинутыя и поврежденныя орудія, которыхъ оказалось ровно шестьдесятъ; полуразрушенные и догоравшіе дома; мертвыя тѣла, которыхъ не успѣли ни убрать, ни похоронить. На паперти мечети лежало мертвое тѣло молодой прекрасной женщины. Это была Дида, брошенная, съ кинжаломъ въ груди, на общее поруганіе, и, съ уходомъ Арсланъ-бея вмѣстѣ съ турецкимъ гарнизономъ, валявшаяся теперь, какъ никому не нужная падаль. Князь Яшвиль и докторъ замѣтили ее.

— Вотъ она, печальная жертва ревности, — покачалъ головою «Песъ Песовичъ», — во истину, homo homini lupus.

— А вѣдь она тоже была красавица, — замѣтилъ Яшвиль.

— Охъ ужъ эта красота!—вздохнулъ докторъ. — Много она зла творитъ во всей вселенной.

— Зато «Песъ Песовичъ» никому не причинилъ зла своею

красотой, — ехидно шепнулъ повѣса Перелешинъ своему другу, гардемарину Нахимову.

— А вы, Петръ Петровичъ, были когда нибудь влюблены?—спросилъ Нахимовъ.

— Homo hominis filius sum, юноша, — отвѣчалъ старикъ и вздохнулъ.—Однако, надо бы похоронить эту бѣдняжку, хоть она и намѣревалась погубить нашу малютку. Гдѣ-то теперь Эсма?

— Въ горахъ, конечно, — отвѣчалъ Яшвиль. — Въ самомъ дѣлѣ, надо напомнить капитану, чтобъ онъ приказалъ убрать тѣла. Пойдемте, господа.

Они прошли въ ту часть Сухума, которая упиралась въ горы и которой не коснулась блокада. Тамъ, за мечетью, на площади, ихъ поразило странное зрѣлище. На толстомъ чинаровомъ брусѣ, въ три обхвата не менѣе, лежалъ навзничь, привязанный къ брусу по рукамъ и ногамъ, и притомъ совсѣмъ голый, какой-то молодой абхазецъ. Около него стоялъ старикъ. Но что болѣе всего поразило пришедшихъ, это то, что лежащаго лизали собаки—лизали ему грудь, лицо, животъ и ноги, въ то время когда онъ скрежеталъ безсильно зубами и плевался. Увидавъ незнакомцевъ, и притомъ русскихъ офицеровъ, старикъ поклонился имъ, прикладывая руку ко лбу и къ груди.

— Что такое, старичокъ? — спросилъ его князь Яшвиль.

Старикъ оказался тугъ на ухо, и пришлось повторить вопросъ.

— Этотъ человѣкъ, господинъ, оказался измѣнникомъ, и господинъ нашъ, Арсланъ-бей, приказалъ вчера подвергнуть его прежде публичному поруганію черезъ собакъ, пока не покроетъ его собою тѣнь отъ минарета, а потомъ отвязать и привести къ бею для казни. А какъ Арсланъ-бей и его воины оставили городъ еще ночью, а тѣнь отъ минарета уже покрыла половину тѣла измѣнника, то я жду, пока не покроетъ его всего Аллахъ своею тѣнью, и тогда развяжу его.

Пока старикъ говорилъ, Перелешинъ и Нахимовъ отогнали собакъ отъ несчастнаго.

— Да онъ весь облитъ кислымъ молокомъ, кажется,—замѣтилъ Нахимовъ.

— Это такой обычай у абхазцевъ и у персіянъ, — сказалъ

Яшвиль, — виновному обмазываютъ лицо и бороду кислымъ молокомъ, сажаютъ на осла или на лошадь, лицомъ къ хвосту, и водятъ по городу: это считается публичнымъ поруганіемъ. А высшее поруганіе—это раздѣваютъ виновнаго, вотъ какъ этого, донага, обливаютъ все тѣло кислымъ молокомъ, привязываютъ къ брусу или тяжелой доскѣ и предоставляютъ собакамъ лизать его.

— Фу, какая мерзость! — воскликнулъ Перелешинъ. — Отвяжи его, старикъ, скорѣй! Аллахъ уже покрылъ его.

Старикъ продолжалъ смотрѣть на несчастнаго, и едва тѣнь отъ минарета немного передвинулась къ югу, такъ что правая рука привязаннаго и правое плечо его стали выходить изъ тѣни, какъ онъ торопливо сталъ развязывать ремни, которыми стянуты были руки и ноги осужденнаго.

— Чѣмъ же провинился этотъ несчастный передъ Арсланъ-беемъ? — спросилъ Яшвиль.

— Да онъ, господинъ, тайно далъ знать, вчера вечеромъ, старшему брату Арсланъ-бея, Сеферъ-Али-бею, что урусы бомбардируютъ Сухумъ-Кале и, вѣроятно, скоро возьмутъ его, — отвѣчалъ старикъ

— О! Такъ онъ нашъ союзникъ, этотъ несчастный! — весело воскликнулъ Боря Перелешинъ. — Его не казнить надо, а наградить.

— Правда, юноша, правда, — подтвердилъ докторъ. — Sepheri-beji amicus—noster amicus! А какъ онъ тебѣ приходится, старина?

Старикъ молчалъ, не понимая по-русски. Князь Яшвиль повторилъ вопросъ доктора.

— Онъ мнѣ сынъ, господинъ, — отвѣчалъ старикъ.

— Такъ вы оба — наши друзья и союзники, — сказалъ Яшвиль, хлопая по плечу старика, который торопливо развязывалъ затекшія посинѣвшею кровью руки и ноги несчастнаго сына.

Съ помощью отца, несчастный съ трудомъ приподнялся и сѣлъ на брусѣ. Стать на ноги онъ еще не могъ.

— Что жъ ты его раньше не развязалъ, старичекъ, когда Арсланъ-бея давно уже нѣтъ въ Сухумѣ? — спросилъ Яшвиль.

— А по закону, господинъ, по корану: мулла говоритъ, что

пока тѣнь Аллаха отъ минарета не покроетъ собою осужденнаго, до тѣхъ поръ его нельзя отвязывать, а то Аллахъ убьетъ его солнечной стрѣлой.

Въ это время послышались звуки рожковъ, призывавшіе команду къ сбору. Князь Яшвиль и оба гардемарина поспѣшили къ своимъ мѣстамъ, а докторъ остался около сидѣвшаго на брусѣ голаго абхазца, чтобъ подать ему помощь, какая понадобится. Обѣ роты морского полка, занявшія Сухумъ, выстраивались, между тѣмъ, на главной площади Сухума. Какъ только онѣ выстроились, въ городъ со стороны Кодора, съ музыкой и барабаннымъ боемъ, громыхая слѣдовавшими за отрядомъ двумя орудіями, вступила рота бѣлевскаго полка. Впереди ѣхали князь Орбеліани и Сеферъ-Али-бей, а около его стремени, на небольшомъ бѣломъ конѣ, ѣхалъ прелестный мальчикъ семи или восьми лѣтъ; въ богатомъ красномъ бешметѣ и въ бѣлоснѣжной папахѣ, вооруженный по всѣмъ правиламъ горскихъ военныхъ обычаевъ. Это былъ старшій сынишка Сеферъ-бея, Димитрій, будущій владѣтель Абхазіи, а пока — наслѣдникъ своего отца. Рядомъ съ мальчикомъ, не спуская съ него грустнаго любящаго взгляда, ѣхала молодая женщина въ богатомъ горскомъ одѣяніи. Это была княгиня Тамара, мать прелестнаго мальчика и жена Сеферъ-бея, урожденная княжна Дадіанъ. Тутъ же слѣдовала небольшая свита изъ наиболѣе знатныхъ князей Абхазіи.

Когда вступили на площадь, гдѣ расположены были герои вчерашней блокады Сухума, двѣ роты морского полка со своими командирами и знаменемъ, вновь прибывшіе князь Орбеліани и Сеферъ-Али-бей со свитою, а за ними рота бѣлевцевъ съ двумя орудіями и сотнею абхазцевъ-пѣхотинцевъ, и съ полусотнею нашихъ линейныхъ казаковъ, то въ ту же минуту, по отданіи вновь прибывшимъ воинской чести по статуту, послѣдніе сошли съ коней, и князь Орбеліани, приказавъ поставить посерединѣ круга, образованнаго войсками, два большихъ турецкихъ барабана одинъ на другой, положилъ на верхъ ихъ высочайшую грамоту и знаки инвеституры, присланные изъ Петербурга, а равно ленту и знаки ордена Анны 1-й степени. Въ то же время отъ свиты князя отдѣлился въ полномъ облаченіи старенькій священникъ, съ крестомъ и Евангеліемъ, и по-

ложилъ эти священные предметы на высочайшую грамоту и на орденскую ленту.

Тогда, по знаку князя Орбеліани, Сеферъ-бей приблизился къ импровизированному аналою изъ двухъ барабановъ и поднялъ правую руку съ перстнымъ сложеніемъ.

— Я, Сеферъ-Али-бей, владѣтельный князь Абхазіи, во святомъ крещеніи Георгій, князь Шервашидзе, предъ всемогущимъ Богомъ и святымъ Его Евангеліемъ обѣщаюсь и клянусь, и т. д., — старческимъ дребезжащимъ голосомъ возглашалъ священникъ, а за нимъ, гортаннымъ речитативомъ, повторялъ слова присяги Сеферъ-бей.

— Во свидѣтельство чего цѣлую крестъ и слова Спасителя моего,—заключилъ присягавшій и поцѣловалъ распятіе и раскрытую страницу Евангелія.

Въ это время князь Орбеліани, подойдя къ аналою и снявъ съ него крестъ и Евангеліе, передалъ ихъ священнику, а самъ, развернувъ высочайшую грамоту, громко прочиталъ ее и вручилъ Сеферъ-бею, который благоговѣйно приложился къ собственноручкой подписи государя Александра Павловича.

— Поздравляю васъ, ваша свѣтлость, князь Георгій Келешевичъ, съ монаршею милостію, — торжественно произнесъ князь Орбеліани и возложилъ на новаго подданнаго Россіи орденскую ленту Анны 1-й степени. — Съ сего момента вы—не Сеферъ-Али-бей, а свѣтлѣйшій князь Георгій Шервашидзе.—И они поцѣловались.

Въ ту же минуту, изъ обоихъ орудій бѣлевскаго полка, въ знакъ торжества, сдѣланы были выстрѣлы, и имъ отвѣчали такими же салютами съ эскадры, стоявшей на рейдѣ.

— А наша «тешша» позабористѣй пхнихъ водяныхъ пушченокъ, — самодовольно замѣтилъ молодой запѣвала, Кудряшовъ.

— Знамо дѣло, — улыбнулся старый «Сукачъ», — наша говоритъ по-суворовски, что твой протодьяконъ

Князь Орбеліани подошелъ къ маленькому Дмитрію, который расширенными зрачками смотрѣлъ на невиданную церемонію, и ласково взялъ его за руку.

— Теперь, мой милый мальчикъ, — сказалъ князь, — по-

дойди, поздравь папу съ монаршей милостью, и простись съ нимъ.

Димитрій подошелъ къ отцу. Тотъ нѣжно его обнялъ, долго цѣловалъ, три раза перекрестилъ и подвелъ къ матери. Княгиня Тамара страстно обхватила мальчика и съ воплемъ стала цѣловать его. Съ трудомъ князю Орбеліани удалось вырвать сына изъ объятій обезумѣвшей отъ горя матери.

Его тотчасъ же увели, чтобъ отправить въ Петербургъ въ качествѣ аманата, въ залогъ вѣрности Россіи его отца и всей Абхазіи.

ЧАСТЬ II.

I.

Прошло одинадцать лѣтъ съ того дня, когда маленькаго княжича Абхазіи, Димитрія Шервашидзе, вырвали изъ объятій матери, княгини Тамары, и увезли въ Петербургъ.

Во второй половинѣ мая 1821 года надъ Петербургомъ и его окрестностями стояла превосходная погода. Въ садахъ и на дачахъ зелень только что вошла въ полную силу и, еще не запыленная, ласкала взоръ своею весеннею красою и свѣжестью. Въ обширномъ павловскомъ паркѣ неумолчно перекликались кукушки. Въ зеленой листвѣ столѣтнихъ деревьевъ задорно высвистывали иволги, сверкая на солнцѣ золотомъ своего оперенія. Изъ глухихъ уголковъ парка и изъ темныхъ зарослей доносились соловьиныя трели и робкія потрескиванья коростеля, для котораго майская трава сѣвера была еще слишкомъ мала, чтобъ позволить ему безпечно наслаждаться праздникомъ весны. Солнце уже начинало опускаться за вершины гигантскихъ елей, когда къ крыльцу одной красивой дачи два солидныхъ конюха и маленькій трумъ подвели трехъ осѣдланныхъ коней, одного подъ дамскимъ сѣдломъ. Вслѣдъ затѣмъ на крыльцо вышли: молоденькая амазонка, почти дѣвочка, со свѣтлыми, пепельнаго отлива, локонами; а за нею юный офицеръ съ лицомъ красиваго южнаго типа. Молча посадивъ свою молоденькую даму на сѣдло, офицеръ также молчаливо вскочилъ на своего коня.

— Дмитрій Георгіевичъ, привезите мнѣ ландышей! — раздался съ террасы дачи серебристый голосокъ дѣвочки лѣтъ двѣнадцати, которая махала платкомъ вслѣдъ отъѣзжавшимъ.

— Привезу, милая Катя, если только ландыши распустились, — отвѣчалъ офицеръ нѣсколько гортаннымъ голосомъ, ласково оборачиваясь къ дѣвочкѣ.

— Ну, фіалокъ, незабудокъ! — продолжалъ звенѣть серебристый голосокъ.

Амазонка и офицеръ свернули въ боковую широкую аллею и пустили лошадей въ галопъ. Маленькій грумъ слѣдовалъ за ними, искусно управляя своимъ скакуномъ. Нѣсколько времени всадники скакали молча. Казалось, что ни тотъ, ни другая не рѣшались начать разговоръ, хотя по выраженію ихъ лицъ видно было, что слова просились на уста, но что-то мѣшало имъ сорваться съ языка. На лицѣ офицера видна была грустная или тревожная дума, что подмѣтила его спутница, украдкой взглядывавшая на него, но, по свойственной женщинамъ, даже очень юнымъ дѣвочкамъ, скрытности или неискренности, никакъ не рѣшалась сказать то, чего ей хотѣлось.

— Я сейчасъ въ умѣ спрашивала кукушку, сколько мнѣ осталось жить, и она накуковала мнѣ всего пять лѣтъ, — заговорила, наконецъ, юная притворщица.—А у васъ въ Абхазіи есть кукушки? — спросила она совсѣмъ не то, о чемъ думала.

— Есть, княжна, — отвѣчалъ офицеръ, думая о чемъ-то другомъ.

Юная лицемѣрка хорошо видѣла это; она замѣтила, — какъ только тотъ, кого дѣвочка назвала Димитріемъ Георгіевичемъ, пріѣхалъ къ нимъ сегодня на дачу, — что онъ таитъ въ душѣ какую-то тревожную мысль, что его мучитъ какая-то тайна, и это еще болѣе разжигало ея женское любопытство. Но женское же лукавство стояло на стражѣ, и юная лицемѣрка терзалась неизвѣстностью. Душу ея грызъ прямой вопросъ; но Боже сохрани идти къ нему прямою дорогой! Нѣтъ, надо колесить проселками, начать съ кукушекъ и кончить иволгами.

— И иволги есть въ Абхазіи, князь? — снова спросила она, терзаясь любопытствомъ, въ основаніи котораго таилось нѣчто очень жгучее.

— Есть и иволги, княжна, — былъ отвѣтъ, какой-то глухой, будто сердитый.

Это невозможно! Юная лицемѣрка готова разрыдаться... «Кукушки!... иволги... Боже мой! а онъ молчитъ, онъ о чемъ-то думаетъ... Не обо мнѣ... Онъ не глядитъ на меня»... Но какъ заговорить прямо? Уронить женское достоинство, дѣвичью стыдливость! Нѣтъ, лучше лицемѣріе...

— Что съ вами сегодня, князь? — со смѣхомъ спросила

лицемѣрка, готовая плакать навзрыдъ. — Васъ, вѣроятно, опять пожурилъ за лѣность Василій Андреевичъ Жуковскій?

Офицеръ съ грустнымъ укоромъ взглянулъ на нее. — «И она еще можетъ смѣяться! Онѣ всѣ такія, эти женщины»...

— Нѣтъ княжна, — сказалъ онъ почти рѣзко, — меня не журилъ Жуковскій; но я скоро долженъ оставить Петербургъ и навсегда.

Дѣвушка покачнулась на сѣдлѣ, точно ее ударили хлыстомъ. Да, ее ударили хлыстомъ... прямо по сердцу. Розы на ея нѣжныхъ щечкахъ блѣднѣли, блѣднѣли, и она стала бѣлѣе полотна.

— Какъ? — глухо спросила она. Но и тутъ женское лицемѣріе шепнуло ей: «не выдай себя»!

— Вы знаете, княжна, что въ февралѣ скончался мой батюшка, — сказалъ онъ, пріостанавливая галопъ своего взмыленнаго коня. — Абхазія осталась безъ правителя. Правда, страною управляетъ матушка, княгиня Тамара. Но что можетъ сдѣлать слабая женщина съ такимъ необузданнымъ народомъ, какъ абхазцы? Притомъ же нашу бѣдную осиротѣлую Абхазію раздираютъ смуты. Еще при жизни батюшки, братъ его, а мой дядя, Арсланъ-бей, этотъ гнусный отцеубійца, я вамъ говорилъ о немъ, мусульманинъ по вѣрѣ, заклятый врагъ покойнаго отца моего, при помощи турокъ привлекъ на свою сторону самые дикіе и воинственные элементы Абхазіи. Кромѣ того, поддерживаютъ внутреннюю смуту бѣдной страны еще трое моихъ дядей, о которыхъ я тоже не разъ говорилъ вамъ и вашей матушкѣ, Хассанъ-бей, Баталъ-бей и Таяръ-бей, опять таки мусульмане и враги абхазцевъ-христіанъ. А у матушки моей еще на рукахъ двое малолѣтнихъ сыновей, моихъ братьевъ.

Онъ пріостановился, какъ бы отыскивая главную нить своего разсказа. Спутница его молчала, вполнѣ овладѣвъ своимъ волненіемъ.

— Да, — прервалъ молчаніе ея спутникъ, — живя здѣсь съ самаго дѣтства, я смутно зналъ, что дѣлалось въ Абхазіи во время управленія страною моего отца. Я здѣсь учился, развлекался, а въ послѣднее время думалъ было даже...

Какъ бы испугавшись своихъ словъ, онъ прервалъ себя. Дѣвушка пытливо глянула на него, но ничего не сказала. Она женскимъ чутьемъ догадывалась, что то, чего онъ не сказалъ

теперь, будетъ высказано раньше или позже. На то она женщина, чтобъ знать это.

— Видите ли, княжна, — снова началъ онъ, — я даже почти ничего не зналъ, что происходило въ Абхазіи послѣ смерти моего отца, хотя минуло уже болѣе трехъ мѣсяцевъ послѣ его кончины. Но вчера призывалъ меня къ себѣ Ермоловъ и обстоятельно посвятилъ въ дѣла моей родины. Вѣдь онъ правитъ всѣмъ Кавказомъ и каждый почти день получаетъ оттуда донесенія. Такъ вотъ что, княжна, я узналъ отъ него. Отецъ мой скончался 7-го февраля въ Сухумъ-Кале, гдѣ находится русскій гарнизонъ подъ командою майора Могилянскаго. И представьте себѣ, едва разнеслась вѣсть о смерти правителя Абхазіи, какъ на другой же день толпы абхазцевъ, сторонниковъ дяди Хассанъ-бея и его подвластныхъ, окружили крѣпость и напали на русскую команду, которая послана была въ сосѣдній лѣсъ за дровами, такъ что на выручку ихъ пришлось выслать роту пѣхоты съ орудіемъ. Завязалась перестрѣлка. Правда, передъ мѣткимъ огнемъ русскихъ и передъ картечью абхазцы не устояли и разсѣялись, но все же и со стороны русскихъ оказались убитые и раненые.

Дѣвушка слушала теперь разсѣянно. Голубые глаза ея, казалось, говорили: «Что мнѣ за дѣло до Абхазіи, до этихъ убитыхъ и раненыхъ? На Кавказѣ это случается каждый день. Но отчего онъ о себѣ не говоритъ, зачѣмъ ему туда ѣхать, когда здѣсь онъ, кажется... Ахъ, нѣтъ! Онъ еще не сказалъ э т о г о... Но скажетъ, скажетъ! Иначе не начиналъ бы объ этой противной Абхазіи, хоть онъ и говоритъ, что тамъ дивная, величественная природа, горы, упирающіяся въ небо, безбрежное березовое море, не такая безцвѣтная лужа, какъ около Кронштадта и Петергофа».

И она терпѣливо должна была слушать, задумчиво гладя гриву своей лошади.

— Вотъ я теперь русскій подданный, офицеръ русской службы, — продолжалъ ея спутникъ,—Абхазія тоже считается русскою провинціею, а я — залогъ ея вѣрности нашему императору, я — аманатъ Абхазіи. Но Абхазія, несмотря на это, считаетъ себя свободною страной и скорѣе льнетъ къ мусульманской Турціи, чѣмъ къ православной Россіи. Да и въ самомъ

дѣлѣ такъ: русскіе владѣютъ теперь въ Абхазіи только Сухумомъ, гдѣ стоитъ ихъ гарнизонъ. Сухумъ — это тотъ же островъ св. Елены, на которомъ Наполеонъ нашелъ свою тюрьму: хоть эта крѣпость и на сушѣ, но доступъ къ ней для Россіи свободенъ только съ моря, изъ Крыма, на корабляхъ. Кругомъ же, на сушѣ, одни враги Россіи, что они и доказали на другой же день послѣ смерти моего отца, напавъ на русскую команду. Но и моремъ добраться до Сухума нелегко: Черное море необыкновенно бурно; штормы свирѣпствуютъ на немъ всю зиму, всю осень и всю весну. Понятно, что мои милые соотечественники никого не боятся, не знаютъ надъ собой никакой узды. Жизнь ихъ — война, грабежъ. Главный доходъ ихъ — отъ продажи въ Турцію плѣнныхъ въ рабство, особенно же дѣвушекъ... А красота горскихъ дѣвушекъ такъ высоко цѣнится во всемъ свѣтѣ.

Спутница его, повидимому, не раздѣляла этого мнѣнія и чуть замѣтно брезгливо улыбнулась.

— Значитъ, теперь Абхазіей управляетъ не maman ваша, а Хассанъ-бей?—спросила она, чтобъ только прекратить похвалу горскимъ красавицамъ, такъ какъ всякая женщина оскорбляется, если въ ея присутствіи восхваляютъ красоту другой женщины, а не ея самой.

— Къ сожалѣнію, почти такъ,—согласился молодой абхазецъ.—Когда въ стычкѣ 8-го февраля русскіе захватили въ плѣнъ нѣсколько абхазцевъ, то дядя Хассанъ на другой же день явился въ крѣпость требовать ихъ освобожденія, говоря, что они подвластны ему, а не моей maman. Еще то хорошо, что maman и мои братишки имѣютъ защиту въ моемъ кузенѣ, въ князѣ Леванѣ Дадіанѣ, который владѣетъ Мингреліей. Вѣдь я вамъ говорилъ, кажется, что моя maman изъ Мингреліи, изъ дома владѣтельныхъ князей Дадіановъ и приходится теткой князю Левану. Но cousin Леванъ, какъ мнѣ сообщилъ вчера Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, не безкорыстный нашъ защитникъ. Ермоловъ говоритъ, что князь Леванъ двинулъ свои войска въ Абхазію будто бы для защиты maman и моихъ братишекъ отъ дяди Хассана, а на самомъ дѣлѣ ему хочется оттягать у насъ клочекъ нашей Абхазіи, который нѣкогда былъ подъ властью правителей Мингреліи. Но это ему не удалось, и дядя Хассанъ самъ попался въ ловушку. Его перехитрилъ Могилянскій, комендантъ Сухума.

Когда дядя явился въ Сухумъ съ небольшою свитой изъ цебельдинскихъ князей, чтобы требовать выдачи плѣнныхъ абхазцевъ, захваченныхъ въ стычкѣ 8-го февраля, Могилянскій приказалъ арестовать его. Это произошло въ домѣ Могилянскаго. Князья цебельдинскіе находились на галлереѣ, и когда увидали оттуда въ окна, что ихъ вождя, дядю Хассана, вяжутъ, какъ простого разбойника, то бросились было защищать его. Произошла кровопролитная свалка. Двухъ князей солдаты закололи штыками, какъ кабановъ, а остальныхъ связали и посадили на гауптвахту. Дядю же Хассана, тоже связаннаго, перевезли тотчасъ на русскій корабль, который стоялъ въ сухумскомъ рейдѣ.

— Вотъ вамъ и поэтическія Абхазія, родина Медеи, царства «золотого руна», — съ грустной улыбкой сказала дѣвушка. кровь, кровь и кровь. А у насъ, посмотрите, просто рай!—И она указала на открывшуюся передъ ними даль, на живописныя группы деревьевъ, позолоченныя лучами заходящаго солнца, и на тихія воды Славянки.—Не присядемъ ли мы здѣсь на скамейкѣ? Надо дать передохнуть и милымъ лошадкамъ: видите, какъ мы ихъ взмылили. Здѣсь же такъ хорошо... Полюбуйтесь въ послѣдній разъ нашей сѣверной природой...—Голосъ ея дрогнулъ, на глазахъ показались предательскія слезы: женская гордость и привитое съ дѣтства свѣтское лицемѣріе одержали верхъ надъ чувствомъ.

— Съ удовольствіемъ,—сказалъ ея спутникъ и, быстро соскочивъ съ лошади, осторожно снялъ съ сѣдла дѣвушку. Руки его дрожали.

— Петруша, выводи хорошенько лошадей, — сказала княжна, передавая поводья груму.—Съ этого мѣста Жуковскій любовался Славянкой, когда сочинялъ свое поэтическое посланіе къ этой милой рѣчкѣ,—добавила она, обративъ къ спутнику свое нѣсколько усталое личико.

II

Молодые путешественники, о которыхъ сейчасъ шла рѣчь, были: о н ъ—юный свѣтлѣйшій князь Дмитрій Георгіевичъ Шервашидзе, котораго 10-го іюля 1810 года мы видѣли въ Сухумъ-Кале, когда отецъ его, Сеферъ-Али-бей, подъ именемъ князя Георгія Шервашидзе, присягалъ на подданство Россіи, и ко-

тораго, тогда еще крошку, взяли рыдающаго изъ объятій тоже рыдавшей матери, княгини Тамары, и въ качествѣ аманата за Абхазію увезли въ Петербургъ, гдѣ онъ и воспитывался до настоящаго времени сначала въ пажескомъ корпусѣ, а потомъ подъ руководствомъ знаменитаго поэта и воспитателя царскихъ дѣтей, Василія Андреевича Жуковскаго; о н а—юная княжна Варенька Гагарина. Но о ней пока сказать нечего.

— Не правда ли, какъ симпатична наша сѣверная природа?—говорила она, придерживая шлейфъ амазонки и садясь на скамью.

— Да, я привыкъ къ ней, сжился съ нею,—задумчиво отвѣчалъ молодой абхазецъ,—вѣдь болѣе десяти лѣтъ я живу подъ вашимъ небомъ.

— И вы рады покинуть его для вашего неба?—задорно спросила княжна, сдѣлавъ удареніе на словѣ «вашего».

— Нѣтъ, княжна, — тихо отвѣчалъ ея собесѣдникъ съ грустью въ голосѣ,—напротивъ, я покидаю его съ сожалѣніемъ... Я покидаю здѣсь то...—Онъ замялся,—то, что мнѣ дорого,—почти шопотомъ закончилъ онъ.

— Василія Андреевича, конечно?—слукавила юная плутовка.

— Да... но вы не знаете... я не смѣю...

Плутовка испугалась. Она страстно желала, чтобъ онъ «смѣлъ», чтобъ онъ досказалъ; сердце ея сладко и больно замирало отъ предвкушаемаго счастья, о! Она давно все угадала, давно знала! и замирало также отъ страха, что вотъ-вотъ онъ скажетъ то, чего она страстно желала... Но женское лицемѣріе осилило: она отдалила эту страшную и блаженную минуту... Ожиданіе этой минуты, это и есть блаженство женщины. Вотъ-вотъ схватитъ и унесетъ—унесетъ въ рай... Ахъ, какъ страшно! И юная лицемѣрка извернулась.

— Но вы не досказали о Ермоловѣ и вашей Абхазіи, о дядѣ Хассанъ-беѣ,—увильнула она.

— Да, правда, виноватъ... Дядю Хассана скоро перевезли съ корабля въ крѣпость Редутъ-Кале, а оттуда въ концѣ марта подъ конвоемъ отправили сначала въ Кутаисъ, а потомъ въ Гори.

— А другой вашъ дядя, тотъ страшный отцеубійца—что онъ?

— Арсланъ-бей? О немъ-то Ермоловъ особенно безпокоится... Это ужасный человѣкъ. Теперь, услыхавъ объ арестѣ и высылкѣ въ Гори брата своего Хассана, онъ снова явился въ Абхазію,—а до сихъ поръ скрывался въ Турціи,—и сталъ разглашать вездѣ, что онъ получилъ отъ султана фирманъ на владѣніе всею Абхазіей и даже Сухумомъ, что фирманъ этотъ подписанъ будто бы даже русскимъ посланникомъ въ Константинополѣ. Ну, понятно, что къ нему теперь стекаются всѣ отчаянныя головы изъ Цебельды и Абхазіи. Матушка, конечно, въ отчаяніи...

— А гдѣ теперь ваша maman? Въ Абхазіи?—перебила его княжна.

— Да, въ Сухумѣ: вѣдь тамъ только и можно спрятаться отъ нашихъ разбойниковъ... Но каковъ негодяй, — извините, княжна,—мой дядюшка Арсланъ! На-дняхъ онъ является подъ Сухумъ съ войскомъ и шлетъ пословъ къ коменданту крѣпости. Комендантъ высылаетъ къ нимъ переводчика. Послы говорятъ, что Арсланъ-бей, милостію Аллаха и волею падишаха, повелитель Абхазіи, требуетъ, чтобы русскіе вывели свои войска изъ Сухума, что Сухумъ принадлежитъ ему, Арсланъ-бею, а не русскимъ гяурамъ, и что Абхазія всегда была подвластна Турціи, а не Россіи. Тогда комендантъ велѣлъ объявить дерзкимъ посламъ, что если они или кто другой вновь явятся съ подобнымъ предложеніемъ, то они встрѣчены будутъ выстрѣлами, и пусть скажутъ Арсланъ-бею, чтобы онъ и его единомышленники ожидали скорой гибели со своими семействами

— Бѣдная страна!—какъ бы про себя замѣтила княжна.

— Она перестанетъ быть бѣдной!—горячо возразилъ молодой абхазецъ.

— Но какимъ образомъ?

— Я усмирю ее, я снесу голову отцеубійцѣ! Ермоловъ мнѣ сказалъ, что государю императору благоугодно назначить меня повелителемъ Абхазіи: я законный наслѣдникъ моего отца... Я божіею милостію!—гордо воскликнулъ онъ.

Княжна снова поблѣднѣла, хотя послѣднія слова молодого абхазца заставили забиться безумной радостью ея сердце... Божіею милостію повелитель страны... А она? Что она для

него? Если онъ не любитъ ея? Если она ошиблась? «Горскія дѣвушки такъ прекрасны»,—говорилъ онъ.

— Завтра мнѣ назначена аудіенція у государя, — продолжалъ молодой абхазецъ, не замѣчая волненія дѣвушки.—Императоръ самъ объявитъ мнѣ высочайшую волю... и тогда... тогда я долженъ буду покинуть это сѣверное небо, небо моей второй родины...—Голосъ его оборвался.

Взглянувъ на свою спутницу, онъ увидѣлъ, что по ея щекамъ текли слезы.

— Княжна... Варвара Павловна, что съ вами?—испуганно воскликнулъ онъ, не сообразивъ, въ чемъ дѣло.

Дѣвушка закрыла лицо руками и совсѣмъ разрыдалась.

— Боже мой... Варвара Павловна... Господи! Да что жъ это такое?—бормоталъ растерявшійся повелитель Абхазіи.

А слезы текли пуще и пуще. У женщинъ на все слезы: горе—слезы, радость—слезы, «избытокъ счастья—слезъ избытокъ»... Обидѣли ее—плачетъ, сама переобидѣла—рыдаетъ! А сказать прямо—все-таки не скажетъ...

— Господи, да что же это? Обидѣлъ я васъ?.. Скажите ради Бога, что съ вами?—растерянно повторялъ неопытный князь.—Скажите, что съ вами?

— Ахъ, развѣ вы не видите? — вырвалось изъ-подъ платка

— Что же, Господи!

А она все-таки не хочетъ сказать и пуще плачетъ, плачетъ отъ обиды, что тотъ не догадывается. Догадайся, глупый мужчина!

Нѣтъ, онъ не догадается. Онъ только, со свойственной глупымъ мужчинамъ прямотою и съ порывомъ жалости къ этому рыдающему ребенку, силится отнять руки отъ ея хорошенькаго личика.

— Варя... Варенька... ангелъ мой!—шепчетъ дикарь, забывая всякія приличія, и привлекаетъ къ себѣ дѣвушку.—Варя, божество!—Губы его сливаются съ ея губами...

Все забыто! Абхазія, Арсланъ-бей, Сухумъ, сѣверное небо, Тихая Славянка—ничего больше нѣтъ: ни неба, ни земли, ни времени, ни пространства. Однѣ только мягкія, влажныя губы...

И эти губы не отрываются отъ его губъ... нѣтъ, онѣ льнутъ къ нимъ все жарче и жарче...

— Грумъ увидитъ,—прошептала она, наконецъ, отрываясь отъ него. Голова у нея кружилась, сердце замирало.

Маленькій грумъ, вываживая взмыленныхъ коней, дѣйствительно, показался изъ-за поворота боковой аллеи.

— Такъ ты будешь моя? Будешь моею царицей и царицей Абхазіи?—шепталъ ослѣпленный страстью молодой абхазецъ.— Я все отдамъ тебѣ, мое голубое небо, мое бирюзовое море, мои горы... Вся природа моей родины, дремучіе лѣса, бурныя рѣки, горные ручьи и гремучіе каскады, все это твое, твое, мое божество!

Дѣвушка молчала, блаженно улыбаясь сквозь непросохшія еще слезы и тихонько пожимая руку своего возлюбленнаго... Совѣсть ея была спокойна, она «сама ничего не сказала», она до конца держала свое женское сердце и лицо подъ папцыремъ и забраломъ приличія, хотя губы контрабандой выскользнули изъ-подъ этого забрала, но все же «ничего не сказали». А ужъ онъ сразу перешелъ съ ней на «ты». Что жъ! И сама она давно въ душѣ своей говорила ему «ты», «мой Митя», «мой очаровательный дикарь», «мой божественный азіатъ»... Все это она давно шептала въ своей хорошенькой спальнѣ, на молитвѣ, въ своей дѣвичьей постели... Она уже съ годъ почти любитъ его, послѣ того чуднаго бала у Раевскихъ, гдѣ она видѣла Пушкина и Гнѣдича... Въ тотъ вечеръ она сама не знала, что съ ней дѣлалось. Она это почувствовала, когда носилась съ нимъ въ вальсѣ. Что такое произошло, какъ произошло, она и тогда не понимала, но произошло что-то такое, что охватило ее всю, и она уже, кромѣ этого «азіата» съ пламеннымъ взоромъ, ничего и никого не видѣла, даже забыла о присутствіи Пушкина. Послѣ этого вечера для нея пересталъ существовать весь міръ: вся вселенная, жизнь, счастье, земля и небо, все сосредоточилось въ немъ...

Но сегодня, когда онъ сказалъ ей, что навсегда покидаетъ Петербургъ, она думала, что упадетъ въ обморокъ, и, только ухватившись за гриву лошади, удержалась на сѣдлѣ. А теперь, теперь для нея открылись врата рая... Какъ она любитъ теперь эту невѣдомую страну, гдѣ онъ родился, гдѣ рѣзвился малень-

кимъ, хорошенькимъ ребенкомъ. Но еще за нѣсколько минутъ она ненавидѣла эту далекую Абхазію: она тайно, въ душѣ, ревновала его и къ его роднымъ горамъ, и къ голубому небу, и къ бирюзовому морю съ летающими надъ его поверхностью чайками, и къ горнымъ ручьямъ и каскадамъ, о чемъ онъ часто разсказывалъ у нихъ. Особенно ненавистны ей были горскія дѣвушки, черкешенки... Но,—она даже содрогнулась,—онъ могъ и уѣхать, не открывъ ей своего сердца, не объяснившись съ нею... Вѣдь, мужчины такіе всѣ недогадливые, робкіе... Они не боятся пуль, не боятся смерти, а дѣвушки боятся! Вѣдь, не могла же она сама признаться ему? А развѣ онъ самъ не видѣлъ? Развѣ не сотни разъ она признавалась ему глазами, голосомъ, румянцемъ на щекахъ! Развѣ она не говорила ему всѣмъ этимъ: «возьми меня, я давно вся твоя!» Но теперь онъ догадался... Нѣтъ, и тутъ, глупый, не догадался. Ему только стало жаль ее, когда она заплакала, и онъ сталъ утѣшать ее, какъ утѣшалъ бы сестру, Катю, какъ утѣшаютъ всякаго ребенка... Онъ невольно поцѣловалъ ее... «А я, нахалка, такъ и впилась въ его губы... Нѣтъ, нѣтъ! Лучше быть нахалкой, лишь бы не потерять своего счастья. А будь я щепетилкой, недотрогой, онъ бы бѣжалъ отъ моей pruderie»...

— Варя, божество мое,—шепталъ надъ нею гортанный голосъ, который казался ей райскою мелодіей.

Вдругъ послышался лошадиный топотъ, и изъ-за поворота боковой аллеи показался всадникъ.

— Голицынъ, — прошептала дѣвушка, досадливо сдвигая брови и отодвигаясь къ краю скамейки.

— Вотъ они гдѣ, отшельники!—весело говорилъ прибывшій, соскакивая съ лошади и вручая ее тоже груму.—Петрушка, будь нянькой, выводи и моего молодца.

— Я васъ искалъ по всему парку,—говорилъ онъ дальше, подходя къ скамейкѣ,—чуть не загналъ свою лошадь... почти до Москвы доскакалъ... А они вонъ гдѣ, на берегу скромной Славянки... Можно присѣсть, Варвара Павловна?

— Садитесь,—былъ лицемѣрно-любезный отвѣтъ.

— А васъ, князь, позвольте поздравить.

— Съ чѣмъ?—спросилъ неохотно Шервашидзе.

— Я слышалъ, что васъ посылаютъ на Кавказъ, правителемъ Абхазіи.

— Да... Я законный наслѣдникъ моей страны,—гордо отвѣчалъ абхазецъ.

— И вы скоро уѣзжаете?

— Не знаю... Какъ будетъ угодно государю императору.

— Какъ я радъ за васъ—повелитель цѣлаго народа! Въ своемъ родѣ государь...

«Да, за себя радъ, болванъ, — подумалъ про себя Шервашидзе,—думаешь безъ меня ухаживать за моей невѣстой. Ты давно заришься на нее».

— Вы, вѣроятно, заѣзжали къ намъ на дачу, князь?—спросила дѣвушка Голицына, замѣтивъ, что разговоръ ея поклонниковъ становится нѣсколько натянутымъ, хотя прежде, по тактикѣ женскаго кокетства, она съ умысломъ возбуждала ихъ соперничество, думая этимъ скорѣе подвинуть на любовное объясненіе своего застѣнчиваго «азіата»; но такъ какъ теперь ея женская хитрость увѣнчалась желаннымъ успѣхомъ и очаровательный «азіатъ» объяснился въ любви, то ей уже не было никакой цѣли обострять отношенія между отвергнутымъ ею поклонникомъ, княземъ Голицынымъ, и его счастливымъ соперникомъ.

— Да, Варвара Павловна, на вашей дачѣ я узналъ, что вы уѣхали кататься, и что князь Димитрій Георгіевичъ обѣщалъ милой Катишь привезти ландышей и незабудокъ, — отвѣчалъ Голицынъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, пойдемте искать ландышей и незабудокъ,—сказала княжна,—надо же что-нибудь привезти Катишь.

— Съ удовольствіемъ,—отозвался Голицынъ.

«Ахъ, какъ не кстати онъ пріѣхалъ!» — думала про себя княжна Варя, отправляясь на поиски ландышей.

— Вотъ чортъ принесъ!—бормоталъ про себя молодой абхазецъ, стараясь уяснить себѣ, цѣловала ли и она его, или только онъ ее цѣловалъ?

III.

Только ночью, проводивъ гостей и оставшись наединѣ сама съ собою въ своемъ уютномъ уголкѣ, въ который уже проникалъ розоватый свѣтъ ранняго весенняго утра, княжна Варя могла

свободно отдаться своимъ мыслямъ и обсудить то, что произошло нѣсколько часовъ тому назадъ. А произошло нѣчто роковое въ ея жизни. Прежде, думая о красивомъ абхазцѣ, она только чувствовала, что любитъ его, что только его образъ наполняетъ всю ея душу, только его голосъ звучитъ для нея дивною мелодіей; но что будетъ дальше, что можетъ выйти изъ ея любви, она объ этомъ не загадывала. Она желала только одного, чтобъ онъ ее любилъ. И онъ любилъ ее, она это знала. Видѣть его постоянно, глядѣть на него, слушать его, это было, казалось, единственной цѣлью ея жизни. Но чѣмъ дальше, тѣмъ ей хотѣлось большаго. Ей хотѣлось, чтобъ онъ самъ сказалъ, что любитъ ее. Но это-то было и самое желательное и самое страшное. А вдругъ онъ скажетъ! И у нея отъ этого ожиданія руки холодѣли. Но онъ не говорилъ, и она терзалась.

Когда онъ цѣловалъ ее, у нея голова закружилась и, чтобы не упасть, она прильнула своими губами къ его губамъ. Она сама цѣловала его!.. И теперь она чувствовала, какъ обезумѣвшее сердце гнало всю кровь къ ея щекамъ, отъ стыда или отъ счастья, она не могла въ этомъ разобраться. Но дальше? Онъ сказалъ, что увезетъ ее въ свою Абхазію. А какъ же иначе? Тогда она должна будетъ покинуть все, къ чему съ дѣтства привыкла, что любила—все, все, все... И этотъ розоватый свѣтъ утра, что глядитъ въ эти именно окна, и это небо, и Катю, и брата, и маму, и папу, все, все оторвать отъ себя!

А эта далекая, невѣдомая Абхазія? Еще когда она, княжна Варя, была незнакома съ княземъ Шервашидзе, она слышала объ этой странѣ удивительные, поэтическіе и страшные разсказы отъ одного французскаго путешественника, бывшаго въ ихъ домѣ, и тогда же заинтересовалась этой страной и ея обитателями. Monsieur Жудра называлъ ихъ «сынами Прометея». Когда Прометей похитилъ у Юпитера небесный огонь, разгнѣванный царь боговъ приказалъ Вулкану приковать похитителя къ скаламъ Абхазіи, гдѣ каждый день орелъ Юпитера терзалъ своимъ клювомъ печень и сердце несчастнаго бога. Страшные стоны его разносились по всѣмъ горамъ Кавказа. И теперь эти стоны слышатся въ воѣ вѣтра и въ рокотѣ горныхъ ручьевъ и каскадовъ. Стоны Прометея слышали жалостливыя дѣвы Океаниды, и каждую ночь приходили утѣшать страдальца и по возможности облегчать его муки.

Княжна, лежа въ постели съ открытыми глазами, вспомнила весь миѳъ о Прометеѣ. Одна изъ нереидъ, Ѳетида, узнавъ отъ оракула, что если она родитъ сына, то онъ будетъ сильнѣе своего отца, страстно желала имѣть сына отъ самого Юпитера. Это предсказаніе оракула случайно подслушалъ Прометей, и когда былъ прикованъ къ скаламъ Абхазіи, то послѣ тридцатилѣтнихъ страданій отъ орла онъ, наконецъ, не вынесъ своихъ мукъ и обратился къ своему мучителю, Юпитеру. Онъ обѣщалъ открыть царю боговъ величайшую тайну, не зная которой Юпитеръ можетъ погибнуть такъ же, какъ погибъ его отецъ, отецъ всѣхъ боговъ, Сатурнъ, отъ руки сына, и за открытіе этой тайны Юпитеру просилъ освободить его отъ оковъ и терзаній орла. Юпитеръ обѣщалъ исполнить его просьбу, и тогда Прометей сообщилъ ему, чтобъ онъ не сходился съ Ѳетидой, а иначе она родитъ ему такого сына, который будетъ сильнѣе отца и низвергнетъ его съ трона, какъ то сдѣлалъ самъ Юпитеръ со своимъ отцомъ Сатурномъ. Тогда Юпитеръ велѣлъ Геркулесу убить орла и освободить Прометея.

Она вспомнила и разсказъ Жудра объ аргонавтахъ. Долго они плыли по морю, а все не видать земли. Наконецъ, разъ утромъ, на горизонтѣ показались бѣловатыя облака. Но, приближаясь къ нимъ все болѣе и болѣе, аргонавты увидѣли, что это не облака, а покрытыя снѣгомъ высочайшія горы. То былъ Кавказъ, то были горы Абхазіи. Вдругъ они услыхали необыкновенный шумъ, словно отъ бурнаго вѣтра, и когда подняли головы, то увидѣли, что высоко въ небѣ летѣлъ необычайной величины орелъ. Крылья его были громаднѣе парусовъ корабля аргонавтовъ, и отъ взмаховъ этихъ крыльевъ все больше и больше крѣпчалъ вѣтеръ и надувалъ паруса «Аргоса». То былъ орелъ Юпитера, который съ Олимпа летѣлъ на Кавказъ, чтобъ терзать тамъ печень и сердце Прометея. Когда орелъ исчезъ, аргонавты услышали страшные стоны, которые неслись съ берега Понта. То орелъ терзалъ Прометея. Весь день раздавались стоны, отъ которыхъ, казалось, стонали и море, и воздухъ, и далекія горы Абхазіи. Къ вечеру аргонавты услыхали снова необычайный шумъ въ воздухѣ и увидѣли, что это кровожадный орелъ Юпитера возвращался на Олимпъ. Стоны, раздававшіеся весь день въ горахъ, прекратились.

— Ахъ, какъ страшно!—невольно вздрогнула дѣвушка.—

Это значитъ Оксаниды приходили къ Прометею облегчать его страданія... Такъ вотъ отъ этого Прометея и Оксанидъ произошли абхазцы... Такъ говорилъ m-eur Жудра... Оттого онъ и называлъ абхазцевъ «сынами Прометея», или «потомствомъ Прометея»... Какъ потомки бога, они и не терпятъ надъ собой никакой власти. И мой Дмитрій—потомокъ бога...

Эти разсказы m-eur Жудра и были, главнымъ образомъ, причиною того, что, помимо всѣхъ блестящихъ кавалеровъ петербургскаго большого свѣта, княжна Гагарина обратила свое вниманіе на князя Шервашидзе и съ перваго же вечера полюбила его. Любовь эта стала ея жизнью, ея дыханіемъ, ея мечтами. И вдругъ мечта превратилась въ дѣйствительность, въ сладкую и страшную дѣйствительность. Онъ, о которомъ она мечтала, неразрывно связанъ со страшною страною, съ областью страданій Прометея. Она видитъ себя тамъ, въ этой страшной странѣ. Ей кажется, что она слышитъ надъ собой шумъ отъ полета юпитерова орла. А эти страшные стоны Прометея... Что, если ужасный орелъ станетъ летать и къ ней и рвать ея сердце, орелъ въ видѣ тоски по родинѣ, по Петербургу, по всему, что ей дорого?.. О, еслибъ не эта ужасная страна... еслибъ онъ любилъ ее здѣсь! Но нѣтъ, сегодня онъ на аудіенціи у государя, и ему объявлено будетъ, что онъ немедленно долженъ ѣхать въ эту ужасную страну, и сегодня же онъ будетъ формально просить ея руки. Ни папа, ни мама не откажутъ, конечно: кто бы не захотѣлъ породниться съ владѣтельною особой? Нѣтъ, отказать нельзя. А тамъ? Тамъ обрученіе, свадьба... и эта страшная страна!

Но она еще не давала ему слова. Она можетъ отказать ему, отказаться отъ своего счастья! Что страшнѣе, потеря своей родины или потеря своего счастья? Нѣтъ, она не можетъ отказать, она поѣдетъ въ эту ужасную Абхазію. Оттуда она часто будетъ пріѣзжать домой... А эти ужасные его дяди, Арсланъ-бей, Хассанъ-бей, Ростомъ-бей, Таяръ-бей? Они могутъ лишить его власти, убить, какъ убили своего отца... Но нѣтъ, русскія войска не позволятъ этого... А какіе тамъ невиданные цвѣты, въ этой Абхазіи... Не ландыши, и не незабудки, а азаліи, горные нарисы...

...Княжна Варя сладко спала.

А въ это время Шервашидзе, проснувшись въ радостномъ сознаніи, что его любитъ милая дѣвушка, вспомнилъ, что сего-

дня предстоитъ ему аудіенція у государя. Онъ вскочилъ съ постели, сунулъ ноги въ туфли, накинулъ на себя халатъ и позвонилъ. Явился денщикъ.

— Приготовь парадный мундиръ и давай кофе,—сказалъ князь, вспоминая подробности вчерашняго счастья.

— Слушаюсь, ваше благородіе — былъ отвѣтъ.—Да тамъ дожидается вашего благородія одинъ господинъ, только не изъ нашихъ.

— Кто такой? Что ему надо?

— Говоритъ, отъ вашей родительницы, съ письмомъ, съ самово Кавказу: съ кульеромъ пріѣхалъ.

«Съ письмомъ отъ матушки... Кто бы могъ быть? Не случилось ли чего?»

— Позови его сюда, да мундиръ осмотри и почисть хорошенько.

Черезъ минуту вошелъ среднихъ лѣтъ горецъ и по восточному привѣтствовалъ хозяина.

— Ты кто?—спросилъ Шервашидзе.

— Я Урусъ Лаквари, твой слуга, слуга твоей матери, княгини Тамары, и всего твоего дома. А вотъ тебѣ письмо отъ княгини.—И онъ подалъ небольшой пакетъ, который держалъ въ рукѣ.

Шервашидзе вскрылъ пакетъ. Княгиня Тамара писала, что податель этого письма—абхазецъ Урусъ Лаквари, бывшій приверженецъ и другъ Арсланъ-бея, а теперь его непримиримый врагъ, узнавъ, что Арсланъ намѣревается послать въ Петроградъ убійцъ, чтобы лишить жизни законнаго наслѣдника Абхазіи, вызвался предупредить объ этомъ молодого князя и охранять его жизнь, какъ въ Петербургѣ, такъ и на пути въ Абхазію, ибо, по представленію князя Дадіана, онъ, князь Дмитрій Шервашидзе, долженъ скоро воротиться въ Абхазію и вступить въ управленіе этой страной. Княгиня выражала радость скораго свиданія съ сыномъ и опасеніе за его драгоцѣнную жизнь. «Довѣрься доброму Урусу—писала княгиня Тамара,—онъ знаетъ въ лицо подговоренныхъ Арсланомъ злодѣевъ и не допуститъ ихъ до тебя».

— Ты знаешь, что въ этомъ письмѣ написано?—спросилъ Шервашидзе, стараясь скрыть волненіе.

— Знаю, князь, мнѣ княгиня читала его.

— Спасибо, другъ Урусъ. Ты давно сюда пріѣхалъ?

— Вчера, князь, вмѣстѣ съ курьеромъ отъ генерала Вельяминова къ генералу Ермолову съ бумагами.

— Меня еще маленькимъ увезли сюда изъ Абхазіи, и я не помню тебя, другъ Урусъ,—сказалъ Шервашидзе, всматриваясь въ лицо посланца.

— Да и какъ тебѣ помнить, князь!—улыбнулся Урусъ.— Я-то тебя помню хорошо, хоть изъ ребенка ты сталъ теперь настоящимъ мужчиной. Я какъ теперь вижу тебя. Это было въ іюлѣ 1810 года. Русскіе только что взяли Сухумъ утромъ. Арсланъ-бей, захвативъ на свое сѣдло красавицу Эсма-ханумъ, съ небольшою горстью приверженцевъ бѣжалъ въ горы. Его молочная сестра Дида, съ кинжаломъ въ сердцѣ, лежала у входа въ мечеть, а на площади собаки облизывали голое тѣло Ахмеда, молодого сына Кутума, обмазанное кислымъ молокомъ. Смѣхъ да и только! А тутъ подошли вы съ войскомъ, твой покойный отецъ, Сеферъ-Али-бей, твоя мать, княгиня Тамара, и ты, такой крошка, на конѣ. Потомъ твоего отца приводили къ присягѣ; онъ цѣловалъ крестъ и книгу съ золотою крышкой, и на него надѣли красную широкую ленту и стрѣляли изъ пушекъ.

— Все это я помню, — съ волненіемъ замѣтилъ Шервашидзе,—точно сонъ... Матушка страшно плакала и не хотѣла отдавать меня русскимъ; плакалъ и я горькими слезами. Но меня отняли и увезли сюда.

— Да, князь, я все это видѣлъ и плакалъ вмѣстѣ съ тобою; но ты меня забылъ, ты былъ такой маленькій.

Дѣтскія воспоминанія разомъ нахлынули на душу молодого князя. Волшебною картиною встала передъ нимъ его дорогая Абхазія съ ея гигантскими горами, съ немолчнымъ говоромъ горныхъ рѣчекъ и каскадовъ, съ темною зеленью дѣвственныхъ лѣсовъ, съ неумолкаемымъ могучимъ плескомъ моря у прибрежныхъ скалъ и съ безпредѣльною далью этого самаго моря, уходящаго за видимый горизонтъ... А обитатели этой волшебной страны въ ихъ живописныхъ костюмахъ съ чудною мелодіею родныхъ напѣвовъ?.. Какъ неудержимо рванулось его сердце къ этой далекой родинѣ!

— Скажи, другъ Урусъ, все такъ же у насъ хорошо, какъ и прежде? То же голубое небо, тѣ же горы, то же море?—спросилъ онъ со слезами въ голосѣ.

— Да, князь, все на мѣстѣ,—съ загадочною улыбкой отвѣчалъ абхазецъ,—и небо на мѣстѣ, и горы на своихъ мѣстахъ, и море все такое же соленое.

— А матушка очень постарѣла?—спросилъ князь.

— Постарѣла: на головѣ серебро подъ черныю.

— А братъ Миша выросъ?

— Выросъ: изъ него вышелъ лихой джигитъ; на всемъ скаку ласточку пронизываетъ изъ винтовки.

— Ахъ!—спохватился князь.—Я съ тобой заговорился, а мнѣ надо торопиться. Я долженъ сегодня утромъ явиться къ Ермолову, чтобъ потомъ вмѣстѣ съ нимъ отправиться на аудиенцію къ государю императору.

— Къ самому императору! — какъ бы съ испугомъ воскликнулъ Лаквари.

— Да. Сегодня мнѣ будетъ объявлено, что я назначаюсь правителемъ Абхазіи и долженъ буду отправиться туда.

Глаза Лаквари при этихъ словахъ сверкнули не то радостнымъ, не то зловѣщимъ блескомъ. Шервашидзе позвалъ денщика и велѣлъ угостить посланца своей матери самымъ радушнымъ образомъ.

— Оставайся у меня, другъ Урусъ, пока я не возвращусь отъ государя,—сказалъ онъ,—а тамъ поговоримъ... У меня есть и другая радость, которую ты узнаешь послѣ.

IV.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ разсказаннаго нами въ предыдущей главѣ, къ подъѣзду дачи Гагариныхъ, въ Павловскѣ, подъѣхала красивая карета, и изъ нея быстро вышелъ молодой человѣкъ въ полной парадной формѣ кавалерійскаго полковника.

Это былъ князь Дмитрій Георгіевичъ Шервашидзе. Спросивъ швейцара, дома ли князь и княгиня, онъ приказалъ лакею доложить, что ихъ желаетъ видѣть «полковникъ» князь Шервашидзе.

— Такъ и доложи: «полковникъ»,—пояснилъ онъ еще разъ.

Докладъ лакея въ такой формѣ удивилъ и князя, и княгиню. Хорошо принятый и обласканный въ ихъ домѣ, князь Шервашидзе обыкновенно входилъ безъ доклада и чаще спрашивалъ у

прислуги, дома ли княжна, чѣмъ князь и княгиня. Притомъ же княгиня случайно замѣтила въ окно, когда подъѣзжала къ нимъ карета, что изъ нея вышелъ офицеръ въ полной парадной формѣ. Материнское сердце тотчасъ же подсказало ей, когда доложили о князѣ Шервашидзе, что дѣло идетъ объ ея любимицѣ Варѣ, тѣмъ болѣе, что княгиня еще вчера вечеромъ замѣтила, что ея дѣвочка была «какая-то особенная« и, уходя спать, съ особенною нѣжностью и горячностью поцѣловала ее. Да и молодой абхазецъ, послѣ возвращенія съ прогулки, былъ то оживленнѣе обыкновеннаго, то задумчивѣе, и при этомъ глаза его особенно нѣжно останавливались на ея «дѣвочкѣ». «Что жъ удивительнаго? Она такая хорошенькая». Теперь же ей стало ясно. Но почему «полковникъ?» Для полковника онъ еще слишкомъ молодъ. Ему едва ли исполнилось двадцать лѣтъ.

Мысли эти быстро пронеслись въ ея умѣ, когда она велѣла лакею просить молодого абхазца въ гостиную, и, взглянувъ въ зеркало, оправила ленты своего чепчика. Она сама еще была очень молодая и красивая особа.

— Не понимаю ничего... полковникъ... мальчишка, и полковникъ... да еще и докладывается,—бормоталъ князь Павелъ Сергѣевичъ Гагаринъ, слѣдуя за женой въ гостиную и съ комическимъ недоумѣніемъ пожимая плечами.

— Ба! Что это за маскарадъ, голубчикъ князь!—спрашивалъ Гагаринъ, осматривая гостя и пожимая его руку. — Въ полной парадной формѣ, точно на новый годъ, да еще полковникомъ.

— Здравствуйте, здравствуйте!—привѣтствовала гостя и княгиня.—Что это съ вами?

— Сегодня я имѣлъ счастье представляться государю императору,—торжественно проговорилъ молодой абхазецъ.—Ангелоподобный повелитель Россіи и всего Кавказа, благословенный царь Александръ Павловичъ, принялъ меня, можно сказать, не съ монаршею, а съ отеческою милостью. Онъ изволилъ сказать, что внимательно слѣдилъ за моимъ воспитаніемъ, и отъ всѣхъ наставниковъ моихъ, въ особенности же отъ Василія Андреевича Жуковскаго, слышалъ обо мнѣ одно только хорошее. При этомъ государь изволилъ сказать, что жалуетъ меня чиномъ полковника и назначаетъ правителемъ Абхазіи на мѣсто покойнаго отца моего, свѣтлѣйшаго князя Шервашидзе. Съ этимъ радо-

стнымъ для меня извѣстіемъ я и поспѣшилъ явиться къ вамъ первымъ.

— Поздравляемъ, поздравляемъ, дорогой князь, съ такою высокою монаршею милостью! — говорила Гагарина, горячо пожимая руки гостю.—Такой высокій постъ—правитель цѣлой страны, владѣтельная особа! Отъ души поздравляемъ. Садитесь, пожалуйста.

Гость, видимо, затруднялся дальнѣйшимъ разговоромъ; но съ трудомъ осиливъ себя, онъ началъ взволнованнымъ голосомъ, постоянно запинаясь:

— Да, я счастливъ милостью государя... очень счастливъ... Но счастье мое будетъ не полное... Простите... я... я долженъ сказать вамъ все... Простите... я давно люблю княжну Варвару Павловну... я пріѣхалъ просить ея руки.

— Но она еще дитя!—съ изумленіемъ воскликнулъ князь Павелъ Сергѣевичъ.—Ей только четырнадцать лѣтъ!

Княгиня чуть замѣтно улыбнулась. Она по себѣ знала, что такое дѣвочка въ четырнадцать лѣтъ. Въ отношеніи развитія женскаго чувства, четырнадцатилѣтняя дѣвочка переростаетъ чуть ли не двадцатилѣтняго юношу. Потребность любви развивается въ ней совмѣстно съ игрою въ куклы. Она очень рано начинаетъ понимать то, надъ чѣмъ юноша гораздо старше еще и не задумывался.

— Мы сердечно благодаримъ васъ за честь, дорогой князь, за великую честь, которую вы намъ дѣлаете,—любезно проговорила княгиня.—Но не торопите насъ съ отвѣтомъ. Надо и дѣвочку спросить.

— Да что ее спрашивать?—весело расхохотался князь Павелъ.—Она еще тихонько въ куклы играетъ, я самъ видѣлъ! Катишь и то, кажется, серьезнѣе ея.

Княгиня снова лукаво улыбнулась наивности своего мужа и мужчинъ вообще.

— Мы еще поторгуемся съ вами, дорогой князь,—сказала она съ материнскою нѣжностью;—дайте дѣвочкѣ хоть годочекъ еще поиграть въ куклы, а тамъ мы ее спросимъ.

— Я... простите, глубокоуважаемая княгиня,—растерянно бормоталъ юный абхазецъ,—я... простите... я...

— Вы согласны подождать? Да?—лукаво спросила княгиня.

— Да... согласенъ... вчера мы...

— Катались? И весело было?—продолжала княгиня лукавить и мучить бѣднаго «дикаря».

— Да... весело. Мы съ княжной Варварой Павловной...

— Ландыши рвали? Такіе милые цвѣты. Я ихъ очень люблю... Они и теперь стоятъ въ дѣтской, у Катишь на столикѣ, и у Баси... А незабудокъ не нашли?—допекала бѣднаго «азіата» коварная женщина, съ лукавой нѣжностью наблюдая его растерянность.

— Нѣтъ... да, князь Голицынъ нашелъ одну вѣточку... стебелекъ незабудокъ, одинъ только... и подарилъ его княжнѣ Варварѣ Павловнѣ...

— А Бася взяла да и воткнула эти незабудки за ошейникъ Фингалу,—раздался вдругъ дѣтскій голосокъ, и въ гостиную влетѣлъ юный братишка княжны Вари.

Князь Павелъ Сергѣевичъ весело рахохотался.

— Вотъ вамъ и невѣста! Презенты любезныхъ кавалеровъ отдаетъ собакѣ, ха-ха-ха!

Увидавъ гостя въ необычайно торжественной формѣ, юный князекъ Сережа остолбенѣлъ, сразу не узнавъ своего пріятеля.

— А! Такъ это ты, свѣтлый дядя,—опомнился онъ, наконецъ, называя его «свѣтлымъ» по титулу «свѣтлѣйшаго».

— Я, милый Сережа,—ласково сказалъ Шервашидзе.

— А я думалъ, чужой генералъ.

Всѣ разсмѣялись.—Такъ у Фингала теперь незабудки?—продолжалъ хохотать князь Павелъ.—Ха-ха-ха! Вотъ такъ невѣста!

— А Фингалъ все лапой хотѣлъ зацѣпить незабудки, такъ Бася его за ухо подрала,—продолжалъ мальчикъ.

— А гдѣ же Бася?—спросила княгиня.

— Она съ Катей спряталась гдѣ-то въ саду.

— Какъ спряталась? Отъ кого?

— Какъ увидала карету, а изъ нея кто-то выходитъ въ мундирѣ. Какъ покраснѣетъ вся и говоритъ: «бѣжимъ, Катя, спрячемся, свѣтлый дядя пріѣхалъ». А я говорю: нѣтъ, это не свѣтлый дядя, только такой смѣшной,—говорилъ юный княжичъ, заглядывая въ смущенные глаза своего пріятеля.—Что съ тобой?

— Ха-ха-ха!—заливался князь Павелъ, и ему невольно вторила, хотя сдержанно, княгиня.

— Глупый мальчикъ! Гдѣ же сестры?—спрашивала она, стараясь не смѣяться.

— Не знаю, мамочка, спрятались въ кустахъ, и Фингалка съ ними; ужъ я искалъ-искалъ, нѣтъ ихъ! А ты зачѣмъ это пріѣхалъ въ каретѣ?—обратился маленькій Гагаринъ къ смущенному Шервашидзе.—Развѣ ты генералъ? Тебя теперь и Фингалъ, пожалуй, не узналъ бы и сталъ бы на тебя лаять. Вонъ и Бася съ Катей испугались тебя и убѣжали. А я тебя не боюсь. Ты опять поучишь меня верхомъ ѣздить? Да?

— Serge!—замѣтила княгиня.—Не приставай же такъ къ Димитрію Георгіевичу.

— Ай да невѣста!—повторялъ князь Павелъ Сергѣевичъ.—Въ кусты спряталась! А куколъ онѣ съ собой не взяли, Сережа?

Шервашидзе сидѣлъ, какъ на иголкахъ: пріѣхалъ свататься и вдругъ скандалъ! Развѣ она за ночь передумала? Но вѣдь прежде она никогда отъ него не бѣгала. Княгиня видѣла его смущеніе и постаралась занять его.

— Надѣюсь, вы у насъ обѣдаете? — спросила она. — Тѣмъ временемъ и проказницы явятся: обѣдать-то онѣ придутъ. Имѣете ли вы какія-нибудь новыя свѣдѣнія изъ Абхазіи?

— Да, княгиня, вчера я получилъ, виноватъ, сегодня только, а онъ пріѣхалъ вчера.

— Кто онъ? Ахъ, не приставай, Serge! Поди поиграй... Виновата: кто вчера пріѣхалъ?

— Урусъ Лаквари, посланецъ отъ maman, съ ея письмомъ.

— Что же вамъ пишетъ maman?

— А дядюшка Арсланъ-бей все еще разбойничаетъ тамъ у васъ?—спросилъ въ свою очередь князь Павелъ Сергѣевичъ.

Шервашидзе хотѣлъ было сказать, что этотъ милый дядюшка подсылаетъ къ нему даже убійцъ, но во-время спохватился: это новость, конечно, могла бы повредить его сватовству.

— А! Смотри, смотри!—вдругъ подбѣжалъ отъ окна, куда онъ глядѣлъ, маленькій Сережа и теребилъ за рукавъ Шервашидзе, который не могъ сразу опомниться.

— Что тамъ такое, несносный шалунъ?—спросила княгиня.

— Тамъ Бася и Катя тихонько крадутся, чтобъ спрятаться у себя наверху.

Княгиня улыбнулась и подошла къ окну.

— Ахъ, повѣсы!—засмѣялась она.—Barbe, ou allez vous par là? Approchez, j'ai un petit mot à vous dire.

— Qu'est ce qu'il y a pour votre service, maman?—послышался голосъ снаружи.

— Иди въ гостиную, стрекоза!—засмѣялся князь, подходя къ окну.—Да захвати свои куклы.

— Я въ куклы не играю, папа,—оправдывался голосъ снаружи.

— Ладно! Ну, иди безъ куколъ; видишь: мать зоветъ. Dans l'instant, стрекоза!

— Tout a l'heure, papa.

— Посмотримъ, какъ она приметъ ваше предложеніе, грозный повелитель Абхазіи,—улыбнулся князь Павелъ Сергѣевичъ, подходя къ смущенному еще абхазцу.—Извините, можетъ быть, теперь васъ надо величать «ваше высочество»?

— Не знаю, князь,—еще болѣе растерялся повелитель Абхазіи.

— Только ты, Paul, пожалуйста, не смѣся надъ Басей, не смущай ея,—замѣтила княгиня.

— Ахъ, какія хитрыя!—влетѣлъ вдругъ въ комнату Сережа, который исчезъ было на минуту изъ гостиной.

Мать строго на него посмотрѣла.

— Что такое? — спросилъ отецъ, лукаво улыбаясь. — Кто тамъ хитрый?

— Бася и Катя... онѣ тамъ у зеркала какіе-то бантики примѣряютъ, а меня прогнали и заперлись, даже Фингалу хвостъ прищемили... Такія хитрячки!

V.

Черезъ минуту обѣ княжны входили въ гостиную. Варенька была видимо смущена. Бѣленькія щеки ея рдѣли румянцемъ, и глаза ни на кого не смотрѣли. Катя торопливо сдѣлала реверансъ и поспѣшила навстрѣчу Шервашидзе.

— Какой вы сегодня важный,—сказала она, оглядывая его мундиръ.—Сережа говоритъ, что вы генералъ.

Смущенный не менѣе княжны Вари, Шервашидзе безмолвно поздоровался съ сестрами.

Barbe!—торжественно сказала княгиня.—Сегодня князь Димитрій Георгіевичъ имѣлъ счастье представляться государю императору, и его величество изволилъ назначить князя правителемъ Абхазіи и пожаловалъ ему чинъ полковника. Поздравь князя.

Княжна чуть слышно прошептала что-то и слегка поблѣднѣла. Князь же Павелъ Сергѣевичъ продолжалъ иронически улыбаться, видя, какіе большіе глаза сдѣлала Катя: «вотъ тебѣ на!» казалось говорили ея хорошенькіе глазки: «этого я отъ него не ожидала»!

— А теперь,—продолжала княгиня еще болѣе торжественно, хотя голосъ ея нѣсколько дрогнулъ,—князь Дмитрій Георгіевичъ дѣлаетъ намъ честь, проситъ твоей руки.

Снова румянецъ залилъ щеки смущенной дѣвушки. Глаза Кати сдѣлались еще больше и, казалось, говорили: «Вотъ хитрая! Недаромъ она сегодня цѣловала его ландыши... да и онъ хитрецъ»... Сережа видимо недоумѣвалъ: просить руки, это ничего не стоитъ... но будетъ ли онъ теперь учить его ѣздить верхомъ?.. Одинъ князь Павелъ Сергѣевичъ невозмутимо улыбался, вполнѣ увѣренный заранѣе, что изъ этого ничего не выйдетъ: нельзя же сватать дѣвчонокъ чуть не съ въ колыбели.

— Варвара Павловна!—робко проговорилъ князь Шервашидзе и сдѣлалъ шагъ впередъ.—Могу ли я надѣяться...

— Вотъ тебѣ на!—насмѣшливо проговорилъ князь Павелъ Сергѣевичъ.—Я такъ и зналъ... слезы... куклы... те-те-те!..

Невѣста дѣйствительно плакала, и женихъ совсѣмъ растерялся... «Дура!»—говорили удивленные глаза Кати.—«О чемъ плачетъ?.. Я бы... посватай меня, хоть мнѣ всего двѣнадцать»..

— Barbe, объ чемъ же ты?—утѣшала мать плачущую дѣвушку.—Никто тебя не принуждаетъ. Мы сами говорили Дмитрію Георгіевичу, что ты еще ребенокъ...

Варенька пуще расплакалась, уткнувшись въ плечо матери. Катя видимо негодовала. Женихъ, какъ въ воду опущенный... «Что же это было вчера? Ошибка... сонъ... или ничего не было?»...

— Ну-ну, оставимъ это, полно, мое дитя,—гладила княгиня головку дочери,—не желаешь, ну, Дмитрій Георгіевичъ извинитъ насъ... Что дѣлать! Молоды...

— Я... я, мама, я...—захлебывалась слезами дѣвушка.

— Ну, полно же, полно! Не желаешь, и баста, глупенькая.

— Я, мама... я... я желаю...

— Вотъ такъ чудеса!—вскочилъ князь Павелъ.—C'est ravissant! И не хочу—слезы, и хочу—слезы! Поди разбери ихъ. Вотъ тебѣ и куклы!—расхохотался онъ.

Катя торжествовала: въ глазахъ ея свѣтилась гордая радость. «Вотъ мы, дѣвочки, каковы!» Сережа ничего не понималъ, онъ только повторялъ про себя: «ахъ, какія хитрыя!»

— Катокъ!—схватилъ князь на руки Катю.—Чего добраго, и тебя сейчасъ высватаютъ... Недаромъ тебѣ князь Голицынъ ландыши возитъ... Ахъ вы, коварное племя!

— Paul!—строго замѣтила княгиня.—Такая торжественная минута, а ты дурачишься.

— Да что жъ, матушка, когда я остался въ дуракахъ,—отвѣчалъ онъ, опуская Катю на полъ.

Женихъ стоялъ сіяющій, съ глупымъ, счастливымъ лицомъ. Онъ подошелъ было къ невѣстѣ, но она еще настойчивѣе уткнулась въ плечо матери. «Вотъ и пойми ихъ», остался женихъ съ разинутымъ ртомъ.

— Кушать готово!—провозгласилъ лакей, появляясь въ дверяхъ вмѣстѣ съ Фингаломъ.

— А что у насъ пирожное?—освѣдомился Сережа.

— Не могу знать-съ.

— Фингалъ, ты куда дѣвалъ незабудки?

— Сережа, тсъ!—закрыла братишкѣ ротъ рукою Катя.—Никому не говори.

Всѣ прошли въ столовую, а раньше всѣхъ тамъ очутился Фингалъ, который все время вертѣлся около стола, пока его накрывали и сервировали. Онъ зналъ свое дѣло и свое мѣсто въ столовой, около стула княжны Варвары Павловны, съ лѣвой стороны стола отъ хозяйки. Но каково же было его удивленіе, когда онъ увидалъ, что княгиня усадила его благодѣтельницу и повелительницу, княжну Варю, рядомъ съ княземъ Шервашидзе! Съ тѣхъ поръ какъ онъ, старый песъ, себя помнитъ, княжна Варя всегда садилась тамъ. А какъ ему этого не помнить?.. Они съ княжной, можно сказать, и росли, и воспитывались вмѣстѣ. Его, маленькаго щенка, взяли къ княжнѣ, когда онъ началъ только

ходить, и потомъ они постоянно играли вмѣстѣ. Княжна Катя и княжичъ Сережа явились ужъ послѣ. И вдругъ такая обида!

Фингала удивилъ также и тонъ, съ которымъ за обѣдомъ князь Павелъ Сергѣевичъ сталъ обращаться къ княжнѣ Варѣ.

— Вы почти ничего не кушаете, ваше высочество,—говорилъ онъ дочери, лукаво улыбаясь.

— Ахъ, папа! Ты всегда такой,—краснѣла княжна.

— Да, ваше высочество, я всегда такой,—смѣялся князь.

Этотъ разговоръ удивлялъ и лакея, который перемѣнялъ тарелки. Какъ и Фингалъ, онъ тоже ничего не понялъ.

— Гдѣ же теперь ваша матушка, Дмитрій Георгіевичъ?—спросила, между прочимъ, княгиня.

— Матушка теперь въ Сухумѣ,—отвѣчалъ Шервашидзе.

— Она тамъ постоянно живетъ?

— Не всегда, княгиня; у насъ есть дворецъ въ Соукеу, недалеко отъ Сухума; матушка и тамъ иногда живетъ.

При словѣ «дворецъ» Катя сдѣлала большіе глаза... «Варька моя будетъ во дворцѣ жить! Я къ ней туда непремѣнно пріѣду и выйду замужъ за какого-нибудь... ну, хоть шаха или султана, если они такіе же милые, какъ этотъ «свѣтлый дядя».

— А шахъ отъ васъ близко?—спросила она неожиданно, обгладывая крылышко цыпленка.

— Какой шахъ?—удивился Шервашидзе.

— Ну, какой-нибудь... который ближе.

— Персидскій шахъ живетъ въ Тегеранѣ.

— Да ты что, стрекоза? Ужъ не замужъ ли за шаха собираешься?—засмѣялся князь Павелъ Сергѣевичъ.

— Разумѣется, я не выйду за какого-нибудь офицера или генерала!—выпалила юная «стрекоза».—Я хочу, чтобъ и у меня дворецъ былъ.

— Те-те-те! Вонъ она куда гнетъ! Такъ ужъ ты проси его высочество, чтобъ онъ тебя сосваталъ за шаха.

Всѣ весело разсмѣялись, а Фингалъ, пользуясь всеобщимъ оживленіемъ и видя, что его барышня не кушаетъ, опустивъ руки на колѣни, а на тарелкѣ у нея почти цѣлый цыпленокъ, поспѣшилъ прибѣгнуть къ давно испытанному маневру, чтобъ напомнить о себѣ. Онъ осторожно пролѣзъ подъ столъ и тихонько положилъ морду на колѣни своей благодѣтельницы Вари. Но что

это! На обычномъ мѣстѣ, гдѣ онъ, подъ столомъ, обыкновенно находилъ ея руку, онъ своимъ чуткимъ носомъ ощутилъ огромную мужскую руку, которая пахла ненавистнымъ ему турецкимъ табакомъ, а въ ней спрятана была маленькая, знакомая ему ручка княжны!.. Руки моментально разъединились.

— Такъ вамъ государь не назначилъ срока отправленія въ Абхазію?—спросила княгиня.

— Нѣтъ, государь не говорилъ объ этомъ, но Алексѣй Петровичъ Ермоловъ сказалъ мнѣ, что надо поспѣшить отъѣздомъ, чтобъ на мѣстѣ, въ Сухумѣ или въ Соуксу, всенародно, предъ собраніемъ всѣхъ князей и дворянъ Абхазіи, торжественно принять присягу за себя и за мой народъ.

При словахъ: «мой народъ» у княжны Вари дрогнуло сердце не то гордостью, не то страхомъ, а у княгини показались слезы.

— А ты не распорядилась насчетъ шампанскаго?—спросилъ князь Павелъ у жены.

— Виновата, Paul, совсѣмъ изъ головы вонъ.

— Бокалы и шампанское! — кивнулъ князь лакею. — Да скажи Ильѣ, чтобъ прямо со льду.

— Но можете ли вы лично присягать и ручаться за вѣрность князей, дорогой Димитрій Георгіевичъ?—тревожно спросила княгиня.

— Я заручусь аманатами отъ каждаго, возьму отъ нихъ дѣтей, какъ и меня сюда взяли... Это у насъ тамъ въ обычаѣ. Я только тогда и явлюсь сюда за драгоцѣнной наградой (онъ взглянулъ на княжну Варю), когда прочно обставлю свое положеніе.

— И отлично!—улыбнулся князь Павелъ.—А до того времени «драгоцѣнная награда», можетъ быть, и выростетъ изъ коротенькаго платьица. Повелительница Абхазіи и «своего народа», а у самой ноги видны изъ-подъ платья!

— Ахъ, папа!.. Ты опять!—вспыхнула Варя.

— Что жъ? И опять: развѣ я неправду говорю?

— Такъ ты за Варей пріѣдешь? — только теперь Сережа догадался въ чемъ дѣло.—Развѣ она твоя жена?

— Буду надѣяться и молиться Богу, чтобъ такъ было,— отвѣчалъ Шервашидзе.

— А кто жь я тебѣ тогда буду? — продолжалъ Сережа.

— Братъ, и я тебѣ братъ.

— Такой большой!.. Ну, я черезъ годъ выросту.

— Да раньше года, дружокъ, я и не могу вернуться сюда. Ермоловъ говоритъ,—обратился Шервашидзе къ князю Павлу,— что для того, чтобы навсегда упрочить мое положеніе въ Абхазіи, нужно обезпечить ея границы и съ юга, и съ сѣвера: съ юга отъ вторженія турокъ, а съ сѣвера отъ вторженія закубанскихъ горцевъ, возмущаемыхъ противъ насъ нашею города Анапы. Для этого намъ нужно будетъ опять возвратить отъ Турціи крѣпость Поти, а на сѣверной границѣ взять Гагры. Нынѣшнимъ лѣтомъ мы не успѣемъ этого сдѣлать безъ помощи русской эскадры, а эскадру изъ Крыма не могутъ отправить раньше осени. Осенью же Черное море, какъ и всю зиму и весну, бываетъ очень бурно. И придется ждать до будущаго лѣта...

— А тогда тебѣ будетъ шестнадцатый годъ! — выпалила Катя по направленію къ сестрѣ. — А мнѣ будетъ почти тринадцатый!

— То-то что «почти»,—разсмѣялся князь,—экая жалость! «Почти» тринадцатый... А тебя, егоза, слѣдовало бы «почти» посѣчь за то, что ты вчера на моемъ письменномъ столѣ, на новомъ «почти» сукнѣ, сдѣлала чернильную кляксу.

— Это не я, папа, — оправдывалась юная проказница.

— Какъ не ты? Не я же.

— Нѣтъ, папочка, это твоя «Василиса».

— Какъ «Василиса»? Развѣ кошка умѣетъ писать?

— Нѣтъ, папа, писала я, а «Василиса» все мурлыкала на столѣ и терлась объ мою руку. Я обмокнула перо въ чернильницу, и только что хотѣла писать, какъ «Василиса» и подтолкнула меня подъ локоть, клякса и сдѣлалась сама.

Явился подносъ съ бокалами и Илья съ бутылкой шампанскаго. Хлопнула пробка, и Фингалъ, какъ сумасшедшій, выскочилъ изъ-подъ стола и чуть не вышибъ подноса изъ рукъ лакея. Сережа залился веселымъ смѣхомъ.

— Какой дуракъ Фингалъ! Ха-ха-ха! Испугался пробки.

— Онъ вовсе не дуракъ, — заступилась за общаго любимца княжна Катя, — онъ не испугался, а думалъ, что это папа выстрѣлилъ въ грача.

Шампанское было розлито по бокаламъ, и князь Павелъ Сергѣевичъ поднялъ свой бокалъ.

— Здоровье новаго полковника, его высочества повелителя Абхазіи, свѣтлѣйшаго князя Дмитрія Георгіевича Шервашидзе!

VI.

Въ концѣ сентября, въ одинъ изъ ясныхъ дней, которые въ это время года довольно рѣдки въ Абхазіи, въ резиденціи ея правителей, въ Соукеу, у стѣнъ крѣпости выстроены были двѣ роты изъ полковъ бѣлевскаго и егерскаго, при одномъ орудіи, и полусотня казаковъ. Противъ этого строя, лицомъ къ крѣпости и тыломъ къ старинному зданію запущеннаго монастыря, полукругомъ расположены были представители абхазскаго народа — духовенство, князья, дворяне, муллы и простые джигиты въ своихъ живописныхъ костюмахъ. Передъ строемъ, лицомъ къ этому блестящему собранію, картинно возсѣдалъ на конѣ красивый горецъ съ сильно посеребренною головой и смуглымъ лицомъ. Это былъ командиръ 44-го егерскаго полка, полковникъ Абхазовъ. Въ рукахъ у него была бумага. Это былъ манифестъ новаго владѣтеля Абхазіи, князя Дмитрія Шервашидзе, счастливаго жениха княжны Вареньки Гагариной. По знаку полковника, солдаты взяли «на караулъ», а музыканты заиграли: «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ». По окончаніи гимна, князь Абхазовъ обратился къ собранію съ краткой рѣчью о томъ, что государю императору благоугодно было назначить правителемъ Абхазіи полковника князя Дмитрія Георгіевича Шервашидзе. Собраніе хранило глубокое молчаніе, нарушаемое только мѣрнымъ гуломъ прибоя Чернаго моря, которое, послѣ нѣсколькихъ дней не стихавшей бури, продолжало еще катить на берегъ сердитые, съ косматыми гривами, пѣнистые валы.

— Вотъ что пишетъ къ вамъ новый правитель страны,— сказалъ въ заключеніе князь Абхазовъ, развертывая бумагу.

Надо замѣтить, что манифестъ этотъ былъ сочиненъ давно знакомымъ намъ правителемъ канцеляріи главнокомандующаго, «кавказскимъ Талейраномъ», Могилевскимъ, который о новомъ повелителѣ Абхазіи отзывался, что въ Петербургѣ онъ изучился сочинять манифесты только къ барышнямъ.

— «Сіятельные абхазскіе князья, — началъ громко читать Абхазовъ, — почтенное духовенство и весь народъ! Всѣмъ и

каждому изъ васъ извѣстно, что его императорское величество, державнѣйшій и могущественный всероссійскій государь императоръ, принявъ въ высокое свое покровительство и вѣчное подданство абхазскую землю...

При словахъ «вѣчное подданство», среди безмолвно стоявшихъ слушателей послышались не то вздохи, не то заглушаемый ропотъ; но Абхазовъ продолжалъ: «Абхазскую землю, Богомъ дарованную власти моихъ предковъ, всемилостивѣйше соизволилъ утвердить владѣтелемъ оной блаженныя памяти родителя моего, свѣтлѣйшаго князя Георгія Шервашидзе. Рановременная, однако же, кончина его, поразившая жестокою скорбью владѣтельный домъ нашъ, подала поводъ нѣкоторымъ неблагонамѣреннымъ людямъ, врагамъ покойнаго родителя моего и врагамъ общаго вашего спокойствія, воспользовавшись моимъ отсутствіемъ, посѣять въ Абхазіи своеволіе, мятежъ и отпаденіе отъ покорности свѣтлѣйшей родительницѣ моей, княгинѣ Тамарѣ, а черезъ то подвигнуть васъ на измѣну и самой могущественной всероссійской имперіи».

Теперь уже ясно было, что не вздохи слышались въ рядахъ абхазцевъ, а глухой ропотъ, который, повидимому, не срывался съ губъ слушателей, а бурлилъ гдѣ-то въ груди протестующихъ, подъ яркими архалуками и черкесками, и, какъ лезвія кинжаловъ сверкалъ во многихъ глазахъ. Абхазовъ остановился и обвелъ собраніе спокойнымъ взглядомъ, какъ бы говоря: «Ну, я слушаю»... Но изъ собранія ни звука; только море продолжало роптать у береговъ, точно это былъ ропотъ самой Абхазіи, ропотъ самихъ Океанидъ, ропотъ всего «прометеева потомства».

— «Извѣщенный о таковыхъ неустройствахъ,—продолжалъ читать Абхазовъ, — великій государь императоръ, жалѣя о несчастномъ заблужденіи абхазскаго народа, благоволилъ высочайше утвердить меня, какъ единственнаго и законнаго наслѣдника Абхазіи, во всѣхъ правахъ и преимуществахъ покойнаго моего родителя, и вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣлъ мнѣ, оставя счастливую и блистательную столицу его имперіи, отправиться въ Абхазію принять бразды правленія, всемилостивѣйше надъ вами мнѣ ввѣреннаго, и возстановить спокойствіе любезнаго ему абхазскаго народа. Такимъ образомъ, взысканный несчетными ми-

лостями августѣйшаго россійскаго монарха, возвратился я нынѣ къ наслѣдію моихъ предковъ»...

Надо сказать правду, что во всемъ этомъ манифестѣ только одно слово принадлежало новому повелителю Абхазіи. Когда Могилевскій читалъ ему проектъ этого воззванія и дошелъ до словъ «повелѣлъ мнѣ (государь) оставя блистательную столицу его имперіи» князь Дмитрій Шервашидзе остановилъ его словами:— «нельзя ли вмѣсто «блистательную столицу» поставить «счастливую»? — Онъ вспомнилъ, что такъ былъ счастливъ въ послѣднее время въ Петербургѣ, собственно въ Павловскѣ, и потому въ его памяти Петербургъ рисовался самымъ счастливымъ городомъ въ мірѣ: тамъ тихая Славянка (хоть она далеко отъ Петербурга), тамъ знакомая, вѣчно дорогая его сердцу скамейка, гдѣ онъ въ первый разъ почувствовалъ на своихъ губахъ, только что обросшихъ волосами, первый е я поцѣлуй. — Отчего же?— улыбнулся Могилевскій скорѣе глазами, чѣмъ тѣмъ, чѣмъ обыкновенно улыбаются люди: — отчего же не поставить и «счастливую» рядомъ съ «блистательной»?—И поставилъ.

— «Съ самыхъ отдаленнѣйшихъ временъ, — продолжалъ, между тѣмъ, Абхазовъ, — абхазскій народъ отличался всегда вѣрностью и преданностью къ своимъ владѣльцамъ. Итакъ, на семъ благородномъ народномъ духѣ основываю я призваніе, знаменитые князья, духовенство и весь абхазскій народъ, обратиться къ священнымъ обязанностямъ, къ вѣрности законному владѣльцу и, оставя нарушителя вашего спокойствія, отцеубійцу Арсланъ-бея, явиться ко мнѣ съ раскаяніемъ и покорностью».

Теперь явный ропотъ всколыхнулъ все собраніе. Казалось, изъ каждой груди, какъ горные потоки со стремнинъ, вылетали дикіе гортанные звуки. Они звучали угрозой, но кому? «Нарушителю-ли общаго спокойствія, отцеубійцѣ Арсланъ-бею», или тому, кто теперь взывалъ ко всему абхазскому народу?

— Ишь зарычали песиголовцы! — проворчалъ старый суворовецъ Сукачевъ, все еще не разставшійся съ своею «любовницей», какъ онъ называлъ свое ружье, хотя уже давнымъ-давно отслужилъ свой срокъ и имѣлъ на груди двухъ «Георгушекъ», одного бѣленькаго, а другого желтенькаго.

— Съ нашей «тешшей» хотятъ, видно, поцѣловаться,—тихо

замѣтилъ его младшій пріятель, рябой Кудряшовъ, на широкой груди котораго тоже бѣлѣлся маленькій крестикъ.

Абхазовъ, не обращая вниманія на ропотъ, продолжалъ читать. Но теперь онъ уже не просто читалъ, а кричалъ, какъ бы бросая въ толпу вызовъ. Онъ самъ былъ родомъ абхазецъ, получившій военное образованіе въ Россіи, и потому зналъ, какъ обращаться съ своимъ народомъ: на лай шакала надо отвѣчать воемъ волка; противникъ оскалилъ зубы, надо показать и ему клыки.

— Неужели въ обуявшемъ васъ ослѣпленіи забыли вы,— кричалъ онъ, сверкая глазами, — что божескіе и человѣческіе законы, рано или поздно, но всегда неизбѣжно караютъ отцеубійцъ страшною гибелью, поражая бѣдствіями и ихъ соучастниковъ? Неужели также не предусматриваете, что упорство въ измѣнѣ могущественной россійской имперіи можетъ навлечь на мятежниковъ праведный гнѣвъ всесильнаго монарха и силою непобѣдимыхъ его войскъ истребить васъ съ лица земли, подвергнувъ тому же жребію женъ и чадъ вашихъ!

Вдругъ въ воздухѣ пронесся отчаянный женскій вопль. Задніе ряды колыхнулись. Слышались дикія причитанія женскаго голоса, не то плачь, не то рыданія.

— Что тамъ такое? — спросилъ Абхазовъ.

— Пустая ссора, — отвѣчалъ одинъ изъ князей въ передних рядахъ, — спорщика закололи, а его баба воетъ.

Пустая ссора! Одинъ изъ приверженцевъ Арсланъ-бея, въ спорѣ, зарѣзалъ приверженца новаго владѣтельнаго, и баста! Диспутъ конченъ полюбовно, по-абхазски.

— Слушайте дальше, сіятельные князья, почтенные отцы и всѣ храбрые джигиты, что говоритъ вамъ новый повелитель вашей страны! — возвысилъ голосъ Абхазовъ и продолжалъ чтеніе.

— «Я требую, чтобы почтеннѣйшіе изъ князей и духовенства абхазскаго немедленно явились ко мнѣ и въ знакъ искренняго своего раскаянія представили бы благонадежныхъ аманатовъ. Таковая покорность возвратитъ моему народу всю нѣжность сердца, болѣзнующаго нынѣ о его заблужденіи».

Женскіе вопли не смолкли, хотя въ нихъ слышались теперь только причитанья. Но къ нимъ присоединился дѣтскій плачъ.

— Это малыши надъ отцомъ плачутъ, — пояснилъ кубанецъ-пластунъ, нашъ старый знакомый, который теперь былъ уже въ чинѣ хорунжаго, привставая на сѣдлѣ и глядя черезъ толпу. — А выростутъ, такіе же головорѣзы будутъ.

— А вотъ моего дядю тутъ убили азіаты, такъ и поголосить надъ нимъ некому было, — замѣтилъ его пріятель, Буркинъ, теперь уже урядникъ. — Жена и дѣтишки голосили надъ его шашкой, что я привезъ имъ.

— «И я въ такомъ случаѣ торжественно, предъ лицомъ всевѣдущаго Бога, — продолжалъ Абхазовъ,—обѣщаю быть предъ россійскимъ правительствомъ ревностнымъ ходатаемъ о преданіи всего прошедшаго вѣчному забвенію, и дабы жизнь, собственность и права каждаго изъ раскаявшихся искренно оставлены были неприкосновенными; съ моей стороны, для таковыхъ вѣрныхъ и покорныхъ моихъ подданныхъ, посвятя всю свою жизнь на устроеніе ихъ счастья, я буду въ ихъ спокойствіи и благоденствіи искать единой моей славы и собственнаго блага».

Случайно взглянувъ въ сторону, Абхазовъ замѣтилъ, что, выдѣлившись изъ толпы, впереди всѣхъ стояла какая-то немолодая уже абхазка и, въ какомъ-то нѣмомъ благоговѣніи, слушая чтеніе, плакала, не сводя глазъ съ бумаги, которую читалъ полковникъ. Видъ этой восторженно плачущей женщины заинтересовалъ его.

— Кто ты, почтенная женщина? — ласково спросилъ онъ ее по-абхазски.

— О, господинъ! — восторженно воскликнула женщина.— Я его кормилица.

— Чья кормилица? — удивился полковникъ.

— Его, господинъ, его, чьи слова ты теперь читаешь... Я слышу его своимъ молокомъ... Маленькій, онъ засыпалъ на моей груди... Теперь мои груди высохли, остались однѣ слезы.

— Такъ ты кормилица князя Димитрія?

— Да, господинъ, я его кормилица... Вотъ уже двѣнадцать разъ снѣга покрывали горный аулъ, въ которомъ я его выкормила; двѣнадцать разъ горы покрывались цвѣтами, которые онъ любилъ рвать; двѣнадцать разъ зима и лѣто прошли надъ Абхазіею, какъ его не видали родныя горы.

— А ты понимаешь, что я читаю?

— Нѣтъ, не понимаю, господинъ, но я знаю, что онъ говоритъ, я слышу его голосъ. Гдѣ онъ теперь? Когда я его опять увижу?

- Скоро, скоро—улыбнулся Абхазовъ,—а теперь не мѣшай мнѣ дочитать.—Ничего не понимаетъ, а слушаетъ съ благоговѣніемъ!—проговорилъ онъ про себя,—чудная.

Онъ продолжалъ читать.

— «Напротивъ того, злыхъ и непокорныхъ мятежниковъ не укроютъ ни лѣса, ни горы отъ праведной казни. Славное воинство покровительствующей мнѣ Россіи уже вступило въ Абхазію на преслѣдованіе измѣнниковъ и конечное ихъ повсюду истребленіе. Одно благоразуміе теперь укажетъ вамъ вѣрный путь къ счастью или погибели вашей».

Онъ кончилъ и сошелъ съ коня. Подойдя къ ближайшимъ князьямъ и мулламъ, онъ сказалъ:

– Поздравляю васъ съ новымъ правителемъ, господа! Вы скоро его увидите среди васъ.

А потомъ, вынувъ изъ небольшого портфеля нѣсколько сложенныхъ листовъ, онъ роздалъ ихъ мулламъ.

— Такъ какъ простые абхазцы да и многіе дворяне не всѣ понимаютъ по-русски, — сказалъ онъ, — то вотъ вамъ этотъ манифестъ, переведенный на мѣстный языкъ. Прочитайте его въ мечетяхъ и на собраніяхъ въ аулахъ.

Вручая листы двумъ крайнимъ мулламъ, стоявшимъ рядомъ, князь Абхазовъ былъ невольно пораженъ, но чѣмъ, онъ сразу самъ не могъ дать себѣ отчета. Лица обоихъ муллъ показались ему знакомыми, даже очень, очень памятными. Но гдѣ онъ видѣлъ ихъ, при какихъ обстоятельствахъ, въ какой обстановкѣ? Да, онъ видѣлъ ихъ прежде, онъ знаетъ ихъ, навѣрное знаетъ. Только то была другая обстановка, и они не были муллами... Да, они не муллы! Это переодѣтые люди... Но кто же они?.. Абхазовъ оглянулся. Напрасно! Ихъ и слѣдъ простылъ: они затерлись въ толпѣ... Это какіе-нибудь шпіоны, это злодѣи. Эти люди подосланы навѣрное Арсланъ-беемъ, и вотъ они скрылись. Но какая ихъ цѣль? Простое соглядатайство? Они лазутчики. Это всего вѣроятнѣе. Что жъ? Онъ не боится лазутчиковъ.

Ба! Одного онъ вспомнилъ: это былъ князь Бежанъ Шервашидзе, братъ Манучара Шервашидзе, зятя правительницы Имеретіи, княгини Нины Георгіевны Дадіанъ. Это гнусный убійца предпослѣдняго владѣтеля Абхазіи, Келешъ-бека, отца покойнаго владѣтеля этой страны, Сеферъ-Али-бея или князя Георгія Шервашидзе, и дѣда нынѣшняго владѣтеля Абхазіи, молодого князя Димитрія Георгіевича Шервашидзе. Ясно, что онъ явился соглядатаемъ отъ друга своего, соубійцы и отцеубійцы Арсланъ-бея. Такъ вотъ кто этотъ мнимый мулла. Ахъ, негодяй! Какъ онъ нагло провелъ меня! А кто же съ нимъ другой, переодѣтый муллою? Я знаю и его. Это тоже приверженецъ Арсланъ-бея. Но кто онъ, кто?

Абхазовъ вспомнилъ, что этого послѣдняго муллу, эти плутовскіе, разбойничьи глаза онъ видѣлъ недавно, совсѣмъ недавно, и, кажется, въ Кутаисѣ, у князя Димитрія Шервашидзе.

Гдѣ же этотъ князь, молодой владѣтель Абхазіи? Онъ уже не въ Петербургѣ, а въ Кутаисѣ. Отправимся же къ нему.

VII.

Новый владѣтель Абхазіи, по пути изъ Петербурга къ себѣ на родину, дѣйствительно, остановился на время въ Кутаисѣ, пока въѣздъ его въ свои владѣнія не будетъ обставленъ такъ, какъ того требовали обстоятельства: съ нѣкоторою внушительностью и въ сопровожденіи русскихъ войскъ.

Молодому владѣтелю Абхазіи отведены были покои въ бывшемъ дворцѣ царя Имеретіи, Соломона II. Мы говоримъ: въ «бывшемъ дворцѣ» потому, что владѣтель его, злополучный царь Соломонъ II, бросивъ свою столицу и царство, скитался въ это время въ предѣлахъ Турціи и Персіи, и проживалъ съ горстью своихъ приверженцевъ то въ Поти, то въ Ахалцыхѣ, то, наконецъ, въ Эривани, а семейство его, царица Марія, царевна Дареджана и царевичи, томились неизвѣстностью своего будущаго, то въ горномъ замкѣ Вардъ-цихе, то въ имѣніи своихъ родственниковъ, князей Абашидзе, то изрѣдка наѣзжали въ Кутаисъ, чтобы съ горестью видѣть, какъ старинный дворецъ ихъ, жилище ихъ царственныхъ предковъ и ихъ собственное родное гнѣздо, превращался въ казармы для русскихъ войскъ.

Когда, лѣтомъ 1810 года, маленькаго Димитрія Шервашидзе увозили аманатомъ въ Петербургъ, то также останавливались на нѣсколько дней въ Кутаисѣ, въ этомъ самомъ дворцѣ. Теперь молодой владѣтель Абхазіи вспомнилъ, какъ онъ тогда плакалъ въ этихъ самыхъ комнатахъ и какъ утѣшали его и плакали вмѣстѣ съ нимъ царица Марія и хорошенькая царевна Дареджана. Имъ казалось такимъ ужаснымъ его далекое путешествіе! Имъ представлялось, что эта страшная страна, тамъ, за горами, гдѣ лѣтомъ садится солнце, эта невѣдомая Россія и этотъ чудовищный Петербургъ, что все это холодная Сибирь. Другого представленія о Россіи у нихъ не было. Гдѣ-то теперь эта добрая, съ ласковыми глазами, Дареджана? Говорятъ, добровольно заточилась въ монастырѣ отъ тоски по отцѣ и по убитомъ женихѣ, князѣ Церетели. И ему вспомнилась его собственная невѣста, маленькая Варя. Какъ она плакала, когда они въ послѣдній разъ прощались на берегу тихой Славянки, на той самой скамейкѣ, гдѣ Варя дала ему свой первый робкій поцѣлуй. Кажется, цѣлые годы прошли съ тѣхъ поръ, какъ они разстались... «Потомокъ Прометея!» Такъ иногда съ ласковою шуткой называла его милая Варя. Да, онъ самъ чувствовалъ, что въ его жилахъ течетъ протестующая кровь Прометея и что его тоскующее сердце также терзаетъ острый клювъ юпитерова орла... Когда-то еще онъ успокоитъ буйную Абхазію, чтобы имѣть потомъ право вернуться въ Петербургъ за своей Варей? Вотъ и теперь онъ только что послалъ манифестъ къ своему народу, а какъ будетъ принятъ этотъ манифестъ? Какъ отнесутся къ нему князья мусульмане и ихъ муллы?

Въ его воспоминаніи проходитъ весь безконечный, утомительный путь отъ Петербурга вплоть до Кутаиса. Сѣрыя свинцовыя облака висѣли надъ Петербургомъ, когда онъ покидалъ его. И Нева была свинцовая, дома смотрѣли уныло, точно и ихъ угнетало это свинцовое небо. И у него на сердцѣ лежала свинцовая тяжесть... Впереди — далекая родина, яркое солнце, голубое небо, а позади — милые заплаканные глазки... Что ему родина и весь народъ безъ ея свѣтлой улыбки, безъ ясныхъ глазъ Вари? До самой Москвы надъ нимъ висѣло это сѣрое, непривѣтливое небо. Лѣса и болота, лѣса и болота безъ конца. А гдѣ нѣтъ лѣсу, унылыя поля, черныя, мокрыя озими, мокрый,

тощій скотъ, черныя, словно погорѣлыя, избушки... И это великая, могущественная Россія, опирающаяся на такія избушки?.. Тамъ, надъ Невою, палаты, огромные дома; здѣсь — убогія лачуги... Не на чемъ глазу остановиться, и мысль поневолѣ убѣгаетъ назадъ, къ тому, что покинуто надолго, надолго... «Милый мой! Я буду крестить тебя и, засыпая вечеромъ и просыпаясь утромъ, буду посылать мое горячее благословеніе на далекій югъ, а ты, мой милый, посылай свою мысль и свое благословеніе на сѣверъ». Такъ говорила Варя.

И послѣ Москвы потянулся безконечный, безконечный путь, а она, свѣтлая и нѣжная, уносилась все дальше и дальше.

Коломна, Рязань, Воронежъ, безконечныя донскія степи... Гдѣ же конецъ этой необозримой Россіи?.

Переѣхали Донъ у Ростова, и снова потянулись безконечныя степи, манычскія, егорлыкскія... Небо, казалось, отходило все выше и выше, сѣрыя свинцовыя облака остались далеко гдѣ-то, на сѣверѣ, тамъ, гдѣ Варя, гдѣ ясное небо замѣняются свѣтлые глазки... Начинался Кавказъ, безбрежныя равнины съ высокою травой, съ рѣдкими курганами. Но здѣсь уже нельзя было ѣхать безъ вооруженнаго конвоя, безъ пушекъ. Начинались кубанскія равнины. Изъ-за каждаго кургана, изъ-за каждой степной балки могли показаться косматыя папахи, черныя бурки черкесовъ-закубанцевъ. Это уже почти свое, свои хищники, близкіе родичи абхазцамъ. Вотъ и бурная, мутная Кубань. Радостно и тревожно забилось сердце молодого путника, когда однажды утромъ ему указали на какое-то далекое облачко на горизонтѣ. «Это не облачко, а Эльборусъ», — пояснили ему. Эльборусъ — это уже ближайшій сосѣдъ его родины. Этотъ сѣдой великанъ въ бѣлоснѣжной папахѣ виденъ изъ Абхазіи.—«А это что на горизонтѣ, точно гигантскіе стоги сѣна?» «Это Бештау, Змѣиный, Желѣзный, Машукъ», эти первые отроги самого хребта; за ними — Грузія, Имеретія, Гурія, Мингрелія, Абхазія». Когда-то его везли тутъ маленькимъ, онъ все позабылъ. Теперь же видѣлъ это словно въ первый разъ

Ѣдутъ дальше день, другой. Слѣва и впереди начинаютъ подниматься изъ-за горизонта какіе-то дымчатые гребни. Это они, великаны. Они какъ будто вылѣзаютъ оттуда, чтобы взглянуть на того, кто ѣдетъ. Что то гордое и сильное поднимается

въ груди молодого путника, давно не видавшаго горъ... «Я вашъ сынъ, вашъ вскормленникъ», — говоритъ что-то въ его сердцѣ, и мятежныя мысли вдругъ встаютъ въ душѣ гордаго потомка Прометея. Эти мятежныя мысли онъ вспомнилъ теперь здѣсь, въ Кутаисѣ, въ бывшемъ дворцѣ царя Соломона. «За что его выгнали отсюда, лишили престола, царства? И меня потомъ лишатъ всего, если я подчинюсь имъ. Нѣтъ, я не подчинюся, я отстою свободу своей родины... А тогда что же Варя? Я потеряю ее! Нѣтъ, пусть падетъ съ моей головы корона владѣтеля Абхазіи, только бы видѣть на этой головѣ вѣнецъ жениха Вари... А если Варя чечевичная похлебка? Нѣтъ, нѣтъ»!

Сколько они ни ѣхали впередъ, предшествуемые и сопровождаемые отрядомъ солдатъ, двумя орудіями и взводомъ линейныхъ казаковъ, горы все не подвигались къ нимъ, такъ были онѣ далеко! Наконецъ, и горы придвинулись. Шествіе вступило въ какую-то тѣснину со страшными, нависшими по сторонамъ, утесами и грохочущимъ пѣнящимся Терекомъ. Это ревъ какого-то живого, могучаго существа. Оно бѣшено прыгаетъ черезъ препятствія, черезъ гигантскіе камни и пороги... Шествіе очутилось въ какой-то страшной тѣснинѣ, точно въ пасти этого грохочущаго и ревущаго чудовища. Это — тѣснина Дарьяла. Дальше и дальше. Тѣснина раздвинулась, и вправо, выше разодранныхъ облаковъ, сверкнула на солнцѣ всѣми своими алмазами вершина Казбека съ вѣчными снѣгами, снѣгами, укрывшими эту таинственную вершину съ того самаго момента, какъ она, при формированіи земли, выступила изъ ея, полнаго тайнъ и невѣдомыхъ ужасовъ чрева.

Выше и выше поднимается шествіе, громыхаютъ по камнямъ колеса орудій, звонко стучатъ копыта казацкихъ лошадей, ревъ и гулъ Терека постепенно затихаетъ позади. Все выше и выше, все ближе, кажется, къ самому небу. И стремнины, и горы отходятъ въ сторону. Шествіе — на самомъ верху, на перевалѣ.

Шервашидзе глянулъ впередъ, по сторонамъ и онѣмѣлъ отъ изумленія, отъ захватывающаго духъ восторга. Страшно даже.

«И возведе Его діаволъ на гору высоку, — вспомнилось ему одно мѣсто изъ Евангелія, которое читалъ имъ батюшка въ корпусѣ, — показа Ему вся царствія вселенныя въ часѣ вре-

мянинѣ. И рече Ему діаволъ: Тебѣ дамъ власть сію всю и славу ихъ»...

Передъ нимъ, казалось, открылись «всѣ царствія вселенной». Эта безконечная даль, сверкающая на солнцѣ, эта ужасающая глубина, въ которой извивалась и искрилась Арагва; далекая, дивная панорама юга; этотъ страшный спускъ въ чарующую, подъ ногами, даль, точно спускъ въ рай, въ роскошный эдемъ... У него невольно брызнули слезы... «Варю бы сюда, Боже!»

Урусъ Лаквари, наблюдавшій за нимъ, загадочно улыбнулся. Это открылась Грузія съ роскошными долинами и садами. Начинался головокружительный спускъ къ Млету. Варя осталась тамъ, за этими страшными горами и стремнинами, на другомъ концѣ свѣта. Все это вспомнилъ теперь молодой владѣтель Абхазіи, сидя на галлереѣ дворца Соломона въ Кутаисѣ

Въ это время, съ другой стороны галлереи послышались шаги и звонъ шпоръ, и оттуда показался очень моложавый офицеръ въ полковничьей формѣ. Это былъ князь Горчаковъ, завѣдывавшій нашими военными силами въ Имеретіи и Гуріи.

— Все готово, ваша свѣтлость, къ походу и ко вводу васъ во владѣніе наслѣдіемъ вашихъ предковъ, — весело сказалъ онъ. — Мингрельская кавалерія сегодня же явится въ Кутаисъ съ своимъ начальникомъ, княземъ Дадіаномъ, чтобы сопровождать насъ до соединенія съ нашими войсками, съ которыми мы и двинемся на выручку Сухума. Крѣпость эта буквально обложена непріятелемъ, вашимъ почтеннымъ дядюшкой

— О, негодяй! — съ гнѣвомъ вскричалъ молодой Шервашидзе. — Скоро ли онъ сломитъ себѣ шею!

— Мы сами ему сломаемъ, — улыбнулся Горчаковъ. — А пока комендантъ Сухума, подполковникъ Михинъ, доноситъ мнѣ, что онъ не рѣшается даже послать своихъ солдатиковъ за дровами, перестрѣляютъ, какъ куръ, дядюшкины головорѣзы. А, между тѣмъ, у бѣдняка топить нечѣмъ, не на чемъ сварить солдатикамъ кашу. Думаетъ ломать на дрова крѣпостныя строенія и проситъ прислать хоть палатокъ, гдѣ бы солдатикамъ можно было укрываться отъ вашихъ адскихъ дождей... Таковъ любезный дядюшка.

— О, негодяй, — повторилъ Шервашидзе.

— Ничего, мы къ этому привыкли, не въ Питерѣ живемъ.— говорилъ Горчаковъ, шагая по галлереѣ. — У меня въ Редутъ-Кале сосредоточенъ порядочный отрядъ мингрельцевъ и сгерей, да и линейцы есть. Князь Абхазовъ уже ораторствуетъ по Абхазіи, вездѣ читаетъ вашъ манифестъ. А присланный изъ Соуксу съ донесеніями урядникъ говоритъ, что тамъ, при чтеніи манифеста, всѣхъ насмѣшила откуда-то появившаяся ваша кормилица.

— Ахъ, Фатима! Неужели она жива?

— Должно быть... Абхазовъ читаетъ манифестъ, а она реветъ. О чемъ? «Я, говоритъ, его кормилица». Да развѣ ты понимаешь, что я читаю? «Нѣтъ, не понимаю, а знаю, что это онъ говоритъ». И заливается, плачетъ отъ радости.

— А что слышно о матушкѣ? — спросилъ Шервашидзе.

— Княгиня Тамара осталась въ Кодорѣ: великолѣпный дядюшка взялъ съ нея присягу что она не будетъ имѣть никакихъ сношеній съ русскими, а слѣдовательно, и съ вашей свѣтлостью! Ай да дядюшка! Поздравляю!

— О, негодяй, отцеубійца!

VIII.

На другой день, оставивъ Кутаисъ, князь Горчаковъ и новый, пока еще номинальный, владѣтель Абхазіи, въ сопровожденіи князя Дадіана съ его кавалеріей, двинулись въ походъ, и только 1-го ноября настигли русскій отрядъ, которымъ командовалъ храбрый князь Абхазовъ. Отрядъ расположился у аула Скабіи, недалеко отъ Кодора, въ которомъ, въ качествѣ заложницы Арсланъ-бея, оставалась княгиня Тамара.

Версты за двѣ до отряда, князь Горчаковъ, отозвавъ въ сторону своего адъютанта, стройнаго бѣлокураго юношу, прапорщика Ракилевича, что-то долго шепталъ ему, показывая глазами на русскій отрядъ. Ракилевичъ, слушая своего начальника, сдержанно улыбался.

— Все будетъ исполнено въ точности, ваше сіятельство,— сказалъ онъ, когда Горчаковъ кончилъ, и быстро понесся къ отряду.

Вскорѣ онъ воротился, но не одинъ. Съ нимъ рядомъ при-

скакалъ очень юный абхазецъ, почти ребенокъ, у котораго даже пушкомъ не была еще оттѣнена верхняя губа, между тѣмъ какъ красивые большіе глаза смотрѣли не по дѣтски мужественно. Подскакавъ къ Горчакову, онъ ловко отдалъ ему честь. Потомъ, отдавая честь Шервашидзе, онъ торжественно произнесъ:

— Имѣю честь привѣтствовать вашу свѣтлость въ вашей странѣ, въ вѣчномъ наслѣдіи нашихъ славныхъ предковъ!

— Благодарю васъ отъ всего сердца,—смущенно проговорилъ князь Димитрій.—Съ кѣмъ имѣю честь говорить?

— Съ вѣрноподданнымъ вашей свѣтлости,—былъ отвѣтъ.

— Но ваша фамилія?

— Князь Шервашидзе.

— Но князей Шервашидзе много въ Абхазіи, и есть между ними убійцы изъ-за угла и отцеубійцы.

— О, Митя!—не выдержалъ роли юноша.—Ты не узнаешь меня? Не узнаешь своего карапузика, медвѣжонка Мишку...

Этотъ, прибывшій отъ русскаго отряда, юный абхазецъ былъ младшій братъ новаго владѣльца Абхазіи, пятнадцатилѣтній князь Михаилъ Шервашидзе, который, по выслушаніи манифеста своего старшаго брата, тотчасъ же съ нѣкоторыми абхазскими князьями, дворянами и простыми джигитами, оставшимися вѣрными княгинѣ Тамарѣ, присоединился къ отряду князя Абхазова.

— Миша, мальчикъ мой!—радостно говорилъ старшій Шервашидзе.—Какъ ты выросъ, какъ молодецки правишь своимъ скакуномъ!

— О, я ужъ не мальчикъ: мнѣ пятнадцать лѣтъ. А ты самъ знаешь, что абхазцы—лучшіе кавалеристы во всемъ свѣтѣ,—гордо отвѣчалъ юноша.

— А что матушка? — спросилъ брата Димитрій Шервашидзе.

— Вообрази! Она заперта въ Кодорѣ... Мерзавецъ Арсланъ заставилъ ее присягнуть на евангеліи и на своемъ коранѣ, что она не будетъ имѣть никакихъ сношеній съ русскими и даже съ своими сыновьями. Какова наглость! Разумѣется, она, какъ слабая женщина, покорилась, присягнула, и, боясь нарушить присягу, не хотѣла даже меня видѣть... боится сдѣлаться клятвопреступницей. Она вѣдь очень религіозна... Теперь и тебя побоится видѣть.

— Ай да дядюшка!—засмѣялся Горчаковъ.—Но мы снимемъ клятву съ княгини Тамары: на это у насъ есть почтенный батюшка, которому церковью дана власть «вязать и разрѣшать».

Въ нѣмомъ умиленіи младшій братъ смотрѣлъ на старшаго. Блестящій видъ полковника гвардіи, видимо, очаровывалъ и подавлялъ его. И въ обращеніи его было что-то иное, непривычное для глазъ юноши, выросшаго въ отчужденіи отъ той жизни и отъ той среды, въ которой вращался его братъ въ Петербургѣ и которая навела на него особый свѣтскій лоскъ.

— У тебя и голосъ какъ будто не нашъ,—невольно вырвалось у очарованнаго юнаго абхазца.

— Какъ не нашъ?—удивился старшій братъ

— Не знаю какъ, Митя, только не нашъ.

— Я понимаю, что говоритъ вашъ братъ,—объяснилъ Горчаковъ, обращаясь къ Димитрію Шервашидзе;—у васъ въ голосѣ и въ говорѣ почти незамѣтно тѣхъ гортанныхъ звуковъ, которыми отличается говоръ всѣхъ кавказскихъ уроженцевъ, кто бы они ни были, грузины, имеретины, лезгины, гурійцы, чеченцы ли, а въ томъ числѣ и абхазцы.

Скоро къ нимъ подъѣхалъ князь Абхазовъ и доложилъ князю Горчакову, какъ своему непосредственному начальнику, что во ввѣренномъ ему отрядѣ все обстоитъ благополучно. Вслѣдъ за этимъ, къ князю Димитрію Шервашидзе подъѣхалъ знакомый уже намъ по Петербургу абхазецъ, Урусъ Лаквари, тотъ самый, что вызвался оберегать молодого владѣтеля Абхазіи отъ подосланныхъ будто бы Арсланъ-беемъ убійцъ.

— А, Урусъ! И ты явился, наконецъ,—привѣтствовалъ его князь Димитрій.—Откуда теперь?

— Изъ Кодора, князь, отъ княгини Тамары, — отвѣчалъ Лаквари.

— Что матушка?

— Здорова, слава Аллаху... Тебя, князь. и ждетъ, и не ждетъ.

— Какъ такъ, и ждетъ, и не ждетъ?

— Боится Арслана... дала ему клятву на крестѣ и коранѣ, не признавать тебя за сына. Я самъ насилу выбрался отъ нея

изъ Кодора! Арслановцы приняли меня за твоего шпіона... хотѣли утопить въ Кодорѣ.

Князь Абхазовъ, не обратившій сначала вниманія на этого вновь прибывшаго абхазца и больше занятый разговоромъ съ Горчаковымъ о положеніи дѣлъ въ Абхазіи и о силахъ, какими, по всѣмъ свѣдѣніямъ, располагалъ Арсланъ-бей, теперь зорко взглянулъ на Лаквари. Въ одно мгновеніе онъ узналъ его. Онъ теперь только припомнилъ, что именно его видѣлъ въ одѣяніи муллы подъ Соуксу, когда читалъ манифестъ князя Шервашидзе къ представителямъ Абхазіи. Онъ, этотъ самый Лаквари, стоялъ, тогда рядомъ съ княземъ Божаномъ Шервашидзе, тоже переряженнымъ въ муллу. Бежана онъ тогда же припомнилъ, а этого только теперь. Въ умѣ его зародилось подозрѣніе, и онъ подъѣхалъ къ Лаквари.

— Послушай, джигитъ,—сказалъ ему князь Абхазовъ.—Ты былъ въ Соуксу, когда я тамъ вычитывалъ всенародно манифестъ новаго владѣтеля Абхазіи?

— Нѣтъ, господинъ,—смѣло отвѣчалъ обхазецъ; но на лицѣ его и въ плутовскихъ глазахъ отразилось смятеніе.

— Ты лжешь!—крикнулъ на него Абхазовъ.—Ты стоялъ тамъ рядомъ съ убійцей Келешъ-бека, съ Бежаномъ Шервашидзе, и оба вы были переодѣты муллами.

— Правда твоя, господинъ,—смиренно отвѣчалъ теперь Лаквари.—Я былъ тогда въ Соуксу; но я скрылся, такъ нужно было. И пророкъ, да святится имя его! бѣгалъ отъ враговъ въ Медину... Я вѣрно служу господину моему, князю Димитрію...

— А прежде служилъ Арслану!—осадилъ его Абхазовъ.

— Служилъ... господинъ правду знаетъ... а теперь служу князю Димитрію, мой господинъ тебѣ скажетъ это.

— Правда,—подтвердилъ князь Димитрій,—онъ и въ Петербургѣ былъ при мнѣ въ послѣднее время, и вмѣстѣ со мной пріѣхалъ сюда на Кавказъ.

— Зачѣмъ же онъ продѣлалъ маскарадъ въ Соуксу?

— Не знаю, князь; надо его спросить.

— Я, господинъ,—обратился Лаквари къ Абхазову и къ Горчакову, который внимательно вслушивался въ разговоръ. — Я ваши сіятельства, служа господину моему и желая ему добра, просилъ его свѣтлость отпустить меня впередъ изъ Кутаиса въ

Абхазію, чтобъ секретно разузнать, какъ тутъ народъ приметъ новаго князя и много ли у него доброжелателей, а чтобъ во мнѣ не признали бывшаго нукера Арсланъ-бея, плевать въ бороду этому шайтану! я и нарядился муллою.

— И что-жъ ты узналъ?—спросилъ Горчаковъ.

— Я узналъ, ваше сіятельство, что почти вся Абхазія стоитъ за Арслана; съ нимъ и турки-хелосури, и цебельдинцы, и самурзакавцы, и три тысячи черкесовъ; у него десять знаменъ съ полумѣсяцемъ.

— А орудія есть у него?

— Когда я настигъ его, 27-го октября, у Самурзакани, у него орудій не было,—отвѣчалъ за Лаквари Абхазовъ.—Тогда онъ быстро отступилъ къ рѣчкѣ Галидзче, гдѣ и присоединилось къ нему до трехъ тысячъ черкесовъ; но лазутчики мои и тамъ не видѣли у него орудій. Онъ больше надѣется на лѣсъ и на колючки, какъ кабанъ, да завалы устраиваетъ по дорогѣ, это единственная его тактика. Вообще всѣ они блудливы, какъ кошки, а трусливы, какъ зайцы: все наровятъ исподтишка да сзади, а прямого нападенія не выдерживаютъ.

— Особенно они боятся русскаго штыка,—замѣтилъ князь Леванъ Дадіанъ,—а орудійные выстрѣлы пугаютъ ихъ, точно громъ небесный...

Между тѣмъ, братья Шервашидзе, прислушиваясь къ разговору и обмѣниваясь радостными улыбками, изрѣдка перекидывались замѣчаніями и вопросами о томъ, кого что интересовало. Князю Димитрію казалось, что, послѣ одиннадцати лѣтъ разлуки съ родиною, онъ видитъ ее теперь въ первый разъ, а то, что онъ помнилъ о ней въ Петербургѣ, представлялось ему далекимъ, смутнымъ, но сладкимъ сновидѣніемъ. Теперь же онъ опять видѣлъ это бирюзовое море, впадавшее въ цвѣтъ холодной стали, эти родныя горы, и ему было и радостно и жутко. Но съ каждымъ новымъ предметомъ, съ каждымъ, открывавшимся передъ его глазами, видомъ, въ его представленіи всегда выплывало личико Вари, ея глаза: ««какъ-то она на это взглянетъ? Понравятся ли ей дикія скалы, эти голые утесы, весь этотъ новый для нея міръ?»

Когда Леванъ Дадіанъ заговорилъ о томъ, что абхазцы и черкесы боятся штыковъ и орудій, Михаилъ Шервашидзе спро-

силъ брата:—А знавалъ ты тамъ вотъ его брата, Георгія Дадіана? Вѣдь онъ тоже недавно пріѣхалъ сюда изъ Петербурга въ отпускъ: что онъ тамъ? Здѣсь хвастался все, что онъ гвардеецъ, преображенецъ.

— Да, онъ и въ Петербургѣ хвастался, что онъ—владѣтель Мингреліи. Фатъ!.. Разъ онъ такъ расхвастался на балу у моихъ знакомыхъ, князей Гагариныхъ (при этомъ князь Дмитрій чуть замѣтно покраснѣлъ), что увѣрялъ, будто бы онъ, воротившись въ Мингрелію, взойдетъ на мингрельскій престолъ и коронуется короною своихъ предковъ. Что онъ теперь здѣсь дѣлаетъ?

— Разбойничаетъ... Сначала все щеголялъ въ бѣлыхъ лосиновыхъ штанахъ въ обтяжку... издали точно голый, безъ штановъ, и всѣ наши женщины и дѣвушки стыдились глядѣть на его ноги: думали, голыя... А потомъ поссорился съ братомъ и собралъ шайку... точь въ точь нашъ Арсланъ.

— Гдѣ-жъ онъ теперь? — спросилъ старшій Шервашидзе, вспоминая при этомъ, что въ Петербургѣ онъ ненавидѣлъ этого красиваго лейбъ-гвардейца въ лосинахъ, воображая, что въ него влюблена княжна Варя Гагарина.

— О! Это цѣлая исторія, цѣлая поэма въ родѣ «Барсовой шкуры» Руставели. Тебѣ, вѣроятно, не все было извѣстно въ Петербургѣ. Когда Соломонъ II Имеретинскій былъ разбитъ русскими въ ущельѣ Хани, гдѣ былъ и князь Симеонъ Церетели, въ котораго, говорятъ, была влюблена хорошенькая царевна Дареджана, дочь этого Соломона II...

— Я ее помню,—перебилъ старшій Шервашидзе, — когда меня, маленькаго одиннадцать лѣтъ тому назадъ, везли аманатомъ въ Петербургъ, я нѣсколько дней прожилъ у нихъ во дворцѣ въ Кутаисѣ, и царевна Дареджана очень утѣшала и ласкала меня, такая добрая и милая!

— Ну, вотъ, послѣ ханійскаго погрома, отецъ ея и бѣжалъ въ Турцію, а она съ горя поступила въ монастырь св. Нины, и постриглась тамъ. Но въ прошломъ году въ Имеретіи опять вспыхнуло возстаніе подъ предводительствомъ ея родственника, дяди что ли, князя Ивана Абашидзе, сына другой царевны Дареджаны, старухи, дочери покойнаго царя Соломона I, которая была замужемъ за однимъ изъ Абашидзе. Такъ вотъ когда вспыхнуло тамъ возстаніе, то князья и духовенство имеретинское

провозгласили царемъ сына этого Ивана Абашидзе, десятилѣтняго Ваню. Тогда русскіе, узнавъ объ этомъ, тотчасъ же арестовали маленькаго царя, его бабушку, царевну Дареджану, главныхъ зачинщиковъ возстанія: князей Цехнію Цулукидзе, мдиванъ-бека Микеладзе и епископовъ Досиѳея Кутатели и Евфимія Генатели, и подъ конвоемъ отправили всѣхъ въ Россію. Не успѣли только захватить князя Ивана Абашидзе. Когда объ этомъ дошла вѣсть до монастыря св. Нины, то царевна Дареджана, вмѣстѣ съ старымъ, преданнымъ нукеромъ Маміею, бѣжала изъ монастыря къ князю Ивану Абашидзе и вступила въ набранное имъ ополченіе амазонкою. Такая отчаянная! Точно Дида, молочная сестра проклятаго Арслана, которая зарѣзалась на крѣпостной стѣнѣ Сухума.

— Зарѣзалась? Изъ-за чего?

И младшій Шервашидзе разсказалъ брату исторію Диды.

— Когда же Дареджана,—продолжалъ онъ,— вступила въ ополченіе Ивана Абашидзе, то русскіе разбили и это ополченіе. Но на ихъ счастье вспыхнулъ мятежъ и въ Гуріи, князь Кайхосро Гуріели, дядя Маміи Гуріели, владѣтель Гуріи, всталъ противъ своего племянника, а къ нему примазался и ванъ петербургскій франтъ съ голыми ляшками, красавецъ Георгій Дадіанъ. Къ нимъ бѣжалъ и Иванъ Абашидзе съ своею амазонкою, царевною Дареджаной. И вотъ когда она увидѣла «голыя ляшки», то, послѣ монастырскаго поста, и влюбилась въ нихъ сразу, забывъ своего Симеона Церетели.

— Ну, ужъ ты, Миша!—запротестовалъ было старшій братъ, у котораго шевельнулось на сердцѣ: а если и Варя ему измѣнитъ? Если и она не равнодушна къ этому франту съ «голыми ляшками»...

— Правду тебѣ говорю, Митя! — настаивалъ младшій братъ.—Но и ихъ скоро разбили русскіе, и царевна Дареджана, вмѣстѣ съ своимъ возлюбленнымъ гвардейцемъ и Иваномъ Абашидзе, бѣжала въ Поти.

Братья и не замѣтили, какъ очутились около русскаго отряда, съ которымъ здоровался его начальникъ, князь Горчаковъ.

IX.

Въ тотъ же день, 13-го ноября, князь Горчаковъ отдалъ приказъ о выступленіи на утро слѣдующаго дня. Въ авангардѣ долженъ былъ выступить полковникъ князь Николай Дадіанъ во главѣ мингрельскихъ войскъ, а пѣхотѣ и егерямъ назначено было аттаковать завалы, устроенные непріятелемъ вдоль морского берега по пути слѣдованія къ Сухуму.

Съ вечера же начались и приготовленія къ рѣшительному бою. Пѣхотинцы и егеря, расположившись вокругъ разведенныхъ костровъ, дѣятельно и весело, среди остротъ, прибаутокъ и хохоту, занялись, кто варкою каши, кто чисткою ружей и штыковъ, кто починкою изодранной по кустамъ и колючкамъ амуниціи, приведеніемъ въ порядокъ ранцевъ; а иные, снявъ съ себя рубахи, стоя у костровъ «въ чемъ мать родила», энергично занимались «охотою на нужу»: скрутивъ жгутомъ рубахи, они потомъ держали ихъ за воротъ надъ огнемъ; рубахи, быстро развертывались, отъ дѣйствія тепла раздувались подобно парусамъ, и «нужа» не терпя жару, вываливалась на огонь съ хлопаньемъ и трескомъ.

— А ты чего носъ повѣсилъ—обратился старый Сукачъ къ своему молодому пріятелю Кудряшову, «рябой формѣ».

— Зубъ, дядя, болитъ, не приведи Богъ,—уныло отвѣчалъ тотъ.

— А ты его полѣчи, рукой сниметъ.

— А чѣмъ лѣчить-то?

— Чѣмъ! Знамо: наговоромъ на кобыльей головѣ. Самое вѣрное, какъ пить дастъ.

— Да какъ же это на кобыльей головѣ, дядя?

— А во-какъ. Найди ты эту самую кобылью голову, сухую, да положь ее гдѣ-либо на задворкахъ, на огородѣ, что ли, да положь ее передомъ къ заходу, на самой на ранней зарѣ, и самъ стань лицомъ къ заходу, да и скажи до трехъ разъ:

Кобылья голова,
Помилуй меня!
Што ты гля меня,
То я гля тебя:
Ты меня отъ скорботы—
Отъ зубной ломоты,

Я тебя отъ скорбяща—
Отъ земнаго гноища:
Не будутъ мои зубы ныть,
Не будутъ твои кости гнить

— Да такъ по три зари и дѣлай это съ причетомъ.

— А какъ ее, кобылью голову, раздобыть?

— Эко добро! Сколько ихъ по задворкамъ валяется!

— Я самъ знаю, что валяются. А какъ ее, кобылью-то голову, отъ мериновой, либо отъ жеребячей отличить?

— Очень даже просто: у мерина, либо у жеребца ноздри шире. Положь рядомъ кобылью голову и жеребячью, сразу узнаешь.

— Ну, братцы, — отозвался одинъ бывалый служака изъ егерей.—Завтра никакой кобыльей головы не нужно будетъ. По себѣ знаю. Когда мы дрались въ проклятой Чечнѣ, ужъ и сторонка же дьявольская! такъ у меня то и дѣло болѣли зубы. А какъ пошлютъ въ передовую цѣпь, да какъ начнется жарня съ обѣихъ сторонъ, онъ насъ, а мы его, да какъ въ потъ тебя бросить, и рубаху хуть выжми, куда и зубы дѣнутся: какъ рукой сыметъ. Правду говорю.

— И то правда,—согласился старый Сукачъ. — И у меня смолоду, какъ ходили мы еще подъ пруцково короля, тоже баливали зубы, коли ежели безъ дѣла; а какъ лишь въ дѣло пошелъ, сердце распалится, кругомъ видишь смерть, про зубы и не вспомнишь. Правда, правда. Вотъ, може, завтра Богъ приведетъ завалы ихніе брать, да въ штыковую, такъ и у тебя, братъ, зубы замолчатъ.

— Точно, братцы,—замѣтилъ Буркинъ,—въ дѣлѣ человѣкъ самъ себя не узнаетъ, что тамъ зубы! откуда и сила берется. Такъ и въ звѣрѣ во всякомъ: шавка какая ни на есть, и та на медвѣдя идетъ. Да что звѣрь! Птица, и та, коли ежели осерчаетъ, на себя не похожа. Да вотъ вамъ случай: можетъ, и не повѣрите, такъ на крестѣ поклянусь, да и Пластунъ присягнетъ, что было такъ, какъ я вамъ разскажу. Было это, когда мы гонялись по лѣсамъ да горамъ за этимъ самымъ царемъ имеретицкимъ, за Соломономъ. Лежимъ мы съ Пластуномъ эдакъ на возлѣсьѣ, въ секретѣ, недалечко отъ дороги, что вела къ его Соломонову замку; а подъ нами, пониже, небольшое озерцо съ лопухами и бѣлыми кувшинчиками. У берега озерцо поросло осокой и очере-

томъ. А влѣво, такъ недалечко отъ насъ, старая ветла, толстая такая, дуплястая. Лежимъ мы это и ждемъ, чтобъ гонца его, Соломонова, какъ ежели будетъ тайкомъ пробираться, скрасть и къ начальству предоставить. Коли слышимъ, надъ озерцомъ какъ быдто что просвистѣло. Глядь, анъ утка, да прямо къ ветлѣ, да въ дупло. Значитъ, гнѣздо у нея тамъ. Ладно. Не будь мы въ секретѣ, мы бы у нея, у этой самой утки, яйца вытащили изъ гнѣзда да поснѣдали. Коли слышимъ, чу! опять просвистѣло. И что-жъ бы вы думали, это утка вылетѣла изъ дупла, да прямо на озерцо. Глядимъ, коло нея, на водѣ, капельный желтенькій утенокъ, словно паучокъ,—выводокъ, значитъ, только что изъ яйца вылупился. Ладно. Значитъ она его, должно быть, въ своемъ носу принесла, не иначе, потому ноги у нея не цѣпки, не какъ у коршуна, либо у орла. Ладно. Вдругъ, глядь, утка нырнула въ воду и была такова. Утенокъ видитъ, что матери не видать, заметался на водѣ, запищалъ. И вдругъ, братцы вы мои, откуда ни возьмись, ворона проклятая, да на этого утенка, мигомъ унесла, какъ пить дала. Вотъ язва! И прямо къ себѣ въ гнѣздо. И гнѣздо-то воронье оказалось недалече на высокой чинарѣ. А утка, значитъ, какъ нырнула, чтобъ ее утенышъ не видалъ, да подъ водой, подъ водой, и выпырнула ужъ у берега, въ осокѣ, да опять въ свое гнѣздо. А мы глядимъ, что дальше будетъ, глазъ съ дупла не сводимъ. И точно: въ одинъ мигъ она юркнула изъ дупла, а во рту у нея утенокъ, да опять на озерцо. Выпустила его на воду, повертѣлась, повертѣлась, это она другого утенка искала... На что птица, тварь малая, а счетъ дѣтямъ знетъ. Ладно. А намъ и занятно, и смѣшно: чуть не прыснемъ. Ждемъ, что дальше будетъ. Глядь, утка опять нырнула, и опять въ осоку, а оттель въ дуплю. А ворона, братцы, опять, какъ бѣшеная, на озеро, и второго утенышка сцапала. Ахъ ты, аспидъ! думаемъ, пулю бы въ нее, да нельзя. Унесла! Ждемъ-пождемъ. Утка и третьяго принесла. Только ужъ тутъ, хоть и птица она, а задумалась. Вертѣлась-вертѣлась, искала-искала, нѣтъ утятъ! Не потонули-жъ они, она это знаетъ. Развѣ нырнули? Нѣтъ. Ждала-ждала, покружилась около малютки, да опять нырнула. Смотримъ, осока шевелится: это она, утка; а въ дупло не летитъ. Ну, думаемъ, что будетъ. Значитъ, утка засѣла въ секретъ: и мы въ секретѣ, и утка въ секретѣ. А ворона тутъ какъ тутъ, на озерцо. И что вышло тутъ, уму непостижимо! Утка, какъ стрѣла,

вылетѣла изъ осоки, да на ворону, звѣрь звѣремъ! да за горло ее, подлую, за шею, и ну топить! Ворона бьется, каркаетъ, захлебывается водой, каръ-карѣ-каръ! А та ее въ воду, а та ее въ воду, такъ и задохлась воровка [1]). Вотъ что значитъ, братцы, когда кто осерчаетъ: откель и сила, и смѣлость берется. Такъ и у насъ въ дѣлѣ. До зубовъ ли тогда?

— Что и говорить,—согласился старый Сукачъ. — Ай да утка! А вотъ у насъ былъ случай, какъ ходили мы подъ пруцково короля. Въ одномъ страженіи жарко пришлось намъ. Онъ это большую силу имѣлъ и врѣзался конницей въ наши ряды. Жарко было, не приведи Богъ. Сколько мы ихъ покололи, сколько они насъ порубили и потопали, и сказать нельзя. Только одинъ изъ нихъ, изъ пруцкихъ, ухватись за наше знамя. Нашъ гарнадеръ не пущаетъ знамя. Онъ ево хвать саблей по рукѣ, рука прочь. Гарнадеръ не будь плохъ, уцѣпился за древко другой рукой. И эта рука прочь, отсѣкли. Онъ зубами за полотнище, да такъ и замеръ. Его въ куски изрубили, а онъ полотнища не выпустилъ изъ зубовъ, а мы подоспѣли и мигомъ прикололи ихъ, пруцкихъ, что знамя наше отымали. Зубы-то у мертваго гарнадера такъ и замерли съ полотнищемъ, насилу ослобонили. Самъ генералъ цѣловалъ его, мертваго гарнадера. Пошли Богъ всякому такую смерть.

— Знаю, такой въ раю на первомъ мѣстѣ будетъ,—согласился Буркинъ.

— Ш-шъ—послышалось чье-то предостереженіе. — Никакъ самъ идетъ.

— Точно, а съ нимъ и новый князь, что изъ Питера.

Дѣйствительно, Горчаковъ, Шервашидзе старшій и Абхазовъ приближались къ кострамъ. Горчаковъ знакомилъ молодого владѣтеля Абхазіи съ бивачной жизнью русскаго боевого солдата.

— Сидите, братцы, сидите,—предупреждалъ Горчаковъ солдатиковъ, подходя къ одному костру.

Всѣ, однако, повскакали съ мѣстъ.

— Хлѣбъ-соль, молодцы,—сказалъ Горчаковъ.—Да у васъ, я вижу, и каша въ походѣ имѣется.

---

*) Истинное происшествіе.

— Да это, ваше сіятельство, купачки тутъ у насъ есть: съ ними мы и Поти брали, такъ они изъ аула притащили намъ и котелковъ, и пшенца, мы и балуемся, — смѣло отвѣчалъ за всѣхъ старый Сукачъ, котораго лично зналъ Горчаковъ.

— Ну, балуйтесь, балуйтесь, братцы,—улыбнулся онъ. — Завтра въ дѣло идемъ.

— Рады стараться, ваше сіятельство!—гаркнулъ старикъ, а за нимъ и всѣ грянули.

— Спасибо, молодцы! Хоть мы и не подъ пруцково короля идемъ, а все же, старина, дѣльце сдѣлаемъ,—шутливо обратился Горчаковъ къ Сукачу, зная его слабость «пруцково короля».

— Точно такъ, вашество,—подтвердилъ Сукачъ.

Горчаковъ, Шервашидзе и Абхазовъ прошли дальше и скрылись въ темнотѣ.

— Изъ молодыхъ да ранній,—одобрительно указалъ Сукачъ на удалявшагося съ своими спутниками Горчакова.—По суворовски хочетъ: тотъ тоже любилъ ходить на ночевкахъ промежъ нашихъ костровъ. Да еще, бывало, присядетъ къ намъ, къ костру, возьметъ у кого сухарь, помочитъ въ водѣ и ѣстъ да подхваливаетъ: «эхъ, говоритъ, братцы, да какіе же у васъ сухари скусные». Ну, намъ оно и впрямь сдается, что сухари быдто скуснѣй стали, и ѣдимъ съ охоткою, словно малыя дѣти. Бывало, въ деревнѣ, когда махонькими были, выдетъ весь хлѣбушка, а мать покойница, царство ей небесное, отыщетъ гдѣ-либо завалящій мышиный огрызокъ, да еще заплесневѣлый, да и говоритъ намъ: «вотъ, дѣтушки, вамъ хлѣбца по кусочку, у мышки отняла, вотъ и зубки мышкины знать; а кто послѣ мышки ѣстъ, у него и зубки будутъ мышкины, бѣленьки да крѣпоньки; а что, говоритъ, съ цвѣлью кусочекъ, такъ это и того лучше: кто, говоритъ, ѣстъ цвѣлевый хлѣбъ, хорошо плавать будетъ». Ну, мы, бывало, и ѣдимъ съ радостью мышиные огрызки. Либо скажетъ, что у зайчика отняла, на дорогѣ встрѣтила, такъ еще намъ скуснѣй покажется. Такъ и Суворовъ батюшка, царство ему небесное. Мудеръ былъ батюшка. А какъ нашего брата, солдатика, хорошо зналъ! Былъ такой случай. Воевали мы съ туркой, это еще при матушкѣ Екатеринѣ, и выпала намъ прежестокая баталія. Турка этого, видимо невидимо! такъ и насѣдаетъ, такъ и топчетъ и крошитъ насъ. Не въ моготу стало, нѣту нашей силушки. Дрогнулъ одинъ полкъ, дрогнулъ другой, дрогнули и мы. А разъ дрогнули,

лини пропало. Мы на утекъ. Господи, что было! А турки за нами. Нечего грѣха таить, ребятушки, бѣгу и я съ другими. Охъ, стыдно вспомнить... Да молодъ былъ, глупъ. Мнѣ бы останавливать товарищей, все равно, смерть неминуемая, а я бѣгу, ничевошеньки не вижу... Коли глядимъ, самъ батюшка Суворовъ съ енералами скачетъ прямо къ нашему полку, да какъ гаркнетъ: «заманивай, ребята, заманивай его! Такъ... такъ!» Мы и впрямь подумали, что не турка насъ гонитъ, а мы его заманиваемъ. А Суворовъ знай кричитъ: «заманивай! а теперь лупи его, жарь въ штыки!» Откуда, братцы вы мои, и духъ у насъ взялся, откудова и силушка прибыла! Поворотились мы, за нами другой полкъ, третій, и пошло, и пошло! Вѣрите ли, таково ему чосу задали, туркѣ этому, что только ахъ! въ лоскъ положили... Вотъ онъ каковъ, Суворовъ-то.

X.

Тѣни южной ночи еще лежали надъ моремъ и надъ берегами Абхазіи, когда князь Николай Дадіанъ выступилъ съ своими мингрельцами по направленію къ Кодору, гдѣ находилась какъ бы въ заточеніи княгиня Тамара, клятвою обязанная не принимать новаго владѣтеля Абхазіи, своего старшаго сына Димитрія. Она ждала его страстно. Болѣе десяти лѣтъ она не видала своего первенца и во всѣ эти долгіе годы, полные тревогъ и ужасовъ, помнила одинъ страшно-мучительный моментъ, и тысячи разъ переживала его. Тамъ, подъ стѣнами Сухума, подъ громъ орудій и при торжественныхъ звукахъ полковой музыки, изъ объятій ея взяли плачущаго ребенка, ея первенца, и увезли отъ нея далеко-далеко, въ невѣдомую страну, въ страну снѣговъ и тумановъ. Ей, рожденной подъ небомъ живописной Мингреліи, не видавшей ничего, кромѣ родныхъ горъ, этого голубого моря и жаркаго солнца,—ей представлялось, что въ той таинственной странѣ, откуда постоянно приходятъ на Кавказъ легіоны все новыхъ и новыхъ воиновъ, въ странѣ со сказочнымъ царемъ, который держитъ въ своихъ рукахъ половину земного шара, что въ этой сказочной странѣ нѣтъ даже солнца, или оно тамъ холодное, тусклое, непривѣтливое. И вотъ теперь этотъ ея первенецъ, котораго она тысячи разъ оплаки-

вала, возвратился изъ той страшной страны повелителемъ своей родины, а она, его мать, не смѣетъ принять возвращеннаго ей первенца, не смѣетъ взглянуть на его милое лицо. Она, мать, не смѣетъ видѣть своего сына, свое сокровище, возвращенное ей Богомъ, потому что вынуждена была дать Арсланъ-бею страшную клятву. На крестѣ и Евангеліи она съ клятвою присягнула, что пусть Богъ отниметъ у нея дѣтей, пусть постигнетъ ихъ ужасная смерть и пусть они лишены будутъ загробной жизни, если она, княгиня Тамара, войдетъ въ сношеніе съ русскими, а слѣдовательно, и съ возвращеннымъ ей судьбою сыномъ. Теперь она потеряла его при болѣе ужасающихъ условіяхъ, чѣмъ тогда, одиннадцать лѣтъ назадъ: тогда она надѣялась хоть когда-нибудь увидѣть его; теперь же никогда! Зачѣмъ дала она эту клятву? Лучше бы ее убилъ Арсланъ-бей: она не страдала бы такъ, какъ страдаетъ теперь.

Заключенная въ своемъ небольшомъ дворцѣ въ Кодорѣ, съ высокою при немъ старинною башней, она каждый день поднималась на эту башню и стояла тамъ словно часовой по цѣлымъ суткамъ, съ грустнымъ лицомъ, обращеннымъ на востокъ. Ея переболѣвшее сердце отыскивало тамъ его, возвращеннаго ей и навѣки потеряннаго сына; тамъ искали его ея заплаканные глаза. Оттуда, съ востока, онъ долженъ явиться ей, и она хоть издали увидитъ его, издали перекреститъ. Вѣдь она не давала такой клятвы, чтобы и тѣнь его не благословлять издали. Она не будетъ говорить съ нимъ, она ни слова не произнесетъ. Она только поглядитъ на него, какъ онъ выросъ, какъ возмужалъ... Можетъ быть, она съ башни и лицо его увидитъ, и глаза, и вьющіеся волосы, которые она когда-то любила гладить и цѣловать. Можетъ быть, она и голосъ его услышитъ. Онъ крикнетъ ей издали: «Здравствуй, мама»! Или, какъ взрослый мужчина, скажетъ ласково: «Зравствуй, дорогая матушка»... А она сама будетъ молчать, ни слова, ни звука ему въ отвѣтъ. Она клялась, и будетъ нѣма, какъ могила; она только улыбнется ему и заплачетъ отъ счастія. Онъ и такъ все пойметъ! Только бы онъ былъ счастливъ. Потомъ онъ женится. Она желаетъ имѣть маленькихъ внуковъ и внучекъ. И она, бабушка, станетъ ласкать его дѣтей... Но этого нельзя: его дѣти будутъ русскіе, а ей съ русскими, даже съ дѣтьми, нельзя имѣть сношеній: она клялась въ этомъ... А на комъ онъ женится? Непремѣнно на одной изъ молоденькихъ Да-

діанъ. У нея есть тамъ, въ Мингреліи, хорошенькія племянницы. А если онъ придетъ съ войскомъ, разобьетъ Арсланъ-бея и возьметъ Кодоръ? Вѣдь онъ тогда можетъ войти въ Кодоръ, мало того—войти въ свой дворецъ, и захочетъ видѣться съ матерью. Тогда она скажетъ ему: «я не смѣю тебя видѣть, я клялась страшною клятвою... не губи себя въ здѣшней и въ будущей жизни».

Тамара остановилась на этихъ мысляхъ и стала глядѣть вдаль. Сегодня тамъ, на берегу моря, замѣтно какое-то особенное движеніе. Люди что-то таскаютъ, рубятъ лѣсъ, наваливаютъ груды камней. Это они дѣлаютъ завалы. Значитъ, ждутъ русскихъ, чтобъ защищаться въ завалахъ. Она видѣла, какъ мимо Кодора прослѣдовали партіи черкесовъ. Это Асланъ-бей готовится отражать русскихъ. Но вѣдь съ русскими идетъ и сынъ ея, о которомъ она не перестаетъ думать... И вдругъ у нея точно захолонуло сердце... А если Арсланъ-бей побѣдитъ?

Вся трепещущая, она упала головой на каменныя плиты башни и стала молиться и плакать... Сраженіе, дѣйствительно, уже началось. Какъ ни осторожно двигалось мингрельское войско по направленію къ Кодору, высылая впередъ развѣдчиковъ, оно все-таки не миновало коварной засады, устроенной Арсланъ-беемъ и его союзниками, черкесами. Привыкшіе къ партизанской войнѣ, которую они постоянно вели съ русскими по всей кубанской линіи и въ Кабардѣ, хищники и тати отъ колыбели, черкесы, подобно дикимъ звѣрямъ въ лѣсу, умѣли пользоваться всякимъ прикрытіемъ, скрываясь то подъ кустами боярышника и шиповника, то въ непролазныхъ колючкахъ, то за камнями, и, невидимые до послѣдней минуты, безъ промаха поражали намѣченную жертву. Такъ было и на этотъ разъ. Мингрельцы шли осторожно, зорко высматривая врага, но кругомъ царила мертвая тишина. Слышны были только ритмическіе набѣги морского прибоя у берега да жалобные крики чаекъ. Лѣсъ торжественно молчалъ, сбрасывая съ себя послѣдніе пожелтѣвшіе листья. До Кодора оставалось всего версты три-четыре, а непріятеля и не слышно.

Вдругъ задолбилъ дятелъ о сухую кору стараго дерева: разъ-два-три, и съ послѣднимъ ударомъ дятла мертвый лѣсъ ожилъ. Грянулъ оглушительный ружейный залпъ. Ряды мингрельцевъ дрогнули. Кто безъ стона валился съ лошади; другой въ ужасѣ,

коснѣющими пальцами, цѣплялся за гриву лошади; тамъ воздухъ прорѣзывали предсмертные вопли. А лѣсъ и кусты опять замерли въ своей торжественной тишинѣ. Только бѣловатыя струйки дыма, уносимыя морскимъ вѣтеркомъ въ горы, быстро таяли въ воздухѣ. А невидимаго врага нѣтъ! Послѣдовалъ вторичный стукъ дятла о дерево—и грянулъ второй залпъ. Мингрельцы съ дикимъ воемъ бросились впередъ, не думая о своихъ раненыхъ и мертвыхъ. Но лошади путались въ колючкахъ, бились среди непролазныхъ зарослей. А невидимый врагъ все поражалъ. Уже убито было нѣсколько князей, дворянъ, джигитовъ. Лошади, освобожденныя отъ убитыхъ и свалившихся на землю всадниковъ, какъ безумныя, кружились, ища своихъ мертвыхъ господъ и разстраивая ряды своихъ же мингрельцевъ. Стоны раненыхъ и умирающихъ, въ страшномъ диссонансѣ, сливались со ржаніемъ обезумѣвшихъ лошадей и проклятіями нападающихъ. Лѣвый флангъ мингрельцевъ, двигавшійся берегомъ моря, наткнулся на завалы, изъ-за которыхъ посыпался на него градъ пуль.

— О, дьяволы!—стиснувъ зубы, прохрипѣлъ князь Дадіанъ, обращаясь къ ближайшимъ начальникамъ ополченія.—Надо выждать пѣхотинцевъ: безъ пѣхоты намъ не взять заваловъ.

— Хоть бы они показались, шайтаны! — выругался другой князь.—Ни одного не видать, стрѣляютъ кусты да колючки.

— Подавайте отбой!—скомандовалъ Дадіанъ.—Подождемъ Горчакова и Абхазова.

Чья-то лошадь безъ всадника, подъ богатымъ чепракомъ съ золотыми кистями, неслась прямо на завалы. Золотыя кисти чепрака были въ крови. Лошадь жалобно ржала, точно маленькій жеребенокъ, потерявшій мать. Ее встрѣтила пуля изъ-за завала. Бѣдное животное дрогнуло, растерянно оглянулось, и съ какимъ-то неестественнымъ визгомъ, почти съ дѣтскимъ плачемъ, ринулось впередъ и упало на переднія ноги, словно кланяясь своимъ убійцамъ.

— О, подлецы!—погрозилъ обнаженной саблей Дадіанъ.—Убивать невинное животное!

Между тѣмъ, подбирая убитыхъ и раненыхъ, мингрельцы отступали, выходя изъ пространства непріятельскихъ выстрѣловъ. Море, какъ бы разбуженное и разсерженное выстрѣлами, къ вечеру стало бушевать, посылая на берегъ ударъ за ударомъ. Лѣсъ

вторилъ морю, глухо шумя гибкими вершинами и оголенными отъ листьевъ вѣтвями. Въ порывахъ юго-восточнаго вѣтра доносилось до слуха что-то вродѣ далекой пѣсни.

— Это бѣлевцы поютъ, — сказалъ Дадіанъ, прислушиваясь.—Горчаковъ въ походѣ всегда развлекаетъ и подбодряетъ своихъ солдатъ пѣсенниками. Я и пѣсню ихъ узнаю:

Они бились, рубились четырнадцать часовъ,
На пятнадцатомъ часу стали тѣла разбирать...

— И отлично,—замѣтилъ другой князь,—мы сегодня же къ ночи покончимъ съ подлецами.

Отдавъ кой-какія приказанія, князь Дадіанъ, увѣренный, что непріятель до его возвращенія не рѣшится выйти изъ засады и сдѣлать открытое нападеніе, съ нѣсколькими джигитами поскакалъ навстрѣчу отряду князя Горчакова, чтобъ сообщить ему о своей неудачной попыткѣ выбить врага изъ засады.

Пѣніе слышалось все явственнѣе и явственнѣе.

— Ну, подлецы!—показалъ рукой на завалы одинъ молоденькій мингрельскій князь.—Только бы ихъ пѣніе не испугало. А то убѣгутъ мерзавцы.

— Нѣтъ, князь, изъ-за заваловъ не убѣгутъ, покуда ихъ оттуда штыками не выбьютъ,—замѣтилъ его дядька, старый нукеръ.—И то хорошо, что вѣтеръ поднялся.

— А что, старина?—спросилъ молодой князь.

— А какъ же, князюшка: отъ вѣтру лѣсъ шумитъ, море шумитъ, кусты шумятъ, шайтаны и не услышатъ, какъ русскіе стрѣлки, точно кошки къ мышамъ, подберутся къ нимъ по кустамъ да въ густой травѣ. Это не то, что мы на лошадяхъ: самая выгодная мишень для шайтановъ. Только бы ихъ выбить изъ колючекъ, а тамъ ужъ мы ихъ саблями искрошимъ, а въ завалахъ штыкъ свое дѣло сдѣлаетъ. У русскихъ есть даже пословица: пуля глупа, а штыкъ уменъ.

— Пуля дура, штыкъ молодецъ, старина!—засмѣялся молодой князь.

Въ это время, мимо разговаривающихъ проносили одного убитаго. Онъ лежалъ на буркѣ, какъ на носилкахъ. Блѣдное безъ кровинки лицо его обращено было къ небу.

— Князь Пайчадзе,—тихо сказалъ молодой князь, снимая папаху и набожно крестясь,— смерть героя!

— Я видѣлъ, какъ его бѣдная лошадь искала своего господина и жалобно ржала,—сказалъ старый пукеръ,—она неслась прямо на завалы, точно искала смерти.

— И нашла ее, я самъ видѣлъ,—добавилъ молодой князь,—такъ и поклонилась своимъ убійцамъ.

Въ это время медленно подходилъ отрядъ Горчакова.

XI.

Такъ какъ послѣдній переходъ былъ не великъ, и солдаты совсѣмъ не утомились, то Горчаковъ далъ имъ непродолжительный роздыхъ, чтобъ приготовиться къ атакѣ заваловъ Арсланъ-бея.

— Ну, что, старина? — обратился Горчаковъ къ старому Сукачу, обходя группы сидѣвшихъ и лежавшихъ солдатиковъ,—не утомился за дорогу?

Онъ любилъ разговаривать и шутить со старикомъ, зная, какое огромное вліяніе онъ имѣетъ на весь отрядъ. За Сукачемъ солдатики полѣзутъ въ огонь и въ воду, лишь бы не выдать «дядю».

— Какая утома, ваше сіятельство, — отвѣчалъ старикъ, — это все единственно, что по грибы ходить. Мы и Аршавъ-городъ брали да и то не уставали. А эти черкесишки—мухино отродье: только жужжатъ да по кустамъ хоронятся.

— Нѣтъ, вонъ какой каменный огородъ нагородили, — сказалъ князь, указывая на виднѣвшіеся издали завалы.

— Мы живой рукой разгородимъ.

— Спасибо, спасибо: съ такими молодцами весело служить.

Послѣднія слова Горчакова привели въ восторгъ солдатиковъ: они имъ радовались, какъ дѣти, получившія по пряничку. Шутка ли, «съ нами служить!» Послѣ короткаго роздыха, отданъ былъ приказъ: на правомъ флангѣ стрѣлки должны выбить непріятеля изъ кустарниковъ и колючекъ, а потомъ преслѣдовать на открытомъ воздухѣ; центръ и лѣвый флангъ должны идти на завалы. Стрѣлки тотчасъ же разсыпались и, прикрываясь травой и посохшимъ бурьяномъ, котораго было достаточно, какъ кошки, поползли впередъ. Кое-гдѣ только видно было, какъ шевелилась трава, да тамъ и сямъ хрустѣлъ бурьянъ. Бѣлевцы

же и двѣ роты мингельскаго полка открыто пошли на завалы. Мало того, вспомнивъ, какъ онъ когда-то съ Суворовымъ бралъ «Аршавъ-городъ», Сукачевъ мигнулъ своему пріятелю, рябому запѣвалѣ Кудряшеву, и послѣдній выкрикнулъ: — «братцы, аршавскую! Поддержите!» И тотчасъ хоръ грянулъ на ходу:

Ахъ, на что было огородъ городить!
Ахъ, на что было капусту садить!

Вѣроятно, раздраженные этой дерзкой и обидной выходкой, засѣвшіе за завалами не выдержали пѣнія и, не давъ наступающимъ приблизиться на вѣрный выстрѣлъ, произвели залпъ слишкомъ поспѣшно и неудачно, почти никого не ранивъ. Этимъ воспользовались наступающіе и съ крикомъ «ура» стремительно бросились на завалы. Перескочить черезъ баррикады камней и бревенъ достаточно было нѣсколькихъ минутъ, и завалы были взяты. Началась штыковая работа, противъ которой горцы всегда безсильны. Слышно было звяканье шашекъ о ружейные стволы и штыки, да иногда возгласы: — «вотъ тебѣ!» — «на!» — а потомъ стоны и проклятія. Стрѣлки въ свою очередь овладѣвали кустарниками, и теперь конные мингрельцы съ Дадіаномъ, и горсть вѣрныхъ абхазцевъ, съ юнымъ Михаиломъ Шервашидзе во главѣ, ринулись на выбитыхъ изъ кустарниковъ и колючекъ черкесовъ.

Юный Шервашидзе былъ неузнаваемъ. Этотъ мальчикъ, не понимая опасности, не подозрѣвая, что играетъ со смертью, гикалъ своимъ еще невполнѣ сформировавшимся голосомъ, рубилъ направо и налѣво, топталъ конемъ. Приверженцы Арсланъ-бея не выдержали такого быстраго натиска и обратились въ бѣгство. Самъ онъ тоже бѣжалъ, не успѣвъ даже захватить съ собой тѣло убитаго около него юноши, его любимаго пажа. Мингрельцы, мстя за убитыхъ, при первомъ наступленіи, своихъ князей и джигитовъ, не щадили убѣгавшихъ. Еще солнце не успѣло погрузиться въ море, какъ бой уже кончился. Юный Шервашидзе съ лицомъ, покрытымъ потомъ, съ раскраснѣвшимися щеками и глазами, горѣвшими торжествомъ, подскакалъ къ старшему брату и преклонилъ предъ нимъ свою окровавленную шашку.

— Поздравляю съ первою и полною побѣдою владѣтеля Абхазіи! — торжественно произнесъ онъ.

Князь Димитрій, снявъ съ головы папаху, набожно перекрестился. По щекамъ его текли радостныя слезы. «Это Варино счастье»,—трепетало у него въ груди, — «это она вымолила побѣду». Подъѣхалъ Горчаковъ и горячо обнялъ младшаго Шервашидзе.

— Спасибо, мой мальчикъ! — растроганно сказалъ онъ.— Вы сражались, какъ герой... Считайте за мною Георгія, вы заслужили его.

Въ это время старый Сукачевъ, его рябой пріятель и двое другихъ солдатъ, скрестивъ ружья, на которыя наброшена была покинутая кѣмъ-то въ бою бурка, несли убитаго молодого офицера, князя Бебутова.

— Бѣдный Бебутовъ! — сказалъ, подъѣзжая къ носилкамъ, Горчаковъ. — Онъ тоже искалъ Георгія.

Князь Абхазовъ съ княземъ Дадіаномъ распоряжались уборкою убитыхъ и раненыхъ. Раненыхъ усердно, чтобъ успѣть до ночи, перевязывалъ молодой докторъ Булатъ-Алієвъ съ своими помощниками, а старенькій мингрельскій попикъ отпѣвалъ убитыхъ.

Подошли къ отпѣваемымъ Горчаковъ, и оба Шервашидзе, Дадіанъ, Абхазовъ.

— «Видя мя безгласна и бездыханна», — продолжалъ батюшка подъ умолкающій къ ночи ропотъ моря; а дымокъ кадильный все поднимался къ небу и таялъ. Димитрій Шервашидзе стоялъ на колѣняхъ и плакалъ тихими слезами... За него умерли эти мученики, за него и за Варю... Отпѣваніе кончилось. Пошли къ раненымъ. Въ это время, туда же подъѣхалъ кубанецъ Буркинъ, держа на рукахъ, словно ребенка, какого-то раненаго.

— Что это у тебя?—спросилъ Горчаковъ.

— Не знаю, что, ваше сіятельство, только оно пищитъ, — отвѣчалъ кубанецъ, слѣзая съ коня съ своею ношей.

На рукахъ у него оказался прелестный мальчикъ, на видъ лѣтъ двѣнадцати, съ роскошными золотистыми волосами, волною разметавшимися по плечамъ. На блѣдномъ личикѣ, казалось, лежала печать смерти. Богатая чуха, обшитая золотомъ, ярко-зеленые шальварцы съ позументами, крошечныя ножки въ красныхъ сафьянныхъ сапожкахъ съ изящными серебряными шпо-

рами, кинжалъ и шашка, обсыпанные бирюзой и изумрудами, все говорило о знатности и богатствѣ мальчика.

Вдругъ онъ открылъ глаза со слабымъ стономъ. Что это были за глаза! Большіе, какъ окна, и ясные, ясные, какъ у ребенка.

— Оно пищало что-то тамъ, звало все Арслана,—пояснилъ Буркинъ, кладя осторожно свою ношу на разостланную бурку.

Подошелъ докторъ. Его поразила красота раненаго.

— Бѣдный ребенокъ, — прошепталъ онъ, нагибаясь къ нему,—у него рана на правой сторонѣ груди.

Онъ быстро, но осторожно, даже нѣжно, сталъ разстегивать чуху, распустивъ совсѣмъ поясъ. Раненый опять открылъ глаза.

— Не надо, не надо! Дайте мнѣ умереть,—простоналъ онъ по-турецки.

— Ну, нѣтъ, мой мальчикъ, ты такой молоденькій и такой хорошенькій, тебя надо спасти,—говорилъ докторъ, раскрывая грудь раненаго, и вдругъ остолбенѣлъ.

— Да это не мальчикъ,—пробормоталъ онъ растерянно,—это дѣвочка... женщина...

Изъ-за раскрытой чухи и бѣлой тонкой сорочки глянули женскія груди... Всѣ были поражены и стояли въ изумленіи. Нѣсколько выше и правѣе праваго соска видна была трехгранная штыковая рана, изъ которой сочилась алая кровь. Руки у доктора дрожали, когда онъ съ помощью фельдшера перевязывалъ рану.

— Кажется, кость не повреждена,—тихо говорилъ онъ, какъ бы боясь разбудить потерявшую сознаніе раненую —штыкъ скользнулъ, это рана не смертельная.

— Но что за красота!—прошепталъ Горчаковъ.

— Да, поразительная,—согласился князь Абхазовъ.

Раненую перевязали и осторожно прикрыли ей грудь сорочкою и чухою. Въ это время подошелъ старый Сукачъ.

— А! Вонъ онъ гдѣ,—удивленно проворчалъ старикъ.—Этотъ чертенокъ чуть мнѣ голову не снесъ шашкой, да я вовремя его укололъ маленько... Ишь дьяволенокъ!

— Такъ это ты ее угостилъ, старина? — удивился Горчаковъ.—Маху далъ, дружище: вѣдь это дѣвочка.

— Какъ дѣвочка?—изумился ошеломленный старикъ.—А вѣдь, дьяволенокъ, чуть-чуть не зарубила меня... А теперь сомлѣла... Это, ваше сіятельство, должно быть, ихняя вѣдьма.

— Аллахъ-керимъ! Да вѣдь это Эсма-ханумъ! — раздался сзади чей-то возгласъ.

То былъ Урусъ Лаквари. Лицо его выражало крайній испугъ.—«Неужели убита?»—бормоталъ онъ растерянно.—«Ахъ, Эсма-ханумъ, Эсма-ханумъ!»

— Кто же она такая, эта Эсма-ханумъ?—спросилъ Горчаковъ.

— Ахъ, господинъ! Эсма-ханумъ — жена Арсланъ-бея, дочь Кучукъ-бея, что былъ въ Поти сердаремъ,—отвѣчалъ Лаквари,— я ее зналъ еще ребенкомъ...

— Такъ вотъ она, красавица Эсма-ханумъ,—съ удивленіемъ воскликнулъ младшій Шервашидзе,—дѣйствительно, красавица! Изъ-за нея погибла Дида, о которой и теперь всѣ въ Абхазіи вспоминаютъ.

Раненая открыла свои прелестные глаза и снова съ ужасомъ закрыла ихъ, чуть слышно шепча со стономъ:—«Арсланъ... Арсланъ»...

Доктору стало жаль этого прелестнаго существа.—Не отчаявайтесь, ханумъ,—сказалъ онъ по-турецки, нагибаясь къ личику раненой,—Арсланъ-бей живъ... Онъ удалился въ горы... Выздоравливайте поскорѣй, и мы васъ отправимъ къ нему...

При этихъ словахъ раненая открыла глаза и съ нѣжной благодарностью посмотрѣла на доктора.—«Аллахъ вознаградитъ васъ за вашу доброту»—чуть слышно прошептала она.

Всѣ были очарованы прекрасной турчанкой, и Горчаковъ просилъ доктора особенно позаботиться о ней. Булатъ-Аліева нечего было просить объ этомъ: красота паціентки сразу покорила его пылкое восточное сердце. Такимъ же нѣжнымъ чувствомъ къ ней воспламенился и младшій Шервашидзе. Онъ притащилъ откуда-то небольшую кожаную подушку и съ нѣжностью сестры милосердія подложилъ ее подъ голову прелестной плѣнницы.

— Почтительный племянничекъ такъ мило ухаживаетъ за хорошенькой тетенькой,—съ улыбкой замѣтилъ Горчаковъ, обращаясь къ старшему Шервашидзе,—трогательно видѣть такое теплое проявленіе родственныхъ чувствъ.

Это услышалъ Абхазовъ и засмѣялся. Димитрій же Шервашидзе мысленно сравнивалъ красоту этой турчанки съ красотою своей Вари и хотя находилъ, что красота первой просто ослѣп-

лясть, однако, сердце его отдавало предпочтеніе послѣдней. На горы и на море, между тѣмъ, спустилась ночь, и по всему берегу запылали костры. Это была роскошная иллюминація, зарево которой видно было даже въ Кодорѣ. Въ костры валили цѣлыя деревья и толстыя колоды, изъ которыхъ были устроены завалы. Горчаковъ велѣлъ сжечь ихъ, чтобъ и на будущее время непріятель не могъ пользоваться этимъ прикрытіемъ.

— Ну, какъ твои зубы?—лукаво спрашивалъ старый Сукачъ своего пріятеля, рябого Кудряшова, присаживаясь къ костру и закуривая свою носогрѣйку.

— Зубы какъ рукой сняло,—весело отвѣчалъ Кудряшъ,—и кобыльей головы не надо.

XII.

Ночь прошла почти безъ тревогъ. Хотя въ темнотѣ черкесы и абхазцы нѣсколько разъ пытались подкрасться къ спящему лагерю, однако, сторожевая цѣпь, очень плотная и часто мѣнявшаяся, зорко слѣдила за всѣмъ и чутко прислушивалась ко всякому подозрительному шороху. Притомъ же полная луна, обливая молочнымъ свѣтомъ всѣ предметы, помогала часовымъ видѣть малѣйшія измѣненія тѣней на далекое разстояніе.

Эсма-ханумъ, отъ которой почти не отходилъ влюбленный въ нее Булатъ-Аліевъ, послѣ пріема успокоительнаго лѣкарства, провела ночь довольно спокойно, и лихорадочное состояніе ея послѣ непродолжительнаго, но крѣпкаго сна, совершенно прошло. Это окончательно убѣдило доктора, что нанесенная ей рана была изъ легкихъ, и поселило въ немъ успокоительную увѣренность, что его паціентка скоро поправится. Къ ней также часто навѣдывался и Урусъ Лаквари, которому она даже видимо обрадовалась, когда, проснувшись, увидѣла его вмѣстѣ съ докторомъ.

— Я очень радъ, что вамъ значительно лучше, милая ханумъ,—сказалъ Булатъ-Аліевъ, щупая пульсъ своей больной собственно только для того, чтобы прикоснуться къ ея ручкѣ.—И будьте покойны, ханумъ, васъ никто у русскихъ не обидитъ: они не только съ ранеными, но и съ военнопленными обращаются великодушно. А съ вами, какъ съ женщиной, будутъ обращаться особенно предупредительно.

— Я не боюсь русскихъ,—отвѣчала Эсма-ханумъ,—они такіе добрые; они разъ спасли меня даже отъ смерти.

— Когда это было?—спросилъ докторъ.

— Это было давно... Я обречена была на явную смерть утонуть въ морѣ, и русскіе спасли меня.

И она разсказала извѣстное уже намъ приключеніе, когда ревнивая Дида хотѣла утопить ее.

Скоро, съ восходомъ солнца, какъ русскія, такъ и мингрельскія войска двинулись къ Кодору. Эсма-ханумъ и другихъ раненыхъ удобно уложили по арбамъ, запряженнымъ буйволами. Такъ какъ всѣ власти утромъ приходили освѣдомляться о здоровьѣ жены Арсланъ-бея, и въ особенности увивался около нея младшій Шервашидзе, то Урусъ Лаквари, съ цѣлью ли угодить брату владѣтеля Абхазіи, или по личному побужденію, вызвался самъ управлять арбою, на которую уложили молоденькую турчанку.

Русскій отрядъ и на этотъ разъ подвигался къ Кодору предшествуемый пѣсенниками, которые молодецки отхватывали любимую полковую пѣсню:

Какъ не пыль въ полѣ пылитъ, не добровушка шумитъ,—
Пруссакъ съ арміей валитъ...

Еще наканунѣ княгиня Тамара узнала, что недалеко отъ Кодора произошло сраженіе, что русскіе разбили скопища Арсланъ-бея и что съ отрядомъ русскихъ идетъ ея сынъ Димитрій. Можно себѣ представить тревогу и радость матери. Наканунѣ, когда она только что узнала о завязавшейся битвѣ, она все время не вставала съ колѣнъ: она молилась за сыновей, и въ особенности за старшаго. Потомъ княгиня узнала, что Арсланъ-бей разбитъ, и снова молилась и плакала благодарными слезами. Такъ она и не спала всю ночь. Теперь, стоя на башнѣ, словно Ярославна на городской стѣнѣ въ Путивлѣ, она слышала уже долетавшее до нея пѣніе; различала даже слова...

Понятно, что глаза ея не отрывались отъ приближавшихся къ Кодору отрядовъ. Она не слыхала даже, какъ на башнѣ за нею очутился старый нукеръ, учившій когда-то верховой ѣздѣ ея первенца Димитрія. Въ приближающихся массахъ она жадно искала глазами именно этого первенца. Но какъ отличить его

среди другихъ? Тутъ даже и материнское сердце не подскажетъ. Да и глаза она выплакала за всѣ эти тяжелые годы.

— Матушка княгиня! Я вижу его... Вонъ онъ, вонъ онъ!— вдругъ воскликнулъ старый пукеръ такъ, что Тамара отъ неожиданности вздрогнула.

— Гдѣ? Гдѣ?—заволновалась она.—Покажи!.. О, Господи!

— Вонъ рядомъ съ княземъ Михаиломъ... эполеты блестятъ на солнцѣ... Какой красавецъ!

— О, Господи, Господи! И я не смѣю его обнять!—залилась слезами княгиня.—Бѣги, бѣги сейчасъ, Галибушка, и скажи ему, чтобы онъ не входилъ ко мнѣ... Скажи ему, я дала страшную клятву на крестѣ и Евангеліи не принимать его, не сноситься съ русскими и съ нимъ... Бѣги, бѣги!..

Галибъ спѣшилъ исполнить приказаніе своей госпожи. Онъ выбѣжалъ навстрѣчу своимъ, приближавшимся вмѣстѣ съ Горчаковымъ и Абхазовымъ, молодымъ господамъ и, подойдя къ Димитрію, прильнулъ губами къ его стремени.

— Что это? Что это?—удивился князь.

— Да это нашъ Галибъ, — засмѣялся младшій Шервашидзе.—Онъ отъ радости съ ума сошелъ. Развѣ ты не узналъ старину?

Галибъ, между тѣмъ, выпрямился. Глаза его блестѣли воодушевленіемъ и радостью.

— Батюшка князь! Ваша свѣтлость!—началъ онъ прерывающимся голосомъ.—Матушка княгиня... вонъ она тамъ на башнѣ... приказала сказать тебѣ, чтобы ты не ходилъ къ ней... Она на крестѣ и Евангеліи поклялась страшною клятвой...

— Знаю, знаю, милый Галибъ, — перебилъ его князь Димитрій.

— Не бойся, старина,—улыбнулся Горчаковъ,—у насъ есть тоже Евангеліе и крестъ есть, и священникъ, которому дана власть разрѣшать отъ клятвы... Попросите сюда батюшку съ крестомъ и Евангеліемъ,—обратился онъ къ своему адъютанту.— А ты, старина, поди доложи отъ меня ея свѣтлости, княгинѣ Тамарѣ, что я, князь Горчаковъ, по повелѣнію государя императора, посланъ сюда съ войскомъ, чтобы ввести полковника князя Димитрія Георгіевича Шервашидзе, ея старшаго сына, во владѣніе наслѣдіемъ его предковъ, Абхазіею. Доложи княгинѣ, что

пока не снята съ нея клятва, ни сынъ ея, князь Димитрій, и никто изъ русскихъ не будутъ къ ней допущены. Пусть будетъ покойна, мы ея присяги не нарушимъ. Но она должна принять только служителя церкви, нашего полкового священника, и онъ совершитъ обрядъ разрѣшенія клятвы.—Ступай, старина.

Галибъ ушелъ. Скоро явился и священникъ въ сопровожденіи стараго унтеръ-офицера, замѣнявшаго дьячка, который держалъ въ рукахъ узелъ съ крестомъ и Евангеліемъ и священническимъ облаченіемъ.

— Батюшка,—сказалъ Горчаковъ,—потрудитесь пройти во дворецъ ея свѣтлости, княгини Тамары, и совершите надъ нею обрядъ разрѣшенія ея отъ клятвы, данной ею, по принужденію отцеубійцы и злодѣя Арсланъ-бея, относительно того, что она никогда не должна входить въ сношенія съ русскими, а слѣдовательно и съ сыномъ своимъ, княземъ Димитріемъ Георгіевичемъ. Поняли, батюшка?

— Понялъ, ваше сіятельство.

— Такъ идите же. Мы будемъ ждать вашего возвращенія.

Княгиня встрѣтила священника сильно взволнованная. Батюшка, помолившись на образъ Спасителя, висѣвшій въ переднемъ углу небольшой залы, и поклонившись молча хозяйкѣ, попросилъ ее приказать принести воды для омовенія рукъ предъ облаченіемъ. Княгиня, боясь произнести слово, чтобы не нарушить клятву, знакомъ приказала стоявшему у двери Галибу исполнить требованіе священника. Унтеръ-офицеръ, между тѣмъ, развязалъ узелъ и, вынувъ оттуда распятіе, Евангеліе и священническое облаченіе, разложилъ все это на столѣ, стоявшемъ у окна. Воротился и Галибъ съ серебрянымъ рукомойникомъ, тазомъ и полотенцемъ. Тазъ взялъ унтеръ-офицеръ и держалъ, пока Галибъ обливалъ водой морщинистыя и поросшія волосами руки батюшки. Тогда послѣдній началъ облачаться согласно церковному уставу. Сначала унтеръ-офицеръ подалъ ему епитрахиль. Надѣвая ее на себя, священникъ тихонько читалъ 2-й стихъ псалма CXXXII: «Яко муро на главѣ, сходящее на браду, браду Ааронову, сходящее на ометы одежды его». Затѣмъ ему подали поручи, поясъ и фелонь. Надѣвая послѣднюю, священникъ снова читалъ, положенный по уставу, стихъ псалма CXXXI: «Священницы твои облекутся правдою и преподобніи твои возра-

дуются». Послѣ этого онъ вновь умылъ руки, читая шопотомъ изъ псалма XXV: «Умыю въ неповинныхъ руцѣ мои и обыду жертвенникъ твой, Господи». Окончивъ омовеніе рукъ, священникъ подошелъ къ стоявшей въ благоговѣніи княгинѣ, накрылъ ея наклоненную голову епитрахилью и, взявъ отъ служителя Евангеліе, сталъ читать разрѣшительную молитву, по окончаніи которой осѣнилъ трепещущую Тамару крестомъ, велѣлъ ей приложиться къ распятію и къ Евангелію и сказалъ:—«Господь разрѣшилъ васъ отъ клятвы вынужденной, нѣтъ болѣе на васъ клятвы».

Княгиня плакала. Плакалъ и Галибъ. Когда священникъ простился съ княгиней, она, наскоро утеревъ слезы и стараясь побѣдить охватившее ее волненіе, съ какою-то робостью пошла навстрѣчу къ тому, котораго столько лѣтъ ждала напрасно. Онъ тоже шелъ къ ней навстрѣчу впереди всѣхъ. При видѣ сына, котораго она иначе не могла себѣ представить, какъ въ видѣ семивосьмилѣтняго ребенка, котораго она болѣе одиннадцати лѣтъ тому назадъ держала въ своихъ объятіяхъ, она окончательно оробѣла. Къ ней приближался высокій, красивый офицеръ мужественной наружности, съ блестящими «жирными» эполетами. Это не онъ, не тотъ ея милый мальчикъ, а совершенно другой, точно совсѣмъ посторонній! Какъ этого новаго, посторонняго мужчину прижать къ груди, обнимать, цѣловать? Въ ней, казалось, пробудилась женская стыдливость: исчезла мать, осталась только женщина. Ну, какъ обнять вонъ того, такого важнаго, что впереди всѣхъ? То князь Горчаковъ. Какъ обнять его, броситься къ нему на шею? Какъ броситься въ объятія и къ этому мужчинѣ, который, говорятъ, да она и сама это знаетъ,—ея сынъ! Вся иллюзія ожиданія пропала... Но онъ самъ обнялъ ее... «Матушка!.. Мама дорогая!..»

Да, это онъ, ея сынъ... только не тотъ, а совершенно новый... И она не смѣетъ ласкать его такъ, какъ тогда ласкала... То былъ не мужчина, а только сынъ, и она тогда была не женщина, а только мать... Даже сказать ему: «Митя» какъ-то неловко... Кое-какъ она, однако, побѣдила свое волненіе, но свиданіе вышло какое-то холодное, офиціальное. Не того она ожидала болѣе одиннадцати лѣтъ. Также церемонно она поздоровалась съ Гор-

чаковымъ, Дадіаномъ, Абхазовымъ и другими офицерами и пригласила всѣхъ къ себѣ въ домъ: «сдѣлать ей честь, закусить, чѣмъ Богъ послалъ».

— Послушай, старушка божья, — обратился съ лукавой улыбкой къ княгинѣ ея младшій сынъ Михаилъ, поймавъ ее, когда она отдавала Галибу и другимъ слугамъ приказанія относительно угощенія Горчакова и другихъ,—вѣдь ты маху дала.

Избалованный матерью любимецъ, юный князь Михаилъ въ шутку называлъ княгиню то «старухой», то «старушкой божьею».

— Какого маху?—спросила княгиня.

— Да ты не догадалась пригласить почетную нашу гостью.

— Гостью?—удивилась Тамара.—Какую это?

— А владѣтельницу Абхазіи,—продолжалъ улыбаться Михаилъ.

— Да что ты за вздоръ мелешь, повѣса?

— Ахъ, старуха! Вовсе не вздоръ. Кто до сихъ поръ владѣлъ Абхазіею и даже тобою?.. Я не говорю: обладалъ тобою, а просто владѣлъ, заперъ тебя въ Кодорѣ да еще и присягнуть заставилъ, кто?

— Ну, Арсланъ, разбойникъ, злодѣй, отцеубійца...

— То-то же... Онъ еще и по сіе время владѣтель Абхазіи, хоть мы вчера его и поколотили. А жена его, значитъ, владѣтельница.

— Такъ что жъ изъ этого?

— Ахъ, старуха, старуха! Да ты ее-то и не пригласила.

Княгиня махнула рукой и хотѣла уйти отъ повѣсы, но тотъ удержалъ ее за руку.

— Да ты пойми, старушка божья, вѣдь она, его жена, прелестная Эсма-ханумъ, у насъ... Мы ее веземъ съ собой... Я сейчасъ къ ней бѣгалъ любоваться ея глазками: вѣдь она мнѣ тетенька, а тебѣ—свояченица, что ли, или золовка.

— Да ты что это говоришь, Миша? Дурачишь меня?

— Нѣтъ, ваше свѣтлость, я говорю серьезно: вчера мы ее, раненую, взяли въ плѣнъ, и теперь она у насъ въ обозѣ. Вотъ ее-то вы и не пригласили закусить чѣмъ Богъ послалъ.

XIII.

Когда княгиня Тамара убѣдилась, что сынъ ея говоритъ серьезно, она пришла въ крайнее смущеніе. Кто бы ни была Эсма ханумъ, но она—почетная особа, хоть и жена злодѣя и отцеубійцы; она не отвѣтчица за преступленія мужа. Кромѣ того, она изъ знатнаго рода, дочь турецкаго сановника, и ее нельзя держать въ обозѣ вмѣстѣ съ солдатами. Ей, княгинѣ Тамарѣ, подсказывало это ея женское чувство. Она видѣла эту молоденькую, хорошенькую женщину, болѣе похожую на дѣвочку, съ огромными глазами. Она, Эсма-ханумъ, была съ мужемъ въ Кодорѣ, когда Арсланъ-бей принудилъ Тамару дать ему ту возмутительную клятву. Княгиня вышла къ гостямъ, еще не оправившись отъ смущенія.

— Извините, князь, — сказала она, обращаясь къ Горчакову,—я узнала отъ сына, что у васъ въ обозѣ находится раненая жена Арсланъ-бея.

— Мнѣ сейчасъ доложили, княгиня, что Эсма-ханумъ почти совсѣмъ оправилась отъ раны, — отвѣчалъ Горчаковъ, — рана была легкая, и мнѣ кажется, что обозъ—не ея мѣсто.

— И я такъ думаю, князь,—согласилась Тамара.

— Мы всѣ въ ней приняли сердечное участіе,—продолжалъ Горчаковъ.—Согласитесь, княгиня, что молоденькое существо заслуживаетъ участія: изъ любви къ мужу эта почти дѣвочка не отходила отъ него даже въ разгарѣ битвы и ранена. Мы должны ее пожалѣть.

— Такъ я пойду приведу ее сюда,—поторопился младшій Шервашидзе, не думавшій, чтобы его заступничество за красавицу увѣнчалось такимъ блестящимъ успѣхомъ.—Хоть она нѣсколько слаба еще, но ходить можетъ.

И, не ожидая согласія матери, онъ тотчасъ же побѣжалъ исполнять свое сердечное желаніе. Князь Горчаковъ улыбнулся.

— Вашъ младшій сынъ, княгиня, очень скоръ на рѣшенія,—сказалъ онъ;—вчера рѣшилъ быть героемъ и сдѣлался таковымъ. Позвольте, княгиня, отъ души поздравить васъ,—продолжалъ онъ,—князь Михаилъ показалъ вчера на дѣлѣ чудеса храбрости и недаромъ заслужилъ Георгія.

— Да,—подтвердилъ князь Димитрій.—Миша просто по-

разилъ меня отчаянной храбростью: я не ожидалъ этого отъ такого мальчика.

— О, Миша у меня головорѣзъ,—улыбнулась княгиня,—весь въ дѣдушку Келешъ-бека.

Абхазовъ и Дадіанъ съ своей стороны говорили, что юный князь беззавѣтно храбръ и никого не хотѣлъ слушать, когда его останавливали и совѣтовали быть осторожнѣе.

— На всѣ наши уговоры,—добавилъ Дадіанъ,—князь Михаилъ отвѣчалъ: «не мѣшайте мнѣ поцѣловать милаго дядюшку саблей», и все рвался туда, гдѣ виднѣлся Арсланъ-бей съ своими братьями Баталъ-беемъ и Таяръ-беемъ.

Въ это время воротился самъ юный герой. Онъ былъ видимо сконфуженъ.

—Она не идетъ, не рѣшается, какъ я ни упрашивалъ ее,—сказалъ онъ.—Говоритъ, что «вашей матушкѣ будетъ непріятно меня видѣть»... Такая упрямая!

— Кто тамъ съ нею?—спросила княгиня.

— Только докторъ Булатъ-Аліевъ да Урусъ Лаквари.

— Придется, вѣрно, мнѣ самой идти къ ней,—сказала княгиня.—Кстати и доктора надо пригласить, и священника... А у меня изъ головы вонъ батюшка... Я такъ растерялась отъ всего этого.

— Отлично! Якши!—обрадовался младшій Шервашидзе.—Пойдемъ вмѣстѣ за тетенькой... Да докторъ говоритъ, что ей нужно перемѣнить сорочку, ея сорочка запачкана кровью, а у него въ походномъ лазаретѣ, говоритъ, только нѣсколько грубыхъ солдатскихъ рубахъ... Возьми съ собой чистую сорочку и служанку, чтобъ переодѣть тетеньку; а я захвачу свою хорошенькую чуху, что мнѣ тогда подарила тетя Нина... Она совсѣмъ новенькая, я не носилъ ея, она мнѣ была мала, а Эсма-ханумъ будетъ какъ разъ впору... ну, живѣй, старуха!

Всѣ невольно разсмѣялись, видя, какъ избалованный повѣса помыкаетъ матерью, которая ему во всемъ повиновалась.

— Однако, ты командуешь-таки матерью,—замѣтилъ старшій Шервашидзе.

— Что жъ! Ты будешь командовать всей Абхазіей, а я хоть своей старухой,—отрѣзалъ младшій.

Все было исполнено такъ, какъ предначерталъ избалованный

юноша. Черезъ полчаса воротилась княгиня Тамара вмѣстѣ съ Эсма-ханумъ. Ихъ сопровождали священникъ, докторъ Булатъ-Алiевъ и Михаилъ Шервашидзе. Эсма-ханумъ была нѣсколько блѣдна отъ потери крови; но это придавало ея красотѣ какую-то обаятельную томность, и глаза ея, «большiе, какъ окна въ рай», по выраженiю Арсланъ-бея, казались еще больше и еще прелестнѣе. Докторъ говорилъ, что, судя по ничтожному количеству потерянной крови, рана ея была самая пустая, просто царапина отъ штыка, а что если она вчера потеряла сознанiе при полученiи раны, то единственно отъ испуга и волненiя, и что женскiй обморокъ—явленiе болѣе психическое.

Галибъ доложилъ, что кушанья поданы, и княгиня пригласила всѣхъ въ столовую. Младшiй ея сынъ подошелъ къ Эсма-ханумъ и предложилъ ей руку, чтобы вести къ столу. Эсма-ханумъ при этомъ вспомнила что-то очень далекое... Да, это было тамъ, въ открытомъ морѣ. Она тонула, отчаянно цѣпляясь за багоръ, ея послѣднюю надежду, а злобная Дида, удаляясь отъ нея на своемъ канкѣ, смѣялась злораднымъ смѣхомъ... И тогда спасли ее чужiе люди, русскiе моряки. Она на кораблѣ... Капитанъ и всѣ офицеры такъ съ нею ласковы, предупредительны... Ее ведутъ къ столу; капитанъ подаетъ ей свою руку, какъ вотъ теперь этотъ юный князь Михаилъ, родственникъ ея мужа... Тогда русскiе спасли ее отъ смерти и возвратили Арсланъ-бею... Можетъ быть, и теперь возвратятъ... А могли бы убить ее вчера... Тотъ страшный, старый солдатъ со штыкомъ... Что-то кольнуло ее въ бокъ, и она потеряла сознанiе, потеряла и Арслана... Зачѣмъ же онъ не спасъ ея, когда самъ остался живъ? Неужели разлюбилъ? Неужели бѣжалъ отъ своей «гурiи», отъ своей «пери»? Не можетъ быть!

Около нея все происходило точно въ туманѣ. Что-то говорили, стучали ножами и вилками... Князь Михаилъ клалъ ей на тарелку кушанья, говорилъ что-то, ласково глядѣлъ ей въ глаза... А передъ нею все какой-то туманъ... въ головѣ туманъ... Развѣ опять обморокъ? Но у нея ничто не болитъ. Она даже не чувствуетъ, что у нея на боку рана.

Когда встали изъ-за стола, княгиня отвела Эсма-ханумъ въ особую комнату, рядомъ съ своей спальней, и велѣла одной изъ довѣренныхъ женщинъ ходить за ней, пока сама княгиня будетъ

занята приготовленіями къ выѣзду изъ Кодора. Здѣсь она уже не могла оставаться и должна была вмѣстѣ съ сыновьями слѣдовать за войскомъ. Предстояло еще взять Сухумъ-Кале и Соукеу и тогда уже ввести князя Димитрія во владѣніе Абхазіею.

Княгинѣ нужно было собрать и взять съ собою фамильное серебро и другія драгоцѣнности, какихъ не успѣлъ захватить Арсланъ-бей. Хлопотъ предстояло довольно, а между тѣмъ Горчаковъ торопилъ выступленіемъ изъ Кодора, чтобъ Арсланъ-бей не успѣлъ укрѣпиться въ Сухумѣ и вызвать туда турецкую эскадру. Между тѣмъ, у Горчакова не было въ распоряженіи ни одного военнаго судна и за свирѣпствовавшими въ это время года бурями на Черномъ морѣ, нельзя было и думать о вызовѣ флотиліи и десанта изъ Крыма.

Занятая этими сборами, княгиня почти не видѣла своего старшаго сына, который постоянно находился около отряда, гдѣ его присутствіе было теперь положительно необходимо. Вѣсть о пораженіи Арсланъ-бея быстро разнеслась по всей Абхазіи, и многіе князья и дворяне, которые не принимали участія въ борьбѣ двухъ партій за владычество въ странѣ, теперь спѣшили къ Кодору, чтобъ поздравить князя Димитрія съ возвращеніемъ на родину и заявить ему свою преданность. Даже нѣкоторые изъ тѣхъ, которые еще вчера находились въ рядахъ ополченія Арсланъ-бея и сражались съ русскимъ отрядомъ и мингрельскимъ ополченіемъ, спѣшили присоединиться къ побѣдителямъ. Князь Димитрій всѣхъ принималъ ласково, радушно, хотя не могъ не чувствовать при этомъ какой-то неловкости. Воспитанный въ Петербургѣ, онъ отвыкъ отъ мѣстныхъ обычаевъ, отъ мѣстнаго обхожденія, и самъ себѣ казался чужимъ среди своихъ князей и дворянъ.

Между тѣмъ, князь Михаилъ почти постоянно вертѣлся во дворцѣ: то онъ мѣшалъ матери въ ея распоряженіяхъ, во все вмѣшиваясь и все путая, то сбивалъ съ толку прислугу, отдавая нелѣпыя приказанія и тотчасъ же отмѣняя ихъ. Въ сущности же эти сборы вовсе не занимали его. Были бы готовы его лошади, его любимое вооруженіе, а до остального ему не было дѣла, хоть трава не расти. Но во дворецъ его притягивалъ магнитъ: въ одной изъ его комнатъ находилась очаровательная «тетенька». Поэтому онъ то и дѣло таскалъ съ собой доктора, чтобъ подъ

его прикрытіемъ проскользнуть въ комнату тетеньки навѣдаться о ея драгоцѣнномъ здоровьѣ. Молодой докторъ и самъ былъ радъ придраться къ случаю пощупать пульсъ своей чаровницы и посмотрѣть, какъ идетъ исцѣленіе раны на такомъ интересномъ мѣстѣ... ниже границы допускаемаго на балахъ декольтэ... Часто навѣдывался во дворецъ и Урусъ Лаквари, который, какъ довѣренное лицо князя Димитрія, имѣлъ всюду свободный доступъ, даже въ комнату Эсма-ханумъ. Однажды онъ явился къ ней, когда около нея никого не было.

— Ну, что, Урусъ, узналъ ты что-нибудь? — тихо спросила она.

— Господинъ твой здоровъ, ханумъ, благодареніе Аллаху,— отвѣчалъ абхазецъ.—Онъ радъ, что ханумъ, слава Аллаху, жива; а ужъ онъ отчаялся, что тебя и въ живыхъ нѣтъ. А все хитрый Тутшугъ...

— Какъ! Отецъ Диды?

— Да, ханумъ: онъ ненавидитъ тебя за смерть своей Диды... Я все узналъ... Я видѣлъ самого господина. Я сегодня ночью тайкомъ пробрался къ нему въ горы! Онъ говоритъ, что, когда русскіе ворвались на завалы и стали колоть всѣхъ, а тебя, ханумъ, оттѣснили отъ господина, и когда наши дрогнули и начали отступать, то Тутшугъ сказалъ господину, что тебя, ханумъ, старый русскій солдатъ закололъ штыкомъ до смерти и казакъ утащилъ твое тѣло къ генералу, чтобъ показать ему тебя и получить за это крестъ... Казаки—очень коварные люди.

— Что жъ, Тутшугъ только ошибся,—возразила Эсма-ханумъ,—онъ, вѣроятно, видѣлъ, какъ старый солдатъ ударилъ меня штыкомъ, и я упала! Онъ и подумалъ, что я убита. А потомъ видѣлъ, какъ казакъ меня поднялъ и увезъ къ русскимъ. Я и сама это узнала только на другой день, когда успокоилась немного. Тутшугъ не солгалъ, онъ вѣрный слуга. А Дида сама зарѣзалась отъ стыда и горя. Что жъ еще говорилъ тебѣ мой мужъ?—спросила она.

— Говоритъ, ханумъ, что поклялся бородой пророка, да будетъ славно во вѣки его имя! отнять тебя у урусовъ.

— А много у него войска? Черкесы съ нимъ?

— Съ нимъ, ханумъ; у него войска больше, чѣмъ у урусовъ.

— А князь Михаилъ хвастался мнѣ, что уже вчера многіе наши князья и дворяне передались на сторону его брата.

— Это передались трусы, ханумъ, а Баталъ-бей, Ростомъ-бей, Таяръ-бей и лучшіе князья, всѣ остались вѣрны моему господину, да хранитъ его Аллахъ! Онъ не допуститъ урусовъ до Сухумъ-Кале. Бабѣ не владѣть Абхазіей!

— Это Тамарѣ?

— Нѣтъ, бабѣ Димитрію. Я давно знаю, что онъ баба. Я его еще въ Петербургѣ раскусилъ и выплюнулъ. Онъ только и зналъ тамъ плясать. Его околдовала тамъ одна дѣвчонка, онъ не женится на абхазкѣ.

— Да? Ты это вѣрно знаешь, Урусъ?—заинтересовалась Эсма, сгорая женскимъ любопытствомъ. — Кто она? Хороша собой?

— Она княжна Гагарина, бѣлобрысая, какъ тамошнія ночи; на лошади ѣздитъ не верхомъ, а на подушкѣ съ крючкомъ спереди, и свѣшиваетъ обѣ ноги на одну сторону; а вмѣсто шальваръ на ней длинный черный хвостъ, который волочится по землѣ, и, еслибъ она не придерживала его рукой, то его весь оборвали бы на улицѣ.

Теперь Эсма-ханумъ поняла, почему старшій Шервашидзе не обращалъ на нее никакого вниманія, тогда какъ этотъ мальчишка, младшій, былъ отъ нея безъ ума. Она это очень хороша видѣла, благодаря свойственной женщинамъ наблюдательности. Докторъ также таялъ около нея. Да и всѣ они, и Горчаковъ, и Абхазовъ, и Дадіанъ, и всѣ мужчины—дураки и къ смазливому личику льнутъ, какъ осы къ меду.

Въ это время въ комнату вошла прислужница, и разговоръ прекратился.

XIV.

Когда всѣ приготовленія къ отъѣзду были кончены, молодой повелитель Абхазіи во главѣ русскихъ и мингрельскихъ войскъ выступилъ къ Сухуму. На этотъ разъ его сопровождала мать со штатомъ придворныхъ служительницъ и пукеровъ. Эсма-ханумъ, совсѣмъ оправившаяся отъ раны, вмѣстѣ съ прочими, также слѣдовала въ обозѣ. Арбы, на которыхъ размѣщены были женщины

и имущество дома Шервашидзе, были окружены особой охраной и слѣдовали въ центрѣ войскъ. Хотя разстояніе до Сухума было очень незначительно, однако, и на этомъ разстояніи могли быть устроены засады, и потому войска двигались съ крайней осторожностью. И въ авангардѣ, и на правомъ флангѣ, со стороны горъ, и въ арьергардѣ размѣщены были непрерывной цѣпью егеря и казаки.

Войска, отдохнувшія въ Кодорѣ, шли бодро и весело, предвидя скорое окончаніе похода. Князь Горчаковъ и Димитрій Шервашидзе ѣхали постоянно рядомъ, разговаривая и вспоминая общихъ петербургскихъ знакомыхъ. Горчаковъ, между прочимъ, вспомнилъ Гагариныхъ.

— Вы бывали у нихъ?—спросилъ онъ князя Димитрія.

Тотъ сильно покраснѣлъ, но скоро овладѣлъ собой.

— Да, я у нихъ былъ хорошо принятъ,—отвѣчалъ онъ,—очень милое семейство.

— У нихъ растетъ красавица дочка,—сказалъ Горчаковъ.—Забылъ, какъ зовутъ. Вѣроятно, теперь уже большая.

— Вы говорите, должно быть, о княжнѣ Варварѣ Павловнѣ,—отвѣчалъ молодой владѣтель Абхазіи не совсѣмъ твердымъ голосомъ.—Ей уже пятнадцатый годъ, и она смотритъ совсѣмъ взрослой.

— Очень хороша? Да?

— Да, хорошенькая,—неохотно отвѣчалъ князь Димитрій.

— Я ее ужасно любилъ дразнить, — продолжалъ Горчаковъ,—Я увѣрялъ ее, что она, когда вырастетъ, должна будетъ выйти замужъ или за меня, или за молодого Голицына.

Имя Голицына такъ и передернуло молодого абхазца.

— Почему за Голицына?—спросилъ онъ.

— А вотъ почему: ее учили вышивать свой вензель на носовомъ платкѣ. Я подсѣлъ къ ней и спрашиваю: ты что это, маленькій варваръ, вышиваешь?—Свой вензель, говоритъ, букву Г.—Ну, говорю, быть тебѣ замужемъ за мной или за Голицынымъ.—Почему?—спрашиваетъ.—А потому, говорю, у какой дѣвицы какая буква въ вензелѣ, за такую букву она и выдетъ, значитъ за Г., т. е. за меня или за Голицына?—спрашиваю.—За Голицына пойду, у него попугай хорошо говоритъ...—Прелестная дѣвочка!

Этотъ пустой разговоръ, однако, ножомъ рѣзалъ сердце влюбленнаго абхазца. Голицынъ стоялъ у него на дорогѣ. Хотя, покидая Петербургъ, князь Дмитрій былъ увѣренъ, что Варя любитъ его: онъ видѣлъ, какъ плакала она, прощаясь съ нимъ; она обѣщала, что, просыпаясь утромъ и ложась въ постель на ночь, она каждый день будетъ крестить его по направленію къ Абхазіи; мало того, онъ указалъ ей на картѣ и Сухумъ-Кале, и устье рѣки Кодора, и приблизительно то мѣсто, гдѣ находился аулъ Соукеу, чтобъ въ эти мѣста она посылала ему свое благословеніе и «вздохи своего сердца», какъ она выразилась; однако, въ его отсутствіе, все могло случиться, и тотъ шаркунъ Голицынъ могъ вытѣснить его изъ сердца любимой дѣвушки. Она станетъ скучать... Они съ Голицынымъ будутъ вмѣстѣ кататься, вмѣстѣ отыскивать незабудки, ландыши, вмѣстѣ сидѣть на той ихъ скамейкѣ, на берегу тихой Славянки... А теперь, въ ноябрѣ, они на балахъ танцуютъ вмѣстѣ, онъ обхватываетъ ея нѣжный станъ, прижимаетъ къ себѣ... А мнимый женихъ сидитъ въ этихъ проклятыхъ горахъ!..

А между тѣмъ, съ праваго фланга несется залихватская пѣсня кубанцевъ. Особенно выдѣляются нелѣпыя, но для кубанцевъ полныя поэзіи и отваги, слова въ голосѣ Буркина:

Какъ стояли въ Усть-Лабункѣ,
Пили водку, ѣли булки:—
Ой, ну те, молодцы!
Вы, храбрые кубанцы!
Пили водку, ѣли булки:—
Ѣдетъ Коцарь *) въ черной буркѣ...
Ой, ну те, молодцы!
Вы, храбрые кубанцы!

Это пѣніе раздражало Шервашидзе, ревность котораго разбередило напоминаніе Горчакова о Голицынѣ. Ему было не до пѣнія. Мысли его вмѣстѣ съ сердцемъ были далеко: теперь она, вѣроятно, еще нѣжится въ постели послѣ вчерашняго бала, вспоминаетъ, какъ ненавистный шаркунъ держалъ ее въ своихъ объятіяхъ, нашептывалъ ей пошлыя слова любви, жалъ ея маленькія ручки своими медвѣжьими лапами, дерзко смотрѣлъ въ ея невинные глазки... Невинные ли?.. «У него попутай хорошо гово-

*) Коцарь—извѣстный тогда полковникъ Коцаревъ, гроза закубанскихъ черкесовъ.

рить»... Самъ онъ попугай! И зачѣмъ онъ уѣхалъ изъ Петербурга? Зачѣмъ не остался тамъ навсегда? Польстился на титулъ владѣтельнаго князя Абхазіи, этой разбойничьей страны. Пусть бы лучше русскіе управляли этимъ гнѣздомъ разбойниковъ, какъ они управляютъ Имеретіей. Вѣдь и безъ царя Соломона Имеретія не пропала; не пропала бы и Абхазія, еслибъ онъ оставался въ Петербургѣ. Владѣтель Абхазіи... Хорошъ владѣтель безъ владѣній, безъ подданныхъ! Не будь здѣсь русскихъ, его, владѣтеля, вышвырнули бы за дверь... Впрочемъ, какъ знать? Не объяви онъ тогда, на скамейкѣ на берегу Славянки, что его назначаютъ владѣтелемъ Абхазіи, она, быть можетъ, и не стала бы цѣловать его. Эти женщины всѣ такія: одну прельщаютъ букетами, другую лестью ея красотѣ, третью почестями... Она, дѣвчонка, владѣтельница Абхазіи, царица независимаго народа, повелительница страны: она—богиня «Прометеева потомства»! Ну, и соблазнилась, и показала видъ, что любитъ. А онъ и повѣрилъ. А она теперь танцуетъ съ этимъ арлекиномъ, сидитъ съ нимъ въ одной ложѣ...

Пили водку, ѣли булки..
Ѣдетъ Коцарь въ черной буркѣ...

«Фу, идіоты! Идіотская пѣсня!» — чуть не крикнулъ онъ, слыша эти нелѣпыя слова; но удержался.

Между тѣмъ, его братецъ блаженствовалъ. Рисуясь и собой и своимъ карабагскимъ скакуномъ, юный Шервашидзе почти постоянно торчалъ около той арбы, въ которой сидѣла Эсма-ханумъ со служанкой. Вдругъ сзади раздался выстрѣлъ, другой, третій и началась усиленная перестрѣлка. Это Арсланъ-бей, не смѣя напасть на переднія колонны, сталъ насѣдать на арьергардъ. Но Абхазовъ предвидѣлъ это, и задняя колонна встрѣтила насѣдающаго непріятеля очень мѣткимъ огнемъ.

— Трусы! — ворчалъ старый Сукачъ, заряжая ружье. — Трусливая собака завсегда норовитъ за лытки укусить, сзади.

Младшій Шервашидзе стрѣлой полетѣлъ назадъ, къ мѣсту перепалки. Теперь онъ еще болѣе жаждалъ помѣриться съ «дяденькой». Если онъ покончитъ съ нимъ, то «тетенькѣ» некуда будетъ дѣваться, она останется въ Сухумѣ или въ Соуксу... Юноша уже мечталъ... о чемъ? Онъ самъ себѣ не могъ дать отчета... Только бы исчезъ со свѣта тотъ ненавистный Арсланъ-

бей. Но послѣдній былъ очень остороженъ: послѣ энергичнаго отпора, онъ скоро оставилъ въ покоѣ арьергардъ.

— Несолоно хлебали, — презрительно проворчалъ Сукачевъ.—Овецъ да арбузы съ баштановъ воровать у кубанцевъ это ихнее дѣло... А тутъ выкуси.

— У меня тольки киверъ аспиды испортили,—въ свою очередь ворчалъ Кудряшевъ, разсматривая снятый съ головы киверъ;—въ двухъ мѣстахъ прострѣлили.

— Ну, значитъ, ты съ этой минуты сталъ павловцемъ, — улыбнулся старикъ,—не бѣлевецъ, а павловецъ.

— Это съ какого же резону?—спросилъ Кудряшевъ.

— А съ такого: у всѣхъ павловцевъ киверъ должонъ быть съ дырой, прострѣленъ.

Выстрѣлы послышались на правомъ флангѣ.

— Ахъ, шуты долгополые!—снова ворчалъ Сукачевъ.—Тутъ съ хвоста попробовали, не выгорѣло; теперь тамъ на рожонъ нарвутся: тамъ имъ Пластунъ со своими задастъ.

— Ишь загикали! Думаютъ гикомъ своимъ испужать, тоже умные!—отозвался Кудряшевъ.

— И мы-де не лѣвой ногой сморкаемся,—презрительно процѣдилъ суворовецъ,—турки еще не такъ алалакаютъ, а все супротивъ матушки уры и они не выстаивали.

— Да вонъ, кажись, и замолчали.

— И тамъ кривая не вывезла: захотѣла баушка на полати, да не въ силахъ влѣзати.

Дѣйствительно, и на правомъ флангѣ перестрѣлка смолкла. Слышались только отдаленные выстрѣлы, прощальныя привѣтствія убѣгавшему врагу. Но врагъ не думалъ смиряться. Въ тылу у него было надежное прикрытіе, стѣны сухумской крѣпости. Это предвидѣлъ Горчаковъ и ожидалъ рѣшительнаго боя въ виду Сухума, или отчаяннаго сопротивленія въ самой крѣпости. Послѣднее опасеніе оказалось, однако, не основательнымъ. Случилось вотъ что.

Вслѣдъ за послѣдней фланговой перестрѣлкой, къ князю Абхазову казаки привели какого-то подозрительнаго абхазца, который говорилъ, что непремѣнно долженъ видѣть старшаго сына покойнаго Сеферъ-Али-бея, то есть князя Димитрія. Абхазецъ былъ кривъ на одинъ глазъ.

— Ты кто?—спросилъ его Абхазовъ.—И что тебѣ нужно?

— Я Теймуразъ,—отвѣчалъ абхазецъ,—я хочу заплатить сыну Сеферъ-Али-бея добромъ за добро.

— Что же ты собственно желаешь сдѣлать?

— Я ужъ сдѣлалъ,—былъ отвѣтъ.—Я находился въ Сухумъ-Кале при пороховомъ погребѣ. Когда пришла вѣсть, что въ Абхазію прибылъ изъ Россіи старшій сынъ Сеферъ-Али-бея, и что онъ съ русскимъ войскомъ идетъ брать Сухумъ, собака Арсланъ-бей явился въ крѣпость и, осмотрѣвъ крѣпостныя орудія, сталъ осматривать также и боевые запасы. «Снарядовъ и пороху, говоритъ, у насъ достаточно. Съ этими запасами я, говоритъ, могу долго продержаться, пока не прибудетъ изъ Поти турецкая эскадра съ дессантомъ. А тогда, говоритъ, мы этого мальчишку, что сталъ нукеромъ русскихъ шакаловъ, и самихъ шакаловъ перебьемъ, какъ мухъ». И вотъ когда послѣ этого онъ уѣхалъ изъ города, я ночью отперъ пороховой погребъ и во всѣ боченки съ порохомъ налилъ воды. Теперь его порохъ сталъ негоднымъ, и ему стрѣлять будемъ нечѣмъ. Вотъ мое добро сыну Сеферъ-Али-бея за его добро мнѣ, а собакѣ Арсланъ-бею мое зло за зло.

Абхазовъ, опасаясь, не лазутчикъ-ли это, или вообще агентъ Арсланъ-бея, сталъ его разспрашивать.

— Какое же зло сдѣлалъ тебѣ Арсланъ-бей и какое добро сынъ Сеферъ-Али-бея?—спросилъ онъ.

— Вотъ зло собаки Арсланъ-бея,—указалъ абхазецъ на свой кривой глазъ,—это онъ потушилъ свѣтъ моего глаза.

— Какимъ образомъ и за что?

— Вотъ за что: одиннадцать лѣтъ тому назадъ, когда русскіе корабли бомбардировали Сухумъ-Кале, я, тогда еще юноша, по приказанію отца, тайно вышелъ изъ Сухума и пробрался къ Сеферъ-Али-бею, который находился съ русскимъ отрядомъ князя Орбеліани далеко отъ Сухумъ-Кале и не зналъ, что русскіе его бомбардируютъ. Объ этомъ донесли собакѣ Арсланъ-бею, и онъ велѣлъ подвергнуть меня величайшему позору, а потомъ хотѣлъ казнить. Но Аллахъ спасъ меня. Собака Арсланъ приказалъ раздѣть меня до-нага, привязать навзничь къ бревну и облить кислымъ молокомъ, чтобъ меня лизали собаки... О, господинъ, какая это была казнь!.. Я почти умиралъ отъ мученій, а сухумскія собаки лизали меня, пока Аллахъ не покрылъ меня своей тѣнью, онъ навелъ на меня тѣнь отъ минарета... Арсланъ-собака

бѣжалъ, русскіе взяли съ бою Сухумъ, и меня спасли, отвязали отъ бревна и прогнали собакъ. А тогда пришелъ Сеферъ-Али-бей съ войскомъ и велѣлъ лѣчить меня... Послѣ казни на бревнѣ, съ молокомъ и собаками, я съ ума сходилъ отъ болѣзни головы и глазъ... И вотъ одинъ глазъ Сеферъ-Али-бей спасъ мнѣ, а другой глазъ мой выпилъ собака Арсланъ... Вотъ, господинъ, арслановo зло и сеферово добро... Я—вѣрный слуга его сына.—Теймуразъ замолчалъ, злобно сверкая однимъ своимъ глазомъ.

— А знаетъ Арсланъ-бей, что у него порохъ подмоченъ?—спросилъ Абхазовъ.

— Вчера только узналъ и со злости зарубилъ смотрителя порохового погреба, а я бѣжалъ.

Теперь Абхазовъ еще болѣе убѣдился, что надо ждать самаго отчаяннаго сопротивленія со стороны Арсланъ-бея, такъ какъ до Сухума оставалось всего нѣсколько верстъ, и доложилъ обо всемъ Горчакову и старшему Шервашидзе. Но опасенія ихъ и тутъ не оправдались. До черкесовъ, союзниковъ Арсланъ-бея, и до сторонниковъ его, абхазскихъ князей, скоро дошла вѣсть изъ Сухума о продѣлкѣ съ порохомъ и о невозможности, вслѣдствіе этого, отстоять крѣпость. Это такъ на нихъ подѣйствовало, что почти всѣ покинули Арсланъ-бея, который и принужденъ былъ съ одной только свитою удалиться въ горы, чтобы тамъ выждать извѣстій изъ Сухума: онъ надѣялся, что его вѣрный клевретъ и шпіонъ, Урусъ Лаквари, найдетъ способъ спасти изъ плѣна его красавицу Эсма-ханумъ.

XV.

Русскіе заняли на этотъ разъ Сухумъ безъ всякаго сопротивленія. По приближеніи ихъ къ городу, крѣпостныя ворота оказались отворенными настежъ, и изъ нихъ вышла странная процессія, которая привела въ крайнее изумленіе молодого владѣтеля Абхазіи. Навстрѣчу ему двигалась группа стариковъ, числомъ двадцать, съ низко опущенными головами. На шеѣ у каждаго старика висѣла сабля.

— Что это такое, князь?—спросилъ князь Димитрій Горчакова.

— Догадываюсь, ваша свѣтлость, — отвѣчалъ тотъ,—но я самъ въ первый разъ вижу подобную процессію.

— Ваша свѣтлость забыли обычаи вашей родины,—почтительно замѣтилъ князь Абхазовъ,—это почтнѣйшіе старѣйшины Сухума и сосѣднихъ ауловъ несутъ вамъ повинную. Сабля на шеѣ—это величайшій позоръ, величайшее униженіе и глубочайшая покорность въ глазахъ горца. Этимъ они заявляютъ вашей свѣтлости, что заслужили смертную казнь: этими саблями вы можете ихъ казнить; но въ вашей власти и помиловать ихъ.

Солдатики, особенно молодые, увидавъ это, стали тихонько пересмѣиваться между собой.

— Розги на себя несутъ: царь, дескать, насъ, старыхъ чертей,—замѣтилъ одинъ изъ нихъ.

— У мово помѣщика вотъ эдакъ-то собака сама на себя хлыстъ носила въ зубахъ,—замѣтилъ другой.

— Понесешь, коли тово... пришлось узломъ...

— Нечево зубы-то скалить, умники! — проворчалъ старый Сукачъ.—Аль не видите?

— Видимъ, дядя, очень даже хорошо

— То-то... Почтенные старички повинную несутъ, а вы зубы скалите зря... Не легко имъ, на васъ доведись...

Съ приближеніемъ стариковъ, всѣ пріостановились. Горчаковъ и князь Димитрій выдвинулись впередъ.

— Здравствуйте, старики,—сказалъ Горчаковъ.

Старѣйшины молчали, только еще ниже склонили головы.

— Признаете себя виновными предъ императорскимъ величествомъ, всероссійскимъ императоромъ и предъ поставленнымъ имъ надъ всею Абхазіею господиномъ, его свѣтлостью, княземъ и полковникомъ Димитріемъ Георгіевичемъ Шервашидзе?—спросилъ Горчаковъ.

Старѣйшины еще ниже склонили головы, такъ что висѣвшія у нихъ на шеѣ сабли касались земли.

— Слушайте же, почтенные старѣйшины! — возвысилъ голосъ Горчаковъ.— Его свѣтлость, князь Димитрій Георгіевичъ, и я, князь Горчаковъ, данною намъ отъ государя императора властью объявляемъ вамъ помилованіе и прощеніе всего содѣяннаго вами въ ослѣпленіи невѣдѣнія. Поднимите же головы и приведите ваши сабли въ порядокъ: мы возвращаемъ ихъ вамъ съ прежнею честью.

Старѣйшины выпрямились и, освободивъ свои шеи отъ сабель, привѣсили ихъ къ боку, черезъ плечо.

— Слушайте же, почтенные старѣйшины!—продолжалъ Горчаковъ.—Отправляйтесь теперь въ ваши аулы, оповѣстите всѣхъ о священной волѣ государя императора и разошлите гонцовъ по всей Абхазіи съ слѣдующимъ нашимъ приказаніемъ: пусть всѣ абхазскіе князья, почетное дворянство и духовенство, а равно всѣ джигиты и всѣ способные носить оружіе, а равно управлять лошадью, пусть всѣ со взрослыми и малолѣтними сыновьями своими являются въ Соуксу непремѣнно къ 30 ноября. Тамъ будетъ прочитано высочайшее повелѣніе о дарованіи Абхазіи законнаго владѣтеля и всѣ приведены будутъ къ присягѣ на вѣрность государю императору и законному владѣтелю страны. Слышали и поняли?

— Слышали и поняли,—отвѣчалъ старѣйшій изъ нихъ.

Въ то время, когда все это происходило, изъ ближайшаго лѣсу, изъ сосѣднихъ садовъ и кустарниковъ стали робко выходить женщины и дѣти. Они боязливо посматривали на войска, но любопытство превозмогало боязнь, и толпа стала понемногу приближаться.

— Ишь, словно волчата изъ лѣсу повыползли,—замѣтилъ кто-то изъ солдатиковъ.

— Они тамъ были спрятамшись,—пояснилъ другой.

Но когда прятавшіеся увидѣли, что старѣйшины ихъ сняли съ шеи сабли и привѣсили къ бедрамъ, они поняли, что ихъ простили, не будутъ головы рубить, и потому надвинулись совсѣмъ близко, видимо сгорая любопытствомъ. Лица у всѣхъ оживились, просвѣтлѣли, урусы никого не трогаютъ. Вдругъ отъ толпы отдѣлилась одна маленькая дѣвочка, лѣтъ семи-восьми, и стремительно бросилась къ старѣйшинамъ. За нею погналась молодая абхазка, должно быть, мать, но дѣвочка моментально очутилась около старѣйшинъ и радостно прильнула къ одному изъ нихъ. Старикъ нагнулся къ ней, чтобы отстранить, но дѣвочка обвилась ручонками вокругъ его шеи и быстро лепетала что-то. Сцена эта разсмѣшила всѣхъ. Старикъ невольно принужденъ былъ взять маленькую плутовку на руки.

— Идиллія!—улыбнулся Горчаковъ.—Это твоя внучка?—спросилъ онъ.

— Правнучка, господинъ,—отвѣчалъ старикъ, гладя курчавую головку малютки.—Она такъ меня любитъ... она такъ боя-

лась за меня... Да и она, господинъ, эта крошка, дороже для меня всего на свѣтѣ.

— О, да!—сказалъ онъ громко, такъ чтобы всѣ слышали, особенно женщины.—Для кого не дороги дѣти, эти невинныя существа! Такъ вотъ, ради ихъ счастья, ради всего, что вамъ дорого, устройте такъ, чтобы не страдали ваши дѣти. Дайте миръ Абхазіи. Сплотитесь подъ скипетромъ могущественнѣйшаго въ мірѣ монарха и поддержите вашимъ вліяніемъ того, кто поставленъ надъ вами высочайшею волею. Тогда ваши дѣти, эти невинныя существа, эти розы Абхазіи, не будутъ до времени вянуть въ гаремахъ турецкихъ пашей. А посмотрите, кѣмъ наполнены многочисленные гаремы Стамбула, Трапезонда, Эрзерума, Ахалцыха, Адріанополя и всѣхъ большихъ городовъ Турціи, въ которыхъ безчинствуютъ сластолюбцы-паши? Кѣмъ? Вашими дѣтьми, вашими невинными дѣвочками, которыхъ ваши же и другіе горскіе хищники продаютъ, какъ овечекъ, на всѣхъ турецкихъ базарахъ. Вотъ, гдѣ вянутъ и преждевременно засыхаютъ дивныя розы Абхазіи. Завянетъ въ гаремѣ и эта милая крошка, которую ты теперь ласкаешь...

— О, нѣтъ, нѣтъ, господинъ!—со страстной энергіей воскликнулъ старикъ.—Этому не бывать, не бывать!

— Не бывать, не бывать!—закричала и прочіе старѣйшины, размахивая въ воздухѣ обнаженными саблями.

Довольный произведеннымъ имъ эффектомъ, Горчаковъ постарался еще болѣе усилить впечатлѣніе своей рѣчи.

— Ваши дѣвочки изнываютъ въ турецкихъ гаремахъ,—продолжалъ онъ.—тамъ, невидимо для свѣта, тускнетъ ихъ краса, краса Абхазіи, краса всего Востока. А ваши мальчики, будущая гордость и слава родины, гдѣ они? Что изъ нихъ дѣлаютъ паши и самъ султанъ? Они калѣчатъ ихъ, превращаютъ въ евнуховъ, для того, чтобы эти погибшіе сыны Абхазіи стерегли ихъ гаремы, какъ ваши овчарки стерегутъ стада барановъ. Не позоръ-ли это?

Возбужденіе старѣйшинъ достигло крайнихъ предѣловъ. Горчаковъ воспользовался этимъ, какъ опытный ораторъ.

— Идите же и разнесите мои слова по всѣмъ ауламъ, по всѣмъ саклямъ, по всѣмъ горамъ Абхазіи,—сказалъ онъ въ заключеніе.—Знайте, что только подъ покровительствомъ Россіи,

и при вашемъ повиновеніи законному владѣтелю, ваши дѣти, краса и надежда Абхазіи, не будутъ позорить своихъ отцовъ и дѣдовъ по гаремамъ Турціи. Да не забудьте день 30 ноября! До свиданія!

Старѣйшины удалились, горячо жестикулируя и обмѣниваясь страстными возгласами.

— Разогрѣлъ-таки ихъ князюшка,—одобрительно замѣтилъ старый Сукачевъ,—азіаты, одно слово, кипятокъ.

— Ужъ больно онъ ихъ дѣвочками да мальчиками доѣхалъ,—пояснилъ Кудряшевъ,—долго теперь этотъ кипятокъ не остынетъ... Еле папахи на головахъ держатся.

Въ это время, по дорогѣ отъ Соуксу показалась небольшая группа всадниковъ, видимо торопившихся. Но что всего болѣе удивило солдатиковъ, такъ это то, что во главѣ группы ѣхала верхомъ женщина, уже не молодая.

— Вотъ-те и тетка!—шумѣли солдатики. — Новая командерша проявилась.

— И точно: либо это вѣдьма, либо баба-яга.

— Какая такая баба-яга! Баба-яга въ ступѣ ѣздитъ, пестомъ погоняетъ, а эта, вишь, верхомъ не на помелѣ, а на лошади, и не голикомъ погоняетъ, а нагайкой.

Князь Абхазовъ, находившійся недалеко отъ старшаго Шервашидзе, тоже замѣтилъ группу приближавшихся всадниковъ и лукаво улыбнулся.

— Ну, ваша свѣтлость, — обратился онъ къ князю Димитрію,—готовьтесь къ бурной родственной сценѣ.

— А что? Какая сцена?—удивился тотъ.

— Вонъ летитъ ваша кормилица, я узнаю ее; а она женщина страстная, зацѣлуетъ васъ.

— Ахъ, Боже мой!—засмѣялся князь Димитрій.—Вотъ несчастье! Насъ, абхазцевъ, считаютъ потомками Прометея... Неужели и у него была такая страстная кормилица, какъ эта? Я бы лучше желалъ быть Юпитеромъ, у котораго кормилицей была коза Амальтея... Надѣюсь, что онъ не цѣловался съ козой.

Группа всадниковъ приблизилась, и та, которую называли кормилицей князя Димитрія, быстро соскочила съ лошади.

— Гдѣ онъ? Гдѣ свѣтъ очей моихъ?—говорила она торопливо.

Но вдругъ она остановилась въ испугѣ, потому что почти-

лась передъ цѣлою группой людей въ блестящихъ мундирахъ. Младшій Шервашидзе невольно разсмѣялся.

— Ахъ ты, слѣпая сова! Не узнаешь своего вскормленника... Вотъ онъ,— сказалъ шалунъ, указывая на князя Абхазова.— Видишь, какъ выросъ.

Теперь всѣ разсмѣялись. Князь Димитрій подошелъ къ ней.

— Здравствуй, мамка,—сказалъ онъ, улыбаясь.

— О, свѣтъ очей моихъ! Мое золото!—заговорила баба, припадая къ рукѣ своего вскормленника.

Но, въ силу существующаго въ Абхазіи особеннаго уваженія къ кормилицамъ, молодой владѣтель ея обнялъ свою бывшую мамку и поцѣловалъ.

— Видишь, какъ я выросъ,—сказалъ онъ.—Я радъ видѣть тебя здоровою. А теперь поди туда къ матушкѣ. Мы съ тобой послѣ поговоримъ.

Встрѣча съ кормилицей навела его на тревожныя мысли. Новость положенія, въ которомъ онъ такъ внезапно очутился, тревоги и волненія, испытанныя имъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, первые уроки столкновенія съ реальными опасностями, все это не давало ему ни времени, ни возможности сосредоточиться въ себѣ, обсудить это новое свое положеніе. Привыкнувъ къ петербургской жизни, къ ея культурнымъ формамъ, къ ея изящной внѣшности, онъ теперь очутился вдругъ совсѣмъ въ иномъ мірѣ. Все здѣсь показалось ему такимъ мизернымъ, въ такомъ узкомъ масштабѣ. Глазъ его съ удивленіемъ видѣлъ маленькіе аулы, ютящіяся у скалъ жалкія сакли въ видѣ ласточкиныхъ гнѣздъ. А люди? Эти князья—такіе же дикари, какъ и простые абхазцы; все отличіе ихъ отъ толпы—болѣе изысканное одѣяніе да лучшее оружіе. А языкъ, нравы, обхожденіе, на всемъ этомъ лежитъ колоритъ дикости.

И онъ вдругъ представилъ свою Варю въ этой обстановкѣ. Привыкшая къ свѣту, къ блеску, къ роскоши, что она найдетъ здѣсь? Издали все это казалось такимъ заманчивымъ, поэтическимъ... Но вотъ теперь оно передъ глазами... Что такое его резиденція, резиденція владѣтелей Абхазіи, Соуксу? Небольшой аулъ съ укрѣпленіемъ и дворцомъ? Но что такое этотъ «дворецъ»? Развѣ Варя такіе дворцы видала? «Гдѣ наша столица?— спроситъ она.—Гдѣ нашъ дворецъ? Гдѣ мои фрейлины?» Фрейлины!.. А его кормилица... Что касается его самого, то для него

все это еще ничего, хоть онъ и привыкъ къ свѣту, къ лучшему петербургскому обществу, къ избранному кружку гвардейскихъ офицеровъ. Но онъ смотрѣлъ теперь на все глазами княжны Гагариной, которая скоро будетъ фрейлиной и родители которой приняты ко двору... Изъ этихъ печальныхъ размышленій его вывели слова князя Горчакова, который отдавалъ приказаніе о вступленіи одной роты мингрельскаго полка въ Сухумъ, въ качествѣ крѣпостного гарнизона.

Вмѣстѣ съ ротой и они всѣ, князь Голицынъ, онъ самъ, князь Дмитрій, съ матерью и братомъ, а также арбы, въ которыхъ пріѣхали Эсма-ханумъ и женская прислуга княгини Тамары, въѣхали въ Сухумъ.

— Говори, малый: слава Богу!—сказалъ при этомъ Сукачъ своему пріятелю.

— Слава Богу, дядя. А почему?

— Потому, братъ, что мы съ тобой не попали въ гарнизонныя крысы.

— И то правда.

XVI.

30-го ноября 1821 года, резиденція владѣтельныхъ князей Абхазіи, аулъ Соуксу представлялъ невиданное зрѣлище. Вездѣ, гдѣ только представлялась возможность, торчали и развѣвались въ воздухѣ красные, желтые, синіе и всякіе пестрые лоскуты, все яркое и кричащее. Это были флаги, которые велѣла вывѣсить вездѣ княгиня Тамара, узнавшая отъ своего петербургскаго сына, что такъ всегда дѣлается въ столицахъ при особенно торжественныхъ случаяхъ. Но что всего болѣе поражало, это небывалое въ Соуксу стеченіе народа. Видно было, что старѣйшины, видѣвшіе сабли на своихъ почтенныхъ шеяхъ, разнесли слова князя Горчакова по всей Абхазіи.

Не только всѣ плоскія кровли саклей и духановъ были заняты зрителями, такъ что негдѣ было горчичному зерну упасть, не только усѣяны были абхазцами бойницы и крыша находящагося въ Соуксу стараго монастыря, но и всѣ сосѣднія деревья усажены были юными потомками Прометея, словно грачевыми гнѣздами. На площади, передъ скромнымъ дворцомъ князей Шервашидзе, собраны были почтнѣйшіе муллы Абхазіи, знатнѣй-

ніе князья и дворяне. За ними толпились ихъ жены съ дѣтьми, предназначенными въ аманаты, о чемъ и не подозрѣвали ихъ матери, а иначе онѣ запрятали бы своихъ быстроглазыхъ волчатъ въ такія волчьи ямы и трущобы, гдѣ бы не отыскали ихъ всѣ русскіе «шакалы», согнанные со всего Кавказа. Посрединѣ площади устроено было возвышеніе, покрытое персидскимъ ковромъ, а на этомъ возвышеніи—аналой, на которомъ положены были: распятіе, Евангеліе и коранъ. Представители абхазскаго народа занимали полукругомъ одну сторону площади, а противъ нихъ размѣщены были роты бѣлевскаго, мингрельскаго и егерскаго полковъ, часть которыхъ шла шпалерами до воротъ крѣпости, почти примыкавшихъ ко дворцу. Мингрельская же милиція растянута была у берега рѣки, фронтомъ къ площади. Князь Абхазовъ и князь Дадіанъ со своими офицерами находились впереди фронта своихъ войскъ. На возвышеніи же, по бокамъ аналоя, стояли: съ одной стороны священникъ въ полномъ облаченіи, съ другой—главный мулла Абхазіи. Надо всей площадью и далѣе, вплоть до монастыря, стоялъ смѣшанный гулъ нѣсколькихъ тысячъ голосовъ. Вдругъ раздался барабанный бой. Все моментально стихло.

— На краулъ!—послышался рѣзкій голосъ команды.

Изъ воротъ показалось красивое, расшитое золотомъ и съ золотыми кистями, знамя, подъ которымъ торжественно выступали: новый владѣтель Абхазіи, князь Димитрій Шервашидзе, князь Горчаковъ, княгиня Тамара и князь Михаилъ Шервашидзе. Пройдя между шпалерами войскъ, они всѣ подошли къ возвышенію.

Князь Горчаковъ, держа въ рукѣ высочайшую грамоту, взошелъ на возвышеніе. За нимъ внесли туда же и знамя. Ставъ подъ знаменемъ, Горчаковъ громогласно прочиталъ о всемилостивѣйшемъ утвержденіи полковника князя Димитрія Шервашидзе въ правахъ владѣтеля Абхазіи. При чтеніи грамоты, княгиня Тамара торопливо вытирала, катившіяся по ея щекамъ, радостныя слезы. По окончаніи чтенія, новый владѣтель Абхазіи взошелъ на возвышеніе, и, получивъ изъ рукъ Горчакова высочайшую грамоту, почтительно ее поцѣловалъ.

— Теперь, батюшка, — обратился Горчаковъ къ священнику,—приведите къ присягѣ его свѣтлость и всѣхъ князей, дво-

рянъ и прочихъ абхазцевъ, исповѣдующихъ христіанскую религію.

Священникъ выступилъ впередъ, къ краю возвышенія.

— Почтенные князья, дворяне и всѣ прочіе, исповѣдующіе Распятаго за ны, — возгласилъ дребезжащимъ голоскомъ батюшка,—поднимите къ верху ваши правыя руки съ крестнымъ сложеніемъ перстовъ и громко повторяйте за мною священныя слова присяги.

Поднялись въ толпѣ правыя руки; но ихъ было немного: всѣ остальные были мусульмане. Священникъ началъ читать текстъ присяги. За нимъ зажужжали десятки голосовъ съ гортанными звуками, словно бы на площадь слетѣлись крупные шершни изъ множества гнѣздъ. Чтеніе присяги кончилось и князь Димитрій первый приложился къ кресту и Евангелію. Послѣ него цѣловалъ крестъ и Евангеліе князь Михаилъ, а потомъ всходили на возвышеніе, одинъ за другимъ, и всѣ прочіе присягнувшіе. Послѣ этого Горчаковъ пригласилъ главнаго муллу привести къ присягѣ на коранѣ и всѣхъ мусульманъ.

Между тѣмъ, пока все это происходило и вниманіе абхазцевъ, ихъ женъ и дѣтей было все поглощено церемоніей присяги, казаки, по приказанію князя Абхазова, незамѣтно оцѣпили толпу сплошнымъ кольцомъ, и, по указанію того же Абхазова, намѣтили себѣ по маленькой жертвѣ: это были дѣти знатнѣйшихъ князей и дворянъ. Ихъ предназначено было взять аманатами въ залогъ вѣрности присягѣ ихъ отцовъ и дѣдовъ. Это была ловушка, неизбѣжная съ такимъ дикимъ и необузданнымъ народомъ, какъ абхазцы, ибо, знай они это прежде, они хотя и явились бы въ Соуксу для присяги, но ужъ ни въ какомъ случаѣ не привели бы съ собою женъ и дѣтей. А теперь всѣ они попались въ ловушку. Также незамѣтно, по распоряженію князя Дадіана, окружила ихъ и другая, болѣе густая цѣпь изъ мингрельской милиціи. Всѣ пути къ отступленію или бѣгству были, такимъ образомъ, отрѣзаны.

Когда кончилась церемонія присяги, князь Горчаковъ торжественно передалъ князю Димитрію знамя, какъ знакъ его власти. Затѣмъ тутъ же на возвышеніи, у аналоя, отслуженъ былъ благодарственный молебенъ съ возглашеніемъ долгоденствія и мирнаго житія и на враговъ побѣды и одолѣнія императору Александру Павловичу. Громъ пушечныхъ выстрѣловъ покрылъ это

возглашеніе. Поздравивъ затѣмъ представителей Абхазіи съ новымъ повелителемъ страны, князь Горчаковъ объявилъ, что для укрѣпленія вѣрности данной присягѣ представители абхазскаго народа, его знаменитые вожди, должны выдать аманатовъ. При этихъ словахъ, глухой ропотъ пробѣжалъ по собранію. Все заволновалось и задвигалось. Горчаковъ старался успокоить встревоженную массу. Говорилъ, что онъ беретъ аманатовъ не въ Россію и не надолго: черезъ каждые два мѣсяца аманаты будутъ возвращаться домой, къ родителямъ, а на ихъ мѣсто будутъ браться новые, и что содержать ихъ будутъ недалеко отъ Абхазіи, въ городѣ Гори, гдѣ матери и отцы могутъ навѣщать ихъ во всякое время, чтобъ убѣдиться, что малютокъ ихъ хорошо держатъ, хорошо кормятъ и вообще берегутъ и лелѣютъ. Но ничто не помогало. Со всѣхъ сторонъ послышались женскіе голоса: «не дадимъ дѣтей, не дадимъ!» Пришлось прибѣгнуть къ силѣ. По знаку Абхазова, нѣкоторые изъ казаковъ, спѣшившись и передавъ своихъ лошадей товарищамъ, приблизились къ намѣченнымъ жертвамъ. Къ женскимъ возгласамъ присоединились дѣтскіе вопли. Все кричало и плакало. Матери обхватывали дѣтей и голосили надъ ними, а дѣти въ свою очередь вопили не своими голосами.

Тогда въ толпу голосившихъ женщинъ протискалась княгиня Тамара.

— Не плачьте, не бойтесь,—говорила она со слезами на глазахъ,—вѣрьте Богу, вѣрьте Аллаху, что вашимъ дѣтямъ не сдѣлаютъ ничего дурного! Мой сынъ былъ аманатомъ одиннадцать долгихъ, долгихъ лѣтъ! И увезли его тогда отсюда далеко-далеко, туда, гдѣ вѣчные дожди, туманы и снѣга, гдѣ зимой люди не видятъ солнца... А посмотрите, что вышло изъ моего сына!— Я не нарадуюсь имъ... Такъ и ваши дѣти: ихъ увезутъ только на два мѣсяца, много-ли это? И увезутъ только въ Гори... Вы сами будете ѣздить къ нимъ въ гости... Вѣрьте мнѣ, вѣрьте моимъ клятвамъ, клятвамъ матери!

Но и клятвы и завѣренія княгини Тамары не произвели никакого дѣйствія. Мужчины видимо покорились необходимости. Они поняли, что сопротивленіе невозможно: живое кольцо, замыкавшее ихъ со всѣхъ сторонъ, можно было только разрубить; но на это не хватило бы ихъ силы. Поэтому они стали убѣждать своихъ женъ покориться, а иные просто вырывали своихъ дѣтей

изъ рукъ обезумѣвшихъ матерей и сдавали на руки казакамъ и мингрельцамъ. Съ нѣкоторыми же, особенно неподатливыми абхазками, пришлось употребить силу. Скоро маленькіе аманаты были отдѣлены отъ толпы и препровождены въ крѣпость.

Въ то время, когда все это происходило на площади, въ опустѣломъ дворцѣ оставалась въ своей комнатѣ Эсма-ханумъ, да съ нею двѣ прислужницы, одна пріѣхавшая вмѣстѣ со всѣми изъ Кодора, другая—старая негритянка, давно уже жившая въ Соуксу, во дворцѣ князей Шервашидзе, въ качествѣ экономки. Прежде она находилась въ Поти при домѣ Кучукъ-бея, отца Эсма-ханумъ, и состояла при ней вродѣ няни или горничной. Эсма-ханумъ тотчасъ же узнала ее, когда увидѣла въ Соуксу.

— Но какъ ты попала сюда?—спросила она негритянку.—Тебя въ плѣнъ взяли?

— О, нѣтъ, ханумъ, мое золото!—отвѣчала старуха, качая головой.—Помнишь, мое золото, когда ты, еще дѣвочкой по тринадцатому году, жила у отца своего, у славнаго Кучукъ-бея въ Поти, и когда русскіе вмѣстѣ съ Сеферъ-Али-беемъ, отцомъ нынѣшняго князя Димитрія, осаждали городъ?

— Какъ не помнить!—съ грустью въ голосѣ отвѣчала Эсма-ханумъ.

— Ну, вотъ тогда-то, мое золото, — продолжала негритянка,—въ Поти находился и Арсланъ-бей... Какими чарами онъ вскружилъ твою золотую головку, я не знаю, но только наканунѣ сдачи крѣпости русскимъ вы разомъ исчезли ночью ты, мое золотое, и Арсланъ-бей... Я не доглядѣла тебя, моя жемчужина, каюсь. Но когда на другой день тебя схватились и нигдѣ не нашли, отецъ твой пришелъ въ такую ярость, что приказалъ было посадить меня въ мѣшокъ вмѣстѣ съ ежомъ и кошкою и бросить въ море, и только благодаря заступничеству добраго господина Сеферъ-Али-бея, да блаженствуетъ онъ въ раю своемъ! меня оставили въ живыхъ. И съ тѣхъ поръ я живу здѣсь у княгини Тамары вѣрною сторожевою собакой. Вотъ уже больше десяти лѣтъ, какъ я здѣсь.

— Да... Вотъ и я ужъ успѣла сдѣлаться старухой,—сказала Эсма-ханумъ, любуясь отраженіемъ въ зеркалѣ своего хорошенькаго личика съ золотистою головкой.

Въ это время въ комнату вошелъ Урусъ Лаквари.

— Ну, что тамъ, Урусъ?—спросила Эсма-ханумъ.

— О, ханумъ! Какъ тамъ хорошо, какъ тамъ хорошо, какъ любопытно!—отвѣчалъ онъ притворно-восторженнымъ тономъ.— Ничего подобнаго я не видалъ.

Это такъ заинтересовало другую прислужницу, что она попросилась у негритянки, какъ у старшей, пойти хоть на минутку поглядѣть, что дѣлается на площади. Та отпустила ее.

Но едва дверь за нею затворилась, какъ Урусъ Лаквари, подойдя къ сидѣвшей на полу, на коврѣ, негритянкѣ, схватилъ ее за горло и по самую рукоятку всадилъ ей кинжалъ въ сердце. Несчастная старуха даже не вскрикнула. Злодѣй нѣсколько разъ повернулъ кинжалъ въ сердцѣ своей жертвы.

— О, Урусъ!—въ ужасѣ крикнула Эсма-ханумъ.—Что ты сдѣлалъ!

— Для тебя, ханумъ, и для твоего и моего господина,—спокойно отвѣчалъ убійца...—Вотъ тебѣ чадра... вотъ папаха... кутайся... закрой лицо и иди за мною... Тебя ждетъ господинъ.

Эсма-ханумъ такъ была поражена неожиданностью, что послѣдовала, какъ автоматъ, за убійцей въ дверь, которая вела въ комнату, выходившую на заднее крыльцо. Тамъ онъ накинулъ на нее бурку и вывелъ черезъ задній дворикъ къ конюшнямъ, откуда небольшая желѣзная дверь выходила въ сторону, противоположную площади. Черезъ нѣсколько минутъ, они были уже за монастыремъ, гдѣ въ густой чащѣ стояли осѣдланныя лошади. Отъ нихъ отдѣлилась высокая фигура въ башлыкѣ.

— Эсма моя! Наконецъ-то!

— О, Арсланъ, мой повелитель!

Скоро въ горахъ отдавался топотъ нѣсколькихъ паръ лошадиныхъ копытъ.

ЧАСТЬ III.

I.

Къ концу 1821 года, новый владѣтель Абхазіи окончательно утвердился въ главныхъ укрѣпленныхъ пунктахъ своей наслѣдственной страны, въ Соукеу и въ Сухумъ-Кале. Въ той и другой крѣпости находились небольшіе русскіе отряды. Князь Димитрій скоро убѣдился, однако, что власть его въ Абхазіи опирается исключительно на русскіе штыки; но, безъ любви и довѣрія подданныхъ, это опора непрочная: подъ штыками не было почвы — народа, на которой и зиждутся троны. А народъ не любилъ его и не уважалъ именно за эти штыки. Это прямо объявили ему джихетскіе и цебельдинскіе князья, самые вліятельные роды въ Абхазіи. Когда Димитрій отправилъ къ нимъ своихъ пословъ съ требованіемъ не позволять бѣжавшимъ изъ Абхазіи его дядямъ Арсланъ-бею, Баталъ-бею, Ростомъ-бею и Таяръ-бею проходить свои войска по ихъ владѣніямъ, князя отвѣчали его посламъ:

— Подите и скажите вашему князю, что если бы онъ былъ изъ Шервашидзевой фамиліи, то не отдалъ бы своей земли русскимъ. Если онъ истинный сынъ покойнаго Сеферъ-бея, то пусть удалитъ русскихъ изъ своего Соукеу и изъ Сухума.

Мало того. Даже въ собственномъ своемъ домѣ новый владѣтель Абхазіи не чувствовалъ себя въ полной безопасности. Какъ бѣжала изъ Соукеу Эсма-ханумъ, когда къ ней приставлены были для наблюденія двѣ прислужницы? Кто помогъ ей бѣжать? Кто зарѣзалъ въ ея комнатѣ старую, вѣрную негритянку Гюлисунъ? Если сама Эсма-ханумъ совершила это преступленіе, что едва ли вѣроятно, то кто убилъ вторую ея прислужницу, которую въ тотъ же день нашли на площади тоже зарѣзанною? Урусъ Лаквари предполагаетъ, что, когда всѣ слуги покинули дворецъ, чтобъ поглазѣть на торжество и на присягу князя, а во дворцѣ осталась только Эсма-ханумъ съ старою негритянкой, то туда пробрался какой-нибудь посланецъ отъ Арс-

сланъ-бея и зарѣзалъ старую Гюлисунъ. Эти же подосланцы Арслана зарѣзали на площади въ толпѣ и суматохѣ другую прислужницу для того, чтобъ она не могла воротиться во дворецъ и помѣшать какъ убійству старой Гюлисунъ, такъ и побѣгу Эсмахапумъ.

Эти доводы были очень шатки, но другихъ не находилось, и князь Димитрій бродилъ точно впотьмахъ. Абхазія теперь казалось ему не родиной, но тюрьмой. Все было для него здѣсь чужое, враждебное: не на мать же, на слабую и безвольную женщину, ему опираться! А братъ Михаилъ—вѣтреный мальчикъ, для котораго существовали только лошади, джигитовка и охота. Единственно, съ кѣмъ онъ иногда отводилъ, что называется, душу, это съ вѣрнымъ, какъ ему казалось, хотя мало разговорчивымъ Урусомъ Лаквари, съ которымъ они вспоминали далекій Петербургъ, катанья на катерѣ по Невѣ и Невкамъ на острова, скачки въ Царскомъ, въ Петергофѣ, куда Урусъ Лаквари въ послѣднее лѣто всегда сопровождалъ своего молодого князя.

Но еще больше была ему по душѣ бесѣда съ майоромъ Ракоци. Князь Горчаковъ, выводя русскія войска и мингрельскую милицію изъ Абхазіи, оставилъ въ Соукеу для охраны крѣпости и князя Димитрія съ семействомъ двѣ роты мингрельскаго полка подъ начальствомъ майора Ракоци, прикомандировавъ къ этимъ ротамъ двухъ опытныхъ фельдфебелей изъ бѣлевскаго полка, нашихъ старыхъ знакомыхъ Сукачова и Кудряшева, для поддержанія въ отрядѣ майора Ракоци, какъ онъ шутя выразился, «суворовскаго духу».

— Я на тебя надѣюсь, старина,—сказалъ онъ Сукачеву,— у тебя все будетъ по-суворовски... Не забывай «пруцкова» короля...

Ракоци былъ очень симпатичный собесѣдникъ, и князь Димитрій отъ души полюбилъ его. Ракоци служилъ прежде въ Петербургѣ, хорошо зналъ петербургскую жизнь, особенно жизнь средняго офицерства, немало зналъ и о высшемъ петербургскомъ обществѣ, и потому для князя Димитрія онъ являлся истинною находкой. Имъ было о чемъ поговорить въ этой глуши. Немногіе князья и дворяне, которые еще оставались вѣрны молодому владѣтелю Абхазіи, кто изъ-за подарковъ, а кто изъ уваженія къ

памяти его отца, были такъ чужды ему по своимъ интересамъ и узкому міровоззрѣнію, что казались чѣмъ-то вродѣ жителей другой планеты: въ нихъ не было ничего европейскаго, культурнаго. Вся Европа и Петербургъ, такимъ образомъ, сосредоточивались для князя Димитрія въ лицѣ загорѣлаго, суроваго на видъ, но добродушнаго Ракоци.

Какъ бы то ни было, не легко жилось владѣтелю Абхазіи на родинѣ. Имя Арсланъ-бея гремѣло вездѣ. Снова возобновились хищническіе набѣги черкесовъ на пограничные аулы. Снова партіи юныхъ абхазскихъ дѣвушекъ и дѣтей отправлялись на фелюкахъ и кочермахъ анапскихъ турокъ на невольничьи рынки Синопа и Константинополя. Все это зналъ владѣтель Абхазіи, и его грызло сознаніе своего безсилія; его постоянно блѣднѣвшія отъ нравственныхъ терзаній щеки вспыхивали румянцемъ стыда передъ Россіей и особенно предъ той, которая гордится названіемъ его невѣсты, будущей жены... Какъ тяжело было ему писать письма въ Петербургъ! Развѣ онъ могъ сказать всю правду? Развѣ онъ, якобы «потомокъ Прометея», не жалкая пародія на своего миѳическаго предка? Того, прикованнаго къ скалѣ Кавказа, терзалъ орелъ Юпитера... А его, жалкаго повелителя безъ подданныхъ, прикованнаго въ Соуксу, терзалъ стыдъ, стыдъ и стыдъ!.. Княгиня Тамара видѣла, какъ ея любимый сынъ, ея гордость, таилъ на сердцѣ какое-то тяжкое горе, и она не знала, чѣмъ помочь ему. Сердце матери подсказывало ей, что онъ страдаетъ и что его муки тѣмъ невыносимѣе, что даже матери онъ не можетъ довѣрить ихъ. Она видѣла, какъ онъ худѣлъ и блѣднѣлъ съ каждымъ днемъ. Но отчего? Этотъ неразрѣшимый вопросъ терзалъ ее. Она стала намекать ему о женитьбѣ. Жена сняла бы своею любовью и лаской невѣдомую тяжесть съ его души. Она заговаривала съ нимъ о нѣкоторыхъ молоденькихъ мингрельскихъ княжнахъ. Есть дальнія родственницы изъ обширной фамиліи Дадіановъ... Но онъ и слушать не хотѣлъ о какихъ бы то ни было княжнахъ... Онъ думалъ объ одной, но не изъ этихъ, не изъ здѣшнихъ... О, еслибъ она знала весь позоръ его положенія!.. Онъ обѣщалъ повергнуть къ ея ногамъ весь абхазскій народъ. Но гдѣ онъ, этотъ народъ? Одинъ Урусъ Лаквари да старый Галибъ, вотъ и весь его народъ. А тѣ наемники, что живутъ его подачками да съ княземъ Михаиломъ охотятся

на кабановъ и на дикихъ козъ, это ли не подданные! Онъ чувствовалъ, что здоровье начинаетъ измѣнять ему. Онъ потерялъ сонъ, аппетитъ. Къ веснѣ имъ овладѣла какая-то тупая апатія. Ракоци видѣлъ это и приписывалъ перемѣнѣ климата.

— Поѣзжайте въ маѣ въ Пятигорскъ, въ Кисловодскъ,—говорилъ онъ,—покупайтесь въ Нарзанѣ: онъ укрѣпитъ васъ, возбудитъ бодрость, энергію. Я помню, какъ Нарзанъ возстановилъ мои силы послѣ раны и кавказской лихорадки.

Эти слова цѣлительнымъ бальзамомъ упали на его душу. Какъ эта мысль не пришла ему самому въ голову? Варя писала ему, видимо подъ цензурой матери, что весной они думаютъ ѣхать на минеральныя воды Кавказа, что ея родителямъ нужно полѣчиться въ Пятигорскѣ, Эссентукахъ и Кисловодскѣ. Но это не все! Въ постскриптумѣ прибавлялось, что и князь Голицынъ, ненавистный Голицынъ! переводится на службу на Кавказъ и будетъ сопровождать ихъ на минеральныя воды... Вотъ до чего дошло въ его отсутствіе! Невыносимый шаркунъ ѣдетъ съ ними... всю дорогу они будутъ вмѣстѣ. Остановки, прогулки, общія впечатлѣнія... закаты солнца... всходы луны... ночныя гулянья... А онъ торчитъ въ этой проклятой тюрьмѣ!

Въ немъ тотчасъ же созрѣло рѣшеніе—ѣхать.

— Но какъ же? На кого я оставлю Абхазію?—спросилъ онъ Ракоци и самъ покраснѣлъ отъ этого вопроса.

— На кого? Да на меня и на Михина,—отвѣчалъ добродушно Ракоци,—я въ Соуксу, а онъ въ Сухумѣ. За неприкосновенность этихъ вашихъ пунктовъ я ручаюсь.

Да и въ самомъ дѣлѣ «на кого онъ оставитъ Абхазію?» Да развѣ она его? Она—ничья. Скорѣе она—владѣніе его ненавистнаго дядюшки Арслана. Да и эти «два пункта», развѣ они принадлежатъ законному «владѣтелю Абхазіи»? Нѣтъ, они принадлежатъ Россіи, русскимъ: русскіе ихъ защищаютъ. Они принадлежатъ, по справедливости, майору Ракоци, подполковнику Михину да фельдфебелямъ Сукачеву и Кудряшову. Онъ же—только вывѣска, за которою скрывается пустота.

— Вамъ не нужно брать отпуска по службѣ, — продолжалъ Ракоци.—У васъ нѣтъ здѣсь начальства; вы сами себѣ начальникъ. Вы только заявитесь къ Ермолову и скажете, что вамъ нужно полѣчиться. А съ Арсланомъ мы сами будемъ имѣть дѣло,

если онъ здѣсь появится. За ея свѣтлость, княгиню Тамару, и за князя Михаила Георгіевича вы не бойтесь. Да быть можетъ, что и князь Михаилъ захочетъ поѣхать съ вами поразвлечься. Тамъ тоже охота богатая.

Они сидѣли въ небольшомъ кабинетѣ князя. Послѣдній всталъ и нервно заходилъ по домнатѣ.

— Знаете, что писалъ мнѣ Горчаковъ послѣ того, какъ я провозглашенъ былъ владѣтелемъ Абхазіи? — спросилъ онъ, съ горькой ироніей ударяя на словѣ «владѣтель».

— Не знаю, ваша свѣтлость, — отвѣчалъ Ракоци.

Князь вынулъ изъ письменнаго стола бумагу.

— Вотъ что писалъ онъ: — «Излишнимъ почитаю упоминать вашей свѣтлости объ обязанностяхъ вашихъ въ отношеніи къ облагодѣтельствовавшему васъ государю императору. Бывъ воспитаны и возведены на высокое достоинство его милостью, не могу я сомнѣваться въ вѣрности вашей, а благородныя чувства, которыя примѣчаю въ вашей свѣтлости на каждомъ шагу, безъ сомнѣнія, внушатъ вамъ болѣе, нежели все то, что я могу сказать касательно сего предмета».

— «Высокое достоинство!» «Благородныя чувства!» — прервалъ онъ себя съ горечью. — Надъ кѣмъ моя высота, когда у меня нѣтъ подданныхъ? А князь пишетъ (ударилъ онъ рукою по бумагѣ): — «Полудикіе нравы, невѣжество и обычаи подданныхъ вашихъ»... Подданныхъ! Гдѣ они? «Должны казаться вамъ странными, и ваша свѣтлость, безъ сомнѣнія, ясно видите сами необходимость ввести лучшее устройство во всѣхъ частяхъ»... Какія это части? Гдѣ? Въ чемъ? Какое устройство? А онъ еще предостерегаетъ: «За всѣмъ тѣмъ совѣтую вамъ не вдругъ перемѣнять насиліемъ обычаи, господствующіе уже нѣсколько столѣтій въ сей странѣ. Примѣръ вашей свѣтлости будетъ для подвластныхъ вамъ — лучшая наука»...

— Но гдѣ эти подвластные? Я ихъ, какъ нѣкогда Діогенъ, долженъ искать днемъ съ фонаремъ.

Онъ бросилъ на столъ бумагу и вновь зашагалъ по кабинету. Ракоци сочувственно слѣдилъ за нимъ глазами.

— Да вы не волнуйтесь, ваша свѣтлость, — сказалъ онъ успокоительно, — все устроится... А что еще писалъ князь Горчаковъ? Вы, кажется, не все прочли мнѣ. Можно?

Князь опять взялъ бумагу и схватился за голову.

— Здѣсь душно, — сказалъ онъ, — пойдемте на галерею.

Они вышли. На нихъ пахнуло дыханіемъ южной весны. Горы и предгорья уже покрыты были роскошной зеленью. Въ воздухѣ рѣяли и перекликались ласточки. Въ кудрявой зелени дикаго винограда жужжали пчелы. Въ невидимой дали синяго неба, звонко клекотали орлы... «Ѣхать, ѣхать скорѣй туда, къ ней навстрѣчу», думалъ молодой абхазецъ.

Эта мысль оживила его. Онъ засмѣялся: ему показалось теперь комичнымъ его положеніе.

— Чему вы это?—спросилъ Ракоци.

— Вотъ! — ударилъ снова по бумагѣ князь. — Горчаковъ пишетъ: «Личная безопасность ваша, при теперешнихъ смутныхъ обстоятельствахъ, требуетъ безпрестанныхъ мѣръ осторожности, почему и почитаю нужнымъ повторить вамъ то, что имѣлъ честь докладывать изустно, именно: сколь необходимо имѣть вамъ безпрестанно при себѣ не менѣе пятидесяти человѣкъ надежной конницы. Легко можно вамъ собрать и содержать сіе малое число людей. Нѣсколько ласковыхъ словъ и незначительные подарки привяжутъ къ вамъ сію стражу самымъ нелицемѣрнымъ образомъ. При всемъ пособіи отъ россійскаго правительства, не можете вы ожидать, чтобы войска могли гоняться за малыми шайками и наказывать легкія грабительства, но конница ваша можетъ ихъ преслѣдовать всюду и заставлять абхазцевъ повиноваться вашей власти»...

— Что-жъ! Я и содержу эту конницу, — прервалъ онъ чтеніе, — и вотъ братъ Миша охотится съ нею на кабановъ, на дикихъ козъ и на моихъ подданныхъ... Абхазцы — такіе же мои подданные, какъ кабаны и козы: лови ихъ по лѣсамъ и горамъ, и подстрѣливай... Они такіе же мои подданные, какъ эти пчелы, какъ вонъ тѣ ласточки, что лѣпятъ гнѣзда по карнизамъ, какъ вонъ тѣ орлы... Все это мое, и воздухъ мой, и небо мое, и солнце мое, все это на моей землѣ... А онъ еще пишетъ, чтобы я всѣхъ бѣжавшихъ за-границу и возвращающихся съ покорностью, прощалъ, и только милыхъ дядюшекъ моихъ: Арслана, Батала, Ростома и Таяръ-бея, вонъ ихъ сколько у меня! Не допускалъ бы въ Абхазію: «пролитая ими кровь русская да будетъ мститься до потомства, и именемъ высшаго начальства я возлагаю на

вашу свѣтлость обязанность преслѣдованія ихъ всюду»... Ну, и преслѣдуй вонъ тѣхъ орловъ!

— А чортъ съ ними! — сказалъ онъ, наконецъ, останавливаясь противъ Ракоци. — Вы правы... Ѣхать, такъ ѣхать... А то я съ ума сойду отъ моего «высокаго достоинства»!

II.

Прошло нѣсколько недѣль. Въ Кисловодскѣ, у самаго обрыва Крестовой горы, лицомъ къ Нарзану стояли двое мужчинъ: одинъ пожилой въ статскомъ платьѣ, другой — молодой, въ сюртукѣ кавалергардскаго офицера, и молоденькая дѣвушка со свѣтлыми, почти пепельнаго отлива, локонами. За ними лѣтъ 12 дѣвочка и лѣтъ 8—9 мальчикъ играли съ собакой.

— Господи, какъ хорошо! — почти шопотомъ проговорила дѣвушка. — Я даже вообразить себѣ не могла ничего подобнаго, когда въ Петербургѣ думала о Кавказѣ.

— Да это и не Кавказъ, княжна, — замѣтилъ пожилой мужчина, — это только преддверіе Кавказа.

— Не знаю, докторъ. Но посмотрите, какя даль, какой просторъ! А эти пропасти, тамъ, между скалъ, вотъ эта, прямо, которая теряется среди ущелій, или эта—влѣво... Въ нихъ есть что-то таинственное.

— Онѣ называются здѣсь просто балками: вотъ эта, что противъ насъ, Березовая балка; вотъ та, лѣвѣе — Кабардинская, еще лѣвѣе — Ольховая. Все это такія прозаичныя названія. А тамъ, за Подкумкомъ, видите сѣрые уступы? Тамъ, нѣсколько ниже, Кольцо-гора.

— Ахъ, да, мнѣ ее дорогой показывали издали, — сказала дѣвушка.

—А вонъ съ продолговатой горы, въ родѣ огромнаго пирога, — указалъ рукою, обращаясь лицомъ къ востоку, тотъ, котораго назвали докторомъ, — съ той горы виденъ и Эльборусъ в весь хребетъ, изъ-за котораго иногда налетаютъ сюда черкесы.

— Абхазцы съ Арсланъ-беемъ! — встрепенулась дѣвушка, мѣняясь въ лицѣ.

Офицеръ значительно посмотрѣлъ на нее.

— Да, абхазцы, княжна, — спокойно отвѣчалъ докторъ,—

Но вамъ нечего бояться: въ Кисловодскѣ есть чѣмъ дать имъ отпоръ. Да они хищничаютъ только по окрестнымъ мирнымъ ауламъ: угоняютъ скотъ, иногда хватаютъ дѣтей-пастушковъ, а то и дѣвушекъ, дѣвочекъ, что попадется. Съ Арсланъ-беемъ неразлучна его красавица жена, Эсма-ханумъ, удивительная наѣздница.

— Ахъ, какъ бы я хотѣла видѣть хребетъ съ той горы!— что-то обдумывая, проговорила дѣвушка. — Какъ ее зовутъ, докторъ?

— Елизаветинская гора. Въ третьемъ году я нѣсколько разъ сопровождалъ на эту гору поэта Пушкина и его друга Раевскаго... Какой очаровательный этотъ Пушкинъ!

— Я съ Александромъ Сергѣевичемъ знакома была въ Петербургѣ, — сказала дѣвушка, — онъ такой... точно ртутный.

— И вообразите, княжна: когда мы были на Елизаветинской горѣ, онъ все утверждалъ, что слышитъ стоны Прометея и видитъ его прикованнымъ къ вершинѣ горы... Даже гору показывалъ, и назвалъ ее Прометеевой... Говоритъ, что въ абхазцахъ течетъ буйная кровь Прометея... Такъ и говорилъ бывало: поѣдемте на Елизаветинскую гору слушать стоны Прометея и смотрѣть на Абхазію.

— И я хочу посмотрѣть на Абхазію, докторъ, — капризно проговорила дѣвушка.

— И я! И я! — разомъ закричали, подбѣгая, дѣвочка и мальчикъ, — вѣдь тамъ «свѣтлый дядя» живетъ.

По лицу офицера пробѣжала тѣнь. Онъ нетерпѣливо двинулъ плечами и повернулся въ сторону Кисловодска.

— А посмотрите внизъ: тамъ ѣдутъ абхазцы, — сказалъ онъ насмѣшливо.

Но дорогѣ отъ Эссентуковъ, дѣйствительно, двигалась группа всадниковъ, числомъ около пятидесяти, въ горскихъ костюмахъ, въ папахахъ, въ буркахъ. Спустившись къ Ольховкѣ, они вдоль ея берега слѣдовали по направленію къ Парзану. Впереди группы ѣхали два всадника на прекрасныхъ коняхъ, украшенныхъ дорогою наборною сбруей.

— Князь, дайте мнѣ, пожалуйста, вашу трубу, — сказала дѣвушка дрогнувшись голосомъ.

Офицеръ снялъ зрительную трубу, висѣвшую у него черезъ плечо, и съ поклономъ подалъ ее дѣвушкѣ.

Она долго наводила трубу, поправляла ее, и вдругъ руки ея задрожали, и она, видимо, поблѣднѣла, потомъ щеки ея покрылъ румянецъ.

— Что съ вами, княжна? — спросилъ тотъ, кого называли докторомъ. — Вы, въ самомъ дѣлѣ, испугались?

Дѣвушка не сразу отвѣчала, возвращая трубу офицеру.

— Пойдемте скорѣй, — сказала она взволнованнымъ голосомъ, стараясь казаться спокойной. — Это ѣдетъ князь Шервашидзе... Я узнала его. Пойдемте, встрѣтимъ его...

— «Свѣтлый дядя!» «Свѣтлый дядя!» — радостно закричали мальчикъ и дѣвочка.—Фингалъ! «Свѣтлый дядя» пріѣхалъ.

Собака начала радостно прыгать на дѣтей и лаять.

— Владѣтель Абхазіи, абхазскій царь!—прыгала дѣвочка.

— Онъ мой, Катя! — протестовалъ мальчикъ.—Онъ училъ меня верхомъ ѣздить.

— Нѣтъ, мой! Онъ называлъ меня: «моя маленькая фея»,— возражала дѣвочка.

Всѣ поспѣшно стали спускаться съ Крестовой горы по гладко утоптанной дорожкѣ, которая крутыми зигзагами вела прямо къ Нарзану, дѣлая какъ спускъ съ горы, такъ и подъемъ на нее очень удобными. Впереди бѣжали дѣти и собака, которая радостно лаяла, вторя веселой болтовнѣ дѣтей.

— Говорятъ, Арсланъ-бей и его три брата оспариваютъ у своего племянника, князя Шервашидзе, владѣніе Абхазіей, — говорилъ докторъ, поспѣшая за дѣвушкой.

— Да это просто разбойники, а Арсланъ-бей, кромѣ того, и отцеубійца, — отвѣчала на ходу дѣвушка.

— Неужели?—удивился докторъ.

— Да. Онъ убилъ своего отца, Келешъ-бека, дѣдушку князя Шервашидзе.

Группа всадниковъ подъѣзжала уже къ Нарзану, когда дѣти показались ей навстрѣчу. И мальчикъ, и дѣвочка въ нерѣшительности остановились, поглядывая на всадниковъ.

— Сережа! Катя! Екатерина Павловна! — радостно воскликнулъ передній всадникъ, соскакивая съ лошади.

Это былъ князь Димитрій Шервашидзе. Онъ горячо обнялъ Сергею и поцѣловалъ руку у дѣвочки.

— Какъ я радъ! Какъ вы выросли! А гдѣ же ваши? — спрашивалъ онъ, любуясь дѣтьми.

— Вонъ Варя. А мама и папа въ паркѣ.

Изъ-за ствола бѣлой акаціи мелькнуло свѣтлое платье княжны Варвары Павловны Гагариной. За нею слѣдовали знакомый уже намъ молодой князь Голицынъ и докторъ. Княжна шла, казалось, нерѣшительно, точно впереди ждалъ ее совершенно незнакомый мужчина. Почти годъ, въ теченіе котораго они не видѣлись, если и не поставилъ преграды между ихъ чувствами, но въ проявленіе ихъ все-таки внесъ нѣкоторое измѣненіе, особенно со стороны дѣвушки. А годъ жизни въ такомъ возрастѣ, въ какомъ оставилъ княжну Варю молодой абхазецъ, это цѣлая эпоха: было четырнадцать лѣтъ, стало пятнадцать. Болѣе трехсотъ дней опыта, размышленій, сомнѣній, это куда какъ много въ пятнадцать лѣтъ!..

Шервашидзе быстро пошелъ ей навстрѣчу. И для него годъ прошелъ не безслѣдно.

— Княжна... Варвара Павловна... Какъ я счастливъ...

Но съ той стороны счастье свиданья ничѣмъ не выразилось. Тамъ и сердце очутилось подъ кольчугой, и лицо подъ забраломъ: это была уже не Варя, а женщина. Крѣпость приходилось брать снова. Влюбленный абхазецъ почувствовалъ это сразу: непріятельскую хитрость, фальшивые маневры, неожиданныя вылазки, все это предстояло испытать до капитуляціи, да еще и послѣдуетъ-ли она?..

Съ самой утонченной свѣтской вѣжливостью княжна отвѣчала на привѣтствіе молодого абхазца.

— Я не ожидала васъ встрѣтить здѣсь, по крайней мѣрѣ, такъ скоро...

— Но я писалъ... Вы писали мнѣ, — говорилъ растерянно простодушный абхазецъ, сбитый съ позиціи утонченнымъ женскимъ коварствомъ.

— Вы, кажется, были знакомы съ княземъ... князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ...

«Кажется... были знакомы... кажется... она все забыла»...

Не забыла! Но съ женскимъ ехидствомъ испытываетъ, экзаменуетъ.

— Позвольте васъ познакомить: докторъ Григорій Ивановичъ Черненко, князь Димитрій Георгіевичъ Шервашидзе

«Владѣтель» Абхазіи, совсѣмъ растерявшійся, поздоровался машинально съ княземъ Голицынымъ, не замѣтивъ даже насмѣшливой улыбки на самодовольномъ лицѣ послѣдняго, потомъ крѣпко пожалъ руку доктору. Казалось, онъ ничего не понималъ. Но это именно и тѣшило лукавую дѣвчонку, это именно и нравилось въ немъ ей, избалованной плоскими любезностями и стереотипными комплиментами петербургской золотой молодежи, которые такъ ей опротивѣли... А это такой милый дикарь, надо его помучить, налюбоваться на его замѣшательство..

Они подошли къ выстроившейся свитѣ князя. Молодецъ къ молодцу! Сердце коварной дѣвчонки забилось радостью и гордостью... «Все это мое... я ихъ царица»...

— Гдѣ же вашъ братъ?

Юный красавецъ стоялъ первымъ въ строю, сдерживая своего молодецкаго коня. Казалось, это была чудная, вылитая изъ бронзы, конная статуя. При вопросѣ, «гдѣ же вашъ братъ?» густая краска залила смуглыя щеки юноши; но онъ оставался тою же прекрасной статуей; только, при видѣ смущенія старшаго брата, на груди его трепсталъ недавно пожалованный ему бѣленькій крестикъ.

— Миша... съ тобою желаютъ... я тебя долженъ представить княжнѣ...

Юноша въ одно мгновенье былъ на землѣ, сдѣлавъ два шага и вытянулся въ струнку: — онъ думалъ, что предъ нимъ, по крайней мѣрѣ, дочь самого царя.

Княжна подошла и съ улыбкой протянула ему руку... «Что за прелесть они оба!» Ликовало ея сердце: «и какъ въ сравненіи съ ними противенъ Голицынъ съ его самоувѣренной улыбкой».

— А вотъ и мама! — кричалъ издали Сережа, таща княгиню за руку. — «Свѣтлый дядя» пріѣхалъ.

За ними показался и князь Павелъ Сергѣевичъ, подъ руку съ Катей.

— Какъ вы похудѣли, дорогой князь! — ласково, съ ма-

теринской нѣжностью, говорила княгиня, поздоровавшись съ молодымъ абхазцемъ. — Не были ли вы больны?

— Нѣтъ, уважаемая княгиня, я не былъ боленъ, — отвѣчалъ тотъ, чувствуя, при видѣ искренней ласковости княгини, приливъ горячей къ ней нѣжности. — Заботы...

— Тяжела шапка Мономаха, — улыбнулся князь Павелъ Сергѣевичъ, крѣпко пожимая руку молодому человѣку.

— Мама, позволь представить тебѣ князя Михаила Георгіевича, — говорила между тѣмъ лукавая дѣвушка, подводя къ матери юнаго Шервашидзе, которымъ завладѣла сразу, и который также сразу влюбился въ нее.

— Очень рада, очень рада... Такой молоденькій, и уже съ Георгіемъ,—говорила княгиня, любуясь смущеніемъ юнаго красавца

— За подвиги противъ родного дяди, — пояснилъ старшій Шервашидзе.

— Противъ Арсланъ-бея?.. Какъ это мило: защищать интересы брата и законнаго владѣльца страны... Я бы желала чтобы мой сынъ былъ такимъ...

— Я и буду такимъ! — выпалилъ Сережа, и разсмѣшилъ всѣхъ.

III.

Тревожно провели эту первую ночь, послѣ встрѣчи у Нарзана, и князь Димитрій, и княжна Варя. Только тревоги ихъ были не одинаковыя. Варя чувствовала, что теперь она еще больше, серьезнѣе, глубже любитъ этого «Прометеева потомка». По его похудѣвшему лицу, по неуловимымъ проблескамъ чего-то въ его подчасъ задумчивомъ и затуманенномъ взорѣ, она смутно сознавала, что онъ много пережилъ за этотъ годъ, много передумалъ. Онъ сталъ серьезнѣе, сдержаннѣе. Ее неодолимо влекла къ нему горячая нѣжность. Кажется, она такъ и разрыдалась бы у него на груди. Но ее останавливала безумная ревность къ кому-то, къ чему-то. А если его грустные глаза, тамъ, за этими горами, съ любовью глядѣли въ другіе глаза? Судя по его брату только, по лицамъ его свиты, тамъ, за этими горами неисчерпаемый уголъ красоты. Каковы же должны быть тамъ женщины, когда

есть такіе мужчины! Ложная дѣвическая стыдливость, глупая гордость толкнули ее сегодня на ложный путь. Она слишкомъ холодно, слишкомъ чопорно встрѣтила его, и тѣмъ сама вырыла себѣ пропасть и поставила стѣну отчужденія отъ ихъ прежней короткости, отъ прежней близости, которая теперь вскружила бы ей голову и заставила трепетно забиться сердце. А она оттолкнула его...

«Сама, сама виновата», — шептала она, чувствуя, какъ слезы скатывались съ ея лица на подушку. Она припомнила теперь, въ ночной тишинѣ, его недоумѣвающій грустный взглядъ. Въ этомъ взглядѣ была искренность, честность; а она вела себя безчестно, притворялась, хитрила съ нимъ, и теперь ей казалось, что всѣ женщины безчестны, вѣчно прячутъ свое чувство, играютъ роль или кокетничаютъ... «А это подло, подло — шептала она, чувствуя, что щеки ея пылаютъ,—мужчины честнѣе насъ, искреннѣе, правдивѣе! А мы, лицемѣрки, прикидываемся невинными, непонимающими... Это—чтобъ придать себѣ цѣну... Торговки мы, торговки!.. Развѣ это не торгъ, не запросъ лишней цѣны за свой товаръ, когда мы обнажаемъ плечи и руки, чтобъ соблазнять, а сами лицемѣрно потупляемъ глазки, какъ будто отъ скромности, отъ стыда, а не стыдимся показывать всѣмъ голыя плечи... А если мужчина только безъ галстука, мы должны сгорѣть со стыда, вознегодовать... Какъ это нечестно, какъ возмутительно!»

Она торопливо стала утирать слезы... «Не надо, не надо плакать, а то завтра глаза будутъ красные и носъ красный... А вѣдь мы условились ѣхать на Елизаветинскую гору. Да, вотъ мы всѣ такія: сегодня встрѣтила его холодно, какъ чужого, а завтра боюсь показаться ему съ красными глазами, некрасивою... Гадкія, гадкія! Они всѣ лучше насъ, благороднѣе».

Невольно она перешла на воспоминанія о Павловскѣ, о катаньѣ по парку, о скамейкѣ на берегу Славянки, о ландышахъ, о кукованіи кукушки въ тотъ вечеръ и на этомъ не чувствительно заснула.

Другого характера тревоги превратили для молодого владѣтеля Абхазіи эту ночь послѣ встрѣчи у Нарзана, въ ночь мучительныхъ терзаній. Человѣкъ пылкаго темперамента, онъ, въ ожиданіи встрѣчи, которая случилась такъ неожиданно, потра-

тилъ слишкомъ много энергіи сердца, и теперь имъ овладѣло подавляющее духъ угнетеніе. Здѣсь, въ ясномъ, дѣтски-невинномъ взорѣ онъ надѣялся найти тотъ живой источникъ, изъ котораго думалъ почерпнуть силы Прометея, чтобы вдохнуть небесный огонь въ свой народъ. Какъ? Онъ этого не зналъ. Но онъ вѣрилъ, что какимъ-либо чудомъ достанетъ этотъ огонь съ неба; а его небо, все небо, вмѣщалось въ томъ ясномъ, невинномъ взорѣ, который, увы! послѣ встрѣчи у Нарзава закрылъ для него это небо. То нравственное угнетеніе, которое онъ влачилъ эту зиму въ Абхазіи и которое, казалось, отлетѣло отъ него, едва онъ перешагнулъ кавказскій хребетъ и выбрался на необъятный просторъ кубанскихъ степей, снова, казалось, сошло на его душу вмѣстѣ съ шумомъ кипучихъ струй Нарзана.

Развѣ это т а Варя, прежняя? Э т а красивѣе той, много красивѣе; но... отъ нея, казалось, что-то отлетѣло, что-то оторвалось, какъ будто у бѣлой лиліи унесло нѣсколько самыхъ нѣжныхъ лепестковъ. Мелодія ея милаго голоса уже не та. Прежде, когда она говорила, онъ чувствовалъ, что она д л я н е г о говоритъ, въ его душу переливаетъ музыку милаго голоса. Теперь же, у Нарзана, она говорила для всѣхъ, и, быть можетъ, больше для того постылаго человѣка, который такъ самоувѣренно глядѣлъ на нее.

А что онъ скажетъ, если она спроситъ его объ Абхазіи? Да и поинтересуется ли она теперь? Можетъ быть, это одна только женская причуда избалованной петербургской барышни, что она завтра хочетъ ѣхать на Елизаветинскую гору, «чтобъ хоть оттуда взглянуть на Абхазію», «на вашу Абхазію», какъ она иронически выразилась. Что жъ онъ можетъ теперь предложить ей? Почти тюремное заключеніе въ Соуксу и общество угрюмаго Уруса Лаквари и добраго майора Ракоци? Захотѣла ли бы она, еслибъ знала все, промѣнять упоительный для нея шумъ и блескъ петербургскаго свѣта на монотонную жизнь въ Соуксу или хотя бы въ Тифлисѣ? Гдѣ жъ ему теперь почерпнуть ту нравственную силу, ту мощь орла, чтобы подъ крылья свои собрать свой народъ, всю Абхазію? Кто вложитъ въ уста его даръ пророка, слову котораго внимали бы камни, скалы и горныя рѣки его родины? А онъ надѣялся здѣсь почерпнуть эту

силу, и Абхазія была бы у его ногъ, чтобы онъ могъ повергнуть ее къ маленькимъ ножкамъ той, которая...

— Кто тамъ?

— Это я, Урусъ Лаквари... Господинъ не спитъ? Что тревожитъ господина?

— Скоро ли утро?

— Уже звѣзда Востока начинаетъ тускнѣть.

— Скажи тамъ конвою, чтобъ лошади хорошо были накормлены, вычищены, чтобъ сбруя блестѣла на солнцѣ: когда нѣсколько спадетъ дневной жаръ, мы сдѣлаемъ прогулку въ горы.

— Все будетъ исполнено, господинъ.

— А чтобъ васъ шайтанъ защекоталъ! — послышался сердитый сонный голосъ юнаго Шервашидзе, который спалъ въ другомъ отдѣленіи просторной палатки. — На самомъ интересномъ мѣстѣ разбудили... Я видѣлъ во снѣ эту хорошенькую пери Гага... Гага, какъ ее, шайтанъ! Гагагину... Мы сидѣли съ ней на высокой, высокой горѣ, а подъ нами шумѣлъ Терекъ... Она — эта пери Гага, боялась упасть въ Терекъ, а я ее обнялъ, и только сталъ цѣловать ея губки, вы, шайтаны, и разбудили меня, и моя пери улетѣла на небо.

— Глупости ты болтаешь, — недовольнымъ голосомъ отозвался старшій братъ.

— Не глупости! А ты, братъ — тряпка. Зналъ въ Петербургѣ эту пери, этого дьявоненка, и не укралъ ея. Рыба ты, а не абхазецъ, не делибашъ!

— Да замолчи ты, глупый мальчишка!

Спать они уже оба не могли, и потому, какъ только взошло солнце и облило золотомъ вставшіе надъ Кисловодскомъ зеленые скаты горъ, съ сѣрыми прорѣзами скалъ, и верхушки столѣтнихъ кленовъ и тополей парка, велѣли Урусу Лаквари захватить простыни и идти съ ними къ Нарзану. Тамъ они хотѣли взять освѣжительныя ванны этого живительнаго источника

Палатка ихъ разбита была на возвышеніи, позади цитадели, которая господствовала надъ всѣмъ пространствомъ, ограниченнымъ теченіями рѣчекъ Березовки и Ольховки, нѣсколько ниже сливавшимися въ одинъ быстрый потокъ, стремившійся къ Подкумку. Выйдя изъ палатки, они услыхали оживленные голоса

внизу и увидѣли, что это пукеры конвоя купали въ Березовкѣ лошадей. У воротъ цитадели часовой отдалъ имъ честь.

Утро было прелестное, воздухъ необыкновенно мягкій и прозрачный. Эта прозрачность позволяла видѣть въ недосягаемой высотѣ черныя точки, медленно по спиралямъ двигавшіяся въ бирюзовой синевѣ неба. То были орлы. Ниже кружились въ воздухѣ болѣе мелкіе хищники, копчики, оглашавшіе низины Кисловодска своимъ звонкимъ киканьемъ. Еще ниже, надъ Ольховкою, ласточки словно пули чертили по всѣмъ направленіямъ утренній воздухъ. Но прелесть зарождающагося дня не дѣйствовала на этотъ разъ на душу удрученнаго ночными думами молодого «повелителя» Абхазіи. Онъ видѣлъ передъ собою одно—удлиненный, покатый къ югу массивъ Елизаветинской горы и ея крутыя сѣрыя ребра. Туда должна была направиться сегодня занимавшая его поѣздка. Онъ теперь глядѣлъ на все глазами той, о которой съ такой тревогой продумалъ всю ночь. И она увидитъ все это. Вонъ правѣе, возвышаясь изогнутыми линіями, окутанные темною зеленью, тянулись къ югу гребни горъ, за которыми уже высились зубчатые великаны, заслонявшіе его Абхазію. Лѣвѣе массива Елизаветинской горы, долина Подкумка представляла нѣчто вродѣ широкихъ воротъ, изъ-за которыхъ выглядывали неопредѣленныя очертанія возвышенностей, уходившихъ въ синюю, дымчатую даль. Братья молча спустились къ невысокому каменистому берегу Ольховки, которая гармонично журчала и плескалась о торчавшіе изъ воды камни. Моста не было, да въ немъ никто и не имѣлъ надобности. Младшій Шервашидзе, привыкшій съ дѣтства къ горнымъ рѣчкамъ своей родины, быстро перемахнулъ по торчавшимъ камнямъ на другую сторону Ольховки. Старшій братъ остановился въ нерѣшительности. Какъ это полковнику императорской гвардіи и повелителю Абхазіи, подобно горной козѣ, прыгать черезъ рѣчки!

— А ты, пѣженка, и этого не сумѣешь сдѣлать?—подзадоривалъ его младшій братъ.—Урусъ, перенеси его на себѣ, какъ дѣвчонку,—бросилъ онъ насмѣшку шедшему за ними съ простынями и полотенцами Урусу Лаквари, который лукаво улыбался.

Князь Димитрій, подзадориваемый братомъ, послѣдовалъ его

примѣру. Но, болѣе тяжелый чѣмъ онъ, князь Димитрій быстрымъ скачкомъ сдвинулъ одинъ камень съ мѣста и оступился въ воду лѣвой ногой.

— Я такъ и зналъ! — весело разсмѣялся юный Шервашидзе.—Вотъ если бы тебя увидала петербургская пери... вотъ срамъ! А еще горецъ.

— Я не коза и не собака, чтобы прыгать черезъ глупыя рѣчонки!—сердито проворчалъ князь Димитрій, отирая о траву мокрый сапогъ и радуясь, что его въ этотъ моментъ не видала «петербургская пери».

Въ купальномъ бассейнѣ Нарзана они встрѣтили только доктора Черненко, который каждое утро купался въ цѣльной водѣ живительнаго источника. Онъ только что вышелъ изъ бассейна и теперь одѣвался.

— Я ужасно люблю купаться въ цѣльномъ Нарзанѣ,—говорилъ онъ, дрожа отъ холода,—точно шипучее шампанское обхватываетъ тѣло, и порядочно-таки сѣчетъ. Но послѣ купанья чувствуешь необыкновенную бодрость. Такъ ваша свѣтлость не раздумали сегодня ѣхать цѣлой компаніей на Елизаветинскую гору?—спросилъ онъ.

— О, нѣтъ, докторъ, я съ удовольствіемъ поѣду,—отвѣчалъ князь Димитрій.

— А княжна Варвара Павловна вчера весь вечеръ мечтала объ этой поѣздкѣ, какъ ребенокъ, радовалась,—продолжалъ докторъ.—Да она и въ самомъ дѣлѣ еще ребенокъ..

«Н-ну!—подумалъ про себя князь Димитрій.—Вчера она совсѣмъ не ребенкомъ себя показала».

IV.

Послѣ обѣда, едва зной сталъ спадать, князья Шервашидзе, въ сопровожденіи всего своего блестящаго конвоя, подъѣзжали уже къ большому, покрытому соломой дому, въ которомъ остановилось семейство князя Гагарина. Домъ этотъ выходилъ на слободскую площадь, наискосокъ отъ небольшой кисловодской церкви. По двумъ сторонамъ дома, обращеннымъ на сѣверъ и на сѣверо-западъ, тянулась крытая галлерея, дававшая тѣнь и прохладу въ знойные часы дня. Всѣ Гагарины сидѣли на галлереѣ.

Тамъ же былъ докторъ Черненко и князь Голицынъ, которые обѣдали у Гагариныхъ.

Увидя молодыхъ князей Шервашидзе и ихъ блестящую свиту, княжна Варвара Павловна густо покраснѣла. Въ краску ее бросило простое соображеніе: вчера къ своему нынѣшнему обѣду они не приглашали Шервашидзе, а между тѣмъ докторъ и Голицынъ приглашены. Но это сдѣлано было не спроста, а подъ вліяніемъ обыкновенной женской логики. Надо было и тутъ слукавить: кого наиболѣе желательно было видѣть у себя, тѣхъ-то именно и не пригласили. И на этомъ лукавомъ вывертѣ настояла та, которую считали наивнымъ ребенкомъ. Она прямо сказала матери: «если мы ихъ сейчасъ же пригласимъ, то подумаютъ, что мы вѣшаемся на шею владѣтелю Абхазіи, и Голицынъ первый это подумаетъ и разблаговѣститъ по всему Петербургу». Мать безмолвно повиновалась юному дипломату, потому что заинтересованною стороною въ данномъ случаѣ являлся именно этотъ дипломатъ, которому еще слѣдовало бы ходить въ коротенькихъ платьицахъ.

— «Свѣтлый» дядя ѣдетъ! — радостно закричалъ Сережа, увидавъ подъѣзжающихъ.

Братья Шервашидзе сошли съ лошадей и поднялись на галлерею. Отчаянный головорѣзъ, князь Михаилъ, снова превратился въ растерявшагося мальчика, какъ только очутился въ непривычномъ обществѣ. Но къ нему на выручку опять явилась старшая княжна.

— А я вчера и не замѣтила, вы георгіевскій кавалеръ?— сказала она ласково.

— Да, княжна,—отвѣтилъ юноша, краснѣя

— Въ какомъ дѣлѣ вы его получили?—спросила княжна.

— Въ дѣлѣ съ черкесами у аула Схаби, гдѣ мы штурмомъ взяли завалы.

— И вы сражались, и убили черкеса?—съ пылающими глазами, пожиравшими юнаго героя, спросилъ Сережа.

— Да... зарубилъ саблей.

— Одного?

— Нѣтъ, троихъ, а, говорятъ, даже пятерыхъ... и самъ сгоряча не замѣтилъ.

Сережа такъ и прикипѣлъ на мѣстѣ отъ удивленія и благоговѣнія. «Вотъ вы какой». Но докторъ торопилъ ѣхать, чтобы до

сумерекъ вернуться, и потому всѣ сошли къ лошадямъ. Князь Голицынъ хотѣлъ было помочь княжнѣ Варѣ сѣсть на сѣдло, но она съ женской увертливостью отклонила отъ себя его услугу.

— Димитрій Георгіевичъ! Вы не разучились сажать меня на сѣдло?—ловко вывернулась она, поглядѣвъ на старшаго Шервашидзе.

Тотъ поспѣшилъ къ ней и ловко посадилъ на сѣдло, оправивъ и выровнявъ длинный шлейфъ. Катю поднялъ на лошадь молодой лицеецъ въ тонкой верблюжьей чухѣ, а Сережа все силился самъ вскарабкаться на своего коня и не могъ, а потому огромный казакъ, котораго онъ называлъ своимъ грумомъ, подхватилъ его, какъ перышко, и преспокойно водворилъ на сѣдлѣ, давъ ему поводья въ руки. Ножки Кати, обутые въ блѣднорозовые чулочки и въ маленькіе ботинки, словно голенькія, какъ-то безпомощно выглядывали изъ-подъ коротенькаго бѣленькаго платьица. Сережа видимо чувствовалъ себя почти героемъ, и постоянно поглядывалъ на младшаго Шервашидзе, рѣшивъ въ умѣ совсѣмъ сдѣлаться героемъ и во всемъ подражать обворожившему его юному георгіевскому кавалеру. Скоро внушительная кавалькада двинулась въ путь.

— Смотрите же, Димитрій Георгіевичъ, и всѣ вы, господа, вечеромъ къ намъ чай кушать,—напутствовала отъѣзжающихъ княгиня Гагарина.

Варя ѣхала между братьями Шервашидзе. Лошадь князя Голицына шла рядомъ съ лошадью младшаго Шервашидзе. За ними слѣдовали докторъ, Катя и Сережа. Конвой держался нѣсколько поодаль.

Миновавъ паркъ, который тянулся по обѣ стороны Ольховки, и спустившись на ровное мѣсто, вблизи Нарзана, конвой, по знаку младшаго Шервашидзе, проѣхалъ нѣсколько впередъ и началъ головоломную джигитовку. Что продѣлывали отчаянные наѣздники съ своими быстроногими послушными лошадками, это не поддается никакому описанію. Было что-то головокружительное въ этомъ дикомъ состязаніи быстроты, ловкости и удали. Казалось, это мчатся какіе-то демоны на бѣсноватыхъ животныхъ: въ воздухѣ мелькали сверкающія обнаженныя сабли, развѣвающіяся отъ быстраго движенія чухи, звенѣли стремена, раздавались выстрѣлы.

Сердце юнаго горца не вытерпѣло. Князь Михаилъ ринулся

въ общій танецъ демоновъ и превзошелъ всѣхъ ихъ: онъ мчался, то стоя на сѣдлѣ, то на всемъ скаку сползалъ подъ брюхо лошади, то хваталъ съ земли брошенную монету.

— Господи, какой отчаянный! Какъ онъ не боится,—шептала Варя, блѣдная отъ волненія.

— Съ дѣтства привыкъ,—успокоивалъ ее князь Димитрій.

— Но мнѣ страшно за него... такой молоденькій...

— Онъ вамъ ровесникъ, ему пятнадцать лѣтъ.

Катя и Сережа были окончательно дорѣзаны джигитовкой, но только волновались неодинаковыми чувствами. Сережа видѣлъ въ юномъ Шервашидзе какое-то высшее существо. Но Катя вдругъ заплакала: такъ дорогъ ей вдругъ сталъ этотъ необыкновенный юноша, что она сію минуту готова была умереть за него, лишь бы только онъ не упалъ, не убился до смерти. Ее охватило такое жгучее чувство, она такъ любила его въ эту минуту, что отдала бы за него весь міръ, отца, мать, свою жизнь, и она истерически закричала: «Я не хочу, не хочу!.. Онъ убьется... Спасите его!..» Всѣхъ встревожилъ ея крикъ, и докторъ поспѣшилъ ей на помощь.

— Прикажите остановить джигитовку,—торопливо и взволнованно крикнулъ онъ,—дѣвочкѣ дурно.

Всю трепещущую отъ конвульсивныхъ вздрагиваній и рыданій, онъ снялъ маленькую наѣздницу съ сѣдла и съ трудомъ влилъ ей въ ротъ изъ висѣвшей у него черезъ плечо фляжки нѣсколько капель нарзана съ виномъ. Кавалькада остановилась, джигитовка моментально прекратилась, и всѣ окружили Катю, все еще всхлипывавшую и повторявшую: «Онъ не упалъ?... Онъ не убился?..» Дѣвочка успокоилась только тогда, когда увидѣла подошедшаго къ ней виновника ея испуга... Вы не ушиблись? Нѣтъ?.. Ахъ, страшно!»—лепетала она, безсознательно прижимаясь къ нему. Совсѣмъ растерявшійся юный абхазецъ также безсознательно гладилъ и цѣловалъ голову дѣвочки, безсмысленно повторяя: «нѣтъ, нѣтъ... простите меня, простите»...

— Какая дура!—вдругъ раздался голосъ Сережи, и всѣ сразу опомнились, пришли въ себя.

Опомнилась и Катя. Она отняла руки отъ шеи молоденькаго абхазца и глядѣла на всѣхъ большими изумленными глазами, въ которыхъ еще блистали слезы... «Я такъ испугалась»,—сконфуженно проговорила она.

— А я такъ вовсе не испугался,—гордо заявилъ Сережа.

Юный герой, виновникъ всего этого переполоха, теперь тоже походилъ на растерявшуюся дѣвочку.

— Выпейте еще немножко, милая,—говорилъ докторъ, подавая Катѣ свою фляжку.

— Ну, ваше сіятельство, Екатерина Павловна, опростоволосились же вы,—насмѣшливо говорилъ князь Голицынъ.—Маху дали сударыня!.. И шляпку потеряли...

— Я тоже очень боялась за Михаила Георгіевича,—заявила и княжна Варя.

Катя и юный Шервашидзе сконфуженно, но любовно поглядывали украдкой другъ на друга. Катѣ такъ хотѣлось теперь снова обнимать его, прижиматься къ нему. Голицынъ поднялъ упавшую съ головы Кати шляпу... «Маху дали», — шепнулъ онъ.

Но скоро всѣ усѣлись на лошадей, и шествіе продолжалось, но уже безъ джигитовки. Катя ѣхала задумчивая... «Маху дала... это что я расплакалась. Что жъ, я очень испугалась за него... Да и Варя говоритъ, что очень боялась за Михаила Георгіевича... Да вонъ и мама разъ плакала, когда Сережа упалъ съ качелей. Они тоже испугались. Всѣ плачутъ отъ испугу... А что я бросилась къ нему, ухватилась за него, такъ это я обрадовалась, что онъ живъ... Онъ такой милый, такой храбрый. Онъ гладилъ и цѣловалъ мою голову... А Голицынъ противный!—«Маху дала!» Гадкій! А вѣдь какими глазами онъ самъ тогда смотрѣлъ на Варю, точно Фингалка на кусокъ сахару. Противный, противный!.. А Михаилъ Георгіевичъ... Миша, онъ не такой, не насмѣшникъ... Когда я выросту большая, я выйду за него замужъ... Какъ весело будетъ! «Свѣтлый дядя»—Варинъ мужъ, а Миша—мой, и мы всѣ будемъ жить вмѣстѣ... Мы возьмемъ къ себѣ и папу, и маму, а Сережа тогда ужъ будетъ офицеромъ»...

— Оглянитесь! Оглянитесь!—вдругъ раздался голосъ доктора, который, поворотивъ коня, глядѣлъ куда-то на югъ.

— Что такое?—спросила Варя.

— Дѣдушка показался, сѣдой, вѣчный старикъ — Эльборусъ... Видите, вонъ бѣлое облако на горизонтѣ.

Всѣ остановились и смотрѣли. Всѣхъ поражала эта угрюмая, молчаливая отчужденность.

— Какъ ему скучно должно быть,—оригинально выразила свою мысль Катя.

— Вѣрно, вѣрно!—воскликнулъ докторъ.—Какъ это вѣрно сказано! То же говорилъ и Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ:—«какое, говоритъ, одиночество, безотрадное, вѣчное одиночество!» Екатерина Павловна такъ чутко поняла это.

— О, princesse Catherine—поэтъ въ душѣ!—съ прежней ироніей замѣтилъ князь Голицынъ.

Катя, польщенная словами доктора, взглянула на младшаго Шервашидзе, и глаза ихъ встрѣтились. Она покраснѣла и стала упорно смотрѣть на далекаго сѣдого великана.

— Точно бѣлая копна,—выразилъ свою мысль Сережа.—Вотъ бы на салазкахъ съ нея спуститься.

— У насъ, въ Абхазіи, старику не было бы скучно,—замѣтилъ старшій Шервашидзе.—Тамъ у него было бы много братьевъ, дѣтей и внуковъ.

Полюбовавшись на эту удивительную гору, одинъ видъ которой пугалъ мысль и воображеніе, кавалькада стала подниматься все выше и выше. Елисаветинская гора, все время не сходившая съ фона разстилавшейся впереди картины, теперь внушительно вставала передъ глазами путниковъ. Но съ этой стороны гребень ея былъ недосягаемъ. Нужно было ѣхать въ обходъ, вправо, по постоянно выроставшему подъему. Кругомъ—буйная растительность: трава въ ростъ человѣка, неисчислимое множество, цѣлое море цвѣтовъ, невиданныхъ на сѣверѣ. Изъ кустарника и изъ травы часто выпархивали черныя птицы и съ крикомъ перелетали дальше, а Фингалъ неустанно, но напрасно гонялся за ними.

— Кавказскіе дрозды,—пояснилъ докторъ.

Вдругъ позади грянулъ выстрѣлъ, заставившій непривычныхъ вздрогнуть. Всѣ оглянулись. Съ неба, казалось, что-то падало въ родѣ распростертой бурки. У одного абхазца еще дымился стволъ винтовки.

— Какая жалость! Орелъ красавецъ!—сказала Варя, подъѣхавъ къ тому, что она приняла было за падавшую съ неба бурку.—Ахъ, у него въ когтяхъ мертвый ягненокъ, бѣдненькій!

V.

Горная тропа, поднимаясь все выше и выше, повернула нѣсколько влѣво, потомъ обогнула небольшую ложбину, изогнулась еще лѣвѣе, и изумленнымъ глазамъ открылась поразительная картина.

—Господи! Это что-то потрясающее!—невольно вырвалось изъ груди Вари.

— Это великій хребетъ,—тихо, какъ бы боясь кого испугать, пояснилъ докторъ.

— Это граница моей Абхазіи,—съ дрожью въ голосѣ проговорилъ старшій Шервашидзе.—Это часовые моей страны въ снѣжныхъ шапкахъ.

У Вари на глазахъ стояли слезы. Такъ вотъ гдѣ его родина... Оттуда къ Олимпу, къ безжалостному Юпитеру, неслись стоны Прометея!.. За этими дивными горами, быть можетъ, и она узнаетъ или радости жизни, или муки Прометея.

— А какой малюсенькій Кисловодскъ! Его и не видать почти,—замѣтила Катя.

Когда подъѣхали къ крутому склону горы, докторъ предложилъ сойти съ коней и расположиться на травѣ.

— Роздыхъ необходимъ,—пояснилъ онъ.

Когда всѣ усѣлись на травѣ, а въ сторонѣ расположился спѣшившійся конвой, Варя обратилась къ доктору.

— Григорій Ивановичъ,—сказала она,—вы начали было вчера вечеромъ разсказывать намъ миѳы о Прометеѣ, но вамъ помѣшали. Разскажите ихъ теперь здѣсь: только въ виду этой удивительной панорамы они и могутъ быть понятны.

— Съ удовольствіемъ,—отвѣчалъ докторъ.—Признаться, въ молодости я былъ горячимъ поклонникомъ классической древности и усердно изучалъ ее по первоисточникамъ. Миѳы о Прометеѣ особенно волновали мое воображеніе. Въ нихъ такъ много поэтическаго! Потомъ, когда служба связала мою судьбу съ Кавказомъ, я снова вспомнилъ о Прометеѣ. Притомъ, мы часто говорили о немъ съ Александромъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ. Онъ такъ увлекался трагическою судьбою этого титана, похитившаго съ неба для земли священный огонь...

— Feu sacré,—замѣтилъ князь Голицынъ

— Котораго у васъ не водится, — съ улыбкой замѣтила Варя.—Вы больше любите конюшню, чѣмъ поэзію. Вы сами это говорили, не отпирайтесь... Простите насъ, Григорій Ивановичъ, что мы своей глупой болтовней перебили васъ.

— Помилуйте, я не педантъ,—сказалъ онъ весело,—а Прометей отъ насъ не уйдетъ... Ну-съ, такъ поговоримъ о Прометеѣ. Упоминанія о немъ можно найти у многихъ греческихъ и римскихъ писателей. Самое древнее сказаніе о немъ я по крайней мѣрѣ нашелъ у греческаго писателя Ферекида, который жилъ за 400 лѣтъ до нашей эры. Онъ собственно говоритъ объ орлѣ, который терзалъ Прометея, поясняя, что орелъ этотъ родился отъ Тифона и Эхидны. Какъ видите, и папаша, и мамаша его были не изъ нѣжныхъ породъ. Такъ, Ферекидъ повѣствуетъ, что орелъ Юпитера за день съѣдалъ почти всю печень Прометея, но за ночь недоѣденный кусокъ печени опять выросталъ до прежней величины. Такъ онъ страдалъ многіе годы, а по другимъ сказаніямъ—тысячу лѣтъ...

— Тысячу лѣтъ!—съ испугомъ проговорила Катя.

— Да-съ, больше, чѣмъ «почти тринадцать»,—ехидно замѣтилъ Голицынъ.

Катя презрительно пожала плечами и, встрѣтивъ взглядъ младшаго Шервашидзе, вспыхнула.

— Виноватъ-съ,—перебилъ самъ себя докторъ.—Болѣе древнія и очень поэтическія сказанія о Прометеѣ находятся въ сочиненіяхъ Гезіода и Эсхила, особенно у послѣдняго, въ его трагедіи: «Прикованный Прометей», а у Гезіода преимущественно въ Ѳеогоніи. Но я потому не упомянулъ о нихъ, что оба эти писателя показываютъ гору Прометея не на Кавказѣ, а гдѣ-то въ Скиѳіи. Ну, да все равно. У Эсхила страданія и проклятія Прометея производятъ на читателя потрясающее впечатлѣніе. Зато Аполлоній Родосскій въ своихъ «Аргонавтикахъ» прямо говоритъ, что когда аргонавты, плывшіе въ Колхиду, приближались къ кавказскому берегу, то сами видѣли юпитерова орла, летѣвшаго къ Прометею... И вотъ, говоритъ Аполлоній, однажды утромъ аргонавтамъ показались высокія вершины Кавказа, гдѣ Прометей, прикованный желѣзными цѣпями къ дикимъ скаламъ, свою печенью кормилъ орла, который прилеталъ къ нему каждое

утро. И увидѣли они въ то утро, какъ высоко надъ кораблемъ летѣлъ онъ съ большимъ шумомъ у самыхъ облаковъ. Отъ взмаховъ его крыльевъ раздувались паруса, какъ отъ сильнаго вѣтра, ибо это не была одна изъ тѣхъ обыкновенныхъ птицъ, которыя летаютъ по воздуху: крылья у нея были на подобіе обтесанныхъ веселъ корабля. Скоро послѣ того они услыхали стоны Прометея, у котораго тотъ орелъ вырывалъ печень. Эти ужасные крики раздавались въ воздухѣ до тѣхъ поръ, пока они не увидѣли кровожаднаго орла, возвращающагося тою же дорогою на ночлегъ на Олимпъ.

Катя и Серёжа слушали разсказчика съ пожирающимъ интересомъ. Они, казалось, боялись вздохнуть.

— Онъ былъ больше того орла, котораго сейчасъ застрѣлили?—шопотомъ спросилъ Катю Сережа.

— Разумѣется, больше,—также шопотомъ отвѣчала дѣвочка.

— Но интересенъ дальнѣйшій разсказъ Аполлонія,—продолжалъ Григорій Ивановичъ.—Когда аргонавты были уже въ Колхидѣ и объ этомъ узнала Медея, то, вставъ рано утромъ и одѣвшись, она приказала своимъ служанкамъ, которыя были всѣ одинаковыхъ съ нею лѣтъ, въ числѣ двѣнадцати, скорѣе запречь въ колесницу муловъ, которые должны были отвезти ее въ блестящій храмъ Гекаты. Когда служанки приготовили колесницу, тогда Медея вынула изъ драгоцѣннаго ящичка лѣкарство, которое называлось прометеевымъ. Это такое лѣкарство, что если кто помажетъ имъ свое тѣло, то того не могутъ ранить удары меча, тому не можетъ вредить пылающій огонь; мало того, онъ въ тотъ день будетъ превосходить всѣхъ тѣлесною силой. Это лѣкарство было получено, когда на вершину Кавказа въ первый разъ капала красная божественная кровь несчастнаго Прометея, пролитая кровожаднымъ орломъ. Изъ этой крови выросъ цвѣтокъ, такой же красный, какъ кровь, а корень его похожъ на живое человѣческое мясо. Сокъ этого корня и собрала въ морскую раковину волшебница Медея...

— Ахъ, какая она подлая!—вдругъ воскликнулъ Сережа съ негодованіемъ.

Всѣ поглядѣли на него съ улыбкой и недоумѣніемъ. Онъ сидѣлъ красный, какъ ракъ.

— Кто подлая?—серьезно спросила Катя.

— Эта волшебница Медея... Вѣдь она получила лѣкарство

изъ крови Прометея... А отъ этого лѣкарства она дѣлалась сильнѣе всѣхъ... Отчего жъ она не освободила Прометея?—говорилъ Сережа и даже вскочилъ на ноги.

— Да какъ же она освободила бы его?—спросила Катя.

— Какъ? Я-бъ свернулъ голову орлу, вотъ какъ!—горячился Сережа.

— А цѣпи?

— И цѣпи разорвалъ бы! Вѣдь я былъ бы сильнѣе всѣхъ!

Геройство Сережи всѣхъ разсмѣшило

— Ну, хорошо, хорошо, Сережа,—старалась Варя остановить расходившагося братишку.—Ты бы и орлу голову свернулъ, и Юпитера убилъ бы; но, къ сожалѣнію, тебя тогда не было на свѣтѣ. Такъ дай же Григорію Ивановичу досказать.

— Да досказывать почти нечего,—отвѣчалъ тотъ.—Всѣ сказанія очень однообразны.

— Но до сихъ поръ не были однообразны,—замѣтилъ старшій Шервашидзе.

Его очень интересовалъ разсказъ доктора. Онъ какъ-то сжился съ мыслью, что его родъ ведетъ свое начало отъ Прометея и одной изъ океанидъ. Происходить отъ титановъ, которые дерзновенно воевали съ богами, очень лестно.

— Довольно любопытно сказаніе Аполлодора аѳинскаго о Прометеѣ,—снова началъ докторъ.—Въ своей «Вивліоѳикѣ» онъ говоритъ, что Прометей, подобно Зевсу, самъ сотворилъ людей изъ земли и воды. Но имъ недоставало божественнаго, небеснаго огня—души. И Прометей похитилъ у Зевса искру этого огня и спряталъ ее въ стебель растенія «narthaex». Зевсъ узналъ объ этомъ отъ своихъ наушниковъ и повелѣлъ богу-кузнецу Гефесту приковать Прометея къ одной изъ скалъ Кавказа. Далѣе, тотъ же орелъ, пожирающій днемъ печень, которая вновь выростала по ночамъ, и тотъ же добрый Геркулесъ, освободившій страдальца. Объ орлѣ и Аполлодоръ говоритъ, что онъ былъ сынъ Ехидны и Тифона; но притомъ сообщаетъ, что, по освобожденіи Прометея, Геркулесъ на мѣсто его представилъ Зевсу безсмертнаго Хирона, который захотѣлъ за него умереть. Понимаете? «Безсмертный» Хиронъ пожелалъ умереть. Выходитъ, что и безсмертіе не сладко!

— Можетъ быть, и не сладко, но я желалъ бы быть если не безсмертнымъ, то прожить хоть двѣсти-триста лѣтъ,—замѣтилъ

князь Голицынъ.—Любопытно было бы посмотрѣть, что будетъ черезъ триста-четыреста лѣтъ.

— Что будетъ?—шаловливо отозвалась Варя.—Конюшни, которыя вы такъ любите, превратятся въ дворцы, и лошади будутъ писать стихи, которыхъ вы такъ не жалуете.

Голицынъ засмѣялся, но смѣхъ его былъ дѣланный, не натуральный... «Что съ нею сегодня?»—подумалъ онъ, и косо, украдкой взглянулъ на старшаго Шервашидзе:—«Не для него ли это?.. Ужъ эти дѣвчонки... А, можетъ ужъ и младшій приглянулся, чего добраго... Притворщицы! А въ лицѣ—ангельская невинность»...

— Извините, Григорій Ивановичъ, мы все васъ перебиваемъ своей болтовней,—спохватилась Варя.

— Ничего, милая княжна: varietas delectat,—улыбнулся докторъ.

— Это что же значитъ?

— «Разнообразіе услаждаетъ», какъ и однообразіе наскучаетъ.

«Такъ, такъ,—съ досадой подумалъ Голицынъ.—Ей, всѣмъ имъ, нужно разнообразіе... однообразіе наскучаетъ»..

— Да!—сказалъ докторъ.—Цицеронъ въ своихъ «Тускуланскихъ» приписываетъ Прометею такія жалобы: «это горестное страданіе, накопившееся въ продолженіе ужасныхъ вѣковъ, терзаетъ мое тѣло, изъ котораго, подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей, сочатся растаявшія капли и постоянно падаютъ на кавказскія горы»... Да, цѣлые вѣка терзаній—это и въ воображеніе трудно вмѣщается.

— Да,—задумчиво подтвердилъ старшій Шервашидзе, восточная пылкость котораго заставляла его всѣ страданія Прометея примѣнять къ своимъ личнымъ страданіямъ.

— Есть и у древняго географа Страбона упоминаніе о Прометеѣ,—продолжалъ докторъ.—Но онъ упоминаетъ объ этомъ вскользь, по поводу походовъ Александра Македонскаго: греки, льстя Александру, писали въ своихъ исторіяхъ, что онъ доходилъ до самаго Кавказа, гдѣ былъ прикованъ Прометей «на краю свѣта». А Гигинъ, современникъ Христа, въ «Басняхъ» своихъ, уже искажаетъ первоначальныя сказанія, говоря, что за похищеніе небеснаго огня Меркурій, по приказанію Юпитера, желѣзными гвоздями приковалъ Прометея къ горѣ Кавказу и при-

ставилъ къ нему орла, который долженъ былъ пожирать его сердце, «cor», а не печень, и что, спустя тридцать лѣтъ— только!—Геркулесъ убилъ этого орла и освободилъ Прометея. Онъ же въ другомъ мѣстѣ повѣствуетъ и о томъ, за что Юпитеръ велѣлъ Геркулесу освободить Прометея. Встрѣчаются косвенныя упоминанія о миѳѣ Прометея и у географовъ: Павзанія Періэгета и Діонисія Періэгета,—продолжалъ между тѣмъ докторъ ѣздитъ на своемъ конькѣ.—А Квинтъ Курцій Руфъ, повѣствуя о дѣяніяхъ Александра Македонскаго, говоритъ, что этотъ завоеватель въ семнадцать дней перешелъ съ своей арміей черезъ Кавказъ и что македоняне видѣли тамъ тотъ утесъ, въ окружности десять стадій, а въ вышину четыре стадіи, къ которому былъ прикованъ Прометей. Арріанъ же, путешественникъ II-го вѣка нашей эры, описывая свое плаваніе по Черному морю, говоритъ въ одномъ мѣстѣ: «отсюда мы видѣли Кавказъ, равняющійся кельтійскимъ Альпамъ; видна была даже нѣкоторая вершина Кавказа, называемая Стробиломъ, къ которой, какъ разсказываютъ, былъ прикованъ Прометей Вулканомъ, по повелѣнію Юпитера»... Какая это гора Стробилъ—я не знаю. Но замѣчательно, что у Псевдо-Плутарха, который жилъ во времена Траяна и Адріана, находимъ совсѣмъ другое объясненіе гнѣва Юпитера на Прометея. Псевдо-Плутархъ въ своемъ сочиненіи «De fluviorum et montium nominibus» говоритъ, что Кавказъ прежде назывался Ложемъ Борея, и вотъ почему: Борей силой похитилъ Кіону, дочь Арктура, и жилъ съ ней на скалѣ Нифетъ, гдѣ у нихъ и родился сынъ Гирнакъ, который и былъ тамъ царемъ. Съ тѣхъ поръ скала Нифетъ и стала называться Ложемъ Борея. Кавказомъ же ее назвали потомъ, по слѣдующей причинѣ. Послѣ войны съ гигантами, Сатурнъ, преслѣдуемый сыномъ своимъ Юпитеромъ, бѣжалъ на самую вершину Ложа Борея и, превратившись въ крокодила, спрятался тамъ. Тогда Прометей зарѣзалъ одного горскаго пастуха, котораго звали Кавказомъ, и, осмотрѣвъ его внутренности, сказалъ, что недалеко находятся врата. Клевреты Юпитера донесли ему объ этомъ, и онъ явился туда, отыскалъ своего папашу, связалъ его плетеной изъ шерсти веревкой и сбросилъ въ тартаръ, а къ горѣ, которую въ честь пастуха назвалъ Кавказомъ, велѣлъ приковать самого Прометея...

— Ахъ, какой негодяй!—не вытерпѣлъ Сережа.

— И лгунишка, и отца убилъ!—негодовала Катя.—А еще богъ.

— Правда, дѣти,—согласился докторъ.—Какова благодарность! За то, что Прометей по внутренностямъ пастуха угадалъ, гдѣ прятался Сатурнъ, за это благодарный Юпитеръ велѣлъ орлу терзать его внутренности. А что Борей жилъ въ горахъ Кавказа, это не удивительно: всѣ бури на Черномъ морѣ происходятъ всегда отъ вѣтровъ, дующихъ съ горъ и ущелій Кавказа.

— И сейчасъ, кажется, Борей просыпается, — замѣтилъ старшій Шервашидзе.—Вонъ какъ треплетъ вуалью Варвары Павловны.

— Да, въ самомъ дѣлѣ,—сказала Варя, придерживая рукою вуаль на шляпѣ.—Какая жалость! И Эльборусъ закутался въ облака, и весь хребетъ заволокло бѣлыми тучками... Прощай, Абхазія!

Князь Голицынъ какъ-то странно посмотрѣлъ на нее, а Катя ближе придвинулась къ доктору. «Досказывайте, Григорій Ивановичъ, о Прометеѣ»,—шепнула она.

— Хорошо, милая дѣвочка,—ласково потрепалъ ее по плечу докторъ.—Теперь ужъ немного осталось, да и не интересно.

VI.

Поѣздка на Елизаветинскую гору такъ всѣмъ понравилась, въ особенности же княжнѣ Варварѣ Павловнѣ, что на обратномъ пути рѣшено было завтра же устроить другую поѣздку, къ такъ называемому «Замку коварства и любви». Катя и Сережа, конечно, просили и ихъ взять съ собой, но докторъ сказалъ, что хотя разстояніе къ этому замку и не велико, но дорога туда слишкомъ рискованная, крутые спуски и подъемы, частые и небезопасные переѣзды черезъ бурную рѣчку Ликоновку и другія опасности. За то, въ утѣшеніе имъ, обѣщана была поѣздка къ Кольцу-горѣ и (какъ присочинилъ Григорій Ивановичъ) къ знаменитой пещерѣ, въ которой жилъ когда-то Змѣй-Горыничъ, тотъ самый Сатурнъ, который, превратившись въ крокодила, прятался въ пещерѣ отъ своего сына Юпитера, сбросившаго его оттуда въ тартаръ.

— А развѣ оттуда тартаръ недалеко?—спросилъ Сережа.

— Рукой подать, — невозмутимо отвѣчалъ Григорій Ивановичъ.

Вечеръ проведенъ былъ у Гагариныхъ, и очень весело. Всѣ были оживлены. Варя, желая загладить впечатлѣніе вчерашней холодной встрѣчи у Нарзана, была теперь гораздо внимательнѣе къ своему жениху, хотя и тутъ женская двойственность заставляла ее лукавить изъ опасенія, какъ бы Голицынъ не подумалъ, что она «вѣшается на шею» владѣтельному князю Абхазіи. Сережа и Катя не отходили отъ младшаго Шервашидзе, первый изъ благоговѣнія къ «герою», послѣдняя—все еще подъ обаяніемъ его ласкъ послѣ ея испуга за его жизнь. Хотя и она, какъ женщина, старалась лукавить, но лукавство ея было шито слишкомъ бѣлыми нитками.

Цвѣтокъ, выросшій будто бы изъ крови Прометея и сорванный Михаиломъ Шервашидзе для Вари, помѣщенъ былъ въ бокалъ съ водой, и всѣ имъ любовались, потому что цвѣтка съ такою кровавою окраской никто въ Россіи не зналъ.

— Чтожъ это, Григорій Ивановичъ, за «Замокъ коварства и любви?»—спросила Варя, когда рѣчь зашла о завтрашней поѣздкѣ въ горы.—Въ самомъ дѣлѣ старинный замокъ?

— Нѣтъ, это просто живописная, необыкновенно причудливая скала, совершенно напоминающая своею формой грозный замокъ,—отвѣчалъ докторъ.

— А почему же ее называютъ «Замкомъ коварства и любви»?

— Съ этой скалой связано преданіе, судя по которому слѣдовало бы этотъ мнимый замокъ называть «Замкомъ любви и трусости», извините, женской, или же скорѣе женскаго благоразумія,—говорилъ докторъ, мѣшая ложечкой чай въ стаканѣ.—Изволите видѣть: разсказываютъ, что давно когда-то, въ самомъ началѣ владычества русскихъ въ этой мѣстности, судьба свела здѣсь двухъ любящихся, прекраснаго кавалера и еще болѣе прекрасную дѣвицу.

Сережа при этомъ подтолкнулъ своего новаго пріятеля, младшаго Шервашидзе, и тихонько шепнулъ ему:—«Сядемте поближе, Григорій Ивановичъ сказку разсказываетъ».

— Вовсе не сказку,—шепнула Катя.—а исторію.

— Любовь сихъ двухъ прекрасныхъ существъ была очень

нѣжна и трогательна,—продолжалъ между тѣмъ, докторъ, — только, къ несчастью, соединяться любящимъ сердцамъ было никакъ невозможно. Онъ ли былъ слишкомъ бѣденъ и незнатенъ и родители ея были противъ брака, потому что были очень богаты и очень знатны, или же она была бѣдная простая дѣвушка, а онъ былъ и богатъ, и знатенъ, и его родители не соглашались на неравный бракъ, не знаю. Только влюбленные страдали жестоко, какъ только могутъ страдать несчастно-влюбленные, и, не предвидя конца своимъ страданіямъ, порѣшили лучше умереть вмѣстѣ и соединиться за гробомъ, чѣмъ разстаться здѣсь, на землѣ...

«И мы съ Мишей, если намъ не позволятъ жениться, лучше умремъ здѣсь вмѣстѣ и соединимся за гробомъ»,—рѣшила въ своемъ умѣ Катя, придвигаясь къ предмету своей нѣжности.

«Вотъ дураки!»—думалъ, напротивъ, Сережа.—«Стоитъ изъ-за этого... изъ-за какой-нибудь дѣвчонки»...

— Порѣшивъ такимъ образомъ,—продолжалъ докторъ,—сіи несчастные влюбленные въ одно прекрасное утро вышли тайно изъ Кисловодска и вонъ за той горой, что за цитаделью, сойдясь, отправились вдоль Орѣховой балки къ прежде намѣченной ими тамъ фантастической скалѣ, которую мы завтра будемъ имѣть удовольствіе видѣть. Ну-съ, достигнувъ благополучно скалы, они взобрались на самую ея вершину. Надо полагать, что барышня очень искусно умѣла лазить по скаламъ, ибо взобраться на верхушку той скалы не всякій и мужчина рѣшится. Какъ бы то ни было, но наши влюбленные взобрались. Тамъ они въ послѣдній разъ обнялись и поклялись въ вѣчной вѣрности за гробомъ. По условію, они должны были разомъ, держась за руки, броситься въ пропасть и разбиться вдребезги. И они взялись за руки и ринулись... Только случилось какъ-то такъ, что ручка барышни выскользнула изъ руки кавалера, и кавалеръ одинъ стремглавъ полетѣлъ въ бездну и разбился, превратившись въ безформенную, безобразную массу, а барышня осталась наверху цѣлехонька...

«Ну, я такъ не сдѣлаю»,—твердо порѣшила въ умѣ Катя,—«я ринусь вмѣстѣ съ Мишей»...

«Дрянь дѣвчонка»,—порѣшилъ Сережа,—«струсила».

— Съ тѣхъ поръ эту скалу и назвали «Замкомъ коварства и любви»,—закончилъ докторъ, допивая свой стаканъ.

— А кто все это видѣлъ?—иронически замѣтилъ князь Голицынъ.

— Солдатъ, конечно, проходившій мимо, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ разсказахъ, — засмѣялся князь Павелъ Сергѣевичъ,—не барышнѣ же о себѣ разсказывать!

Варя же, между тѣмъ, думала, что имъ не грозитъ такая трагическая развязка. Только бы дѣла въ Абхазіи скорѣй устроились, и тогда... на землю сойдетъ рай. Всѣхъ оригинальнѣе въ этомъ случаѣ думалъ младшій Шервашидзе: «я-бъ ее просто укралъ». Гости разошлись довольно поздно. Варя на этотъ разъ спала спокойнѣе, хотя и видѣла себя во снѣ на страшной скалѣ. Катѣ снилось, что ее цѣловалъ Миша и она его цѣловала... украдкой. Сережа видѣлъ во снѣ Прометея и орла, на котораго лаялъ Фингалъ. Старшій Шервашидзе видѣлъ во снѣ Арсланъ-бея въ оковахъ, а младшій—Варю; но это была разомъ и Варя, и Эсма-ханумъ.

Проснувшись утромъ въ довольно хорошемъ расположеніи духа (вечеромъ Варя, провожая его на галлерею, очень знаменательно пожала ему руку), князь Дмитрій объявилъ Урусу Лаквари, что и сегодня они поѣдутъ въ горы, но только въ другую сторону, именно—вверхъ по рѣчкѣ Ликоновкѣ, верстъ за десять не болѣе, и приказалъ объявить въ конвоѣ, что онъ возьметъ съ собою только двѣнадцать джигитовъ. Узнавъ объ этомъ, Урусъ Лаквари просилъ позволенія съѣздить въ одинъ изъ ближайшихъ ауловъ повидаться съ однимъ кунакомъ, который продаетъ лошадь; а ему нужна другая, хорошая лошадь. Князь Дмитрій позволилъ. Въ условленный часъ всѣ съѣхались на площади противъ Нарзана. Варю сопровождалъ докторъ, а князь Голицынъ явился съ своимъ денщикомъ. Кромѣ княжны, всѣ были съ ружьями, потому что намѣрены были поохотиться на дикихъ козъ, которыя иногда показывались въ верховьяхъ Орѣховой балки. Къ обществу присоединился и Фингалъ. Проѣхавъ берегомъ Ольховки, до соединенія ея съ Березовкой, кавалькада перебралась на другую сторону рѣчки и поднялась въ гору.

— А взгляните, господа, на Крестовую гору, какъ намъ оттуда усердно платками машутъ,—сказала Варя.

— Кто это тамъ?—спросилъ князь Голицынъ.

— Катя и Сережа, а съ ними неразлучныя гувернантки, Матвѣй и Вавила.

Проѣхавъ версты двѣ, кавалькада достигла Ликоновки. Рѣчка, очень мелководная, какъ всѣ горныя стремительныя рѣчонки, теперь вздулась и порядочно бурлила, потому что ночью въ горахъ выпали дожди, и теперь всѣ воды изъ-подъ Эльборуса неудержимо стремились въ долину Подкумка. Нужно было переѣзжать бурливую рѣчонку въ бродъ, и Варя нѣсколько струхнула. Но юный Шервашидзе первый направилъ своего коня въ пѣнящійся потокъ, а за нимъ послѣдовали и другіе. Варя ѣхала рядомъ съ Димитріемъ Георгіевичемъ, который замѣтилъ, что она поблѣднѣла, едва увидѣла подъ ногами бурный потокъ.

— Не глядите на воду,—предостерегалъ ее князь.

— У меня голова кружится... я упаду,—шептала она побѣлѣвшими губами.

Князь быстро перегнулся на своемъ сѣдлѣ и сильною рукой обхватилъ ея талью.—Не бойтесь,—сказалъ онъ,—вы упадете только тогда, когда оторвется моя рука, которая теперь крѣпче держитъ васъ здѣсь, чѣмъ держала когда-то на паркетѣ... Вспомните, дорогая Варя,—прошепталъ онъ подъ шумъ потока.

Переправа совершилась благополучно.

— Благодарю васъ Дмитрій Георгіевичъ, — искренно или притворно смущаясь, сказала Варя, на щечки которой снова возвратился румянецъ.—Хорошо что мы не позволили Катѣ и Сережѣ ѣхать съ нами.

— Однако, вашъ кавалеръ не уберетъ вашего шлейфа: онъ весь мокрый,—сказалъ Голицынъ, досадуя на то, что не онъ догадался оказать услугу княжнѣ.

— Но безъ помощи князя не только мой шлейфъ, но и мой жалкій трупъ унесло бы въ Подкумокъ,—отвѣчала Варя, ударяя хлыстомъ по мокрому шлейфу.

— Но сухи ли у васъ ножки?—озабоченно спросилъ докторъ.—Не промочили?

— Нѣтъ, мерси, до стремени вода не хватила.

— То-то же, берегите ножки: намъ еще нѣсколько разъ предстоитъ переѣзжать черезъ эту капризную рѣчонку.

— Но какъ же тѣ влюбленные достигли до Замка любви, если они шли пѣшкомъ?—спросила княжна.

— Тамъ, лѣвѣе, есть другой путь, кратчайшій, гдѣ не приходится перебираться черезъ рѣчку; но только тотъ путь неудобенъ для лошадей.

Кавалькада, проѣхавъ съ версту ровной возвышенностью, вступила въ самую Орѣховую балку, по которой стремилась Ликоновка, и пришлось снова переѣзжать рѣчку. Но на этотъ разъ Димитрій Георгіевичъ велѣлъ Варѣ совсѣмъ закрыть глаза и, взявъ ее за руку, благополучно переправился вмѣстѣ съ нею, не замочивъ даже ея шлейфа, потому что предварительно пристегнулъ его пажемъ къ чепраку Вариной лошади.

— Ну, и эту Березину перешли благополучно,—шутилъ Голицынъ.

Продолжая затѣмъ свой путь, кавалькада вступила въ узкую тѣснину, ограниченную съ обѣихъ сторонъ отвѣсными причудливыми скалами. Это были мощные пласты, точно неровныя стѣны кладки гигантовъ. Эту мысль и выразилъ докторъ.

Эта работа гигантовъ, когда они воевали съ богами, стѣны титанической кладки, безъ цемента.

— Коза! — радостно воскликнулъ младшій Шервашидзе и стрѣлою полетѣлъ вдоль тѣснины.

Но черезъ нѣсколько секундъ вдругъ послышались тамъ выстрѣлы, не одинъ выстрѣлъ, а выстрѣлы, точно залпъ. Что бы это значило? Всѣ недоумѣвали и тотчасъ же пришпорили коней.

Но оттуда скоро показался младшій Шервашидзе. Онъ скакалъ, размахивая въ воздухѣ папахой.

— Тамъ Арсланъ-бей! Тамъ засада! Я узналъ дьявола по его папахѣ съ золотымъ полумѣсяцемъ и по красной султанской чухѣ!—кричалъ онъ.—Намъ уйти нельзя... мы должны защищаться и умереть... ихъ тамъ туча.

Смертная блѣдность покрыла лицо молодого повелителя Абхазіи, когда онъ взглянулъ на Варю.

— Габай!—хриплымъ шопотомъ проговорилъ онъ ближайшему джигиту.—Лети соколомъ за всѣмъ конвоемъ... обскачите ихъ въ тылъ, а мы пока выдержимъ натискъ... Лети, загони коня! Получишь цѣлый табунъ!

VII.

Едва Габай ускакалъ, какъ Димитрій Георгіевичъ, въ которомъ проснулся абхазецъ, приказалъ всѣмъ сойти съ коней.

— Намъ бы только укрыть княжну; а мы живыми въ руки не дадимся... вотъ выступъ за скалой... тамъ не достанутъ пули. Вы вдвоемъ можете умѣститься за этимъ выступомъ,—уже со-

всѣмъ хладнокровно говорилъ онъ доктору, точно собираясь играть въ мячъ.—идите.

— Нѣтъ, князь, я не хочу укрываться: я мужчина, у меня оружіе—винтовка—возражалъ докторъ.—За выступомъ мы помѣстимъ княжну.

— А я приказываю вамъ, господинъ докторъ,—твердо продолжалъ Димитрій Георгіевичъ,—вы княжнѣ нужны, а не намъ. Отдайте намъ ваше оружіе. Васъ, безоружнаго, и дѣвушку не тронутъ. Они моей головы ищутъ.

При этихъ словахъ, Варя, какъ подкошенная травка, упала на руки своего жениха.

— Видите,—сказалъ онъ съ горестью и, нѣжно прижимая ее къ груди, словно ребенка, снесъ за уступъ скалы и бережно опустилъ на гладкій монолитъ, подложивъ ей подъ головку свою мягкую барашковую папаху.—Берегите ее.

Въ то же мгновеніе послышалось дикое гиканье, и всѣ увидѣли, какъ запрудивъ всю тѣснину, сплошная масса неслась на ничтожную горсть нашихъ удальцовъ, сверкая въ воздухѣ обнаженными саблями.

— Выжидай натиска, на прицѣлъ безъ промаха,—скомандовалъ князь Димитрій,—цѣлься навѣрняка! Когда скажу: пли! стрѣляй лѣвые шесть, а правые шесть въ резервѣ!

Лавой стремившаяся масса приблизилась уже на выстрѣлъ.

— Выжидай, подпускай ближе! Жди команды!

Голосъ князя изъ гортаннаго превратился въ звенящій, металлическій: онъ точно сталью хлесталъ по воздуху.

— Пли!—прорѣзалъ воздухъ односложный звукъ.

Грянулъ залпъ, и въ толпу нападавшихъ, ровно въ шесть живыхъ тѣлъ, вонзилась свинцовая смерть. Иные, умирая, откинулись назадъ, другіе уткнулись въ гривы коней искаженными моментальной смертью лицами, или свалились на землю.

Такая страшная неожиданность ошеломила нападавшихъ. Они не ожидали роковыхъ пуль. Они думали раздѣлаться съ ничтожной горстью только саблями, въ рукопашную, а ихъ встрѣтили огнемъ.

— Заряжай!—крикнулъ князь Димитрій тѣмъ шести, которые разрядили свои винтовки на живыхъ тѣлахъ.

Но ошеломленные враги скоро опомнились, когда тѣснину вдругъ прорѣзалъ повелительный крикъ Арсланъ-бея, словно

крикъ птицы. Масса снова двинулась впередъ, подымая коней на дыбы, и новый залпъ вырвалъ снова изъ толпы нѣсколько жертвъ и ранилъ нѣсколькихъ лошадей, которыя рванулись назадъ и произвели общую суматоху.

— Заряжай!—продолжалъ командовать князь Димитрій.

Нападавшіе шарахнулись назадъ, давя другъ друга въ узкой тѣснинѣ, а имъ въ догонку послѣдовалъ новый залпъ.

— Слава Богу, отступленіе,—прошепталъ князь Голицынъ и перекрестился.

— Нѣтъ!—нервно перебилъ его юный Шервашидзе.—Сабля не взяла, пустять въ ходъ винтовки.

Предложеніе оправдалось. Нападающіе удалились вглубь тѣснины и, по командѣ Арсланъ-бея, до половины спѣшившись, осмотрѣли свои винтовки и пистолеты. Затѣмъ, припавъ къ землѣ, они стали ползти, точно кошки, пользуясь малѣйшимъ прикрытіемъ: кто торчавшимъ изъ земли камнемъ, кто малѣйшими неровностями русла Ликоповки или небольшими выступами боковыхъ скалъ. Иные двигали впереди себя снятыя съ лошадей сѣдла и чепраки. Видно было издали, что надвигалась цѣлая масса, чернѣли и бѣлѣли папахи, сверкали на солнцѣ стволы винтовокъ. Это надвигалась неминучая смерть, и осажденная горсточка удальцовъ видѣла это. Уже пули пищали въ воздухѣ или щелкали о камни.

— Рѣжь коней!—ровнымъ, твердымъ голосомъ скомандовалъ князь Димитрій.

Мгновенно бѣдныя благородныя животныя пали подъ ударами кинжаловъ, обагряя кровью каменистое ложе тѣснины.

— Это наши завалы,—проговорилъ юный Шервашидзе,—за завалами насъ не возьметъ никакой шайтанъ. Только русскій штыкъ могъ бы взять насъ тутъ.

— Намъ какихъ-нибудь полчаса продержаться, тамъ подоспѣетъ Габай съ конвоемъ,—успокоительно пояснилъ князь Димитрій.

Всѣ тотчасъ залегли за трупы зарѣзанныхъ коней.

— Помнить: безъ промаха! Цѣлить въ лобъ, въ глазъ, а гдѣ можно, въ сердце!

Теперь началась правильная осада. Пули осаждающихъ визжали и пѣли надъ головами, впиваясь въ трупы и отскакивая отъ

камней. Двѣ пули разомъ пронизали папаху юнаго Шервашидзе.

— Не высовывайся!—строго замѣтилъ ему братъ.

— Любопытно очень,—спокойно отвѣчалъ юноша,—я увидалъ тамъ золотой полумѣсяцъ на папахѣ. Вотъ бы прямо въ лобъ диденькѣ, да спрятался шайтанъ. Ай-ай! Ловко!

— Что такое?—спросилъ Димитрій.

— Пуля моего сосѣда сбила одного шайтана съ выступа.

Сосѣдъ этотъ былъ князь Голицынъ. Замѣтивъ, какъ одинъ изъ осаждавшихъ неосторожно сталъ карабкаться на выступъ скалы, чтобъ оттуда, съ навѣсу, цѣлить навѣрняка, князь Голицынъ мѣткимъ ударомъ сбилъ его назадъ, въ балку.

Но масса осаждавшихъ надвигалась все ближе и ближе. Одна пуля пронизала навылетъ плечо всадника князя Голицына.

— Эсма-ханумъ!—воскликнулъ младшій Шервашидзе.

— Что ты!—удивился князь Димитрій.

— Да, я сейчасъ узналъ ея папаху... На ней, какъ молнія, блеснуло бриллiантовое перо, что прислалъ ей падишахъ.

Въ это время за ними, на верху балки, послышался конскій топотъ.

— Конвой... Она спасена!—облегченно вздохнулъ старшій Шервашидзе, вспомнивъ о Варѣ, которой, какъ и доктора, не видно было за небольшимъ выступомъ скалы.

Дѣйствительно, это былъ конвой. Габай прекрасно понялъ приказаніе своего господина. Прискакавъ въ Кисловодскъ, гдѣ у него тотчасъ же пала загнанная лошадь, которую онъ тутъ же и пристрѣлилъ, чтобъ не мучилась, Габай моментально поднялъ весь конвой и, пересѣвъ на свѣжаго коня во весь карьеръ повелъ удальцовъ на засаду, устроенную Арсланъ-беемъ. Прискакавъ къ мѣсту осады, онъ часть конвоя послалъ нѣсколько дальше крутымъ берегомъ балки, во флангъ и въ тылъ осаждающимъ, а самъ съ другою половиной конвоя очутился прямо надъ головою засады. Вскорѣ послышался залпъ съ самой кручи балки внизъ, въ тѣснину, прямо въ головы залетнаго врага.

— Алла! Алла!—понеслись оттуда дикіе, отчаянные вопли.

Арсланъ-бей и его приверженцы до такой степени не ожидали того, что случилось и что поразило ихъ, какъ громомъ, что совершенно были ошеломлены, а иные просто обезумѣли отъ неожиданности: имъ показалось, что самъ Аллахъ и его злые духи

поражаютъ ихъ прямо съ неба, тѣмъ болѣе, что поражавшій ихъ врагъ былъ невидимъ. Всѣ бросились назадъ, вглубь тѣснины, унося своихъ убитыхъ и раненыхъ, вскакивая на лошадей, часто безъ сѣделъ, которыя въ паникѣ были брошены, и оглашая тѣснину криками. А сверху, точно съ неба, неслись новые залпы, которымъ отвѣчало раскатистое эхо тѣснины, усугубляя ужасъ бѣгущихъ. Преслѣдованіе кончилось только тогда, когда скопище Арсланъ-бея выбралось изъ узкой тѣснины въ самыхъ верховьяхъ Орѣховой балки. Тогда Габай протрубилъ отбой, потому что колонна его удальцовъ, преслѣдуя бѣжавшихъ, растянулась болѣе, чѣмъ на версту.

Какъ только, вслѣдъ за первымъ залпомъ съ кручи, нападавшіе арслановцы бросились назадъ, Димитрій Георгіевичъ поспѣшилъ за выступъ скалы, гдѣ онъ недавно положилъ упавшую въ обморокъ Варю. Она сидѣла на томъ же монолитѣ, а на колѣняхъ у нея лежала папаха князя. При видѣ его, она вскочила и стремительно бросилась къ нему.

— Ты не раненъ?—задыхающимся голосомъ заговорила она, забывъ въ волненіи, что тутъ же стоялъ и докторъ.

— О, нѣтъ, дорогая дѣвочка!—говорилъ князь, страстно цѣлуя ея руки.—Пуля задѣла одного только денщика, да и то не опасно, въ плечо.

Услыхавъ это, докторъ бросился отыскивать раненаго. Они остались вдвоемъ. Минутное колебаніе, и Варя въ безумномъ порывѣ обвила руками шею своего спасителя.

— О, мой герой! Моя гордость! Моя гордость!—шептала она, въ то время, когда онъ съ такимъ же безуміемъ цѣловалъ ея голову, глаза, губы.

— Дѣвочка моя, радость моя!—шепталъ и онъ такія слова, на какія только способенъ человѣкъ съ помутившимся на время разсудкомъ или совсѣмъ помѣшанный.

Позади ихъ, съ кручи, отлогимъ спускомъ съѣзжалъ въ тѣснину Орѣховой балки конвой, и влюбленнымъ уже неудобно было предаваться безумію. Первая, какъ водится, опомнилась Варя: женская находчивость—великое дѣло! Они вышли изъ-за выступа скалы. Варя въ ужасѣ всплеснула руками, увидавъ валявшіеся на землѣ окровавленные лошадиные трупы, цѣлыхъ двѣнадцать труповъ.

— Боже, бѣдныя лошадки!

Къ ней подошли, все еще возбужденные, князь Голицынъ и юный Шервашидзе. Она горячо пожала имъ руки.

— Мои храбрые защитники, мои спасители! Какъ мнѣ благодарить васъ?

— Помилуйте... это нашъ долгъ,—взволнованно отвѣчалъ Голицынъ.

Въ это время докторъ обнималъ князя Димитрія, восторженно говоря:—Мы должны цѣловать ваши руки!.. Вы оказались героемъ, полководцемъ. Вы не только потомокъ Прометея, вы потомокъ Геркулеса, самого Марса!

— Но, ради Бога, дорогой Григорій Ивановичъ, простите меня великодушно: я былъ грубъ тогда съ вами, осмѣлившись вамъ «приказывать»... Но иначе нельзя было... Бѣдная Варвара Павловна была въ безпомощномъ состояніи. Вы были нужнѣе ей, чѣмъ намъ... Простите!—говорилъ въ свою очередь князь Димитрій Георгіевичъ.

Подъѣхалъ конвой. Лошади всѣ были въ мылѣ.

— Благодарю васъ, господа джигиты!—обратился къ нимъ Димитрій Георгіевичъ.—Вы оправдали мое довѣріе, товарищи! Спасибо тебѣ, Габай! Обѣщанный тебѣ табунъ—за мной. А того загналъ?

— Загналъ, господинъ... пристрѣлилъ бѣдняжку.

— Надо бы осмотрѣть тамъ впереди: нѣтъ ли раненыхъ?—сказалъ докторъ.—Попадобится, можетъ, моя помощь.

— Никогда!—возразилъ младшій Шервашидзе.—Абхазцы никогда не бросаютъ въ битвѣ убитыхъ или раненыхъ: это былъ бы позоръ для всѣхъ воиновъ.

Дѣйствительно, когда нѣкоторые изъ конвойныхъ проѣхали впередъ, то нашли тамъ только нѣсколько брошенныхъ сѣделъ и потниковъ, и во многихъ мѣстахъ лужи крови. Тотчасъ же всѣ стали собираться въ обратный путь. Съ убитой лошади, которая была подъ Варей, сняли дамское сѣдло и осѣдлали имъ одну изъ лошадей джигитовъ. Взяли также изъ конвоя лошадей подъ обоихъ братьевъ Шервашидзе, подъ князя Голицына и подъ доктора. Оставшіеся же безлошадными захвативъ свои свободныя сѣдла и оставленныя непріятелемъ, размѣстились по двое на лошадяхъ конвоя и двинулись прежнею дорогою въ Кисловодскъ. Вода въ Ликоповкѣ значительно убавилась и уже бурлила значительно менѣе.

— Ну, вотъ вамъ и повидали «Замокъ коварства и любви»,— проговорилъ докторъ.

— Да, «коварство»-то встрѣтили, а «любви» не видали,— улыбнулся Голицынъ.

«Нѣтъ, я видѣлъ любовь»,—радостно подумалъ про себя Димитрій Георгіевичъ и встрѣтилъ нѣжный взглядъ Вари.

«Нѣтъ, я видѣла любовь», — подумала и она, мгновенно вспыхнувъ при мысли, что она, при докторѣ, забывъ себя и все, сказала ему: ты...

— Но мы въ другой разъ поѣдемъ къ замку,—невозмутимо проговорилъ юный Шервашидзе.

— Нѣтъ, ужъ я васъ не пущу; во всякомъ случаѣ надѣюсь, что послѣ одного опыта княжна Варвара Павловна дальше парка и Крестовой горы не пойдетъ!—заключилъ докторъ.

VIII.

Путешественники наши приближались уже къ Кисловодску, когда изъ одной ложбины показался Фингалъ, о которомъ, конечно, всѣ забыли въ минуту опасности. Огромный песъ бѣжалъ, высоко поднявъ голову и держа въ зубахъ какой-то неизвѣстный предметъ. Приближаясь къ Варѣ, онъ весело махалъ хвостомъ.

— Фингалъ! Что это у тебя? Какой-то звѣрекъ, зайчикъ, что ли?

— Ахъ, это молоденькій дикій козленокъ,—сказалъ младшій Шервашидзе. — Когда я тамъ, въ Орѣховой балкѣ, погнался за козой, за ней бѣжали два маленькихъ козлика. Фингалъ тоже погнался за козой и обогналъ меня; а мнѣ вдругъ стало жаль козы, такіе у нея маленькіе козляточки. Я было крикнулъ собакѣ, хотѣлъ ее остановить, какъ вдругъ увидалъ тѣхъ шайтановъ, что начали палить въ меня... Я назадъ, а Фингалъ за козой черезъ рѣчку да въ кусты, въ гору. Тамъ онъ, вѣроятно, и поймалъ козленка.

Песъ слушалъ, повидимому, осмысленно, что о немъ говорили, и благосклонно махалъ хвостомъ, идя рядомъ съ лошадью своей госпожи и держа въ зубахъ военную добычу. Козленокъ былъ уже мертвъ, задавленный собакой.

— Ахъ ты, гадкій, гадкій Фингалка!—говорила Варя, уко-

ризненно качая головой.—И не стыдно тебѣ? Не жаль было такого маленькаго козленка?

— По крайней мѣрѣ, одинъ онъ возвращается съ трофеемъ,—замѣтилъ Голицынъ.

— Но какъ очутился Арсланъ-бей подъ самымъ Кисловодскомъ?—въ раздумьѣ проговорилъ докторъ.

— О, онъ постоянно слѣдитъ за мной,—отвѣчалъ Димитрій Георгіевичъ,—въ Абхазіи каждый мой шагъ ему извѣстенъ... У него тамъ вездѣ шпіоны.

— Но здѣсь, ваша свѣтлость? спросилъ Георгій Ивановичъ.

— Очень просто: онъ узналъ, что я отправился въ Кисловодскъ, и прямо черезъ горы пробрался сюда съ своей шайкой.

— Но какъ онъ узналъ, что мы сегодня поѣдемъ въ горы и именно по Орѣховой балкѣ? Нѣтъ ли около васъ предателя, который, узнавъ, куда вы сегодня ѣдете, извѣстилъ его объ этомъ? Никто сегодня изъ вашего конвоя не отлучался изъ Кисловодска?

— Никто. Одинъ только Урусъ Лаквари отпросился у меня сегодня въ сосѣдній аулъ.

— А кто этотъ Урусъ Лаквари?

— Мой нукеръ, личный слуга.

— Не онъ ли вашъ предатель?

— О, нѣтъ! Онъ бѣжалъ ко мнѣ въ Петербургъ отъ Арсланъ-бея... Онъ его злѣйшій врагъ и самое преданное мнѣ существо—самая вѣрная собака.

— Не постигаю, ваша свѣтлость,—все съ тѣмъ же сомнѣніемъ проговорилъ докторъ.—Но дѣло что-то нечисто... Тутъ кроется предательство... Такъ хорошо знать здѣшнія мѣста, вѣдь это не Абхазія.

— Но вы не знаете, докторъ: Арсланъ-бей почти мальчишкой рыскалъ часто въ этихъ мѣстахъ. Когда онъ разошелся съ своимъ отцомъ, а моимъ покойнымъ дѣдомъ, Келешъ-бекомъ, онъ тогда былъ совсѣмъ мальчишка и вмѣстѣ съ своими сторонниками, а преимущественно съ своимъ воспитателемъ Тутшугомъ и его дочкой Дидой, своей молочной сестрой, только и дѣлалъ, что разбойничалъ. Еще тогда же, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, онъ хищничалъ въ окрестностяхъ Кисловодска и чуть не захватилъ въ плѣнъ молоденькую дочку имеретинскаго царя Соло-

мона II, царевну Дареджану, и ея хорошенькую пріятельницу, дочь владѣтеля Карабаха, Ибрагимъ-хана, Геоухеръ, которыя находились здѣсь съ царицею Маріей, женою Соломона.

— О, я видѣлъ когда-то обѣихъ этихъ красавицъ въ Тифлисѣ,—сказалъ докторъ.—Потомъ я узналъ, что Геоухеръ насильно выдали замужъ за старика, за хойскаго владѣтельнаго князя Джафаръ-Кули-хана, а бѣдненькая царевна Дареджана, когда отецъ ея былъ окончательно разбитъ русскими и бѣжалъ въ Турцію, съ горя заточила себя въ монастырь св. Нины.

— О, господинъ докторъ, вы не все знаете,—вмѣшался въ разговоръ младшій Шервашидзе.—Красавица Геоухеръ скоро овдовѣла и, похоронивъ съ почетною пышностью стараго мужа, вышла вторично замужъ за богатѣйшаго хана и страшнаго дурака, за Киши-бека, который всегда былъ общимъ посмѣшищемъ, и на него, по поводу его женитьбы на красавицѣ Геоухеръ, сочинено было много стиховъ, въ которыхъ говорилось, что красавица Геоухеръ, роскошная жемчужина Востока, досталась такому ослу, который не стоитъ и простого стекляруса. Она и теперь всѣхъ сводитъ съ ума своей красотой...

— А царевна Дареджана?—спросила Варя, почувствовавъ жалость къ этой дѣвушкѣ.—Такъ и осталась въ монастырѣ, бѣдняжка?

— О, нѣтъ! — живо отвѣчалъ Михаилъ Георгіевичъ. — Это цѣлая исторія. Она, царевна Дареджана, пробыла въ монастырѣ до позапрошлаго года. Но когда въ Имеретіи вновь вспыхнуло возстаніе подъ предводительствомъ ея родственника, князя Ивана Абашидзе, малолѣтняго сына котораго, тоже Ивана, имеретинцы провозгласили своимъ царемъ, потому что онъ былъ, по матери, царской крови, отъ дѣдушки, царя Соломона I, тогда Дареджана сбросила съ себя монашеское одѣяніе, нарядилась джигитомъ и бѣжала къ Ивану Абашидзе, въ его ополченіе. Тамъ она влюбилась въ франта, въ князя Георгія Дадіана...

— Какъ?—удивился князь Голицынъ.—Я его зналъ въ Петербургѣ: онъ служилъ въ гвардіи.

— И я его знала,—сказала Варя,—я съ нимъ нѣсколько разъ танцовала... Такъ его полюбила царевна Дареджана?

— Да, княжна,—отвѣчалъ Михаилъ Георгіевичъ.—Но ихъ всѣхъ скоро опять разбили русскіе, и они бѣжали въ Турцію, въ Поти.

Подъѣзжая къ Нарзану, князь Димитрій Георгіевичъ отослалъ къ своей стоянкѣ весь конвой, самъ же съ братомъ, а также Варя съ докторомъ и князь Голицынъ, сопутствуемые Фингаломъ, который продолжалъ нести въ зубахъ мертваго козленка, направились къ квартирѣ Гагариныхъ.

— Только вотъ что, господа: одинъ уговоръ,—сказалъ докторъ,—и вы, княжна Варвара Павловна, и вы, ваша свѣтлость, и вы, князь, предоставьте мнѣ разсказать, когда мы пріѣдемъ, случившуюся съ нами непріятность. Чтобы не испугать княгиню, я значительно смягчу свой разсказъ: я объясню, что опасность была пустая, что никто изъ насъ даже не оцарапался въ схваткѣ на разстояніи, а что княжна находилась, какъ у Христа за пазухой, даже никого не видала, а слышала только нѣсколько выстрѣловъ. Вотъ и все... Я ужъ знаю, какъ соврать. Согласны?

— Вполнѣ, добрѣйшій Георгій Ивановичъ, — согласился князь Димитрій.

— И расчудесно... А вы, барышня, прималкивайте,—заключилъ докторъ.

— Конечно... Я, въ самомъ дѣлѣ, ничего и никого не видала,—согласилась барышня.

Однако, хитрость ихъ не вполнѣ удалась. Въ Кисловодскѣ многихъ удивила, и иныхъ испугала разнесшаяся въ паркѣ и около Нарзана, а потомъ и въ слободкѣ, вѣсть, что конвой князя Шервашидзе поскакалъ куда-то на рысяхъ. Всѣ догадались, что вблизи гдѣ-нибудь появились непокорные черкесы и даже напали на владѣтеля Абхазіи. Что опасность была серьезная, заключали изъ того, что одинъ конвойный, прискакавъ откуда-то къ ставкѣ князя, загналъ лошадь, которую и пристрѣлилъ, а потомъ весь конвой ускакалъ въ горы, по направленію къ Орѣховой балкѣ. Иные успокаивали себя тѣмъ, что въ цитадели не произошло никакой тревоги, и помощи оттуда не требовалось: значитъ, если и есть опасность, то не серьезная.

Вѣсть эта дошла и до Гагариныхъ, но, къ счастью ихъ, довольно поздно, такъ какъ въ это самое время они съ своей галлереи увидѣли приближающихся нашихъ путешественниковъ, а впереди всѣхъ, рядомъ со старшимъ Шервашидзе и княземъ Голицынымъ, улыбающуюся Варю, только на незнакомой лошади.

Катя и Сережа выбѣжали къ нимъ навстрѣчу.

— Что случилось?—уже съ нѣсколько напускнымъ испугомъ спросила издали княгиня.

— Ничего, княгиня, немножко фальшивая тревога,—отвѣчалъ докторъ, понявъ, что тутъ уже кое-что знаютъ.—Видите, мы всѣ цѣлехоньки и веселы.

— Но что же такое было тамъ?—продолжала допрашивать княгиня.—Вонъ и Варя не на своей лошади.

Приходилось вывертываться и выдумывать сообразно измѣнившимся обстоятельствамъ. Варя, не зная, что сказать, чтобъ не напугать, принужденно смѣялась

— Сейчасъ, сейчасъ, мамочка, Григорій Ивановичъ все разскажетъ,—говорила она, соскочивъ съ лошади и поднимаясь на галлерею.—Онъ такъ хорошо умѣетъ разсказывать, какъ вонъ вчера о Замкѣ коварства и любви.

Всѣ остальные нѣсколько сконфуженно улыбались и переглядывались.

— Происшествіе очень заурядное въ этихъ дикихъ краяхъ, княгиня,—началъ докторъ, взойдя на галлерею.—Мы проѣхали благополучно и весело нѣсколько верстъ и, подвигаясь далѣе по Орѣховой балкѣ, увидали дикую козу. Князь Михаилъ Георгіевичъ, со свойственнымъ его возрасту юношескимъ пыломъ, поскакалъ за нею и наткнулся на шайку негодяевъ, которая встрѣтила его выстрѣлами, все, какъ водится здѣсь: кто охотится за козами и горными курочками, кто за людьми, точно за фазанами. Тогда князь Димитрій Георгіевичъ, чтобъ успокоить нашу милую спутницу, тотчасъ послалъ въ Кисловодскъ за остальнымъ конвоемъ, ибо съ нами было только двѣнадцать человѣкъ, а негодяевъ много. И князь Димитрій Георгіевичъ оказался геніальнымъ полководцемъ. Хорошо зная обычая горскихъ племенъ и то, что они боятся нападать, если противникъ прикрытъ чѣмъ-либо, князь Димитрій Георгіевичъ тотчасъ же соорудилъ это прикрытіе: нашу милую дамочку и меня, какъ плохого воина, онъ помѣстилъ за уступъ скалы, гдѣ мы все время и благодушествовали, какъ у Христа за пазухой, а для себя и прочихъ соорудилъ прикрытіе или, по здѣшнему, завалы изъ убитыхъ лошадей...

— Какъ изъ убитыхъ лошадей!—вскричала княгиня.

— Очень просто-съ,—невозмутимо продолжалъ докторъ,—

это здѣшній обычай, который также существуетъ и у казаковъ: чтобъ защитить себя отъ пуль, когда отступленіе невозможно, убиваютъ своихъ лошадей и лошадьми защищаютъ себя отъ пуль. Такъ сдѣлалъ и нашъ молодой полководецъ. А потомъ вскорѣ прискакалъ конвой, и негодяи, какъ зайцы, бѣгу яхуся. Вотъ и все, очень просто-съ.

— Боже мой! А Варя?

— Княжна сначала немножко испугалась, а потомъ, когда увидѣла, что все идетъ хорошо, совсѣмъ успокоилась. Вотъ изволите видѣть, она веселенькая.

— Ничего тутъ и нѣтъ страшнаго,—рѣшилъ Сережа.—А я думалъ...

— Да ничего страшнаго и быть не могло,—подтвердилъ Григорій Ивановичъ.

— А еще говорятъ: черкесы,—продолжалъ съ важностью философствовать Сережа.—Я бы ихъ...

Сережа гордо посмотрѣлъ на Катю, какъ бы говоря: «вотъ мы какіе мальчики? А вы, дѣвчонки, что?»

Только князь Павелъ Сергѣевичъ коварно улыбался, пуская изъ чубука клубы дыму. Онъ подозрѣвалъ нѣчто болѣе серьезное, но, ради жены, смолчалъ.

IX.

Прошло нѣсколько дней. Старшій Шервашидзе, по совѣту доктора, продолжалъ купаться въ Нарзанѣ для укрѣпленія нервовъ и дѣлалъ много движенія на воздухѣ; младшій же его братъ, несмотря на урокъ, данный имъ обоимъ дядюшкой Арсланъ-бсемъ, въ сопровожденіи части конвоя продолжалъ охотиться на дикихъ козъ и фазановъ.

Однажды утромъ, послѣ ванны и прогулки, братья сидѣли въ паркѣ, въ тѣни деревьевъ. Съ ними былъ и докторъ. Неподалеку Катя и Сережа катали мячъ и забавлялись съ Фингаломъ.

Вдругъ невдалекѣ, за деревьями, Шервашидзе и докторъ услыхали голоса.

— Что жъ ты такъ скоро покидаешь этотъ рай для пыльнаго Тифлиса?—спрашивалъ незнакомый голосъ.

— Надоѣло,—былъ отвѣтъ. Въ этомъ отвѣтѣ узнали голосъ князя Голицына.

— А твоя пери?

— Гагарина? О, я раскусилъ эту хитрую дѣвчонку... Она поймала на свой арканъ владѣтельнаго жеребца.

— Это кого?

— Да этого дикаго Стервашидзе...

— Ха-ха-ха! Стервашидзе!

— Она его и въ Петербургѣ ловила...

Вдругъ передъ ними, какъ изъ земли, выросъ тотъ, о комъ говорили.

— Вы подлецъ!—тихо, но рѣзко, словно ударомъ хлыста по лицу, остановилъ онъ обидчика, въ бѣшенствѣ сверкнувъ глазами.

Голицынъ моментально выхватилъ саблю изъ ноженъ, намѣреваясь ударить ею врага; но между ними очутился докторъ.

— Господа!—сказалъ онъ твердо.—Для благородныхъ людей есть судъ чести, покоритесь ему.

Но ему не легко было справиться съ кипучимъ темпераментомъ молодого абхазца, тѣмъ болѣе, что въ дѣло вмѣшался юноша еще болѣе огненнаго темперамента: кинжалъ младшаго Шервашидзе чуть было не покончилъ на мѣстѣ съ обидчикомъ, не дожидаясь далекаго и невѣрнаго суда чести. Но князь Димитрій опомнился скорѣе: онъ понялъ, что только разбитыя надежды, горечь разочарованія и душевныя муки могли продиктовать князю Голицыну, рыцарски-благородному юношѣ, обидныя для дѣвушки и для него самого слова. Въ его положеніи онъ самъ, вѣроятно, не былъ бы сдержаннѣе его.

— Я подчиняюсь суду чести,—сказалъ онъ, кланяясь князю Голицыну.—Прошу васъ, докторъ, сдѣлать мнѣ честь быть моимъ посредникомъ въ переговорахъ по предстоящему дѣлу.

Князь Голицынъ поклонился въ свою очередь.

— Моимъ секундантомъ не откажется быть мой другъ, m-eur Шилковъ,—сказалъ онъ, показывая на своего друга.

— Entièrement... de bonne volonté!—поклонился тотъ.

Докторъ далъ ему свою карточку, и они условились сойтись для переговоровъ у Григорія Ивановича сегодня же вечеромъ.

— Одно условіе, господа,—обратился Григорій Ивановичъ къ противникамъ,—вы сдѣлали намъ съ m-eur Шилковымъ честь, избравъ насъ посредниками въ вашемъ дѣлѣ, и потому вы

должны будете безпрекословно подчиниться рѣшенію, которое мы постановимъ, какъ относительно признанія оскорбленія, такъ равно относительно выбора оружія и дистанціи поединка.

— Я вполнѣ подчиняюсь,—согласился князь Шервашидзе.

Князь Голицынъ только молча поклонился въ знакъ согласія.

Простившись со всѣми, Григорій Ивановичъ отыскалъ Катю и Сережу, которые продолжали играть, заставляя Фингала бѣгать и ловить мячъ. Хотя дѣти находились въ незначительномъ разстояніи отъ происшедшаго сейчасъ столкновенія, однако, Сережа, слишкомъ занятый погоней Фингала за мячемъ, ничего не видѣлъ и не слыхалъ; зато Катя, какъ болѣе взрослая и наблюдательная, и видѣла, и слышала достаточно; но и виду не показала, что знаетъ кое-что. Она слышала, какъ князь Голицынъ произнесъ слово «Стервашидзе»; она слышала потомъ, какъ «свѣтлый дядя» сказалъ ему «подлеца», и видѣла, какъ тотъ обнажилъ саблю...

— Пора домой, дѣти,—сказалъ докторъ, подходя къ нимъ.

— «Фрыштыкать»? — улыбнулась Катя, передразнивая своего лакея. При этомъ она, дѣлая совсѣмъ невинную мордочку, пытливо посмотрѣла на Григорія Ивановича, не скажетъ ли онъ чего о той сценѣ. Но онъ ничего не сказалъ.

Когда вечеромъ, согласно условію, Шилковъ явился къ доктору для переговоровъ, Григорій Ивановичъ прежде всего возбудилъ вопросъ: кого признать обиженною стороной?

— Я полагаю, господинъ докторъ, что на этотъ счетъ не можетъ быть двухъ взглядовъ, — сказалъ Шилковъ. — Обидѣть можно только слабѣйшаго или низшаго, а оскорбить можно и равнаго, и высшаго. Въ данномъ случаѣ, я утверждаю, что оскорбленная сторона—мой довѣритель.

— Позвольте, молодой человѣкъ,—мягко возразилъ Григорій Ивановичъ.—Есть классическое изреченіе, на которомъ зиждется множество очень дикихъ заключеній. Это: post hoc, ergo propter hoc, т. е. послѣ этого, значитъ—вслѣдствіе этого. Вы ѣдете на охоту, зайчикъ перебѣгаетъ вамъ дорогу; вы на охотѣ случайно ничего не убиваете, и вашъ кучеръ дѣлаетъ заключеніе: это оттого случилось, что заяцъ перебѣжалъ намъ дорогу. Кошка умывалась, а вслѣдъ затѣмъ пріѣхали гости. Баба заключаетъ: кошка умывалась къ гостямъ... post hoc, ergo prop-

ter hoc. Но въ нашемъ дѣлѣ это классическое изреченіе—сама логика. Вашъ довѣритель выражается оскорбительно для чести милой, благородной, идеальной дѣвушки и еще грубѣе и оскорбительнѣе для чести моего благороднаго довѣрителя. Послѣдній не выноситъ двоякаго оскорбленія и протестуетъ рѣзкимъ словомъ. Въ комъ casus belli? Въ вашемъ довѣрителѣ: онъ и есть оскорбившая сторона; мой же довѣритель сторона оскорбленная.

— Но оскорбительныя выраженія высказаны были заглазно; вашъ довѣритель могъ ихъ не слыхать... Мало ли что говорится за глаза!

— Къ несчастію, онъ ихъ слышалъ.

— Да... Но онъ въ лицо бросилъ оскорбленіе...

— Извините, молодой человѣкъ, это былъ только отвѣтъ.

— А я, господинъ докторъ, считаю это уже вызовомъ, вторая стадія дѣла. А съ нею сопряжены преимущества для моего довѣрителя.

— Вы разумѣете, что на его сторонѣ право выбирать оружіе поединка и что ему принадлежитъ первый ударъ или выстрѣлъ?

— Да, господинъ докторъ; согласитесь, это немалое преимущество: тутъ лишній шансъ выиграть ставку на жизнь или на смерть.

— Согласенъ, молодой человѣкъ: вотъ потому-то, когда мнѣ довѣрено отстаивать жизнь моего довѣрителя, я и не могу уступить вамъ этого права. Помилуйте! Сидимъ мы и мирно бесѣдуемъ, смотря на игры дѣтей, и вдругъ изъ-за кустовъ словно двѣ пощечины или два выстрѣла! За что? Чѣмъ провинился мой довѣритель? Тѣмъ, что благородная дѣвочка предпочла его вашему довѣрителю? И чѣмъ виновата тутъ милая дѣвочка, послѣдовавшая влеченію своего сердца?

— Такъ вы стоите на своемъ, господинъ докторъ?

— Стою, молодой человѣкъ... Я готовъ обратиться къ третейскому суду.

— Но тогда будетъ разоблачена тайна поединка.

— Нисколько-съ. Мы изберемъ лицо, на которое можно вполнѣ положиться.

— Но имена? Имя моего довѣрителя, имя дѣвушки?

— И тутъ-съ абсолютные анонимы: г. Игрекъ, не подозрѣвая присутствія г. Икса, отзывается оскорбительно о m-lle Зетъ

и г. Иксѣ, который это слышитъ и въ лицо г. Игреку бросаетъ позорный эпитетъ. Кто началъ? Кто заварилъ кашу? У третейскаго судьи прямой отвѣтъ: кашу заварилъ г. Игрекъ, онъ пусть и расхлебываетъ ее.

— Но я не могу, господинъ докторъ, съ этимъ неопредѣленнымъ рѣшеніемъ явиться къ моему довѣрителю: онъ слишкомъ возбужденъ и не приказалъ мнѣ являться безъ окончательнаго рѣшенія. А иначе, говоритъ, я его застрѣлю, просто какъ бѣшеную собаку.

— Хорошо, молодой человѣкъ: вашъ довѣритель не признаетъ за собою первенство оскорбленія. Тѣмъ хуже для него. Это значитъ—vice versa. Оскорбителемъ является мой довѣритель. Вашъ довѣритель, оскорбленный, вызываетъ. Отсюда же, по правиламъ поединка, вытекаетъ, что онъ отдаетъ право перваго удара или перваго выстрѣла вызванному, т. е. моему довѣрителю.

Эта логика сбила окончательно Шилкова. Онъ вскочилъ и въ нетерпѣніи заходилъ по комнатѣ. Видя, что переговоры могутъ ничѣмъ не кончиться, и боясь, что младшій Шервашидзе, этотъ вѣчный пылающій огонь, исполнитъ свою угрозу: «къ чему глупая дуэль! Это не на балу, это не лезгинка, а я его просто зарѣжу, какъ овцу», Григорій Ивановичъ нашелъ себя вынужденнымъ нѣсколько уступить.

— Нечего дѣлать,—сказалъ онъ,—довѣримъ жизнь нашихъ довѣрителей жребію. На мѣстѣ поединка мы бросимъ жребій, кому первому стрѣлять... Вѣдь не на саблях же они будутъ драться и не на кинжалахъ.

— Я согласенъ на жребій,—сказалъ, наконецъ, Шилковъ.— И на пистолеты согласенъ. А время и мѣсто? А дистанція?

— Время—завтра утромъ въ пять часовъ, а съѣхаться въ глухой Березовой балкѣ. Вы ее знаете?

— Знаю, за кузницами.

— Такъ надо балкою проѣхать до того мѣста, гдѣ она нѣсколько расходится, и гдѣ налѣво выдается скала, похожая на замокъ съ окномъ...

— А, помню! Мы еще съ Голицынымъ назвали ее: «Замокъ страшныхъ неразсказанныхъ исторій».

— Тамъ мы и сойдемся... На случай смерти кого-либо или

рамъ, къ мѣсту поединка будетъ отправлена крытая арба... Какъ врачъ, я все необходимое отправлю туда съ этой арбой... Дистанція—двадцать шаговъ.

И секунданты разстались.

Весь день Катя хранила въ тайнѣ случайно слышанное и видѣнное ею въ паркѣ, и только вечеромъ, когда ихъ съ Варею отправили спать и онѣ остались вдвоемъ, Катя рѣшилась сказать объ этомъ сестрѣ. Она уже знала, что не все можно говорить родителямъ, особенно о мужчинахъ.

— А я сегодня въ паркѣ очень испугалась,—сказала она, поднявшись съ подушки и усѣвшись калачикомъ на кушеткѣ, на которой ей было послано.

— Чего?—спросила Варя, убирая на ночь свою косу.

— Видишь,—заговорила она таинственно,—мы съ Сережей играли, катали большой мячъ, а Фингалъ бѣгалъ за нимъ. А Григорій Ивановичъ, и «свѣтлый дядя», и... Миша,—хотѣла она сказать, да спохватилась,—и Михаилъ Георгіевичъ сидѣли въ тѣни на скамейкѣ. Вдругъ, откуда ни возьмись, князь Голицынъ съ какимъ-то офицеромъ, а прежде мы ихъ не видѣли, и вдругъ Димитрій Георгіевичъ вскочилъ и говоритъ Голицыну: «вы подлецъ»! Голицынъ какъ выхватитъ саблю! Хотѣлъ его зарубить, а тутъ подбѣжали Михаилъ Георгіевичъ и Григорій Ивановичъ. Михаилъ Георгіевичъ выхватилъ кинжалъ, да на Голицына! Ужасъ, какъ страшно было... Только Григорій Ивановичъ сейчасъ ихъ помирилъ, такой умный! Они поклонились другъ другу, а Григорій Ивановичъ далъ еще карточку тому офицеру, и они разошлись въ разныя стороны. Вотъ какой этотъ Григорій Ивановичъ! А за что разсердился Димитрій Георгіевичъ на Голицына, не знаю.

Варя съ ужасомъ слушала эту болтовню своей сестренки. Она тотчасъ же поняла, въ чемъ дѣло. Они дерутся изъ-за нея, это ясно. Голицынъ давно уже придирался ко всему, странно держалъ себя, то острилъ, то дѣлалъ какіе-то намеки... Григорій Ивановичъ далъ карточку офицеру: ясно, что они взяли на себя роли секундантовъ... Что же будетъ?.. Она вся дрожала

отъ страха. Можетъ быть, они уже дрались... Можетъ быть, Димитрій уже убитъ... Онъ назвалъ того подлецомъ... Вотъ отчего никто изъ нихъ не былъ вечеромъ.

— Должно быть, Голицынъ чѣмъ-нибудь обидѣлъ «свѣтлаго»,—говорила, между тѣмъ, Катя, примащиваясь на подушкѣ и кутаясь въ одѣяльце.—Удивительно, какъ это Григорій Ивановичъ такъ скоро помирилъ ихъ.

А Варя съ мучительною тоской думала: «это я всему виной, одна я! Какая я скверная, какая подлая. Отчего я давно не показала Голицыну, что равнодушна къ нему? Нѣтъ, я позволяла ему ухаживать за собой; я кокетничала съ нимъ, какъ низкая женщина... Я тѣшила свое тщеславіе, низкая, низкая!.. Такія всѣ мы низкія, подлыя: чѣмъ больше поклонниковъ, тѣмъ больше чести... И это честь!.. Нѣтъ, это безчестіе, это позоръ, гнусность, продажность, кто изъ поклонниковъ больше предложитъ за товаръ... Мы товаръ, нѣчто рыночное, покупное. И отчего было не сказать честно Голицыну, чтобъ онъ ни на что не надѣялся? Такъ нѣтъ, я тѣшилась его ухаживаніемъ, держала его въ запасѣ на всякій случай, если этотъ меня покинетъ, уйдетъ отъ меня... И вотъ!»...

Катя уже спала, а Варя все сидѣла на постели съ широко раскрытыми отъ ужаса глазами. Она готова была теперь же бѣжать, сейчасъ, въ эту темную ночь, чтобы только узнать, что тамъ, что съ нимъ...

«Такія оскорбленія, на ихъ ужасномъ языкѣ, смываются только кровію... Ужасный языкъ»!.. Она это знала, она часто это слышала. Она бросилась на полъ и стала молиться. Но это была не молитва: она въ душѣ взывала къ кому-то, кричала, кричала безъ словъ, безъ мысли, въ ней кричалъ холодный ужасъ... Ночь тянулась безъ конца. Зачѣмъ Катя не сказала ей раньше? Для чего молчалъ Сережа, если онъ зналъ что-нибудь? Она бы помѣшала безумному дѣлу, она не дала бы совершиться убійству изъ-за нея... Почти всю ночь она то стояла на колѣняхъ, то лежала, припавъ головой къ полу. То была ея молитва, безмолвная молитва отчаянія. Ее била лихорадка. Она куталась въ теплый шерстяной платокъ, но холодный ужасъ продолжалъ держать ее въ лихорадкѣ.

Едва наступило раннее утро и всѣ еще спали, она тихонько

разбудила свою горничную и велѣла ей послать Вавилу къ Григорію Ивановичу: сказать, что она больна, она и въ самомъ дѣлѣ была совсѣмъ больна, но только чтобъ этого никто не зналъ.

Изъ-за Елизаветинской горы солнце всходило такое красное... Кровь, кровь вездѣ! Вавила скоро воротился ни съ чѣмъ. Денщикъ Григорія Ивановича сказалъ, что баринъ его только что сію минуту уѣхалъ куда-то верхомъ, а за нимъ поѣхала арба съ татариномъ. «На мѣсто дуэли поѣхалъ... а арба—для мертваго тѣла»... Съ нею сдѣлалось дурно. Горничная испугалась и разбудила барыню. Княгиня нашла уже свою дочь въ жару. Послали тотчасъ за другимъ докторомъ.

Между тѣмъ, Григорій Ивановичъ въ сопровожденіи крытой арбы, управляемой Урусомъ Лаквари (это и былъ тотъ татаринъ, о которомъ говорилъ Вавила, денщикъ доктора), миновавъ кузницы, спустился въ Березовую балку, гдѣ ихъ уже поджидали братья Шервашидзе. Урусъ Лаквари только утромъ узналъ, куда собираются его господа, и хотя онъ отпрашивался съѣздить по какому-то дѣлу въ ближайшій аулъ, но его не отпустили, такъ какъ въ немъ, какъ въ вѣрномъ и расторопномъ слугѣ, они сами нуждались. Утро было прелестное. Балка, или скорѣе ущелье, извиваясь между нависшими и нагроможденными одинъ на другой утесами, между гигантскими пластами гранита и темносѣраго плитняка, то открывала свободный доступъ теплымъ лучамъ утренняго солнца, то вводила путниковъ въ полусумракъ тѣней, между тѣмъ какъ пѣнистая рѣчка, извиваясь въ каменистомъ ложѣ сѣрою змѣей, прыгала съ камня на камень и сердито журчала, когда при частыхъ переѣздахъ ее пѣнили конскія копыта. Въ темнѣвшей по утесамъ зелени перекликались птицы, а въ тихомъ воздухѣ жужжали пчелы. Во всей природѣ, казалось, разлито было столько нѣги, ласки, любви, жизнь била такимъ полнымъ ключемъ, голубое небо смотрѣло въ ущелье такъ привѣтливо, солнце грѣло такъ любовно, что, казалось, въ этомъ эдемѣ жизни, въ этой гармоніи природы и всего живого, не должно бы быть мѣста ни враждѣ, ни горю, а тѣмъ болѣе смерти... А между тѣмъ... Между тѣмъ, позади, въ томъ же ущельѣ послышался уже конскій топотъ. То ѣхали князь Голицынъ и его секундантъ къ мѣсту поединка. Но вотъ ущелье стало нѣсколько раздвигаться, и влѣво, за рѣчкой, стѣсненной

каменной грядой и сердито бурлившей, надъ крутымъ, зеленымъ скатомъ показался грозный, причудливый сѣрый утесъ съ сквозными прорѣзями, въ которыя, точно въ окна, глядѣлось голубое небо. Это и былъ «Замокъ страшныхъ неразсказанныхъ исторій». Да и кто могъ ихъ разсказать? Кто знаетъ, какіе ужасы, быть можетъ, совершались въ этой глухой тѣснинѣ и тогда, когда доносились сюда стоны Прометея, и послѣ, когда полчища Помпея гнались за полчищами Митридата? Глухая тѣснина безмолвствуетъ, и только говорливая горная рѣченка не одну и не двѣ тысячи лѣтъ повѣствуетъ о прошлыхъ ужасахъ на языкѣ, котораго люди не понимаютъ...

Братья Шервашидзе, проѣхавъ нѣсколько впередъ, сошли съ коней, отвели ихъ въ сторону за покрытый кустарникомъ каменистый уступъ и, присѣвъ на камень у самой рѣчки, тихо о чемъ-то разговаривали. Можетъ быть, старшій братъ передавалъ младшему свою послѣднюю волю. Князь Голицынъ, сойдя съ коня, привязалъ его къ сучковатому стволу боярышника и сталъ ходить взадъ и впередъ, нервно сбивая хлыстомъ торчавшія изъ высокаго колючаго бурьяна упругія головки только что распустившагося татарника. Невдалекѣ Урусъ Лаквари стоялъ съ арбой.

— Вотъ ровное мѣсто,—сказалъ Григорій Ивановичъ, подходя къ Шилкову и здороваясь съ нимъ.

— Отлично... Тутъ тѣнь: солнце не будетъ мѣшать,—проговорилъ онъ и сталъ отмѣривать шаги.

— Не ты, не ты!—нетерпѣливо крикнулъ ему Голицынъ.—У тебя журавлиныя ноги, и ты чортъ знаетъ сколько отмѣришь, до самаго Эльборуса... Пусть мѣритъ господинъ докторъ: у него шажки маленькіе... Ближе другъ къ другу будемъ. Я хочу ближе видѣть, какъ подъ дуломъ моего пистолета потемнѣетъ лицо его свѣтлости.

Юный абхазецъ, услышавъ это, схватился было за кинжалъ, но старшій братъ удержалъ его руку. Григорій Ивановичъ сталъ отмѣривать. «Разъ, два, три, четыре... двадцать, вотъ у этого камня». Онъ пошелъ потомъ къ арбѣ и принесъ оттуда ящикъ съ пистолетами и патроны.

— Извольте заряжать,—сказалъ онъ, вынувъ изъ ящика пистолеты и передавая ихъ Шилкову вмѣстѣ съ патронами.

Пистолеты, наконецъ, заряжены, и Шилковъ положилъ ихъ на камень.

— Теперь жребій,—сказалъ онъ, вынимая изъ кармана блестящій червонецъ.—Ты что выберешь? Орла или рѣшотку?—крикнулъ онъ Голицыну.

— Орла,—отвѣчалъ тотъ.

Шилковъ бросилъ въ воздухъ червонецъ. Монета, повертѣвшись въ воздухѣ, звякнулась объ камень.

— Орелъ!—не безъ торжества воскликнулъ Шилковъ.

Григорій Ивановичъ нагнулся, чтобъ удостовѣриться.—Вашъ выстрѣлъ,—тихо сказалъ онъ. Противникамъ указали ихъ мѣста и дали по пистолету въ руки. Отойдя на нѣсколько шаговъ отъ Голицына, Шилковъ подалъ знакъ. Голицынъ сталъ медленно поднимать руку съ пистолетомъ. Князь Димитрій стоялъ, какъ вкопанный. Онъ видѣлъ, какъ дуло пистолета его противника поднималось медленно, все выше и выше... Вотъ оно дошло до груди, до сердца и остановилось. Въ сердце мѣтитъ. Младшій братъ стоялъ въ сторонѣ, пожирая глазами дуло пистолета, наведеннаго на брата... Отъ арбы подвинулся впередъ и Урусъ Лакнари. Загадочная улыбка змѣилась въ его глазахъ и подъ усами. Медленно, медленно пистолетъ сталъ подниматься выше... Вотъ дуло его остановилось на лицѣ... Еще выше... чуть-чуть... на лбу и замерло, остановилось... Виднѣлась только черная точечка да надъ нею глазъ... Раздался выстрѣлъ...

— Промахъ, — спокойно сказалъ князь Димитрій, — рука дрогнула.

Григорій Ивановичъ и Михаилъ Шервашидзе бросились было впередъ; но, услыхавъ слово «промахъ», юный абхазецъ разразился смѣхомъ. Онъ хохоталъ, какъ мальчишка, схватившись руками за животъ и бѣгая по площадкѣ: «ой-ой-ой-ой-ой-ой! Вотъ такъ выстрѣлъ, вотъ такъ ловко!»

— Да перестань же ты, мальчишка!—не вытерпѣлъ, наконецъ, старшій братъ.

— Ой-ой-ой! Не буду! Не сердись...

Голицынъ стоялъ блѣдный, какъ полотно.

— Князь!—сказалъ Димитрій Георгіевичъ.—Я зналъ васъ, какъ благороднаго человѣка, и всегда уважалъ васъ. Я и теперь не отнимаю у васъ моего уваженія... Я не требую, чтобъ

вы извинились передо мною въ неосторожно сказанныхъ словахъ. Я ихъ охотно прощаю. Въ васъ говорило оскорбленное самолюбіе, хотя никто его не оскорблялъ. Но вы провинились передъ чистою дѣвушкой, передъ лучшею въ мірѣ женщиною...

— Довольно!—крикнулъ Голицынъ.—Я не желаю ни вашихъ похвалъ, ни вашихъ наставленій... Assez! Trop assez!

— Такъ вотъ за эту дѣвушку я обязанъ васъ наказать,— продолжалъ Шервашидзе.

Онъ взялъ въ лѣвую руку висѣвшій у него на шнурѣ пистолетъ, взвелъ курокъ и остановился. Въ правой же рукѣ онъ держалъ тотъ пистолетъ, изъ котораго долженъ былъ стрѣлять.

— Смотрите!—сказалъ онъ и выстрѣлилъ въ пролетавшую мимо ласточку. Ласточка упала мертвая.

— Видите,—продолжалъ онъ,—я могу застрѣлить васъ, какъ эту бѣдную ласточку. Но не хочу этого, я пощажу вамъ жизнь.

— Стрѣляйте, чортъ васъ возьми!—крикнулъ Голицынъ, побагровѣвъ.

— Хорошо, сейчасъ... Я только выстрѣлю въ васъ такъ, чтобъ вы уже никогда не могли танцовать, а въ особенности съ моей невѣстой, княжной Гагариной.

И онъ выстрѣлилъ. Князь Голицынъ зашатался. Шилковъ и докторъ бросились къ нему и подхватили.

— Въ ногу,—сказалъ Григорій Ивановичъ,—въ правую.

Князь Голицынъ лишился сознанія.

XI.

Раненаго Голицына, послѣ перевязки, осторожно уложили на дно арбы, устланное ковромъ и подушками. Онъ скоро пришелъ въ сознаніе и спросилъ доктора, можетъ ли онъ послѣ этой раны оставаться кавалеристомъ. Григорій Ивановичъ отвѣчалъ, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, верховая ѣзда для него попрежнему будетъ вполнѣ возможна, но хромота останется, потому что пуля повредила сухожилія.

Братья Шервашидзе послѣ дуэли тотчасъ уѣхали въ Кисловодскъ, а докторъ и Шилковъ остались сопровождать раненаго. Они достигли благополучно Кисловодска и проѣхали прямо на квартиру князя Голицына, который, поддерживаемый Григоріемъ

Ивановичемъ, самъ вошелъ въ комнаты. Снова освидѣтельствовавъ и перебинтовавъ рану, докторъ написалъ необходимые рецепты и, уходя, обѣщалъ навѣдываться почаще. О дуэли въ Кисловодскѣ никто не долженъ знать, а рана князя должна быть объяснена несчастнымъ случаемъ на охотѣ.

Возвратясь домой, Григорій Ивановичъ узналъ отъ денщика, что рано утромъ за нимъ присылали отъ Гагариныхъ, что у нихъ заболѣла барышня. Григорій Ивановичъ тотчасъ же пошелъ къ нимъ, но на дорогѣ встрѣтилъ молодого группинаго врача, который только что отъ нихъ вышелъ.

— Что тамъ случилось?—спросилъ Григорій Ивановичъ.

— Кажется, ничего особеннаго: со старшей княжной что-то приключилось ночью, нервное разстройство, небольшой жарокъ... Ничего серьезнаго: либо мышей испугалась, либо черныхъ тараканов,—съ улыбкой отвѣчалъ группный врачъ.

Они разстались, и Григорій Ивановичъ вошелъ къ Гагариным. Его встрѣтила княгиня.

— Что у васъ?—спросилъ докторъ.

— Да моя старшая дѣвочка захворала... Группный врачъ говоритъ—нервное разстройство; а съ чего бы?

Доктора провели прямо къ больной. При видѣ его, Варя испуганно поднялась на постели.

— Те-те-те! Такъ вы бунтовать, барышня?—весело заговорилъ Григорій Ивановичъ.—Вотъ мы васъ!

Видя доктора спокойнымъ и веселымъ, Варя нѣсколько ожила.

— Мама!—сразу выручила ее женская хитрость.—Сходи, мамочка, принеси мнѣ легкій фуляровый платокъ. Этотъ слишкомъ теплый, мнѣ жарко.

Княгиня вышла. Варя тотчасъ же схватила доктора за руку.

— Что онъ? Я все знаю... Была дуэль? Что онъ?—лихорадочно говорила она.

— Кто онъ?—съ улыбкой спросилъ Григорій Ивановичъ.

— Ахъ, не мучьте меня! Говорите: что онъ?

— Князь Голицынъ?—снова улыбнулся докторъ.

— Не смѣйтесь, ради Бога! Вы знаете, кто...

— Успокойтесь, — шепнулъ Григорій Ивановичъ, слыша шаги княгини,—живехонекъ и веселехонекъ.

Вошла княгиня и подала платокъ. Она сразу замѣтила, что дочь повеселѣла.

— Лучше тебѣ, дѣвочка?—спросила она

— Лучше, мамочка... Только знаешь, я пить хочу. — Это опять явилась на выручку женская хитрость.

— Чего жъ бы тебѣ дать, дѣточка? — спросила княгиня, гладя головку дочери.

— Лимонаду мнѣ хочется, мамуля... Поди, сдѣлай, только сама... Я отъ тебя хочу.

Княгиня, радостная, опять вышла. Докторъ покачалъ головой.

— У! И хитрая же вы, барышня!—проговорилъ онъ.—Мы, мужчины, никакъ не выдумали бы лимонаду.

— Милый, Григорій Ивановичъ, разскажите все,—снова схватила Варя доктора за руку.—Съ чего это у нихъ вышло?

— Понятно, изъ-за пустяковъ, какъ это всегда бываетъ у мужчинъ, особенно у военныхъ: наступилъ нечаянно сосѣду на мозоль, ну, и дуэль, дѣло чести.

— Нѣтъ, нѣтъ! Вы скажите, изъ-за чего?

— Право, не знаю... Кажется, за бильярдомъ повздорили.

— Не сочиняйте!—перебила его Варя. — Катя вчера въ паркѣ все видѣла и все слышала.

— А! Катя, вотъ кто предатель... Тоже, хитрая, а мнѣ вчера хоть бы словечко...

— И что же?—допытывалась княжна.

— Князь Голицынъ немножко поплатился сегодня ножкой... Ужъ больше ни съ вами и ни съ кѣмъ никогда танцовать не будетъ.

— Какъ? Раненъ?—испугалась Варя.

— Не бойтесь, не опасно... Я хорошо перевязалъ рану... Пули не осталось въ ногѣ, на вылетъ прошла.

— Боже, благодарю!—перекрестилась княжна.—Но разскажите все, какъ было, пока мама не пришла... Кто стрѣлялъ первымъ?

— Князь Голицынъ, но промахнулся. А Димитрій Георгіевичъ опять выказалъ себя героемъ и необыкновенно великодушнымъ. Представьте себѣ, онъ могъ положить его на мѣстѣ, убить

наповалъ, а между тѣмъ пощадилъ. Когда Голицынъ далъ промахъ, Димитрій Георгіевичъ, которому слѣдовало стрѣлять, держа въ правой рукѣ пистолетъ, лѣвою взялъ другой, который у него висѣлъ на шнуркѣ, и налету убилъ, проносившуюся въ эту минуту довольно далеко, ласточку.—Вотъ, говоритъ, князь, я могъ бы убить и васъ, какъ эту птичку, но я, говоритъ, пощажу вамъ жизнь, а только сдѣлаю такъ что вы уже никогда больше не будете ни съ кѣмъ танцовать, въ особенности же, говоритъ, съ моей невѣстой... И назвалъ какую-то петербургскую барышню, фамилію которой я, признаюсь, запамятовалъ,—закончилъ докторъ, коварно улыбаясь.

Варя вся рдѣла, преображенная счастьемъ и гордостью за любимаго человѣка.

— Бѣдный Голицынъ!—сказала она, и на этотъ разъ противъ обыкновенія искренно.

— Теперь я понимаю причину вашей внезапной болѣзни,—проговорилъ Григорій Ивановичъ,—со словъ коварной Кати, каова! Въ куклы играетъ, а меня, старика, провела, изъ разсказа этого маленькаго Талейрана въ юбчонкѣ вы поняли, что готовится поединокъ, и васъ это свалило.

— Да, Григорій Ивановичъ, я очень испугалась... Катя мнѣ сказала обо всемъ, когда мы ужъ легли спать, а еслибъ я узнала объ этомъ раньше, днемъ, я не знаю, что сдѣлала бы...

— Выдали бы насъ?

— Да... я не знаю, право... Можетъ быть, и сказала бы мамѣ.

— И хорошо, можетъ быть, сдѣлали бы: князь Голицынъ былъ бы съ ногой.

— Но изъ-за чего они поссорились, я все-таки не понимаю. Катя говоритъ, что Димитрій Георгіевичъ назвалъ князя Голицына подлецомъ. Значитъ, была серьезная причина, Димитрій Георгіевичъ человѣкъ сдержанный: значитъ, князь Голицынъ его очень оскорбилъ. А гдѣ, когда, Катя не знаетъ.

— Ну, что объ этомъ толковать, милая барышня! Дѣло прошлое.

Въ это время, въ комнату вошла княгиня, а за нею горничная несла на подносѣ лимонадъ.

— Ну, кушай мое издѣліе, милочка,—сказала княгиня, цѣлуя розовое оживленное личико дочери.—Ахъ, Григорій Ивановичъ!—обратилась она къ доктору.—Вы просто магъ и чаро-

дѣй.—Отъ одного вашего присутствія моя дѣвочка начала уже поправляться.

— Нѣтъ, ваше сіятельство,—улыбнулся докторъ,—не я магъ и чародѣй, а молодость... А это лѣкарство не въ моей власти: его ни въ одной аптекѣ не отпускаютъ.

— Правда, правда,—согласилась княгиня.

За дверью послышался стукъ и голосъ князя Павла Сергѣевича:—Можно войти?

— Entrez, Paul, entrez!—весело отозвалась княгиня.

Вошелъ князь, а за нимъ въ дверь просунули головы Катя и Сережа съ Фингаломъ.

— Est il permis, maman?—робко спросила Катя.

— Entrez, entrez mes petite et petit,—былъ отвѣтъ.

Дѣти вошли.

— Дѣвочка напугала насъ сегодня,—сказалъ князь, здороваясь съ докторомъ.—Что съ ней?

— Ровно ничего, князь, вы видите.

— Я совсѣмъ здорова, папочка,—весело отозвалась Варя.

— А тебѣ кланяется «свѣтлый дядя»,—выпалилъ Сережа.

— И Миш... и Михаилъ Георгіевичъ,—поправилась Катя,—тоже кланяется...

— Онъ мнѣ сказалъ,—заторопился Сережа.

— Нѣтъ, не тебѣ, а мнѣ,—перебила его Катя.

— Будетъ вамъ, дѣти,—остановила ихъ княгиня, — вѣчно спорите.

— Я пригласилъ ихъ сегодня обѣдать,—сказалъ князь,—они очень встревожились, когда узнали, что Варя нездорова, и хотѣли сейчасъ же прійти; но я пригласилъ ихъ къ обѣду.

— А что-то давно не видать князя Голицына,—сказала княгиня.

— Да съ нимъ несчастье приключилось,—поторопился сказать докторъ, переглянувшись съ Варей,—онъ на охотѣ нечаянно ранилъ себѣ ногу и лежитъ...

— А я его вчера въ паркѣ видѣла...—сказала Катя, а потомъ спохватилась и смущенными глазами посмотрѣла на доктора и на сестру.

— Да онъ только сегодня утромъ ранилъ себя,—объяснилъ Григорій Ивановичъ.

— Но какимъ образомъ?—полюбопытствовалъ князь.

— Ружье нечаянно выстрѣлило, и пуля пробила ногу.

— И серьезно? Опасно?

— Нельзя сказать, чтобы опасно, но серьезно: повреждено сухожиліе.

— Такъ нога навсегда попорчена?

— Боюсь, ваше сіятельство, что навсегда.

— Жаль молодого человѣка изъ такой прекрасной семьи.

— Но мнѣ кажется, княгиня, что это не помѣшаетъ ему продолжать кавалерійскую службу.

— И танцовать ему можно будетъ, Григорій Ивановичъ, когда рана совсѣмъ заживетъ? — какъ-то странно спросила Варя.—Онъ такой ловкій танцоръ.

— Сомнѣваюсь, барышня,—улыбнулся докторъ,—ужъ ему, кажется, не придется больше быть на балахъ вашимъ кавалеромъ...

XII.

Время летитъ быстро. Недаромъ Сатурнъ изображается съ крыльями. Но особенно быстро этотъ крылатый старикъ мчится на глазахъ такихъ же, какъ самъ, стариковъ и влюбленныхъ.

Князь Димитрій Георгіевичъ Шервашидзе и княжна Варвара Павловна Гагарина, а равно ея сестра Катя, совсѣмъ не замѣтили, какъ пролетѣлъ весенній сезонъ. Маленькая Катя... вѣдь она тоже была влюблена въ своего героя Мишу, и ей предстояло украдкой, тайно отъ всѣхъ, лить горькія слезы разлуки.

Неотложныя дѣла требовали присутствія молодого владѣтеля Абхазіи въ его наслѣдственной странѣ. Арсланъ-бей, убѣдившись, что ненавистный противникъ его едва ли не болѣе безопасенъ отъ козней дяди въ Кисловодскѣ, чѣмъ на родинѣ, воротился съ своею шайкой въ Абхазію и завязалъ сношенія съ бѣжавшими въ Турцію: княземъ Георгіемъ Дадіапомъ, «голыя ляшки», какъ его прозвали въ Мингреліи за его бѣлыя лосинныя штаны въ обтяжку, съ княземъ Иваномъ Абашидзе, отцомъ маленькаго царя Ивана, силою увезеннаго въ Россію изъ Имеретіи, и съ царевною Дареджаною, дочерью покойнаго царя Соломона II. Онъ всюду распускалъ слухи, что молодой владѣтель Абхазіи, князь Димитрій Шервашидзе, уже больше не владѣтель, что русскіе сослали его въ Сибирь, какъ прежде позасылали туда всѣхъ

грузинскихъ царевичей, а потомъ и юнаго царя Имеретіи Ивана Абашидзе; что русскіе намѣрены перехватать и тоже сослать въ Сибирь и всѣхъ князей Мингреліи, Гуріи и Абхазіи; что, наконецъ, они намѣрены изо всѣхъ кавказскихъ народовъ подѣлать русскихъ солдатъ и казаковъ, какъ они подѣлали солдатами татаръ, калмыковъ, киргизъ и поляковъ.

Разставаясь съ Гагариными и своей невѣстой, молодой владѣтель Абхазіи обѣщалъ, устроивъ дѣла у себя на родинѣ, пріѣхать въ Петербургъ въ декабрѣ, чтобъ тотчасъ же послѣ рождественскихъ праздниковъ вести свою Варю подъ вѣнецъ. Варя много плакала. Плакала и Катя, но всѣ думали, что она плачетъ слезами старшей сестры... Это были, однако, ея собственныя слезы: на ея глазахъ закатывалось ея ясное солнышко... Когда въ послѣдній разъ бѣлая папаха ея красавца Миши Прометеевича, какъ она его называла, скрылась за горой, дѣвочка упала на траву, и рыдала, рыдала...

— Бѣдная дѣвочка, она такъ любитъ Варю,—говорила княгиня.

«Какіе глупые эти большіе!»—думала, между тѣмъ, Катя.

Любовь Вари преобразила владѣтеля Абхазіи. Онъ возвратился на родину полный энергіи и увѣренности въ своихъ силахъ. Онъ обѣщалъ положить Абхазію къ ногамъ своей невѣсты, и положитъ! Явившись въ Соуксу, гдѣ ожидала его мать, онъ недолго оставался въ своей резиденціи. Отъ Ракоци онъ обстоятельно узналъ о положеніи дѣлъ въ Абхазіи и о новыхъ ковахъ Арсланъ-бея. Посѣтивъ потомъ Сухумъ, онъ вмѣстѣ съ комендантомъ крѣпости Михинымъ осмотрѣлъ вооруженія города, боевые запасы и другія средства защиты, и убѣдился, что у него подъ ногами есть почва, что будущее зданіе Абхазіи если и будетъ возведено сначала на чужомъ фундаментѣ; на русскихъ штыкахъ, то ничто не мѣшаетъ этому зданію впослѣдствіи утвердиться на собственномъ фундаментѣ, цементъ котораго долженъ быть непремѣнно замѣшанъ на крови Арсланъ-бея и его приверженцевъ: «кровь предателей отечества очень полезна для этого», сказалъ онъ.

Послѣ этого, сопровождаемый своимъ конвоемъ, онъ сталъ переѣзжать изъ аула въ аулъ. Въ каждомъ аулѣ онъ собиралъ сходки и говорилъ страстныя, зажигательныя рѣчи. Онъ былъ неузнаваемъ, и абхазцы съ удивленіемъ и восторгомъ смотрѣли

на него. Какъ всѣ южные народы, абхазцы легко воспламенялись и толпами стекались послушать молодого оратора. Женщинъ увлекала его красота, его блестящій мундиръ. Онѣ несли на сходки своихъ дѣтей и, по окончаніи сходки, провожали его изъ аула восторженными кликами. Старики въ изумленіи качали сѣдыми головами.

— Въ немъ проснулся духъ его дѣда, Келешъ-бека,—говорили они,—бабы и дѣти это чуютъ.

— А кто убиваетъ своего отца, тотъ и мать не пощадитъ,—говорили другіе.

— Арсланъ-бей убилъ своего отца: онъ убьетъ и мать свою, Абхазію,—говорили третьи.

Въ нѣсколько мѣсяцевъ настроеніе умомъ въ Абхазіи совершенно измѣнилось, и до Арсланъ-бея стали доходить очень неутѣшительныя вѣсти. Онъ понялъ, что его собственная популярность съ каждымъ днемъ таетъ, какъ снѣгъ весною, а популярность и сила его ненавистнаго племянника, «русскаго нукера», какъ онъ называлъ молодого владѣтеля Абхазіи, растутъ, какъ воды Кадора и горныхъ рѣчекъ во время таянія этого снѣга весною.

— Мои горы таютъ и несутъ ему свои воды,—со злобою говорилъ онъ своему другу, князю Бежану Шервашидзе.

— Не бойся, князь, онъ скоро утонетъ въ этой водѣ: вода погубитъ его,—загадочно утѣшалъ друга Бежанъ.

— Какъ же это?—недовѣрчиво качалъ головою давно посѣдѣвшій Арсланъ.—Когда за меня была вся Абхазія, и то онъ уцѣлѣлъ, а какъ же теперь?

— Это секретъ мой и Уруса Лаквари,—отвѣчалъ Бежанъ,—тайна тогда только тайна и имѣетъ силу, когда ее знаютъ только двое: а когда ее узнаетъ третій, она потеряетъ силу: то уже не тайна, когда она третьему довѣрена. Тайна—все равно, что жена: ее долженъ знать только мужъ... Повторяю тебѣ: вода погубитъ нукера урусовъ.

Послѣ тріумфальнаго, можно сказать, объѣзда Абхазіи, князь Димитрій Георгіевичъ возвратился въ Соуксу. Сюда со всѣхъ сторонъ являлись къ нему князья и дворяне и, по восточному обычаю, приносили своему повелителю богатые подарки, деньгами, драгоцѣнными вещами, дорогимъ оружіемъ, цѣлыми пригоршнями бирюзы, алмазовъ, крупнаго жемчугу и всякихъ

цѣнныхъ камней. За нѣсколько недѣль казна его пополнилась такъ, какъ не бывало этого ни при дѣдахъ, ни при прадѣдахъ. Богатства эти дали ему мысль раньше отправиться въ Петербургъ, чтобъ до свадьбы успѣть пріобрѣсти въ русской столицѣ все, чего могли требовать культурныя привычки его будущей жены: блестящую меблировку дворца, изящные сервизы, посуду и все то, что онъ видывалъ въ аристократическихъ домахъ Петербурга. Дни и ночи онъ обдумывалъ все, что предстояло ему сдѣлать. Сонъ его, вслѣдствіе этого, былъ часто безпокойный. Но какъ на бѣду, въ старомъ зданіи монастыря завелся филинъ, который, по ночамъ, своими стонами просто отравлялъ ему сонъ. Въ подобныхъ случаяхъ, когда филинъ начиналъ стонать, Урусъ Лаквари всегда спѣшно отправлялся къ зданію монастыря и прогонялъ надоѣдливую птицу.

То же повторилось и въ ночь съ 15-го на 16-е октября 1822 года.

Князь Димитрій Георгіевичъ собирался уже ложиться спать, какъ вдругъ послышалось завыванье филина.

— Ахъ, проклятая птица!—Опять застонала,—проговорилъ князь съ досадой.

— Я пойду припугну ее,—отозвался Урусъ Лаквари, готовившій постель своему господину.

— Хорошо,—отвѣчалъ послѣдній.

Урусъ Лаквари, оставивъ князя, вышелъ изъ дворца и направился къ мрачному зданію давно пустующаго монастыря. Подходя къ отверстію въ старой стѣнѣ, онъ издалъ писк, похожій на писк летучей мыши. Изъ отверстія ему отвѣчали тѣмъ же. Лаквари вступилъ въ ограду, гдѣ и увидѣлъ закутанную въ бурку человѣческую фигуру.

— Зачѣмъ требовалъ меня господинъ?—спросилъ Лаквари.

— Я принесъ тебѣ смерть для презрѣннаго нукера урусовъ,—отвѣчала бурка.

— Смерть! Я ужъ второй годъ ношу ее за поясомъ, да только все еще она не нашла ходу въ сердце и въ легкія нукера урусовъ,—отвѣчалъ въ свою очередь Лаквари.

— Ну, твоя смерть желѣзная и оставляетъ слѣды, а отъ моей смерти не останется никакихъ слѣдовъ,—сказала бурка.— Вотъ возьми ее. — И бурка подала Урусу маленькую стекля-

почку.—Нѣсколько капель влей ему въ питье, и урусы потеряютъ навѣки своего нукера.

— Давно пора,—улыбнулся Лаквари, пряча за пазуху пузырекъ.—Вонъ въ Кисловодскѣ, въ Орѣховой балкѣ, вѣрное было дѣло, и я во-время далъ вамъ знать, а вы все-жъ ничего не сдѣлали, и только сами поплатились нѣсколькими головами... Я въ этомъ дѣлѣ не виноватъ.

— Тебя никто и не винитъ,—сказала бурка.—Кто могъ думать, что проклятый нукеръ-урусъ такой находчивый! Изъ лошадей завалъ сдѣлалъ, а тутъ и конвой подоспѣлъ. Смотри же, завтра ночью я жду тебя здѣсь съ извѣстіемъ, что отъ выродка Шервашидзе, отъ измѣнника Димитрія, осталась одна падаль.

— А скоро дѣйствуетъ твое лѣкарство? — спросилъ Лаквари.

— Скорѣе, чѣмъ кинжалъ или пуля... минутами... безъ крыковъ... Это страшный ядъ.

— О, господинъ!—обрадовался Лаквари. — Тогда я черезъ часъ буду здѣсь съ вѣстью о падали... Онъ на ночь всегда выпиваетъ стаканъ воды... Я въ этотъ стаканъ и волью ему смерть.

— Хорошо... Спѣши, я жду тебя.

— Только, господинъ, немного погодя, ты опять застони филиномъ, чтобъ я могъ выйти сюда, а то меня можетъ остановить часовой и спросить, зачѣмъ я выхожу второй разъ: я скажу, что князь послалъ меня застрѣлить проклятую птицу.

— Хорошо. Ступай. Въ аулѣ Чичи тебя ждетъ большая награда.

Воротившись во дворецъ, Урусъ Лаквари быстро приготовилъ постель для князя Димитрія и, когда тотъ легъ, подалъ ему стаканъ воды, въ которую вылилъ всю жидкость изъ даннаго ему таинственной буркой пузырька. Князь быстро выпилъ и словно окаменѣлъ...

— Ты что мнѣ далъ?—глухо сказалъ онъ и навзничь опрокинулся на постель.

Отравитель быстро выдернулъ изъ подъ его головы подушки и набросилъ ихъ на исказившееся лицо своей жертвы. Тѣло несчастнаго вытянулось въ конвульсіяхъ и, казалось, застыло. Урусъ Лаквари постоялъ нѣсколько минутъ, словно каменное изваяніе, потомъ поднялъ подушки. Передъ нимъ лежалъ окоченѣлый трупъ.

Отъ монастыря донесся стонъ филина. Отравитель, даже не взглянувъ на свою жертву, вышелъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ у монастыря.

— Ну, что?—спросила бурка.

— Готово,—отвѣчалъ убійца.—Ну и лѣкарство же!.. Жаль, что я забылъ тамъ пузырекъ.

Черезъ нѣсколько минутъ часовой услыхалъ топотъ лошадиныхъ копытъ за монастыремъ.

Князь Бежанъ Шервашидзе сдержалъ свое слово. Когда на другой день старый Галибъ, не видя ни Уруса Лаквари, ни молодого князя, который долго не выходилъ изъ своей комнаты, заглянулъ туда, глазамъ его представилось ужасное зрѣлище: вмѣсто молодого, красиваго владѣтеля Абхазіи, на кровати лежалъ искаженный трупъ. Урусъ Лаквари исчезъ. Въ домѣ поднялась тревога. Явились княгиня Тамара, князь Михаилъ, докторъ Булатъ-Аліевъ.

— Отравленъ синильной кислотой... acidum cyanicum, — сказалъ послѣдній, нюхая забытый отравителемъ пузырекъ.

Княгиня упала замертво.

XIII.

На третій день тѣло безвременно погибшаго молодого владѣтеля Абхазіи съ подобающею честью было предано землѣ.

Въ тотъ же день въ Соукеу пріѣхалъ знакомый уже намъ кривой абхазецъ, Ахмедъ Теймуразъ, котораго когда-то Арсланъ-бей подвергалъ публичному поруганію посредствомъ обнаженія и обмазыванія всего тѣла кислымъ молокомъ, съ тѣмъ, чтобы его потомъ облизывали собаки. Теймуразъ просилъ, чтобы его допустили къ молодому князю по важному дѣлу. Князь Михаилъ Георгіевичъ принялъ его, помня, какую важную услугу оказалъ онъ въ прошломъ году ихъ дѣлу, подмочивъ въ Сухумѣ запасы пороха, заготовленнаго Арсланъ-беемъ.

— Что скажешь, вѣрный Теймуразъ?—спросилъ онъ.

— Вѣрный Ахмедъ скажетъ своему господину, гдѣ гнѣздо змѣй,—отвѣчалъ Теймуразъ.—Оно въ аулѣ Чичи. Я самъ видѣлъ тамъ сегодня Арсланъ-бея, проклятаго Бежана Шервашидзе и Уруса Лаквари. Они скрываются у Тутшуга, у стараго шайтана Тутшуга, что выкормилъ двѣ змѣи, Арслана и Диду.

Сгорая местью за смерть брата, князь Михаилъ, быстрый на рѣшенія, задумалъ тотчасъ же напасть на «гнѣздо змѣй» и разрушить его до основанія, а если удастся, то захватить и самого дядю съ его соумышленниками. Отпустивъ съ благодарностью Теймураза, онъ тотчасъ же пошелъ къ Ракоци и сообщилъ ему свой планъ. Ракоци одобрилъ планъ неустрашимаго юноши, но только совѣтовалъ пригласить въ эту экспедицію и подполковника Михина съ частью сухумскаго гарнизона.

— Мы не должны оставлять обнаженными укрѣпленія ни Соуксу, ни Сухума,—сказалъ онъ,—мы возьмемъ по половинѣ людей изъ той и изъ другой крѣпости.

Юный князь одобрилъ предложеніе Ракоци, и они написали Михину, прося его участія въ предстоящей экспедиціи. Черезъ нѣсколько дней Михинъ съ небольшимъ отрядомъ прибылъ въ Соуксу. Узнавъ о походѣ, солдатики соуксуйскаго гарнизона пришли въ восторгъ. Нѣкоторые изъ нихъ сидѣли въ это время въ духанѣ армянина Назарьяна, который угощалъ ихъ за то, что они наготовили ему дровъ на зиму.

Въ духанъ вошелъ «дядя Сукачъ» съ радостной вѣстью.

— А мы, дядя, князюшку Митрія Егорыча поминаемъ,—сказалъ одинъ солдатикъ. — Дровецъ Назарушкѣ наготовили, вотъ онъ насъ и ублажаетъ.

— Цѣлый бурдюкъ поставилъ хозяинъ, ну, и пьемъ на споминъ души раба Божія, князя Митрія,—пояснилъ другой солдатикъ.

Духанщикъ поднесъ стаканъ и старику.

— Дай Богъ здоровья молодому князю Михайлѣ Егорычу,—сказалъ Сукачевъ, осушая стаканъ.—Ноньче же съ нами въ походъ идетъ.

— Въ походъ?—удивились и обрадовались солдатики.

— Въ походъ, братцы,—подтвердилъ старикъ.—Полно намъ по запечью валяться, гарнизонными крысами именоваться. Теперь еще князева душенька незримо по роднымъ мѣстамъ ходитъ, прощается со знакомыми мѣстами. Пущай порадуется, какого чесу мы ея лиходѣямъ задавать будемъ.

Выступленіе должно было состояться въ этотъ же день, чтобы на другой день, на разсвѣтѣ, сдѣлать внезапное нападеніе на аулъ Чичи, въ которомъ находился Арсланъ-бей съ партіей цебельдинцевъ и черкесовъ.

— Смерть брата открыла мнѣ глаза на многое, чего я не понималъ прежде,—говорилъ князь Михаилъ Георгіевичъ ѣхавшему съ нимъ рядомъ Ракоци.

— А что именно?—спросилъ тотъ.

— Да хоть бы нападеніе на насъ Арслана въ Орѣховой балкѣ, за Кисловодскомъ. Почему онъ могъ узнать, что мы поѣдемъ туда? Потому, что его предувѣдомилъ объ этомъ мерзавецъ Урусъ Лаквари: узнавъ, что мы туда собираемся, онъ выпросился у брата въ ближайшій аулъ будто бы за покупкой коня, а на самомъ дѣлѣ, чтобъ дать знать объ этомъ Арслану. Недаромъ тогда кисловодскій докторъ, бывшій съ нами, подозрѣвалъ, что около насъ есть предатель. Этотъ предатель и былъ Урусъ Лаквари. А потомъ, когда братъ долженъ былъ отправиться на дуэль съ княземъ Голицынымъ, этотъ негодяй Урусъ тоже пробовалъ было отпроситься въ горы, но братъ не отпустилъ его. Теперь мнѣ понятно и бѣгство изъ Соуксу въ прошломъ году жены Арслана, Эсма-ханумъ. Послѣ ея бѣгства, обѣ ея прислужницы, наблюдавшія за нею, найдены были убитыми среди бѣла дня, одна въ домѣ, гдѣ оставлена была Эсма-ханумъ, а другая—на площади, въ толпѣ. Это дѣло Урусовыхъ рукъ... О, еслибъ онъ теперь попался мнѣ!

— Авось мы его застукаемъ въ Чичи,—сказалъ Ракоци.

— О, если бы!—мрачно проговорилъ князь Михаилъ.

Ужасная смерть брата невольно переносила его мысль къ осиротѣлой невѣстѣ послѣдняго. Не далѣе какъ на дняхъ братъ собирался уже ѣхать въ Петербургъ. Князь Михаилъ тоже съ нимъ долженъ былъ ѣхать, чтобъ быть шаферомъ у невѣсты брата. Юноша мечталъ увидѣть эту невѣдомую, необозримую страну, Россію. Петербургъ и Москву онъ представлялъ себѣ какими-то сказочными городами... Что это въ самомъ дѣлѣ за таинственная страна, откуда каждый годъ идутъ и идутъ тысячи, десятки, сотни тысячъ войскъ? И что это за сказочныя существа, цари, у которыхъ милліоны подданныхъ, милліоны войскъ? Что у нихъ за дворцы, въ которыхъ могутъ помѣститься тысячи гостей, какъ разсказывалъ ему покойный братъ, видѣвшій все это? А и его не пощадили злодѣи... Онъ думалъ было написать въ Петербургъ объ ужасной смерти брата, но рука отказывалась брать перо. Ему казалось, что онъ этимъ направляетъ кинжалъ прямо въ сердце бѣдной дѣвушки... Теперь, далекіе и по-

терянные для него, они всѣ стали ему еще милѣе. Какъ наивно упрашивала его Катя: «пріѣзжайте, Михаилъ Георгіевичъ,—да поскорѣе. Я буду дни считать»... Теперь не будетъ конца этимъ днямъ, сколько бы ни считала бѣдная дѣвочка... «Свѣтлаго дяди» не стало... Еще однимъ Прометеевымъ потомкомъ меньше...

Послѣ небольшого перехода, оба отряда остановились на ночь, чтобъ утромъ, на разсвѣтѣ, ударить на предательскій аулъ.

— Скорѣй бы утро!—ворчалъ Кудряшевъ.

— Али тебѣ нетерпежка?—спросилъ старый суворовецъ.

— Да зубъ спять ноетъ, пусто-бъ ему было!

— А! Полѣчить утресь думаешь? Кобыльей головой?—усмѣхнулся старикъ.

— Головой, дядя, да только не кобыльей, а татарской.

— И то ладно, какъ рукой сыметъ.

Настало и утро. Вонъ и аулъ Чичи. Самого аула не видать еще, но видно, какъ надъ кровлями сакель кое-гдѣ поднимается къ небу синеватый дымокъ. Ракоци и Михинъ, отдавая приказъ о штурмѣ аула, велѣли щадить только дѣтей и женщинъ; но и послѣднихъ, если защищаются съ оружіемъ въ рукахъ или будутъ нападать, колоть безъ милосердія.

— Аулъ разметать по камушку!—пояснилъ Михинъ.

— Чтобъ отъ этого осинаго гнѣзда ничего не осталось!—добавилъ и Ракоци.

— Змѣю надо бить по головѣ,—говорилъ конвою юный Шервашидзе.—А у нашей змѣи—четыре головы: Арсланъ-бей, князь Бежанъ Шервашидзе, Эсма-ханумъ и Урусъ Лаквари... Ихъ надо бить. А лучше было бы, еслибъ бабу Эсма-ханумъ и Тутшуга живьемъ взять.

Для Эсма-ханумъ онъ не желалъ смерти. Хоть она и коварная женщина, притомъ жена его злѣйшаго врага, однако, красота ея оставила глубокій слѣдъ въ пламенномъ сердцѣ юноши.

Отряды, подходя къ аулу и обложивъ его съ трехъ сторонъ, къ общему удивленію, не встрѣтили никакого сопротивленія. Сначала думали, что ихъ ждетъ скрытая въ самомъ аулѣ засада. Надъ саклями продолжами подниматься струйки голубого дыму. Слышно было пѣніе пѣтуховъ.

Солдаты двигались впередъ осторожно, держа наготовѣ ружья. Вотъ и сакли близко, ближе ружейнаго выстрѣла. Но кругомъ ни признака жизни, хоть бы собака залаяла. Только кое-

гдѣ пѣтухи перекликаются, встрѣчая ясное утро, да дымокъ надъ нѣкоторыми саклями обнаруживаетъ присутствіе жизни. Солдаты вступили въ аулъ, ни души. Только кой-гдѣ перебѣгали испуганныя кошки.

— Вотъ-те и клюква! — развелъ руками старый суворовецъ.—Ушли въ лѣсъ по малину.

За ауломъ, дѣйствительно, тянулся дремучій лѣсъ.

— Ни бабушки, ни внучковъ, хоть шаромъ покати,—покачалъ головой Кудряшевъ.—Вотъ тутъ и лѣчи зубы кобыльей головой.

Ясно было, что аулъ оставленъ населеніемъ, и оставленъ недавно, за какой-нибудь часъ. Несомнѣнно, непріятель былъ предувѣдомленъ сейчасъ; но кѣмъ? Кто новый предатель?

— Все же мы должны разорить это разбойничье гнѣздо,— сказалъ Михицъ.

— Думаю, что должны,—согласился Ракоци.

— Тѣмъ болѣе,—добавилъ юный Шервашидзе,—что аулъ этотъ мѣсто воспитанія Арсланъ-бея.

— Alma mater, — улыбнулся докторъ Булатъ-Аліевъ. — Carthaginem delendam esse censeo.

И тотчасъ же отданъ былъ приказъ разорить аулъ, камня на камнѣ не оставить. Несчастный аулъ постигло полное разрушеніе. Все, что могло горѣть, было подожжено. Изъ сакель вытаскивалась всякая рухлядь, домашняя посуда, все, что не могло быть унесено въ горы, въ лѣса, все это сваливалось въ кучи, образуя собою костры, которые пылали по всему аулу. Кое-какъ слѣпленныя изъ камней стѣны сакель и ихъ кровли разваливались и разбрасывались ногами.

— Ходи изба, ходи печь, хозяину негдѣ лечь,—острилъ какой-то солдатикъ, стоя на кровлѣ сакли и разметывая ее.

Скоро злополучный аулъ представлялъ изъ себя груды дымившихся развалинъ.

— Ну, что твои зубы?—спросилъ старый суворовецъ своего пріятеля, раскуривая трубочку.

— Какъ рукой сняло,—отвѣчалъ тотъ, вынимая изъ кивера нѣсколько яицъ и закапывая ихъ въ горячую золу.

— Э, братъ, да ты съ запасцемъ,—улыбнулся старикъ.

— Да мы всѣ съ приваркомъ, дядя,—отзывались другіе солдатики.

Дѣйствительно, уничтожая все въ аулѣ, они щадили все съѣстное, чего не успѣли захватить съ собой запасливыя хозяйки. Кто ощипывалъ курицу и жарилъ ее на шомполѣ вмѣсто вертела. Кто пилъ молоко, кто ѣлъ овечій сыръ, чуреки. Пиръ былъ просто валтасаровскій, только не передъ разрушеніемъ Вавилона, а послѣ разрушенія. Иной солдатикъ, сопутствуемый дружнымъ хохотомъ товарищей, гонялся за пѣтухомъ.

— А ты ему ножку подставь!

— Киверомъ его, киверомъ, мошенника!

На кровлѣ одной недоразрушенной сакли сидѣлъ молодой докторъ и, глядя на погоню солдатика за пѣтухомъ, неудержимо смѣялся.

— Вы что, докторъ?—спросилъ его проходившій мимо Ракоци.

— Да я, господинъ майоръ, точно Марій на развалинахъ Карѳагена: ничего не дѣлаю,—отвѣчалъ Булатъ-Аліевъ.—Думалъ, работа будетъ...

— И слава Богу, что ея нѣтъ,—сказалъ Ракоци.

XIV.

Время шло, а Абхазія не только не умиротворялась, но, напротивъ, безпокойные элементы ея все болѣе и болѣе ожесточались. Съ лѣтами, казалось, росла и энергія Арсланъ-бея, по истинѣ олицетворявшаго собою потомка Прометея, этого титана, объявившаго войну богамъ Олимпа.

Хотя, по представленію Ермолова, государь и назначилъ владѣтелемъ Абхазіи юнаго князя Михаила Георгіевича, пожаловавъ ему чинъ майора, но власть его оказалась еще ничтожнѣе, чѣмъ власть его покойнаго брата. На него смотрѣли, какъ на мальчика, оберегаемаго русскими пяньками. Даже разореніе аула Чичи не прошло ему даромъ, хотя месть Арсланъ-бея не на него обрушилась, а на подполковника Михина. Отрядъ его, возвращавшійся въ Сухумъ послѣ наказанія одного изъ ближайшихъ ауловъ, на возвратномъ пути былъ встрѣченъ партіею абхазецъ подъ начальствомъ Тутшуга, отца покойной Диды, молочной сестры Арсланъ-бея, и жестоко пострадалъ. Солдаты оказали чудеса храбрости. Самъ Михинъ нѣсколько разъ вступалъ въ рукопашную, слѣдуя во главѣ своего отряда. Изранен-

ный сабельными ударами, пораженный не одною пулею, онъ все продолжалъ воодушевлять солдатъ, пока Тутшугъ не раскроилъ ему черепа тяжелою турецкою саблей.

— Это тебѣ за Чичи, за моихъ куръ, за мою саклю!—кричалъ онъ, поражая Михина.

Болѣе сорока нижнихъ чиновъ легло въ этомъ несчастномъ лѣсу, а остальные, ожесточенные потерею начальника, неся его трупъ на рукахъ, отчаянно отстрѣливались вплоть до крѣпостныхъ воротъ. Самъ же Арсланъ-бей двинулся добывать Соуксу, резиденцію своихъ предковъ, съ которою у него связано было столько воспоминаній. Тамъ онъ, еще мальчикомъ, послѣ привольно-дикой жизни въ аулѣ Чичи у своего воспитателя Тутшуга, посаженъ былъ за ненавистныя турецкія и арабскія азбучки, которыя онъ считалъ своими врагами, выкалывалъ кинжаломъ у нихъ «глаза», т. е. непонятныя ему буквы алфавита, рубилъ ихъ саблями, разстрѣливалъ изъ пистолета, и, наконецъ, со злобою наплевалъ на коранъ за то, что не умѣлъ его читать. Тамъ, въ Соуксу, онъ впослѣдствіи убилъ своего отца Келешъ-бека. Тамъ же онъ недавно, чрезъ своего клеврета Уруса Лаквари, отравилъ своего племянника, князя Димитрія Шервашидзе. Тамъ теперь онъ надѣялся живьемъ захватить другого племянника, «щенка» Михаила, и его мать, «глупую овцу» Тамару.

Юный владѣтель Абхазіи, этотъ «калифъ на бумагѣ», предвидя нападеніе свирѣпаго дяди Соуксу, поспѣшилъ отправить мать въ Сухумъ, подъ прикрытіе тамошнихъ укрѣпленій, и со дня на день ожидалъ появленія непріятеля. Но Арсланъ-бей медлилъ. Онъ формировалъ сильное ополченіе изъ абхазцевъ и черкесовъ. Съ цѣлью воспрепятствовать движенію русскихъ отрядовъ вдоль морского берега, онъ на всемъ протяженіи отъ Илори и Кодора до Сухума перекопалъ дорогу, подѣлалъ вездѣ завалы, и только въ началѣ іюня 1824 года двинулся къ Соуксу. Штабъ-капитанъ Марачевскій, заступившій мѣсто Ракоци, дѣятельно готовился къ встрѣчѣ сильнаго и многочисленнаго врага.

— Мы должны пожертвовать предмѣстьемъ, чтобъ спасти укрѣпленіе,—сказалъ онъ князю Михаилу, когда лазутчики донесли о приближеніи непріятеля,—я велю истребить тамъ всѣ сакли и духаны, чтобъ врагу негдѣ было укрываться.

— А развѣ онъ не отважится на штурмъ?—спросилъ Михаилъ Георгіевичъ.

— Едва ли... Штурмъ это дѣло русскаго солдата, а горецъ дѣйствуетъ или наскокомъ когда приходится десять на одного, или изъ-за заваловъ и прикрытій.

— Это правда,—согласился князь Михаилъ.

— Да надо еще запастись дровами и водой.

— А провіантъ какъ же?

— А початки на что, кукуруза? Она какъ разъ теперь поспѣла.

Приказаніе было отдано тотчасъ же, и солдаты, подъ начальствомъ юнаго подпоручика Земцева, выступили на работы, раздѣлившись на четыре артели: одни отправились въ лѣсъ за дровами, другіе таскали бурдюками воду изъ рѣчки въ укрѣпленіе, третьи набирали мѣшки кукурузы, а четвертые принялись за уничтоженіе ближайшихъ къ стѣнамъ крѣпости духановъ и сакель.

— Ну, Назарушка, волоки свое добро въ крѣпость,—говорилъ старый Сукачъ духанщику Назарьяну, входя въ его духанъ.—Всѣ бурдюки съ виномъ волоки въ укрѣпу.

— Что такъ, дядя?—удивился армянинъ.

— Начальство приказываетъ; а мы твой духанчикъ похеримъ, по камушку разнесемъ. Все, что у тебя есть, тащи въ укрѣпу; и курочекъ, и яички, и всѣ сыры, а то придетъ Арсланка-песъ съ своею сворой, и все пожрутъ и выпьютъ у тебя.

Армянинъ пришелъ было въ отчаяніе; но ничего не оставалось, какъ повиноваться... У войны своя логика, жестокая... Скоро все предмѣстье и площадь, на которой еще такъ недавно вся, казалось, Абхазія присягала на вѣрность князю Димитрію Георгіевичу, покрылась безобразными кучами камней и рѣдкими бревнами отъ разрушенныхъ сакель и духановъ, которые не успѣли перетащить въ крѣпость на дрова. 8-го іюня утромъ показался и непріятель. Вѣтерокъ, дувшій съ моря, колыхалъ распущенными знаменами. Ихъ было пять. На самомъ высокомъ древкѣ качалось широкое пурпуровое полотнище съ огромнымъ золотымъ полумѣсяцемъ и золотыми кистями. Подъ этимъ знаменемъ высилась статная, въ пурпуровой чухѣ, фигура

всадника; на бѣлой, какъ снѣгъ, его папахѣ искрился тоже золотой полумѣсяцъ, осыпанный брилліантами. Въ этой статной фигурѣ князь Михаилъ Георгіевичъ, стоя на городской стѣнѣ рядомъ съ Марачевскимъ, тотчасъ узналъ своего дядю. Рядомъ съ нимъ, на бѣломъ конѣ, виднѣлся, повидимому, хорошенькій мальчикъ, на папахѣ котораго сверкало и горѣло всѣми огнями радуги брилліантовое перо. Узналъ князь Михаилъ и этого мнимаго мальчика: то была Эсма-ханумъ, его очаровательная тетенька.

— Ишь, дьяволенокъ, и она тутъ,—узналъ ее и старый Сукачъ,—а чуть было головы мнѣ не снесла... Да и дьяволенокъ же! У!—ворчалъ старикъ.

Подъ другими знаменами можно было различить князя Бежана Шервашидзе и Уруса Лаквари. Непріятель видимо обозрѣвалъ позицію. Разрушенное и очищенное отъ строеній предмѣстье, не давая врагу никакого прикрытія, дѣлало для него приступъ къ крѣпости невозможнымъ. Это неожиданное препятствіе привело Арсланъ-бея въ ярость. Онъ выхватилъ изъ-за спины винтовку, и не успѣли глазомъ мигнуть на крѣпостной стѣнѣ, какъ раздался выстрѣлъ, и пуля влѣпилась въ камень стѣны, у самыхъ ногъ князя Михаила Георгіевича.

— А! Такъ вы такъ-то, аспиды!—проворчалъ старый Сукачъ.—А вотъ же тебѣ, дьяволенокъ, нна!

Старикъ выстрѣлилъ. Пуля какъ разъ угодила въ брилліантовое перо на папахѣ Эсма-ханумъ.

— Эхъ! Маху далъ. Повысилъ малость... старъ становлюсь,—сердито отплевывался старикъ.

Выстрѣлъ его, однако, произвелъ переполохъ у непріятеля. Затрещали разомъ десятки ружей, но, къ счастью, ни одна пуля не угодила въ цѣль. Зато отвѣтный залпъ съ крѣпости выбилъ изъ толпы непріятеля не одного всадника. Одно знамя выпало изъ рукъ знаменосца.

— Молодцы, молодцы!—не вытерпѣлъ князь Михаилъ, хлопая въ ладоши.

Марачевскій, между тѣмъ, зарядивъ картечью шестифунтовую пушку, «тешшу», какъ ее называли солдатики, и наведя ее на ядро непріятельской толпы, выстрѣлилъ, и тамъ моментально закачалось въ воздухѣ пурпуровое знамя и упало на землю. Убито было и нѣсколько всадниковъ.

Среди осаждающихъ произошло большое смятеніе. Заметались раненыя лошади; иныя изъ нихъ, не повинуясь всадникамъ, неслись впередъ; другія поворотили назадъ, наскакивая на встрѣчныхъ и опрокидывая ихъ. Съ крѣпости летѣли въ толпу новые ружейные выстрѣлы. Непріятель отступалъ, укрываясь отъ выстрѣловъ; но онъ, однако, не думалъ совсѣмъ оставлять то, за чѣмъ пришелъ. Вправо, на возвышеніи, у него было надежное прикрытіе: это стѣны и бойницы стараго каменнаго монастыря, господствовавшаго надъ болѣе низкимъ положеніемъ крѣпости. Оттуда можно было обстрѣливать внутренность крѣпости навѣснымъ огнемъ. Они такъ и сдѣлали. Скоро съ крѣпости замѣтили, что въ монастырѣ идетъ усиленная работа. Тамъ возобновляли и укрѣпляли старыя бойницы и возводили новыя. Работа кипѣла. Одна смѣна работавшихъ замѣняла другую. Теперь началась жаркая пальба по крѣпости. Пули непріятеля ложились въ самомъ укрѣпленіи, отнимая каждую пядь земли у осажденныхъ, у которыхъ, между тѣмъ, запасы воды скоро истощились, потому что въ крѣпости не было резервуаровъ для ея храненія, а палящій зной южнаго солнца усиливалъ жажду осажденныхъ. Положеніе было критическое. Тогда Марачевскій опять прибѣгнулъ къ «тещѣ», и это шестифунтовое орудіе сослужило свою службу. Мѣткими, почти непрерывными ударами чугунныхъ арбузовъ была сбита съ монастыря крыша и разрушено нѣсколько бойницъ.

— Теперь бы, ваше благородіе, штыки погрѣть,—подмигнулъ старый Сукачъ юному Земцеву, который былъ у старика на выучкѣ при поступленіи въ полкъ и продолжалъ смотрѣть на него, какъ на профессора штыкового дѣла.—Смертушка безъ воды въ эку упеку... И штыки бы на емъ, на аспидѣ, погрѣли и водицы бы десяточекъ-другой бурдюковъ добыли бы, да горло промочили.

— Что жъ, дядя, попробуемъ: это не «пруцкой король»,—улыбнулся юный подпоручикъ и доложилъ Марачевскому, который одобрилъ мысль старика.

— Я ихъ припугну «тещей», а вы тотчасъ на уру, въ штыки,—сказалъ онъ.

— И я съ ними,—вызвался Михаилъ Герогіевичъ.

— Не рискуйте, ваша свѣтлость, берегите себя,—предостерегалъ его Марачевскій.

*

— О, не бойтесь, капитанъ: меня ни пуля, ни сабля не беретъ,—задорно отвѣчалъ юноша.

Охотниковъ на отчаянную вылазку со старымъ Сукачемъ нашлось довольно. Другіе приготовили бурдюки и ведра для воды. Тотчасъ же заговорила «теща», поддерживаемая двумя другими орудіями, и кучка охотниковъ, подъ гулъ орудійныхъ выстрѣловъ, выступивъ изъ крѣпостныхъ воротъ и пробѣжавъ небольшое пространство, съ криками «ура» бросилась на озадаченнаго неожиданностью непріятеля. Удальцы скоро выбили штыками врага изъ монастыря и воротились съ однимъ изъ непріятельскихъ знаменъ, которое съ торжествомъ несъ юный Шервашидзе.

— Изъ мальца будетъ прокъ,—мигнулъ на него старый Сукачъ своему пріятелю Кудряшеву.—Только ужъ больно горячъ, сущій кипятокъ!

— Молодо, зелено, на водѣ не тонетъ,—улыбнулся Кудряшъ.—А ужъ и напьюсь же я водицы, цѣлый бурдюкъ выдую.

XV.

Въ первыхъ числахъ іюля беретомъ Чернаго моря по направленію отъ Редутъ-Кале къ Кодору и Сухуму двигались удлиненными колоннами, почти гуськомъ, русскіе отряды, а параллельно съ ними по морю, недалеко отъ берега, медленно плыли подъ едва надуваемыми южнымъ вѣтеркомъ парусами два военныхъ корабля. То были фрегатъ «Спѣшный» и бригъ «Орфей». Подъ тентою послѣдняго изъ нихъ, укрываясь отъ знойнаго солнца, сидѣли на складныхъ табуретахъ знакомые намъ, если помнитъ читатель, моряки: веселый Боря Перелешинъ, теперь уже не Боря, а возмужалый Борисъ, и Нахимовъ, его пріятель, тоже порядкомъ возмужалый и загорѣлый. Тутъ же, посасывая контрабандную сигару, примостился и знакомый, старый, давно обеззубѣвшій докторъ Петръ Петровичъ, который, вслѣдствіе этого, и продолжалъ произносить свое имя, на смѣхъ молодымъ офицерамъ: «Песъ Песовичъ». Несмотря на протекшія двѣнадцать или тринадцать лѣтъ, онъ совсѣмъ не измѣнился.

— А помнишь, Перелешинъ, какъ мы здѣсь когда-то пой-

мали морскую царевну?—заговорилъ Нахимовъ, глядя, какъ изъ моря съ какимъ-то сопѣньемъ выныряли дельфины и снова исчезали подъ водой, а надъ ними съ крикомъ кружились чайки.

— Это хорошенькую Эсма-ханумъ, дочь Кучукъ-бея?—быстро отозвался Перелешинъ.—Еще бы! Я часто вспоминаю объ этомъ очаровательномъ существѣ.

— Мою «малютку-то»?—встрепенулся и старый докторъ.

— Это почему же вашу, вѣчный холостякъ? — улыбнулся Нахимовъ.

— Да какъ же? Мы ее съ княземъ Яшвилемъ изъ воды вытащили, и я же ее въ чувство приводилъ.

— Теперь, поди, бабищей стала и кучу дѣтей отъ Арсланъ-бея нарожала,—замѣтилъ Перелешинъ.—Сидитъ въ гаремѣ и жретъ кишмышъ да рахатъ-лукумъ.

— Ну, нѣтъ! — возразилъ, оживляясь, Нахимовъ. — Я о ней, въ третьемъ году, чудеса слышалъ отъ княжны Гагариной, когда она воротилась въ Петербургъ изъ Кисловодска: она чуть не похитила хорошенькую княжну Варвару Павловну.

— Какъ такъ?—удивился Перелешинъ. — Эта прелестная морская царевна, или, какъ мы ее тогда окрестили, «дочь эскадры»?

— Да, она самая. Княжна Гагарина, находившаяся въ Кисловодскѣ, и князь Димитрій Шервашидзе съ братомъ Михаиломъ въ сопровожденіи небольшого конвоя поѣхали въ горы прогуляться и поохотиться и вдругъ наткнулись на шайку Арсланъ-бея, а съ нимъ была и неразлучная его спутница, красавица Эсма-ханумъ... Такъ насилу отстрѣлялись отъ нихъ, да и не миновать бы княжнѣ Гагариной хорошенькихъ ручекъ нашей общей дочки, еслибъ на выручку къ нимъ не прискакалъ конвой. Вотъ какова эта Эсма-ханумъ! А ты говоришь, въ гаремѣ жретъ кишмышъ.

— Ахъ, вотъ еслибъ довелось намъ ее встрѣтить!—воскликнулъ Перелешинъ.—А еще лучше бы взять этого чертенка въ плѣнъ

— Говорятъ, покойный Шервашидзе, что воспитывался въ Петербургѣ, хотѣлъ жениться на княжнѣ Гагариной,—замѣтилъ докторъ.—Мнѣ говорилъ объ этомъ мой коллега, докторъ Чер-

ненко, Григорій Ивановичъ. Онъ былъ въ Кисловодскѣ врачемъ у Гагариныхъ и знавалъ этого князя Шервашидзе: необыкновенный, говоритъ, храбрецъ былъ, да и нынѣшній князекъ, братишка его, отчаянная башка.

— Да, намъ вотъ и предстоитъ теперь помѣряться съ его дядюшкой, Арсланъ-беемъ,—замѣтилъ Перелешинъ.

— Что за красота!—воскликнулъ Нахимовъ, любуясь роскошною панорамой морского берега и причудливыми изломами горнаго кряжа, завершавшаго эту величественкую картину.—Не удивительно, что горцы такъ любятъ свой удивительный край, а въ особенности вотъ эти абхазцы. Развѣ у насъ въ Россіи есть что-нибудь подобное?

— А Крымъ?—замѣтилъ Перелешинъ.—Какая прелесть!

— Да, только прелесть... А передъ этимъ невольно хочется шапку снять, какъ передъ грандіознѣйшимъ и грознымъ созданіемъ Творца.

— Какъ передъ громомъ и молніею,—вставилъ докторъ.

— Именно, именно! Какъ передъ громомъ и молніею... Что-то величественное, непостижимое и страшное.

— Недаромъ здѣсь прикованъ былъ Прометей, — сказалъ Перелешинъ.—Какой поэтическій миѳъ и какъ онъ идетъ къ этимъ именно горамъ!

— Вѣрно,—согласился Нахимовъ.—А въ Крыму Прометея негдѣ было бы и приковать. Развѣ на Чатырдагѣ или на Ай-Петри? Но это не такъ грозно, не такъ величественно, какъ здѣсь.

Въ это время на берегу послышались выстрѣлы.

— А, вотъ они гдѣ!—воскликнулъ Нахимовъ, подбѣгая къ борту.

На бритѣ и на фрегатѣ произошло движеніе. Изъ рубки брига поспѣшно вышелъ офицеръ со зрительною трубой въ рукахъ. То былъ князь Горчаковъ, который командовалъ теперь какъ отрядами, слѣдовавшими по берегу, такъ и вспомоществовавшею имъ съ моря военною эскадрою.

— Я такъ и зналъ... Завалы,—сказалъ Горчаковъ подошедшимъ къ нему Нахимову и Перелешину.—Надо ихъ попотчивать отсюда, а то съ этими завалами мы много людей потеряемъ.

Господа!—заключилъ онъ.—Дайте имъ салютъ, выбейте мерзавца Арслана изъ его логовища.

То же распоряженіе онъ отдалъ черезъ рупоръ и фрегату «Спѣшному», слѣдовавшему по пятамъ за бригомъ «Орфеемъ», на которомъ находился самъ Горчаковъ. Нахимовъ и Перелешинъ поспѣшили къ своимъ мѣстамъ, и тотчасъ же началась канонада по заваламъ. Ядра, направляемыя опытными канонирами, производили губительное дѣйствіе. Непріятель, не ожидавшій огня съ моря, растерялся подъ его убійственными ударами и искалъ спасенія въ бѣгствѣ.

— Благодарю, господа,—сказалъ Горчаковъ, обращаясь къ доблестнымъ морякамъ,—завалы очищены, но едва ли надолго... Я знаю хорошо этого Арслана: весь беретъ онъ усѣялъ сплошными завалами и весь путь перекопалъ... Безъ штыковой свалки на берегу не обойдемся.

Вскорѣ на горизонтѣ моря показался какой-то корабль, который шелъ подъ парусами прямо на «Орфея» и «Спѣшнаго».

— Не турецкій ли это крейсеръ бѣжитъ на выручку Арслана?—сказалъ Горчаковъ, всматриваясь.

— Нѣтъ, князь,—сказалъ Нахимовъ,—походка не та, да и смѣлость не турецкая.

— Это, должно быть, нашъ «Меркурій»,—замѣтилъ Перелешинъ.

Дѣйствительно, это былъ бригъ «Меркурій», находившійся въ крейсерствѣ. Едва «Меркурій» приблизился къ «Орфею», какъ къ борту его подъѣхала лодка съ пѣхотнымъ офицеромъ у руля.

— Съ чѣмъ, господинъ офицеръ?—крикнулъ съ борта Нахимовъ.

— Съ донесеніемъ его сіятельству,—былъ отвѣтъ.

Горчаковъ подошелъ къ борту.

— Отъ кого?—спросилъ онъ.

— Отъ князя Абхазова, ваше сіятельство,—отвѣчалъ офицеръ,—имѣю честь доложить, что къ нашему отряду сейчасъ прибылъ князь Дадіанъ съ мингрельскою милиціей.

— А сколько?

— Тысяча сто человѣкъ.

— Хорошо... Взойдите на бригъ.

Офицеру бросили лѣстницу, и онъ взобрался на бортъ «Орфея».

— Господа, пожалуйте въ рубку,—сказалъ Горчаковъ, и всѣ пошли за нимъ.

Усадивъ офицеровъ и развернувъ на столѣ карту, Горчаковъ сталъ ее разсматривать, что-то соображая.

— Теперь, господа, мы можемъ дѣйствовать наступательно,—сказалъ онъ, наконецъ.—Передайте, господинъ офицеръ, мой приказъ князю Абхазову и князю Дадіану: пусть послѣдній направится съ своею милиціею по горнымъ тропамъ въ обходъ непріятеля. Я же прикажу фрегату «Спѣшному», подъ благопріятнымъ вечернимъ береговымъ вѣтеркомъ, пройти впередъ и стать противъ главныхъ заваловъ у Хеласуръ. Когда они будутъ сбиты, мы на «Орфеѣ» и «Меркуріѣ» будемъ слѣдовать вдоль берега подъ малыми парусами впереди отряда и очищать ему путь ядрами, выбивать врага изъ его берлогъ. Поняли, господинъ офицеръ?

— Понялъ, ваше сіятельство,—отвѣчалъ прибывшій изъ отряда.

— Отправляйтесь же къ вашему посту.

Наступилъ вечеръ 9-го іюля. «Спѣшный», пользуясь попутнымъ вѣтромъ, поплылъ по направленію къ Хеласурамъ. Горчаковъ, Нахимовъ и Перелешинъ долго провожали его глазами.

— Жаркій завтра будетъ день,—сказалъ Горчаковъ, глядя, какъ солнце мало-по-малу погружалось въ море.

— Въ какомъ смыслѣ?—съ улыбкою спросилъ Нахимовъ.

— Въ двоякомъ,—отвѣчалъ Горчаковъ,—и въ прямомъ, и въ переносномъ.

— Особенно въ переносномъ,—замѣтилъ Перелешинъ.

— Да, у Арслана больше трехъ тысячъ, и все это отчаянныя головы.

— Ну, «Спѣшный» свое дѣло сдѣлаетъ, — сказалъ Нахимовъ,—у такого капитана, какъ Корниловъ, дѣло горитъ въ рукахъ.

Уже было совсѣмъ темно, когда вдали, противъ Хеласуръ, огненная струйка прорѣзала воздухъ и разсыпалась въ высотѣ золотыми блестками.

— Корниловъ салютуетъ,—сказалъ Горчаковъ, указывая на разсыпавшуюся ракету.

— Да, теперь и въ Сухумѣ, и въ Соуксу догадаются, что помощь близка,—замѣтилъ Нахимовъ.

— За Сухумъ я не боюсь,—продолжалъ Горчаковъ,—но за Соуксу не ручаюсь: тамъ непріятель можетъ всегда отвести воду.

— А князь Михаилъ Георгіевичъ въ Сухумѣ?—спросилъ Перелешинъ.

— Нѣтъ... Въ томъ-то и бѣда отчасти... Въ Сухумъ онъ отправилъ только мать, княгиню Тамару, а самъ остался въ Соуксу... Онъ же отчаянный мальчишка. Марачевскій мнѣ доноситъ, что этотъ юный сорви-голова постоянно порывается на вылазки, и однажды уже добылъ съ охотниками воды для гарнизона и непріятельское знамя. Пожалуй, полѣзетъ опять за водой и нарвется. А намъ невыгодно его терять: онъ единственный законный владѣтель Абхазіи.

На берегу показались огни. Это русскіе расположились на ночевку и развели костры.

Вдругъ Горчаковъ сталъ прислушиваться.

— Слышите, господа?

— Что такое, князь?

Въ темнотѣ у края борта, дѣйствительно, слышался тихій голосъ, почти шопотъ. Слышны были слова нараспѣвъ:

И тишину домашнихъ доловъ...
Но се—востокъ подъемлетъ вой!..
Поникни снѣжною главой,
Смирись, Кавказъ—идетъ Ермоловъ...
И смолкнулъ ярый крикъ войны:
Все русскому мечу подвластно.
Кавказа гордые сыны,
Сражались, гибли вы ужасно;
Но не спасла васъ ваша кровь
Ни очарованныя брони,
Ни горы, ни лихіе кони,
Ни дикой вольности любовь!..

Нахимовъ и Перелешинъ дружно разсмѣялись.

— Что это?—спросилъ Горчаковъ.

— Да это нашъ докторъ, Петръ Петровичъ, большой мечтатель: списалъ гдѣ-то «Кавказскаго плѣнника» Пушкина и выучилъ его наизусть, да вотъ теперь и декламируетъ во мракѣ... Ха-ха-ха! Точно институтка.

— Да, смѣйтесь, гогочите, господа,—послышался въ тем-

нотѣ голосъ стараго эскулапа,—а вонъ и господинъ Пушкинъ ошибся... Ермоловъ на Кавказѣ уже почти десять лѣтъ, а мы все воюемъ.

— Правда, докторъ,—согласился Горчаковъ.—Однако, господа, пора спать: намъ завтра много работы будетъ.

XVI.

Рано утромъ «Спѣшный» открылъ канонаду по заваламъ у Хеласуръ. По зарѣ грохотъ орудій заставлялъ, казалось, вздрагивать и море, и горы...

—. Вотъ тебѣ «и смолкнулъ ярый крикъ войны»,—ворчалъ «Песъ Песовичъ», выходя изъ своей каюты, наполненной хирургическими инструментами и другими принадлежностями его профессіи,—вонъ какъ кричитъ «Спѣшный»... Эхъ!

Горчаковъ, Нахимовъ и Перелешинъ уже стояли у борта и прислушивались къ канонадѣ.

— Теперь и мы должны начинать, пока береговой отрядъ не дошелъ до этихъ заваловъ, видите?—говорилъ Горчаковъ.—А потомъ нельзя будетъ стрѣлять, чтобъ своихъ не поставить подъ ядра... Распорядитесь, голубчикъ,—обратился онъ къ Перелешину.

Тотъ же приказъ онъ отдалъ въ рупоръ и капитану «Меркурія». Теперь канонада загрохотала по всему побережью. Ядра наносили заваламъ видимый вредъ, потому что съ обоихъ бриговъ можно было замѣтить, какъ то изъ-за одного, то изъ-за другого прикрытія показывались группы абхазцевъ и черкесовъ и быстро убѣгали къ лѣсу, покидая завалы. Ихъ мѣсто тотчасъ же занимали солдаты и слѣдовали далѣе. Оба брига двигались далѣе, продолжая обстрѣливать берегъ, а у покинутыхъ непріятелемъ заваловъ снова закипала борьба, потому что абхазцы и черкесы, видя, что канонада съ бриговъ шла уже впереди, выбѣгали изъ лѣса и насѣдали на солдатъ. Послѣднимъ приходилось работать штыками.

— Да имъ просто числа нѣтъ, проклятымъ!—сердито говорилъ Горчаковъ, глядя въ зрительную трубу на берегъ.—Тутъ ихъ выбили ядрами, а сзади вновь точно изъ мѣшка сыплются.

— Да, авангарду легче,—замѣтилъ Нахимовъ.

— Натурально: авангардъ двигается по обстрѣленному берегу, а туда, гдѣ заднія колонны, ужъ мы не можемъ стрѣлять.

— «Спѣшный» замолчалъ,—сказалъ Перелешинъ, прислушиваясь.

— Вѣроятно, сбилъ хеласурскіе завалы.

День становился все жарче и жарче. Отъ порохового дыма и растопленной солнцемъ корабельной смолы трудно было дышать. Весь берегъ кишѣлъ непріятелемъ, и повсюду шла отчаянная борьба. Каждая пядь береговой земли бралась съ бою, и каждая эта пядь залита была непріятельской и русской кровью. Когда, минутами, смолкала канонада, то съ берега явственно неслись къ эскадрѣ то мужественные крики «ура», то рѣзкія гиканья и глухія «аллага»-«аллагу» непріятеля.

И надо всѣмъ этимъ адомъ—чудное безоблачное небо, морская, ритмически дышащая у берега, волна и грозныя, безучастныя ко всему, горы.

— Вонъ гдѣ самая отчаянная борьба, лѣвѣе,—говорилъ Горчаковъ, котда на время замолчала пушки.

— Это гдѣ красное знамя развѣвается? — спросилъ Нахимовъ.

— Да, это знакъ его власти... И около него Эсма-ханумъ,— сказалъ Горчаковъ, наводя зрительную трубу.

— Неужели, князь?

— Я ее отчетливо вижу, въ бѣлой папахѣ.

— Удивительное существо! И мы же ее спасли, не дали утонуть.

— Какъ?—удивился Горчаковъ.

— Она тогда была еще почти дѣвочкой.—И Нахимовъ разсказалъ, какъ они вытащили ее изъ моря.—Мы, молодежь тогда, всѣ въ нее разомъ влюбились. Даже Петръ Петровичъ...

— Это въ мою-то «малютку»?—улыбнулся докторъ.

— Да, она прехорошенькая: я ее видѣлъ въ прошломъ или въ позапрошломъ году,—сказалъ Горчаковъ.—Она даже была у меня въ плѣну нѣсколько дней, раненая, а потомъ бѣжала изъ Соуксу въ тотъ самый день, когда тамъ происходила присяга на вѣрность князю Димитрію Георгіевичу. Не досмотрѣли

Битва, между тѣмъ, продолжалась на берегу съ еще большимъ ожесточеніемъ. Видно было, что непріятель не выдержалъ

натиска, и толпы быстро отступали вслѣдъ за пурпуровымъ знаменемъ. Видя, что непріятель значительно отдалился отъ преслѣдовавшаго его русскаго отряда, Нахимовъ поспѣшилъ къ орудіямъ и приказалъ стрѣлять по отступавшей массѣ. Орудія снова заговорили.

— Ай! Красное знамя упало!—какъ бы съ испугомъ воскликнулъ старый докторъ.

— Упало... подбили,—подтвердилъ Перелешинъ.

Но кто-то быстро подхватилъ его, и оно опять моталось въ воздухѣ.

— Живучее,—сквозь зубы проговорилъ Нахимовъ.

Насколько передовымъ колоннамъ облегчала движеніе стрѣльба съ эскадры, настолько труденъ былъ путь для арьергарда, на который постоянно насѣдалъ появлявшійся изъ лѣсу непріятель. Заднія колонны то смыкались въ каре и отстрѣливались, то, когда врагъ ужъ очень дерзко нападалъ, принуждены были ходить въ штыки. Солнце начало уже опускаться къ морю, и цѣль была совсѣмъ близко: оставались только послѣднія усилія.

— Вотъ и Сухумъ рукой подать,—сказалъ докторъ, облегченно вздыхая:—слава Богу!

«Спѣшный» уже стоялъ противъ Сухума, и флагъ его красиво полоскался въ воздухѣ, какъ бы ласкаемый лучами вечерняго солнца. Непріятель, повидимому, чувствовалъ, что кровавое дѣло его не выгораетъ, и съ новой яростью набрасывался на измученныя подъ палящимъ солнцемъ въ безпрестанномъ бою горсти мучениковъ своего долга. Особенно тяжелъ былъ послѣдній переходъ до Сухума: пальба, крики, проклятія не умолкали, отдаваясь въ горахъ перекатистымъ эхомъ.

Но вотъ и Сухумъ. Опасаясь, вѣроятно, вылазки изъ крѣпости и не рискуя попасть подъ перекрестный огонь, непріятель сталъ отступать къ горамъ, и скоро кровавое знамя Арсланъ-бея, какъ бы гонимое послѣдними лучами заходящаго солнца, стало мало-по-малу теряться вдали.

— Слава Богу! Слава Богу!—радостно вздохнулъ, широко крестясь, добрый докторъ.—О, злое это дѣло, война, злое и неправое передъ Богомъ,—шепталъ онъ,—это говоритъ мнѣ вся природа, вотъ это мирное синее небо, эти горящія стыдомъ горы, эти послѣдніе лучи негодующаго дневного свѣтила, скрываю-

щагося въ пучинѣ моря, чтобъ завтра опять смотрѣть на это злое, неправое дѣло... О, Господи, Господи!..

Въ то время, когда «Орфей» и «Меркурій» входили въ сухумскій рейдъ, сухопутные отряды уже заняли крѣпость. Солдаты падали отъ утомленія, такъ тяжелъ былъ этотъ знойный день, полный кровавыхъ схватокъ съ ожесточеннымъ непріятелемъ. Когда Горчаковъ, Нахимовъ, Корниловъ и Перелешинъ, въ сопровожденіи доктора, сошли въ шлюпку, чтобъ отплыть на берегъ, отъ Сухума быстро неслась къ нимъ другая шлюпка. Это князь Абхазовъ спѣшилъ навстрѣчу Горчакову.

— Поздравляю съ побѣдой, князь,—весело сказалъ послѣдній, узнавъ Абхазова.

— Только эта побѣда досталась намъ дорого, ваше сіятельство,—отвѣчалъ Абхазовъ.

— А какъ? Свѣдѣнія собраны?

— Собраны-съ! Убиты одинъ офицеръ и тридцать девять нижнихъ чиновъ; ранены—одинъ офицеръ и пятьдесятъ восемь нижнихъ чиновъ, да безъ вѣсти пропало трое.

— Слава Богу... Судя по ожесточенію непріятеля, я ожидалъ даже большихъ потерь,—сказалъ Горчаковъ.—А каковы ихъ потери?

— Громадныя-съ... Цѣлыми партіями непріятель уносилъ изъ-подъ огня и штыковъ своихъ убитыхъ и раненыхъ.

— О, Господи, Господи!—шепталъ между тѣмъ старикъ-докторъ, напередъ зная, сколько кровавой работы предстоитъ ему около раненыхъ.

Онъ поднялъ глаза къ небу. Тамъ, вправо, изъ-за далекихъ горъ выплывалъ полный мѣсяцъ, а его синевато-молочный свѣтъ, падая на гладкую поверхность моря, устилалъ его длинною, искрящеюся серебромъ, полосою, которая терялась у далекаго горизонта. Звѣзды казались блѣдными огоньками, брошенными въ неизмѣримое пространство небеснаго свода. Въ воздухѣ рѣяли летучія мыши, какъ бы купаясь въ мягкомъ лунномъ свѣтѣ. Вся природа дышала, повидимому, миромъ, тишиной и любовью... А его ждутъ тамъ стоны раненыхъ и умирающихъ...

— Злое, злое дѣло,—шептали его старческія губы.

XVII.

Утромъ 11-го іюля къ Сухуму подошелъ еще одинъ военный корабль. То былъ бригъ «Ганимедъ», пришедшій изъ Севастополя на помощь сухумской эскадрѣ.

— Теперь мы можемъ дѣйствовать энергичнѣе,—сказалъ Горчаковъ.—И надо торопиться: я боюсь, что Арсланъ-бей, потерпѣвъ здѣсь неудачу, съ особенной яростью накинется на Соуксу, чтобъ уничтожить своего племянника.

Въ это время казаки, бывшіе въ разъѣздѣ, привели какого-то абхазца, въ которомъ они заподозрили непріятельскаго шпіона. Абхазецъ былъ кривъ на одинъ глазъ.

— А! Старый знакомый,—сказалъ князь Абхазовъ: — откуда и съ чѣмъ?

— Да развѣ вы его знаете?—спросилъ Горчаковъ

— Да какъ же, ваше сіятельство! А вы развѣ забыли его? Это нашъ союзникъ, который въ третьемъ году подмочилъ въ здѣшней крѣпости всѣ запасы пороха у Арсланъ бея. Это Ахмедъ Теймуразъ.

— А помню, помню, другъ, — сказалъ Горчаковъ. — Откуда ты?

— Изъ Соуксу, господинъ: я посланъ моимъ господиномъ, княземъ Михаиломъ, къ его матери, къ княгинѣ Тамарѣ.

— Такъ ты изъ Соуксу?—обрадовался Горчаковъ.—Что тамъ? Какъ дѣла?

— Въ Соуксу, господинъ, все въ благополучіи.

— А непріятель?

— Непріятель хочетъ свой локоть укусить, да не достанетъ.

— Какъ такъ? Говори все... Вѣдь въ крѣпости воды нѣтъ.

— О, господинъ, теперь у князя Михаила воды много, хоть купайся... Князь Михаилъ въ дѣда пошелъ, въ Келешъ-бека, да блаженствуетъ онъ вѣчно въ раю пророка! У князя Михаила духъ его предковъ. Двѣ недѣли назадъ, онъ сказалъ мнѣ: «вѣрный мой Ахмедъ! Проберись ты тихонько въ Сухумъ и скажи моей матушкѣ, княгинѣ Тамарѣ, чтобъ она снарядила судно, посадила бы въ него небольшую команду изъ сухумскаго гарнизона и отправила бы это судно къ Соуксу. А какъ это судно

подойдетъ къ Соуксу, то чтобъ показывало, будто команда его хочетъ высадиться на берегъ, чтобъ напасть на собакъ, которыя давно осаждаютъ Соуксу. Когда собаки это увидятъ, то всѣ бросятся отъ крѣпости къ берегу, чтобъ не допустить команду до высадки. Тогда мы, говоритъ, выйдемъ изъ крѣпости и наполнимъ водою не только всѣ бурдюки и ведра, но и всѣ кадушки и бочки, какія найдутся въ Соуксу». Княгиня такъ и сдѣлала, какъ велѣлъ князь Михаилъ. Когда судно прибыло къ Соуксу, то собаки всѣ бросились къ берегу, чтобъ помѣшать командѣ высадиться. А судно и ну водить собакъ за носъ: то оно будто бы тутъ хочетъ пристать, то тамъ, а собаки и бѣгаютъ за нимъ по берегу, высуня языкъ въ недоумѣніи, да такъ и бѣгали до самой ночи, а судно все дразнитъ собакъ, все дразнитъ... А тамъ таскаютъ воду, да таскаютъ, и смѣются надъ глупостью собакъ... Когда я пріѣхалъ въ Соуксу, то тамъ ужъ некуда было и дѣвать воды... А собаки знай бѣгаютъ за судномъ по берегу.

— Ха-ха-ха!—смѣялся Горчаковъ. — Да въ юномъ князѣ сидитъ военный геній... Какъ отлично отвелъ онъ глаза недогадливому врагу!

Въ это время подошли Нахимовъ, Корниловъ, Яшвиль, Перелешинъ и докторъ Петръ Петровичъ, которые ходили навѣщать раненыхъ.

— Ба! Да это мой бывшій паціентъ, — сказалъ докторъ, всматриваясь въ Теймураза.—Это Ахмедъ, который былъ обмазанъ кислымъ молокомъ.

— Какъ! Это тотъ несчастный, котораго тогда лизали собаки?—удивился Перелешинъ.

— Я, господинъ: я Ахмедъ Теймуразъ, заклятый врагъ собаки Арсланъ-бея.

— И я узнаю его,—сказалъ князь Яшвиль.—Онъ напомнилъ мнѣ то время, когда мы съ почтеннымъ Петромъ Петровичемъ спасали морскую царевну.

— Которая вчера такъ хорошо отплатила намъ за доброе дѣло,—замѣтилъ Горчаковъ.

Поблагодаривъ затѣмъ Таймураза за добрую вѣсть, онъ велѣлъ ему идти къ княгинѣ Тамарѣ, чтобъ и ее обрадовать извѣстіемъ о сынѣ.

— Въ виду сейчасъ сообщеннаго намъ о положеніи дѣлъ въ Соуксу, господа,—сказалъ онъ,—я полагалъ бы не торопиться

выступленіемъ въ походъ, а лучше дать ослабленному усиленнымъ переходомъ отряду хорошенько отдохнуть здѣсь, а я между тѣмъ, съ вашей помощью, господа, на бригѣ «Орфей» произведу рекогносцировку вплоть до Соуксу и, пожалуй, до Пицунды, чтобъ узнать, въ какихъ мѣстахъ непріятель устроилъ свои завалы, и чтобъ высмотрѣть удобное мѣстечко для высадки десанта на берегъ. Согласны, господа?

— Вполнѣ согласны,—отвѣчали моряки.

— Этимъ маневромъ, ваше сіятельство, мы избавимся отъ излишней потери людей,—замѣтилъ князь Абхазовъ.—Намъ не нужно будетъ брать заваловъ. А Соуксу до того времени продержится, благодаря хорошему запасу воды: непріятель никогда не рѣшится на штурмъ укрѣпленія, а если и осмѣлится на это, то ему же не поздоровится.

— Да и Марачевскаго я знаю: онъ человѣкъ осторожный. выдержанный кавказецъ,—сказалъ Горчаковъ.

16-го іюля, Горчаковъ, Нахимовъ и Перелешинъ, взойдя на бригъ «Орфей», двинулись подъ малыми парусами по направленію къ Соуксу. День былъ пасмурный. Вершины горъ были закутаны тучами, но легкій вѣтерокъ, надувая паруса, освѣжалъ воздухъ и дѣлалъ путешествіе легкимъ и пріятнымъ. На берегу кое-гдѣ виднѣлись группы вооруженныхъ абхазцевъ и черкесовъ: то были развѣдочныя партіи Арсланъ-бея.

— Нигдѣ не видать пурпуроваго знамени,—замѣтилъ Нахимовъ.

— Да, Арсланъ-бей, вѣроятно, потянулся съ главными силами къ Соуксу,—сказалъ Горчаковъ.

Котда «Орфей» нѣсколько приближался къ берегу, чтобы видѣть, нѣтъ ли на пути заваловъ, его движеніе тотчасъ замѣчали съ берега и видимо готовились встрѣтить врага, а дѣти, мальчики и дѣвочки, съ угрожающими жестами подбѣгали къ самой водѣ и бросали въ море камни.

— А? Каковы звѣреныши!—замѣтилъ Перелешинъ.—Вотъ и приручай ихъ.

— Да, Россіи еще придется немало принести жертвъ, чтобъ приручить эти дикое племя,—задумчиво сказалъ Горчаковъ.

— Иные называютъ его прометеевымъ потомствомъ,—замѣтилъ Нахимовъ.

— И я тоже слышалъ,—сказалъ Горчаковъ.

— Полюбуйтесь, господа,—сказалъ Горчаковъ, указывая на берегъ.

Съ брига видно было, что здѣсь именно устроены неприступные завалы. Они прикрывались развалинами старой крѣпости и правымъ флангомъ прилегали къ морю, лѣвымъ же упирались въ отвѣсныя скалы.

— Да, это позиція неприступная,—въ свою очередь сказалъ Нахимовъ,—ее ни взять нельзя, ни обойти... Черезъ эти отвѣсныя скалы только птица можетъ перелетѣть.

— Идти берегомъ, значитъ, и думать нечего,—рѣшилъ Горчаковъ.—Надо войска прямо въ Сухумѣ сажать на суда и миновать эту адскую западню.

— Остается найти удобное мѣсто для высадки десанта далѣе этой западни,—сказалъ Нахимовъ.

— Мы и будетъ теперь искать это мѣсто.

Изъ-за заваловъ замѣтили приближеніе брига и послали по немъ нѣсколько угрожающихъ но безцѣльныхъ выстрѣловъ, а вслѣдъ затѣмъ на полуобрушившейся стѣнѣ стараго укрѣпленія взвился пурпурный флагъ.

— А! Ты здѣсь, голубчикъ!—засмѣялся Перелешинъ.

— И голубка съ нимъ,—улыбнулся Горчаковъ. — милая дочка вашей эскадры.

—А мы еще ей, гадкой дѣвчонкѣ, оказывали почести, точно настоящей принцессѣ!—замѣтилъ Нахимовъ.

— Да она и есть принцесса: не мы владѣемъ теперь Абхазіей, а она съ мужемъ,—сказалъ Горчаковъ.

«Орфей», между тѣмъ, шелъ все далѣе, а красный флагъ продолжалъ трепаться въ воздухѣ, какъ бы насмѣхаясь надъ удаляющимся бригомъ. Вдали, верстахъ въ семи, показались, наконецъ, укрѣпленія Соуксу и сѣрыя стѣны полуразрушеннаго монастыря.

— Вотъ гдѣ мѣсто для высадки—сказалъ Горчаковъ, указывая на берегъ.—Прикажите, господа, убрать на время паруса и ошвартоваться, а я пойду узнаю на картѣ, какъ это мѣсто называется: намъ его слѣдуетъ изучить.

Пока паруса убирали, Горчаковъ воротился изъ рубки и объявилъ что они находятся у урочища Эйлагу.

— Здѣсь берегъ очень удобенъ для высадки, — сказалъ онъ.—Я помню это мѣсто: когда два съ половиною года тому назадъ я проходилъ здѣсь съ отрядомъ, сопровождая къ Соуксу покойнаго князя Димитрія Георгіевича и княгиню Тамару, а у меня въ обозѣ находилась и раненая красавица Эсма-ханумъ, вотъ тогда я хорошо замѣтилъ это мѣсто: здѣсь мы чтобъ прикрыть высадку, можемъ угостить непріятеля перекрестнымъ огнемъ, и тогда освобожденіе Соуксу отъ осаждающихъ будетъ вполнѣ обезпечено.

— Безъ сомнѣнія,—согласился Нахимовъ.—Но я полагаю, что этими побѣдами мы все таки не завоюемъ Абхазіи. Пока вы, князь, съ вашими отрядами, а мы съ эскадрою бодрствуемъ надъ страною, она какъ будто и принадлежитъ намъ, хотя лишь въ двухъ, можно сказать, математическихъ точкахъ, въ Сухумѣ и въ Соуксу, да и то эти точки намъ приходится добывать, какъ мы ихъ теперь и добываемъ. Но разъ мы ушли, Абхазія ускользнула изъ нашихъ рукъ.

— О, нѣтъ! — горячо возразилъ Горчаковъ. — Разъ мы укрѣпились хоть въ одной точкѣ въ данной странѣ, страна наша. Крымъ пересталъ быть турецкимъ съ того момента, какъ мы заняли тамъ эту математическую точку, Севастополь. Такъ Римъ когда-то владѣлъ всѣмъ міромъ, системою гарнизоновъ: Галлія, Испанія, Греція, Египетъ, Палестина — все это Римъ держалъ въ своихъ рукахъ посредствомъ математическихъ точекъ. Населеніе Египта могло ненавидѣть римлянъ, но разъ въ Александріи или въ Ѳивахъ стоялъ римскій гарнизонъ—Египетъ былъ у ногъ Рима. Евреи ненавидѣли римлянъ, но въ Іерусалимѣ сидѣлъ Пилатъ съ гарнизономъ, и Христа повели судить къ Пилату. Такъ и тутъ: нашъ Сухумъ, наша Абхазія нашъ Кутаисъ, гдѣ я исполняю роль добраго Пилата, и Имеретія тоже наша, хотя тамъ и былъ недавно царь Соломонъ, свой царь, подобно іерусалимскому.

Къ вечеру «Орфей» возвратился въ Сухумъ.

XVIII.

Два слѣдующіе дня въ Сухумѣ шли приготовленія къ походу подъ Соуксу а въ ночь съ 19-го на 20-е іюля отряды были посажены на фрегатъ «Спѣшный» и на бриги «Орфей», «Мер-

курій» и «Ганимедъ». Всего было посажено на суда восемьсотъ человѣкъ съ однимъ полевымъ орудіемъ.

Въ то время, когда суда, вытянувшись въ линію, двинулись по направленію къ Пзирехвѣ и Соуксу изъ Сухума берегомъ, по тому же направленію, двинутъ былъ отрядъ въ четыреста человѣкъ егерей, подъ начальствомъ артиллерійскаго капитана Линденфельда. Движеніе это было просто демонстративное. Надо было показать непріятелю, что намѣреніе отряда—взять завалы у урочища Пзирехвы; на самомъ же дѣлѣ егеря должны были развлекать вниманіе враговъ, не допускать ихъ къ сосредоточенію и, не вступая въ дѣло, вечеромъ же воротиться въ Сухумъ. Солдатики пронюхали это и потому шли совершенно какъ на прогулку, услаждая слухъ своихъ офицеромъ пѣснями.

— А не хватить ли, ваше благородіе, про «мирзира»? — спрашивалъ любимый всѣми запѣвало Кучинъ у своего ротнаго командира.

— Про какого «мирзира»?—улыбнулся офицеръ.

— Про турецкаго.

— А! Про визиря турецкаго? Ладно, катай.

Кучинъ, повернувшись лицомъ къ колоннѣ, сдѣлалъ знакъ пѣсенникамъ и началъ. Его дружно подхватили, и эхо горъ вторило солдатскому хору, который выкрикивалъ:

Не дубровушка шумитъ—
Турка пòваломъ валитъ;
Не ясёнъ соколъ летитъ—
Напередъ мирзиръ катитъ,
Вострой сабелькой грозитъ.
Енералы испужались,
Кой-куда всѣ разбѣжались,
А солдатики стоятъ,
Таки рѣчи говорятъ;
— Намъ-отъ некуда дѣваться—
Пришло времячко стражаться...

— Ну, хорошо же вы аттестуете своихъ генераловъ,—засмѣялся офицеръ,—всѣ генералы разбѣжались!

— Что жъ, ваше благородіе,—оправдывался Кучинъ,—изъ пѣсни слова не выкинешь... Не мы ее сложили.

Между тѣмъ, эскадра съ десантомъ поровнявшись съ ауломъ Пзирехва, гдѣ находились самые недоступные завалы, весь день лавировала въ виду ихъ, привлекая вниманіе непріятеля, который стягивалъ сюда главныя силы, ожидая нападенія и съ моря.

*

и съ суши. Все видимое пространство берега пестрѣло и волновалось, какъ живое море: въ воздухѣ развѣвались знамена, на солнцѣ блестѣло оружіе, мельками черныя бурки, зеленыя и яркожелтыя чухи, рыжіе башлыки, бѣлыя и черныя папахи, слышалось ржаніе лошадей. День клонился уже къ вечеру, а блокированіе заваловъ не начиналось. Видно было, какъ отъ времени вдоль берега скакали всадники по направленію къ Сухуму, а потомъ снова возвращаясь къ заваламъ. Непріятель былъ увѣренъ, повидимому, что нападеніе съ моря замедлено ожиданіемъ прибытія сухопутнаго отряда. А онъ былъ еще такъ далеко. Непріятель успокоился, когда наступила ночь. Между тѣмъ, подъ прикрытіемъ ночи, эскадра, потушивъ всѣ огни, чтобъ не было видно ея движенія, тихо потянулась къ намѣченному для высадки урочищу Эйлагу.

— Они, кажется, ничего не подозрѣваютъ,—замѣтилъ Перелешинъ, вглядываясь въ скалистыя очертанія берега.

— О, не говорите,—возразилъ Горчаковъ:—Арсланъ-бей—старая лисица; у него непрерывная цѣпь пикетовъ идетъ вплоть до Соуксу. Если у него и сосредоточены главныя силы у заваловъ Пзирехвы, то и остальной берегъ не обнаженъ отъ защиты; а коль скоро взойдетъ луна, а она скоро должна показаться, то онъ замѣтитъ исчезновеніе эскадры и пойметъ нашъ маневръ... Тогда намъ придется считаться съ нимъ у Эйлагу: счеты будутъ жаркіе.

Опасенія Горчакова оправдались. Едва начало свѣтать, какъ берегъ у Эйлагу уже весь былъ покрытъ волновавшимися массами непріятеля. Въ воздухѣ полоскалось и пурпуровое знамя вмѣстѣ съ прочими. Несмотря на это, Горчаковъ приказалъ спускать гребныя суда и сажать въ нихъ десантъ. Посадка совершилась въ полномъ порядкѣ, и суда выстроились въ линію

— Молись Богу, ребята!—прошелъ по гребной флотиліи зычный голосъ князя Абхазова

Всѣ перекрестились... Кому-то придется лечь навѣки у этого негостепріимнаго берега?..

— Съ Богомъ!—скомандовалъ самъ Горчаковъ и суда, дрогнувъ отъ зачерпнувшихъ воду веселъ, быстро понеслись къ берегу.

Въ ту же минуту со всѣхъ четырехъ кораблей загремѣла убійственная канонада. Удары были такъ дружны и ложились

съ такой поразительной мѣткостью; ядра вырывали въ густой массѣ непріятеля такія зіяющія прогалины, что берегъ въ нѣсколько минутъ уже представлялъ завалы изъ труповъ, которыхъ поражаемые не успѣвали подбирать и уносить. Гулъ отъ орудій смѣшивался съ криками, воплями и проклятіями защитниковъ своей земли, и подъ эту адскую музыку десантъ все ближе и ближе подплывалъ къ берегу, окраина котораго уже чернѣла рядами гребныхъ судовъ и темными киверами солдатъ. Непріятель понялъ, что сопротивленіе невозможно, и дрогнувшія нестройныя толпы его, подбирая убитыхъ и раненыхъ, стремительно обратились въ бѣгство, пользуясь прикрытіемъ вѣкового бора, темною рамою окаймлявшаго съ трехъ сторонъ береговую линію урочища Эйлагу. Когда солдаты, покинувъ доставившія ихъ къ берегу гребны суда, съ крикомъ «ура» бросились впередъ, поле битвы было уже пусто, и только тамъ и сямъ валялись оброненныя въ бѣгствѣ бурки и папахи, да береговой песокъ и трава темно-багровыми пятнами и цѣлыми лужами крови кричали о томъ, какая совершена была здѣсь человѣческая гекатомба. Но медлить было нельзя. Непріятель послѣ первой паники могъ опомниться и трехтысячною массою своей могъ задавить горсть храбрецовъ, очутившихся на берегу безъ всякаго прикрытія. А потому Горчаковъ приказалъ отряду тотчасъ же укрѣпляться, дѣлать завалы изъ бревенъ и срубленныхъ деревьевъ, которыми загромождена была дорога, ведущая вдоль берега къ Соуксу и къ Пзирехвѣ; ограждаться камнями и, гдѣ можно, окапываться. Въ то же время фрегатъ «Спѣшный» и бриги «Меркурій» и «Ганимедъ» были отправлены имъ въ Сухумъ за остальными войсками.

— Послѣ первой встрепки врагу не слѣдуетъ давать передышки,—сказалъ Горчаковъ, провожая Корнилова къ эскадрѣ.— Онъ или на насъ насядетъ въ порывѣ ярой злобы, или постарается сорвать свое посрамленіе на Соуксу. Я изучилъ этотъ народецъ: какъ скорпіонъ, окруженный огнемъ, онъ самъ себя жалитъ смертельно.

Но нападенія со стороны Арсланъ-бея ни въ этотъ день, ни въ слѣдующій не было, а между тѣмъ на разсвѣтѣ 23-го іюля уже бѣлѣлись въ морѣ паруса фрегата и бриговъ съ отрядомъ изъ Сухума.

— Смотрите, Петръ Петровичъ, какой громадный орелъ кру-

гами плаваетъ надъ нами,—сказалъ Перелешинъ, указывая доктору на гигантскую птицу, плавно скользившую по спирали въ утренномъ воздухѣ,—есть примѣта, что это къ побѣдѣ.

— Да, римляне вѣрили этой сказкѣ,—отвѣчалъ старикъ, щуря на орла свои подслѣповатые глаза.—А кому онъ сулитъ побѣду, намъ или имъ, это еще вопросъ: вѣдь и они тамъ, чай, видятъ его. Да притомъ орловъ здѣсь такъ много, что побѣдъ не оберешься.

— Такъ-то такъ; а вотъ, говорятъ, надъ Бородинымъ передъ битвой пролеталъ орелъ, и это ободрило войска,—возразилъ Перелешинъ.

— Ну, можетъ, и ободрило... Вѣдь подъ Москвой орлы на рѣдкость, а здѣсь они словно галки... Да и подъ Бородинымъ выгорѣло ли намъ? Да и кому выгорѣло-то?

— Ужъ вы, извѣстно, Ѳома невѣрующій,—махнулъ рукою Перелешинъ.

— Да, невѣрующій въ святость войны: она—грѣховное дѣло и придетъ время, когда люди осудятъ ее, а вождей народа, начинающихъ ее, будутъ, по суду другихъ народовъ, сажать въ остроги, какъ простыхъ убійцъ и разбойниковъ на большихъ дорогахъ... Эхъ, да что для глухихъ музыка!

Когда прибывшій изъ Сухума новый отрядъ высадился на берегъ, Горчаковъ сдѣлалъ такое распоряженіе: чтобы замаскировать истинное свое намѣреніе и сбить съ толку непріятеля, онъ приказалъ фрегату «Спѣшному» и бригамъ «Меркурію» и «Ганимеду» тотчасъ же, минуя Соуксу, слѣдовать въ Пицундѣ, гдѣ и сдѣлать ложную высадку.

— Пицунда для Арсланъ-бея очень дорога, какъ послѣднее его убѣжище въ Абхазіи,—пояснилъ Горчаковъ Нахимову.—Чтобъ помѣшать вашей ложной высадкѣ, онъ пошлетъ туда часть своихъ войскъ и тѣмъ ослабитъ главныя свои силы; а тутъ-то я на него и нагряну.

— Мокрымъ рядномъ, какъ говорятъ мои матросы хохлы,—улыбнулся Корниловъ.

— Или какъ снѣгъ на голову, какъ говорятъ мои солдатики,—сказалъ Горчаковъ.—Этотъ снѣгъ и охладитъ ихъ горячія головы.

Дѣйствительно, когда «Спѣшный» и оба помянутые брига двинулись къ Пицундѣ, то они не могли не замѣтить, что отъ

толпы абхазцевъ и черкесъ, окружившихъ Соуксу, отдѣлилась значительная партія съ двумя знаменами и потянулась по направленію къ Пицундѣ. Въ то же время отряды князя Абхазова и капитана Линденфельда, подъ общимъ начальствомъ князя Горчакова, предшествуемые музыкой и пѣсенниками, пошли прямо на Соуксу. Пѣвучее горло Кучина при этомъ отчетливо выговаривало:

Вотъ и рѣчка, вотъ и бродъ,
Черезъ рѣчку переходъ,—
Ай, калина, ай, ма-а-лина!

Послышались выстрѣлы, но нерѣшительные, одиночные, и снова умолкали. Движенію отрядовъ препятствовали деревья, которыми загроможденъ былъ путь, но и они не остановили наступающихъ.

Но вотъ и Соуксу. Здѣсь непріятель рѣшился, повидимому, на отчаянное сопротивленіе. Изъ каждой сакли, которая осталась не разрушенною раньше, изъ садовъ, изъ виноградниковъ, даже съ деревьевъ, на которыхъ засѣли отчаянныя головы, со всѣхъ сторонъ зажужжали пули. Но солдаты мужественно прошли площадь огня, и со штыками на перевѣсъ, съ криками «ура» ринулись впередъ, въ саму гущину скопища.

— Ура! Ура!—послышалось вдругъ въ тылу у непріятеля

Это гарнизонъ Соуксу, сдѣлавъ неожиданную вылазку, съ юнымъ княземъ Михаиломъ и Марачевскимъ во главѣ, обрушился на нападающихъ съ тылу. Михаилъ Георгіевичъ, казалось, ничего не видѣлъ. Махая саблею направо и налѣво, онъ бѣжалъ прямо къ тому мѣсту, гдѣ моталось въ воздухѣ пурпурное знамя, а подъ нимъ на бѣломъ конѣ грозно высилась величественная фигура его дяди. Но вдругъ знамя дрогнуло, зашаталось, зашатался на сѣдлѣ и Арсланъ-бей. Все смѣшалось въ какой-то хаосъ криковъ, стоновъ...

— Вотъ же тебѣ, дьяволенокъ, на!—услыхалъ онъ хриплый голосъ стараго Сукачева, и когда добѣжалъ до того мѣста, то Арсланъ-бея ужъ тамъ не было, а около бившагося на землѣ въ предсмертныхъ судорогахъ прекраснаго бѣлаго коня лежала на землѣ... Эсма-ханумъ!.. Старый Сукачъ стоялъ тутъ же и вытиралъ пучкомъ травы свой окровавленный штыкъ.

— Теперь не уйдешь, баста!—ворчалъ онъ.

Михаилъ Георгіевичъ все понялъ.

— Что ты надѣлалъ?—крикнулъ онъ и припалъ къ распростертой на землѣ красавицѣ.—Ханумъ!.. Милая... дорогая моя... Она въ обморокѣ...

И, схвативъ на руки, какъ малаго ребенка, онъ понесъ ее, ища доктора и цѣлуя ея походѣвшія губы, щеки, волосы. Навстрѣчу ему попались Петръ Петровичъ и другой докторъ, Булатъ-Аліевъ въ сопровожденіи солдатъ съ носилками.

— Ради Бога спасите ее!—говорилъ, задыхаясь, юный Шервашидзе.

— Кто это? Кто?.. Кладите осторожно на носилки,—заторопился Петръ Петровичъ.

— Эсма-ханумъ! — съ испугомъ воскликнулъ Булатъ-Аліевъ.—Опять она...

Онъ нагнулся къ ней, щупалъ пульсъ и дрожащими руками разстегивалъ пунцовую чуху у нея на груди.

Разстегнулъ, открылъ... Ниже лѣваго соска чернѣла трехгранная штыковая рана. Эсма-ханумъ была мертва.

— Бѣдная бѣдная малютка!—тихо говорилъ Петръ Петровичъ, съ глубокою горестью смотря на милыя черты покойницы.—На то ли мы спасли тебя отъ смерти? Бѣдная!

Князь Михаилъ Георгіевичъ тихо плакалъ.

XIX.

Арсланъ-бей потерпѣлъ жестокое пораженіе. Онъ самъ былъ раненъ, и приближенные насильно увели его изъ огня, а тѣ, которые хотѣли унести Эсма-ханумъ, были всѣ переколоты на мѣстѣ. Юный Шервашидзе и князь Горчаковъ распорядились похоронить ее съ почестями, сообразно ея высокому сану, и, въ уваженіе къ ея удивительной храбрости, всю ея наскоро вырытую могилку и бѣлую бурку, въ которую ее завернули, все это усыпали живыми цвѣтами.

Тотъ, кто убилъ ее, тотъ и могилку выкопалъ своей жертвѣ, это былъ старый Сукачъ. Онъ копалъ ее вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ, рябымъ Кудряшемъ.

— Что жъ,—говорилъ старикъ не то грустно, не то угрюмо, качая сѣдою головой.—Не я убивалъ ее, а присяга... Коли бъ

и родная мать моя была на мѣстѣ этой рыженькой, и мать бы не пожалѣлъ, потому—присяга.

А потомъ, глядя на блѣдное личико мертвой, все обрамленное цвѣтами, онъ не разъ смахнулъ съ рѣсницъ назойливую слезу.

— Младешенька... словно херувимчикъ... а я вотъ, старый, живу...

Послѣ похоронъ Эсма-ханумъ князь Горчаковъ на военномъ совѣтѣ предложилъ вопросъ: какъ поступить съ исторической резиденціей владѣтелей Абхазіи, этимъ гнѣздомъ всѣхъ несчастій и преступленій славнаго рода князей Шервашидзе?

— Здѣсь, въ Соуксу,—говорилъ онъ,—въ этомъ гнѣздѣ несчастій, положено начало кровавой распри между доблестнымъ Келешъ-бекомъ и его недостойнымъ, преступнымъ сыномъ, Арсланъ-беемъ. Здѣсь, въ Соуксу, этотъ послѣдній злодѣйски лишилъ жизни своего престарѣлаго отца. Здѣсь же этотъ гнусный отцеубійца предательски отравилъ своего родного племянника, князя Димитрія Георгіевича, законнаго владѣтеля Абхазіи. Здѣсь же, не далѣе какъ сегодня, этотъ шакалъ своей родной страны, этотъ выродокъ изъ рода Шервашидзе, намѣревался отнять власть и жизнь у другого своего племянника, у его свѣтлости князя Михаила Георгіевича, и, вѣроятно, успѣлъ бы въ своемъ злодѣйскомъ замыслѣ, еслибъ въ помощь законной власти не подоспѣли побѣдоносныя войска государя императора... Соуксу,—продолжалъ Горчаковъ, — ненадежный пунктъ для защиты страны и правъ ея владѣтелей:—укрѣпленія Соуксу непрочны, помѣщенія для гарнизона недостаточно обширны, крѣпостныя вооруженія слабы, а главное, этотъ пунктъ лишенъ воды. Для блага Абхазіи, на пользу законной власти въ родѣ князей Шервашидзе, я предлагаю пожертвовать этимъ пунктомъ, предлагаю разрушить, сравнять съ землею Соуксу!

Всѣ слушали безмолвно. На глазахъ юнаго владѣтеля Абхазіи блестѣли слезы. Разрушить Соуксу, это родовое гнѣздо его предковъ, колыбель его невиннаго дѣтства, съ которою связано такъ много воспоминаній!.. Но здѣсь, слѣды и память преступленій, слѣды и память позора въ его родѣ. Горчаковъ ждалъ отвѣта.

— Да, князь, вы правы,—съ дрожью въ голосѣ сказалъ Михаилъ Георгіевичъ.—Пусть исчезнетъ съ лица земли Соуксу!

— Я радъ, что ваша свѣтлость поняли меня,—сказалъ Горчаковъ, протягивая ему руку.—Этой жертвы требуетъ отъ васъ государственная мудрость. Прикажите же собрать все, что въ вашемъ дворцѣ есть цѣннаго и достойнаго сбереженія, дворцовое имущество, утварь, посуду, серебро, драгоцѣнности, все фамильное, и мы все это тотчасъ же отправимъ обозомъ и на судахъ въ Сухумъ, куда, по уничтоженіи вашего стараго, негоднаго гнѣзда, немедленно отправимся и сами къ вашей матушкѣ.

Предложеніе князя Горчакова тутъ же одобрено было княземъ Абхазовымъ, Нахимовымъ, Перелешинымъ, Марачевскимъ и Линденфельдомъ, и пока изъ наслѣдственнаго дворца князей Шервашидзе выносили и укладывали на арбы ихъ имущество и всякую утварь, солдаты соединенными усиліями разрушали стѣны осужденной на смерть крѣпости, предавали огню все воспламеняющееся, ломали и жгли сакли и духаны, такъ что къ пяти часамъ дня бывшая резиденція владѣтелей Абхазіи представляла безпорядочную груду развалинъ.

Покончивъ съ разрушеніемъ Соуксу, отряды отошли отъ развалинъ, все еще дымившихся, и расположились лагеремъ вдоль морского берега въ виду догоравшей столицы Абхазіи. Солдаты, какъ только солнце погрузилось въ море, развели костры и, усѣвшись вокругъ нихъ группами, завели вѣчные разсказы о походахъ да о военныхъ приключеніяхъ. Больше всего скучилось солдатиковъ около костра стараго Сукача. Да и не удивительно—онъ разсказывалъ о «французѣ», о двѣнадцатомъ годѣ.

— Ты бы, дядя, про вдову разсказалъ,—замѣтилъ одинъ изъ слушателей.

— И то про вдову, дядя,—поддержали другіе.

— Да что про вдову-то? Это пѣсня: а у меня горло старо для пѣсни,—отозвался старикъ.

— Да ты не пой, разскажи; ужъ больно она чувствительная.

— Ну, ладно, ребята... Начинается она такъ: «Все солдатики уланы, лошадушки все буланы, гдѣ вы были побывали? Мы подъ городомъ стояли, подъ Москвою воевали, мы Москвою проѣзжали, во слободку заѣзжали. Во слободкѣ одинъ дворикъ, одинъ дворикъ, и тотъ вдовій. Ко вдовѣ мы заѣзжали, ночевать у ней просились: пусти, вдова, ночевати, ночевать насъ по-

стоять, насъ солдатушекъ немного: полтораста, все на коняхъ, полтретьяста пѣшеходовъ. Намъ вдовушка отвѣчала, ночевать насъ не пускала: дворикъ у меня маленекъ, нова горенка тѣсненька. Мы, солдатушки, смѣленьки,—во дворъ силой ворвалися, во избушку взобралися, во избушку взобралися, и посѣли всѣ по лавкамъ всѣ по лавкамъ, по порядку. А большой гость впереди сѣлъ, впереди сѣлъ подъ окошкомъ; а вдова стоитъ у печки, поджавъ рученьки къ сердечку. Какъ большой гость слово молвитъ, рѣчь говоритъ: ты давно-ль, вдова, вдовѣешь, а и много-ль сиротѣешь? Я вдовѣю лѣтъ пятнадцать, сиротѣю съ годовъ двадцать. Подойди, вдова, поближе, поклонись гостямъ пониже, и сними съ меня ты шляпу, шляпу мою пуховую, пуховую-полковую: что не въ ней ли полотенце, не твое ли рукодѣлье? Въ полотенцѣ узелочекъ, въ узелочкѣ перстенечекъ,—то не нашъ ли обручальный?—Какъ пошла вдова по сѣнямъ, будитъ вдова милыхъ дѣтокъ:—вы вставайте, милы дѣтки,—что пріѣхалъ вашъ родитель, вашъ родитель, мой сожитель.—Не ходи, вдова, по сѣнямъ, не буди ты милыхъ дѣтокъ:—мнѣ не вѣкъ здѣсь вѣковати,—только ночку ночевати.

— Э-э-эхъ!—послышался тяжелый вздохъ среди слушателей.—Ужъ и жисть наша, что перекати-поле.

Время шло. Костры мало-по-малу догорали, и сонъ уже господствовалъ надъ лагеремъ. Все утомленное дневными трудами спало подъ темныхъ небомъ Абхазіи. Не прекращались только оклики часовыхъ. Долго не спалъ князь Михаилъ Георгіевичъ, съ глубокою тоскою поглядывая, какъ во мракѣ ночи дотлѣвали развалины столицы его предковъ... Такъ Богу угодно... Но и его одолѣлъ сонъ. Онъ не у развалинъ Соуксу, а на Елизаветинской горѣ, около Кисловодска. Тутъ и братъ Димитрій, и княжна Варвара Павловна, и князь Голицынъ, и маленькая Катя, и Сережа, и Григорій Ивановичъ. Вдали—зубчатые гребни кавказскаго хребта и снѣжная вершина Эльборуса. Слышно, какъ въ горахъ вѣтеръ стонетъ... «Это не вѣтеръ,—говоритъ Григорій Ивановичъ,—смотрите туда, на Эльборусъ... Видите, тамъ гигантскія очертанія человѣка? Это онъ стонетъ: это Прометей... Видите, какую исполинскую тѣнь отъ заходящаго солнца бросаютъ его обращенныя къ небу скованныя руки, его голова и распростертыя надъ нимъ крылья исполинской птицы? Это орелъ Юпитера»... Но вотъ солнце зашло, и страшные стоны умолкли...

Скоро въ небѣ, надъ ихъ головами, послышалось могучее вѣяніе вѣтра. Всѣ глянули на небо: тамъ, высоко, въ темнѣющемъ небѣ летѣла исполинская птица, направляя свой полетъ на сѣверъ... Это былъ невиданной величины орелъ, но только, удивительно! съ двумя головами...

На этомъ кончается наше повѣствованіе.

Княжна Варвара Павловна долго оплакивала свою первую любовь, вспоминая то скамейку на берегу тихой Славянки, то свое счастливое пребываніе въ Кисловодскѣ. Но потомъ всесильное время наложило тѣни на прошлое счастье, мало-по-малу заживило острыя раны молодого сердца, и черезъ три года Варя вышла замужъ за Голицына, убѣдившись, какой онъ хорошій человѣкъ и какъ неизмѣнно ее любитъ. Катя продолжала мечтать, какъ она выростетъ и станетъ совсѣмъ большою, и тогда выйдетъ замужъ за «героя Мишу». А Сережа надѣялся самъ быть скоро героемъ и взять въ плѣнъ Арсланъ-бея.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ИСТОРИЧЕСКИХЪ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ

ДАНИЛЫ ЛУКИЧА МОРДОВЦЕВА

Кн. 50

НА АРАРАТЪ

В

НАБРОСКИ ПУТЕВЫХЪ ВПЕЧАТЛѢНІЙ.

Издательство П. П. Сойкина

Типографія

Петроградъ, Стремянная, 12, собств. д.

НА АРАРАТЪ.

Наброски путевыхъ впечатлѣній.

«Помяну Богъ Ноя и всѣ звѣри, и вся скоты, и вся птицы, и вся гады пресмыкающыяся, елика бѣху съ нимъ въ ковчегѣ: и наведе Богъ духъ на землю, и преста вода. И заключишася источницы бездны и хляби небесныя, и удержася дождь отъ небесе. И вспять пойде вода, идущая отъ земли: и умаляшеся вода по стѣ пятидесятихъ днехъ. И сѣде ковчегъ въ мѣсяцъ седьмый, въ двадесять седьмый день мѣсяца, на горахъ Араратскихъ».

Книга Бытія, VIII, 1—7.

I. Вмѣсто предисловія.

Кого изъ насъ, въ счастливую пору золотого дѣтства, не трогала до глубины души величественная картина, рисуемая съ такою геніальною простотою библейскимъ сказаніемъ о всемірномъ потопѣ! Чье воображеніе не носилось, вмѣстѣ съ ковчегомъ Ноя, по волнамъ безпредѣльнаго океана, окутавшаго весь шаръ земной, когда, по мановенію грознаго и карающаго библейскаго Бога-Саваоѳа, разверзлись хляби небесныя и источники земные и буквально поглотили землю, а непрерывный дождь въ теченіе сорока дней и сорока ночей безпощадно хлесталъ нашу жалкую планету, брошенную въ пространство творческою и карающею десницею Адонаи!

Но потомъ,—повѣствуетъ далѣе Книга Бытія,—стало творцу жаль своего творенія: и помянулъ Богъ Ноя, и всѣхъ звѣрей, и «вся скоты», и птицъ, и гадовъ пресмыкающихся, что

находились съ Ноемъ въ ковчегѣ, и «навелъ» Богъ духъ на землю, и остановились воды: назадъ возвратились воды, исходившія изъ безднъ земныхъ и изъ хлябей небесныхъ, и возвращались такимъ образомъ воды вспять—сто пятьдесятъ дней. На седьмой же мѣсяцъ ковчегъ остановился на горѣ Араратѣ.

Кому не памятны дальнѣйшія, такія трогательныя и поэтическія подробности библейскаго разсказа!

Сбывала вода послѣ потопа, по-библейски — умалялась, даже до десятаго мѣсяца. А уже въ десятый мѣсяцъ, въ первый день этого мѣсяца, появились изъ-подъ воды верхи горъ, это, значитъ, другихъ горъ, которыя были ниже Арарата, ибо Араратъ, по понятіямъ библейскаго бытописателя, каковымъ признается Моисей, считался, конечно, высочайшею горою на всемъ земномъ шарѣ, такъ какъ въ то время не была еще, вѣроятно, извѣстна высота горъ Эльборуса, Давалагири, Чумулари, ни гиганта Эвереста, да и о самомъ существованіи этихъ горъ, надо полагать, вовсе не зналъ вдохновенный вождь еврейскаго народа.

Когда же изъ-подъ воды показались верхи горъ, то, по прошествіи сорока дней, отворилъ Ной оконце въ ковчегѣ и послалъ ворона посмотрѣть, не ушла ли, не «уступила ли вода отъ лица земли». Но воронъ не возвратился въ ковчегъ. Народное преданіе говоритъ, что воронъ потому не возвратился въ ковчегъ, что, вылетѣвъ на вольный свѣтъ онъ нашелъ множество труповъ человѣческихъ и животныхъ и сталъ питаться ими. Тогда Ной послалъ голубицу посмотрѣть, «уступила ли вода отъ лица земли». Но голубица, «не обрѣтши покоя ногама своима», не найдя сухого мѣста, гдѣ бы могла сѣсть, ни деревца, ни клочка земли, свободнаго отъ воды, возвратилась на ковчегъ: «яко бяше вода по всему лицу земли». Тогда Ной протянулъ въ оконце свою руку. Голубица сѣла на руку и снова внесена была въ ковчегъ. Затѣмъ, выждавъ еще семь дней, Ной опять выслалъ голубицу изъ ковчега. Къ вечеру она возвратились, держа въ клювѣ масличную вѣточку съ зелеными листьями: «и позна Ной, яко уступи вода отъ лица земли».

Въ такихъ трогательныхъ выраженіяхъ разсказываетъ Книга Бытія о чудесномъ спасеніи отъ конечной гибели допотопнаго человѣка и вмѣстѣ съ нимъ животныхъ, нынѣ населяю-

щихъ землю. Библія указываетъ и мѣсто спасенія человѣчества отъ всемірнаго потопа: это Араратъ.

Вотъ эту-то колыбель современнаго, послѣпотопнаго человѣчества мнѣ и хотѣлось видѣть послѣ того, какъ я уже имѣлъ счастіе видѣть, въ 1881 году, колыбель допотопнаго, первобытнаго человѣка и, можно сказать, колыбель нашихъ современныхъ знаній, нашей культуры, нашего просвѣщенія: въ 1881 году я посѣтилъ Палестину и видѣлъ ту самую землю, изъ которой, по свидѣтельству той же Книги Бытія, Богъ создалъ перваго человѣка, землю, которую этотъ первый человѣкъ топталъ своими ногами и обливалъ потомъ, добывая себѣ изъ нея хлѣбъ послѣ грѣхопаденія, и въ которую онъ потомъ сложилъ свои кости; я посѣтилъ тогда же и поэтическій Египетъ, колыбель нашихъ знаній, Египетъ, знанія котораго воспитали и богодохновеннаго автора Книги Бытія.

Послѣ Палестины и Египта естественно было желать видѣть Араратъ: послѣ восхожденія на пирамиду Хеопса и послѣ благоговѣйнаго созерцанія Іерусалима съ его Голгоѳою, Кедронскимъ потокомъ и Елеонскою горою, послѣ созерцанія Іерихона, Мертваго моря Іордана и другихъ, священныхъ для насъ, евангельскихъ мѣстъ, мнѣ неудержимо хотѣлось видѣть библейскую святыню и совершить восхожденіе на ея недосягаемую высоту, въ ту таинственную область, куда воображеніе библейскаго человѣка помѣстило спасшагося отъ всемірной погибели своего прародителя-Ноя, съ его ковчегомъ, вороном и голубицею и гдѣ воображеніе современнаго человѣка доселѣ думаетъ обрѣсти если не самый ковчегъ, какъ памятникъ чудеснаго потопленія, то по крайней мѣрѣ то мѣсто, гдѣ онъ остановился когда-то.

И я рѣшился нынѣшнимъ лѣтомъ, лѣтомъ 1882 года, отправиться въ Малую Азію, чтобы видѣть Араратъ и попытаться взойти на него. Кромѣ того, что видѣть Араратъ—это значитъ видѣть тѣ мѣста, съ которыми человѣческое воображеніе связало свою вторую родину послѣ потери первымъ человѣкомъ своей чудесной и таинственной родины, земного рая: это значитъ лично созерцать то мѣсто, гдѣ Ной, тотчасъ послѣ потопа выйдя изъ ковчега, принесъ Богу благодарственную жертву за свое спасеніе и гдѣ онъ въ память этого великаго событія посадилъ первую виноградную лозу; кромѣ всего этого,

быть на вершинѣ Арарата, это значитъ стать на такой высотѣ, съ которой можно было бы обнять взоромъ необозримыя пространства далеко за предѣлами обыкновеннаго, доступнаго человѣческому глазу горизонта, и мало того—видѣть разомъ, какъ въ волшебной панорамѣ, весь Кавказъ и Закавказье, всю сѣверную Персію и малоазіатскую Турцію и въ довершеніе всего оба моря, Каспійское и Черное.

Правда, я раньше зналъ, что восхожденіе на Араратъ сопряжено съ неимовѣрными трудностями и опасностью для жизни; что вслѣдствіе этого библейскую гору посѣтили очень немногіе ученые и смѣльчаки вродѣ Спасскаго-Автономова (въ 1834 году); что иные за это восхожденіе поплатились здоровьемъ и, что еще хуже, жизнью; что, наконецъ, по мѣстному вѣрованію, по упорному представленію тамошнихъ курдовъ, персіянъ, татаръ, армянъ и даже армянскаго духовенства, попытка взойти на библейскую священную гору считается дѣломъ дерзкимъ и богопротивнымъ, дѣломъ, за которое жестоко карають ослушниковъ какъ христіанскій Богъ, такъ и Аллахъ, обыкновенно силою вѣтра, могучимъ дыханіемъ своимъ сдувающій дерзкаго съ полугоры въ какую-нибудь пропасть, правда, повторяю, я зналъ все это, зналъ, на какой опасный подвигъ я себя обрекалъ; я зналъ, напр., что Ходзько, во главѣ цѣлой экспедиціи совершившій въ 1850 году восхожденіе на Араратъ, очутился тамъ съ своими спутниками «въ серединѣ грозовой тучи, представлявшей электрическую батарею гигантскихъ размѣровъ», гдѣ «молнія, какъ выражался самъ покойный Ходзько, зигзагами, повидимому, не менѣе сажени шириною (молнія въ сажень шириною, это ужасно!), въ сопровожденіи сильнѣйшихъ ударовъ грома», безпрерывно бороздила воздухъ и разрушала цѣлыя скалы,—я зналъ все это, и несмотря ни на что, безповоротно рѣшился на опасное дѣло, не внимая опасеніямъ друзей, которыхъ пугала моя будущая участь

Раньше моего отъѣзда я прочиталъ по возможности все, что писано было объ Араратѣ, и въ особенности то, что писали о своемъ восхожденіи на библейскую гору лица, которымъ суждено было совершить этотъ подвигъ: Парротъ, Автономовъ-Спасскій, Беренсъ, Абихъ, Ходзько. Вообще литература этого предмета довольно обширна, особенно же если принять во вниманіе то, что только съ конца прошлаго вѣка въ сущности

стали доступны для европейцевъ предѣлы, гдѣ находится библейскій гигантъ *).

Наконецъ, желая заручиться ближайшими свѣдѣніями о занимавшемъ меня предметѣ, свѣдѣніями не изъ книгъ, которыя я прочиталъ, а отъ живыхъ людей, и въ видахъ завербовки охотниковъ совершить со мною подвигъ восхожденія на ветхозавѣтную святыню, я обратился за этими свѣдѣніями въ Тифлисъ, къ И. Ф. Тхоржевскому, даровитому редактору безвременно погибшей «Фаланги». Онъ обязательно сообщилъ мнѣ эти свѣдѣнія и, между прочимъ, извѣщалъ, что онъ самъ готовъ быть моимъ спутникомъ въ араратской экспедиціи и что, вѣроятно, найдутся въ Тифлисѣ и другіе охотники раздѣлить со мною и опасности, и обаяніе этой экспедиціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ писалъ мнѣ, что удобнѣйшее для восхожденія на великую гору время, это отъ 1-го до 15-го августа, и вообще не ранѣе 15-го іюля, такъ какъ раньше этихъ чиселъ восхожденіе совсѣмъ невозможно по случаю застилающихъ вершину горы огромныхъ массъ снѣга и частыхъ снѣжныхъ обваловъ, а равно горныхъ бурь и грозъ; что самое восхожденіе на гору должно совершиться съ персидской территоріи; что изъ ближайшаго къ горѣ селенія Новый Ахуръ нужно будетъ взять до десяти человѣкъ проводниковъ, съ платою по 2—3 рубля въ сутки; что подъемъ на гору и спускъ съ нея займутъ дня четыре, и что въ Петербургѣ нужно будетъ запастись темными очками по глазамъ для предохраненія зрѣнія отъ убійственнаго дѣйствія отражаемыхъ горнымъ снѣгомъ солнечныхъ лучей, кожанымъ непромокаемымъ костюмомъ, курткою, панталонами и плащомъ, а также хорошею зрительною трубой.

Скоро настало и время, когда я долженъ былъ пуститься въ далекій и, какъ оказалось впослѣдствіи, опасный путь.

Я выше сказалъ уже о тѣхъ нравственныхъ побужденіяхъ,

---

*) Вотъ перечень лицъ, всходившихъ на Араратъ (ихъ было слишкомъ немного) или только писавшихъ о немъ: изъ русскихъ—*Парротъ, Энгельгардтъ и Обовьянцъ* (армянинъ, магистръ, погибшій безвѣстно), *Спасскій-Автономовъ* (Восхожденіе на Араратъ. Москва. 1839). *Абихъ* (Горный журналъ. 1846. II), *Ходзько, Ханыковъ* (Записки военно-топограф. депо. XVI. 1854); изъ иностранцевъ—*Tournefort, Böhrens* (Двукратное восхожденіе на Араратъ (первое не удалось). Перев. въ журналѣ мин. внутр. дѣлъ. 1838. XXVIII). *Güldenstädt, Moeierker, Porter, K. v. Raumer, St. Martin, Hermann, Dubois de Montpereux, Wagner.*

которыя влекли меня къ безмолвному свидѣтелю величайшаго на землѣ событія: это свѣтлыя воспоминанія дѣтства, которыя не умираютъ съ годами.

Но были и другія, болѣе суровыя побужденія.

Кто изъ мыслящихъ людей не испыталъ на себѣ тяжелаго, удручающаго гнета общественной жизни послѣднихъ лѣтъ? Кто изъ насъ не задыхался въ удушающей атмосферѣ, если можно такъ выразиться безъ всякаго обиднаго намека на чей-либо счетъ, въ удушающей атмосферѣ новаго времени? И кого не тянуло вырваться на свѣжій воздухъ изъ этого душнаго, затхлаго погреба, когда, повидимому, не представлялось никакой возможности такъ или иначе оздоровить этотъ гнилой воздухъ? Многіе дѣйствительно и убѣгали изъ этого погреба хоть на время, лишь бы не задохнуться.

Убѣгалъ и я въ эти тяжелые годы далеко отъ горемычной родины, убѣгалъ съ такимъ чувствомъ, какъ будто бы искалъ убѣжать отъ самого себя. Да оно и было въ сущности и то и другое—какое-то сугубое бѣгство.

Дѣйствительно, глубокое недовольство окружающей жизнью и вмѣстѣ съ тѣмъ самимъ собою, недовольство всѣмъ, чѣмъ до нѣкоторой степени наполнялось ваше существованіе изо-дня въ день, до новой, лучшей зари; недовольство, такъ сказать, и небомъ, и землей, живыми и мертвыми, настоящимъ и прошедшимъ, которое не умѣло сдѣлать насъ такими, какъ «иные прочіе человѣцы»; наконецъ, недовольство даже своими собственными скромными трудами, тѣми бѣдными работишками досужаго пера, которыя являлись какъ продукты историческихъ дедукцій отъ скверпаго настоящаго къ еще болѣе скверному прошедшему, отъ «Петра» къ «кивающему на него Климычу»; чувство внутренняго протеста противъ самого себя и всѣхъ этихъ «кивающихъ» на современную обидную жизнь «идеалистовъ и реалистовъ», «царей и гетмановъ», «Лжедмитріевъ» и «Сагайдачныхъ» даже вплоть до «Двѣнадцатыхъ годовъ» и «Великихъ расколовъ» и иныхъ многихъ писаній, ихъ же имена ты одинъ вѣси, Господи,—все это толкало мысль мою и волю искать чего-то новаго, другого, а если и стараго, очень даже стараго, какъ пирамиды, то такого, чего я еще не видывалъ сроду, чего еще не переиспыталъ, не перечувствовалъ. И я ѣхалъ искать удовлетворенія этихъ порывовъ духа на дальній

Востокъ, въ Египетъ, въ Палестину, на Араратъ. И мнѣ казалось, чувствовалось, что именно тамъ, подъ чужимъ небомъ, подъ тропическимъ солнцемъ пирамидъ и выжженныхъ гнѣвомъ Іеговы холмовъ и долинъ Іерусалима я забылъ свою тоску, то духовное сиротство и недовольство, которое грызло мою душу на родинѣ.

Съ такимъ чувствомъ, съ этими именно суровыми побужденіями я предпринялъ путешествіе къ Арарату.

Кто же могъ знать, что оно кончится такъ гибельно для меня!

Оказалось, что Араратъ не Чатырдагъ, не пирамида Хеопса.

II. Отъ Тифлиса до Караячской степи.

Я выѣхалъ изъ Петербурга 24-го іюля. Я разсчитывалъ, что начну восхожденіе на Араратъ числа 2—3 августа. 6-го августа, въ день Преображенія, я мечталъ былъ на вершинѣ библейской горы.

Мой путь лежалъ, конечно, черезъ Кавказъ. Этотъ величественный и прелестный уголокъ нашей планеты я видѣлъ уже не первый разъ. Переѣздъ черезъ грозный хребетъ по роскошной грузинской дорогѣ возобновилъ въ душѣ моей то чувство глубокаго удивленія, какое невольно испытываешь съ глазу на глазъ съ такими подавляющими своимъ величіемъ картинами природы, передъ которыми робко смиряется въ какомъ-то тихомъ умиленіи словно бы запутанная мысль.

Но не эти картины манили къ себѣ мою душу.

3-го августа я выѣзжалъ уже изъ Тифлиса по эриванской дорогѣ. Покидалъ я Тифлисъ съ тяжелымъ чувствомъ одиночества и неизвѣстности. Уѣзжая изъ Петербурга въ далекій путь съ дерзкимъ намѣреніемъ достигнуть того, на что не всякій могъ рѣшиться и достигнуть чего суждено было очень немногимъ, я везъ съ собой увѣренность, что въ моей опыткѣ «отыскать ковчегъ» и привезти въ Петербургъ хоть осколокъ, «хоть щепочку» допотопнаго фрегата, какъ просили меня о томъ мои петербургскіе друзья, съ боязнью провожавшіе меня, такъ сказать, въ ветхозавѣтную экскурсію, я имѣлъ увѣренность, что мнѣ придется не одному пуститься въ поиски за ковчегомъ. Я разсчитывалъ въ этомъ случаѣ на г. Тхоржевскаго, а главнымъ образомъ на г. Лохтина, молодого и талантливаго инженера, успѣв-

шаго уже сдѣлать немало экскурсій: г. Лохтинъ очень желалъ отправиться со мною на библейскую гору, и хотя долженъ былъ ранѣе ѣхать въ Бессарабію для открытія судоходства по Днѣстру, однако, убѣдительно просилъ меня извѣстить его о днѣ моего выѣзда, чтобы онъ успѣлъ во-время выѣхать изъ Бессарабіи и встрѣтиться со мной въ Тифлисѣ. Кромѣ того, я надѣялся имѣть своимъ спутникомъ горнаго инженера фонъ-Кошкуля, находящагося на службѣ въ Тифлисѣ:—на его опытность и знакомство со всевозможными капризами и ужасами горъ я вполнѣ могъ положиться, ибо онъ, уже по своей спеціальности, неоднократно взбирался на горы какъ въ Европѣ, Азіи, такъ и въ Америкѣ. Но надеждамъ моимъ не суждено было сбыться. Ни г. Тхоржевскій, ни г. фонъ-Кошкуль не могли ѣхать со мной, какъ ни желали этого и какъ ни завидовали мнѣ, ибо каждаго задерживали въ Тифлисѣ очень уважительныя причины; Лохтинъ же, разъѣзжая по Бессарабіи съ мѣста на мѣсто, не могъ получить моего письма своевременно и потому не могъ встрѣтиться со мной ни въ Тифлисѣ, ни въ Эривани.

Вотъ почему я выѣзжалъ изъ Тифлиса съ горькимъ чувствомъ какой-то покинутости, которая не могла не пугать меня. Такой покинутости я не чувствовалъ ни въ Египтѣ, ни въ Палестинѣ. Тамъ мое одиночество было не такое полное, не такое угнетающее, какъ здѣсь, хоть то и была для меня въ полномъ смыслѣ «чужа дальня сторона». Изъ Тифлиса я выѣзжалъ съ однимъ только ямщикомъ-татариномъ, который очень плохо понималъ по-русски, и долженъ былъ проѣхать 250 верстъ на перекладныхъ по мѣстности, далеко не безопасной. Объ опасностяхъ этой дороги я узналъ уже въ Тифлисѣ, гдѣ меня предупреждали быть осторожнымъ: такъ, на разгонномъ дворѣ, гдѣ я предъявлялъ подорожную для отпуска мнѣ лошадей, я получилъ предостереженіе въ томъ смыслѣ, что было бы благоразумнѣе, если бы я не пускался въ путь одинъ, не заручившись, по крайней мѣрѣ, хоть однимъ спутникомъ, а добрѣйшій г. фонъ-Кошкуль прямо совѣтовалъ мнѣ не только не пускаться въ путь ночью, но даже и вечеромъ не рисковать удаляться отъ станціи.

— Если дорожите временемъ,—добавилъ онъ,—то лучше выѣзжайте со станціи къ концу ночи, а не ѣздите вечеромъ, хоть бы было еще свѣтло.

— Почему же?—недоумѣвалъ я.

— А потому, что съ вечера разбойники, сдѣлавъ пакость, за ночь успѣютъ убраться чортъ знаетъ куда; а къ утру имъ шалить неудобно.

— Хороши шалости!

— Да... Но въ тѣхъ мѣстностяхъ жизнь цѣнится не дороже...

— Не дороже ока кишмиша?

— Пожалуй!

Впрочемъ, благодаря просвѣщенному содѣйствію мѣстныхъ властей на Кавказѣ, мое путешествіе въ томъ краѣ было обставлено достаточно солидными гарантіями, и я съ глубокой признательностью долженъ упомянуть имена г. начальника главнаго управленія, главноначальствующаго гражданской частью на Кавказѣ, генералъ-лейтенанта Старосельскаго, г. попечителя казанскаго учебнаго округа К. П. Яновскаго и г. начальника почтоваго округа, генеральнаго штаба полковника Томича. Г. Старосельскій снабдилъ меня открытымъ листомъ, въ которомъ между прочимъ говорилось, кому вѣдать надлежало: «прошу мѣстныя власти предъявителю сего такому-то (имя рекъ), прибывшему на Кавказъ съ ученою цѣлью, оказывать возможное содѣйствіе и покровительство къ благополучному и безопасному слѣдованію какъ по почтовымъ, такъ и внѣ оныхъ, давая ему, гдѣ возможно и необходимо, надлежащій конвой изъ земской стражи». Съ своей стороны, г. Томичъ далъ мнѣ нѣчто вродѣ «опасной граматы», какъ выражались наши предки, и въ граматѣ этой между прочимъ оповѣщалось: «прошу г.г. станціонныхъ смотрителей по тракту отъ Тифлиса до Эривани и по почтовымъ трактамъ Эриванской губерніи оказывать содѣйствіе успѣшному и безостановочному проѣзду т а к о г о-т о (вашего покорнѣйшаго слуги), путешествующаго съ ученою цѣлью (гдѣ тамъ съ ученою! просто въ качествѣ ротозѣя-туриста). Смотрителя обязываются обращать особенное вниманіе на обезпеченіе возможно удобныхъ на станціяхъ ночлеговъ».

При всемъ томъ я покидалъ Тифлисъ съ тревожнымъ чувствомъ, и когда на заставѣ послѣ поднятія шлагбаума въ утреннемъ воздухѣ раздался рѣзкій звонъ моего почтоваго колокольчика, въ душѣ моей безпокойно зашевелился вопросъ: съ какимъ чувствомъ я подъѣду подъ этотъ шлагбаумъ на возврат-

номъ пути, да и суждено ли мнѣ возвратиться вообще изъ невѣдомаго далека?

Мимо меня пронеслась другая тройка, шибко звеня колокольчиками и еще шибче пыля по шоссейной мостовой. Эта тройка везла какого-то офицера въ кителѣ и бѣлой фуражкѣ подъ зонтикомъ. Безъ зонтика въ томъ пеклѣ, въ какое вы попадаете за Кавказомъ, ѣздить положительно немыслимо, потому что вы ѣдете въ почтовой перекладной телѣжкѣ безъ верху, безъ всякаго подобія какой-нибудь кибитки. Вы удивляетесь только, какъ это выноситъ такое пекло голова ямщика-татарина, сидящаго на козлахъ и лѣниво понукающаго лошадокъ. Но это голова привычная, тѣмъ болѣе, что она почти всегда обвязана платкомъ сверхъ шапки, а еще чаще покрыта такою чудовищною мѣховою шапищею, непремѣнно изъ бараньей коричневаго цвѣта овчины и такой формы и величины, какъ будто бы у каждаго закавказскаго татарина помѣщена въ головѣ кочевая калмыцкая кибитка или одинъ изъ куполовъ московскаго Василія Блаженнаго, только кверху срѣзанный. Всѣ же прочіе смертные, даже и не военные, носятъ тамъ бѣлыя фуражки, и потому каждый армянинъ тамъ, возсѣдающій въ духанѣ (и трактиръ, и кабачокъ, и ресторанъ, и постоялый дворъ, все это вмѣщаетъ въ себѣ кавказскій и закавказскій духанъ), каждый армянинъ въ бѣлой фуражкѣ сильно смахиваетъ на отставного капитана. Даже я, сѣдобородый странникъ, замѣнившій петербургскую шляпу бѣлою тифлисскою фуражкой, по малой мѣрѣ на отставного полковника маленько смахивалъ.

«Здѣсь любопытно выпить и закусить», вспоминается мнѣ одна тифлисская вывѣска на духанѣ, и это пустое воспоминаніе на время отгоняетъ отъ моей головы мрачныя мысли. Я невольно переношусь воображеніемъ въ Константинополь, гдѣ такія же узкія запруженныя народомъ улицы, какія я сейчасъ проѣзжалъ, съ трудомъ пробираясь къ тифлисской заставѣ. Такъ и бьетъ въ глаза глубочайшимъ Востокомъ! Но чего я не замѣтилъ ни въ Турціи, ни въ Египтѣ, ни въ Палестинѣ,—это остатковъ той далекой древности, когда человѣка можно было колотить, какъ не колотятъ нынѣ не только людей, но даже лошадей и собакъ. А въ Тифлисѣ я замѣтилъ эту глубочайшую древность Востока. Мы проѣзжали базаромъ, гдѣ въ узкихъ уличкахъ по получасу иногда не могли разъѣхаться арбы съ круторогими буйволами и

немилосердно колотящими ихъ восточными возницами, преграждая имъ путь. Тогда словно изъ земли выросталъ полицейскій въ кителѣ и непремѣнно съ палкой (я замѣтилъ, что въ Тифлисѣ полицейскіе очень хорошо выдержаны, гораздо лучше московскихъ, которые, усердно грызя на посту сѣмячки, всегда отсылаютъ васъ за справками въ лавочку, когда вы спрашиваете, гдѣ находится такой-то домъ; однимъ не хороши тифлисскіе полицейскіе,—это своею традиціонною вѣрою въ силу восточной палки временъ Кировъ и Камбизовъ, къ которой они обращаются всегда въ разговорѣ съ добрыми восточными человѣками). Палка тотчасъ же пускалась въ ходъ и колотила не буйвола, а непремѣнно восточнаго возницу, и колотила жестоко, съ полною вѣрою въ законность колотушки. И что удивительно—колотимый субъектъ не только не протестовалъ противъ палки, не только не увертывался отъ нея и не морщился, а принималъ ея удары совершенно покорно, какъ бы это колоченье было давно записано въ книгѣ Аллаха за счетъ этого самаго побитаго Мустафы или Ахметки.

Но вотъ и Тифлисъ мало-по-малу начинаетъ то прятаться въ зелени садовъ, то уходить за изломы горъ и скалъ, окаймляющихъ мутную, бурливую Куру. Еще далѣе къ западу и къ сѣверу, сѣрые шпицы кавказскаго хребта все болѣе и болѣе закутываются туманною дымкою дали, такъ что скоро ихъ становится трудно отличать отъ облаковъ, неподвижно стоящихъ надъ горизонтомъ.

Дорога идетъ берегомъ Куры. Мутныя воды ея бурлятъ и пѣнятся у береговъ, заставляя вертѣться какія-то громадныя колеса, словно наши поволжскіе чигири, которыми у насъ поливаютъ сады изъ колодцевъ.

— Это что такое?—спрашиваю я своего ямщика татарина, указывая на эти колеса.—Точно плавающія мельницы.

— Какой мельница?

— Да вонъ на водѣ колеса вертятся и воду вытаскиваютъ изъ Куры.

— А! Это Аллахъ яблахъ поливай и кишмишъ.

— Какъ Аллахъ поливаетъ кишмишъ?

— Самъ Кура вертитъ колесъ и поливай.

И дѣйствительно, самъ Аллахъ поливаетъ эти сады съ кишмишемъ: громадныя колеса съ черпаками, вродѣ черпаковъ

землечерпательныхъ машинъ, приводятся въ движеніе силою теченія Куры и, черпая воду, сливаютъ ее въ жолоба, проведенные изъ рѣки прямо въ сады.

То тамъ, то здѣсь по берегу Куры виднѣются одинокія фигуры восточныхъ человѣковъ, которые держатъ въ рукахъ длинныя хворостины съ висящими на концахъ ихъ какими-то огромными глобусами изъ обручей.

— А это что они дѣлаютъ?—спрашиваю.

— Съ большой палка?

— Да... Рыбу ловятъ?

— Рыба... У! Много рыба въ Куры.

Оказывается, что къ нижней части глобуса изъ обручей придѣлана сѣть, въ которую и уловляется довѣрчивая рыбка.

«Здѣсь любопытно выпить и закусить», опять вспоминается мудрое изреченіе тифлисской вывѣски при видѣ станціоннаго домика, къ которому подъѣзжала моя тройка. Это не значило, что я «любопытствовалъ» закусить на станціонномъ дворѣ, гдѣ вѣроятно ничего съѣдобнаго и нельзя было достать; но я вспомнилъ достопочтеннаго М. А. Данилова, автора знаменитаго проекта соединенія судоходнымъ каналомъ Чернаго и Каспійскаго морей, который, узнавъ о моемъ дерзкомъ намѣреніи посѣтить Араратъ, преподалъ мнѣ нѣкоторые практическіе совѣты относительно способа путешествій за Кавказомъ и настоятельно предупреждалъ, что для того, чтобы не рисковать захворать и, пожалуй, умереть за Кавказомъ, гдѣ заполучить смертельную болѣзнь такъ же легко, какъ у насъ насморкъ, никогда не слѣдуетъ утромъ выходить или выѣзжать, не выпивъ солидно и не закусивъ. Но такъ какъ я выѣхалъ изъ Тифлиса съ восходомъ солнца и въ такой ранній часъ никакая ѣда не могла пойти мнѣ въ глотку, то я и велѣлъ въ отелѣ, съ вечера, зажарить мнѣ цыплятъ, чтобы утромъ, въ дорогѣ, помянуть ими почтеннѣйшаго г. Данилова. Вотъ почему при видѣ станціоннаго домика мнѣ и вспомнилось мудрое изреченіе, что было бы «любопытно выпить и закусить».

На станціи я догналъ того офицера, который обогналъ меня у заставы. Ему закладывали лошадей. Я велѣлъ и себѣ закладывать и, вручивъ смотрителю подорожную для прописки, занялся своими цыплятами.

Возвращая наши подорожныя, смотритель, кажется, смѣшалъ ихъ и мою отдалъ офицеру, а офицерскую положилъ передо мной.

Вижу, офицеръ что-то подозрительно на меня поглядываетъ. А типъ вполнѣ кавказскій, грузинскій, образецъ человѣческой красоты: роскошные волосы, прелестная нѣжная бородка, благородныя, необыкновенно красивыя черты добраго лица при добрыхъ, ласковыхъ глазахъ.

Подходитъ ко мнѣ и подаетъ мнѣ мою подорожную.

— Извините, это ваша подорожная? Мнѣ подали ее ошибкой.

Смотрю, моя: «отъ города Тифлиса до города Эривани и обратно статскому совѣтнику Мордовцеву съ будущимъ давать по двѣ лошади съ проводникомъ за указные прогоны, безъ задержанія».

«Съ будущимъ»... Какъ странно звучитъ теперь для насъ, привыкшихъ ѣздить по желѣзнымъ дорогамъ, это допотопное выраженіе «съ будущимъ».

— Ваша, вѣроятно?

— Да, моя... А это, конечно, ваша?

Развертываю офицерскую подорожную. Смотрю фамилію: ну, не мудрено смѣшать его со мной, его фамилія начинается такъ же, какъ и моя—Мор: Мортуладзе.

— Извините... это вы?—спрашиваетъ красавецъ-грузинъ.

— Я самый.

— Извините... Я не то хотѣлъ спросить... Это ваша фамилія?

— Моя, не фиктивная,—улыбаюсь я.

Улыбается и мой красавецъ, что за зубы!

— Нѣтъ... я вѣрю... Я разумѣю не то... Эта фамилія...

— Моя собственная, не фальшивая подорожная, могу показать вамъ мой паспортъ: такія сѣдыя бороды, какъ моя, не принадлежатъ «нелегальнымъ людямъ».

Совсѣмъ разсмѣшилъ красавца, такъ и сверкаютъ жемчужные зубы.

— Нѣтъ, въ печати ваша фамилія... Вы..

— О да, догадываюсь.

— Все это ваше?

— Все мое, къ сожалѣнію.

— Что вы! И «Великій расколъ», и...

— Все, все! Даже больше чѣмъ все.

— Какъ я радъ, мнѣ такъ пріятно узнать, что...

— И такъ далѣе, фразы editionis, что называется, stereotypicae, точно изданія ad usum delphini.

Оказалось, что красавецъ много читалъ, много знаетъ и вообще стоитъ не внѣ курса общеевропейскаго образованія. Знакомство у него далеко не шапочное, и не съ одной, повидимому, русской литературой. И это гдѣ же! За Кавказомъ, въ горахъ, гдѣ кочуютъ съ своими шатрами и стадами монголы, кажется, прямые потомки тѣхъ, которые колотили нашихъ предковъ, руссичей, при Калкѣ, а потомъ съ Батыемъ топтали конскими копытами кіевскіе стогны, гдѣ наши предки творили мольбы Перуну и Даждьбогу.

— Перпелетъ, баринъ, надо? — догадывается новый ямщикъ-татаринъ.

— Какъ же не надо! Непремѣнно, да получше.

— Перпелетъ хорошъ будетъ.

«Перпелетъ»—это переплетъ изъ веревокъ для сидѣнья въ почтовой телѣжкѣ: татаринъ иначе не произноситъ его какъ «перпелетъ».

Скоро лошади были запряжены и для бѣлозубаго грузина, и для меня. Такъ какъ бѣлымъ зубамъ приходилось ѣхать въ первой тройкѣ, впереди меня, и такъ какъ тифлисско-эриванское шоссе, шибко пересохшее подъ знойнымъ солнцемъ Азіи и цѣлые мѣсяцы не политое дождемъ, страшно пылило, то деликатные жемчужные зубы, будучи въ отчаяньи, что поднимаемая ими, т. е. ихъ тройкою и телѣжкою, пыль, пожалуй, совсѣмъ задушитъ меня, которому приходилось ѣхать въ хвостѣ бѣлыхъ зубовъ, усердно просили меня пересѣсть въ ихъ телѣжку и ѣхать вмѣстѣ съ ними, а въ мою телѣжку посадить ихъ денщика. Но я никакъ не могъ согласиться на это любезное предложеніе моего новаго знакомаго, а между тѣмъ мнѣ не хотѣлось и отставать отъ него: впереди меня ждалъ невѣдомый и опасный путь, и потому ѣхать одному едва-ли было-бы заманчиво для кого-бы то ни было, а я, признаюсь, не могу похвастаться ни храбростью прапорщика Щеголева, ни мужествомъ лейтенанта Дубасова.

Вслѣдствіе этого рѣшено было ѣхать вмѣстѣ, другъ за дружкой, но такъ, чтобы первая тройка всегда была на зна-

чительное разстояніе и не могла бы душить пылью злополучнаго араратскаго странника.

Мы покатили вновь. Оставляя по лѣвую руку берегъ Куры, мы повернули вправо, нѣсколько въ-гору.

Передъ нами открывалась страшная Караячская степь или долина, которую вѣрнѣе было бы называть «долиною смерти». - Такъ по крайней мѣрѣ назвалъ мнѣ ее г. Мортуладзе, указывая на обожженную солнцемъ всхолмленную равнину, заключенную въ гигантскую раму двухъ горныхъ хребтовъ—кавказскаго и закавказскаго, между которыми чуть замѣтною полоскою извивается, словно змѣя, мутноводная Кура съ ея побережною дымчатою зеленью.

— Почему же она «долина смерти»?—недоумѣвалъ я.

— Вотъ увидите сами: ее населяютъ теперь одни тарантулы, фалангі да скорпіоны, а все остальное бѣжитъ укрыться въ горахъ.

— А птицы? Я вижу ихъ множество.

— Но замѣтьте какія: это птицы, которыя питаются только саранчою да гадами.

Равнина, разстилавшаяся передо мною на много верстъ, въ самомъ дѣлѣ смотрѣла чѣмъ-то зловѣщимъ.

III. «Долиною смерти».

Сколько мнѣ извѣстно, описательная литература нашего Закавказья необыкновенно бѣдна. Кавказъ, собственно вся область многочисленныхъ горныхъ племенъ, все, что лежитъ и живетъ между Кубанью и Тифлисомъ, роскошный, поэтическій путь черезъ кавказскія горы, эта такъ называемая военно-грузинская дорога, всѣ эти горы и горки, Машука, Бештау, Эльборусъ, Казбекъ, всѣ эти рѣки, рѣчки и рѣченки, Терекъ, Арагва, Кура, Кума, Подкумокъ, все это описывалось и воспѣвалось сотни и, быть можетъ, тысячи разъ; ученые трактовали объ этомъ Кавказѣ во множествѣ томовъ; поэты, начиная отъ Пушкина и Лермонтова и кончая Шевченкомъ, вдохновлялись Кавказомъ и его чарующими и грозными красотами и воспѣли эти красоты дивными, безсмертными, какъ Эльборусъ и Казбекъ, стихами. Красотами Кавказа любовался бы и «Демонъ»,

еслибъ онъ могъ любоваться чѣмъ нибудь, кромѣ Тамары, когда—

...надъ вершинами Кавказа
Изгнанникъ рая пролеталъ.

а внизу подъ нимъ этотъ страшный Казбекъ, такой же дикій и непривѣтливый, какъ ужасный Араратъ,—

Красою вѣчною сіялъ...

Кто изъ насъ съ самаго ранняго дѣтства не декламировалъ въ увлеченіи, какъ—

Какъ-то разъ передъ толпою
Соплеменныхъ горъ
У Казбека съ Шатъ-горою
Былъ великій споръ...

Кто изъ украинцевъ не задумывался надъ судьбою и красотами этого же «сегобочнаго» Кавказа, читая кованный стихъ своего любимаго поэта о прикованномъ къ кавказскимъ скаламъ Прометеѣ:

За горами горы кригою повиты...

А въ сотняхъ описаній войнъ на Кавказѣ развѣ мало картинъ и описаній этого самаго волшебнаго края?

Вообще этотъ Кавказъ гораздо извѣстнѣе всѣмъ намъ, чѣмъ Петербургская или Московская губерніи съ ихъ безцвѣтностью.

Но того Кавказа, который начинается за хребтомъ, собственно за Тифлисомъ, мы почти совсѣмъ не знаемъ. А между тѣмъ это цѣлый оригинальный міръ, никѣмъ не изслѣдованный и не описанный. Притомъ, онъ не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, что мы привыкли разумѣть подъ понятіемъ Кавказа. Это не Кавказъ, совсѣмъ нѣтъ. Меня поразила эта своеобразность жизни, которую я тамъ встрѣтилъ и о которой я даже не догадывался.

Вотъ почему мнѣ бы хотѣлось дать читателю хотя слабое понятіе о томъ, что я видѣлъ, слѣдуя отъ Тифлиса къ Арарату, хотя я боюсь, что эта задача будетъ мнѣ не подъ силу.

Какъ бы то ни было, но если читатель не поскучаетъ

моимъ разсказомъ, то я попрошу его слѣдовать за мною—сначала Караячскою степью, этою «долиною смерти», потомъ длиннымъ ущельемъ Делижана, вдоль берега прелестной рѣчки того же имени, которая звенитъ такъ гармонично по своему каменному ложу и могла бы до нѣкоторой степени напоминать собою Терекъ или Арагву, еслибъ не была красивѣе ихъ, живописнѣе; потомъ — горною возвышенностью, поднятою болѣе чѣмъ на семь тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря и поднявшею съ собою на эту высоту цѣлое море Гокчу, на высоту, гдѣ цѣлое лѣто, продолжающееся едва ли два мѣсяца, стоятъ постоянные холода, и гдѣ русскіе невольные переселенцы молокане охотно забываютъ свою родину—мачиху, непривѣтливую Россію, которая безжалостно выбросила ихъ изъ себя за то только, что они думаютъ по своему; наконецъ—роскошнѣйшею долиною Аракса, у подножія Арарата, гдѣ, по преданію, послѣ всемірнаго потопа человѣкъ нашелъ себѣ убѣжище, и откуда потомъ началъ разселяться во всѣ концы земного шара размножившійся послѣ потопа родъ человѣческій.

Итакъ, передъ нашими глазами Караячская степь.

Эта всхолмленная равнина, казалось бы, должна бы быть житницею всего Закавказья и кормить другія, нуждающіяся въ хлѣбѣ мѣстности. Большая часть ея это пласты жирнаго чернозема, который напрасно ждетъ сохи или плуга: степь, вѣроятно, не была ни разу вспахана съ той самой поры, какъ вполнѣ сформировалась наша планета и поверхность ея сдѣлалась способною родить хлѣбъ и растить цвѣты и розги. Степь эта вполнѣ безводна. А какъ дожди въ той мѣстности составляютъ слишкомъ рѣдкое явленіе въ такіе мѣсяцы, когда земля особенно въ нихъ нуждается, то степь Караяча, несмотря на возможность быть плодородною, остается такою же безплодною, какъ Сахара. Сколько ни окинетъ глазъ открытаго пространства, вездѣ виднѣется только пожженная солнцемъ довольно густая трава, до которой тоже никогда не дотрагивались ни коса, ни серпъ. Только и видны кое-гдѣ ярко зеленые холмики, которые, при всей мертвенности степи, невольно бросаются въ глаза и кажутся такими странными и какъ бы неумѣстными, словно бы это былъ румянецъ на лицѣ мертвеца.

— Ямщикъ! А ямщикъ!

— Что, баринъ? А-варда?

— Ты дремлешь, кажется?

— А нѣтъ, баринъ; только жарко, у! Какой тепло!

— А это что за зеленые холмики?

— Зелопа холмики? Какой зелона?

— Да вотъ это, вотъ зеленые кустики... Что оно такое?

— Не знай, баринъ, какой такой зелона.

Что же это за растеніе? Что это за жизнь, такая полная, на восково-желтомъ лицѣ мертвеца?

А спросить некого: г. Мортуладзе, изъ опасенія, чтобъ не пылить мнѣ въ глаза, ускакалъ впередъ довольно далеко.

Но вотъ пропадаютъ и эти зеленыя точки на мертвой степи. Бѣлѣются только по сторонамъ дороги, словно серебряныя кружева, паутинныя сѣтки, которыми заткана земля, и сухая травка вокругъ норокъ тарантуловъ. Изрѣдка раздается надъ степью пронзительный, словно бы жалующійся на эту мертвенность, знакомый крикъ хищнаго копчика.

Солнце печетъ все невыносимѣе. Жажда одолѣваетъ страшная. Бутылка съ «курною» *) водою до того нагрѣлась, словно бы въ ней была вода изъ горячаго самовара. Красное вино, взятое мною въ дорогу, все превратилось въ кровавую пѣну отъ почтовой тряски; но я глотаю эту пѣну, потому что во рту и въ горлѣ становится такъ сухо, какъ въ этой мертвой степи.

— А! Зелона!—обрадовался вдругъ ямщикъ, опять увидавъ незнакомую мнѣ зелень недалеко отъ дороги.

— А! Постой, останови на минутку лошадей.

Ямщикъ останавливаетъ лошадей. Я вылѣзаю изъ телѣжки и подхожу къ одному изъ сочно-зеленыхъ, заинтересовавшихъ меня холмиковъ. Дѣйствительно, странное растеніе, особенно въ такой, не гармонирующей съ нимъ обстановкѣ: кругомъ мертво, сухо, знойно, а растеніе это, длинныя, пышно-зеленыя плети котораго стелются по землѣ, словно плети арбузовъ или огурцовъ, необыкновенно сочно, необыкновенно зелено и роскошно; продолговатые листья его толсты и жирны, точно листья молодого лимона или апельсина; стебли его, плети, тоже очень жирны. Невольно удивляешься, откуда оно, при страшной окружающей

*) Курною водою называется тамъ вода изъ Куры.

его сухости, при постоянно пересохшей почвѣ, при жаркомъ, бѣшено-жгучемъ, все изсушающемъ солнцѣ, откуда оно беретъ свои соки?—А откуда беретъ соки кактусъ, гигантъ-кактусъ на безплодныхъ скалахъ Греціи, подъ знойнымъ солнцемъ Египта, на опаленныхъ зноемъ камняхъ Палестины? Откуда, тамъ же, беретъ свои соки колоссальная пальма, гигантское алое?

Я съ трудомъ сорвалъ довольно длинную вѣтку невѣдомаго мнѣ растенія, такъ оно колется своими острыми иглами. Я сорвалъ такую вѣтку, на которой были еще бутоны, такіе твердые, сочные, были и цвѣты (вродѣ розовато-бѣлыхъ нитей съ пушкомъ и коронкой) и, наконецъ, плоды, нѣчто вродѣ небольшихъ огурцовъ или зеленыхъ, молоденькихъ дынекъ.

— Что это вы срываете?—кричитъ мнѣ г. Мортуладзе, приказавъ остановить свою тройку.

— Не знаю, что это такое: хотѣлъ васъ спросить, ямщикъ не знаетъ.

— А! Покажите.

— Да вотъ тутъ и цвѣты, и плоды вродѣ огурцовъ.

— О! Это митральезы,—улыбается красавецъ-грузинъ.

— Какія митральезы?

— Когда созрѣютъ эти огурчики, такъ только дотроньтесь до нихъ, такъ и выстрѣлитъ сѣмячками, просто испугаетъ... Чтожъ вы хотите сдѣлать съ этой вѣткой?

— Хочу сохранить какъ-нибудь и свезти въ Питеръ: тамъ знатоки объяснятъ, можетъ быть, что это за штука... Вѣроятно, Бекетовъ знаетъ.

— И въ Тифлисѣ у насъ найдутся знатоки, Радде напримѣръ.

— О, да, это правда.

А вотъ близко и станція. Я съ торжествомъ везу невѣдомую вѣтку, поднимая ее повыше, чтобъ она своими колючками не вцѣпилась въ платье. На станціи ямщики-татары смотрятъ на меня съ недоумѣніемъ, какъ будто бы я везъ какой-нибудь негодный бурьянъ, принимая его за что либо заслуживающее вниманія.

Навстрѣчу намъ изъ станціоннаго дома показывается смотритель. И онъ съ любопытствомъ присматривается къ вѣткѣ, которую я держу въ рукахъ, боясь, чтобъ она не уколола.

— Не знаю, какъ ее сберечь,—недоумѣваю я.

— А зачѣмъ она вамъ?—любопытствуетъ смотритель.

— Да вотъ никто не знаетъ, что это такое.

— А! Да это акаперсы.

— Что такое?

— А—ка—персы, которые кушаютъ съ соусомъ.

— А! Въ самомъ дѣлѣ, капорцы: descâpres, — поясняетъ г. Мортуладзе.

— Какъ! Каперсы? Это то, что въ баночкахъ, пикуля?

— Да, это они самые.

Я разсматриваю вѣтку и дѣйствительно нахожу, что бутоны нераспустившагося еще цвѣтка этого растенія, это и есть наши капорцы, каперсы, безъ которыхъ немыслимы многіе соусы.

— Какъ! И эта драгоцѣнность пропадаетъ даромъ въ мертвой степи!—изумляюсь я.

— Да, почти пропадаетъ.

— Но вѣдь это пропадаетъ даромъ богатство народа!

— Чтожъ дѣлать! Кому его собирать? Видите, кругомъ мертвая степь.

— Въ иныхъ мѣстахъ это собираютъ,—поясняетъ смотритель,—по цѣлымъ кувшинамъ на зиму приготовляютъ.

За этой второй станціей степь принимаетъ еще болѣе суровый характеръ, хотя она, повидимому, нѣсколько теряетъ тотъ характеръ внѣшности, который неразлученъ съ понятіемъ о степи въ нашемъ европейскомъ, т. е. россійскомъ смыслѣ слова. Эта степь могла бы быть и живописною, далеко не однообразною, какъ, напр., наши степи, донскія, новороссійскія, саратовскія, самарскія или заволжскія: тутъ есть и горы съ правой стороны, нерѣдко съ очень эффектными крутизнами и изломами; есть и песчаные холмы, виднѣется и темная зелень влѣво, ближе къ долинѣ Куры. Но есть въ ней нѣчто особенное, что дѣлаетъ ее непривѣтливою, даже пугающею воображеніе.

Не видя нигдѣ признаковъ человѣческаго жилья, вы видите вдругъ въ сторонѣ отъ дороги, что же? одни кладбища! Но это не наши, не христіанскія кладбища, не русскія, не европейскія. Нѣтъ, это кладбища Востока, но не тѣ поэтическія восточныя кладбища, гдѣ надгробные камни живописно бѣлѣются въ тѣни прелестныхъ кипарисовъ или въ темной зелени миртъ, какъ вы это созерцаете на поэтическихъ кладбищахъ

Константинополя или въ Крыму. Это и не египетскія кладбища феллаховъ, съ ихъ своеобразною обстановкою, въ сосѣдствѣ феллахскихъ деревень. Напротивъ, эти кладбища говорятъ только о смерти, о загробномъ безмолвіи. Около нихъ нѣтъ ни кустика зелени, ни признака жизни. Вы видите только поставленныя стоймя, большею частью коричневыя плиты, которыя издали напоминаютъ стоящихъ неподвижно людей. Вы вглядываетесь и узнаете, что это надгробные камни, масса этихъ камней, наводящихъ тоску однимъ видомъ своимъ, особенно, когда вы не видите кругомъ ни жилья, ни души человѣческой,—ничего, кромѣ безмолвной равнины и предгорій Закавказья.

— Что это такое? Неужели кладбища?—изумляетесь вы невольно.

— Да, это кладбища.

— Чьи же они?

— Это кладбища здѣшнихъ татаръ.

— А гдѣ же ихъ жилье? Поселенія ихъ гдѣ? Тутъ ничего нѣтъ, кромѣ надгробныхъ камней.

— А жилища ихъ вонъ тамъ же: видите, земляныя возвышеньица, холмики?

— Гдѣ? Я ничего не вижу.

— А вонъ, смотрите, землянки: вотъ и отверстія въ нихъ, это двери.

Я вглядываюсь и дѣйствительно различаю нѣчто вродѣ земляныхъ насыпныхъ холмиковъ, нѣчто вродѣ нашихъ лѣтнихъ земляныхъ погребовъ въ деревняхъ. Ихъ съ трудомъ отличишь отъ окружающей ихъ земли, отъ песку:—хоть бы щепочка гдѣ-нибудь, хоть бы кучка навозу, соръ отъ соломы—ровно ничего! И это жилье!

— Гдѣ же люди? Что не залаетъ собака, не зареветъ корова, не прокричитъ пѣтухъ?

— Да людей здѣсь нѣтъ ни души: все ушло въ горы, въ кочовку.

Дѣйствительно, хоть бы признакъ жизни!

Я видѣлъ разныя жилья человѣческія, всевозможныя поселенія, но ничего подобнаго не видѣлъ нигдѣ. Я видѣлъ живописныя хижины крымскихъ татаръ, утопающія въ зелени виноградныхъ лозъ, въ тѣни роскошныхъ тополей, орѣховыхъ

деревъ и всякой огородной зелени. Я видѣлъ мрачные черкесскіе аулы и каменныя сакли ихъ, точно отростки горъ, скалъ и камней, на которыхъ они лѣпятся, какъ гнѣзда стрижей, въ кручахъ и оврагахъ. Я видѣлъ жилье турокъ, грековъ, египетскихъ феллаховъ, палестинскихъ осѣдлыхъ арабовъ. Вездѣ вы видите, что это—человѣческое жилье. А здѣсь это что-то похожее на норы тарантуловъ, да и то норы давно покинутыя.

Норы эти въ самомъ дѣлѣ покинуты людьми. Они покидаютъ ихъ каждое лѣто, потому что лѣтомъ въ долинахъ по всему Закавказью царитъ смерть. Тамъ на лѣто все перебирается въ горы, идетъ въ кочевку, потому что въ долинахъ, въ селеніяхъ и въ городахъ жить нельзя: съ одной стороны убиваетъ зной, доходящій до 50 градусовъ, безпощадно и смертельно кусаютъ тарантулы, фаланги, скорпіоны; съ другой,—люди мрутъ отъ воды, которая въ долинахъ Закавказья положительно смертоносна. Меня прямо предупреждали всѣ насчетъ этой воды.

— Не пейте тамошней воды: это ядъ; можно пить одну только курную,—повторяли мнѣ неоднократно въ Тифлисѣ и на пути къ Делижану.

— Почему же она ядъ, эта вода?—спрашиваете вы.

— Таково ея свойство. Она производитъ лихорадку, азіятскую, самую убійственную.

Какъ бы то ни было, но лѣтомъ все Закавказье находится на кочевкѣ. Меня поразило это обстоятельство, когда у меня оказалась надобность къ эриванскому губернатору.

— Въ Эривани вы его не найдете,—предупреждали меня еще въ Тифлисѣ.

— А гдѣ же онъ?

— На кочевкѣ, въ Дарачичагѣ.

— Какъ на кочевкѣ?

— Серьезно: лѣтомъ все здѣсь отправляется на кочевку, потому что въ городахъ жить нельзя, да и въ деревняхъ тоже, татары тоже кочуютъ.

И дѣйствительно, когда впослѣдствіи я посѣтилъ эриванскаго губернатора, генерала М. Я. Шаликова, на кочевкѣ, въ горахъ Дарачичага, въ 45-ти верстахъ отъ Эривани, то нашелъ, что тамъ же на кочевкѣ находилось и губернское правленіе, и окружный судъ, и акцизное управленіе.

— Даже змѣи кочуютъ здѣсь лѣтомъ,—серьезно говорилъ эриванскій губернаторъ, когда я обѣдалъ у него въ Дарачичагѣ.

Но объ этомъ въ своемъ мѣстѣ.

IV. До Узумъ-Талы.

По мѣрѣ движенія впередъ дорога все болѣе и болѣе удалялась отъ долины рѣки Куры, направляясь нѣсколько вправо.

Съ правой стороны все болѣе и болѣе надвигались горы, но мѣстность, по которой я ѣхалъ, все еще имѣла видъ степи или равнины, хотя замѣтно было, что отроги горъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже начали пересѣкать самый путь къ ущелью Делижана.

Скоро изъ-за этихъ отроговъ показалась зелень лѣса: лѣсъ этотъ тянулся вдоль рѣчки, выходившей изъ горъ и мчавшей свои шумныя, гремучія струи по направленію къ Курѣ.

Это была рѣчка Храмъ. Что за прелестная рѣчка! Она быстра и бурлива, какъ и другія горныя рѣки Кавказа и Закавказья; но она менѣе шумна, чѣмъ Терекъ и Арагва, хотя воды ея, едва ли не обильнѣйшія, чѣмъ воды послѣдней, скачутъ съ камня на камень и несутся необыкновенно быстро.

Прежде чѣмъ переѣхать эту рѣку по мосту, мы должны были остановиться у шоссейной заставы, расположенной недалеко отъ моста. Въ ожиданіи выдачи намъ пропускныхъ квитанцій, г. Мортуладзе пошелъ въ находящійся тутъ же духанъ, чтобъ поискать чего-либо съѣдобнаго, и принесъ оттуда вареной рыбы. Рыба эта оказалась совсѣмъ не похожею на тѣ рыбы, къ которымъ мы привыкли въ Россіи:—это была рыба закавказскихъ рѣкъ, которую не умѣлъ назвать по имени г. Мортуладзе.

Скоро явился заставный сторожъ и, объявивъ, что смотритель на нѣсколько минутъ отлучился на почтовую станцію, которая находилась сейчасъ за мостомъ, приглашалъ насъ спрятаться на это время отъ солнца въ скромномъ домикѣ, скорѣе въ каменной лачугѣ смотрителя.

Поворчавъ на эту отлучку шоссейнаго начальства, мы все-таки пошли въ помѣщеніе смотрителя, но не для того, чтобы ждать его возвращенія, а просто затѣмъ, чтобы самимъ записать въ книгу свои пропускныя квитанціи.

Вошли въ лачугу. Тѣсна, какъ дорога въ рай. На пыльномъ столѣ, рядомъ съ казенными книгами для записки шоссейныхъ сборовъ, лежатъ какія-то знакомыя книжки, точно знакомыя лица мелькнули въ толпѣ чужихъ людей.

— Видите?—показываетъ мнѣ мой спутникъ на страницу раскрытой книги.

— Какъ не видѣть, вижу: старые знакомые.

Это были «Отечественныя Записки» 1881 года, за іюль, и «Отверженные» Виктора Гюго, въ русскомъ переводѣ.

— А на чемъ раскрыты «Отечественныя»?

— На статьѣ «Братья».

Смотрю, книжка довольно истрепанная. Сбоку торчитъ закладка. Раскрываю, заложено «Письма къ тетенькѣ».

— Подумаешь, куда занесло бѣдную книжку!

— Да, куда воронъ костей не заноситъ.

— И куда Макаръ телятъ не гоняетъ?

— Нѣтъ, гоняетъ: еще дальше загналъ вашихъ русскихъ бычковъ.

— Какихъ бычковъ?

— Да вотъ завтра вы увидите ихъ около Гокчи.

— Кто же это? Ссыльные какіе-нибудь?

— А ваши молокане.

— Ахъ, да, это правда... Они меня очень интересуютъ.

Въ дверяхъ показывается незнакомая фигура, облеченная во что-то казенное. Типъ тоже грузинскій. Мой спутникъ въ изумленіи разводитъ широко свои руки, занятыя—одна недавно купленною въ духанѣ невѣдомою рыбою, другая—хлѣбомъ.

— Какъ, это ты здѣсь!—восклицаетъ онъ, отступая назадъ.

— Былъ когда-то я, а теперь не я,—отвѣчаетъ вошедшій грузинъ.

— Такъ ты шоссейный надзиратель, что ли?

— Да, точно.

— «Отечественныя Записки» и шоссейная застава

— Что жъ! Одно другому не мѣшаетъ.

— Правда... позволь тебя представить Даніилу... извините...

— Ничего... Даніилу, только не во рвѣ львиномъ,—поправляю я своего спутника.

— Виноватъ, такой то и проч.

— Очень, очень пріятно... Васъ удивляетъ присутствіе въ этомъ львиномъ рвѣ Щедрина и Гюго?

— Нисколько...

— Вы здѣсь найдете и Спенсера и Дарвина.

— Вполнѣ вѣрю... Недаромъ, кажется, у Гоголя кто-то иронически говоритъ, что придетъ время, когда русскій мужикъ, идя за сохой, будетъ читать «Георгики» Виргилія, хотя я скорѣе думаю, что онъ охотнѣе прочтетъ что-либо получше.

Новый знакомый оказался очень милымъ господиномъ. Увидѣвъ г. Мортугадзе съ рыбой въ рукѣ, онъ пришелъ въ ужасъ.

— Ты рыбу здѣсь ѣшь, несчастный! Ты заболѣешь... Здѣсь проклятыя мѣста.

— Ничего, я не боюсь.

— Что жъ ты будешь пить? Вѣдь отъ здѣшней воды смерть!

— Какъ! Отъ такой чистой, прозрачной горной воды?—изумляюсь я.

— Да, отъ этой самой: тутъ и воздухъ убійственный, и вода смертоносная, все, все здѣсь ужасное.

— И гдѣ же кончаются эти ужасы? Далеко?

— Вплоть до Эривани, до Арарата, а тамъ ужъ Персія.

Новый знакомый угостилъ насъ хорошимъ виномъ и сухой закуской, и мы дружески разстались. Я уносилъ съ собой изъ этого пустыннаго уголка, окруженнаго ужасами смерти, очень теплое воспоминаніе.

— Какъ бы я охотно поѣхалъ съ вами на Араратъ, еслибъ можно было!—говорилъ мнѣ Мортуладзе, когда мы переѣхали прелестную съ «мертвой водой» (точно въ сказкѣ) рѣчку Храмъ и сидѣли на станціи подъ навѣсомъ, ожидая запряжки намъ лошадей.

— Отчего же нельзя?

— Мой отпускъ кончается, я поспѣшаю въ полкъ, въ лагери.

— А жаль... Я бы былъ смѣлѣе съ вами.

— А васъ развѣ пугаетъ восхожденіе на гору?

— Конечно: взойти на Араратъ это не чрезъ Храмъ переѣхать.

— Не говорите... Я всего разъ въ жизни испугался, только разъ, и это при переѣздѣ черезъ эту рѣчку.

— Черезъ Храмъ именно?

— Да черезъ Храмъ.

— Какъ же это было?

— Былъ я какъ-то въ горахъ, и меня застала ночь. Возвращаясь домой, я долженъ былъ переѣзжать черезъ Храмъ. Подъѣзжаю. Ночь мѣсячная, но облачная, и луна то глянетъ изъ-за тучъ, то спрячется. Лошадь подо мной была хорошая, привычная — не боялась ни горъ, ни горныхъ рѣчекъ. Вижу — нейдетъ въ воду. Я даю ей шпоры, храпитъ испуганно, пятится, вся дрожитъ. Что за чертовщина! думаю. А лѣнь сойти съ сѣдла посмотрѣть, что тамъ. Опять шпоры въ бока и нагайку въ ходъ. Еще пуще храпитъ и пятится. Я встаю и подхожу къ берегу. Какъ разъ глянула луна изъ-за облака... Я съ испугомъ отшатнулся назадъ: изъ воды глядѣло на меня косматое лицо... Я видѣлъ голое плечо и руку. Это былъ какой-то дьяволъ, а не человѣкъ, съ страшнымъ человѣческимъ лицомъ. Чудовище быстро двинулось ко мнѣ по водѣ, спѣшило, казалось, къ берегу... У меня волосы подъ фуражкой становились буквально живыми, шевелились, поднялись дыбомъ и подымали фуражку. Я бы, кажется, окаменѣлъ на мѣстѣ, если бы ужасъ не толкнулъ меня назадъ, и я безсознательно попятился къ лошади. Вы понимаете меня—это былъ настоящій испугъ, какого я не испытывалъ въ жизни, испугъ тупой, идіотическій, безъ всякаго сознанія. Въ такой моментъ человѣкъ становится безумнымъ, точно это обморокъ. Согласитесь, что такого испуга не можетъ быть на Араратѣ

— Почему вы знаете, можетъ быть еще худшій!

— Не думаю. Тамъ можно упасть въ пропасть, сорваться со скалы, соскользнуть съ ледника и погибнуть.

— А застигнетъ гроза на пятнадцати тысячахъ футовъ?

— Все это не то.

— А увидите, что на васъ съ грохотомъ стремится снѣжный и каменный обвалъ, какіе часто издали даже бываютъ видны?

— И это не то, повѣрьте: вы видите эту опасность, вы знаете, что это такое; а я видѣлъ чорта, въ котораго не вѣрю: я не зналъ, что это такое, а безсознательный страхъ, страшнѣе всего, страшнѣе ужасовъ Арарата, — настаивалъ красавецъ грузинъ.

— Ну положимъ, что же было дальше?

— Дальше все объяснилось очень просто... Опомнившись нѣсколько, я сообразилъ, что если это живое существо, ося-

заемое, а не духъ, то я съ нимъ еще помѣряюсь — кто кого! Я вынулъ револьверъ и влѣпилъ пулю въ чудовище, оно не вскрикнуло, не зарычало. Я другую, молчитъ. Третью, тоже. Тогда я подхожу къ берегу, нагибаюсь ближе, чудовище только колышется на водѣ, но рукъ не поднимаетъ. Я еще ближе, чудовище молчитъ, не бросается на меня. Я вхожу окончательно въ разумъ, нагибаюсь къ водѣ... И вообразите, это былъ просто мертвецъ, вѣроятно, кѣмъ-нибудь втолкнутый въ воду и за что-то зацѣпившійся. Мнѣ было уже не страшно, какъ прежде, но все же очень жутко. Я отвелъ лошадь въ сторону и перебрался черезъ Храмъ въ другомъ мѣстѣ.

— Кто же это былъ?

— Убитый кѣмъ-то прохожій... Когда на другой день я явился вмѣстѣ съ понятыми поднимать трупъ, очень распухшій, то понятые удивились, увидѣвъ на лицѣ мертвеца слѣды пуль... Я признался, что это мое дѣло... Надѣюсь, что на Араратѣ вы этого не встрѣтите.

Уже къ вечеру характеръ мѣстности сталъ рѣзко измѣняться. Мы повернули круто вправо, въ горы, къ живописному ущелью Делижана.

Послѣ мертвой степи, что за дивная растительность, поражающая глазъ на каждомъ шагу! Такихъ великановъ растительнаго царства, переплетенныхъ, словно зелеными сѣтями, непроницаемыми ліанами, я не видалъ нигдѣ, ни въ Европѣ, ни въ Африкѣ. Мы всѣ читали о ліанахъ въ дѣвственныхъ лѣсахъ южной Америки, въ лѣсахъ, оглашаемыхъ крикомъ попугаевъ, визгомъ обезьянъ, по ліанамъ перебирающихся съ дерева на дерево. Но ліаны у насъ! О такихъ, конечно, никто не читалъ. А онѣ у насъ есть, хотя, конечно, не тѣ, что въ Америкѣ

Однимъ словомъ, я былъ очарованъ, пораженъ этою буйною растительностью при въѣздѣ въ прелестное ущелье Делижана, собственно въ преддверіе того роскошнаго междугорья, которое ведетъ къ ущелью Делижана. Особенно поражали меня гигантскія орѣховыя деревья и другія, названія которыхъ мнѣ не могли объяснить. Тутъ же, при въѣздѣ въ междугорье, между нашими кукурузы, проса и пшеницы, вы встрѣчаете на каждомъ шагу бакчи или по-тамошнему «бостаны» съ арбузами и дынями. Здѣсь же, на этихъ «бостанахъ», вы замѣчаете, что въ той мѣстности, вездѣ, вплоть до самаго Арарата, люди, прово-

дящіе ночь на воздухѣ, спятъ на особо устроенныхъ возвышеніяхъ, вродѣ малорусскихъ «лопасовъ» или повѣтей: въ землю втыкаютъ четыре шеста, вышиною въ сажень и болѣе; на эти шесты кладутъ перекладины, которыя застилаютъ хворостомъ или камышемъ съ травою, и на этихъ воздушныхъ вышкахъ устраиваютъ свой ночлегъ. Это дѣлается для того, чтобы туда не забирались ни дикіе звѣри, ни фаланги съ скорпіонами.

— А посмотрите направо! — кричитъ мнѣ г. Мортуладзе, останавливаясь передъ однимъ изъ бостановъ, чтобы купить себѣ арбузъ или дыню.—Видали вы гдѣ-нибудь подобную гору?

— Какую именно?

— Да вонъ тотъ необыкновенный конусъ

— Вижу, она давно поражала меня своей удивительной формой.

И въ самомъ дѣлѣ, это необыкновенная гора. Она нѣсколько выступаетъ изъ общей цѣпи горъ, составляющей сложный хребетъ закавказскаго горнаго кряжа, и рисуется чрезвычайно отчетливо на синевѣ безоблачнаго южнаго неба. Сначала, издали, я не могъ понять, гора ли это, или необыкновенной величины стогъ сѣна: такъ поразительно правильна коническая форма этого чуда природы; но по мѣрѣ приближенія къ ней вы съ изумленіемъ убѣждаетесь, что это гора, что подземнымъ силамъ удалось выдвинуть когда-то этотъ гигантскій конусъ изъ нѣдръ земли затѣмъ, чтобы суевѣрные люди думали, что это какіе-то титаны выточили изъ гранита, мрамора и порфира такой поразительный мавзолей, передъ которымъ мавзолеи всего міра, даже безсмертные мавзолеи египетскихъ фараоновъ, вѣчныя пирамиды, кажутся ничтожными.

Вечеръ между тѣмъ спускался на землю, и надо было думать о ночлегѣ. Я помнилъ предостереженія моихъ тифлисскихъ знакомыхъ передъ наступленіемъ ночи прекращать путешествіе до ранняго утра, и потому мы рѣшились ночевать на ближайшей станціи, Узумъ-Талы.

Продолжать путь ночью дѣйствительно было рискованно. Это можно заключить и изъ того, что закавказско-персидскіе обозы, которые мы весь день обгоняли въ пути, тоже начали располагаться на ночлегъ на дворахъ придорожныхъ духановъ.

Объ этихъ закавказско-персидскихъ обозахъ я считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ.

Между Россіей и Закавказьемъ, а черезъ Закавказье и съ Персіей идетъ довольно обширная транзитная торговля. Движеніе обозовъ съ русскими товарами особенно замѣтно бываетъ по окончаніи главныхъ сдѣлокъ на нижегородской ярмаркѣ. Часть товаровъ, предназначаемыхъ для Кавказа, Закавказья и Персіи, идетъ изъ Нижняго по Волгѣ, а потомъ слѣдуетъ Каспійскимъ моремъ; другая часть идетъ по желѣзнымъ дорогамъ до Владикавказа, и оттуда сначала по военно-грузинской дорогѣ до Тифлиса, а изъ Тифлиса до Эривани, Нахичевани, Ордубада, Тавриза и т. д. Эти послѣдніе товары перевозятся особыми обозами въ спеціально приспособленныхъ для горныхъ дорогъ повозкахъ. Повозки эти четвероконныя и всѣ совершенно одинаковаго устройства: онѣ необыкновенно массивны и длинны; одинаково массивны и прочны колеса, окованныя такими богатырскими шинами, какихъ никогда ни одинъ богатырь не сгибалъ, хотя бы онъ въ состояніи былъ разорвать «барсову шкуру» (я разумѣю просто барсову шкуру, а не знаменитую поэму Кавказа «Барсова шкура», гордость всякаго просвѣщеннаго грузина), какъ нашъ Янъ-усмошвенъ разорвалъ когда-то шкуру быка и «переялъ славу» печенѣговъ, ибо этимъ колесамъ приходится катиться по гранитнымъ дорогамъ Кавказа и Закавказья. Для спасенія отъ палящихъ лучей злойнаго солнца, повозки эти снабжены полотнянымъ навѣсомъ, который покоится на восьми огромныхъ деревянныхъ обручахъ, непремѣнно раскрашенныхъ красною краскою съ бѣлыми и желтыми цвѣтами. Мнѣ почему-то всегда казалось при видѣ этихъ повозокъ, что форма ихъ, окраска и самые цвѣта сохранились неизмѣнными отъ временъ Кира и Камбиза, по бывшимъ землямъ которыхъ катаются теперь эти массивныя колымаги. Если почтенный В. А. Стасовъ находитъ, что наши пряники съ сусальнымъ золотомъ и украшенія на дугахъ ломовыхъ извозчиковъ Петербурга были совершенно такими же въ древнѣйшей Индіи, когда создавались поэмы «Рамайяна и Магабгарата», какими остались понынѣ въ нашемъ отечествѣ, а фригійскій колпачекъ доселѣ красуется на головахъ итальянскихъ рыбаковъ, потомковъ троянца Энея, въ той неизмѣнной формѣ, какимъ онъ былъ когда-то, во время Гомера, на воображаемой головѣ Гермеса-Меркурія, то отчего бы не предположить, что подданные Кира и Камбиза,

а равно строители висячихъ садовъ Семирамиды свозили въ столицы этихъ владыкъ богатства извѣстнаго тогда міра въ такихъ же почти колымагахъ, какими я заинтересованъ былъ на пути отъ Тифлиса до Арарата. Вѣдь въ этомъ именно и заключается тайна той чарующей прелести путешествій по Востоку, какой не даетъ никакое путешествіе по культурному, причесанному и прилизанному Западу (я не говорю объ историческихъ памятникахъ, о памятникахъ искусства и пр.). Востокъ даетъ такъ много пищи фантазіи, такъ много имѣетъ въ себѣ волшебнаго очарованія, такъ много дикой и дивной яркости, при всемъ его безобразіи, что путешествіе по Востоку всегда будетъ заключать въ себѣ незамѣнимую прелесть. Вѣдь ужъ если англичане, вообще народъ избалованный по части путешествій, ужъ если они, послѣ всѣхъ своихъ многолѣтнихъ блужданій по европейскимъ водамъ, купаньямъ и игорнымъ домамъ, послѣ Эмсовъ, Висбаденовъ, Киссингеновъ, Гамбурговъ, Карльсъ Франценсъ-Маріенъ и иныхъ «бадовъ», послѣ всѣхъ этихъ Біарицевъ, Трувилей, Ниццъ, Ментонъ, Монаковъ съ Монте-Карлами и Гіеровъ съ Антибами, если англичане послѣ всего этого, соскучившись блужданіями по искусственному Западу, кончаютъ тѣмъ, что ѣдутъ къ пирамидамъ, въ Палестину, къ развалинамъ Пальмиры и Вавилона, однимъ словомъ, мечтаютъ о далекомъ Востокѣ, то ужъ это одно много говоритъ въ пользу послѣдняго. Признаюсь, и я люблю бродить болѣе по чарующему Востоку, чѣмъ по очаровательному Западу, несмотря на то, что это бродяжничество по Востоку, чуть не стоило мнѣ жизни и что, схвативъ теперь на Востокѣ же едва не смертельную болѣзнь, я принужденъ въ настоящую минуту искать спасенія отъ смерти здѣсь, на Западѣ, въ этой прелестной, но для меня несимпатичной Ментонѣ.

— Хотите, я закажу на ужинъ «ча-хохъ-били»? — прерываетъ мои историческія мечтанія о Кирахъ и Камбизахъ г. Мортуладзе, когда мы уже расположились на ночлегъ на станціи Узумъ-Талы, у самаго въѣзда въ роскошную долину, вѣрнѣе, въ узкое междугорье Делижана.

— Что это за «ча-хохъ-били»?

— Очень вкусное кушанье изъ курицы, совершенно восточное кушанье.

— Что жъ, чудесно... А вкусное?

— Пальчики оближете, буквально «оближете», потому что ча-хохъ-били ѣдятъ безъ вилокъ, пальчиками, да здѣсь и нѣтъ вилокъ.

Кушанье оказалось въ самомъ дѣлѣ превкусное: курица порѣзана на мелкіе куски и съ какими-то приправами зажарена очень рано, задолго до восхода солнца.

— Но что за ночь божественная!

— Только у насъ на югѣ и бываютъ такія ночи.

— Да, я знаю ихъ... Я и умирая не забуду той ночи, когда я ночевалъ въ Іерихонѣ, въ виду Мертваго моря и Іордана.

— И Ной любовался такими ночами, когда вышелъ изъ ковчега, да?

— Не думаю... Тамъ, говорятъ, не такія ночи.

— А ваши, петербургскія, лѣтомъ! Я разъ былъ въ Петербургѣ и тоже не забуду его палевыхъ лѣтнихъ ночей.

И въ такую божественную ночь въ преддверіи Делижана, столько сверчковъ! Невообразимая музыка! А на дворѣ—роскошь, но спать тамъ опасно.

Прислушиваясь къ тоскливому крику ночныхъ птицъ, я уснулъ, мечтая о Кирѣ и Камбизѣ, о Семирамидѣ и Ноѣ... «Пора ѣхать, скоро утро»...

V. Ущельемъ Делижана—однимъ изъ живописнѣйшихъ мѣстъ въ мірѣ

На другой день, 4-го августа, мы выѣхали изъ Узумъ Талы очень рано, задолго до восхода солнца.

Утро было чудное и обѣщало такой же знойный день, какой былъ наканунѣ. Мы въѣзжали въ самыя горы, хотя онѣ еще не сузились въ ущелье и открывали прелестную перспективу разнообразныхъ изломовъ и углубленій, густо затушеванныхъ темною зеленью, которая иногда какъ бы разступалась передъ сѣрыми скалами и вѣнчающими ихъ гранитными великанами. Изъ глубокихъ, темныхъ расщелинъ то тамъ, то сямъ выползалъ туманъ и медленно таялъ въ утреннемъ воздухѣ.

Дышалось такъ легко, во всю ширь груди, во всю мощь здоровыхъ легкихъ, словно бы наканунѣ и не было палящаго зноя и словно бы солнце, которое еще вчера жгло такъ свирѣпо,

должно было за эту дивную ночь и прелестное утро само освѣжиться.

По «бостанамъ», которые зеленѣли по обѣ стороны дороги, изрѣдка бродили человѣческія фигуры. Это были пробуждавшіеся бостанники, хозяева и караульщики бостановъ, изъ которыхъ одни, сидя по-восточному, на землѣ, тихо покачивались и творили молитву Аллаху, чтобъ онъ даровалъ имъ побольше крупныхъ дынь и арбузовъ, такихъ крупныхъ, какъ крупна милость пророка, а другіе уже ходили по бостанамъ съ ружьемъ за плечами, обозрѣвая свои сокровища и намѣчая тѣ, которымъ предстояло быть сорванными.

Чѣмъ дальше мы подвигались внутрь междугорья, тѣмъ болѣе и болѣе горы суживались, превращаясь въ почти отвѣсныя скалы и оставляя лишь небольшое пространство для каменистаго русла прелестной рѣчки Акъ-стафи и для гигантскихъ окаймляющихъ ея берега деревьевъ. И что за роскошь эти столѣтнія, можетъ быть тысячелѣтнія дерева!

Каменистое шоссе извивается какъ разъ по берегу рѣки, отчасти въ тѣни деревьевъ, отчасти подъ навѣсомъ скалъ. Мы въѣзжаемъ въ настоящее, въ дикое, хотя необыкновенно красивое ущелье.

— Стой! Стой!—кричитъ г. Мортуладзе своему ямщику.— Велите, пожалуйста, и вы остановиться (это ко мнѣ).

— Что такое?

— Сейчасъ увидите!

И съ револьверомъ въ рукѣ онъ выскакиваетъ изъ своей телѣжки. Ужъ не разбойники ли? Недаромъ меня предостерегали насчетъ делижанскаго ущелья...

— Что случилось?—спрашиваю своего ямщика.

— Зайчики, вонъ зайчики бѣгаютъ!

Смотрю, и вмѣсто разбойниковъ дѣйствительно вижу зайцевъ. Цѣлою семьей они расположились на пологой скалѣ, недалеко отъ шоссе, и, повидимому, забавляются заячьими играми.

Съ вытянутой рукой и револьверомъ г. Мортуладзе идетъ прямо къ нимъ. Зайчики, о, невинность! не обращаютъ на него никакого вниманія и продолжаютъ предаваться заячьимъ развлеченіямъ. Видно, что это мѣсто такое глухое, такъ удалено отъ коварной цивилизаціи, выдумавшей ружья и револьверы,

что зайцы тутъ, несмотря на свою извѣстную всему міру благоразумную осторожность, еще не научились бояться коварнаго человѣка и чтить огнестрѣльное оружіе.

Кровожадный грузинъ подходитъ еще ближе и стрѣляетъ почти въ упоръ по невиннымъ младенцамъ и ихъ родительницѣ.

Промахъ! Зайчики перестаютъ играть, съ удивленіемъ смотрятъ на исчезающій въ воздухѣ дымокъ и на протянутую съ револьверомъ руку жестокаго грузина, но убѣгать и не думаютъ. Святая простота!

— Ай-ай! Зайчики оторопѣли, не бѣгутъ,—шепчетъ мой ямщикъ-татаринъ.

Опять дымокъ... Хлопъ! И снова промахъ.

Зайчики начинаютъ что-то подозрѣвать и удаляются повыше.

Снова выстрѣлъ, и опять промахъ.

— Ахъ, чортъ возьми, какой срамъ!

— И чудесно, что срамъ!

— Но вѣдь я считаюсь лучшимъ стрѣлкомъ въ полку!

— Тѣмъ лучше для зайцевъ!

— Нѣтъ, проклятый револьверъ беретъ на аршинъ правѣе!

— Такъ цѣльтесь на аршинъ лѣвѣе!

Воображаю, сколько пользы принесъ бы намъ револьверъ, бросающій собою пули на аршинъ правѣе цѣли, еслибъ намъ дѣйствительно пришлось защищать свою жизнь отъ разбойниковъ; но таковыхъ, къ счастью, мы не встрѣтили въ это прелестное утро вплоть до станціи Каравансарая.

Станція эта находится уже въ самомъ ущельѣ Делижана, въ необыкновенно живописномъ горномъ проходѣ. Пока намъ закладывали лошадей и просматривали наши бумаги, мы отправились побродить по самому селенію, носящему традиціонное восточное названіе Каравансарая. Селеніе это имѣетъ чисто азіатскую наружность. Въ немъ ничто не напоминаетъ Россіи, ни физіономія его обитателей, ни внѣшность и внутренность домиковъ, расположенныхъ по обоимъ берегамъ гремучей Акъ-Стафы, ни эти азіатскія лавчонки съ азіатскими товарами: все это смотритъ не то Персіей, не то Турціей. Чувствуешь, что находишься въ невѣдомой странѣ, и не вѣришь, чтобы все это принадлежало Росіи, чтобы имя русскаго имѣло здѣсь значеніе и силу.

Но вскорѣ оказалось, что имя это держится здѣсь «грозно и честно», говоря языкомъ Москвы временъ покоренія Новгорода «собирателемъ русской земли», дѣдомъ Грознаго.

Когда мы толкались по базару въ ожиданіи запряжки лошадей, къ намъ быстро подкатили двѣ тройки съ колокольчиками изъ Валдая («дары Валдая») и съ ямщиками татарами. За одной тройкой слѣдовалъ всадникъ, вооруженный съ головы до ногъ въ видѣ Ринальдо Ринальдини.

Въ то же время ко мнѣ подошелъ станціонный смотритель въ казенной русской формѣ и, подавая мнѣ мою подорожную съ открытыми листами гг. Старосельскаго и Томича, офиціальнымъ тономъ почтительно возгласилъ, указывая на Ринальдо Ринальдини:

— Вооруженный всадникъ для сопровожденія вашей особы.

Я съ изумленіемъ взглянулъ на красиваго всадника. Это былъ бравый мѣстный татаринъ, нѣчто вродѣ линейнаго казака, въ военномъ восточномъ костюмѣ и съ массивною овчинною шапкою на головѣ. Черезъ плечо у него перекинуто было ружье въ косматомъ чехлѣ. Прочее вооруженіе его, начиная шашкой и кончая кинжаломъ и пистолетами, смотрѣло также очень внушительно. Молодецъ вытянулся передо мной на сѣдлѣ и, повидимому, ожидалъ моихъ приказаній. Но приказаній я давать не привыкъ и потому не могъ сразу войти въ роль отца-командира.

— Какой молодчина!—Вотъ все, что я нашелся сказать, и велѣлъ ямщику трогать.

«Такъ вотъ о н о гдѣ начинается», подумалъ я, слыша за своей спиной топотъ коня моего конвойнаго и звяканье его оружія: «вотъ гдѣ пришлось и мнѣ ѣхать съ конвоемъ».

Понятно, ч т о я разумѣлъ подъ словомъ о н о...

Прикомандированіе ко мнѣ вооруженнаго всадника означало, что я вступилъ въ такія мѣста, гдѣ, по выраженію начальника главнаго управленія, генерала Старосельскаго, «для безопасности» мого слѣдованія признано уже было необходимымъ давать мнѣ «надлежащій конвой изъ земской стражи». Конвой этотъ могъ понадобиться именно теперь, и мнѣ его дали.

Такой конвой называется тамъ «чаваръ», а самый всадникъ «чапаринъ». Съ этого пункта я уже вездѣ ѣхалъ съ конвоемъ

какъ до самаго Арарата, такъ и обратно, до выѣзда изъ делижанскаго ущелья.

Такъ какъ я во все время моихъ тамъ переѣздовъ не подвергался никакой опасности со стороны охотниковъ до чужого добра и до моей жизни, то обязанность слѣдовавшихъ за мною конвойныхъ была очень несложная: «чапаръ» обыкновенно скакалъ за моей почтовой телѣжкой, иногда рядомъ съ нею, и когда видѣлъ впереди обозы или какую-либо арбу, то громко кричалъ «аварда» и нагайкой давалъ сигналы, чтобы своротили съ дороги, или же стремглавъ скакалъ впередъ и энергически очищалъ путь для проѣзда моей скромной особы.

На станціи я обыкновенно давалъ всаднику на чай, и его смѣнялъ до слѣдующей станціи другой «чапаръ».

Извѣстно, какъ много было писано о необыкновенной живописности горъ Кавказа и особенно о красотахъ военно-грузинской дороги, объ ущельѣ Дарьяла съ его подавляющей обстановкою и этимъ бѣшенымъ ревомъ Терека во время его половодья. Кто не восхищался величественнымъ видомъ Казбека не столько со стороны станціи того же названія, сколько со стороны станціи Коби, когда онъ совершенно неожиданно поднимаетъ свою сѣдую голову изъ-за грозныхъ скалъ, составляющихъ какъ бы его передовую стражу! Кого не поражали дивныя картины съ высотъ Гудаура, когда изумленный, восхищенный и напуганный въ то же время взоръ переносится отъ грозныхъ высотъ, составляющихъ высшія точки кавказскаго хребта, къ ужасающей глубинѣ междугорья, изъ котораго вытекаетъ Арагва! Голова кружится, и сердце замираетъ не то отъ потрясающаго восторга, не то отъ ужаса при одной мысли, что находишься на такой поднебесной высотѣ, гдѣ въ самый жаркій лѣтній день васъ пробираетъ осенній холодъ и въ ушахъ чувствуется шумъ отъ разрѣженнаго воздуха.

Эти поразительныя красоты военно-грузинской дороги всѣмъ извѣстны. Кто не видѣлъ ихъ на мѣстѣ, тотъ, конечно, могъ познакомиться съ ними на картинахъ художника Мещерскаго или на художественныхъ снимкахъ лучшихъ фотографій Тифлиса.

Но красоты ущелья Делижана рѣдко кому извѣстны: ихъ видѣли немногіе, ибо немного найдется охотниковъ, которые въ

качествѣ любителей новыхъ мѣстъ захотѣли бы испытать всѣ трудности переѣзда по такъ называемому Малому Кавказу. Отъ тѣхъ же немногихъ, которые бывали тамъ, я слышалъ прежде, что Делижанское ущелье гораздо красивѣе ущельевъ Терека и Арагвы. Я, признаться, сначала не вѣрилъ этому. Не разъ мнѣ приходилось нѣкогда читать и слышать отъ очевидцевъ—отъ однихъ, что нѣтъ въ цѣломъ мірѣ красивѣе панорамы, какую открываетъ вашему изумленному взору Босфоръ, когда вы подъѣзжаете къ Константинополю и къ Золотому Рогу или когда созерцаете всю эту панораму вмѣстѣ съ Скутари, Принцевыми островами и Мраморнымъ моремъ съ высотъ царградскаго кладбища; отъ другихъ—что прелестнѣе и симпатичнѣе видовъ южнаго берега Крыма вы не найдете въ цѣлой Европѣ и что эти Алушты, Ялты, Алупки, Оріанды и пр. со стороны ли моря, съ высотъ ли Яйлы и Чатырдага, когда передъ вами весь Крымъ съ тремя морями, Чернымъ, Азовскимъ и Гнилымъ Сивашомъ, точно на эмалевомъ блюдѣ, что все это «до головокруженія хорошо» и восхитительно; отъ третьихъ, наконецъ, что наша планета не представляетъ ничего красивѣе той части береговъ Средиземнаго моря, гдѣ смотрятъ на него такіе перлы этой планеты, какъ Гіеръ, Каннъ, Ницца, Ментона, Санъ-Ремо и гдѣ извивающаяся по этому берегу знаменитая дорога Наполеона I-го, такъ называемая «route de la Corniche», больше чѣмъ до головокруженія, до безумія прелестна. Теперь я самъ, какъ очевидецъ всего этого, и Босфора съ Золотымъ Рогомъ, и Скутари, и южнаго берега Крыма, и «route de la Corniche», и военно-грузинской дороги, и, наконецъ, ущелья Делижана, могу положительно утверждать, что сравнивать красоты всѣхъ этихъ четырехъ красивѣйшихъ на землѣ мѣстностей было бы большой ошибкой. Красота каждой изъ нихъ слишкомъ своеобразна и сравнивать Босфоръ съ Терекомъ или ущелье Дарьяла съ ущельемъ Делижана было бы все равно, что соединять величины несоединимыя.

Ущелье Делижана, весь этотъ путь отъ Узумъ-Талы и Каравансарая до высотъ Гокчи и до самаго Арарата дѣйствительно поражаетъ своею оригинальною и симпатичною красотой. Путь этотъ, пожалуй, красивѣе военно-грузинской дороги; но послѣдняя беретъ своей величавой суровостью, подавляющей

грандіозностью: она даже можетъ прискучить своимъ гнетущимъ однообразіемъ: все горы да скалы, все это душитъ своимъ величіемъ. Делижанское же ущелье граціознѣе, разнообразнѣе, хотя сдавливающія его скалы и горы не менѣе величественны, чѣмъ скалы и горы Дарьяла, Ларса, Кобы и Гудаура. Въ обѣихъ мѣстностяхъ много поэзіи, но поэзія первой слишкомъ мрачна, тогда какъ Делижанъ чаруетъ собой, восхищаетъ.

Чѣмъ глубже вы въѣзжаете въ ущелье, тѣмъ оно становится красивѣе. Много прелести придаетъ ему роскошная растительность, до того богатая, что не вѣрится, что это не подъ тропиками, не на берегахъ Ганга или Амазонки. Тамъ, отъ Ларса и Дарьяла до самаго Гудаура, до того спуска, гдѣ, по выраженію поэта, начинаются

Долины Грузіи роскошной,—

все голо и мертво кругомъ; здѣсь, отъ Узумъ-Талы до самой Гокчи, собственно до молоканскаго поселенія Семеновки, все утопаетъ въ зелени. Вашъ слухъ не утомляется здѣсь, какъ тамъ—однообразнымъ гуломъ Терека; напротивъ, здѣсь чаруетъ васъ ласкающее слухъ журчаніе по камнямъ прозрачныхъ какъ кристаллъ водъ Акъ-Стафы. Здѣсь много птицъ, необыкновенно оживляющихъ всю мѣстность: крикъ зимородковъ, дикихъ голубей, горлинокъ, и особенно горныхъ сорокъ *) сопровождаетъ васъ по этому ущелью, на разстояніи 50—60 верстъ.

Замѣчательно, что станцію эту содержатъ русскіе молокане.

Я очень удивился, когда въѣхалъ на станціонный дворъ и подъ навѣсомъ станціоннаго дома увидалъ огромную семью нашихъ мужичковъ: они расположились обѣдать на воздухѣ, и около нихъ на столѣ красовался русскій самоваръ. За столомъ и подъ столомъ возились бѣлоголовые, въ красныхъ рубашонкахъ, босые ребятишки, русскія бабы мыли и перетирали посуду; русые и рыжебородые мужики, тоже въ красныхъ рубахахъ съ косыми воротами и характерными ластовками, кончая гранезу, потягивались и крестили рты. Все это, среди непри-

*) Закавказская сойка не имѣетъ ничего общаго съ той красивой птицей Южной Россіи, которую тоже называютъ сойкой, иногда сивоворонкой или сизоворонкой, а также «ракшой» (въ Малороссіи), похожей перьями на зеленаго попугая: закавказская сойка—черная съ желтыми и красными полосами.

вычной обстановки, въ самой глуши азіатскаго міра, посреди восточныхъ типовъ и костюмовъ, все это невольно бросалось въ глаза и представлялось чѣмъ-то вродѣ оптическаго обмана. Слухъ поражала русская рѣчь, которая звучала здѣсь какъ-то странно, особенно когда тутъ же, вслѣдъ за типичной русской фразой, въ устахъ того же рыжебородаго тамбовца или пензяка слышалась татарская рѣчь, обращенная или къ привезшимъ насъ татарамъ-ямщикамъ, или къ моему конвойному.

— Эй, староста Пашка! Возьми у господъ подорожныя.

Является бѣловолосый Пашка, почти мальчишка, и что-то кричитъ по-татарски своимъ ямщикамъ. Ямщики отвѣчаютъ тѣмъ же азіатскимъ горганословіемъ.

— Ладно, подмазывай да запрягай!—распоряжается тотъ же Пашка.

— Эй, господинъ Пашка, какъ васъ по батюшкѣ?—возвышаетъ свой голосъ мой спутникъ.

— Чаво изволите?

— Нельзя ли чего закусить у васъ?

— Ничаво у насъ нѣтъ.

— Какъ ничего, господинъ Пашка?

— Ничаво-ста.

— А яйца есть?

— И яицъ нѣту, куры не кладутъ.

— А масло?

— И масла нѣту, негдѣ взять: татары откочевали.

Такъ-таки упрямый Пашка и не далъ намъ ничего. Это, потому, кажется, какъ я замѣтилъ, что тамошніе русскіе-молоканс видимо враждебно и вообще не любезно относятся къ русскимъ изъ Россіи, особенно же къ «господамъ». «Вы-де насъ выгнали отъ себя, словно собакъ, такъ нечего вамъ и разговаривать съ нами», такъ и читается у нихъ на лицахъ. И неудивительно: для нихъ Россія чужая сторона, и они для нея—отрѣзанный ломоть.

Отъ Тарсачая путь лежалъ къ самому Делижану, къ городу этого названія. Подъемъ въ горы становился все болѣе и болѣе замѣтнымъ и прелестные виды междугорья чередовались словно въ волшебномъ калейдоскопѣ.

Здѣсь, между Тарсачаемъ и Делижаномъ, въ прелестныхъ

горныхъ долинахъ, я въ первый разъ увидѣлъ кочующее населеніе Закавказья. Это были тѣ самые татары «казахскіе», жилища которыхъ, скорѣе землянки или норы, покинутыя ими на все лѣто, и кладбища, поразившія меня своимъ видомъ, мы встрѣчали на своемъ пути наканунѣ, когда проѣзжали Караячской степью.

Кочевники эти не похожи на другихъ кочевниковъ, обитающихъ въ азіатскихъ и африканскихъ степяхъ и пустыняхъ. Причиной этому, конечно, служитъ горный характеръ мѣстности, по которой должны кочевать закавказскіе кочевники.

Сколько поэзіи въ этомъ положительно райскомъ образѣ жизни! Въ какой-нибудь живописной горной долинѣ или въ ущельѣ, непремѣнно на берегу горной рѣчки или ручья, вы видите разбитыя палатки, нерѣдко отличающіяся и внѣшнимъ изяществомъ, и въ особенности внутреннимъ убранствомъ, съ разноцвѣтными яркими коврами и красиво сплетенными цыновками. Часто палатки или, вѣрнѣе, шатры «чадры» располагаются въ тѣни роскошныхъ, широко разросшихся деревьевъ. Тутъ же вы видите, въ тѣни этихъ деревьевъ, все населеніе кочующаго аула: мужчины, пользуясь своимъ привилегированнымъ положеніемъ, ровно ничего не дѣлаютъ и только съ утра до вечера, поджавъ ноги калачикомъ, покуриваютъ свои трубки и большею частью молчатъ, какъ всѣ восточные солидные люди, а женщины шьютъ, вяжутъ, плетутъ, пахтаютъ масло изъ овечьяго молока, дѣлаютъ сыръ, кормятъ дѣтей и дармоѣдовъ-мужчинъ. Подростки же и очень юная молодежь, устроивъ качели на одной изъ вѣтвей гигантскаго дуба или орѣха, качаются и распѣваютъ пѣсни отъ зари до зари. А на горѣ гдѣ-нибудь, подъ надзоромъ умныхъ псовъ и двухъ-трехъ мальчишекъ, пасутся огромныя стада овецъ, все ихъ богатство и источникъ райской жизни.

Такъ они перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто, отъ одного живописнаго ландшафта къ другому, болѣе живописному, отъ одного водопоя и пастбища къ другому, пока не налетятъ зимнія вьюги, которыя въ горахъ, поднимающихся до десяти тысячъ футовъ надъ уровнемъ, даже на югѣ бываютъ довольно жестоки. Вьюги эти загоняютъ ихъ въ прежнія землянки, къ роднымъ очагамъ, къ прародительскимъ кладбищамъ. А тамъ,

съ весною опять въ кочевку. Кочевка для нихъ это рай; родные же очаги, земляныя норы, это временныя чистилища.

И что за прелестные типы! Какихъ красавцевъ и красавицъ создаетъ этотъ райскій образъ жизни! Признаюсь, я невольно любовался ими.

Миновавъ нѣсколько кочевьевъ, мы къ раннему обѣду пріѣхали въ Делижанъ, въ самую сердцевину делижанскаго ущелья. Делижанъ—это довольно большой городъ съ чисто-восточной физіономіей и расположенъ чрезвычайно красиво.

Здѣсь мы съ г. Мортуладзе пообѣдали вмѣстѣ въ послѣдній разъ. Мѣстный духанщикъ угостилъ насъ вкусной «чихиртмой», нѣчто вродѣ мясной похлебки, и неизбѣжнымъ восточнымъ шашлыкомъ.

Здѣсь я простился съ моимъ любезнымъ спутникомъ, г. Мортуладзе, который изъ Делижана долженъ былъ своротить въ самую глушь горъ, гдѣ уже нѣтъ колеснаго пути, а одинъ вьючный. Я же отъ этого пункта долженъ былъ продолжать свой путь совершенно одинъ въ сопровожденіи, конечно, храбраго «чапарина».

Не могу умолчать о трогательномъ прощаніи со мной Ильи, милѣйшаго денщика г-на Мортуладзе. Онъ хотя и татаринъ, но отчасти мой землякъ—саратовецъ: онъ взятъ въ солдаты изъ Кузнецкаго уѣзда Саратовской губерніи, гдѣ родился и выросъ въ глубокомъ невѣдѣніи относительно всего, что дѣлается на свѣтѣ.

— Счастливо оставаться, вашескородіе,—говорилъ онъ, прощаясь со мной,—добрый вамъ путь.

— Благодарю, Илья.

— Не за что, вашеско... Теперь вы, значитъ, отселѣ къ Арарату?

— Да, коли Богъ приведетъ.

— На машинѣ, значитъ?

— Какъ на машинѣ?

— Къ Арарату, значитъ, на машинѣ поѣдете?

— Зачѣмъ на машинѣ? Тамъ нѣтъ желѣзной дороги.

— Какъ же такъ, вашескородіе? Вить черезъ Расею дорога, значитъ.

Ясно, что бѣдняга не могъ разобраться съ своими мозгами

и съ скудными географическими познаніями, пріобрѣтенными дома и на службѣ. Онъ не зналъ, въ которой сторонѣ Россія.

— Нѣтъ, Илья, мнѣ не черезъ Россію ѣхать на Араратъ: Россія тамъ вонъ осталась.

— Тамъ!? А я думалъ тамъ Тифлисъ.

Онъ какъ-то растерянно оглянулся назадъ, сообразивъ, что и онъ удаляется отъ «Россіи», которая, повидимому, все еще была дорога для него.

Вотъ трогательное положеніе! Завели бѣдняга въ такую даль, что онъ не знаетъ даже, въ которой сторонѣ его родная земля, тамъ ли, гдѣ встаетъ солнышко, или тамъ, гдѣ оно садится.

Тройка моя тронулась, и за звяканьемъ колокольчика я не могъ уже разслышать, что говорилъ мнѣ красавецъ-грузинъ. Только и долетѣли до моего слуха его послѣднія слова «никогда не забуду этой встрѣчи».

VI. У ссыльныхъ молоканъ. Озеро Гокча.

За Делижаномъ начинался послѣдній подъемъ въ горы, перевалъ черезъ хребетъ Малаго Кавказа.

Сначала мы ѣхали берегомъ горной, необыкновенно быстрой и красивой рѣченки, это верховья все той же Акъ-Стафы; миновали нѣсколько татарскихъ кочевьевъ, живописно ютившихся вдоль ущелья, подъ навѣсами гигантскихъ деревьевъ, а потомъ стали подниматься въ гору.

Это былъ положительно вертикальный подъемъ, какого я нигдѣ не видѣлъ. Всѣмъ извѣстенъ необыкновенно крутой подъемъ отъ Млета къ Гудауру на военно-грузинской дорогѣ, гдѣ страшно глянуть внизъ, гдѣ даже не у слабонервнаго проѣзжаго кружится голова и замираетъ сердце при видѣ ужасающей стремнины, когда вы ѣдете точно не по дорогѣ, а по карнизу пугающаго своей неизмѣримой высотой обрыва; но делижанскій подъемъ, кажется, еще круче. Между тѣмъ онъ совсѣмъ не страшенъ, хотя вы взбираетесь на него словно на гигантскую стѣну, а когда съѣзжаете обратно, то будто бы собираетесь летѣть въ бездонную пропасть. Делижанскій подъемъ и спускъ кажется менѣе страшнымъ потому, что вы почти не замѣчаете его ужасающей высоты: высоту эту скрадываютъ деревья, ростущія по бокамъ самой крутой части подъема и закрывающія собой отъ

вашихъ глазъ пропасть, по карнизу которой вы ѣдете. Спускаясь отъ Гудаура къ Млету, вы постоянно видите передъ собой, или справа или слѣва кареты, въ которой сидите, вы, повторяю, постоянно и неизбѣжно должны видѣть у ногъ вашихъ ужасающую пропасть и невольно думаете, что при малѣйшей неосторожности или неловкости ямщика при крутыхъ поворотахъ и т. п., карета ваша полетитъ въ эту страшную пропасть. Достаточно, наконецъ, одного, чтобы заупрямилась лошадь или бы испуталась чего-нибудь, мало того, достаточно сильнаго порыва вѣтра съ горъ, чтобы карету или дилижансъ опрокинуло черезъ низенькій каменный парапетъ, слишкомъ жидкій и слабый для того, чтобы задержать паденіе массивной кареты съ пассажирами и лошадьми. Да подобные трагическіе случаи и бывали уже на роковомъ гудауромлетскомъ спускѣ: разбивались въ дребезги кареты, дилижансы и фургоны, погибали лошади, люди.

На дилижанскомъ спускѣ едва ли возможны такіе ужасные случаи. Тутъ не ходятъ ни массивныя почтовыя, кареты съ тяжелымъ грузомъ наверху, ни дилижансы, своимъ устройствомъ (**кожанные фартуки по бокамъ ихъ—тѣ же паруса**) представляющіе упоръ для горнаго порывистаго вѣтра: здѣсь ходятъ обыкновенно легкія перекидныя телѣжки, при подъемѣ въ три лошади, при спускѣ парою, и такой экипажъ здѣсь очень легко затормозить или совсѣмъ остановить въ случаѣ быстраго бѣга лошадей, особенно на поворотахъ этихъ многочисленныхъ зигзаговъ спуска. Случись несчастіе, опрокинется такой экипажъ въ пропасть, онъ не долетитъ до конца стремнины и зацѣпится гдѣ-нибудь за дерево. Тутъ въ крайнемъ случаѣ можно пострадать, и очень серьезно, сломать себѣ ногу или ребро, но не лишиться жизни. Тамъ же, на гудауро-млетскомъ спускѣ, всякій несчастный случай влечетъ за собой неизбѣжную смерть.

Такова разница между Гудауромъ и Дилижаномъ.

Крѣпкія лошади въ какихъ-нибудь два часа вынесли меня на самую крайнюю высоту закавказскаго горнаго хребта. Высота эта сказалась тѣмъ, что тотчасъ послѣ страшнаго зноя, какой я испытывалъ внизу, въ ущельѣ Дилижана, на вершинѣ хребта меня разомъ охватилъ осенній холодъ, несмотря на то, что южное солнце пылало надъ моей головой такъ же ярко, какъ и въ долинѣ, изъ которой я сейчасъ выбрался въ нѣсколько часовъ на высоту 7—8 тысячъ футовъ.

Куда дѣвалась и роскошная растительность! Она темнѣла гдѣ-то далеко, внизу, въ междугорьяхъ и ущельяхъ, оставшихся тамъ, позади, а кругомъ меня было голо и безжизненно, словно въ какой-нибудь тамбовской или самарской степи. Осенній вѣтеръ пронизывалъ меня насквозь, такъ что я долженъ былъ закутаться въ пледъ, въ тотъ самый, который въ Петровъ день лѣта 1879 года согрѣвалъ меня на высотахъ Чатырдага, а въ концѣ мая 1881 года—на вершинѣ пирамиды Хеопса, въ виду сыпучихъ песковъ Сахары *).

Скоро показалось селеніе, самый видъ котораго гармонировалъ съ окружавшею меня скудною, вполнѣ, казалось, сѣверною природою. Это было русское селеніе, селеніе ссыльныхъ молоканъ. Хотя я зналъ это, но нарочно заговорилъ о молоканахъ съ моимъ ямщикомъ-татариномъ.

— Что это за село?

— Семеновка, руской села, молоканъ.

— Такъ это молоканское село?

— Молоканъ.

— А зачѣмъ они не въ Россіи живутъ?

— Изъ Росей ихъ выгонялъ.

— Кто ихъ оттуда выгонялъ?

— Руска мулла, попъ.

— А за что?

— Молоканъ денежка попу не давалъ: попъ визалъ (взялъ) и выгонялъ ихъ къ намъ.

— А хорошо имъ у васъ жить?

— Ай-ай, какъ хорошо! Хлѣбъ и лошадь у нихъ минога (много).

Село, дѣйствительно, смотрѣло русскимъ. Мнѣ сразу показалось при видѣ этого селенія, что меня вдругъ волшебною силою изъ роскошнаго ущелья Деликана перенесло на суровый сѣверъ, куда-нибудь въ степныя губерніи. Ни деревца, ни

---

*) Да не подумаетъ благосклонный читатель, что я клевещу на свой плетъ и на пирамиду Хеопса: дѣйствительно, мнѣ было холодно въ Египтѣ, на берегахъ Нила и въ виду Сахары, потому что я взошелъ на пирамиду Хеопса до восхода солнца и долженъ былъ кутаться въ плетъ отъ пронизывавшаго меня вѣтра.

кустика кругомъ! Видны только нашни, широкія полосы хлѣба, еще не созрѣвшаго и не сжатаго. Это въ августѣ-то, когда при моемъ отъѣздѣ изъ Петербурга въ двадцатыхъ числахъ іюля, тамъ уже начали убирать хлѣбъ въ окрестностяхъ Павловска и Царскаго села, а здѣсь, на югѣ, почти подъ Араратомъ, гдѣ уже созрѣлъ виноградъ и кишмишъ, здѣсь, въ окрестностяхъ Гокчи, на поляхъ стоитъ несжатый хлѣбъ. Суровое, дѣйствительно, «сибирное» мѣсто! Недаромъ сюда выслали бѣдныхъ молоканъ, россійскихъ раціоналистовъ. Здѣсь лѣто продолжается только два мѣсяца, да и какое это лѣто! Холодное, суровое, съ постоянными, пронизывающими насквозь вѣтрами. Яркое солнце не грѣетъ здѣсь, точно оно и не южное, а какое-нибудь лапландское, полярное. Да и полярное солнце, хотя недолго, но грѣетъ и печетъ лѣтомъ. Даже въ Сибири солнце привѣтливѣе и лѣто теплѣе, чѣмъ здѣсь. Знали «русскіе муллы», куда послать злополучныхъ молоканъ...

Я съ любопытствомъ разсматривалъ это русское селеніе, заброшенное въ самую глубь Азіи, почти въ Персію. Милыя, русскія картины! Холодомъ отъ нихъ вѣетъ, хотя онѣ и родныя намъ. Но здѣсь и тоге нельзя сказать, что невольно вырвалось изъ груди покойнаго Некрасова при созерцаніи русскаго ландшафта:

Словно какъ мать надъ сыновней могилой,
Стонетъ куликъ надъ равниной унылой;
Пахарь-ли пѣсню вдали запоетъ—
Грустная пѣсня за сердце беретъ;
Лѣсъ ли начнется—сосна да осина:
Не весела ты, родная картина!..

А здѣсь нѣтъ даже сосны, хотя бы горькая осина, ничего нѣтъ! Хотя бы пѣсня, даже грустная, плачущая, но русская, раздалась гдѣ-нибудь, и этого нѣтъ. Только навозъ кругомъ села, кладки чернаго кизяка да грядки капусты и картофеля, вотъ все, что краситъ это поселеніе ссыльныхъ и напоминаетъ о далекой Россіи. Пестрѣютъ цвѣтные платки на головахъ бабъ, московскаго ситцу сарафаны, красныя рубахи на мужикахъ и ребятишкахъ, да эти льняныя дѣтскія головки подъ солнцемъ юга.

Для этихъ юныхъ головокъ, да и для взрослыхъ, Россія—такая же невѣдомая, «чужа дальня сторона», какъ и Новая Гвинея, куда добровольно сослалъ себя добровольный мученикъ знанія Миклуха-Маклай, либо какая-нибудь Каледонія.

— Не скучаете вы по Россіи?—спросилъ я одного старика на станціи, когда мнѣ готовили телѣгу и запрягали лошадей.

— Зачѣмъ скучать, некогда,—улыбнулся старикъ.

— А не забываете ее?

— Зачѣмъ забывать!

— Конечно... А давно вы оттуда?

— Давненько-таки... Поди и счетъ-то годамъ потеряли.

— А откуда васъ выселили?

— Мы были тамбовски. Есть у насъ и саратовски.

— Земляки, значитъ.

— А вы тоже саратовски будете?

— Да, немножко... Хорошо живете здѣсь?

— Нечего Бога гнѣвить: живемъ, хлѣбъ жуемъ.

— Только холодно у васъ, точно въ Сибири.

— Это точно, тепла у насъ маловато: всего и лѣта-то намъ Богъ отпустилъ два мѣсяца, да и то, сами видите, какое это лѣто. А сами-то вы куда изволите ѣхать?

— Да теперь въ Эривань.

— По службѣ, надо полагать?

— Нѣтъ, такъ...

— Къ роднымъ, можетъ?

— Нѣтъ... Хотѣлось бы на Араратъ взглянуть.

— Такъ... по обѣщанію, можетъ? Туда вѣдь здѣшніе ѣздятъ на богомолье.

— И я почти за тѣмъ же.

— Доброе дѣло.

Старики-молокане, я замѣтилъ, добродушнѣе молодыхъ и разговорчивѣе. Молодые же немножко смотрятъ исподлобья на русскихъ. Мы для нихъ не только чужіе, но отчасти какъ будто и враги: мы выгнали ихъ отцовъ изъ родной земли, мы ихъ оскорбили, и въ душѣ ихъ не можетъ не имѣть мѣста горькое чувство по отношенію къ Россіи и русскимъ. Для стариковъ Россія все-таки остается родною землей; со старой обидой ихъ уже примирило время, а потому при видѣ русскаго они невольно

должны вспоминать свою далекую родину. Мы для нихъ—«собачка съ родимой сторонушки».

Совсѣмъ другое молодежь.

— А ты хотѣлъ бы въ Россію?—спросилъ я ражаго дѣтину въ щегольскомъ кафтанѣ и картузѣ совсѣмъ мѣщанскаго пошиба.

— А зачѣмъ мнѣ въ Россію?—въ свою очередь, спросилъ меня дѣтина.

— Да такъ, повидать.

— Нѣтъ, баринъ, не охота мнѣ туда.

— Почему-жъ?

— Да тамъ, слышь, нашего брата, молокана, въ острогъ сажаютъ.

— Теперь этого нѣтъ.

— Не вѣрится какъ будто.

— Почему же не вѣрится?

— Да люди сказываютъ, солдаты.

— И точно,—подхватила стоявшая вблизи бабенка, что принесла мнѣ квасу напиться,—ужъ это послѣднее дѣло, коли за молитву людей въ острогахъ гноятъ.

Противъ такого аргумента я оказался безсильнымъ. Ай да бабенка!

Выѣзжая изъ Семеновки, я было совершенно забылъ, что нахожусь въ окрестностяхъ знаменитаго озера Гокчи. Вѣтеръ продолжалъ порывисто дуть съ сѣверо-востока. Холодъ пронизывалъ меня такъ, что я не зналъ, какъ согрѣться, и потому, кромѣ пледа, долженъ былъ еще прибѣгнуть къ кожаной на красной фланели одеждѣ, которую я пріобрѣлъ еще въ Петербургѣ для восхожденія на Араратъ.

Вдругъ, совершенно неожиданно, глазамъ моимъ представилось поразительное зрѣлище. На высотѣ семи или даже болѣе семи тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря, среди обрывистыхъ, скалистыхъ горъ, я увидѣлъ новое море! Море на высотѣ, превышающей тысячи на двѣ футовъ высоту Яйлы и Чатырдага! Это, дѣйствительно, какое-то чудо природы. Та же безконечная морская даль, та же безбрежная водная равнина, уходящая за горизонтъ, та же чудная синева, какая открывается взору при видѣ Чернаго или Средиземнаго моря, и гдѣ же? На вершинахъ горныхъ кряжей, на высотѣ 7.000 футовъ!

Это и было знаменитое очеро—Гокча. Я готовъ былъ вскрикнуть: да не можетъ же быть море на такой высотѣ!

А это, дѣйствительно, было море: такія же волны, какъ и на всякомъ другомъ морѣ, ходили по бирюзовой поверхности этого изумительнаго озера и съ шумомъ разбивались о прибрежныя скалы и камни; такія же, какъ надъ всякимъ другимъ моремъ, кружились надъ нимъ чайки, оглашая воздухъ жалобными криками; то же суровое величіе и та же пугающая воображеніе неизвѣстность, что тамъ, дальше, за этой холодящей душу синевой?

Сѣрыя, пенистыя горы справа и слѣва обложили эту морскую синеву, а прямо передъ глазами—безконечная даль, неизмѣримая масса воды.

Минуя небольшое татарское селеніе съ черными пирамидами или конусами сухого кизяка, дорога идетъ правымъ, юго-западнымъ берегомъ Гокчи. О внѣшности и характерѣ этого селенія можно сказать то, что говоритъ Н. С. Поляковъ, путешествовавшій здѣсь осенью 1879 г. для археологическихъ изысканій, о Новомъ Баязетѣ и о другихъ тамошнихъ поселеніяхъ. «Подъѣзжая къ Новому Баязету—пишетъ онъ—я не хотѣлъ вѣрить, что это—городъ: на первомъ планѣ въ немъ выступаютъ высокія пирамиды изъ сухого кизяка; такая пирамида составляетъ богатство здѣшняго жителя, такъ какъ на всѣхъ горахъ, по юго-западному берегу Гокчи, нѣтъ ни лѣсовъ, ни кустарниковъ. Однимъ словомъ, чтобы существовать здѣсь, нужно быть скотоводомъ, чтобы имѣть дрова для варки пищи и для отопленія. То же отсутствіе лѣса заставило мѣстныхъ жителей углублять свои лачуги въ землю, вырывая довольно глубокія ямы. Камень замѣняетъ у нихъ въ большинствѣ случаевъ дерево; камнемъ обкладываются стѣны внутри лачуги, въ ямѣ, и выводятся даже стѣны, нѣсколько выше надъ поверхностью земли. Камень берется неотесанный, кладется по большей части безъ цемента, самымъ первобытнымъ способомъ. Только для крыши употребляются деревянныя балки, сверхъ которыхъ кладется земля. Ограда около домовъ для скота, точно также огородъ для гуменъ—все это дѣлается изъ дикаго, неотесаннаго камня лавы; изъ нея же встрѣчается посуда, какъ-то: ступы, корыта и пр. Итакъ, если бы не пирамиды изъ кизяка и не скирды хлѣба около поселеній и не дымъ изъ лачугъ, то было бы трудно отли-

чить здѣшніе аулы отъ естественныхъ возвышеній въ здѣшнихъ каменистыхъ горахъ и холмахъ... Проходя по скаламъ юго-западнаго берега Гокчи, повсюду встрѣчаешься съ подобными сооруженіями, частію современными, частію древними, давно заброшенными. Но нынѣшнія пастушескія сооруженія такъ же мало отличаются отъ давно заброшенныхъ, какъ и новѣйшіе пастухи отъ тѣхъ, которые сдѣлались извѣстными въ западной Азіи съ глубокой древности *).

Кто взбирался на Чатырдагъ и видѣлъ тамошнихъ пастуховъ-татаръ и ихъ каменную, пеласгійской кладки хижину, тотъ до нѣкоторой степени уже знакомъ съ тою картиною первобытной жизни какъ современныхъ Нимвродовъ, такъ и тѣхъ, которые когда-то были царями въ Азіи—первыми историческими царями на землѣ.

Къ слѣдующему молоканскому селенію и къ станціи Еленовкѣ дорога проходитъ по обрывистому, каменистому берегу Гокчи. Путь этотъ до того притиснутъ горами къ береговому обрыву, что ѣзда по немъ очень волнуетъ: такъ и кажется, что, при быстромъ раскатѣ колесъ или при неосторожномъ поворотѣ, того и гляди полетишь стремглавъ въ пѣнящееся подъ обрывомъ бирюзовое озеро.

Влѣво, недалеко отъ берега, виднѣется небольшой скалистый островокъ, почти недоступный съ озера, точно укрѣпленіе. На немъ виднѣются сѣрыя стѣны древнихъ построекъ и настоящихъ укрѣпленій, надъ которыми высятся такіе же древніе, коническіе куполы армянской церкви. Это—древній армянскій монастырь, о которомъ упоминаетъ г. Зеленскій въ своемъ описаніи Эривани. Онъ говоритъ, что въ старинной церкви этого монастыря надъ дверью, доселѣ сохранилась надпись, гласящая, что въ 1557 году, когда турки завоевали у персовъ эриванскую область, Эриванью управлялъ нѣкто Агунъ-бекъ *).

Глубокимъ уединеніемъ вѣетъ отъ этого неприступнаго островка, который, какъ и самая Гокча, называется по-армянски Севанъ. Тишину этого уединенія нарушаютъ только однообразные прибои волнъ да жалобные крики морскихъ чаекъ.

---

*) Дневникъ археологическихъ работъ, веденныхъ въ закавказскомъ краѣ осенью 1879 года П. С. Поляковымъ (Записки археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ въ 1881 году, стр. 969).

*) Городъ Эривань. С. И. Зелинскаго. стр. 3 (Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа).

Почти до самой Еленовки дорога идетъ все этимъ же обрывистымъ берегомъ Гокчи. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ по зимамъ бываютъ снѣжные обвалы съ сосѣднихъ горъ, устроена надъ дорогой каменная съ деревянными опорами и съ нѣсколькими боковыми просвѣтами галлерея въ формѣ туннеля. Холодъ и сырость въ ней совершенно могильные.

Въ Еленовкѣ, довольно большомъ селеніи, тѣ же молокане и тотъ же осенній холодъ; но видимое довольство жителей, обширныя поля, засѣянныя пшеницей, большія одоньи стараго, прошлогодняго хлѣба и здоровый видъ обитателей достаточно выкупаютъ это, все-таки нѣсколько сибирское житье ссыльныхъ народныхъ философовъ-раціоналистовъ. Вся же окружающая эти русскія колоніи обстановка не позволяетъ желать ничего лучшаго. Горы, амфитеатромъ обступающія и озеро Гокчу, и весь юго-западный горизонтъ, придаютъ всей этой мѣстности много величавой поэзіи.

За Еленовкой, по пути къ станціи Ахты, Гокча теряется изъ глазъ, и мѣстность начинаетъ мало-по-малу понижаться вплоть до Эривани и роскошной долины Аракса, богатымъ ковромъ разстилающейся у самаго подножія Арарата.

День начиналъ клониться къ вечеру, а между тѣмъ мнѣ необходимо было сдѣлать до ночи еще два переѣзда. Первый переѣздъ былъ до станціи Ахты, богатаго и обширнаго татарскаго селенія, до половины почти заселеннаго молоканами и отчасти армянами. Второй переѣздъ мнѣ предстояло сдѣлать въ сторону отъ почтовой дороги, вправо, въ возвышенное междугорье, гдѣ въ то время находились на лѣтней кочевкѣ какъ эриванскій губернаторъ, такъ и всѣ губернскія власти.

Кочевка эта—древнее армянское селеніе въ горахъ, Дарачичагъ.

Дарачичагъ мнѣ необходимо было посѣтить по многимъ причинамъ. Главная, это заручиться указаніями и содѣйствіемъ губернатора, Михаила Яковлевича Шаликова, которому я долженъ былъ передать привезенное мною изъ Петербурга письмо къ нему отъ моего добраго знакомаго, милаго, обязательнаго и многостороннее образованнаго Николая Дементьевича Новицкаго, нынѣ начальника штаба туркестанскаго генералъ-губернатора, а также письмо попечителя кавказскаго учебнаго ок-

руга, почтеннаго и многоуважаемаго Кирила Петровича Янозскаго, вмѣстѣ съ словесной рекомендаціей и поклономъ отъ извѣстнаго знатока Кавказа и Закавказья, такъ много сдѣлавшаго по части изученія этого края, генерала І. Н. Стебницкаго. Отъ М. Я. Шаликова я надѣялся получить предписаніе къ мѣстнымъ властямъ относительно оказанія мнѣ содѣйствія въ исполненіи того плана, которымъ я столь смѣло задался, не подозрѣвая, что мнѣ будетъ стоить все то, чего я искалъ.

Въ сумерки того же 4-го августа я былъ въ Дарачичагѣ.

VII. Въ Дарачичагѣ.

Дарачичагъ, лѣтнее кочевье эриванскихъ властей, расположенъ въ горахъ, на разстояніи 7 верстъ вправо отъ почтовой дороги и верстахъ въ 50-ти отъ Эривани. Счастливое положеніе и благопріятная, умѣренная температура этого аристократическаго кочевья обусловливаются двумя главными обстоятельствами: во-первыхъ, Дарачичагъ расположенъ на горной высотѣ въ нѣсколько тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря, что спасаетъ его отъ тропическаго зноя Эривани, гдѣ реомюръ въ то время поднимается почти до 50-ти градусовъ и гдѣ лѣтомъ какъ самый воздухъ, такъ и всѣ условія жизни положительно смертоносны, а миріады почти невидимыхъ простымъ глазомъ москитовъ отравляютъ по ночамъ существованіе даже тѣхъ выносливыхъ и привычныхъ мѣстныхъ обитателей, которые по дѣловой неволѣ или по бѣдности неизбѣжно осуждены оставаться лѣтомъ въ этомъ пеклѣ; во-вторыхъ, Дарачичагъ такъ счастливо поставленъ топографически, что человѣкъ, спасаясь на горной высотѣ отъ эриванскаго пекла, въ то же время не испытываетъ на этой высотѣ осеннихъ холодовъ и вѣтровъ, господствующихъ лѣтомъ въ окрестностяхъ Гокчи, потому что съ сѣвера онъ защищенъ высокими горами, отрогами знаменитаго Алагеза, огибающими его въ видѣ громадной подковы, а съ юга и востока его грѣетъ то же солнце, которое столь убійственно въ Эривани и такъ ласково здѣсь, на высотѣ нѣсколькихъ тысячъ футовъ.

Вотъ почему лѣтомъ перекочевываютъ сюда всѣ эриванскія власти, обязанныя лѣтомъ работать, сочинять и подписывать бумаги. Это такимъ образомъ есть и кочевье, и дачи мѣстной интеллигенціи.

Весь Дарачичагъ состоитъ почти изъ одной улицы, расп-

ложенной по горному спуску, по обѣ стороны котораго бѣлѣются небольшіе домики, большею частью принадлежащіе молоканамъ, господствующему элементу этого оригинальнаго эриванскаго кочевья. Въ этихъ-то домикахъ и проживаютъ лѣтомъ эриванскія власти. Поэтому, при въѣздѣ въ этотъ совершенно мужицкій поселокъ, странно бросаются въ глаза снующія по улицамъ совершенно немужицкія физіономія и костюмы: элегантныя барыни и барышни въ модныхъ платьяхъ, красиво одѣтыя дѣти богатыхъ родителей съ нянями и боннами, губернскіе львы и юные пижоны (pigeons), офицеры и генералы въ кителяхъ, полицейскіе чины и солдаты; и тутъ же рядомъ молокане, въ своихъ совершенно московскихъ кафтанахъ и красныхъ рубахахъ, молоканки въ чистенькихъ платьицахъ и бѣлыхъ передникахъ, одѣты чисто, щеголевато, точно порядочныя няни или «барышни» изъ мѣщанокъ; тутъ же и армяне, и татары, и татарки въ красныхъ шальварахъ и фесахъ съ повязками, тѣ самыя цвѣтныя и пестрыя татарки, которыя такъ живописно украшаютъ собой свои собственныя, настоящія кочевья съ шатрами и прочею дикою, но живописною обстановкою.

Въѣхавъ въ Дарачичагъ и взобравшись до половины улицы (буквально «взобравшись», такъ круто поднимается въ гору эта улица), мой ямщикъ остановилъ лошадей.

— Ты что сталъ?—спрашиваю я.

— Надо лошадь передохнуть,—былъ отвѣтъ,—больно крутой улица точно Алагязъ *).

— А развѣ Алагязъ очень крутъ?

— У! Какой крутой!

— И высокъ?

— У! Высокъ!

— А не выше Арарата?

Мой татаринъ даже глянулъ на меня.

— Выше? Какой выше! Араратъ завсѣмъ большой гора, у, какой большой! А Алагязъ завсѣмъ малай гора.

— А можно взойти на Алагязъ?

— На Алагязъ можна!

— А на Араратъ?

— О! На Араратъ завсѣмъ не можна.

---

*) Алагязъ—это знаменитый Алагезъ:—такъ произносятъ это слово татары.

Я съ умысломъ разспрашиваю его объ Араратѣ. Я зналъ, что какъ у мѣстныхъ татаръ-мусульманъ, такъ и у армянъ глубоко вкорененo убѣжденіе, что взойти на Араратъ нельзя, что это запрещено людямъ и христіанскимъ Богомъ, и Аллахомъ, что тѣ дерзкіе, которые осмѣливаются ослушаться заповѣди Божіей и пытаются взойти на священную гору, погибаютъ самымъ ужаснымъ образомъ.

— Отчего же нельзя взойти на Араратъ?—допытывался я.

— Аллахъ не велѣлъ, Богъ!

— Ну, мало-ли что Богъ не велитъ, а люди дѣлаютъ.

— Нѣтъ, завсѣмъ не можна... Одинъ англичанъ былъ, такъ онъ на машина поѣхалъ на Араратъ. Ну, ѣхалъ, ѣхалъ, на половина тэра заѣхалъ; а тамъ Богъ посылалъ вѣтеръ, такой большой вѣтеръ, что онъ разомъ какъ визалъ (взялъ) англичанина, какъ визалъ его, и не знай куды положилъ; такъ онъ и пропадилъ.

— Вотъ какъ страшно!

— Да... А былъ одинъ французъ, такъ онъ дѣлалъ такой чимуданъ и въ этомъ чимуданъ леталъ на Араратъ... Такъ бальшой вѣтеръ забиралъ ево и съ чимуданомъ, и не знай куды клалъ, и французъ пропадалъ.

Что разумѣлъ онъ подъ словомъ «чимуданъ», не знаю; но, вѣроятно, онъ что-нибудь слышалъ о воздушномъ шарѣ, и отсюда вышелъ «чимуданъ» и несчастное воздухоплаваніе француза.

Въ Дарачичагѣ я остановился въ тамошней такъ называемой «гостиницѣ». Это было какое-то странное полувосточное помѣщеніе, крытое соломой и съ такими «номерами», которымъ невозможно подобрать никакого названія: скорѣе это было чуланчики, всего два проходные чуланчика съ однимъ полу-проходнымъ, и этотъ-то полу-проходной и отвели подъ мою особу. Я велѣлъ приготовить для себя яичницу, вечеромъ готовить что-либо было уже поздно, и ѣлъ это роскошное блюдо, сидя на окнѣ, ибо на столикѣ трапезовать было совсѣмъ неудобно.

У меня попросили мой видъ предъявить полиціймейстеру (и его признано было необходимымъ перевести на лѣто въ общее губернское кочевье). Я исполнилъ требованіе закона, а на утро самъ пошелъ къ начальнику полиціи (оказавшемуся

очень любезнымъ и, повидимому, очень мягкимъ человѣкомъ), чтобы съ нимъ вмѣстѣ отправиться къ губернатору.

Такъ мы и сдѣлали.

Губернаторъ принялъ меня такъ, какъ я отчасти и ожидалъ, потому что раньше слышалъ о немъ очень много хорошаго, какъ о губернаторѣ и человѣкѣ. Хорошему пріему могли, конечно, способствовать и привезенныя мною письма, но и безъ всего этого я нашелъ въ немъ очень пріятную, простую и симпатичную личность.

Разговорились, разумѣется, о цѣли моей поѣздки. Добрѣйшій генералъ выразилъ, конечно, полнѣйшую готовность сдѣлать для меня все, что отъ него могло зависѣть какъ отъ начальника края, рекомендовать мѣстнымъ властямъ у Арарата оказывать мнѣ содѣйствіе во всемъ, отъ чего могъ зависѣть успѣхъ моей экспедиціи, давать мнѣ опытныхъ проводниковъ и стражу, указать старожиловъ, которые могли, быть можетъ, помнить, какъ совершалъ въ 1850 году восхожденіе на Араратъ г. Ходзько вмѣстѣ съ гг. Ханыковымъ, Александровымъ, Морицемъ, Усларемъ, Шарояномъ и 60-ю человѣками солдатъ и казаковъ.

— Вотъ все, что я имѣю въ своемъ распоряженіи,—заключилъ онъ,—а ужъ ближайшее организованіе самой экспедиціи будетъ зависѣть отъ васъ.

— Конечно... Благодарю васъ... Я надѣюсь, впрочемъ, что, быть можетъ, у самаго Арарата найдутся желающіе попытать со мною счастья, хоть оно, говорятъ, достигается не безъ риску.

— На кого же вы разсчитываете?

— Я имѣю еще письмо отъ генерала Новицкаго, отъ Николая Дементьевича, къ его хорошему знакомому и товарищу по военной академіи, къ полковнику Невѣровскому.

— Къ командиру уманскаго казачьяго полка, расположеннаго въ Аралыхѣ?

— Да, именно къ нему.

— Но его теперь, на ваше несчастье, нѣтъ въ Аралыхѣ.

— А гдѣ же онъ?

— Въ отпуску, на минеральныхъ водахъ въ Пятигорскѣ.

— Жаль; а я на него возлагалъ большія надежды.

— Впрочемъ, вы можете обратиться къ полковнику Аракелову, который теперь вмѣсто Невѣровскаго временно завѣ-

дуетъ полкомъ: это очень хорошій и всѣми уважаемый старикъ и человѣкъ чрезвычайно обязательный, онъ сдѣлаетъ для васъ все возможное... Поклонитесь ему отъ меня.

— Благодарю, я воспользуюсь вашимъ совѣтомъ и надѣюсь, что...

— Ахъ, да! Вотъ кстати. Я чуть было не забылъ:—прервалъ Михаилъ Яковлевичъ.—Здѣсь, въ Дарачичагѣ, находится въ настоящую минуту сурмалинскій уѣздный начальникъ, г. Кокчаевъ; онъ пріѣхалъ сюда на нѣсколько дней къ роднымъ. Онъ будетъ для васъ самымъ полезнымъ человѣкомъ: Араратъ находится въ его уѣздѣ, въ его рукахъ и всѣ средства быть вашимъ руководителемъ... Я сейчасъ пошлю за нимъ, и мы условимся, какъ помочь вашему дѣлу.

Для меня это была находка, лучшаго ничего и не требовалось для моихъ цѣлей.

Генералъ тотчасъ же приказалъ попросить къ себѣ это желательное для меня лицо, и черезъ нѣсколько минутъ сурмалинскій уѣздный начальникъ былъ уже съ нами. Онъ явился моимъ добрымъ геніемъ, хотя ни онъ, ни я не могли, конечно, предвидѣть, что ожидаетъ меня впереди. А впереди ожидало меня глубокое разочарованіе и такой несчастный конецъ, какого я всю жизнь не забуду.

Но зачѣмъ забѣгать въ область будущаго...

Явившійся на зовъ губернатора сурмалинскій уѣздный начальникъ, Николай Петровичъ Кокчаевъ, произвелъ на меня очень хорошее впечатлѣніе. Это—чистый, кровный типъ южнаго человѣка: красивый, смуглый, съ живымъ, яркимъ блескомъ въ черныхъ глазахъ.

Узнавъ въ чемъ дѣло, онъ, повидимому, съ восторгомъ принялъ предложеніе губернатора. Ему самому хотѣлось давно попытать счастья взойти на библейскую гору, но не представлялось случая, да и не съ кѣмъ было, хотя Араратъ и глядитъ на него постоянно въ окно его кабинета въ Игдырѣ, у самаго подножія священной горы, гдѣ находится его квартира. Онъ обѣщалъ вмѣстѣ со мной совершить восхожденіе на историческую святыню, восхожденіе, которое, какъ idée fixe, глубоко пустило корни въ мою душу, завладѣло моимъ воображеніемъ, отняло у меня сонъ.

— Да я самъ лично, моими руками, поставлю Даніила Лукича на самую вершину Арарата!

Вотъ собственныя слова г. Кокчаева *).

Затѣмъ губернаторъ приказалъ изготовить для меня открытый листъ, въ которомъ оповѣщалось: «Предписывается станціоннымъ начальникамъ земской стражи по тракту отъ урочища Дарачичага до разныхъ мѣстъ Эриванской губерніи предъявителю сего (такому-то, т. е. мнѣ) давать безъ задержанія отъ всѣхъ постовъ безопасный конвой изъ всадниковъ земской стражи и вообще оказывать всякое законное дѣйствіе».

Къ двумъ часамъ губернаторъ пригласилъ меня и г. Кокчаева къ себѣ обѣдать, чтобы уже окончательно условиться насчетъ нашей экспедиціи.

Простившись на-время съ любезнымъ хозяиномъ, я пошелъ побродить по Дарачичагу и осмотрѣть остатки замѣчательныхъ древностей этого интереснаго мѣстечка, какъ разъ противъ квартиры губернатора.

Прежде всего бросалась въ глаза полуразрушенная башня, отъ которой остались только части массивныхъ стѣнъ, двери и окна. Я вошелъ въ дверь, это была уже не дверь, а громадная брешь, какъ будто бы разбитая пушками или тараномъ, хотя этимъ всесокрушающимъ тараномъ, быть можетъ, было одно время, наложившее свою тяжелую руку на историческую древность нѣкогда славной и цвѣтущей Арменіи, какъ независимаго царства, мужественно боровшагося въ оное время съ персами и турками. Съ трудомъ взобравшись по камнямъ и мусору въ эту дверь, уже давно лишенную своихъ массивныхъ гранитныхъ

*) Въ № 226 газеты «Кавказъ» отъ 27 августа 1882 г., г. Кокчаевъ напечаталъ небольшую статью, подъ заглавіемъ «Восхожденіе на Большой Араратъ», гдѣ онъ такъ передаетъ описываемый мною эпизодъ: «онъ, т. е. я, ѣхалъ въ Сурмалинскій уѣздъ, съ цѣлью посѣтить старика-исполина».—Я желаю взойти на Араратъ,—сказалъ онъ мнѣ. Хотя я и не помышлялъ о такомъ путешествіи, тѣмъ не менѣе былъ весьма счастливъ совершить съ пріѣзжимъ гостемъ эту прогулку, которая въ обществѣ свѣжаго человѣка могла бы произвести на меня лишь самое пріятное впечатлѣніе.—«Рѣшено и подписано: завтра я къ вашимъ услугамъ въ Эривани къ 6 часамъ вечера, отъуда мы вмѣстѣ поѣдемъ ко мнѣ въ Игдырь, и затѣмъ, приготовившись къ экспедиціи, направимся къ Арарату», отвѣтилъ я. Въ этотъ день мы не разъ возвращались къ нашему путешествію и въ послѣдній разъ за обѣдомъ у эриванскаго губернатора пожелали другъ другу благополучнаго восхожденія, восхода на вершину горы».

косяковъ, я долго разсматривалъ печальную внутренность разрушеннаго зданія: въ обѣ стороны отъ двери, къ угламъ, остались неразрушенными небольшія ниши, обложенныя тесанымъ гранитомъ, а изъ нишей продѣланы въ стѣны какія-то отверстія, не то тайники, не то трубы. Полуразрушенныя окна въ стѣнахъ смотрятъ такъ, точно бы это были черныя орбиты въ сухомъ черепѣ мертвеца. Они обложены гранитомъ, отлично вытесаннымъ, но сильно изъѣденнымъ отъ времени и непогодъ. Сохранилась только одна внутренняя, меньшая дверь, какъ разъ противъ главной, наружной; но куда она вела — это остается теперь тайною времени и разрушенія.

Недалеко отъ этой башни, нѣсколько выше въ гору, величественныя развалины церквей. Зданія эти, несмотря на то, что страшно, такъ сказать, изгрызены и источены временемъ и даже до половины развалились, до сихъ поръ свидѣтельствуютъ о высокой степени искусства, до котораго достигла когда-то архитектура армянскаго царства. Что за чистота, изящество и тонкость отдѣлки! Что за величавость и красота въ цѣломъ! Одна лѣвая церковь, или часовня, сохранилась достаточно; только коническій куполъ и башенка полуразрушены; но при всемъ томъ зданіе это очень красиво, особенно эти тонкіе прорѣзы въ стѣнахъ вмѣсто оконъ. Меньшая, средняя церковь, также представляетъ почти одинъ мертвый остовъ, но также необыкновенно изящна. Наконецъ, правое зданіе—главная церковь или, быть можетъ, соборъ, поражаетъ величавостью и красотой при всемъ своемъ разрушеніи. Особенно величественъ главный куполъ этого зданія, тоже полуобвалившійся.

Я долго бродилъ въ глубокой задумчивости вокругъ этихъ прелестныхъ остатковъ древняго царства, нынѣ такого же мертваго политически, какъ и всѣ эти развалины, сваленные вѣтромъ кресты, завалившіеся куполы и стѣны, полуразбитыя могильныя плиты и обвалившіеся карнизы. Кругомъ церквей, на дворѣ, въ разрушенной оградѣ и за оградой вездѣ кладбища, надгробные памятники съ армянскими выпуклыми надписями, источенными, словно червоточиной, временемъ, дождями, солнцемъ, всѣми этими могучими факторами разрушенія и жизни. Что же иное, впрочемъ, и сама жизнь, какъ не постоянное разрушеніе! И что такое это разрушеніе, какъ не сама жизнь,

вѣчная, безконечная! Жизнь и смерть, это родныя сестры, близнецы: смерть даетъ жизнь, но только не умершему, а жизнь—смерть, постепенное умираніе для живущаго.

Противъ лицевой стороны развалинъ цѣлый рядъ стоячихъ надгробныхъ плитъ съ древними армянскими надписями, тоже источенными временемъ, словно бы это стоятъ сами мертвецы и гласятъ о себѣ, кто они были, какъ они были когда-то сильны и счастливы. На дворѣ — опять тѣ же надгробныя плиты съ надписями и крестами—и все это говоритъ о смерти, о вѣчномъ разрушеніи: многія имена мертвецовъ стерлись, дѣянія ихъ забыты, какъ забывается и память о нѣкогда славной и независимой Арменіи... Все стирается... А вотъ еще не стерлась довольно свѣжая надпись на плитѣ изъ порфира: «Здѣсь покоится прахъ подполковника Ивана Никитовича Попиджанова, родившагося въ 1801 году, умершаго въ 1875 году, іюля 22-го дня». Внизу армянская надпись. А вотъ на этомъ камнѣ вырѣзаны только два слова, но такія трогательныя: «Нашей Нипочкѣ». Нина—любимое имя во всемъ Закавказьѣ.

Всюду, куда ни ступитъ нога, куда ни глянетъ глазъ, всюду смерть и разрушеніе, и тутъ же кипучая жизнь: въ расщелины стѣны забралась свѣжая зелень, и оттуда выглядываютъ цвѣты; весь дворъ и древнія съ надписями плиты прорастаютъ травою; миріады, буквально миріады ящерицъ снуютъ по плитамъ, по узорчатымъ карнизамъ, даже по гладкимъ стѣнамъ, все это живетъ, грѣется на солнышкѣ, прячется въ зелени. На верхушкѣ главнаго зданія, гдѣ-то высоко въ куполѣ, гнѣздо кобчика, въ которомъ пищатъ будущіе хищники, истребители этихъ наслаждающихся жизнью ящерицъ—живыхъ обитателей кладбища.

Самая ограда вокругъ церквей и надгробныхъ плитъ сложена изъ ихъ же осколковъ, изъ узорчатыхъ, обломанныхъ карнизовъ, изъ разбитыхъ каменныхъ крестовъ: эти развалины охраняютъ сами себя, берегутъ то, что еще не разбито въ прахъ, не растащено... А по плитамъ съ надписями внѣ этой ограды, по обломаннымъ и упавшимъ карнизамъ, по высѣченнымъ въ гранитѣ крестамъ уже стучатъ колеса арбы, пробирающейся въ горы...

Такъ тихо кругомъ! Только иногда горный вѣтерокъ зашелститъ сухою травкою, и точно шепчетъ что-то эта травка, такъ

что невольно оглянешься кругомъ въ смущеніи, нѣтъ ли кого живого тутъ... Но никого нѣтъ... Это говоритъ вѣтерокъ съ сухою травкою, да солнце играетъ на какой-нибудь гладкой плитѣ, то солнце, которое свѣтило когда-то надъ независимой Арменіей, то солнце, которое живитъ и раститъ все новое и доразрушаетъ все мертвое, какъ лишнее, никому не нужное...

Возвращаясь отъ развалинъ къ себѣ въ «гостиницу», я попадаю въ шумную, разношерстную толпу, которая запрудила всю улицу Дарачичага и кричала и распѣвала на всѣ лады. Какой-то восточный человѣкъ фальцетомъ тянетъ на всю улицу:

Ахъ, ловите дни златые—
Ихъ немного въ жизни сей...

А молоканскіе парни въ красныхъ рубахахъ и черныхъ плисовыхъ штанахъ стоятъ кучкой и громко смѣются надъ какимъ-то пьяненькимъ россійскимъ человѣчкомъ, который стоитъ противъ нихъ въ позѣ гладіатора и ругается:

— Молоканки проклятые! Порода проклятая! Кому же я теперь долженъ жаловаться?

Молокане хохочутъ, чѣмъ еще пуще подзадориваютъ пьяненькаго.

— Кшъ-кшъ! На собраніе, проклятые молокососы! На собраніе!

Слышатся и чисто-восточные возгласы: «Аллага! Ля аллахъ!»

И тутъ же изъ всей этой разноголосицы выдѣляется очень отчетливо визгливый голосъ молоканки:

— Ванька! А Ванька! Ты вонъ не отогналъ быка, онъ же и залавливаетъ...

Въ «гостиницѣ» я застаю въ своемъ «номерѣ»-чуланѣ черноглазыхъ дѣвочекъ-армянокъ, племянницъ хозяина-армянина. Онѣ играютъ въ карты, въ дурачки, и слышу, называютъ козырнаго короля «козырнымъ шахомъ». — «Шахъ», какъ это звучитъ Персіей! Между тѣмъ дѣвочки учатся «въ заведеніи» въ Эривани («заведеніе» — это пансіонъ г-жи Стасюлевичъ, очень уважаемый не только русскими и армянами, но даже мусульманами, которые съ довѣріемъ отдаютъ дѣтей своихъ г-жѣ Стасюлевичъ).

Дѣвочки, желая похвастаться, что они умѣютъ читать по-русски, притащили какой-то учебникъ, и младшая очень бойко стала декламировать:

Воронъ къ ворону летитъ,
Воронъ ворону кричитъ:
— Воронъ, гдѣ-бъ намъ пообѣдать?
Какъ бы намъ о томъ провѣдать?

«Воронъ» этотъ очень мнѣ понравился.

Послѣ обѣда у губернатора я тотчасъ же собрался въ дальнѣйшій путь. Но выѣхалъ изъ Дарачичага только въ сумерки, потому что въ самомъ Дарачичагѣ нѣтъ почтовой станціи и за лошадьми пришлось посылать нарочнаго въ Ахты.

Серпъ молодого мѣсяца ярко вырѣзывался на ясномъ небѣ какъ разъ подъ вечерней звѣздой. Я глубоко чувствовалъ, что кругомъ меня поэтическій, оборванный, яркій, хотя и въ заплатахъ, прелестный и симпатичный, хотя и пугающій своими чумами, лихорадками, холерами и всякими болѣстями Востокъ. Колеса стучали по камнямъ, словно у меня по нервамъ. Изрѣдка попадались безобразныя арбы съ безобразными буйволами. Въ темнотѣ раздавался такъ гулко окрикъ моего возницы: «аварда»!

На станцію я въѣхалъ уже при полномъ мракѣ. Хоть я и имѣлъ право, въ силу открытаго листа губернатора, требовать для себя охрану—вооруженный конвой, но я рѣшился переждать мракъ южной ночи на станціи, чтобъ утромъ, при свѣтѣ, лучше видѣть путь, по которому я стремился къ задуманной цѣли.

— А! Ты со миной вичири (вчера) у Дарачичагъ ѣзжалъ,— слышу вдругъ голосъ позади себя.

Вглядываюсь въ темноту, ба! знакомое, добродушное рыло. Это тотъ самый прирученный кочевникъ, который вчера разсказывалъ мнѣ, какъ одинъ англичанинъ на «машина», а одинъ французъ на «чимуданѣ» ѣздили на Араратъ и были занесены вѣтромъ невѣдомо куда, «не знай на-куда».

— Да, да, это я, пріятель,—обрадовался я знакомому дикарю: когда бродишь одинъ вдали отъ своихъ мѣстъ, всякое доброе рыло радуетъ.

— А! Это буйволъ!—слышу вдругъ въ темнотѣ другой возгласъ.

— Буйволъ, я буйволъ, — смиренно отвѣчаетъ мой пріятель-дикарь.

Въ темнотѣ различаю на крыльцѣ станціоннаго дома черную фигуру и выглядывающій изъ-подъ пальто или плаща бѣлый китель. По выговору узнаю русскаго.

— Ну, буйволъ, тащи ящикъ.

Буйволъ смиренно беретъ изъ телѣги ящикъ и молча претъ его на лѣстницу.

— Тащите и мои вещи, пріятели!—командую я.

— А что, баринъ, ночевалъ хочешь?—спрашиваетъ какой-то богатырь въ шапкѣ, величиной съ куполъ Исакія.

— Да, ночую.

— Спасиба, баринъ, а то лошадка не кушалъ.

— Значитъ, ночуемъ вмѣстѣ,—отзывается китель.

— Чудесно.

— Куда изволите ѣхать?

— На Эривань.

— А я изъ Эривани, изъ Игдыря.

Оказывается, что это игдырскій почтмейстеръ, переходящій на ту же должность въ Караклисъ.

Въ комнату входитъ еще кто-то.

— А! Кумъ! Куда?

— Въ Караклисъ.

Это сошлись два старыхъ знакомыхъ: пришедшій, завѣдующій мѣстною англо-индійскою или индо-европейскою телеграфною линіею, а китель служилъ здѣсь прежде. Разговорились. Стали и меня разспрашивать, куда и зачѣмъ ѣду. Пришлось сказать.

Глубокое изумленіе!

— Это по-англійски!—замѣтилъ завѣдующій линіею.—Недавно проѣзжалъ здѣсь на Араратъ извѣстный англійскій путешественникъ.

— Какой?

— Лордъ Ильчестеръ... Въ маѣ онъ проѣзжалъ изъ Индіи черезъ Тавризъ и мнѣ телеграфировалъ объ этомъ... Молодой еще человѣкъ, видно очень богатый, поѣхалъ прямо въ Лондонъ. А въ іюлѣ вотъ опять здѣсь проѣзжалъ обратно съ

другимъ лордомъ, совсѣмъ молоденькій, еще и усовъ нѣтъ... На Араратъ тоже ѣхали... И не надоѣстъ людямъ мыкаться!

Скоро пріятели ушли, и я улегся спать. Съ мыслью объ Араратѣ я и уснулъ... Вѣдь завтра утромъ чуть-свѣтъ я увижу его!

VIII. Въ виду Арарата.

Ночь или утро? Я не могу себѣ дать отчета. Кажется, утро. Чуть брежжитъ на дворѣ.

Гдѣ же я теперь? А! помню: я въ Дарачичагѣ. Всю ночь меня не покидала засѣвшая гдѣ-то въ мозгу и въ нервахъ неотвязчивая мелодія прелестнаго стиха:

Ихъ домы вѣтеръ разметалъ,
Ихъ гробы срыли плуги
И пламень ржавчины пожралъ
Ихъ шлемы и кольчуги...

Это музыка развалинъ Дарачичага, это мелодія смерти.

Нѣтъ, я уже не въ Дарачичагѣ. Я еще вчера оставилъ его, а теперь я ночую въ Ахты и сегодня же увижу то, къ чему давно стремилась моя мысль.

«Всеобщее религіозное уваженіе къ Арарату не уступитъ въ древности исторіи человѣческаго рода. Оно основано на преданіяхъ, имѣющихъ неопровержимо-глубокое значеніе, на немногихъ звукахъ, дошедшихъ до насъ отъ давнопрошедшей жизни человѣчества и говорящихъ намъ о ней какъ неясныя воспоминанія младенчества о началѣ нашего существованія; а потому касаться ихъ, значитъ тревожить то, что человѣкъ называетъ святынею. Равнымъ образомъ мы считаемъ излишнимъ разбирать, имѣетъ ли, или не имѣетъ основанія религіозное повѣріе, господствующее въ Арменіи, о невозможности достигнуть вершины священной горы».

Такъ говоритъ знаменитый ученый Абихъ *), три раза пытавшійся взойти на эту ужасную гору и не могшій достигнуть ея таинственной вершины или вслѣдствіе свирѣпствовавшихъ на ней бурь и страшныхъ грозъ (это Аллахъ насылалъ на

*) Горный журналъ. 1846 г., II, стр. 109—110.

дерзкаго смертнаго свои бурныя дыханія или разгнѣванный Іегова металъ громами и потрясалъ основанія земли), или же вслѣдствіе того, что глубокіе снѣга, нависшіе надъ скалами и пропастями, грозили засыпать собою смѣльчака.

Но въ четвертую попытку, 29-го іюля 1845 года, ему, наконецъ, удалось достигнуть того, что считалось недосягаемымъ.

А достигну ли я?

Ихъ дому вѣтеръ разметалъ,
Ихъ гробы срыли плуги...

Чьи «домы»? Чьи «гробы»? А ихъ же, о которыхъ я такъ много думалъ эти дни, двухъ несуществующихъ нынѣ царствъ, армянскаго и грузинскаго, воспоминаніями о которыхъ такъ полны эти мѣста. Ужъ эти мнѣ историческія воспоминанія! Они тревожатъ сонъ, бередятъ нервы...

Пора, однако, ѣхать, скоро начнетъ свѣтать.

Я выхожу на крыльцо. Южная ночь смотритъ на меня во всѣ глаза, всѣми своими звѣздами. Но уже заря начинаетъ чуть-чуть заниматься.

Въ полумракѣ, на крыльцѣ, что-то живое, мягкое попадается мнѣ подъ ноги. Что-то скромно, робко пискнуло, придавленное моею ногою. Это собаченка, которая сторожила мой сонъ. «Ахъ, собачка, прости, не видалъ». Ласкается, знаетъ свое дѣло: проѣзжій-де, все равно что хозяинъ. «Ну, умница, бѣги, буди ямщиковъ». Пошла, повертѣлась на мѣстѣ и, не зная, что дальше дѣлать, стала чесаться.

Но вотъ и ямщики. Что-то подъѣхало къ крыльцу. Изъ экипажа выходятъ какія-то закутанныя фигуры, подходятъ ко мнѣ и здороваются. По говору узнаю, оріенталисты, попросту — восточные человѣки. Начинаютъ разспрашивать.

— Вы куда?

— Въ Эривань.

— А откуда, позвольте спросить?

Я сказалъ. Видимо удивились, что изъ такой дали ѣдетъ человѣкъ въ Эривань.

— А изъ Тифлиса по желѣзнымъ дорогамъ ѣхали?—любопытствуютъ.

— Нѣтъ, на ишачьихъ.

Новое удивленіе. Я объясняю, что сюда желѣзной дороги нѣтъ.

— Какъ нѣтъ! А въ Поти и Баку есть.

Ясно, что и для нихъ, какъ для Ильи, трудно сообразить, гдѣ же Россія. Усиленно допытываются, зачѣмъ я ѣду. Не желая ихъ мучить, я рѣшаюсь ошеломить моихъ оріенталистовъ и говорю, что ѣду на Араратъ. И дѣйствительно ошеломилъ.

— Да на Араратъ нельзя взойти, увѣряютъ.

— А я вотъ хочу попытать счастья.

— Да туда никто еще не всходилъ.

— Нѣтъ, всходили: Парротъ, Беренсъ, Автономовъ-Спасскій и Абихъ.

— Объ этихъ мы не слыхали... А вотъ лазили на Араратъ Энгельгардтъ и Обовьянцъ, и оба пропали безъ вѣсти.

Лошади мои готовы. Всадникъ для конвоя тоже ужъ на конѣ. Я прощаюсь съ незнакомыми оріенталами и пускаюсь въ путь.

На роскошномъ небѣ хоть бы облачко, хоть бы тѣнь, дѣвственно чистое небо. Звѣзды медленно, но замѣтно тухнутъ. Кругомъ надо мною поразительная синева, какая-то словно бы темно-бирюзовая, и только у горизонта полоса менѣе синяя: вѣроятно, это полоса земной атмосферы, не достигающая извѣстной высоты.

И вдругъ, что-то яркое, странно, неестественно бѣлое, какъ бы блеснуло на этой темно-синей полосѣ горизонта. Что это?

Да это же онъ—Араратъ!.. Что-то сдавило мнѣ сердце.

Я оглядываюсь вправо, и тутъ высится великанъ съ снѣжною вершиной. Это Алагезъ. Но онъ ничтожество передъ Араратомъ. Отъ того я не могу отвести изумленнаго: болѣе чѣмъ изумленнаго, испуганнаго взора. Это что-то непостижимое. Цѣлая гора, цѣлая область снѣговъ встаетъ передъ вами болѣе, чѣмъ за 100 верстъ! Такъ велика эта масса земли и камней, уходящая въ небо и засыпанная снѣгами! И вы созерцаете это пугающее мысль и душу явленіе съ высоты 6,000 футовъ, выше чѣмъ съ Чатырдага. Невиданная, почти небывалая картина!

Тутъ, откуда я созерцаю эту картину, еще сумракъ зари застилаетъ окрестность, солнца еще нѣтъ и признака: но тамъ оно уже золотитъ снѣжную вершину горы и посылаетъ свои первые лучи на острые, тоже снѣжные шпицы Алагеза.

«Впереди двѣ гигантскія горы выступаютъ на горизонтѣ», говоритъ г. Поляковъ въ своей археологической запискѣ по поводу того, какое впечатлѣніе произвелъ на него видъ Арарата, когда онъ созерцалъ въ первый разъ эту гору съ того мѣста, откуда и я впервые увидѣлъ ее. «И подошва, и средняя часть несутъ на себѣ общій всѣмъ другимъ горамъ желтовато-сѣрый оттѣнокъ; но ихъ покрытыя снѣгомъ вершины, уходя въ высоту, принимаютъ голубоватую окраску, такъ что, наконецъ, становится почти невозможнымъ отличить предѣловъ, откуда начинается небесная синева, и гдѣ кончаются вершины горъ. Это двѣ вершины, Большого и Малаго Арарата, и мѣстные жители имѣютъ много основаній помѣщать на нихъ уже не земныя, но небесныя силы. Большой Араратъ, восходя на высоту 16,919 футовъ надъ уровнемъ моря и на пять слишкомъ тысячъ футовъ превосходя наиболѣе высокія изъ окружающихъ его вершинъ, рѣшительно господствуетъ не только въ ближайшихъ окрестностяхъ, но даже и дальше, надъ горами, слѣдующими отъ него по всѣмъ направленіямъ — къ сѣверу, къ югу, и по всѣмъ другимъ странамъ свѣта. Араратъ видѣнъ уходящимъ въ высоту, въ поднебесье, не только со спуска отъ Гокчайскаго озера, но даже дальше, отъ береговъ Чернаго моря до долинъ Тигра и Евфрата. Поэтому понятна его роль, какъ священной горы, у всѣхъ историческихъ народовъ западной Азіи. Но съ особенной ясностью выступаетъ Араратъ съ лѣвой стороны долины Аракса. Въ противоположность многимъ высочайшимъ горнымъ вершинамъ другихъ азіятскихъ хребтовъ, Араратъ не имѣетъ предгорій со стороны Аракса; поэтому онъ и представляется отсюда въ своемъ наибольшемъ величіи. Начинаясь массивомъ съ весьма широкимъ основаніемъ, на высотѣ нѣсколькихъ тысячъ футовъ онъ дѣлится на двѣ вершины, изъ которыхъ высшая покрыта вѣчнымъ снѣгомъ, тогда какъ низшая лѣтомъ на нѣкоторое время теряетъ свой снѣговой покровъ (почему мѣстные жители уподобляютъ Большой Араратъ главнокомандующему, а Малый—его адъю-

танту, такъ какъ онъ все-таки хотя на время снимаетъ свою снѣговую шапку передъ своимъ повелителемъ» *).

На станціи Сухой Фонтанъ я видѣлъ очень оригинальный завтракъ, устроенный на дворѣ дикарями-кочевниками, которыхъ русская цивилизація превратила въ ямщиковъ и всадниковъ мѣстной стражи.

Сидятъ дикари эти вокругъ разметанныхъ по землѣ нѣсколькихъ сноповъ мѣстной пшеницы, немного не похожей на нашу русскую пшеницу какъ зерномъ и соломой, такъ и самымъ вкусомъ этого зерна, болѣе круглаго, чѣмъ у насъ. Вижу, нѣкоторые изъ сидящихъ около разметанной пшеницы поджигаютъ съ разныхъ сторонъ ея солому, и пшеница вспыхиваетъ: огонь проходитъ по всѣмъ снопамъ и пучкамъ, сожигаетъ солому почти до тла и самые колосья обугливаетъ. Дикари берутъ въ руки по горсткѣ обугленныхъ колосьевъ, перетираютъ ихъ между ладонями, затѣмъ дуютъ на ладони, чтобы сдуть шелуху (какова первобытная молотьба!) и очищенное зерно торопливо бросаютъ въ ротъ и съ видимымъ наслажденіемъ жуютъ это импровизированное, незатѣйливое кушанье.

Я подсаживаюсь къ нимъ. Что за ладони у молодцовъ! Точно мельничные жернова, такія же жесткія.

— Что, баринъ, хорошъ завтракъ?—обращается ко мнѣ коренастый старичина, перетирая колосья своими жерновами съ корявыми, какъ сухіе сучья орѣшника, пальцами.

— Должно быть хорошъ, — отвѣчаю.—коли ѣдите... хорошаго аппетита!

Всѣ добродушно скалятъ на меня бѣлые, какъ у собакъ, зубы и усердно трещатъ ими поджаренныя зерна.

— На, баринъ, ѣдай и ты.—сыплетъ мнѣ на мою тощую ладонь изъ своей жерновоподобной очищенныя зерна коренастый старичина.

Я съѣлъ, дѣйствительно вкусно.

— На еще, баринъ, спасибо, что ѣдишь съ нами.

— Благодарю.

— Я старый, ой! Ой! Такой старуха!

---

*) Дневникъ археол. работъ, веден. въ Закавк. краѣ осенью 1879 г. И. С. Поляковымъ, 171—172.

— А смотришь молодцомъ.

— Да, да, баринъ, я молодца: билъ у Моску, у Казань, Иркускъ, Кунгуръ на всей Сибери былъ.

— Какимъ это образомъ?

— Адынъ баринъ мине биралъ собой... У! Я старуха!

— А сколько тебѣ лѣтъ?

— Мине сорокъ лѣтъ: какъ Пасикевичъ визалъ (взялъ) Эриванъ, мине бивалъ два-десять лѣтъ.

— Двадцать?

— Нэтъ, десять и два.

— Двѣнадцать?

— Да, дивинадцать...

— Э! Да тебѣ, братъ, значитъ не сорокъ, а далеко за шестьдесятъ.

— О! За шесидесятъ, я старуха!

Потянулись ко мнѣ и другія корявыя руки съ очищеннымъ зернемъ, любезно угощаютъ. Я не отказываюсь, не желая оскорблять чувства восточнаго гостепріямства, и самъ перетираю обожженные колосья.

«Точно апостолы»! вспоминается мнѣ евангельское сказаніе о томъ, какъ голодные апостолы, проходя мимо нивъ пшеницы, срывали колосья, «претирали» ихъ въ своихъ ладоняхъ подобно этимъ дикарямъ и кушали. «Бысть же въ субботу второпервую ити Іисусу сквозѣ сѣянія: и восторгаху ученици его класы, и ядяху, стирающе руками. Нѣцыи же отъ фарисей рѣша имъ: что творите, его же не достоитъ творити въ субботи? И отвѣщавъ Іисусъ, рече къ нимъ: ни ли сего чли есте, еже сотвори Давидъ, егда взалкася самъ и иже съ нимъ бяху, како вниде въ домъ божій и хлѣбы предложенія вземъ и яде и даде и сущимъ съ нимъ, ихъ же не достояше ясти, токмо единымъ іереемъ. И глаголаша имъ, яко Господь есть, сынъ человѣческій и субботѣ» (Еванг. Луки, VI, 1—5).

И мои дикари творили то же въ праздникъ, и притомъ въ большой: это было въ день Спаса, 6-го августа, когда я въ первый разъ увидѣлъ Араратъ.

Какой-то суевѣрный страхъ заползалъ мнѣ въ душу: въ этотъ именно день, 6-го августа, по преданію, Христосъ былъ на горѣ, гдѣ совершилось его преображеніе. А что меня ждетъ на горѣ, къ которой я приближаюсь?

Съ этого момента Араратъ уже не сходилъ съ фона внушительной картины, которая разстилалась передо мною.

IX. «Глиняный котелъ» въ печи.

Часовъ въ 11 утра я уже былъ въ Эривани, куда въѣхалъ мучимый такимъ адскимъ зноемъ, какого я, въ бытность мою въ Египтѣ и Палестинѣ, не испытывалъ даже тамъ.

«Слово Эривань,—говоритъ С. П. Зелинскій, замѣчательный знатокъ Закавказья и неутомимый изслѣдователь этого края,—армяне произносятъ эреванъ, что означаетъ «видна» или «показать себя», «казаться». Происхожденіе этого слова преданіе относитъ ко временамъ Ноя. Когда Ной будто бы смотрѣлъ съ вершины горы Арарата на окружающія мѣстности, то первыми бросились на глаза ему сѣверныя и сѣверо-восточныя возвышенности Эривани, раньше другихъ мѣстностей показавшіяся изъ-подъ воды (послѣ всемірнаго потопа), почему онъ произнесъ слово: эревумэ, т. е. «видна—земля» (если только Ной говорилъ по-армянски!—а можетъ быть и говорилъ...).

По моему же мнѣнію слово Эривань должно бы скорѣе означать нѣчто вродѣ ада, пекла, адскаго города. Это по-истинѣ адскій городъ, что я и могу подтвердить фактически, со словъ самого же почтеннѣйшаго Степана Павловича Зелинскаго.

Нѣкогда городъ этотъ входилъ въ составъ земель и городовъ царства армянскаго, но съ 1441 года становится, по свидѣтельству того же автора, «игрушкою въ рукахъ персіянъ и турокъ», пока не подпадаетъ, наконецъ, подъ власть Россіи. Взятіе его русскими солдатиками прибавило громкій когноменъ (больше чѣмъ эпитетъ) къ фамиліи ихъ полководца Паскевича — «Эриванскій».

У персіянъ относительно Эривани сложилась поговорка: «Эривань—счастливая яма». И дѣйствительно, съ высоты предгорій этого города онъ кажется роскошнѣйшею ямою, утопающею въ яркой зелени садовъ. «Но императоръ Николай Павловичъ—говоритъ г. Зелинскій—во время пребыванія своего въ Эривани въ 1837 году назвалъ ее глиняннымъ котломъ (и притомъ «въ печи огненной», прибавимъ мы съ своей стороны). Персіяне ошиблись, назвавъ ее счастливою, но Николай I двумя

приведенными словами совершенно точно обрисовалъ гнѣтность Эривани». Глиняные дома съ глиняными плоскими крышами, глиняныя улицы, глиняныя площади, наконецъ, глиняныя окрестности—все глина и глина, еслибъ только не разнообразила и не красила эту сплошную глину чарующая роскошь зелени, которая и превращаетъ эту глиняную огненную печь во что-то роскошное, волшебное, чисто-восточное, но только издали, съ высоты, съ птичьяго полета. Внутри же, повторяю, это чистѣйшій адъ, несмотря на все очарованіе зелени и глазурованныхъ, точно бирюзовыхъ куполовъ мечетей.

Средняя температура лѣтомъ въ этой огненной печи приравнивается температурѣ городовъ Санъ-Луи, Саванны, Санта-Круца, Алжира. На солнцѣ она достигаетъ 50 градусовъ, адъ кромѣшный!

Но это бы еще не бѣда. Отъ жара можно какъ-нибудь спастись. Но спастись отъ смертоноснаго климата, отъ всѣхъ ужасовъ заразы, которая носится въ воздухѣ, плаваетъ въ водѣ, гнѣздится въ землѣ, въ самыхъ растеніяхъ и въ роскошной зелени, отъ этихъ ужасовъ спастись невозможно.

По общему отзыву—говоритъ тотъ же знатокъ этого ада, г. Зелинскій—климатъ Эривани безусловно вредно вліяетъ на здоровье человѣка, и многіе думаютъ, что причиной этого лѣтнія жары; но нельзя не выразить сомнѣнія, чтобы одна только жара оказывала здѣсь вредное вліяніе на организмъ человѣка, помимо вредныхъ примѣсей, наполняющихъ воздухъ. Здѣсь воздухъ такъ же горячъ лѣтомъ, какъ и во многихъ другихъ мѣстностяхъ кавказскаго края, но онъ, кромѣ того, отличается еще особымъ удушливымъ свойствомъ, происходящимъ вслѣдствіе зараженнаго его состоянія, причина котораго кроется главнымъ образомъ въ баснословной нечистотѣ Эривани. Чтобы яснѣе представить себѣ злокачественность эриванской атмосферы, надо прежде всего припомнить, что эриванскій «старый базаръ» буквально обращенъ въ громадную помойную яму: на огромномъ пространствѣ лежатъ развалины стѣнъ лавокъ, и въ этихъ развалинахъ, а также и на открытыхъ мѣстахъ находятся чудовищныя груды мусора, грязи, глины, человѣческихъ экскрементовъ, кожи, шерсти, корокъ арбуза и дыни, кусковъ (т. е. лохмотьевъ) всякаго рода мате-

рій, костей всѣхъ возможныхъ животныхъ и пр., и пр. Эти органическія вещества въ нѣкоторыхъ мѣстахъ высятся въ видѣ огромныхъ холмовъ, ведя происхожденіе свое отъ временъ персидскаго правленія и прогрессивно увеличиваясь съ каждымъ днемъ, какъ будто бы здѣсь неустанно работаетъ какая-то особая сила. Понятно, что эти вещества постоянно гніютъ и тухнутъ и наполняютъ воздухъ такимъ зловоніемъ, какого не можетъ безнаказанно вынести даже привычный организмъ туземца. Стоитъ подойти къ старому базару, чтобы почувствовать головокруженіе и тошноту. Прибавьте къ этому очагу зловонія старыя и новыя кладбища, множество конюшенъ и постоялыхъ дворовъ съ кучами навоза; караван-сараи, дворы которыхъ обращены въ конюшни, а мелкія комнатки и кельи въ ретирадныя мѣста; эриванскую упраздненную крѣпость съ множествомъ развалинъ, остающихся безъ присмотра и обращенныхъ нижними чинами тоже въ ретирадныя мѣста, а также плохое содержаніе улицъ, гніющую грязь въ водосточныхъ каналахъ, которые какъ тѣнь проходятъ по всѣмъ направленіямъ и представляютъ болота въ буквальномъ смыслѣ этого слова, тогда будетъ понятно, почему эриванскій воздухъ служитъ настоящею отравою здѣшняго люда. Даже нельзя исключить изъ числа мѣстъ, вредныхъ въ гигіеническомъ отношеніи, сады для гулянья въ центрѣ города, дворы и дома жителей, такъ какъ въ верхнемъ саду гніетъ вода въ бассейнѣ, а въ нижнемъ, «англійскомъ», существуетъ болото, служащее, такъ сказать, разсадникомъ лихорадокъ. Что же касается дворовъ, то они имѣютъ по нѣскольку отхожихъ мѣстъ, такъ какъ здѣсь существуетъ обыкновеніе не вывозить человѣческихъ экскрементовъ, а зарывать ихъ на мѣстѣ нахожденія гдѣ-либо на дворѣ и, закрывъ старое мѣсто, вырывать взамѣнъ новое. Если припомнить, что такое обыкновеніе существуетъ съ древнѣйшихъ временъ, то съ полною увѣренностью можно предположить, что подъ почвою Эривани существуетъ какъ бы сплошное ретирадное мѣсто. Этимъ достаточно объясняется, почему жители Эривани выглядываютъ больными, вялыми, и число ихъ не увеличивается.

Но это еще далеко не все: не одна только атмосфера Эривани носитъ въ себѣ смерть для всего тамъ живущаго, эриванская вода еще убійственнѣе атмосферы.

И то, и другое было отчасти причиною того, что, всходя

послѣдствіи на Араратъ послѣ пребыванія въ адской Эривани, я уже носилъ въ себѣ заразу, а Араратъ доканалъ меня. Я только чудомъ избѣжалъ смерти, а зачатки ея доселѣ ношу въ моей съ той поры болѣющей груди.

Вотъ что говоритъ объ эриванской заразной водѣ г. Зелинскій. Въ Эривани вода употребляется четырехъ сортовъ: «зангинская» изъ рѣки Занги и проведенныхъ отъ нея каналъ; «сегютлугская» изъ болотныхъ родниковъ; «крхъ-булагская» изъ рѣчки этого имени; наконецъ, родниковая. Рѣка Занга беретъ начало изъ озера Гокчи и течетъ болѣе 100 верстъ по весьма болотистой почвѣ, и оттого въ водѣ ея находится множество инфузорій и мельчайшихъ частицъ разныхъ водорослей, разныхъ вредныхъ примѣсей и пр. Ясно, что такая вода не можетъ не отравлять. Съ этою отравою соединено и постоянное вымираніе жителей тѣхъ кварталовъ города, которые пьютъ эту воду. «Сегютлугская» вода тоже болотная, съ растворомъ множества вредныхъ солей. Сами мѣстные жители называютъ эту воду кара-су (черная вода или по-русски—«мертвая вода»): употребленіе ея дѣлаетъ рѣзь въ желудкѣ, таково это питье! «Крхъ-булагская» или «сорока родниковъ» собирается въ городскомъ бассейнѣ. Но что это за бассейнъ и что въ немъ за вода! Она грязна и мутна. «Стѣнки бассейна, куда вливается эта вода, постоянно покрыты толстымъ слоемъ грязной слизи, и на поверхности ея плаваютъ водоросли, капли жира и кровь отъ промываемаго въ этой водѣ мяса (это въ бассейнѣ-то! и эту воду пьютъ...). Такимъ образомъ бассейнъ этотъ превращается въ помойную яму и лѣтнее мѣстопребываніе лягушачьяго царства, задающаго Эривани даровые неумолкаемые концерты» *).

Изъ всего этого выясняется очевидный фактъ, фактъ вымиранія мѣстнаго населенія, вслѣдствіе смертоносныхъ условій климата.

Что же заставляетъ людей жить здѣсь, въ этомъ убійственномъ климатѣ? А то, что здѣшняя природа, здѣшняя почва и это палящее солнце даютъ человѣку столько благъ земныхъ, сколько онъ въ состояніи взять. Котловина Эривани и вся обширная долина Аракса вплоть до подножія Арарата, это такой рай земной, какой едва ли въ состояніи нарисовать самое

*) Городъ Эривань. С. П. Зелинскаго. Тифлисъ. 1880, стр. 13—18.

пылкое воображеніе. Я говорю о растительныхъ богатствахъ этого мало кому извѣстнаго уголка Малой Азіи, объ «изобиліи плодовъ земныхъ».

Одного винограду считаются здѣсь тысячи сортовъ. Трудно перечесть даже только главные сорта: «хардки», «аскяри», «ришн-баба», «мнекали», «кяримъ-панди», «табарза», «халили», «кишмиши», «ича-башъ», «езандари», «ширширасгаби», «альхакки», «шани», «шафеи», «халачи».

«Халили»—это прелестный, превкусный виноградъ, совсѣмъ безъ косточекъ.

Въ фруктовыхъ садахъ вы находите: абрикосы, яблоки и груши множества сортовъ, айву, разнообразныя сливы, алучу, вишню, черешню, миндаль, орѣхи, инжиръ (винныя ягоды—смоква), гранаты, персики, и пр., и пр. Одни персики распадаются болѣе чѣмъ на 50 видовъ. Такихъ фруктовыхъ садовъ въ одной Эривани считается до 700.

Въ эриванскихъ рощахъ — поразительной высоты пирамидальные тополи, а карагаджъ достигаетъ такихъ громадныхъ размѣровъ, что въ тѣни шаровидной кроны его могутъ свободно помѣститься до 60 человѣкъ и тамъ же укрыться отъ дождя, ибо листва его такъ густа, что сквозь нее не пробьется ни одна капля даже проливного дождя.

Богатство арбузовъ и дынь поразительное. Есть особый, оригинальный сортъ послѣднихъ, о которомъ нельзя умолчать. Это—дыня «тутьма». Замѣчательно въ ней то, что она выростаетъ не на поверхности земли, не на солнцѣ, а какъ луковица или картофель, подъ землею. Когда плодъ «тутьмы» достигнетъ на воздухѣ величины голубинаго яйца, его закрываютъ сверху нагнутымъ листомъ этой же самой «тутьмы» и потомъ засыпаютъ землею, оставляя небольшое отверстіе для воздуха. «Тутьма» такъ быстро растетъ, что иногда приходится засыпать ее землей раза по два въ сутки, а иначе въ ней заведутся черви. Когда же подъ земляной покрышкой «тутьма» нальется до надлежащей величины, начнетъ желтѣть и вмѣстѣ съ тѣмъ перестанетъ увеличиваться въ объемѣ—ее раскрываютъ, и тогда подъ палящими лучами южнаго солнца она окончательно созрѣваетъ.

Я ѣлъ эту «тутьму» (С. П. Зелинскій угощалъ меня этою рѣдкостью баштаннаго царства) и нахожу, что вкусъ ея очарователенъ, равно какъ и ароматъ.

Въ Эривани же есть одинъ родъ бобовъ «бакла». Отъ частаго употребленія этихъ диковинныхъ бобовъ въ пищу, говорятъ, люди глупѣютъ, и потому до этой страшной «баклы» я даже не дотрогивался въ бытность мою въ Эривани.

О ней въ Арменіи существуетъ такое преданіе: одному изъ египетскихъ фараоновъ, вѣроятно, отъ частаго употребленія «баклы», взбрело въ глупую голову, какъ бы ему ухитриться быть богомъ, или, по крайней мѣрѣ, чтобы народъ почиталъ его за бога. Для этого онъ и повелѣлъ, чтобы его подданные въ продолженіе семи лѣтъ вмѣсто хлѣбныхъ растеній сѣяли только «баклу» и ею бы одной и питались. Египтяне, разумѣется, исполнили такое мудрое приказаніе царя. Черезъ семь же лѣтъ отъ употребленія «баклы» они до того оглупѣли, что, дѣйствительно, по первому же приказу своего умнаго повелителя, единогласно признали его за бога. Да и отчего было не признать? Вѣдь быкъ-Аписъ немногимъ, конечно, былъ умнѣе фараона, а его считали же въ Египтѣ богомъ. Почему же было не признать за бога и другого дурака, который хотя не имѣлъ роговъ, но ревѣть по бычачьи, конечно, умѣлъ.

Вотъ такова-то эта удивительная «бакла». Говоря о ней въ своемъ описаніи Эривани, г. Зелинскій весьма остроумно поясняетъ: «замѣчательно то обстоятельство, что рѣпа и «бакла», которыя въ прежнее время составляли почти постоянную постную пищу у армянъ, теперь совсѣмъ вывелись изъ употребленія».

Но продолжаю свой разсказъ.

Пріѣхавъ въ Эривань и остановившись въ гостиницѣ «Кавказъ», я, послѣ легкой закуски, посмотря на палящій зной, тотчасъ же пошелъ осматривать городъ.

Всякій, кто много странствовалъ по свѣту, очень хорошо, конечно, знаетъ, какое наслажденіе бродить въ первый разъ по незнакомому городу, толкаться по невѣдомымъ улицамъ, не зная, куда приведетъ эта улица или уличка, созерцать незнакомую, своеобразную жизнь, незнакомыя лица. Но величайшую прелесть для путешественника составляетъ такое сліяніе по

городамъ Востока: волшебно-безобразная, пестрая до боли глазъ, грязная и въ то же время грубо-роскошная жизнь восточныхъ городовъ положительно очаровываетъ, переноситъ въ міръ фантазіи, поэзіи и чего-то сказочнаго.

Это чарующее безобразіе вы встрѣчаете и въ Эривани.

Побродивъ такимъ образомъ по городу, натолкавшись по его кривымъ, грязнымъ и вонючимъ улицамъ и базарамъ до головной боли, я направился потомъ въ армянскія лавки для нѣкоторыхъ покупокъ. Прежде всего мнѣ нужно было купить зонтикъ, безъ котораго адскій зной буквально палилъ мнѣ голову и плечи. У меня, правда, былъ зонтикъ, купленный на дорогу, для путешествія на перекладныхъ, еще въ Тифлисѣ, но въ пути отъ Тифлиса до Эривани онъ такъ истрепался, такъ истерся о колючее сѣно (вѣдь тряска на перекладныхъ ужасная, и едва вы положите зонтикъ на нѣсколько минутъ въ трясучку-телѣгу, какъ онъ тотчасъ же протирается и рвется), такъ тифлисскій зонтикъ мой до того истрепался, что сквозь него меня свободно палило безжалостное солнце. Потомъ мнѣ нужно было купить чемоданъ, потому что петербургскій мой баулъ также разбился въ дребезги, и я бросилъ его въ Эривани. Наконецъ, мнѣ нужно было пріобрѣсти высокіе охотничьи сапоги для восхожденія на Араратъ, на его вѣчные снѣга, и теплыя перчатки вродѣ рукавицъ для той же цѣли, которой, увы! я не достигнулъ.

Сдѣлавъ эти закупки и нѣсколько переждавъ, пока спадетъ хоть немного адскій зной, я пошелъ отыскивать уже не разъ упомянутаго мною С. П. Зелинскаго, къ которому я имѣлъ письмо отъ попечителя кавказскаго учебнаго округа, К. П. Яновскаго. Зелинскаго я не засталъ дома, но, узнавъ о моемъ пріѣздѣ, онъ вскорѣ самъ любезно навѣстилъ меня въ гостиницѣ и несказанно обрадовалъ меня, вызвавшись сопутствовать мнѣ въ моемъ дерзкомъ, но заманчивомъ предпріятіи. Мнѣ, конечно, очень пріятно было имѣть товарищемъ по путешествію такого знатока края, въ который я пріѣхалъ, и такого неутомимаго путешественника по Закавказью, что я совершенно ожилъ духомъ послѣ тифлисскихъ разочарованій.

Степанъ Павловичъ Зелинскій состоитъ преподавателемъ при эриванской гимназіи и исправляетъ обязанности директора. Несмотря на свою, повидимому, польскую или малорус-

скую фамилію, онъ—чистокровный сынъ Арменіи и уроженецъ тамошняго края. Симпатичность и искренность съ перваго раза располагаютъ васъ къ этому человѣку. Онъ глубоко привязанъ къ духовнымъ интересамъ своей родины, знаетъ ее вдоль и поперекъ, искрестивъ все Закавказье въ своихъ этнографическихъ и археологическихъ экскурсіяхъ по этому краю, и обладаетъ громаднымъ запасомъ свѣдѣній относительно всего, что касается закавказскаго края.

Отъ г. Зелинскаго я узналъ много интереснаго, чего не вычитаешь ни въ какихъ книгахъ. Мы долго съ нимъ бесѣдовали. Взойти на Араратъ было его давнишнею мечтою, и онъ съ такою страстью, съ такою энергіею отнесся къ предстоявшей намъ опасной экскурсіи, что готовъ былъ на все, на всѣ трудности и лишенія.

— Хоть заболѣю на этой таинственной горѣ, умру, сложу свои кости на недосягаемыхъ высотахъ, а ужъ постараюсь поставить мою дерзкую ногу на снѣжную макушку великана!—восторженно говорилъ онъ.—Хочу стать на то священное мѣсто, гдѣ стоялъ ковчегъ!

— Конечно, конечно... Ужъ если старикъ Ной могъ сойти оттуда и свести на землю всѣхъ своихъ пансіонеровъ, начиная отъ кошки и курицы и кончая львомъ и орломъ, то вы ужъ непремѣнно взойдете туда.

— Взойду, во что бы то ни стало!

— А вотъ и я!—раздался въ дверяхъ моего номера знакомый голосъ.

Это былъ Н. П. Кокчаевъ, только-что возвратившійся изъ Дарачичага.

— Такъ завтра ѣдемъ?

— Непремѣнно... Вотъ и Степанъ Павловичъ собирается съ нами.

— Отлично! Чѣмъ больше насъ, тѣмъ пріятнѣе.

Тотчасъ же мы начали обдумывать и обсуждать планъ предстоявшаго путешествія. А нужно было обсудить и предусмотрѣть все, и что взять въ дорогу изъ провизіи и питья, и какія нужны приспособленія для роздыховъ и ночлеговъ на горѣ: сначала чай и кофе, если можно, въ консервахъ, ибо на снѣгу или на высотѣ 10.000 футовъ или болѣе нельзя же баловаться кофеями подомашнему, со всемозможнымъ комфортомъ; что

взять изъ аптеки на случай внезапныхъ заболѣваній въ пути, на горѣ, на случай простуды, головокруженія, тошноты въ разрѣженномъ воздухѣ и пр., и пр.; приготовить дорожныя палатки, таганъ и котелокъ для варки чаю и кофе. Г. фонъ-Кошкуль еще въ Тифлисѣ совѣтовалъ мнѣ непремѣнно запастись канатами, саженъ по 60-ти длины, а всего лучше достать въ Аралихѣ, гдѣ квартируетъ уманскій казачій полкъ, коновязи, на тотъ случай, если кому придется упасть съ кручи или очутиться гдѣ-нибудь въ пропасти, то чтобы было чѣмъ подать ему помощь. Любезный Кошкуль снабдилъ меня на этотъ предметъ своимъ горнымъ посохомъ: это была прекрасно сдѣланная, по его заказу, длинная палка, со стальнымъ, въ видѣ копья, наконечникомъ для упора въ землю и въ камни, а на верхней части съ двумя развилками, для вѣшанія на нихъ зрительной трубы, бинокля, фляжки съ водой или коньякомъ, или же для вывѣшиванья флага или иного сигнальнаго значка. Когда всходилъ на Араратъ Беренсъ, то, кромѣ такого посоха и двухъ канатовъ, онъ бралъ съ собой мотыку для пробивки ступенекъ въ скалахъ и во льду, а для рукъ и ногъ заказывалъ особые желѣзные крючья, чтобы удобнѣе было карабкаться по камнямъ.

На этомъ совѣщаніи рѣшено было, что мы съ г. Кокчаевымъ завтра утромъ отправляемся въ Игдырь, мѣстопребываніе уѣзднаго начальника, а г. Зелинскій, исправивъ нѣкоторыя дѣла по гимназіи, выѣдетъ туда же вслѣдъ за нами.

Эту ночь я почти совсѣмъ не спалъ. Оставшись одинъ въ своемъ номерѣ, я съ вечера же все приготовилъ къ отъѣзду и нетерпѣливо ждалъ утра. Смутныя думы и тревоги взволнованной души не позволяли мнѣ спать. Все думалось: что-то будетъ завтра? Что принесутъ мнѣ послѣдующіе дни? Точно въ самомъ дѣлѣ тревожный духъ смутно предчувствовалъ горькую незадачу и всѣ тѣ печальныя послѣдствія, которыя чуть не свели меня въ могилу.

А тутъ еще эти дикіе ночные крики по городу, точно кого душатъ. Кто это кричитъ? Чего имъ нужно? И зачѣмъ такіе дикіе возгласы?

Оказалось, что это были крики ночныхъ караульщиковъ.

А тутъ еще терзаютъ эти ужасные москиты, которые вашу постель превращаютъ въ прокустово ложе, въ застѣнокъ преображенскаго приказа. Вы ихъ не видите, даже не слышите, какъ

они забираются къ вамъ подъ простыню, но только чувствуете, что васъ что-то жжетъ нестерпимо. Утромъ же вы видите, что тѣло ваше все въ сыпи, точно васъ обсыпала корь, и вы долго потомъ испытываете нестерпимый зудъ на всѣхъ искусанныхъ мѣстахъ.

Едва начало свѣтать, какъ я вышелъ изъ дому освѣжиться послѣ мучительной ночи. Глухой, неясный гулъ показывалъ, что городъ просыпался.

Скоро верхушки Арарата и Алагеза позолотились первыми лучами солнца. Какъ недосягаемо высоко ушли въ небо эти снѣговыя вершины!

X. У подножія Арарата.

7-го августа, едва показалось солнце изъ-за горизонта, влѣво отъ малаго Арарата, какъ мы съ г. Кокчаевымъ уже выѣзжали изъ Эривани, удобно устроившись въ покойномъ четырехмѣстномъ фаэтонѣ, запряженномъ четверкою въ рядъ. Проѣзжая базаромъ, вплотную набитымъ восточнымъ человѣчествомъ, лошадьми, буйволами, осликами, козами, овцами съ стоящимъ въ воздухѣ шумомъ, гамомъ, ревомъ, мычаньемъ,—я думалъ, что оглохну отъ этой восточной музыки.

Во всю дорогу затѣмъ, на разстояніи 50—60 верстъ, Араратъ не сходилъ съ фона главной картины, которая приковывала къ себѣ мои взоры. Путь нашъ лежалъ долиной Аракса, необыкновенно ровной. Вся она, отъ подошвы Алагеза до подошвы Арарата, изрѣзана канавами или арыками для орошенія полей и, усѣянная тонущими въ зелени селеніями, представляетъ живописную картину. Особенно красятъ ее группы пирамидальнаго тополя, необыкновенно высокаго и стройнаго, такъ что вся эта часть долины Аракса напоминаетъ собою огромный цвѣтущій садъ.

Четверка крѣпкихъ, выносливыхъ закавказскихъ лошадей везла насъ быстро, торжественно, съ нѣкоторой даже азіатской помпой:—кони везли не простого смертнаго, а почти самого сардара—начальника этого края, а съ нимъ какую-то никому невѣдомую сѣдую бороду въ бѣлой военной фуражкѣ. Ѣхало, значитъ, что-нибудь очень важное. А азіатъ любитъ, чтобы

власть являлась въ формѣ чего-то недоступнаго, въ ореолѣ торжественности, чтобы все передъ ней склонялась и трепетало. Мы такими именно и являлись. Впереди и позади нашей четверки скакали усатые черти, изображавшіе изъ себя почетный конвой. Едва вдали показывалась глиняная сторожевая башня, вродѣ тѣхъ, какія охраняютъ путь отъ Яффы къ Іерусалиму, какъ одинъ изъ нашихъ чертей, словно бѣшеный, сломя голову летѣлъ впередъ, чтобы оповѣстить, кто ѣдетъ, и отъ башни отдѣлялась вооруженная азіатская рожа, которая и рапортовала почтеннѣйшему Николаю Петровичу, по-азіатски же, что-то очень важное, конечно то, что на кордонѣ и по пути все обстоитъ благополучно, т. е. никого, къ удивленію, сегодня не зарѣзали, а если и убили, то убійцы ушли за персидскую границу, и т. п. Г. Кокчаевъ спокойно выслушивалъ азіатскій докладъ, спокойно отдавалъ приказаніе, и мы катили дальше съ тою же внушительною торжественностью.

Картина дѣйствительно азіатская. Тамъ и сямъ бродятъ стада верблюдовъ, эти провозвѣстники глубокой Азіи и Африки. При переѣздахъ черезъ оросительныя канавы въ воду бутыхаются испуганныя черепахи, блестя на солнцѣ своими черными, отполированными спинами. По берегамъ этихъ арыковъ плавно выступаютъ аисты и переносятъ ваше воображеніе къ берегамъ Нила, въ далекій и волшебный Египетъ. Въ голубомъ воздухѣ, высоко-высоко надъ равниной, кругообразными полетами плаваютъ орлы.

А Араратъ все передъ глазами.

— Вы все любуетесь имъ?

— Да, Николай Петровичъ, и любуюсь, и тревожно наблюдаю.

— А что такое? Что замѣчаете?

— Да все смотрю, не покажется-ли тамъ облачко... Теперь онъ такъ ясенъ, чистъ, а вдругъ насупится облаками, вотъ что страшно.

— Да, это правда... Я самъ не свожу съ него глазъ, наблюдаю: старикъ Масисъ (мѣстное названіе Арарата) пока ведетъ себя хорошо, милостиво, ни малѣйшаго облачка.

— Дай-то Богъ...

— А вонъ показалось малюсенькое, точно бѣлый дымокъ.

— Да, что-то вродѣ носового платка.

— Старикъ сморкается,—шутитъ г. Кокчаевъ.

А у меня кошки скребутъ на сердцѣ. Я даже г-ну Кокчаеву боюсь повѣрить мои тревожныя мысли... Вонъ еще носовой платочекъ отдѣлился отъ горы и растаялъ въ воздухѣ, въ голубомъ эфирѣ. Вонъ другой, третій... Я догадываюсь, что это за облачко въ видѣ носовыхъ платковъ: это снѣжные обвалы, выдѣляющіе изъ себя нѣчто вродѣ ружейнаго дыму.

Это явленіе замѣтилъ и г. Поляковъ, подъѣзжая въ первый разъ къ Арарату. Послѣ уже онъ понялъ, что это такое.

«Передъ вашими глазами» — говоритъ онъ, — «происходитъ рядъ явленій, столько же грозныхъ и потрясающихъ сколько величественныхъ. Это снѣговые и ледяные обвалы съ высоты большого араратскаго ледника; они сопровождаются страшнымъ шумомъ и цѣлыми облаками бѣлой пыли, въ которую обыкновенно превращаются падающія массы снѣговъ. Еще наканунѣ, находясь въ пути отъ Аралыха къ Ахурамъ, на разстояніи по крайней мѣрѣ 20 верстъ отъ ледниковъ, я былъ пораженъ внезапнымъ появленіемъ цѣлаго облака въ вершинѣ ахурійскаго ущелья. Появленіе его было тѣмъ болѣе для меня удивительно, что весь массивъ Арарата рисовался вполнѣ ясно среди совершенно безоблачной небесной синевы. Облако, появившись внезапно въ высотахъ, быстро спустилось внизъ, гдѣ такъ же быстро разсѣялось».

И передъ нашими глазами совершились теперь эти грозныя явленія. Вотъ что тревогой заползало въ мою душу. — «Каково попасть подъ такой обвалъ!..»

Но я не говорилъ этого г. Кокчаеву.

Вотъ мы проѣзжаемъ и эчміадзинскій монастырь — знаменитую святыню Арменіи, резиденцію верховнаго патріарха, католикоса всѣхъ армянъ, Кеворка IV. Это цѣлый городъ, съ армянскою духовною академіею, всѣмъ институтомъ уѣздныхъ властей (мировой судъ и пр.) и цѣлою колоніею отдѣльныхъ монастырей въ видѣ крѣпостей, съ высокими глиняными персидскими стѣнами и древними башнями.

Потомъ идутъ опять селенія. Это ряды и группы странныхъ мазанокъ и низенькихъ стѣнъ изъ глины, что-то вродѣ развалинъ, не имѣющее ничего общаго съ человѣческимъ жильемъ,

къ виду котораго привыкъ глазъ европейца, даже глазъ русскаго. И къ довершенію всего, на стѣнахъ мазанокъ пестритъ причудливая мозаика изъ навозу: это кизяки, въ видѣ огромныхъ трактирныхъ битковъ или котлетъ, прилѣплены къ стѣнамъ для просушки. Удивительно оригинальный способъ вывѣтриванія кизяка.

Проѣзжая отъ селенія къ селенію, вы видите, какъ ростетъ хлопчатникъ, очень южное растеніе, и кунжутъ, которымъ засѣяны цѣлыя нивы.

Палимые страшнымъ зноемъ, мы проѣхали около 60-ти верстъ, не перемѣняя лошадей и утоляя жажду сочными гроздями превосходнаго «халили». Насъ сопровождала все та-же азіатская торжественность. Иные арыки намъ приходилось переѣзжать вбродъ, потому что мостки были испорчены, и здѣсь я видѣлъ, съ какимъ усердіемъ азіяты, иные совершенно голые, копошились въ грязи канавъ въ качествѣ импровизированныхъ инженеровъ и строителей.

Наконецъ, мы въ Игдырѣ гдѣ уже, можно сказать, конецъ свѣта, по крайней мѣрѣ конецъ признаковъ цивилизаціи. До Эривани то по правую, то по лѣвую сторону дороги еще торчали телеграфные столбы въ двѣ и три проволоки; а отъ Эривани до Игдыря тянулась уже одна проволока, которая въ Игдырѣ и перерывалась, дальше ей было некуда идти: впереди оставался одинъ Араратъ съ кочевьями курдовъ да персидская и турецкая границы съ казачьими пограничными постами или кордонами.

Изобразить внѣшность Игдыря можетъ только кисть художника, а перо не въ состояніи передать всей его дикой оригинальности, которая еще больше поражаетъ глазъ потому, что вся эта оригинальная дичь вставлена въ прекрасную рамку изъ гигантскихъ пирамидальныхъ тополей и другой буйной зелени.

Тотчасъ по пріѣздѣ нашемъ въ Игдырь, къ г. Кокчаеву, какъ къ начальнику края, стали являться мѣстные старшины азіаты.

Первый изъ нихъ, очень почтенный по виду и важный по азіатской представительности старикъ глубоко поколебалъ было мою вѣру въ возможность взойти на Араратъ. Узнавъ о цѣли моего пріѣзда и о томъ, что съ соизволенія губернатора самъ

мѣстный начальникъ желаетъ сопровождать меня въ моей дерзкой попыткѣ, онъ, по-восточному, почтительно, но глубоко скептически отнесся къ нашей сумасбродной затѣѣ. Онъ смотрѣлъ на нее какъ на безуміе, на капризъ человѣка. Богъ знаетъ откуда пріѣхавшаго, чтобы достигнуть того, что недостижимо даже для нихъ, вотъ уже сколько столѣтій родящихся и умирающихъ у самаго подножія святыни, доступной одному лишь Аллаху.

— Да вѣдь всходили же на нее другіе?—настаивалъ я.

Онъ только качалъ головой.

— Развѣ вы не знаете, что въ пятидесятомъ году всходилъ Ходько?

— Знаю... Всходилъ да не взошелъ.

— Какъ не взошелъ! Вѣдь Симону, который былъ у него проводникомъ, пожалована была за это медаль.

— Мидаль точно пожалована, а они все-таки не взошли.

— Какъ! Не можетъ быть!

— Я спрашивалъ самого Симона, онъ говоритъ: не дошли до вершины.

— А онъ живъ еще?

— Живъ, въ Али-Кызылъ.

При всемъ томъ упрямый азіатъ говорилъ, что вотъ уже пятьдесятъ лѣтъ онъ постоянно смотритъ на Араратъ, видитъ его каждый день, и, сколько можетъ хватать его память, никогда на вершинѣ Масиса не было такъ мало снѣгу, какъ нынѣшнее лѣто; что если только возможно человѣку взойти на него, то это именно теперь, при такомъ безснѣжіи и въ такую удачную погоду.

— Я все думалъ,—продолжалъ онъ,—отчего именно теперь никто не пріѣзжаетъ, чтобъ попробовать взойти; а вотъ вы и пріѣхали.

Другой старшина, милѣйшій «мирабъ» *) Халфа-Кулибекъ-оглы, напротивъ, совершенно меня утѣшилъ. Онъ даже вызвался ѣхать съ нами и юмористически относился къ невозможности взойти на заколдованную Аллахомъ гору. Въ душѣ онъ

*) «Мирабъ» или «дживаръ» значитъ распредѣлитель или содержатель оросительныхъ водъ: мирабъ беретъ на откупъ мѣстныя воды или арыки, съ условіемъ содержать ихъ въ исправности и отдаетъ эти арыки жителямъ по 40 коп. за каждыя 300 кв. саж. земли, находящейся подъ канавами.

самъ, конечно, убѣжденъ былъ въ невозможности этого восхожденія, но говорилъ иронически въ томъ смыслѣ, что «если начальство прикажетъ, то какъ не взойдешь!»

— Самъ начальникъ пойдетъ, такъ и я пойду.

— И взойдемъ? — спрашивалъ г. Зелинскій, который къ вечеру тоже уже былъ въ Игдырѣ.

— Взойдемъ: вѣдь выше вершины не пойдемъ; а вершина— вотъ она!

Мы сидѣли въ кабинетѣ г. Кокчаева; Араратъ-же прямо смотритъ къ нему въ окна. Оттого веселый Халфа-Кулибекъ-Долуханъ-Бекъ-Оглы и указывалъ на близкую вершину горы: «Вотъ она!»

Съ г. Кокчаевымъ и г. Зелинскимъ онъ говорилъ по-татарски и постоянно острилъ, а они переводили мнѣ его остроты. Со мною же онъ объяснялся по-русски, но такимъ языкомъ, что прелесть его положительно неуловима. Онъ острилъ даже и надъ тѣмъ, что на Араратѣ мало снѣгу.

— Пока дойдете до вершины, и этотъ растаетъ.

— А сколько дней, по вашему мнѣнію, мы будемъ взбираться?

— Да немного.

— А сколько?

— Да успѣемъ хлопчатникъ собрать, пока вы вернетесь.

Поговоривъ съ старшинами, мы узнали отъ нихъ, что съ турецкой стороны, отъ Баязета, было бы всего лучше начать подъемъ на гору. Это, кажется, тамъ, откуда въ 1845 году всходилъ Абихъ. Но для этого намъ предстоялъ бы слишкомъ далекій обходъ предгоріями; подъемъ же со стороны самого Игдыря и Эривани положительно невозможенъ, потому что съ этой стороны верхняя часть Арарата смотритъ совершенно отвѣсною. Тогда рѣшено было начать подъемъ со стороны селенія Али-Кызылъ, гдѣ жилъ старшій проводникъ Симонъ, а потомъ уже подниматься дальше отъ соединенія массива Большого Арарата съ Малымъ.

Такъ какъ въ этотъ день, 7-го августа, было уже поздно выѣзжать изъ Игдыря къ Али-Кызылу, до котораго считается не менѣе 60-ти верстъ и притомъ почти по непроѣзжей дорогѣ, то мы и провели эту ночь въ Игдырѣ. Хозяинъ угостилъ насъ пре-

краснымъ ужиномъ, весьма оригинальными кушаньями, напоминавшими мнѣ, что я нахожусь въ предѣлахъ бывшаго царства Кира и Камбиза

Утро 8-го августа было божественно хорошо. Я всталъ въ 4 часа, когда только что разсвѣтало. Я вышелъ въ садъ, въ виноградникъ, находящійся при домѣ, который занимаетъ г. Кокчаевъ. Между лозами винограда висѣли уже зрѣлыя кисти.

Пока готовили для насъ фургонъ (объ исторической формѣ ихъ я говорилъ уже раньше), мы на галлереѣ прохлаждались чаемъ и заѣдали его тутъ-же срываемымъ съ лозы виноградомъ.

Съ восходомъ солнца мы уже выѣзжали изъ Игдыря.

Ѣхали мы и теперь съ восточною помпою. Впереди насъ скачетъ мѣстный голова осматривать дорогу, которая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, будучи изрыта ручьями отъ оросительныхъ канавъ, представляла большія затрудненія для проѣзда массивнаго фургона. Еще съ вечера посланы были въ Али-Кызылъ два казака съ верховой лошадью г. Кокчаева, на которой онъ долженъ былъ совершить подъемъ на гору до предѣла, доступнаго лошадинымъ силамъ, — и эти-то казаки подняли переполохъ по всему пути разсказомъ о томъ, что доѣдетъ-де самъ начальникъ и съ нимъ еще какіе-то двое, одинъ старый съ сѣдою длинною бородой, что пріѣхалъ откуда-то издалека, изъ того мѣста, гдѣ живетъ самъ русскій шахъ, а другой черный, вродѣ армянина. Понятно, все населеніе высыпало, чтобы поправлять дорогу для проѣзда начальника края. Какъ и прежде, насъ сопровождали вооруженные Ринальдо Ринальдини.

Путь нашъ лежалъ самымъ подножіемъ Арарата до того каменнаго мыса, на которомъ расположено селеніе Ташъ-Бурунъ или Дашъ-Бурунъ, т. е. каменный носъ, названіе, данное этому селенію потому, что оно лежитъ на самой оконечности черного мыса, огромнымъ гребнемъ идущаго отъ Арарата и врѣзывающагося въ долину Аракса.

Колеса нашего фургона стучали уже по черному, слежно обгорѣлому каменистому ложу самаго основанія Арарата.

Въ Ташъ-Бурунѣ все селеніе выползаетъ изъ своихъ каменныхъ и глиняныхъ избушекъ, чтобы посмотрѣть на невиданныхъ гостей. Кстати же тутъ оказалось и происшествіе, которое долженъ былъ разсудить г. Кокчаевъ: ночью на кого-то напали

персидскіе курды, кого-то зарѣзали или только порѣзали и угнали за-границу скотъ. Такъ какъ мы рѣшились сдѣлать здѣсь небольшой роздыхъ, то самый, повидимому, зажиточный ташъ-бурунецъ любезно пригласилъ насъ къ себѣ въ домъ, чтобы по восточному обычаю зарѣзать для насъ барашка, угостить шашлыкомъ и всякими восточными яствами. Мы взбираемся въ этотъ домъ, точно во время пожара, на крышу, по приставленной къ стѣнѣ лѣстницѣ и черезъ каменный балконъ входимъ въ комнату. Здѣсь, несмотря на всю азіятскость обстановки, я замѣтилъ на столѣ не мало старыхъ армянскихъ книгъ, а на стѣнахъ картинки изъ «Нивы» и «Газеты А. Гатцука», и оттуда же портреты: неизбѣжный Бисмаркъ, персидскій шахъ, графъ Лорисъ-Меликовъ и др. Тутъ же на цѣпочкѣ гуляетъ хорошенькая, черноглазенькая куница, пойманная гдѣ-то въ скалахъ Арарата.

Едва мы успѣли осмотрѣться, какъ въ дверяхъ показывается сопровождавшій насъ красавецъ-всадникъ изъ татаръ и докладываетъ, что насъ желаетъ видѣть начальникъ ташъ-бурунскаго кордоннаго участка. Его просятъ пожаловать, и въ комнату входитъ казацкій офицеръ кубанскаго войска, съ золотымъ Георгіемъ 1-й степени на широкой груди. «Ну, думаю, поработала эта богатырская грудь не мало, коли добилась такого ордена, который стоитъ десяти смертей». И я невольно вглядываюсь въ эту личность, не подозрѣвая, что она оставитъ глубокій слѣдъ въ моей жизни: я не подозрѣвалъ, что ей я буду обязанъ тѣмъ, что еще и теперь живу, что могу писать вотъ эти мои воспоминанія изъ моего «прекраснаго далека». Я не подозрѣвалъ, что этотъ вошедшій въ комнату, гдѣ бродила хорошенькая куничка, неизвѣстный мнѣ человѣкъ съ золотымъ Георгіемъ на груди сегодня же спасетъ меня отъ вѣрной смерти при самыхъ потрясающихъ обстоятельствахъ.

Онъ назвалъ себя Сиволобовымъ...

Сиволобовъ — чисто русская, знакомая мнѣ фамилія... Припоминаю послѣднюю русско-турецкую войну, громкіе, но трудныя дѣла въ Малой Азіи, осаду Баязета, какого-то отчаяннаго смѣльчака, который подъ градомъ турецкихъ пуль, ночью пробирается изъ Баязета въ отрядъ Тергукасова съ роковой вѣстью...

Да, помню, это отчаянная голова былъ казакъ Сиволобовъ.

— Не вы-ли тотъ Сиволобовъ, который изъ Баязета...

Я не кончилъ: я видѣлъ, какъ огонекъ какого-то глубокаго ощущенія, или дорогого (а можетъ быть тяжкаго) воспоминанія зажегся и потухъ въ глазахъ этого человѣка, и все лицо освѣтилось этимъ ощущеніемъ...

— Да, я тотъ Сиволобовъ.

— И этотъ орденъ за тотъ подвигъ?

— Да, за все, что я вынесъ.

— Орденъ большой, но и этого мало за дѣло, которое стоило вамъ десяти жизней.

— Я не жалуюсь... Меня отличили: я уже офицеръ, не въ примѣръ другимъ.

— Да и дѣло ваше было не по плечу другимъ.

Это и былъ тотъ Сиволобовъ, имя котораго въ 1877 году нѣсколько дней не сходило со столбцовъ русскихъ газетъ. Имя его Иванъ Федоровичъ.

Г. Сиволобовъ былъ такъ любезенъ, что, въ ожиданіи пока намъ приготовятъ барашка, пригласилъ насъ къ себѣ на чай, въ палатку, которая разбита была въ тѣни деревьевъ при выѣздѣ изъ Ташъ-Буруна. Это и былъ кордонъ или пограничный постъ. Мы охотно воспользовались приглашеніемъ г. Сиволобова, и черезъ нѣсколько минутъ сидѣли уже на разостланномъ на травѣ подъ деревьями коврѣ, скрестивъ, кто умѣлъ, ноги по восточному, а молодой кордонный казакъ, по приказу своего начальника, милѣйшаго Ивана Федоровича, разносилъ намъ прелестный китайскій напитокъ стаканъ за стаканомъ. День былъ необычайно знойный, и мы охотно наслаждались чаемъ, невольно созерцая библейскую гору, которая блистала передъ нами своими вѣчными снѣгами, до того вѣчными, что этой безначальной и безконечной вѣчностью они могутъ спорить съ вѣчностью самого земного шара, ибо они такъ же стары, какъ и наша планета, но только дѣвственнѣе ея по своей недоступности.

Между тѣмъ почетные ташъ-бурунцы принесли и со знаками любезнаго гостепріимства поставили передъ нами зажареннаго барашка, громадный арбузъ величиною чуть не съ малый Араратъ, такую же дыню и вино. Барашекъ положенъ былъ

на большой круглый металлическій подносъ, въ діаметрѣ, вѣроятно, болѣе аршина и съ разными на немъ рѣзными украшеніями. Такіе подносы я потомъ видѣлъ и въ шатрахъ кочующихъ курдовъ. Посуда эта составляетъ ихъ семейную гордость и передается изъ рода въ родъ: на ней куртинъ угощаетъ зашедшаго къ нему странника или своего же брата куртина, какъ гостя, хотя бы онъ былъ его смертельнымъ врагомъ. На подносѣ, рядомъ съ барашкомъ, лежало нѣчто вродѣ свернутыхъ салфетокъ. Но да не подумаетъ читатель, что это были въ самомъ дѣлѣ салфетки, это излишество на Востокѣ не допускается: ни салфетокъ, ни ножей, ни вилокъ тамъ не полагается, благо вмѣсто вилокъ Аллахъ отпустилъ намъ пальцы, ножъ же виситъ за поясомъ у всякаго порядочнаго восточнаго человѣка, а вмѣсто салфетокъ служатъ «лаваши». «Лаваши» это и салфетки, и хлѣбъ. Трудно дать на словахъ понятіе о томъ, что такое «лавашъ». Это нѣчто вродѣ небольшой, грубой простыни или платка, но сдѣланное изъ тѣста, такая тонкая лепешка, иногда громадной величины, которая свертывается какъ платокъ или салфетка: ее ѣдятъ вмѣсто хлѣба и ею же вмѣсто салфетки обтираютъ губы и руки.

Въ то время, когда мы трапезовали, является вѣстовой казакъ и докладываетъ своему начальнику, г-ну Сиволобову, что пріѣхалъ полковникъ Аракеловъ. Управляя Уманскимъ полкомъ за отсутствіемъ полковника Невѣровскаго, г. Аракеловъ осматривалъ ввѣренные ему пограничные посты одинъ изъ которыхъ находился и въ Ташъ-Бурунѣ и начальникомъ котораго, какъ я уже говорилъ, былъ хорунжій Сиволобовъ. Этотъ послѣдній тотчасъ же пошелъ встрѣтить почтеннаго полковника, чтобы отрапортовать ему о состояніи своего поста, и пригласить его къ нашей трапезѣ. Скоро пришелъ и г. Аракеловъ. Это былъ почти уже столѣтній старикъ, но до сихъ поръ самымъ усерднымъ образомъ исполняющій свои служебныя обязанности. Онъ оказался человѣкомъ въ высшей степени добрымъ, симпатичнымъ. Я прежде зналъ, что его всѣ здѣсь любятъ и уважаютъ, и когда самъ познакомился съ нимъ то нашелъ, что этотъ почтенный старикъ, дѣйствительно, достоинъ всякаго уваженія. Не надѣясь увидѣться лично съ г. Невѣровскимъ, я просилъ г. Аракелова передать ему письмо, привезенное мною изъ Пе-

тербурга отъ Н. Д. Новицкаго, и своими распоряженіями содѣйствовать мнѣ въ исполненіи моего намѣренія. Г. Аракеловъ былъ такъ обязателенъ, что предлагалъ къ моимъ услугамъ все, что было въ его распоряженіи: взять съ поста сколько мнѣ угодно казаковъ и т. д.

Когда шли всѣ эти разговоры о предстоящемъ восхожденіи на гору, я замѣтилъ, что по выразительному лицу Сиволобова пробѣгала какая-то тревожная мысль, его, видимо, что-то волновало, подмывало его природную энергію и отвагу. Наконецъ, онъ не вытерпѣлъ.

— А что, еслибъ я попросился съ вами на Араратъ: взяли бы вы меня съ собою? — обратился онъ ко мнѣ нерѣшительно.

— Еще бы! Да такого, какъ вы, надежнаго человѣка всякій возьметъ и съ руками, и съ ногами.

— Да? Такъ можно?

— Конечно! Съ вами я ничего не испугаюсь.

— Благодарю васъ, душевно благодарю! Но что скажетъ господинъ полковникъ? Отпуститъ ли меня съ моего поста?

Я передалъ полковнику желаніе Сиволобова. Добрый старикъ даже обрадовался этому случаю, чтобъ только сдѣлать для меня что-либо пріятное.

— Да я не только позволяю, я прошу господина Сиволобова сопровождать васъ: я ему самъ буду за это благодаренъ.

Герой Баязета просіялъ отъ радости.

— Знаете, почему я желаю ѣхать съ вами? — спросилъ онъ меня.

— Да просто потому, что въ васъ говоритъ врожденная вамъ отвага.

— Нѣтъ, не то.

— Ну, такъ потому, почему и я ѣду: хочется сильныхъ ощущеній.

— Да, пожалуй... Всѣ говорятъ, что на Араратъ нельзя взойти, что вотъ на этой снѣговой макушкѣ не былъ еще ни одинъ человѣкъ... Я много испыталъ въ жизни... Я помню, что я вынесъ, когда уходилъ изъ Баязета... Говорятъ, что это невозможно — ни Боже мой!.. А вотъ я всегда хочу сдѣлать именно то, что невозможно... Я хочу показать всѣмъ, что все возможно.

— Да, это похоже на васъ.

— Такъ съ вами?

— Съ нами, съ нами!

— Благодарю васъ... Что бы ни было со мной, я взойду вонъ туда: или нашъ, или пропалъ.

И онъ тотчасъ же, приказавъ одному казаку немедленно готовиться съ нимъ «въ походъ» на нѣсколько дней, сдѣлалъ необходимыя распоряженія по своему посту и облачился въ свою походную форму.

Къ заходу солнца мы были уже въ Али-Кызылѣ, откуда и долженъ былъ начаться нашъ злополучный подъемъ на гору.

XI. Ужасная ночь.

«Nunc veteres, o regina, jubes renovare dolorem!» могу я воскликнуть теперь подобно Энею, собиравшемуся разсказывать Дидонѣ о своихъ злоключеніяхъ, о разореніи Трои и о его собственныхъ блужданіяхъ по невѣдомымъ и бурнымъ морямъ.

Описывая въ газетѣ «Казбекъ» наши злоключенія, наши «dolores», г. Кокчаевъ говоритъ: «Въ Али-Кызылѣ мы остановились въ домѣ тамошняго жителя, нѣкоего Мракара. Узнавъ о нашемъ намѣреніи взойти на Араратъ, вокругъ насъ собрались почтенные сельчане и съ удивленіемъ принялись разспрашивать товарищей моихъ о такомъ ихъ богопротивномъ замыслѣ. Къ этому времени, по приглашенію моему, явился и старикъ Симонъ, знаменитый проводникъ г-на Ходзько. По разсказу его, путешествіе ихъ сопряжено было съ громадными затрудненіями и препятствіями, послѣ которыхъ имъ едва удалось подняться на возвышенность горы путемъ различныхъ приспособленій «и при всемъ томъ, говорилъ онъ, Господу Богу не угодно было допустить насъ до самой вершины, которая смертнымъ не досягаема». Симонъ на видъ очень старъ. По его словамъ, ему 100 лѣтъ безъ 6-ти, т. е. 94 года. Въ разсказахъ своихъ онъ весьма часто забывался и противорѣчилъ себѣ, по временамъ даже проявлялъ ребяческое желаніе подняться и теперь съ нами на вершину, но тотчасъ же его безсиліе и слабость давали себя чувствовать. Долго бы еще, вѣроятно, пришлось намъ выслушивать его разсказы о восхожденіяхъ на Араратъ, объ изверженіи горы, о гибели Ахуровъ» и т. д.

Этотъ Симонъ, по фамиліи Саркисовъ, дѣйствительно, представляетъ собою осколокъ глубокой древности. Онъ родился въ 1788-мъ году. Въ 1840-мъ году, во время страшнаго землетрясенія, когда сѣверная часть Арарата обрушилась и завалила собою монастырь св. Іакова и цвѣтущее селеніе Ахури, Симону Саркисову было уже 52 года. Въ 1845-мъ году онъ былъ проводникомъ у академика Абиха, совершившаго тогда восхожденіе на Араратъ. Въ 1850-мъ онъ сопровождалъ туда же г. Ходзько съ его партіею.

Всего больше сохранилась въ его старой памяти ужасная година землетрясенія, которое онъ называетъ «потопомъ». Катастрофа эта по-истинѣ была ужасна. Часть цвѣтущей долины Аракса она превратила, по выраженію г. Полякова, «въ суровую и каменистую мѣстность, въ обиталище кочевниковъ», потому что все погребла подъ скалами и камнями, низринувшимися съ высотъ Арарата. Изъ всѣхъ обитателей Ахуръ, которыхъ считалось болѣе 1,000 человѣкъ, она оставила въ живыхъ всего только 112, и то потому только, что они раньше отлучились изъ своего селенія. Въ числѣ спасшихся былъ и Симонъ Саркисовъ.

По разсказу Симона, записанному г. Поляковымъ, картина землетрясенія была ужасна. Съ вершины горы срывались массы льда: громадные камни неслись съ высоты съ ужасающей быстротой, въ воздухѣ стоялъ сѣрный, удушливый запахъ. Шумъ, сопровождавшій землетрясеніе, былъ такъ силенъ, что слышался даже въ Игдырѣ. Отъ страшной пыли въ воздухѣ наступила ночная тьма, когда солнце стояло еще надъ горизонтомъ. Симонъ, находившійся въ это время далеко отъ своего селенія, на покосѣ, увидавъ пыль и услыхавъ необычайный шумъ на горѣ, бросился было туда, но встрѣтившіеся ему на пути два ахурійца, бѣжавшіе съ горы, со страхомъ объявили ему, что села ихъ уже не существуетъ, что оно уничтожено «потопомъ», погребено подъ землей вмѣстѣ съ жителями. Отъ ужаса и подземныхъ толчковъ. Симонъ упалъ и долго оставался безъ движенія. Отрывая потомъ, послѣ окончанія землетрясенія, свои дома изъ-подъ льдинъ и камней, спасшіеся ахурійцы находили одни трупы, но еще не разложившіеся. Отъ подошвы горы льдины неслись далеко по долинѣ Аракса, по выраженію

Симона, «какъ бы съ быстротой вѣтра». Ледяныя глыбы доходили до нѣсколькихъ саженъ толщины, и всегда съ камнями, достигавшими до 60-ти шаговъ въ окружности. Разрушеніе села, по разсказамъ другого уцѣлѣвшаго отъ «потопа» очевидца, произошло такъ быстро, словно бы это былъ одинъ ударъ грома или блистаніе молніи.

— Какъ будто бы на секунду я закрылъ глаза, а открылъ ихъ, села уже не было.

Къ этому-то погребенному подъ обрушившимися скалами селенію мы и должны были начать свой подъемъ. Солнце между тѣмъ сѣло; пока же намъ сѣдлали лошадей, а другихъ навьючивали нашей поклажей, дорожными припасами и палаткой для ночлеговъ, начало уже совсѣмъ смеркаться.

Мы выѣхали цѣлымъ отрядомъ, насъ было всего одиннадцать всадниковъ, не считая проводника. Путь лежалъ все въ гору, все выше и выше. Полудискъ мѣсяца, спускавшагося къ западному склону Арарата, окончательно спрятался за горизонтъ и для освѣщенія нашего ночного странствія остались намъ только слабо мерцавшія звѣзды. Ночной мракъ становился все непроглядѣе: прекрасная долина Аракса, остроконечныя верхушки Алагеза и его сосѣдей, Эривань съ ея зеленью и каменистыми возвышенностями, самый Араратъ—все скрылось во мракѣ. Ѣхали мы поодиночкѣ, гуськомъ, конь за конемъ. И слѣдовалъ какъ разъ за Сиволобовымъ, какъ бы предчувствуя, что мнѣ скоро понадобится его великодушная помощь. Да и нельзя было не нуждаться въ этой помощи. Весь нашъ отрядъ состоялъ изъ отличныхъ ѣздоковъ, съ дѣтства привыкшихъ совершать рисованныя экскурсіи по горамъ и скаламъ—одинъ я былъ плохой кавалеристъ. Къ довершенію всѣхъ другихъ неудобствъ ѣзды по горамъ и притомъ во мракѣ ночи — я ничего не видѣлъ у себя подъ ногами, ни впереди, ни по сторонамъ. Этому конечно, помогала моя несчастная близорукость, да кромѣ того на мнѣ были темныя очки, которыя мнѣ совѣтовали надѣть при восхожденіи на Араратъ, чтобы тѣмъ предохранить глаза отъ яркихъ лучей солнца, конечно, днемъ, и въ особенности отъ отраженія ихъ на снѣгу. Эту предосторожность считаютъ вообще необходимою, а иные совѣтуютъ даже чернить кожу подъ глазами и надъ глазами. Сколько мнѣ извѣстно, Беренсъ и Спасскій-Автономовъ едва не лишились зрѣнія на Араратѣ.

Однимъ словомъ, я ничего не видѣлъ вокругъ себя: передо мной виднѣлась только въ неясныхъ очертаніяхъ голова моей лошади. И въ такомъ-то мракѣ я долженъ былъ взбираться верхомъ на гору! Это все равно, что ночью на лошади въѣхать на Исаакія!

Кто же принуждалъ насъ начать подъемъ на гору ночью? А никто, только наше безуміе, желаніе скорѣе достигнуть того что всѣми считается недосягаемымъ. Точно мы не могли переждать эту ночь у подножія горы, въ Али-Кызылѣ...

Какъ бы то ни было, но мы ѣхали въ абсолютномъ мракѣ безъ всякаго признака какой-либо тропы, хотя бы пробитой въ камняхъ горными козами. Одинъ проводникъ зналъ, куда онъ ведетъ насъ, да и онъ не разъ терялъ привычную тропу, и мы принуждены были то-и-дѣло перекликаться во мракѣ, чтобы не потерять другъ дружку и не свалиться въ пропасть

Вотъ въ эти-то тяжелые часы и выказалась вся великодушная заботливость обо мнѣ моего мужественнаго, безстрашнаго друга. Сиволобовъ не удалялся отъ меня ни на шагъ. Онъ постоянно окликалъ меня въ темнотѣ, слѣдую ли я за нимъ. Онъ не велѣлъ мнѣ даже трогать лошади уздечкой, чтобы не сбить ее съ пути, не заставить ее сдѣлать несвободный, можетъ быть, рискованный шагъ. Онъ совѣтовалъ только довѣриться уму или инстинкту лошади и ея привычной осторожности.

— За мной, за мной, сюда—постоянно раздавался въ темнотѣ его голосъ.

— Я здѣсь, за вами

— Осторожнѣе тутъ, передъ нами оврагъ!

Не видя положительно ничего и невольно усиливаясь разглядѣть что-либо во мракѣ, я только тѣмъ утомлялъ себя. Попробуйте итти въ темнотѣ хотя бы просто по ровному, съ опасеніемъ наткнуться на что-либо или споткнуться, и вы скоро, въ нѣсколько минутъ, почувствуете утомленіе. А мы ѣхали во мракѣ три-четыре часа. Какое ѣхали! Карабкались какъ козы.

— Подожмите правое стремя, берегите ногу, тутъ высокіе камни!—раздавался голосъ моего великодушнаго друга.

Но стремя все-таки трется о камни и сдавливаетъ до боли мою ногу.

— Лѣвое стремя поджимайте, слѣва камни!

У меня пересыхаетъ во рту. Дышать становится трудно.

— Слѣзайте съ лошади! Ведите ее осторожнѣе въ поводу, тутъ крутой спускъ въ оврагъ.

Но какъ я сведу лошадь въ оврагъ, когда я ничего не вижу, не вижу не только оврага, даже лошади! Но я повинуюсь. Я встаю съ лошади и веду ее, нѣтъ, не веду, а падаю, хорошо еще что не въ оврагъ: камни, между которыми днемъ, при свѣтѣ солнца, я бы свободно могъ итти и вести за собой лошадь, постоянно заставляютъ меня спотыкаться и падать. Я не знаю, за что уцѣпиться, потому что ничего не вижу.

— Не туда! Лѣвѣй! Свалитесь съ кручи!—раздается спасительный голосъ.

И я карабкаюсь лѣвѣй, а на меня наступаетъ лошадь и можетъ столкнуть меня. Хорошо, еслибъ я могъ сдать свою лошадь казаку, чтобъ онъ свелъ ее вмѣстѣ съ своей, а я бы ужъ самъ кое-какъ перебрался черезъ оврагъ; такъ нѣтъ, двѣ лошади въ-рядъ не могутъ итти по узкой тропѣ между камней, и я веду самъ, веду и падаю, сбивая себѣ до крови руки, колѣни.

И такихъ овраговъ нѣсколько!

— Что остановились? Въ чемъ дѣло? — слышатся голоса впереди.

— Да передніе стоятъ.

— Эй! Кто тамъ? Зачѣмъ остановка?

— Проводникъ сбился съ дороги, тропу потерялъ.

— Вотъ тебѣ и на!

— Лѣвѣй, лѣвѣй! Тропа влѣво!

Потянулъ горный холодный вѣтеръ. Легче дышется, а то дышать ужъ было нечѣмъ

Еще оврагъ!.. Да имъ и конца не будетъ! Опять слѣзай съ лошади, опять колотись о камни. Это мука, это безуміе ночью взбираться на Араратъ!.. Мнѣ уже начинаютъ мерещиться пропасти и скалы, воображеніе работаетъ болѣзненно.

Хоть бы скорѣе Ахуры! Тамъ ночлегъ, отдыхъ; съ солнцемъ исчезнутъ всѣ эти призраки: при солнцѣ и пропасти не страшны.

Доносится издали лай собаки. Какое счастье! Это или жилье Ахуры, или «чадры»—кочевье курдовъ.

— Ахуры близко, господа, мужайтесь!

Лай собакъ неистовый. Слышны вдали какіе-то оклики, но словъ еще нельзя разобрать.

— Что это за крики?

— Да это проводникъ съ кѣмъ-то разговариваетъ.

— За мной, за мной, недалеко ужъ!

Еще подъемъ. Всѣ останавливаются.

— Неужели мы въ Ахурахъ?

— Да, пріѣхали.

— Но гдѣ же жилье? Я ничего не вижу.

— И не увидите, одни камни.

Наконецъ, впереди, въ темнотѣ, несмотря на лай, голоса становятся явственнѣе. Я слышу, кто кто-то окликаетъ по-русски:

— Кто тамъ?

— Да это армяне ѣдутъ на богомолье,—отвѣчаетъ сверху другой голосъ.

Это былъ казачій постъ. Въ темнотѣ, постовые сначала было приняли насъ за разбойниковъ-курдовъ, а потомъ, услыхавъ армянскій и русскій говоръ моихъ спутниковъ, подумали, что это армяне ѣдутъ къ развалинамъ монастыря св. Іакова на богомолье.

Услыхавъ голоса постовыхъ казаковъ, г. Сиволобовъ, какъ начальникъ всего кордона этой мѣстности, закричалъ: «поста начальникъ», требуя къ себѣ постового начальника.

Казаки узнали голосъ Сиволобова. Кто-то сверху крикнулъ: «здѣсь, ваше благородіе!», и начались вопросы и отвѣты, приведшіе всѣхъ насъ въ положительное отчаяніе. Да и было отчего. Оказалось, что здѣсь мы не могли заночевать, ибо курды перекочевали отсюда выше, въ гору, на кочевку Теала-Севонъ, что означаетъ «западню любящій». И дѣйствительно, это была ужасная западня!

Мы потому не могли здѣсь остановиться, что тутъ нельзя было найти корму для нашихъ лошадей, а безъ корму бѣдныя животныя не въ силахъ были бы везти насъ выше. Положеніе было ужасное. Надо было на что-нибудь рѣшиться.

Вдругъ въ темнотѣ я слышу топотъ и визгъ лошадей и болѣзненный крикъ г. Зелинскаго.

— Ой! Лошадь убила!

У меня перевернулось сердце. Слышу стонъ бѣднаго Степана Павловича, но не вижу, что тамъ, гдѣ онъ...

«Ну, началось!» съ горестью подумалъ я. «Первое несчастіе... а какое будетъ второе?»

Это лошади подрались, и одна изъ нихъ задними ногами ударила г. Зелинскаго.

— Ну, что, не убила?

— Ой! Въ ногу проклятая!

— Не переломила?

— Кажется, нѣтъ... Ой! Ощупываю... кажись, цѣла!

Но надо было рѣшаться ѣхать на кочевку, искать курдовъ.

— На лошади держаться можете?—спрашиваютъ раненаго.

— Попробую... Надо ѣхать, не околѣвать же здѣсь.

Взяли съ поста еще двухъ проводниковъ, татарина и казака, и двинулись въ дальнѣйшій путь, еще выше на гору.

Но что это былъ за ужасный путь! Умирать буду, не забуду этой страшной ночи... Послѣ уже, въ Ростовѣ, когда я метался въ болѣзненомъ бреду, въ воспаленіи (вотъ до чего довелъ меня Араратъ!), и затѣмъ въ Петербургѣ, въ жару лихорадки, я не одинъ разъ переживалъ эту ужасающую ночь... Я падалъ въ пропасть... меня увлекалъ въ бездну горный потокъ... я умиралъ подъ придавившими меня ледниками или въ черномъ шатрѣ курдовъ, которые обступали меня, не сводили съ меня своихъ черныхъ, точно раскаленныхъ глазъ и укоризненно качали головами: «аралянъ, аралянъ! Зачѣмъ ты сюда пріѣхалъ?..«

Въ № 226 «Казбека» г. Кокчаевъ вотъ что говоритъ объ этомъ несчастномъ слѣдованіи нашемъ отъ разрушенныхъ землетрясеніемъ Ахуръ до кочевья Теала-Севонъ: «Несмотря на усталость, за неимѣніемъ здѣсь (въ Ахурахъ) удобнаго пристанища, мы рѣшили продолжать нашъ путь до кочевокъ, вслѣдствіе чего, взявъ отсюда еще двухъ проводниковъ, одного татарина и казака съ находившагося здѣсь кордоннаго поста, направились дальше по слѣдамъ проводниковъ, бросивъ поводья лошадей, такъ какъ управлять ими, по темнотѣ ночи, не представлялось никакой возможности. Путь этотъ казался намъ безконечнымъ и ужаснымъ. Скалы, рытвины и глубокіе овраги попадались на каждомъ шагу. Я ѣхалъ все время впереди, пользуясь, съ одной стороны, смѣлостью моей лошади, а съ другой—привычкою, такъ какъ мнѣ не разъ приходилось разъѣзжать по крутизнамъ горныхъ тропъ въ ночное время. Съ величайшимъ затрудненіемъ для спутника моего, Даніила Лукича (это меня, несчастнаго), мы добрались, наконецъ, до кочевки Теала-Севонъ... На успѣлъ я взойти въ палатку, какъ вслѣдъ за мною вошелъ туда мой добрый спутникъ

Даніилъ Лукичъ, обратясь ко мнѣ съ слѣдующими словами: «Ну, Николай Петровичъ, я обязанъ чудеснымъ своимъ спасеніемъ г. Сиволобову». Оказалось, что на одной изъ переправъ черезъ оврагъ у него закружилась голова, и онъ, потерявъ сознаніе, упалъ безъ чувствъ на тотъ край пропасти, на которомъ малѣйшее неловкое движеніе могло бы низвергнуть его въ пучину горныхъ потоковъ».

Да, къ несчастію, это было такъ. Изнемогая отъ утомленія, разбитый и нравственно потрясенный несчастнымъ случаемъ съ г-мъ Зелинскимъ, я едва держался на лошади, когда отъ Ахуръ мы пустились въ дальнѣйшій, дѣйствительно ужасный путь. Даже безстрашный мой спаситель и такой закаленный ѣздокъ по горамъ, какъ г. Кокчаевъ, даже они послѣ говорили мнѣ, что невольно закрывали глаза, когда копыта ихъ лошадей скользили, такъ сказать, по карнизамъ ужасныхъ пропастей. Я и подавно... Я хотя не видѣлъ, но чувствовалъ по осторожному и тяжелому шагу моей лошади, что мнѣ то-и-дѣло приходилось висѣть надъ бездною, откуда глухо доносился только шумъ горныхъ потоковъ. Но я чувствовалъ и близость, и заботы обо мнѣ моего спасителя. Лошадь моя буквально клала голову на крупъ его лошади... «Ради Бога, осторожнѣе! Здѣсь опасно... держитесь крѣпче на сѣдлѣ... Тутъ крутой спускъ... Тутъ камни, опять внизъ... Придержите поводъ... не трогайте повода»...

На одномъ крутомъ подъемѣ, у самаго края пропасти, едва лошадь г. Сиволобова успѣла передними ногами взобраться на камень, моя, не видя вѣроятно впереди мѣста, гдѣ ступить, сдѣлала неловкій шагъ въ сторону пропасти и обрушила въ нее нѣсколько камней. Еще секунда, и мы полетѣли бы въ бездну. Но Сиволобовъ не потерялся.

— Подымите вашу лошадь на дыбы, влѣво!

Я поднялъ. Лошадь Сиволобова осилила препятствіе, моя за нею.

— Уфъ! Слава Богу, спасены... Будь ваша лошадь малосильна, вы бы погибли.

У меня холодъ пробѣгаетъ по тѣлу, хотя мнѣ отъ жару и усталости дышать нечѣмъ. Воздуху мало. Языкъ такъ пересохъ, такъ одеревенѣлъ, что я едва могу вымолвить слово, теряю голосъ.

— Сойдите съ лошади, тутъ еще хуже, идите ощупью.

Я схожу съ сѣдла и падаю на камни. Встаю, хочу найти опору, протягиваю руку вправо.

— Лѣвѣй! Тамъ пропасть, стойте!

Я выпускаю изъ рукъ поводъ. Сиволобовъ бросаетъ свою лошадь и спѣшитъ ко мнѣ.

— Обхватите меня, за меня держитесь,—говоритъ онъ, и я слышу, что и у него голосъ дрожитъ, срывается, изъ-за меня, конечно: видитъ, что человѣкъ погибаетъ.

Я обнимаю его, и онъ, обхвативъ меня, ведетъ какъ ребенка. А эти проклятые камни! Хоть бы я видѣлъ ихъ, а то не вижу и падаю на нихъ!

Послѣднія силы, наконецъ, оставляютъ меня. Я теряю сознаніе. Говорятъ, что я упалъ безъ чувствъ, что у меня сдѣлался обморокъ, и добрѣйшій Сиволобовъ обливалъ мою голову водой изъ горнаго ручья, который шумѣлъ тутъ, гдѣ я упалъ. Самъ ужъ я этого не помню. Помню только шумъ этого ручья. Меня палила жажда. «Хоть глотокъ воды...» Съ помощью того же великодушнаго Сиволобова я подползъ къ ручью и зачерпнулъ горсть воды. Какое счастье! Вода холодна какъ ледъ. Одинъ глотокъ этой воды, и я почувствовалъ, что это не вода, а холодный горный песокъ, разведенный водой. Такъ стремителенъ былъ потокъ, перетиравшій въ песокъ камни, по которымъ онъ бѣжалъ.

Къ счастью, кочевье было уже недалеко. Поддерживаемый Сиволобовымъ и линейнымъ казакомъ, я снова сѣлъ на лошадь, чтобы уже не вставать съ нея до самаго Теала-Севонъ.

Въ половинѣ перваго часа ночи мы услышали лай собакъ. Это были сторожевые псы курдовъ, до того злые, что если бы не подоспѣли на помощь курды, то они постаскали бы насъ съ лошадей.

Встревоженные неожиданнымъ пріѣздомъ гостей, между которыми былъ самъ «начальникъ», кочевники уступили намъ лучшій шатеръ, и мы расположились въ немъ на ночлегъ.

Горный холодъ пробиралъ до костей, изобличая тѣмъ, что мы находились уже на довольно внушительной высотѣ. Наскоро приготовленный чай хотя и согрѣлъ насъ и подкрѣпилъ наши силы, однако, сонъ мой, вслѣдствіе глубокихъ потрясеній этой ужасной ночи, былъ не сномъ, а какимъ-то горячечнымъ бредомъ: мнѣ грезились пропасти, и въ ушахъ моихъ не умолкалъ

шумъ горныхъ потоковъ, грезилось, что мнѣ уже не сойти съ этой страшной горы.

XII. Второй день восхожденія на гору..

Какъ ни были надломлены мои силы событіями ужасной ночи, однако, утро 9-го августа я встрѣтилъ бодро и увѣренно. При свѣтѣ солнца, какъ ни внушителенъ былъ видъ страшной горы, какъ ни страшны ея пропасти и скалы съ снѣжною оторочкою, искрившеюся подобно исполинскимъ брилліантамъ, какъ ни недосягаемо высилась передъ глазами ледяная вершина великана, однако, я чувствовалъ, что буду въ силахъ бороться съ препятствіями, какъ бы ни были они могучи и страшны, если только буду видѣть ихъ при дневномъ свѣтѣ. Это не то что ночью.

Картина, представившаяся моимъ глазамъ, когда утромъ я вышелъ изъ палатки, была поражающе величественная. Ради ея одной можно было помириться со всѣми ужасами страшной ночи.

Многихъ удивляла моя рѣшимость взойти на Араратъ. Иные никакъ не могли понять побужденія, заставлявшаго меня отважиться на опасную попытку. Что за охота, говорятъ, лазить на высоту, на которой можно сломать себѣ шею!

Да, непонятная охота!

Но кто бывалъ на высокихъ горахъ, кто взбирался хотя бы на Чатырдагъ, на Бештау, на Машукъ или на Монбланъ, тотъ пойметъ меня. Чувствовать при каждомъ новомъ усиліи, что ты возносишься все выше и выше, побѣждать препятствія и опасности, при видѣ которыхъ иногда захватываетъ духъ, оглянуться потомъ на пройденное пространство, видѣть, какъ далеко расширился горизонтъ, и какъ бы владычествовать духомъ надъ всѣмъ тѣмъ, что глубоко и далеко раскидывается передъ тобою, это одно изъ величайшихъ, могучихъ наслажденій человѣческаго духа. Этого-то могучаго и чистаго наслажденія я и искалъ, подвергая жизнь свою опасности. За этими великими ощущеніями я ѣздилъ въ Египетъ къ пирамидамъ, въ Іерусалимъ, къ Мертвому морю. Этихъ могучихъ ощущеній искалъ я и на Араратъ, какъ иные ищутъ ихъ за рулеткою въ Монте-Карло и нерѣдко погибаютъ, какъ чуть не погибъ и я.

Въ бытность мою въ Тифлисѣ я посѣтилъ, какъ упоминалъ, кажется, объ этомъ прежде, извѣстнаго знатока Кавказскаго края и неутомимаго труженика, І. И. Стебницкаго, который, между многими полезными указаніями и совѣтами относительно моей поѣздки, снабдилъ меня, для руководства при восхожденіи на Араратъ, прекрасною ситуаціонною картою этой горы (1 верста въ дюймѣ) и другою—въ меньшемъ масштабѣ (5 верстъ въ дюймѣ—часть Эриванской губерніи, Турціи и Персіи—Макинскаго ханства—съ Араратомъ), а также хромо-литографированнымъ видомъ Большого Арарата, начерченнымъ въ 1850 г. живописцемъ Байковымъ, съ показаніемъ мѣстъ метеорологическаго лагеря экспедиціи г. Ходзько 31-го іюля и 1—12 августа того же года.

Утромъ 9-го августа, сидя на громадныхъ черныхъ камняхъ впереди кочевья Теала-Севонъ, мы занялись разсматриваніемъ этихъ картъ для лучшаго уясненія себѣ того пункта горы, до котораго мы достигли въ ужасную ночь, и дальнѣйшаго пути, по которому намъ предстояло подниматься выше. Утро было прекрасное. Видъ на Араратъ, почти отвѣсно поднимавшійся къ небу прямо передъ нашими глазами, представлялъ картину болѣе величественную и болѣе грозную, чѣмъ я могъ ожидать: то, что я увидѣлъ, не рисовалось даже въ моемъ воображеніи.

Въ тотъ моментъ, когда мы разсматривали карты и созерцали гору и все видимое и едва досягаемое глазомъ пространство ниже подножія библейскаго исполина—вдругъ произошло что-то необычайное: на высотѣ горы, почти у самой ея вершины, раздался страшный грохотъ, и мы увидѣли, какъ масса чего-то бѣлаго, конечно, снѣга, льды и часть скалъ, стремительно низринулась съ высоты, и въ тотъ же моментъ отъ этой оторвавшейся отъ горы массы отдѣлилось бѣлое облачко, которое и развѣялось потомъ въ небесной синевѣ. Это былъ снѣжный обвалъ, а бѣлое облачко это одно изъ тѣхъ облачковъ, которыя мы видѣли надъ горою наканунѣ, по пути изъ Игдыря въ Али-Кызылъ.

А что, если мы попадемъ подъ такой обвалъ? невольно думалось мнѣ. Да и не мнѣ одному думалось это. «Созерцаніе этой картины, говоритъ въ своей статьѣ г. Кокчаевъ, не могло не возбудить въ насъ нѣкотораго ужаса».

Разсматривая потомъ въ зрительную трубу то мѣсто горы,

отъ котораго оторвались массы льдовъ и камней, мы не могли не замѣтить, что обвалъ былъ громадный. Если бы мы находились выше, вправо отъ кочевья, то онъ могъ достигнуть, можетъ быть, и до насъ и похоронить насъ тамъ вмѣстѣ съ картами и зрительною трубою, какъ похоронены были нѣкогда Ахуры и ихъ обитатели.

«Не вѣдаетъ смертный, гдѣ его могила»...

Выѣхавъ изъ Теала-Севонъ, мы направили путь нѣсколько лѣвѣе, по изрытому пропастями и усѣянному черными скалами сѣверо-восточному склону Арарата, съ тѣмъ, чтобы, обогнувъ его мимо недоступныхъ стремнинъ, добраться до персидской территоріи, до соединенія массивовъ Большого и Малаго Арарата, гдѣ подъемъ въ гору былъ болѣе пологій, тогда какъ съ русской стороны восхожденіе вверхъ было положительно невыносимо, это было бы все равно, что взбираться на шпицъ Петропавловской крѣпости. Слѣдуя этимъ путемъ, мы должны были миновать лежавшія вправо отъ насъ въ гору развалины погребеннаго подъ камнями во время землетрясенія монастыря св. Іакова и источникъ его имени. Мы рѣшили подняться до этого пункта.

Св. Іаковъ, епископъ низивійскій и писатель армянскій, родственникъ Григорія Просвѣтителя, по словамъ древней легенды, всходилъ на Араратъ, чтобы видѣть остатки Ноева ковчега. Монастырь же, по замѣчанію Муравьева, былъ основанъ въ VII-мъ вѣкѣ католикосомъ Анастасіемъ.

«Монастырь св. Іакова, говоритъ г. Поляковъ въ своемъ «Дневникѣ», это рубежъ, за которымъ лежитъ въ высотѣ разгадка цѣлой массы явленій, совершившихся нѣкогда и нынѣ происходящихъ внизу, около долины Аракса. Путь отъ Аралыха кверху, можетъ быть, дѣйствительно труденъ, но только потому, что приходится подниматься на высоты, падающія весьма круто книзу. Но зато съ каждымъ движеніемъ впередъ, съ трудностью всякаго шага наверхъ, для глаза открывается все болѣе и болѣе широкая панорама, для наблюденія выступаютъ факты одинъ другого интереснѣе. Наконецъ, здѣсь дѣло касается самого Арарата, который издали рисуется такимъ недосягаемымъ, недоступнымъ для наблюденія и подавляющимъ воображеніе великаномъ; между тѣмъ всякій шагъ на его высоты открываетъ рядъ явленій, еще болѣе поразительныхъ и величественныхъ, возбуждающихъ

въ необразованномъ человѣкѣ суевѣрный страхъ и влекущихъ еще далѣе въ высоту наблюдателя».

Я испытывалъ то же самое, когда съ каждымъ шагомъ моего умнаго коня возносился все болѣе и болѣе на высоту. Казалось, надъ этими пропастями и черными гривами и шпицами скалъ вѣяло что-то таинственное, неземное. Я ѣхалъ бодро, весело, ни на шагъ не отставая отъ Сиволобова. Это была уже не мрачная ночь съ ея видимыми ужасами, а чудный южный день, зной котораго умѣрялся той высотой, до которой мы достигли и которая дѣлаетъ даже солнце безсильнымъ растопить вѣчный снѣгъ. Но до вѣчнаго снѣга было еще далеко. Здѣсь еще попадалась травка и колючіе кустарники; на одномъ обрывѣ я даже сорвалъ блѣдный, какъ бы болѣзненный цвѣтокъ полевого горошка: какъ будто онъ самъ чувствовалъ, что слишкомъ высоко забрался, слишкомъ далеко отъ родныхъ полей, какъ это чувствовалъ и я, когда меня охватывало раздумье о далекомъ сѣверѣ и его равнинахъ.

Часу въ 1-мъ мы были уже у источника св. Іакова. Это былъ жалкій ключъ, доказывавшій, что снѣжный Араратъ, который могъ бы выпускать изъ своихъ громадныхъ ледниковъ цѣлыя рѣки, слишкомъ скупъ въ этой мѣстности, да и по всему своему склону: вся масса воды, въ которую превращаются постоянно тающіе на границѣ снѣжной линіи льды, поглощается самимъ Араратомъ. Даже тѣ стремительные ручьи, шумъ которыхъ пугалъ наше воображеніе во время ночного переѣзда, цѣлыя даже рѣчки, низвергающіяся со скалъ и грохочущія въ глубокихъ оврагахъ, все это безслѣдно исчезаетъ въ горныхъ уступахъ и въ бездонныхъ пропастяхъ, не доходя до подножія великана. Едва ли это не единственная гора въ мірѣ, которая сама поглощаетъ все количество воды, выдѣляемое ледниками всей ея снѣжной области. Оттого-то такъ жалокъ и тотъ ничтожный ключъ, который называютъ источникомъ св. Іакова. Это—два маленькихъ, высѣченныхъ въ камняхъ водоема, величиною менѣе квадратнаго полуаршина, въ которые капля по каплѣ сочится изъ скалы чистая, холодная вода, имѣющая температуру около 5° Реомюра. Къ этимъ водоемамъ ведетъ четыреугольная, сдѣланная изъ камней загородка, въ которой валяются разные цвѣтные лоскутки, огарки маленькихъ восковыхъ свѣчекъ, грубыя деревянныя куколки и палочки, величиною въ верщокъ

обмотанныя тряпочками въ видѣ чалмы, а равно миніатюрныя, также грубо выструганныя дѣтскія колыбельки, съ лежащими въ нихъ такими же малюсенькими куколками младенцевъ. Больше всего валяются эти знаки суевѣрныхъ приношеній куртинокъ и армянокъ нѣсколько выше, гдѣ находится, какъ полагаютъ, могила пророка (св. Іакова): сразу можно подумать, что это просто брошенныя за негодностью тряпочки и грубыя дѣтскія игрушки. Но напротивъ: «всякая тряпка, говоритъ г. Поляковъ, служитъ символомъ тѣхъ желаній, выполненіе которыхъ куртинка и армянка ожидала отъ пророка». Дѣтскія изображенія—это усердныя приношенія бездѣтныхъ дикарокъ, которыя испрашивали у пророка ходатайства передъ Аллахомъ о ниспосланіи имъ настоящихъ дѣтей взамѣнъ куколъ. Куртины же и татары строятъ тутъ игрушечные дѣтскіе дворики для овецъ, скота и верблюдовъ, что кому нужно: за такую игрушку пророкъ долженъ вымолить у Аллаха цѣлыя стада овецъ, козъ и верблюдовъ.

Вода же въ ключѣ, изъ котораго когда-то пилъ св. Іаковъ, считается святою, чудотворною водою, и не только куртины и татары вѣрятъ въ ея чудодѣйственную силу, но и армяне, пожалуй даже больше, чѣмъ куртины. За водой этой приходятъ богомольцы издалека, точно за водой изъ Іордана. Когда же на поляхъ появится саранча, то вода эта спасаетъ и отъ саранчи, стоитъ только принести нѣсколько капель этой святыни на нивы, пожираемыя летучимъ врагомъ, какъ невѣдомо откуда налетаютъ огромныя стаи скворцовъ и пожираютъ въ свою очередь саранчу. Въ этихъ скворцовъ, привлекаемыхъ якобы чудотворною водою съ Арарата, какъ я самъ лично убѣдился, вѣрятъ не только курды и армяне, но даже довольно видные администраторы изъ армянъ же.

Этой воды сподобился напиться и я, грѣшный, но только она не спасла меня отъ того, что ожидало меня впереди.

Отъ источника св. Іакова мы продолжали огибать сѣверо-восточные склоны Арарата по направленію къ Малому Арарату, все выше и выше. Въ пятомъ часу по полудни мы остановились на роздыхъ на самомъ рубежѣ сходящихся на склонѣ Арарата трехъ границъ—русской, персидской и турецкой. Это было куртинское кочевье Гюмыкъ. Оно состоитъ изъ десяти «дымовъ» или «чадръ» курдовъ джалалинцевъ, изъ толка суннитовъ, и слу-

жить какъ бы оплотомъ отъ нашествія къ намъ разбойничьихъ шаекъ персидскихъ курдовъ.

Наше нечаянное появленіе произвело между джалалинцами страшную суматоху. Издали слышались дикіе и какъ бы угрожающіе возгласы. Курды и куртинки выбѣгали изъ палатокъ и, отчаянно махая руками, выкрикивали что-то непонятное. Вслѣдъ за ними собаки подняли страшный вой. Въ ожиданіи объясненій съ дикарями нашихъ проводниковъ, мы должны были остановиться. Все меня поражало здѣсь глубокимъ удивленіемъ: какъ могли люди жить въ такомъ отчужденіи отъ всего міра, на такой холодящей кровь высотѣ, среди такой суровой обстановки!

Наконецъ, переговоры кончились, и мы торжественно въѣхали въ середину кочевья среди неистоваго лая собакъ. Обступившіе насъ дикари невольно поражали каждаго своимъ воинственнымъ видомъ и въ то же время какою-то дѣтскою наивностью.

— Вотъ съ этими шутить нельзя,—пояснилъ мнѣ Сиволобовъ, указывая на дикарей.

— А что?

— Храбрый, отчаянный народъ... Намъ не разъ приходилось встрѣчаться съ ними: не дрогнутъ, ни Боже мой.

— Гдѣ же вы съ ними встрѣчались?

— А въ послѣднюю войну... Бывало, какъ только мы покажемся въ открытомъ мѣстѣ, турки за-разъ въ разсыпную. А эти черты, бывало, не дадутъ и опомниться, ни Боже мой! Скорѣе наши дрогнутъ передъ ними.

Еще большимъ изумленіемъ поражало меня все, что я видѣлъ предъ собою, когда я ближе вглядѣлся въ самую обстановку жизни этихъ дикарей. Мнѣ казалось, что я вижу передъ собою допотопныхъ обитателей земного шара, прямыхъ потомковъ тѣхъ почти легендарныхъ людей, которые спаслись въ ковчегѣ отъ всемірнаго потопа. Почти то же впечатлѣніе произвели они въ 1835 году и на предшественника моего по восхожденію на Араратъ, на Спасскаго-Автономова. При видѣ ихъ шатровъ, совершенно черныхъ, сотканныхъ изъ черной шерсти съ тоненькими бѣлыми полосками и совершенно непохожихъ по формѣ на шатры другихъ ковчевниковъ (калмыковъ и татаръ дерижанскаго ущелья),—Спасскій-Автономовъ тотчасъ вспомнилъ о такихъ же черныхъ шатрахъ, упоминаемыхъ Соломономъ въ «Пѣсни Пѣсней». Тамъ его возлюбленная, говоря о своей юж-

ной, палестинской красотѣ, выражается такъ: «я черна, какъ шатры Кидара». Мнѣ такъ и кажется, что это говоритъ куртинка: «я черна какъ шатры Гюмыка», того самаго кочевья, въ которомъ мы теперь остановились на роздыхъ. Ясно, что эти шатры, по крайней мѣрѣ цвѣтъ ихъ, пережили тысячелѣтія. Въ такомъ шатрѣ жила возлюбленная Соломона, когда съ родителемъ своимъ и его стадами находилась въ своемъ кочевьѣ гдѣ-нибудь подъ горою Элеонскою или въ долинѣ Іордана. Въ такихъ шатрахъ, конечно, жилъ самъ прародитель Ной, а потомъ и его дѣти, почтительный Іафетъ и нигилистъ Хамъ. Да и что мѣшало бы Хаму раскинуть свои шатры на одномъ изъ склоновъ Арарата, хоть бы въ Гюмыкѣ или въ Теала-Севонѣ, и быть прародителемъ этихъ самыхъ черномазыхъ хамятъ, которые, теперь словно волчата заглядывали намъ въ глаза, сверкая своими бѣлоснѣжными, точно ледники Арарата, зубами и очаровательными черными зенками? Это положительно что-то допотопное

Куртинскіе шатры имѣютъ не круглую и не сферическую форму, а они продолговаты, съ покатомъ на одну сторону и съ округленіями въ двухъ смежныхъ. Четвертая сторона шатровъ— открытая. Внутренность шатра раздѣлена на три и даже иногда на четыре отдѣленія. Раздѣлительною гранью отдѣленій служатъ невысокія, аршина въ полтора, плетеныя ширмы, иногда завѣшанныя коврами куртинской же работы и приспособленныя такъ, чтобы ихъ можно было передвигать. Главной опорой, поддерживающей шерстяную крышу шатра и его связи, служатъ деревянный столбъ, на которомъ развѣшено все оружіе курдовъ— ихъ семейныя драгоцѣнности. Заднее или внутренне отдѣленіе предназначается для женщинъ и дѣтей, а равно для мелкой домашней утвари. Переднее отдѣленіе совершенно открыто, и въ немъ куртинъ принимаетъ и угощаетъ своихъ сосѣдей кочевниковъ и зашедшаго къ нему гостя. Очагъ дымится у лѣваго открытаго отдѣленія, ведущаго на женскую половину, откуда сверкаютъ на васъ дикарки и дикарята своими удивленными и удивительно прекрасными глазми. Такой красоты женщинъ я, кажется, нигдѣ не видѣлъ. Просто непонятна та тайная сила природы, которая вырабатываетъ подобную чарующую красоту при такой обстановкѣ. Можетъ быть, тайна этого творчества природы лежитъ въ этомъ чистомъ, точно дистиллированномъ

горномъ воздухѣ, въ синевѣ неба, въ этихъ вѣчныхъ снѣгахъ, даже во время убійственнаго зноя долинъ и низей освѣжающихъ и очищающихъ атмосферу, среди которой созидается и зрѣетъ эта красота.

Гостепріимные воображаемые мною потомки Хама ввели насъ въ одинъ изъ лучшихъ своихъ штаровъ, въ переднее, очень просторное помѣщеніе. На землѣ былъ постланъ коверъ, а на коверъ положены были четыре продолговатыя подушки, каждому изъ насъ по подушкѣ, на которыя мы и садились, изъ вѣжливости снявъ сапоги и поджавъ подъ себя ноги калачикомъ.

Тотчасъ же къ нашему шатру явились всѣ представители кочевья, и между гг. Кокчаевымъ и Зелинскимъ и пришедшими завязался оживленный разговоръ о цѣли нашей поѣздки, о вторженіи изъ-за границы персидскихъ курдовъ, съ которыми, впрочемъ, наши гостепріимные хозяева были, кажется, конечно втайнѣ, въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ. Между тѣмъ за ширмами горѣла не одна пара прелестныхъ глазъ—это прекрасный полъ интересовался пришельцами. Маленькіе, хорошенькіе дикарята были смѣлѣе своихъ матерей, тетушекъ, бабушекъ и взрослыхъ сестеръ и подходили къ намъ довольно близко, но всякій разъ старшіе мужчины оттоняли ихъ словно собачатъ. Привлеченные блескомъ какого-нибудь гривенника, дикарята подходили совсѣмъ близко и, получивъ монетку, быстро улепетывали къ матерямъ; зато эти послѣднія удостаивали насъ уже болѣе ласковою молніею прелестныхъ буркалъ. На сцену появлялось огромное металлическое блюдо съ жареной бараниной и хлѣбными салфетками, ставилась на землю какая-то оригинальная лампа ночникъ, и мы трапезовали, запивая баранину холоднымъ «айрапомъ» или «арьяномъ», кислое овечье молоко, разведенное водою.

Здѣсь предложили намъ свои услуги еще два проводника, курды Махмудъ-Амо-оглы и Баба-Ахмедъ-оглы, пожелавшіе взойти съ нами на гору, и первый изъ нихъ сообщилъ намъ, что онъ давно когда-то уже провожалъ на вершину какого-то «инглиза».

Наши казаки разбили для насъ на ночь особую палатку, привезенную изъ Игдыря, и мы трое, Кокчаевъ, Зелинскій и я, закутавшись пледами и одѣялами, отлично провели въ ней ночь,

хотя пронзительный холодъ и давалъ чувствовать, что мы находимся уже на пути къ линіи вѣчныхъ снѣговъ.

Г. Сиволобовъ пожелалъ остаться на ночь въ куртинскомъ шатрѣ.

XIII. Третій день.—Въ шатрѣ у курдовъ.

Утро слѣдующаго, рокового для меня дня было такое же прекрасное, какъ и предыдущее.

Это было 10-е августа, третій день нашего злополучнаго восхожденія.

Такъ какъ за этимъ переѣздомъ уже кончалась линія растительности, а подниматься мы должны были все еще на лошадяхъ, то для корма ихъ курды присоединили къ нашему конному отряду еще двухъ горныхъ быковъ, навьюченныхъ сѣномъ, съ двумя погонщиками.

Едва солнце нѣсколько обогрѣло холодный утренній воздухъ, какъ мы вновь пустились въ путь. Путь этотъ продолжалъ огибать восточные и юго-восточные склоны Арарата по направленію къ Сардаръ-Булагу и Малому Арарату, откуда уже, съ персидской стороны, и долженъ былъ начаться окончательный подъемъ на вершину заколдованной горы.

Этотъ переѣздъ и былъ началомъ несчастій, которыя едва не довели меня до могилы.

Съ утра я уже чувствовалъ, что силы меня покидаютъ. Отчасти это былъ результатъ тѣхъ испытаній, которыя мнѣ выпали на долю въ ту ужасную ночь, когда я чуть не погибъ въ пропасти: эта ночь надломила мои силы, нѣсколько уже порастраченныя во время утомительнаго и продолжительнаго пути отъ Петербурга до Тифлиса и въ особенности отъ этого послѣдняго до Эриваніи въ душегубственной перекладной телѣжкѣ и подъ убійственнымъ солнцемъ Караячской степи и долины Аракса. Главнымъ же образомъ это было оттого, что я носилъ уже въ груди начало опасной болѣзни, которыми такъ легко дарить Востокъ свѣжаго человѣка: я уже чувствовалъ приступы кавказской или азіатской лихорадки, одной изъ жесточайшихъ и опаснѣйшихъ, которую замѣнила потомъ другая болѣзнь, болѣе острая и мучительная, которая едва не свела меня въ могилу

и по милости которой я вынужденъ теперь томиться подъ чужимъ небомъ, вдали отъ Россіи.

Переѣздъ до Сардаръ-Булага я совершилъ уже больной, едва сидя на сѣдлѣ. Меня пожиралъ внутренній огонь. Несмотря на высоту, которой мы достигли и гдѣ зной солнца, вслѣдствіе значительной разрѣженности воздуха, не могъ уже быть чувствительнымъ, я носилъ этотъ зной въ самомъ себѣ: меня палила жажда; мнѣ казалось, что во мнѣ, вмѣсто крови, кипитъ горячая ртуть, что отъ моихъ раскаленныхъ рукъ, словно отъ жаровни съ углями, тлѣетъ грива моего коня, за которую я иногда хватался, чтобы удержаться на сѣдлѣ при крутыхъ и опасныхъ подъемахъ. Я слышалъ какъ-то, что солдаты на походѣ, когда мучитъ ихъ нестерпимая жажда, за неимѣніемъ воды, берутъ въ ротъ пулю и тѣмъ вызываютъ у себя слюну, которая и увлажняетъ пересохшее горло. Я пробовалъ брать въ ротъ часы, но они казались мнѣ горячими, и языкъ мой попрежнему оставался сухъ какъ замша. Вѣчные снѣга Арарата, которые искрились дѣвственною бѣлизною и которые могли бы утолить мою жажду, залить внутренній огонь, но которые пока были еще недосягаемы для меня, приводили меня въ изступленіе. Мнѣ казалось, что затѣмъ только я и проѣхалъ нѣсколько тысячъ верстъ, затѣмъ и взбираюсь на эту проклятую гору, чтобы только утолить мою жажду вѣчнымъ снѣгомъ. Какъ бѣшеный я бы сталъ пожирать его. Проклятые ледники! Зачѣмъ они не таютъ? Зачѣмъ не льются изъ-подъ нихъ горные потоки, чтобъ напоить меня? Полной грудью я вбираю въ себя воздухъ, но мнѣ дышать все-таки нечѣмъ: воздухъ еще больше сушитъ мое горло, внутренности, мозгъ...

Но вотъ близко Сардаръ-Булагъ, тамъ есть родникъ чудной воды. Я вижу, какъ проводникъ курдъ уже припалъ грудью къ камнямъ и жадно пьетъ изъ спасительнаго источника. Я даю стремена моей лошади и скачу къ тому мѣсту, гдѣ курдъ пьетъ воду.

Вотъ и я припалъ къ холодному роднику пересохшимъ ртомъ, словно какое-нибудь животное. Что за блаженство—пить! И я пью, пью безъ конца, позабывъ всякую осторожность, забывая самого себя...

Но и этимъ я не утолилъ проклятой жажды. Я только тогда

опомнился, когда съ трудомъ оторвалъ ротъ отъ воды: я понялъ, что этимъ гублю себя...

Но было уже поздно: это я глоталъ не воду, а мою смертельную болѣзнь...

Сардаръ-Булагъ значитъ «источникъ сардара» или намѣстника. Когда Эриванская область находилась подъ властью Персіи, то ею управляли намѣстники шаха или «сардары». Сардаръ-Булагъ, находящійся на значительной высотѣ, умѣряющей дѣйствіе палящихъ лучей солнца, и составлялъ лѣтнее кочевье намѣстниковъ шаха. И въ настоящее время источникъ сардара привлекаетъ къ себѣ курдовъ кочевниковъ, которые лѣтомъ и разбиваютъ около него свои «чадры», пока стада ихъ могутъ находить кормъ поблизости «булага». Вытравивъ весь кормъ въ этомъ мѣстѣ, курды перебираются въ другія мѣста, пока зимніе снѣга и вьюги не угонятъ ихъ окончательно съ Арарата.

Когда мы были въ Сардаръ-Булагѣ, то курдовъ тамъ уже не застали, а видѣли только слѣды ихъ подвижного жилья—загородки изъ камней, обозначавшія мѣста, гдѣ стояли ихъ черные шатры, слѣды очаговъ, обглоданныя и не догрызенныя ими и ихъ собаками кости, негодныя лохмотья отъ ихъ одежды и всякіе мелкіе отбросы.

Отъ Сардаръ-Булага подъемъ былъ очень крутъ, и онъ уже окончательно добилъ мои силы. Карабкаясь съ камня на камень, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ на лошади подняться было нельзя, и опираясь на посохъ г. ф нъ-Кошкуля, я чувствовалъ, что ноги измѣняютъ мнѣ, а дыханіе въ груди становится все короче и короче. Внутренности мои продолжала палить адская жажда, какъ будто бы я совсѣмъ не пилъ изъ источника сардара.

Наконецъ, мы добрались до крайняго пункта высоты, на которой могъ жить человѣкъ. Это было кочевье персидскихъ курдовъ изъ племени «кызылбашъ-ушаги», разбитое подъ огромными черными скалами на высотѣ 10,000 футовъ надъ уровнемъ моря.

Я уже не держался на ногахъ, когда входилъ въ отведенный намъ курдами шатеръ, и буквально упалъ на коверъ, на которомъ уже отдыхали мои товарищи.

— Намъ готовятъ чуднаго барашка со всѣми операми,— ободрялъ меня добрѣйшій Иванъ Федоровичъ.

— Вонъ видите, зарѣзали и ужъ за ножки повѣсили,—шутили Кокчаевъ и Зелинскій.

— Сами барашка покушаемъ и старику Арарату шашлыкъ поднесемъ,—острилъ мирабъ Халфа-Кули-бекъ.

— И бутылку кахетинскаго вина.

Но я уже не раздѣлялъ ихъ шутокъ. Я твердилъ одно: «я хочу только пить и пить безъ конца, я задыхаюсь отъ жажды, я не могу выше подниматься».

— Отдохните и подкрѣпитесь, тогда ничего.

— Нѣтъ, я боленъ совсѣмъ, я теряю сознаніе... я слягу...

— Такъ мы васъ снесемъ...

— А если придется нести мертвое тѣло?..

Проклятая лихорадка! Если бы не она, я, быть можетъ, осилилъ бы подняться на самую вершину.

— Какъ же намъ быть?

— Не знаю... Я не могу даже подняться, видите...

— Да, вы очень измѣнились, у васъ сильный жаръ.

— Во всякомъ случаѣ, сегодня я и думать не могу о восхожденіи... Попробуйте вы одни...

— Какъ же мы васъ бросимъ здѣсь одного?

— Что дѣлать! Я останусь здѣсь въ шатрѣ до вашего возвращенія.

— Какъ же такъ? А если что съ вами случится?

— Тогда и вы мнѣ не поможете... Оставьте при мнѣ одного или двухъ казаковъ, которые умѣютъ говорить по-русски, а сами пробуйте ваши силы: если вы взойдете, то быть можетъ и я взойду, когда оправлюсь.

Такъ и порѣшили оставить меня у курдовъ, а самимъ въ тотъ же день продолжать подниматься до возможнаго предѣла, чтобы, переночевавъ тамъ, 11-го числа попытаться стать на вершинѣ исполина.

Мучительно тяжко было прощанье мое, въ этотъ памятный для меня день, съ моими добрыми товарищами. Никогда не забуду я его!

Я лежу въ шатрѣ лицомъ къ Малому Арарату. Косые лучи солнца, опускающагося за Большимъ Араратомъ, освѣщая черныя, исполинской величины массы андезита, низринувшіяся съ вершины горы въ эпоху ея изверженій, золотятъ цвѣтные лохмотья курдовъ и гривы осѣдланныхъ коней, которые сейчас

увезутъ моихъ товарищей. А увижу ли я ихъ вновь? Мнѣ въ глаза заглядываетъ то клочекъ голубого, прозрачнаго неба съ острою верхушкою Малаго Арарата, то какая-нибудь жалостливая куртинка, недоумѣвающая, зачѣмъ это бросаютъ у нихъ этого сѣдого человѣка.

— Прощайте, Даніилъ Лукичъ! Скорѣе выздоравливайте,— слышатся точно во снѣ голоса моихъ товарищей.

И они скрываются изъ глазъ, повернувъ круто въ гору, между черными грудами андезита.

«Покинутый!» мелькнула въ моемъ умѣ та хватающая за сердце картина, на которой геніальный В. В. Верещагинъ изобразилъ покинутаго въ безлюдной степи своими товарищами больного солдатика... Онъ лежитъ одинъ, а вороны уже заглядываютъ ему въ глаза.

«Это я покинутый, а вороны, вотъ они, что заглядываютъ мнѣ въ глаза».

Это обступили меня курды, собравшіеся у моего шатра со всего кочевья; усѣвшись полукругомъ, поджавъ по восточному ноги, они не спускаютъ съ меня хищныхъ взоровъ. А я лежу въ страшномъ жару, то открою глаза, то закрою. Память, кажется, мутится у меня. Я не сплю, но вижу сны, какіе-то странные сны изъ далекаго-далекаго прошлаго. Открываю глаза, передо мною все та же голая вершина Малаго Арарата, все тѣ же курды, безмолвно глядящіе на меня, точно на умирающаго... Тяжко мнѣ — я опять закрываю глаза, и опять странныя грезы сверлятъ мнѣ мозгъ: я лежу въ долинѣ Іордана, лицомъ къ Мертвому морю и къ мрачнымъ склонамъ Моавитскихъ горъ, а солнце Палестины палитъ меня безжалостно; на небѣ ни облачка... Охъ, неужели мнѣ не воротиться на милую родину!

— Яралянъ... а яралянъ *)...

Я открываю глаза. Надо мной склонился мой хозяинъ курдъ, у котораго въ шатрѣ я лежу, и, заботливо глядя на меня ласковыми глазами, прикрываетъ меня пледомъ. Всѣ остальные дикари сидятъ въ томъ же безмолвіи и глядятъ на меня.

— Яралянъ! А яралянъ.

— А? Что?

---

*) Такъ величали меня курды: «яралянъ» значитъ генералъ.

Курдъ почтительно прикладываетъ руку къ сердцу и головѣ.

— Яралянъ! Мой сарай, твой сарай.

Это значитъ: мой домъ, твой домъ: восточная любезность.

— Благодарю.—И я тоже прикладываю руку къ сердцу и къ головѣ.

Но глаза мои опять невольно закрываются: я не хочу, не могу видѣть этого проклятаго Арарата.

И опять мучительныя грезы, опять бредъ... Господи! Неужели же я долженъ умереть здѣсь, въ шатрѣ у курдовъ!

— Яралянъ! А яралянъ!—снова слышится тотъ же тихій голосъ.

А это все тотъ же курдъ, поправляющій подъ моею головой подушку.

— Яралянъ! Мой сарай—твоя канушня.

Еще большая любезность совершенно въ восточномъ вкусѣ: онъ уже свой гостепріимный шатеръ приравниваетъ къ моей конюшнѣ.

Вижу, черезъ плетеныя ширмы, которыми мое отдѣленіе въ шатрѣ отгорожено отъ женскаго, на меня съ любопытствомъ и жалостью устремлены прекрасные глаза куртинокъ. Я вижу, жаль имъ меня: вѣдь у него, такъ и говорятъ эти милые дикіе глаза, тоже есть и жена и дѣти гдѣ-то далеко, а онъ вотъ лежитъ тутъ, одинъ, тяжело ему...

Да, тяжело, добрыя, милыя дикарки!

Но вотъ уже и солнце спряталось за Араратомъ. Тѣнь отъ великана все выше и выше поднималась по Малому Арарату и, наконецъ, закрыла его совсѣмъ. Слышится лай собакъ, блеяніе овецъ: это стада курдовъ возвращаются съ поля, какое тамъ поле! Съ голыхъ камней андезита и черныхъ скалъ, между которыми кое-гдѣ еще осталась жалкая травка. Болѣе смѣлыя овцы пробираются подъ боковой пологъ шатра и обнюхиваютъ мою голову, дышатъ мнѣ въ лицо. Курды отгоняютъ ихъ и все смотрятъ на меня.

Наступаетъ ночь. Мой жаръ смѣняется холодомъ. Заботливый хозяинъ укрываетъ меня нѣсколькими одѣялами, которыя приносятъ изъ своего отдѣленія жалостливыя куртинки.

— Мой дочь, и это мой дочь тебѣ, яралянъ,—поясняетъ

опъ, давая мнѣ понять, что это его хорошенькія, пучеглазыя дочери даютъ мнѣ свои одѣяла.

Я благодарю темноликихъ красавицъ приложеніемъ руки къ сердцу, а онѣ показываютъ мнѣ свои жемчужные зубы.

Усиленный пріемъ хинина, который я всегда имѣлъ при себѣ, словно оглушаетъ и отуманиваетъ меня, и я засыпаю настоящимъ сномъ, хотя съ тѣми же мучительными грезами... Вотъ гдѣ пришлось мнѣ проводить ночь съ 10-го на 11-е августа 1882 года! Не забуду я этой ночи.

Я часто, впрочемъ, просыпался то отъ лая собакъ, то отъ воя волковъ. Иногда въ ночной тишинѣ раздавался выстрѣлъ, съ ужаснымъ лаемъ метались въ темнотѣ собаки, конечно, преслѣдуя четвероногаго хищника, и опять все погружалось въ сонъ.

А гдѣ-то спятъ теперь мои товарищи? Не за линіей ли вѣчнаго снѣга? Какъ имъ должно быть холодно!

Иногда я слышалъ, что меня кто-то ощупывалъ рукою. Это хозяинъ заботливо поправлялъ на мнѣ одѣяла.

И это дѣлалъ дикарь, разбойникъ, отчаянный головорѣзъ!

Настаетъ утро 11-го августа, такое же ясное, безоблачное, какъ и во всѣ предшествовавшіе дни. Какое благопріятное время для восхожденія на Араратъ! Какъ счастливы должны быть мои товарищи! Ихъ не встрѣтятъ на вершинѣ ни бури, ни вьюги, ни грозы. Такъ счастливо еще никто не всходилъ на библейскую гору.

Я просыпаюсь еще далеко до солнца. Изъ-за лѣвыхъ склоновъ Малаго Арарата только начинаетъ алѣть восточная окраина горизонта. Кочевье просыпается. Мужчины еще спятъ, но женщины-куртинки, перевѣсивъ черезъ голову веревки, на которыхъ привязаны громадные кувшины-водоносы, отправляются куда-то за водой. Неужели къ Сардаръ-Булагу? Въ Египтѣ и въ Палестинѣ женщины носятъ свои глиняные водоносы на головахъ, а здѣсь куртинки—на спинѣ. Понятно, что здѣсь, на Араратѣ, нельзя ходить по скаламъ и пропастямъ съ кувшиномъ на головѣ.

Я слышу мѣрное покачиваніе чего-то и скрипъ. Вѣроятно, это куртинки качаютъ своихъ дѣтей въ колыбеляхъ. Такой назойливый скрипъ.

Подходитъ къ моему ложу хозяинъ-курдъ и здоровается со мной.

— Яралянъ лучше спалъ?

— Да, благодарю, мнѣ лучше. А что наши, «начальники» и казаки?

— У! Высоко ушелъ, не видать.

При помощи хозяина и одного изъ оставленныхъ при мнѣ всадниковъ я силюсь подняться на ноги, выйти изъ шатра, но тутъ же падаю. И куда дѣвались мои силы?

Вижу теперь, что означаетъ это мѣрное, монотонное покачиванье. Это куртинки качаютъ подвѣшенный на веревкахъ огромный глиняный сосудъ, въ формѣ громадной пузатой сигары, длиною аршина въ полтора. Это они пахтаютъ масло изъ овечьяго молока. Около нихъ возятся полуголенькіе ребятишки. Тѣло ихъ черно, какъ скорлупа каштана. Дѣвочки прикрыты больше мальчиковъ разными цвѣтными лоскутками. И игры ихъ не похожи на игры европейскихъ дѣтей—въ нихъ тоже что-то дикое.

Я принимаю послѣдніе порошки хинина и пустую аптечную коробку выбрасываю изъ шатра. Надо было видѣть, какой эффектъ произвела эта пустая коробка на дикарятъ. Съ быстротою гончихъ собакъ они бросаются на добычу, и между ними завязывается драга. Наконецъ, одному изъ счастливцевъ удается схватить коробку, и онъ съ торжествомъ бѣжитъ къ шатру, чтобы похвастаться своимъ сокровищемъ. Завистью загораются глаза его сверстниковъ и сверстницъ, и они начинаютъ умильно поглядывать на меня. Но у меня нѣтъ больше пустыхъ коробочекъ, и я показываю имъ по мелкой серебряной монетѣ. Хищнически сверкаютъ эти дикіе глазки. Дикарята нерѣшительно приближаются ко мнѣ и, схвативъ монетку, стремительно улепетываютъ.

— Это мой мальчикъ,—привѣтливо поясняетъ мнѣ хозяинъ.

— Какіе хорошенькіе. И дѣвочки твои?

— Мои... А яралянъ есть мальчикъ?

— Нѣтъ, только дѣвочка.

— Ай-ай, дѣвочка, не хорошо.

Мнѣ предлагаютъ сдѣлать шашлыкъ, но я отказываюсь: я совсѣмъ не могу ѣсть. Только въ полдень я съ трудомъ могъ

проглотить нѣсколько щепотей вареннаго риса; мясо же стало для меня противно.

Послѣ полудня я съ помощью всадниковъ выхожу изъ шатра, чтобы взглянуть на гору, на вершину, не чернѣются ли тамъ какія-нибудь движущіяся точки; но ничего кромѣ черныхъ и сѣрыхъ скалъ да безмолвныхъ снѣговъ не вижу... Гдѣ-то теперь «наши»? Живы ли?

Пастухи-курды говорили, что видѣли черныя точечки очень высоко, у самыхъ снѣговъ... Это они, счастливцы!

Тянется безконечный день. Тѣнь отъ Малаго Арарата, падавшая на западъ, мало-по-малу передвигается къ Большому Арарату, совершая круговоротъ къ востоку. А я все лежу, не спуская глазъ съ голубого неба и съ Малаго Арарата. Какъ онъ мучитъ меня своимъ видомъ!

А курды, то тотъ, то другой, подойдутъ къ моему шатру, сдѣлаютъ рукой привѣтствіе, посидятъ на землѣ, молча поглядятъ на меня и опять уходятъ къ другимъ шатрамъ.

— Яралянъ!—старается занять меня разговоромъ любезный хозяинъ.—У тебя есть сарай?

— Есть,—отвѣчаю.

Хоть у меня сарая и нѣтъ, но не могу же я сказать, что я живу въ чужомъ домѣ, у Цезаря Альбертовича Кавоса въ Столярномъ: дикарь не пойметъ этого, какъ можно жить въ чужомъ «сараѣ»?

— А далеко твой сарай?

— Далеко, очень.

— Дальше какъ Ириванъ?

— Дальше Эривани.

— У Тифлисъ дальше?

— И Тифлиса дальше.

Тутъ уже, за Тифлисомъ, для дикаря и міръ кончается. Гдѣ же я живу?

— И баба у яралянъ есть?

— Есть и баба.

Всѣ темы для разговора перебраны, и дикарь молчитъ. Я даю ему папиросу, онъ благодаритъ меня, идетъ къ очагу закурить ее и швыряетъ камнемъ въ собаку. Закуривъ папиросу, онъ такъ замусленную и подноситъ ее мнѣ. Я отказываюсь. Онъ благодаритъ и куритъ ее самъ.

А томительному дню и конца, кажется, не будетъ. Трудолюбивыя курдянки весь день заняты: то собираютъ овечій пометъ, то разводятъ очагъ и пекутъ на немъ «лаваши», то готовятъ кушанье, то шьютъ нѣчто въ родѣ мѣшковъ для поддержанія курдюковъ у слишкомъ жирныхъ овецъ, то бинтуютъ ноги у тѣхъ, которыя поломали ихъ среди скалъ Арарата. Гдѣ-то показывается волкъ, и выстрѣлы оглашаютъ гору.

Тоска убійственная! За тѣмъ ли я тащился нѣсколько тысячъ верстъ, чтобы лежать въ шатрѣ у дикарей? Горькое, обидное разочарованіе!

Уже тѣнь ложится отъ Большого Арарата по направленію къ Сардаръ-Булагу. Какая гигантская тѣнь! И кочевье уже все въ тѣни.

На землю спускается ночной мракъ; разгорѣвшійся очагъ тускло освѣщаетъ внутренность шатра и яркими бликами играетъ на смуглыхъ лицахъ и цвѣтной одеждѣ курдянокъ, суетящихся около огня, а товарищей моихъ все нѣтъ. Что съ ними? Гдѣ они? Не случилось ли какого-нибудь несчастія?

Ночной мракъ уже почти совсѣмъ закутываетъ Малый Араратъ. Звѣзды все ярче и ярче выступаютъ на темной синевѣ неба... И вторую ночь я долженъ провести въ курдинскомъ шатрѣ, четвертую ночь на Араратѣ!..

Слышится отчаянный лай собакъ, курды бѣгутъ смотрѣть— что тамъ. Слышенъ говоръ, знакомые голоса...

Это они! Сердце мое словно падаетъ.

Огонь костра освѣщаетъ блѣдныя, истомленныя, какія-то мертвенныя лица Кокчаева и Зелинскаго. А гдѣ же Сиволобовъ? Онъ, вѣроятно, тамъ еще, съ проводниками.

Кокчаевъ и Зелинскій входятъ въ шатеръ; они шатаются, едва идутъ.

— Ну что, господа?—испуганно вскрикиваю я. — Что съ вами?

— Слава Богу, пока еще живы, а чуть не пришлось умирать.

— А взошли?

— Куда взойти! Одинъ только герой нашъ, Иванъ Федоровичъ, дошелъ до самой вершины, а посмотрите, что съ нимъ!

И они оба буквально упали на коверъ шатра. Куда дѣвалась красота Кокчаева!

— Благодарите Бога, Даніилъ Лукичъ, что вы захворали, а то бы я не ручался за вашу жизнь... Тамъ ужасы!

И дѣйствительно, лица ихъ показывали, что тамъ было что-то страшное.

За день они успѣли постарѣть. Лица осунулись. Подъ глазами темныя впадины. Оба они какъ-то почернѣли. Синія губы точно у мертвецовъ. Щеки позападали какъ бы послѣ долгой болѣзни.

— Охъ, ноги! Ноги!—стоналъ бѣдный Степанъ Павловичъ.— Пропали мои ноги.

— И мои... это была ужасная попытка... Какъ еще мы воротились!—съ трудомъ говорилъ Кокчаевъ.

Казаки съ трудомъ стащили съ нихъ сапоги, потому что ноги ихъ распухли, жилы отъ напряженія раздулись.

Въ шатеръ взошелъ, наконецъ, и мой спаситель — Сиволобовъ.

— Иванъ Федоровичъ! Вы ли это! — невольно вырвалось у меня.

И въ самомъ дѣлѣ, это не былъ прежній Сиволобовъ, съ живымъ взглядомъ, съ быстрыми движеніями, весь энергія: это былъ больной, разбитый человѣкъ, постарѣвшій, осунувшійся, съ синевою подъ глазами, съ пепельнаго цвѣта лицомъ, съ блѣдными, посинѣвшими губами, съ упавшимъ голосомъ.

— Поздравляю васъ! Дайте мнѣ поцѣловать васъ, бѣдный другъ... Скажите, что съ вами было?—волновался я, обнимая его.

— Дайте передохнуть, я не могу говорить, голосъ потерялъ.

И съ него казакъ стащилъ «ичиги» (родъ мягкихъ сапогъ), въ которыхъ онъ всходилъ на ужасную гору.

— Вотъ ваши носки, благодарю васъ... Если не вы сами, такъ ваши носки были на Араратѣ,—съ слабою улыбкою, подавая мнѣ носки, говорилъ онъ.

Горькая, ѣдкая иронія! Мои носки были на Араратѣ, а я не былъ.

Вчера, приготовляясь къ послѣднему подъему на гору, г. Сиволобовъ попросилъ у меня носковъ, потому что, второпяхъ отъѣзжая съ нами съ своего поста, онъ забылъ взять для себя пару-другую носковъ, потому что ходилъ лѣтомъ въ мягкихъ

«чичигахъ» на босу-ногу, а на босу-ногу гулять по вѣчному снѣгу даже герою Баязета было бы несподручно.

— А вотъ вамъ земля съ Арарата, съ вершины, тамъ есть небольшая прогалина безъ снѣгу: оттуда я и взялъ эту землю; и этотъ хрусталь оттудова же.

И онъ подалъ мнѣ платокъ, въ которомъ завернута была бѣлая розоватая известковая земля, и въ ней продолговатый кусокъ вродѣ горнаго кристалла. Этотъ прозрачный кусокъ я впослѣдствіи подарилъ г. фонъ-Кошкулю, свѣдущему геологу, для его горной коллекціи.

— Съ кѣмъ же вы взошли на вершину, милѣйшій другъ мой?—волновался я.—Одни?

— Нѣтъ, съ Бабою и Махмудомъ... На вершинѣ они упали на колѣни и все молились богу своему—Аллаху... А меня умоляли нейти дальше.

— Гдѣ же эти молодцы?

На зовъ г. Кокчаева изъ толпы курдовъ, толкавшихся у шатра, смиренно выступили Баба-Ахмедъ-оглы и Махмудъ-Амо-оглы. Они также казались измученными. Я далъ имъ каждому по пяти рублей. Они бросились цѣловать мои ноги, бѣдные дикари!

— А гдѣ же мирабъ?—спросилъ Сиволобовъ.

Впередъ выступилъ острякъ мирабъ Халфа-Кулибекъ-Долуханъ-бекъ-оглы, держа въ рукахъ мою зрительную трубу.

— На, баринъ твой глазъ... У! Хорошъ твой глазъ!

— А что, хорошо видно?

— Хорошо, у! Какъ хорашо! Вотъ бы такой глазъ для мой слѣпой кобылы, и слѣпой бы видѣлъ.

— А видѣлъ меня на верхушкѣ, мирабъ? — снова спросилъ Сиволобовъ.

— Видѣлъ, баринъ; твой красный бешметъ видѣлъ и два курды видѣлъ, и какъ ты тамъ стрѣлялъ, дымъ видѣлъ.

— Такъ теперь вѣришь, что можно взойти на Араратъ?

— Теперь вэру

— А прежде не вѣрилъ.

— Прежде нэ вэрилъ.

Когда Кокчаевъ, Сиволобовъ и Зелинскій, послѣ ночлега у линіи вѣчныхъ снѣговъ, стали подниматься выше, то они оставили на этомъ пунктѣ мираба съ казакомъ Лаврентіемъ

Кульбиковымъ и двумя всадниками-татарами, а съ собой взяли Бабу, Махмуда и казака Петра Бурлакова; кромѣ того, они оставили у Ираба мою зрительную трубу, чтобы онъ, невѣрующій Ѳома, могъ лично съ помощью трубы удостовѣриться, достигнутъ ли смѣльчаки вершины или нѣтъ.

— Жаль, Иванъ Федоровичъ, что вы не взяли съ собой на вершину знамя или крестъ, чтобы водрузить тамъ, какъ память вашего подвига: это подвигъ историческій.

— Да, я самъ жалѣлъ.

— А бутылка съ кахетинскимъ? — улыбается Зелинскій, растирая распухшія ноги.

— Правда... У меня тамъ ничего кромѣ палки и бутылки не было, я и воткнулъ бутылку въ самую макушку, въ снѣгъ... Можетъ быть, кто нибудь найдетъ послѣ насъ, если доберется туда.. Да врядъ-ли...

Онъ не могъ продолжать: ему помѣшала кровь, ручьемъ хлынувшая изъ носу.

Это былъ опасный признакъ: на вершинѣ горы кровь постоянно лила изъ него, и онъ останавливалъ ее только снѣгомъ... Но смѣльчакъ не подозрѣвалъ, что черезъ нѣсколько дней она хлынетъ у него горломъ!..

Уже здѣсь, въ Ментонѣ, послѣ тяжкой болѣзни, которая держала меня между жизнью и смертью, я получилъ изъ Эривани и Игдыря письма отъ моихъ товарищей по злосчастному восхожденію на Араратъ, отъ Зелинскаго и Кокчаева. Первый изъ нихъ между прочимъ писалъ о нашемъ бѣдномъ герое: «Черезъ 14 дней (послѣ восхожденія) пріѣхалъ ко мнѣ нашъ достопочтенный сопутникъ Сиволобовъ за вашею карточкою. Онъ едва могъ подняться на балконъ (это послѣ Арарата-то!), такъ какъ былъ сильно нездоровъ: у него изъ груди и изъ носу съ того времени текла кровь. У несчастнаго, вѣроятно, разовьется чахотка».

А г. Кокчаевъ пишетъ мнѣ о немъ же: «Со времени нашего восхожденія одинъ изъ нашихъ героевъ, Сиволобовъ, зачахъ: болѣетъ весьма серьезно горловымъ истеченіемъ крови».

Таковы результаты нашего безумнаго предпріятія!

Но зачѣмъ забѣгать впередъ...

XIV. На вершинѣ Арарата—только не я.

Чтобы дать читателю хотя слабое понятіе о томъ, что испытали мои смѣлые товарищи въ дальнѣйшемъ подъемѣ на гору послѣ того, какъ оставили меня больного въ шатрѣ кизилбашъ-ушаговъ, я позволяю себѣ привести слова г. Кокчаева изъ газеты «Кавказъ»:

«Оставивъ здѣсь Даніила Лукича съ казакомъ, двумя всадниками и прислугою, мы тронулись дальше съ юга на сѣверъ, поднимаясь постепенно въ гору, и, доѣхавъ до послѣдняго пункта, дальше котораго нельзя было ѣхать верхомъ, остановились и рѣшили слѣдовать пѣшкомъ. Насъ всѣхъ было 10 человѣкъ. Оставивъ изъ нихъ на этомъ мѣстѣ четырехъ, остальные, а именно: Сиволобовъ, Зелинскій, казакъ, два курда и я пошли дальше, постепенно переходя крутизны громадныхъ овраговъ по грудамъ разбросанныхъ въ безчисленномъ множествѣ камней. Перейдя такихъ два-три оврага и нѣсколько снѣжныхъ скатовъ, мы, наконецъ, очутились на небольшой площадкѣ, обрамленной снѣжною террасой, на которой, ввиду наступленія сумерекъ, и остановились. Сзади за нами слѣдовали два персидскіе курда, несшіе нѣкоторые наши пожитки для ночлега. По прибытіи ихъ немедленно былъ разведенъ очагъ и приготовленъ чай. Съ нами былъ убогій котелокъ, вмѣщавшій всего два-три стакана воды, и потому чаепитіе наше продолжалось очень долго: приходилось ежеминутно доливать котелокъ. Становилось свѣжо. Термометръ показывалъ 8¾° по Реомюру. Необходимо было принять мѣры предосторожности противъ холода. Казакъ устроилъ намъ постель: моя на этотъ разъ состояла изъ тюфяка, постланнаго на голой землѣ, и теплаго одѣяла; у товарищей-же моихъ и того не было; между тѣмъ температура все понижалась. Укутавшись въ теплыя пальто и накрывшись одѣялами, всѣ мы, дрожа, выжидали чаю, но капризный котелокъ, несмотря на сильно пылавшій огонь, при каждомъ наполненіи его водою, долго еще испытывалъ наше терпѣніе. Наконецъ, чай былъ поочередно выпитъ до послѣдней капли стакана, говорю — поочередно, потому что съ нами почему-то было всего два стакана. Въ воздухѣ въ это время царила тишина и небо было настолько ясно и прозрачно, что, казалось, весь звѣздный міръ пылалъ огнями. Ино-

гда я засыпалъ, но страшныя грезы мгновенно будили меня. Я вставалъ съ постели, приподымался и, прислушиваясь къ ночному бряцанью невѣдомой мнѣ жизни, вздрагивалъ иногда отъ страшнаго гула срывавшихся съ высотъ камней. Трудно передать впечатлѣнія пережитой мною ночи. Одна мысль о томъ, что я лежу у Ноева ковчега, ежеминутно переносила меня въ область тѣхъ чудесныхъ преданій, которыми такъ богатъ нашъ античный міръ.

«Чуть забрезжилъ свѣтъ, всѣ мы уже были на ногахъ и слѣдили за первыми свѣтовыми лучами занимавшейся на горизонтѣ зари. Термометръ въ это время показывалъ 4° тепла. Мы были уже на пути къ подъему на первое предгоріе, когда первые лучи восходящаго солнца озарили юго-восточную поверхность горы. Отсюда было видно, какой гигантскій путь предстоялъ намъ впереди. Чѣмъ болѣе мы поднимались впередъ, — тѣмъ менѣе мы приближались къ цѣли, ибо подъемъ становился все круче и круче, а самая вершина скрывалась въ небесной выси. Карабкались мы по всевозможнымъ крутизнамъ и уступамъ и, несмотря на энергическія усилія, ежеминутно отъ усталости и одышки падали на камни и отдыхали, едва переводя духъ. Мы шли по пути, обнаженному отъ снѣга, чрезвычайно трудному, мѣстами совершенно отвѣсному и по временамъ пролегавшему черезъ трещины и сугробы сыпучихъ камней. Къ востоку отъ насъ разстилалась по крутой террасѣ громадная поверхность ледяной коры, по которой отъ таянія снѣговъ неслись съ вершины, съ быстротою молніи, груды сыпучихъ камней. Терраса эта правою боковою стороною упиралась въ конусообразный мысъ, именуемый Дужикъ-Дагъ, служащій продолженіемъ кряжа восточнаго предгорія. Къ 10 часамъ мы стояли на пунктѣ, значительно превышавшемъ высоту Малаго Арарата. Отсюда вся долина въ глазахъ нашихъ зіяла какъ бы въ безднѣ. Окружающее, казалось, утопало въ неизмѣримомъ пространствѣ міровъ, и вся поверхность равнины подернута была мглою. Замѣтно было, какъ макушка стала постепенно покрываться бѣлымъ саваномъ и боковыя скважины стали испускать сѣрые клубы паровъ. Здѣсь мы почувствовали и первый холодный вѣтерокъ, вслѣдствіе чего я прилегъ въ расщелину камней и на солнечной сторонѣ согрѣвалъ свою остывавшую отъ испарины спину. Между тѣмъ я чувствовалъ, что мною постепенно овладѣвало

безсиліе, въ глазахъ рябило, къ головѣ приливала кровь; положеніе становилось тяжелымъ; не оставалось, однако, ничего больше, какъ только продолжать снова путь, такъ какъ возвращаться отсюда послѣ такой высоты и столь тяжелыхъ трудовъ, употребленныхъ на подъемъ, было стыдно передъ товарищами и неловко передъ самимъ собой. Я съ неимовѣрнымъ трудомъ продолжалъ путь. Послѣ страшныхъ усилій я внезапно очутился у памятника, надъ которымъ трудился, вырѣзывая свои имянныя буквы, г. Зелинскій. Это былъ крестъ безъ поперечной перекладины, поставленный несомнѣнно нашими предшественниками. Я вырѣзалъ на перекладинѣ также свои имянныя буквы и укрѣпилъ крестъ. Поперечная перекладина несомнѣнно подверглась вліянію стихій грознаго старика и, оторвавшись отъ рамы, вѣроятно, покоится гдѣ-нибудь въ грудахъ камней. Отдохнувъ здѣсь немного, мы поволоклись дальше; говорю—поволоклись, потому что я уже не шелъ, а перетаскивался съ камня на камень и перебрасывался изъ одной расщелины въ другую. На разстояніи ста шаговъ отъ насъ сидѣлъ третій нашъ товарищъ, Сиволобовъ, держа въ рукахъ остатокъ другого памятника, значительно большаго чѣмъ первый, также безъ поперечной перекладины, подвергавшейся, вѣроятно, одинаковой съ первою участи. Подымаясь такъ или иначе, я, однако, чувствовалъ, что силы меня оставляютъ; сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ, несмотря на крайнія надъ собой усилія, я остановился и растянулся на камнѣ, потерявъ всякую энергію. Положеніе становилось критическимъ, и тутъ-то благоразуміе взяло верхъ: я окончательно остановился, чтобы на этомъ закончить свое восхожденіе. Силы мнѣ совершенно измѣнили: дыханіе было учащенное; грудь спиралась отъ разрѣженнаго воздуха. До вершины оставалось немного, одинъ послѣдній уступъ, и всего, вѣроятно, не болѣе 900 футовъ, но эти 900 футовъ были для меня недосягаемы; подвигъ былъ мнѣ не подъ силу.

«Поклонившись низко товарищамъ и бросивъ послѣдній прощальный привѣтъ словно ухмылявшейся надо мною макушкѣ Масиса, я повернулся спиною и шагнулъ обратно. Тутъ, однако, я прилегъ немного отдохнуть и неожиданно погрузился въ тяжелыя думы о томъ, какъ здѣсь родъ человѣческій впервые основалъ свою колыбель и какъ много священнаго связано съ мыслью объ этой горѣ. Опомнившись немного, я, наконецъ, привсталъ и

гъ послѣдній разъ закричалъ своимъ товарищамъ: «До свиданія, господа!»

«Спустившись со второго предгорія, я вдругъ увидѣлъ шедшаго за мною въ 200 шагахъ г. Зелинскаго. Остановившись и выждавъ его приближенія, я узналъ, что онъ также вернулся по моимъ слѣдамъ, не будучи въ силахъ продолжать свое шествіе дальше вслѣдствіе сильнаго головокруженія и тошноты.

«Спустя ¼ часа два раздавшіеся ружейные выстрѣла возвѣстили намъ, что Сиволобовъ и курды на вершинѣ. Было видно, какъ черныя пятна подвигались по макушкѣ снѣга. Это были наши товарищи».

Разсказъ г. Зелинскаго о томъ, въ какомъ отчаянномъ положеніи очутился онъ, когда уже почти у самой снѣжной шапки Арарата онъ потерялъ изъ виду г. Сиволобова и курдовъ и отбился отъ другихъ товарищей, произвелъ на меня еще болѣе глубокое впечатлѣніе. Подъемъ на отвѣсныя скалы до того изнурилъ его, а разрѣженный воздухъ и атмосфера, напитанная удушливыми сѣрными парами, до такой степени удручали его легкія, что онъ не могъ дышать и почти потерялъ сознаніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ его постоянно рвало, и онъ уже опасался кровавой рвоты. Онъ думалъ, что уже не воротится назадъ, потому что, заплутавшись между скалъ и пропастей, онъ даже пересталъ было сознавать, въ какомъ направленіи лежитъ его обратный путь. Онъ одно сознавалъ, что теряетъ возможность двигаться. Ему хотѣлось упасть и уснуть хоть до слѣдующаго дня, но его пугало то, что вездѣ онъ встрѣчалъ тамъ признаки близкаго присутствія медвѣдей—одно было не легче другого. Какъ, наконецъ, удалось ему спуститься съ этихъ ужасныхъ высотъ, это одному Богу извѣстно. «Ужъ я думалъ, что пришлось прощаться съ жизнью; а вонъ нѣтъ, только грудь всю разбило, точно молотомъ меня колотили, да бѣдныя ноги мои опухли... Какъ-то я завтра сапоги надѣну»...

Но что вынесъ тотъ, кто былъ настоящимъ героемъ этого ужаснаго восхожденія! Я помню его разсказъ, полный глубокаго драматизма. Къ сожалѣнію, я не съумѣю передать его дословно. Я только могу привести здѣсь выдержку изъ его письма ко мнѣ, отъ 29-го октября, въ которомъ онъ описываетъ впечатлѣнія памятнаго для всѣхъ насъ дня 11-го августа 1882 года. Я привожу его разсказъ въ томъ видѣ, какъ онъ записанъ самимъ авторомъ,

съ дипломатической вѣрностью. Языкъ всего письма дышетъ глубокой правдой и искренностью, что особенно и составляетъ его драгоцѣнность, ибо тутъ нѣтъ ничего вымышленнаго, преувеличеннаго, ничего прикрашеннаго, ни риторики, ни рисовки своимъ геройствомъ.

«Начну съ того, пишетъ г. Сиволобовъ, какъ оставили мы васъ въ куртинскомъ чадрѣ, а сами поздно вечеромъ дошли подъ самый конусъ горы, т. е. до снѣжной линіи, и тамъ провели послѣднюю ночь. Ночь эта отъ паденія камней казалась намъ ужасною: гулъ, эхо—одно за другимъ часто повторялись и превратили насъ въ полнѣйшее изумленіе, особенно моихъ спутниковъ, гг. Кокчаева и Зелинскаго. На другой день, 11-го августа, рано утромъ я разбудилъ своихъ товарищей; напились чаю, закусили; при этомъ вели разговоръ — каждый старался скорѣе освободить испуганную отъ ночи мысль. При всемъ этомъ, удивленіе и восторгъ нашъ продолжали возростать въ геометрической прогрессіи. Окончили бесѣду и послѣдовали въ предназначенный путь. Взяли казака Бурлакова и двухъ курдовъ, Бабу и Махмуда, поднимаясь на массу каменистыхъ горъ, безконечная перспектива которыхъ вдали кончалась известковымъ камнемъ. Кромѣ этихъ картинъ, видны были часто срывавшіеся огромные камни. Товарищи мои за каждымъ ихъ гуломъ отставали отъ меня дальше; за ними шли казакъ и курды и несли закуску и бутылку кахетинскаго вина. Черезъ нѣсколько минутъ я изъ виду ихъ скрылся, и, сидя подъ камнемъ, ожидалъ своихъ товарищей. Съ великимъ трудомъ достигли они до мѣста моего отдыха и сѣли закусить. Въ ногахъ и рукахъ ихъ было сильное трясеніе, а лица у нихъ были блѣдныя, какъ бѣлое полотно, но они всячески старались замаскировать свой испугъ, показывали, что будто еще не теряли надежды продолжать путь дальше. Въ доказательство можно сослаться на слѣдующія слова г. Зелинскаго: онъ тамъ поклялся, сказалъ: «Если я не взойду, то пусть лопнетъ моя утроба»... Закусили. Выпили они по стакану вина, встали и въ томъ же порядкѣ полѣзли вверхъ. Свѣтлое солнышко теплыми лучами своими щедро насъ согрѣвало, но западный холодный вѣтеръ быстро насъ охлаждалъ.

«Разнообразныя каменныя, безконечно тянувшіяся гряды все болѣе наводили на моихъ товарищей страхъ и уныніе. Скоро я оставилъ ихъ, скрылся отъ нихъ изъ виду и добрался до от-

вѣсной, непреодолимой скалы, и тамъ, сидя подъ висящими камнями, долго ожидалъ своихъ собесѣдниковъ и долго любовался въ природѣ пріятнымъ видомъ. Утомленные и измученные, они, оставивъ на пути всѣ продукты, верхнее платье, въ однѣхъ поддевкахъ, совсѣмъ безъ дыханія, долѣзли до меня, долго сидѣли и разсматривали какъ окружающую насъ природу, такъ и поставленные кѣмъ-то на этой отвѣсной скалѣ футовъ на 70 отъ низу изъ березовыхъ кольевъ нѣсколько памятниковъ.

«Здѣсь простился я съ своими спутниками. Я, Зелинскій, казакъ и курды подрались на эту скалу, а г. Кокчаевъ оставался еще на томъ мѣстѣ, долго смотрѣлъ на насъ. Я и курды взобрались уже высоко, а г. Зелинскій и казакъ Бурлаковъ были у крестовъ. Всѣ мы, вися на камняхъ, смотрѣли вертикально на г. Кокчаева. Снялъ онъ съ головы фуражку, поклонился намъ, благословилъ въ путь, а самъ воротился назадъ. Уже нѣсколько отдохнувши, я что-то пожелалъ спросить у г. Зелинскаго, но онъ уже не въ состояніи былъ говорить и сдѣлалъ знакъ рукою, чтобы я больше не спрашивалъ. Прошло нѣсколько минутъ, я и курды стали трогаться въ путь, тогда г. Зелинскій собрался съ духомъ и слабымъ голосомъ произнесъ мое имя: «Иванъ Федоровичъ, отдохнемъ еще, я совсѣмъ усталъ». Я снова уцѣпился за другой камень и нѣсколько обождалъ; но видя что Зелинскій почернѣлъ какъ мертвый, я дольше ожидать не сталъ:—оставилъ при немъ казака, а самъ снова полѣзъ вверхъ. Курды напутствовали меня. Зелинскій поднялся еще на одинъ или на два шага вверхъ, взглянулъ на насъ и на висящіе камни, страхъ больше окружалъ его, и онъ возвратился назадъ.

«Тутъ я остался одинъ, за исключеніемъ Бабы и Махмуда. Послѣдній изъ нихъ былъ съ ружьемъ, а Баба несъ бутылку съ виномъ. Когда преодолѣли это трудное препятствіе, взошли на край известковаго грунта въ ½ версты выше поставленныхъ крестовъ, и тамъ нашли слѣды угля и курьи сгнившія косточки. Съ этой точки путь былъ противъ минувшаго нами нѣсколько отложе, но воздухъ тяжелѣе, и чѣмъ выше поднимались, тѣмъ воздухъ препятствовалъ дыханію больше. Эта известковая отлогость тянется длиною на разстояніе 1½ версты и заканчивается на верхнемъ краѣ подъ карнизомъ краснаго камня, высотою не болѣе 100 футовъ, и пересѣкающаго эту узкую известковую полосу поперекъ—однимъ концомъ прилегаетъ къ тянувшейся на

всемъ протяженіи этой отлогости южной сторонѣ скалы, а другимъ—къ прилегающему по правую сторону той же отлогости вѣчному снѣгу, тянущемуся отъ нашего ночлега и покрывающему всю сѣверную сторону и до вершинъ Арарата. Сама же известковая отлогость видъ имѣетъ хребта—по лѣвую сторону безконечно тянущуюся на западъ отвѣсную скалу, а на востокѣ оканчивается заворотомъ этой же скалы, упирающейся своимъ плечомъ къ тому же сѣверному снѣгу. Известь настолько мягка и покрыта почти сплошными, вродѣ вулканическихъ, дырами, что невозможно по ней идти. При каждомъ такомъ отдушникѣ много лежитъ кристалла, который мы принесли вамъ напоказъ.

«Дошли до половины сей отлогости и настоль уже чувствовали себя утомленными и бездыхательными, что съ великимъ трудомъ могли дѣлать два и три шага безъ отдыха, и при каждомъ отдыхѣ дѣлали каждый свою операцію, натирая грудь и голову снѣгомъ, ѣли его и клали въ папахи; но біеніе сердца настоль было мучительно, что каждый изъ насъ терялъ сознаніе до того, что въ теченіе нѣкотораго времени не въ состояніи былъ не то что-либо говорить, но не въ силахъ былъ взять снѣгу и натереть грудь и голову

«Какъ бы я съ своими незнакомцами Бабой и Махмудомъ ни были утомлены, но при помощи снѣга и отъ таянья солнца стекавшей по немъ воды, шагъ за шагомъ подвигались мы впередъ и такимъ путемъ достигли верхней террасы, т. е. краснаго камня, гдѣ произвели два ружейныхъ выстрѣла. А съ того камня до видимой высшей точки шли по отлогости въ 5 градусовъ, покрытой вѣчнымъ снѣгомъ, разстояніе которой въ ½ версты, куда мои товарищи почему-то не шли, даже и меня просили закончить путь нашъ здѣсь. Но, не достигши своей цѣли, я не могъ остановиться на томъ. Призвавъ на помощь Бога, послѣдовалъ впередъ. Курды скоро настигли меня и вмѣстѣ со мною слѣдовали, утопая въ полколѣна и выше въ снѣгу, часто посматривали на приближающуюся къ намъ точку. Когда взошли на нее, то увидали еще впереди себя на западъ въ ¼ версты шарообразную высшую точку, до которой подъемъ и вовсе незначительный. Снѣгъ какъ у камня, такъ и до высшей точки не измѣняется—на сѣверную сторону отъ вершинъ горы совсѣмъ мягкій, а на южную противъ солнечныхъ лучей въ полколѣна стоятъ остроконечныя обтаенныя иглы, а подъ ними снѣгъ взявшійся льдомъ,

и на поверхности удерживаетъ мельчайшія капли воды. Съ этой верхней точкою на одной горизонтали, шаговъ на 200 на западъ, и другая же такая же вершина, которыя между собою соединяются расщелиною снѣга безъ извѣстной глубины и трехъ четвертей широты. Лежа на краю расщелины, опустивъ въ нее палку, ударяя по краямъ льда, гулъ отдается совсѣмъ беззвучный и скоро исходитъ.

«На вершинѣ отъ западнаго вѣтра и разрѣженнаго воздуха долго оставаться не могли. На всемъ пространствѣ, видимомъ простымъ глазомъ, тянулись по горизонту волнообразныя горы и долины, по которымъ много блестѣло извивавшихся, чуть замѣтныхъ простымъ глазамъ рѣчекъ, полюбоваться очень было пріятно. Но моря, какъ Каспійское, такъ и Черное, по случаю лѣтнихъ жаркихъ дней, покрытыхъ мглою, совершенно незамѣтны были.

«Оставляя вершину Арарата, преклонивъ колѣна, воздалъ благодарную Богу молитву. Оставили на вершинѣ съ кахетинскимъ виномъ бутылку и пошли внизъ. Чѣмъ ниже спускались, тѣмъ воздухъ былъ пріятнѣе и тѣмъ болѣе силы возвращались; а когда пришли въ чадры, вамъ послѣднее все извѣстно.

«Простившись я съ вами въ Аралихѣ, много пострадалъ теченіемъ крови изъ носа, а черезъ 10 дней послѣ сего изъ носа теченіе прекратилось, а пошла изъ гортани и настоль сильно изливалась, что въ одинъ разъ наполняло по полному тазу, и это продолжалось по 5-е сентября; но теченіе это не каждый день появлялось, а черезъ три дня; но теперь, по милости Бога, теченіе это прекратилось и самъ сталъ поправляться».

Позднѣйшихъ свѣдѣній о состояніи г-на Сиволобова я не имѣю. Но глубоко будетъ прискорбно, если такой человѣкъ погибнетъ. Что вмѣстѣ съ разстройствомъ здоровья въ немъ до сихъ поръ не убита энергія, можно видѣть изъ этого же, приводимаго мною письма, гдѣ онъ обращается къ тѣмъ, которые усомнились бы въ правдѣ его словъ. «Если, говоритъ онъ, пожелаетъ кто убѣдиться въ истинѣ того, что я написалъ вамъ, то на будущее лѣто прошу пожаловать, и вмѣстѣ со мною вторично идемъ на великій Араратъ».

Трудно выразить всю глубину впечатлѣній, испытываемыхъ человѣкомъ въ случаяхъ, подобныхъ восхожденію на Араратъ. Спасскій-Автономовъ, напримѣръ, говоритъ, что онъ чувствовалъ

не радость, а какое-то холодное уныніе и подавленность, когда подъ нимъ все шире и шире открывался горизонтъ по мѣрѣ подъема на гору. «Боже мой! думалъ я (пишетъ онъ), смотря на новую картину: какъ великолѣпно блестятъ эти два обледенѣлые холма, какъ изящна вся долина, облитая лучами солнца, горитъ безчисленными алмазами, чтобы мнѣ въ благоговѣніи наслаждаться этимъ зрѣлищемъ; но моя душа холодна, уныла, всѣ силы мои подавлены величіемъ природы» (Спас.-Автон., 62). А когда онъ уже подходилъ къ самой вершинѣ, у него невольно вырвалось восклицаніе: «Господи мой! Неужели въ самомъ дѣлѣ я достигну той вершины, которой, по отзыву краснорѣчиваго и ученаго Турнефора, послѣ Ноя ничьи стопы не попирали!» (67).

Но вотъ онъ на самой вершинѣ. Онъ говоритъ почти то же самое, что пишетъ и г. Сиволобовъ. «Пришедши къ лощинѣ, раздѣляющей двѣ вершины, я увидѣлъ нависшую обледенѣлую гряду снѣга, которая, впрочемъ, къ югу понижалась и вовсе не была страшна; но я не довѣрялъ и собственнымъ глазамъ и думалъ: «не это ли непреоборимая преграда? Нѣтъ ли тутъ ужасныхъ разсѣлинъ?» А самъ между тѣмъ шагалъ по размякшему снѣгу и ничего враждебнаго не встрѣчалъ впереди. Моя гряда была уже совершенно ничтожна; дрожа всѣмъ тѣломъ отъ страха и радости, рѣшился шагнуть прямо черезъ гряду. Утвердилъ ногу въ нижнемъ слою гряды, оперся на копье и упалъ поверхъ гряды—это была послѣдняя ступень къ подошвѣ плоской сѣверо-восточной вершины Арарата. Я задыхался отъ восторга!.. Переведши духъ, вскочилъ и почти бѣгомъ пошелъ по плоскому скату къ самой вершинѣ—вотъ она!.. Я стоялъ восторженный на самомъ пикѣ, высоко поднявъ свой флагъ и руки, и невольно въ этотъ мигъ сдѣлался крестомъ на серебряной коронѣ гордаго исполина природы»...

Восхожденіе на Араратъ Спасскаго-Автономова было одно изъ самыхъ счастливыхъ. Читая его описаніе, я даже сомнѣвался сначала въ правдивости этого путешественника къ библейской горѣ: мнѣ казалось невозможнымъ употребить на восхожденіе на Араратъ всего два дня. Но дѣло въ томъ, что Спасскій-Автономовъ поднимался на эту гору еще въ 1835-мъ году, слѣдовательно до землетрясенія 1840 года, и поднимался прямо отъ Ахуръ, погребенныхъ этимъ землетрясеніемъ. Теперь же подниматься отъ Ахуръ было бы больше чѣмъ безу-

міемъ: теперь съ этой стороны Араратъ—положительно отвѣсная стремнина. Землетрясеніе, слѣдовательно, измѣнило форму этой стороны горы, превративъ ее въ недоступный отвѣсъ, съ котораго притомъ теперь постоянно обрушиваются ледники и разрыхленныя скалы. Счастливая погода также много содѣйствовала Спасскому въ его подвигѣ.

Но вотъ что испытывали Ходзько и его спутники, Ханыковъ, Александровъ, Морицъ, Усларь, Шароянъ и 60 человѣкъ отряда, во время подъема на Араратъ уже послѣ землетрясенія и, значитъ, съ другой стороны, да притомъ въ неблагопріятную погоду. «Небо—говоритъ въ своей запискѣ г. Ханыковъ—бывшее поутру довольно яснымъ, стало заволакиваться тучами, и къ 12-ти часамъ подулъ сильный западный вѣтеръ, осыпавшій восходившихъ замороженною крупою, дѣлавшею особенно чувствительною низкую температуру, господствующую въ непріютной высотѣ». Восходившіе ожидали, впрочемъ, что буря скоро утихнетъ; «но ожиданія наши,—говоритъ Ханыковъ,—были тщетны: увидѣвъ около 2½ часовъ, что вѣтеръ все болѣе и болѣе разыгрывается, и что густой, сѣрый туманъ все гуще и гуще стремится къ вершинѣ, рѣшились итти впередъ, чтобы по крайней мѣрѣ между скалами обрыва найти пріютъ отъ грозы». Но дальше итти у нихъ не хватило силъ: буря валила съ ногъ, снѣгъ билъ въ лицо. Принуждены были остановиться и отослать солдатъ нѣсколько ниже, ибо подъ скалами всѣмъ помѣститься было невозможно. Надо было думать о ночлегѣ. «Офицеры отряда остались съ двумя казаками на небольшой площадкѣ въ три шага длиной и 1½ шириною, на которой шести человѣкамъ должно было размѣститься на ночь грядущій, подъ завываньe бури и подъ осыпавшимъ ихъ снѣгомъ и крупою; хотя въ небольшомъ числѣ, однако, людямъ было не просторно: образовавъ кое-какъ плотный клубокъ, мы прикрылись однимъ небольшимъ ковромъ и кожею... Между тѣмъ вѣтеръ все усиливался и, разрывая повременамъ густыя облака, обложившія насъ со всѣхъ сторонъ, при слабомъ свѣтѣ мѣсяца показывалъ намъ то клочекъ Аракской долины, то Малый Араратъ, то пропасти, чернѣвшія подъ нашими ногами и ограничивавшія съ трехъ сторонъ непривѣтную нашу спальню, расположенную гораздо выше Монъ-Блана»... Но и этого мало. Начинается гроза, столь ужасная на

такихъ высотахъ: несчастные буквально находились въ грозовомъ облакѣ! Воздухъ освѣщался не зигзагами молніи, а широкими огненными полосами, освѣщавшими окружающіе предметы съ ослѣпительною яркостью, веселое положеніе! Къ довершенію всего, ихъ, какъ и Сиволобова и Зелинскаго, удушалъ невыносимый сѣрный запахъ *).

Самъ Ходзько вотъ что писалъ объ этой грозной ночи, проведенной недалеко отъ вершины Арарата: «Ночью со 2-го на 3-е августа, въ продолженіе трехъ часовъ, мы находились въ срединѣ грозовой тучи, представлявшей электрическую батарею гигантскихъ размѣровъ; стражами нашими были острые пики скалъ, подъ которыми избрано было мѣсто для ночлега. Молнія зигзагами, повидимому, не менѣе сажени шириною (какова молнійка!), въ сопровожденіи сильнѣйшихъ ударовъ грома, безпрерывно проходила возлѣ небольшой площадки нашего не очень удобнаго пріюта. Въ 11 часовъ послѣдній громовой ударъ отбилъ одну изъ вершинъ пиковъ; буря немного затихла, но вьюга не переставала; дулъ сильный вѣтеръ» **).

Замѣчу кстати, что Сиволобовъ достигъ вершины Арарата 11-го августа ровно въ 11 часовъ утра. Въ этотъ же день, именно—11-го августа, 32-мя годами раньше Сиволобова, находился на этой же вершинѣ и Ходзько.

Остатокъ вечера 11-го августа, лежа въ шатрѣ, мы провели во взаимной передачѣ другъ другу своихъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ всего нами пережитаго и перечувствованнаго въ теченіе послѣднихъ четырехъ дней, когда мы находились, можно сказать, внѣ «міра сего». Вспомнили и о Ноевомъ ковчегѣ, и о томъ кускѣ отъ него, который доселѣ, говорятъ, хранится въ числѣ святынь Эчміадзинскаго монастыря. Монастырю онъ достался якобы слѣдующимъ образомъ. Св. Іаковъ, о которомъ говорено выше, возгорѣлъ якобы желаніемъ взойти на Араратъ, чтобы видѣть библейскую святыню, ковчегъ нашего прародителя Ноя, каковая святыня, по преданію, оставалась якобы на горѣ нетлѣнною. Но всякій разъ, когда на

---

*) Описаніе восхожденія на Араратъ, составленное ст. сов. Н. В. Ханыковымъ (Записки военно-топогр. депо, изд. ген.-лейт. Тучковымъ. Ч. XVI. 72—73).

**) Генералъ-лейтенантъ Іосифъ Ивановичъ Ходзько. І. П. Стебницкаго. Тифлисъ 1881, стр. 4—5.

пути къ вершинѣ горы Іаковъ останавливался на роздыхъ или на ночлегъ и засыпалъ, то ангелъ сносилъ сонного святителя обратно въ монастырь, въ его келью. Нѣсколько разъ такимъ образомъ пытался Іаковъ взойти на гору, и всякій разъ просыпался въ своей кельѣ. Наконецъ, Богъ умилосердился надъ святителемъ и повелѣлъ ангелу взять осколокъ дерева отъ ковчега и вручить его Іакову. Этотъ-то осколокъ и достался по наслѣдству эчміадзинскому монастырю.

Спасскій-Автономовъ серьезно говоритъ: «ковчега нѣтъ на вершинѣ Арарата; а гдѣ онъ, раздробленъ ли и разобранъ людьми изъ благоговѣнія, или просто растасканъ невѣжествомъ для разныхъ житейскихъ потребностей, или же цѣлъ хотя въ нѣкоторыхъ частяхъ, но заваленъ громадами снѣговъ?—Этого рѣшить и повѣрить нѣтъ возможности... Гдѣ процвѣтшій жезлъ Аарона? Гдѣ кивотъ? Гдѣ храмъ Соломона?»...

XV. Назадъ, домой!

Рано утромъ 12-го августа мы стали спускаться съ горы. День былъ такой же прелестный, какъ и всѣ предыдущіе. Курды всего кочевья, стоя на черныхъ глыбахъ андезита, долго провожали глазами нашъ небольшой отрядъ, а мой гостепріимный хозяинъ, которому на прощанье я далъ десять рублей, усердно прикладывалъ руку къ сердцу, пока моя лошадь не скрылась окончательно за черными скалами.

Все еще больной, я съ трудомъ держался на лошади, но взоры мои постоянно обращались назадъ — на непривѣтную, мрачную гору, и сердце сжималось отъ сознанія, что то, къ чему стремилась моя мысль, оказалось для меня недосягаемымъ...

«А счастье было такъ близко»...

Да, близко, и въ то же время такъ страшно далеко. Да и не одно счастье было близко, смерть была еще ближе...

Спускались мы съ горы уже другимъ путемъ, болѣе восточными склонами, по направленію къ Аралиху, гдѣ расположена штабъ-квартира уманскаго полка. Меня страшно мучила мысль, что у меня не хватитъ силъ на послѣдній искусъ, пока ноги мои не станутъ на землю долины Аракса.

Легендарные «виноградники Ноя» мы оставили по лѣвую руку, уже не заѣзжая туда. «Виноградники Ноя»—это Ахуры, разрушенные землетрясеніемъ: Ахуры значитъ «садка винограда». Говорятъ, будто бы Ной, сходя съ Арарата, въ благодарность за спасеніе отъ потопа, воздвигъ въ этомъ мѣстѣ жертвенникъ доброму Богу и посадилъ виноградную лозу. Эта лоза и была будто бы родоначальницей всѣхъ виноградниковъ долины Аракса и Эривани.

По мѣрѣ того, какъ мы спускались все ниже и ниже, лучи солнца, терявшіе свою силу на высотахъ, снова начинали невыносимо палить, такъ что, когда мы очутились у подножія горы, зной уже былъ чисто африканскій.

Съ трудомъ, наконецъ, мы дотащились до Ахуръ. Я чувствовалъ такое безсиліе, что не могъ говорить, тѣмъ болѣе, что отъ жажды у меня, можно сказать, вся душа пересохла.

Г. Кокчаевъ, мирабъ Халфа-Кулибекъ и нѣсколько всадниковъ отдѣлились отъ насъ, не доѣзжая до Ахуръ. Я отъ души поблагодарилъ добрѣйшаго Николая Петровича за все, что онъ перенесъ ради меня; но въ моемъ прощальномъ «до свиданья» онъ не могъ не слышать, что вновь увидѣться съ нимъ я уже не надѣялся.

Въ Аралихѣ, въ мѣстномъ духанѣ, къ которому мы подъѣхали, чтобы утолить пожиравшую насъ жажду, мы очутились въ обществѣ офицеровъ уманскаго полка. Узнавъ, что мы прямо съ Арарата, господа офицеры никакъ не хотѣли вѣрить, что не далѣе какъ нѣсколько часовъ тому назадъ ихъ товарищъ, И. Ф. Сиволобовъ, совершилъ подвигъ, который нельзя не назвать историческимъ, ибо имена немногихъ счастливцевъ, топтавшихъ своими ногами бѣлоснѣжную шапку библейскаго исполина, записаны исторіею и извѣстны всему образованному міру. Здѣсь навѣстилъ насъ и почтенный ветеранъ этого края, полковникъ Аракеловъ. Къ сожалѣнію, я, совершенно разбитый и больной, не могъ принять обѣда, радушно предложеннаго мнѣ г-мъ Аракеловымъ въ обществѣ офицеровъ его полка.

Обнимаясь на прощанье съ Сиволобовымъ, мы оба заплакали... Точно мы оба предчувствовали, что послѣ всего перенесеннаго нами, насъ ожидаютъ болѣе тяжкія испытанія. Мы даже не смѣли сказать другъ другу «до свиданія».

Въ ночь на 13-е августа мы съ С. П. Зелинскимъ были уже въ Эривани. Невозможно выразить то умиленіе, съ которымъ я, въѣзжая въ Эривань, услыхалъ знакомые мотивы музыки, напомнившіе мнѣ далекій Петербургъ, Павловскъ съ его музыкою и все то родное и милое, что обыкновенно становится особенно дорогимъ послѣ долгой разлуки. Хотя мое пребываніе среди чужихъ было и непродолжительно, но оно почему-то казалось мнѣ цѣлою вѣчностью.

13-го августа я былъ еще въ Эривани. Я чувствовалъ, что заболѣваю все болѣе и болѣе. Все мнѣ представлялось въ какомъ-то туманѣ, и я бродилъ точно во снѣ. Помню, что я обѣдалъ у г. Зелинскаго, но и это казалось мнѣ сномъ. Больной я выѣхалъ и изъ Эривани въ обратный путь. Я не разъ оглядывался на высившійся за мною какою-то страшною громадою Араратъ, и невольно въ душѣ моей шевелилось: «Проклятый! Проклятый!»...

Величавый Алагезъ, Гокча съ ея морскою синевой и осеннимъ холодомъ, роскошное ущелье Делижана, смертоносная Караягская степь, все это уже мнѣ невыносимо больно было видѣть, все это казалось мнѣ враждебнымъ, непріятнымъ.

Больнымъ я доѣхалъ и до Тифлиса. Помню радушный пріемъ г. фонъ-Кошкуля, вечеръ у гостепріимнаго І. И. Стебницкаго— но все это помнится такъ туманно, смутно.

Затѣмъ переѣздъ черезъ кавказскій хребетъ, Гудауръ, Казбекъ, Дарьялъ съ бурнымъ Терекомъ... И какъ еще хватило у меня силы на этотъ переѣздъ! Именно тамъ, на высотахъ Кавказа, гдѣ когда-то орелъ рвалъ сердце и душу Прометея, и я испытывалъ его муки. Невидимый орелъ терзалъ мою душу: это было попросту воспаленіе легкихъ и плевры. При всякомъ движеніи дилижанса, въ которомъ я ѣхалъ, при малѣйшемъ вздохѣ, при движеніи рукой, мнѣ казалось, что кто-то щипцами рветъ мои легкія.

Въ Ростовѣ я уже лежалъ безъ памяти. Какъ потомъ я доѣхалъ до Петербурга, я и самъ не знаю.

Теперь я здѣсь, въ Ментонѣ, на берегу голубого моря. Меня привезли сюда для возврата того, что у меня отнялъ Араратъ. Но полный возвратъ моихъ силъ едва ли уже возможенъ. Ахъ, скорѣе бы домой!

Такова горькая повѣсть моей попытки взойти на Араратъ

PG
3467
M8
1914
kn.49-50

Mordovtsev, Daniil Lukich
Polnoe sobranie istoricheskikh romanov

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY